ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ

УЦУКО-МОНОГАТАРИ

Annotation

«Повесть о дупле» принадлежит к числу интереснейших произведений средневековой японской литературы эпохи Хэйан (794-1185). Автор ее неизвестен. Считается, что создание повести относится ко второй половине X века. «Повесть о дупле» — произведение крупной формы в двадцати главах, из произведений хэйанской литературы по объему она уступает только «Повести о Гэндзи» («Гэндзи-моногатари»).

Сюжет «Повести о дупле» близок к буддийской житийной литературе: это описание жизни бодхисаттвы, возрожденного в Японии, чтобы указать людям Путь спасения. Бодхисаттва возрождается в облике отпрыска знатнейшего японского семейства.

В часть 2 вошли главы XII–XX.

- ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50

- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89

- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128

- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161
- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167

- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203
- 204
- 205
- 206

- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245

- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284

- 285
- 286
- 287
- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323

- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329
- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339
- 340
- 341
- 342
- 343
- 344
- 345
- 346
- 347
- 348
- 349
- 350
- 351
- 352
- 353
- 354
- 355
- 356
- 357
- 358
- 359
- 360
- 361
- 362

- 363
- 364
- 365
- 366
- 367
- 368
- 369
- 370
- 371
- 372
- 373
- 374
- 375
- 376
- 377
- 378
- 379
- 380
- 381
- 382
- 383
- 384
- 385
- 386
- 387
- 388
- 389
- 390
- 391
- 392
- 393
- 394
- 395
- 396
- 397
- 398
- 399
- 400
- 401

- 402
- 403
- 404
- 405
- 406
- 407
- 408
- 409
- 410
- 411
- 412
- 413

ПОВЕСТЬ О ДУПЛЕ (УЦУХО-МОНОГАТАРИ)

часть 2

Глава XII
ЖУРАВЛИНАЯ СТАЯ

Как-то раз в шестом месяце[1] во дворце Человеколюбия и Долголетия император изволил играть с госпожой Дзидзюдэн в шашки. В это время во дворец прибыл генерал Масаёри. Узнав, что в покоях дочери находится император, он скрылся в одном из помещении и стал дожидаться. Наконец император позвал его к себе.

— Дзидзюдэн как-то просила разрешения посетить родительский дом. Что случилось? — начал он.

— Я звал её домой, когда положение Накадзуми стало безнадёжным, — ответил генерал.

— Я об этом совершенно ничего не знал, — сказал император. — Некоторое время тому назад Дзидзюдэн сказала мне: «Хочу посмотреть, как там обстоят дела»; но когда мои жёны хотят отправиться в родительский дом, они всегда говорят, что там кто-то болен, поэтому я и на этот раз разрешения не дал. А оказывается, у тебя действительно был болен сын. Вина за это лежит на тех, кто всё время лжёт мне.

— Моя жена постоянно твердит дочери: «Если в нашем доме всё спокойно, не отлучайся из дворца. Очень это хлопотно, когда дамы то и дело ездят из дворца к родителям и обратно». Да и с какой стати им стремиться домой? Разве они не ценят службы во дворце? — говорил Масаёри.

— Может быть, и не ценят, — рассмеялся император. — Известно ведь, что нет дыма без огня. Но скажи мне, как обстоят дела с вознаграждением Судзуси и Накатада? Мне кажется, в отношении Судзуси ты поступил против моего желания.

— Я думал выполнить ваше повеление теперь, в восьмом месяце, — пустился в объяснения генерал. — Я собирался последовать вашему приказанию относительно Судзуси, но наследник престола тут как раз изъявил желание видеть Фудзицубо в своём дворце. Когда же он услышал о вашем повелении, он изволил сказать мне: «Несмотря на это, пришли дочь ко мне. Перед государем я сам буду в ответе». Поэтому-то я и отправил Фудзицубо во дворец наследника, а та дочь, которую я думаю отдать в жёны Судзуси вместо неё, ещё мала — вот почему до сих пор я не выполнил вашего повеления.

— Разве тебе не всё равно было, кому отдать дочь в жёны? — спросил император. — О Судзуси в один голос говорят только хорошее. Раньше я и сам не принимал на веру эти разговоры, но в ту ночь понял: какое сокровище я ему ни преподнеси, всё будет недостаточно. Однако если наследник во что бы то ни стало хотел жениться на Фудзицубо, тебе, конечно, ничего другого делать не оставалось.

— Та дочь, которая ещё живёт в моём доме, ничем не уступит Фудзицубо, — сказал генерал.

— Не знаю, как-то будет. Боюсь, что и на этот раз что-нибудь помешает. Недаром говорят: «Пока дерево не засохло»,[2] — промолвил император и обратился к Дзидзюдэн: — Хоть этой ночью приди ко мне. Я всё время посылаю за тобой, но ты никак не хочешь подняться в мои покои. — С этими словами он покинул госпожу.

В тот вечер она отправилась в покои императора.

*** * ***

Когда Масаёри возвратился из дворца, вторая жена спросила его:

— Почему ты так долго пробыл во дворце?

— Я пришёл к Дзидзюдэн в тот момент, когда у неё находился государь. Он начал беседовать со мной и спросил об обещанном вознаграждении Судзуси и Накатада. Он говорит, что мы пошли против его воли в отношении Судзуси. Действительно, это непростительное своеволие.

— Имамия уже взрослая, она ни в чем Фудзицубо не уступает, отдадим её в жёны Судзуси, — сказала госпожа. — Я мечтала, что одну из своих дочерей отдам за Накатада и когда у них появятся дети, он будет учить их играть на кото. Разве он смог бы отказаться учить потомков государя?

— Император мечтает о том же и поэтому хочет отдать за Накатада свою старшую дочь. Кажется, он очень серьёзно о том думает. Накатада необычайно повезло. Из всех своих детей государь особенно любит старшую дочь. Судзуси не уступает Накатада, и в красоте, и в талантах, и в чине они равны, но о Накатада слывёт более громкая слава. В общем, когда дочерей много, тогда и хлопот с ними много. Поскольку и твои дочери, и дочери госпожи из северных покоев уже взрослые, не отдать ли их замуж за тех, кто добивался Фудзицубо? Что ты об этом думаешь? — спросил

генерал.

— А ты сам что думаешь? — переспросила она. — Если ты решил, медлить не надо.

— Мне не хотелось бы, чтобы все эти молодые люди нашли себе жён в других домах. Отдадим Тигомия[3] за Канэмаса, Кэсумия[4] — за принца Хёбукё, одиннадцатую дочь от госпожи из северных покоев отдадим за советника Масаакира, а двенадцатую — за Судзуси.

— Мне бы хотелось, чтобы Санэтада вошёл в наш дом, — напомнила госпожа. — Он полюбил Фудзицубо ещё тогда, когда она была совсем юной. Как он, должно быть, сейчас печалится!

— В таком случае отдадим Кэсумия ему, а не принцу Хёбукё, — решил Масаёри.

*** * ***

Стояло самое жаркое время года. Придворные старались как можно реже являться во дворец, а то и вообще не выходить из дому.

Наступил восьмой месяц, в усадьбе Масаёри готовились к приёму зятьёв. За Накатада отдавали старшую дочь императора и госпожи Дзидзюдэн, за Судзуси — Имамия, эти браки были объявлены императорским указом. Кроме того, Масаёри решил одиннадцатую дочь от госпожи из северных покоев выдать частным образом[5] за принца Хёбукё, двенадцатую — за советника Масаакира, тринадцатую от второй жены — за правого генерала, а четырнадцатую — за Санэтада.

В доме начали готовиться к церемонии бракосочетания, шили одежду, особенно внимательно выбирали красивых прислужниц.

Масаёри написал всем женихам письма, но никто из них на его предложение не согласился. Все они хранили глубокую верность Фудзицубо.

— Неужели кто-то мог подумать, что сразу после отъезда Фудзицубо в императорский дворец я могу отдать своё сердце другой женщине! — воскликнул при этом Санэтада, и его охватила ещё большая скорбь.

— Кажется, все они остались недовольны, — сказал Масаёри жене. — Как это неприятно; что ж, я навязываться не буду. Я предполагал, что им хотелось жить в том доме, где жила Фудзицубо, но если им никто, кроме неё, не нравится, делать нечего — я не могу отдать им всем одну и ту же

дочь! Но в отношении Накатада и Судзуси нет поводов для беспокойства. Что бы они там в душе ни думали, жениться они должны. Император выбрал счастливый день и издал специальный указ о замужестве своей старшей дочери и Имамия, и о чём бы женихи про себя ни мечтали, против высочайшей воли им не пойти.

В срединном доме, где жил сам генерал со своей второй женой, всё блистало, украшенное узорными шелками и парчой. Прислужницы невест были как на подбор: длинноволосые, приятные внешне и очень обходительные. Тринадцатого дня восьмого месяца состоялся приём женихов.

Так Накатада и Судзуси, хоть и против воли, вошли в дом Масаёри.

На третий день, вечером пятнадцатого дня, к Масаёри прибыл гонец от императора с повелением, чтобы Накатада и Судзуси отправились во дворец. Удивлённые этим приказом, оба молодых человека, в сопровождении сановников и принцев, отправились туда и предстали перед государем. Начались разговоры и развлечения. Тем временем от дочери Тосикагэ доставили Накатада кото «хосоо-фу», на котором он учился играть ребёнком и на котором Тосикагэ учил играть госпожу. К инструменту была приложена записка: «Не забыт ли ты те произведения, которым я обучала тебя на этом кото?» Инструмент внёс в императорские покои Канэмаса. Он поставил его перед сыном со словами:

— Посмотри, что прислали тебе из дома.

— Я и впрямь, должно быть, что-то вспомню, — ответил тот и принял инструмент.

В доме Судзуси было кото, которое называлось «дзюсан-фу», его в своё время привёз Ияюки из Танского государства. Оно напоминало «нан-фу», и было так же превосходно, как «хаси-фу». Это кото послала со своим мужем, Танэмацу, бабка молодого человека, велев передать ему: «Может быть, ты забыл о нём, но сегодня вспомнишь». В императорские покои этот инструмент внёс начальник Левой дворцовой стражи, поставил его перед Судзуси и сказал:

— Это вам прислали из дома.

— Ах, я и впрямь забыл, что у меня есть этот инструмент! — сказал Судзуси и принял дзюсан-фу.

Начали исполнять музыку. Сам император подпевал музыкантам.

— А вы что же не играете? — обратился он к Судзуси и Накатада.

После некоторого колебания молодые люди заиграли очень сосредоточенно. Прекрасные звуки нан-фу в Саду божественного источника потрясли душу, а звучание хосоо-фу, на котором Накатада играл

в тот день, было громким и торжественным, музыка лилась спокойно, завораживая слушателей. Казалось, что дворец Чистоты и Прохлады даже названием своим был предназначен для подобных благозвучий. Полная луна пятнадцатой ночи заливала всё своим сиянием. До поздней ночи Накатада играл великолепно и неторопливо. Всё, начиная с самого императора, проливали слёзы.

— Сегодня ночью я услышал совершенное исполнение, — сказал император и велел поднести Накатада чашу с вином:

— Любовно следил,
Как растёт сосновая роща.
Пусть тысячу лет
В ней безмятежно живёт
Журавлиная стая![6]

Накатада на это ответил:

— Бедный журавль из стаи
Под сенью густой
Дерев величавых
Сегодня на долгие годы
Приют обретает.

Он передал чашу Масаёри, который, в свою очередь, передавая её Судзуси, произнёс:

— С деревом, что в Суминоэ растёт,
Молодую сосну сравнить невозможно.
Что подумал о ней
Гордый журавль,
Который в небе высоком летает?[7]

Судзуси ответил:

— Сосёнке этой
Все журавли на свете
Долгие, долгие годы
Жизни своей
Готовы отдать.[8]

Канэмаса произнёс:

— К тростниковому полю
Журавлёнок
Не смел приближаться.
Кто же мог думать, что он
Вдруг к облакам воспарит?[9] -

и передал чашу принцу Сикибукё. Тот сложил:

— На прочной скале
Сосёнка корень пустила.
Многие годы пройдут,
И под сенью прохладой
Будешь ты наслаждаться.[10]

Левый министр произнёс:

— Живя в тростниках,
С завистью жгучей
Старый журавль глядит на сосну:
Юной, чудесной красой
Блещет она.

Правый министр сложил:

— На свет появившись сегодня,
Журавлёнок прелестный
Пусть долгие годы
В довольстве живёт,
Несчастий не зная.

Принц Хёбукё сложил:

— В доме, где пышно
Стройный бамбук
Разросся,
Счёта не знай
Счастливым годам.

Санэмаса произнёс:

— Пусть черепахи на взморье
Завидуют тысячелетней жизни,
Что вместе в довольстве
И в счастье
Ведут журавли.[11]

Исполнение музыки продолжалось, а время было уже позднее.

— Жёны этих молодых людей не знают, что мы здесь так развлекаемся, и, по-видимому, ждут не дождутся своих мужей. Нужно мне как-то загладить свою вину, — сказал император и велел пожаловать чины: левого министра Суэакира сделать первым министром, правого министра Тадамаса — левым, левого генерала Масаёри — правым министром, военачальника Левой дворцовой стражи Тадатоси — старшим советником министра, Судзуси и Накатада — вторыми советниками министра, Тададзуми — заместителем второго советника, Мородзуми — старшим

ревизором Левой канцелярии, Сукэдзуми — советником сайсё, а Юкимаса — советником сайсё и вторым военачальником Личной императорской охраны.

Сев в экипажи, семь человек из девяти, получивших повышение,[12] отправились друг за другом в усадьбу Масаёри, ставшего правым министром. Когда они доехали до перекрёстка Большого и Второго проспектов, Накатада, покинув остальных, отправился в усадьбу на Третьем проспекте, чтобы рассказать о повышении в чине. Остальные шесть человек, начиная с левого *и* правого министров, остановили свои экипажи и стали терпеливо дожидаться Накатада. Канэмаса покинул императорский дворец ранее их и рассказывал жене о том, что там произошло. В это время появился Накатада с изъявлением благодарности.

— Сегодня можно было бы и не делать такого официального визита, — сказал ему отец.

— Но я совершенно неожиданно получил повышение в чине! — объявил новоиспечённый советник.

— Это радостное известие! — поздравил его отец.

— Мне бы хотелось побыть с вами, но на улице меня ожидают в экипажах, — сказал Накатада и поспешно откланялся.

Мать его, радостная и печальная одновременно, сказала мужу:

— Казалось, на самое дно мучений,
Как камень, я опустилась.
Но слабый росток
На вершине крепкой скалы
Стройной сосной зашумел.

Канэмаса ответил:

— Кину взгляд
На сосну -
И радуюсь ныне
Даже страданьям
Былым.

Этот день принёс тебе утешение за все прошлые печали.

Дождавшись Накатада, господа снова пустились в путь, и экипажи их один за другим подъехали к усадьбе Масаёри. Прежде всего прибывшие отправились в восточную часть северных покоев, ко второй супруге Масаёри и, выстроившись в ряд, сообщили ей о назначении.

— Я очень рада такому известию, — сказала госпожа.

— О сегодняшнем повышении в чине мы должны рассказать и всем остальным членам семьи, — сказали господа и пошли в свои покои.

Поскольку Накатада и Судзуси получили повышение в чине, Масаёри решил устроить у себя особый приём. ‹…› Пир должен был быть особенно замечательным.

Накатада через даму Югэи передал жене: «Только что вернулся из императорского дворца. Хочу рассказать тебе о получении чина. Не выйдешь ли сюда?» «Я поздравляю тебя с повышением. Но сейчас я плохо себя чувствую и выйти не могу», — велела она сказать ему. «Неужели она всегда будет отвечать мне подобным образом?» — спрашивал себя Накатада.

В тот день все, начиная с левого и правого министров, отправились на пир к первому министру.

На следующий день такой же пир устраивал в усадьбе Масаёри левый министр Тадамаса. На пире присутствовал и Масаёри. Пир был великолепен и очень торжествен.

Через некоторое время в дополнение к должности второго советника император назначил Накатада главой Левой дворцовой стражи и главой Палаты правосудия, а Судзуси — главой Правой дворцовой стражи.

Накатада поселился в срединном доме. О нём заботились и император, и Масаёри, он жил в полном довольстве.

Судзуси стал жить в особом помещении, которое было украшено золотом, серебром, лазуритом, узорчатыми шелками и парчой. Там высились, как горы, семь сокровищ,[13] и все прислужники, от высших до самых низших, были так разодеты, что дом, казалось, наполнился цветами. Так он жил в доме, убранном с необыкновенной роскошью.

*** * ***

Ни Первая принцесса, ни Имамия красотой и благовоспитанностью Фудзицубо нисколько не уступали. Обе были замечательно красивы.

Накатада и Судзуси испытывали к своим жёнам глубокую любовь. Министр Масаёри во всём оказывал им обоим большую поддержку, император всё время заботился о них, и молодые люди два или три раза в году получали повышение в чине. Но и Накатада, и Судзуси, оба бесконечно страдали от того, что после въезда Фудзицубо в императорский дворец они до конца своих дней собирались хранить ей верность, а сами… Особенно печалился Накатада — ведь Фудзицубо, пока оставалась в родительском доме, отвечала ему чаще, чем другим, и даже время от времени посылала ему письма из дворца наследника престола. Как-то раз, когда они с женой разговаривали о Фудзицубо, из дворца наследника пришло письмо, написанное ею самой и адресованное Первой принцессе:

«Извини за долгое молчание. Зная, что церемонии, связанные с замужеством, отнимают всё время, я решила написать, когда ты не будешь так занята, и вот дотянула до сего дня.

Почему безучастно
Ты смотришь на небо,
Где белые облака
Громоздятся до самой
Вершины Цукуба?[14]

Я часто вспоминаю тот вечер, когда я оказалась в крайне трудном положении».

Прочитав письмо, принцесса рассмеялась, и Накатада спросил её:

— Что там написано? Дай-ка посмотреть!

— Ничего особенного, — ответила она и письма не показывала.

Накатада, сложив почтительно руки и кланяясь ей, умолил-таки жену. Прочитав письмо, он был в душе сильно смущён. Послание Фудзицубо было так очаровательно, что он почувствовал к ней огромную любовь, гораздо более сильную, чем раньше. Накатада не мог произнести ни слова, и жена, глядя на него, была удивлена.

В ответ она написала Фудзицубо:

«Я столь давно не писала тебе, что самой стало неловко от такой невежливости. Что бы ты ни писала, муж мой, думая о тебе, всегда вспоминает тень на вершине Цукуба.[15]

Так гора высока,
Что и во сне
На неё не взобраться.
Белое облако ныне
Приют в долине нашло».[16]

— Когда я полюбил Фудзицубо, я навсегда лишился покоя. Какой это был великолепный вечер! Я лишь мельком увидел её — потерял рассудок. Фудзицубо любовалась луной и играла на кото, а я, подойдя как можно ближе к срединному дому, слушал её. Я не боялся умереть, я не хотел больше жить в этом мире, я был готов на любое сумасбродство. И если я дожил до сего дня, не совершив ничего непоправимого, то это потому, что судьбой мне было назначено получить тебя в жёны, — сказал Накатада.

— Твой рассказ очень чистосердечен, — заметила госпожа.

— ‹…› Раньше Фудзицубо, играя на кото, совершенно завораживала всех, кто её слышал. Интересно, как она играет сейчас.

— Говорили, что раньше можно было слышать, как она, скорее для собственного удовольствия, играла на кото, даже не настроив его и не надев на пальцы плектра, но в последнее время она не садилась за инструмент и, вероятно, забыла всё то, что знала, — ответила госпожа.

— Она играла так прекрасно, что даже меня приводила в смущение. Кого же ей стыдиться? — рассмеялся Накатада. — На празднике в день крысы во дворце отрёкшегося императора она играла ещё лучше, чем в храме Касуга. Как же замечательно она должна играть сейчас! В мире редко можно встретить подобное мастерство. И наследник престола думал так, он и слышать не хотел ни о ком, кроме Фудзицубо, и не мог дождаться, когда она прибудет во дворец. Поэтому, хотя в его дворце служат и Пятая принцесса, и Насицубо, целый день возле наследника находится только Фудзицубо. Она и есть настоящая супруга наследника. А другие жёны проводят свои дни в тоске.

Тем временем архивариус, бывший также секретарём Палаты обрядов, доставил от императора подарки жене Накатада: длинный китайский короб, в котором лежали шёлковые платья царства Курэ,[17] китайское парадное платье, шёлк, парча, гладкий шёлк, кисея, великолепные драгоценности. Посыльный вручил письмо: «Эти китайские ткани не очень хороши. Может быть, они всё-таки сгодятся для утреннего платья молодому мужу?» Посыльному дали полный женский наряд. Принцесса написала в ответ: «Очень благодарна за великолепные подарки. Разве есть

на свете человек, достойный подобного утреннего платья?»

В это время в их покоях появился Масаёри.

— Ну, как ты себя чувствуешь на новом месте? — обратился он к Накатада. — Удобно ли тебе здесь? Впрочем, как говорится, там, где сидишь…[18]

— Благодарю вас за заботу, — ответил тот.

*** * ***

Готовясь выдать других дочерей замуж, Масаёри старался, чтобы эти церемонии не уступали бракосочетаниям, совершённым по императорскому указу. И заготовленная утварь, и приглашённые прислужницы — всё было не хуже. Вторая жена сказала Масаёри:

— Как же мы поступим? Кажется, те, кому ты писал, предложением недовольны.

— Влюблённые в Фудзицубо так сильно, они, по-видимому, колеблются: «Что станет думать она, когда узнает об этом? Вряд ли она одобрит мой поступок». Похоже, что и эти два советника не хотели жениться, но сейчас, кажется, они очень довольны. Напишу-ка я ещё раз письма. И надо не забыть Санэтада. Изложу ему всё начистоту.

Он отправил с посланием к принцу Хёбукё помощника военачальника Императорского эскорта Акидзуми, к правому генералу — советника сайсё Сукэдзуми, бывшего также вторым военачальником Личной императорской охраны, к советнику Масаакира — помощника главы Военного ведомства Канэдзуми, а к Санэтада — помощника военачальника Левой дворцовой стражи Цурэдзуми.

Генералу Канэмаса он писал:

«Не знаю, как лучше изложить дело. У меня сейчас очень много забот: я собираюсь выдавать своих дочерей замуж и думаю, что, может быть, Вы согласитесь взять одну из них».

Советнику Санэтада он послал письмо:

«Давно беспокоюсь о Вас. Хоть и нелегко писать Вам, но я всё-таки взялся за кисть. Раньше Вы питали серьёзные чувства к моей дочери, однако я не согласился Вам её отдать. Я хотел оставить её у себя в доме и самому заботиться о ней, но наследник престола выразил желание видеть её у себя во дворце, и она отправилась к нему. У меня есть другие дочери-дурнушки, и я хотел бы спросить Вас, не возьмёте ли Вы какую-нибудь из

них в жёны?»

Санэтада, прочитав письмо, залился слезами и ничего не мог произнести. Помощник военачальника Левой дворцовой стражи пустился в подробные объяснения. Санэтада долго не знал, что ответить, и наконец, сказал:

— Сейчас я стал совершенно никчёмным человеком, во дворце больше не служу, ни к кому не хожу, и ко мне никто не приходит, мне тяжело видеть людей. Всё вокруг кажется мне ненадёжным. Ваш визит и письмо министра доставили мне большое удовольствие. По-видимому, мне было суждено судьбой полюбить Фудзицубо. Как только во мне загорелось чувство к ней, мне стали безразличны и жена — а второй такой женщины в мире не найти, — и милые дети. Я любил Фудзицубо, не находил ни минуты покоя, тосковал и вдруг мне стало известно, что она отправилась во дворец наследника престола. Мне казалось, что моей жизни наступил конец, я не знал, что мне делать, и уединился в этих горах. Сейчас мне тяжело видеть даже родителей. Всё, что происходит в мире, меня не трогает, и даже по поводу свадеб и повышений в чине в вашем доме я не прислал поздравлений. Я всё время думаю, не постричься ли в монахи, и вот в такой час получаю это любезное послание. Нет, сейчас мне ничего не нужно. Горше всего, что Фудзицубо, услышав о моих страданиях, даже не пожалеет меня! — Он лёг на землю и горько заплакал.

Министру он написал в ответ:

«Я прошу Вас не слишком порицать меня за то, что я совершенно удалился от мира. Получив Ваше любезное письмо, я был очень тронут. Но сейчас у меня нет желания ни что-либо делать, ни даже жить в этом мире. Мне странно, как я дожил до сего дня, и дальше я жить не хочу. Поэтому я не могу принять Вашего предложения. Прошу Вас ещё раз простить меня.

Так сердце страдало,
Что думал, с жизнью расстанусь.
Могу ли теперь
К другому цветку -
Пусть в том же саду — обратиться?[19]

Ах, если бы я не знал Фудзицубо, с какой радостью я бы женился на её сестре!»

Санэтада стал угощать помощника начальника Дворцовой стражи

вином, несколько раз подносил ему чашу и долго разговаривал с ним. А на прощание преподнёс ему платье из узорчатого лощёного шёлка и полный женский наряд с китайским платьем красного цвета.

— Кому, кроме тебя,
Смогу показать
Платья рукав,
Красным ставший
От слёз непрерывных? -

сложил он.

Цурэдзуми на это ответил:

— Красным цветом
То ярко, то бледно
Окрашены платья.
Взглянешь — и знаешь, как глубоки
Чувства людей.

После этого он отправился домой.

Все господа, посланные с письмами, возвратились домой в одно и то же время. Все они получили в подарок по полному женскому платью.

Принц Хёбукё ответил министру следующее:

«Узнав, что Фудзицубо вышла замуж, я хотел было уединиться в горной глуши, но получив Ваше любезное предложение, обрёл в сердце покой и буду рад жениться на Вашей дочери».

Советник Масаакира писал:

«После того, как все мои усилия оказались тщетными, я был в растерянности и унынии, мне не приходила и мысль жениться на ком бы то ни было. Ваше предложение очень любезно и полно сердечного участия, и я вновь и вновь благодарю Вас за это».

Когда помощник военачальника Дворцовой стражи принёс письмо от Санэтада, вторая жена министра прочитала его и показала мужу.

— Опять он отвечает отказом. Совершенно неразумный человек! — отозвался тот.

Советник же сайсё рассказал:

— Правый генерал ответил мне так: «Я задумал жениться на Фудзицубо ещё тогда, когда она была маленькой. С тех пор я не переставая посылал ей письма, и если сразу после её замужества я обращу свои помыслы к другой, это будет прискорбно. По крайней мере до тех пор, пока мы существуем в этом мире, я хотел бы хранить свои чувства к Фудзицубо».

Цурэдзуми же рассказал, что ответил ему Санэтада.

— Когда я увидел, в каком он обитает жилище, я от жалости к нему заплакал, — добавил он.

Слушая о том, что говорил Санэтада, который когда-то был блестящим придворным, а теперь стал непохожим на самого себя, все, начиная с министра и госпожи, проливали слёзы.

— Как прискорбно слышать это! — вздохнул министр. — Что тут поделать! Отец его, первый министр, по-видимому, очень из-за этого страдает. Он часто просит, чтобы я позаботился о Санэтада, но поскольку тот не желает внять моим словам, тут ничего не поделаешь. В таком случае выдадим четырнадцатую дочь вместо него за старшего ревизора Правой канцелярии Суэфуса. Он человек с большими достоинствами и скоро станет советником министра. А вместо правого генерала возьмём в зятья второго военачальника Личной императорской охраны Юкимаса. Я напишу им письма. Санэтада и Канэмаса оставим в покое.

Вторая жена министра написала ответ Санэтада:

«Столь ярко
Блистала роса
И красной казалась,
Что ветку такую же
Хотела я ей протянуть.[20]

Я всегда испытывала к Вам жалость и никак не могу забыть Вас».

Итак, одиннадцатую дочь от первой жены Масаёри отдал в жёны принцу Хёбукё, двенадцатую — советнику Масаакира, тринадцатую от второй жены — второму военачальнику Личной императорской охраны Юкимаса, четырнадцатую, Кэсумия, — старшему ревизору Правой канцелярии Суэфуса. Церемонии бракосочетания состоялись двадцать восьмого дня восьмого месяца. На третью ночь всех женихов встретил

Масаёри и каждому из них преподнёс подарки ещё более великолепные, чем обычно, чтобы они почувствовали его богатство и влияние.

*** * ***

Фудзивара Суэфуса был старшим ревизором Правой канцелярии и вместе с тем младшим военачальником Правой личной императорской охраны, секретарём Палаты обрядов, магистром словесности и наставником наследника престола в книжности. Он имел доступ в императорские покои и во дворцы наследника и отрёкшегося императора. Ему дали военный чин: сделали младшим военачальником, потому что он побаивался мести со стороны врагов своего отца. Его личные достоинства были беспримерны. Когда он был свободен от службы во дворце наследника престола, он занимался классическими книгами с десятью учениками, сыновьями знатных сановников, которых он выбрал из тридцати студентов Университета. Ему было сорок лет. Он был очень хорош собой.

Как-то раз, когда он занимался со студентами чтением классиков, к нему пришли четыре доктора. Суэфуса завёл с ними разговор и между прочим спросил:

— Какое вы получили назначение? Когда вы собираетесь отправиться на места?

— Назначение мы получили и в скором времени думали ехать, но… — ответили они.

— И вправду, лучше не медлить с отъездом… — высказал он своё мнение.

— Времени свободного у нас совсем нет. Император велел нам приготовить комментарии к «Записям историка».

— А, да, государь выразил сожаление, что комментарии к «Записям историка» не доведены до конца, поэтому прежде вам надо завершить этот труд, а потом ехать на места, — согласился Суэфуса.

В это время пришёл Тадатоо, помощник главы Университета.

— Почему ты так долго не показывался? — спросил его Суэфуса. — Я уже начал было беспокоиться.

— Дела мои плохи. В последнее время многие кандидаты получили назначение в провинцию, а я до сих пор остаюсь на том же месте, — ответил тот.

— Это очень огорчительно, — посочувствовал Суэфуса. — Кажется, сейчас есть свободное место в Императорском архиве, я подумал о тебе и на днях рекомендовал тебя министру Масаёри. Он спросил меня: «Ты хочешь, чтобы я помог ему?» — и я подробно изложил министру твоё положение. Он ответил, что сразу же доложит императору. Я ещё раз поговорю с ним о тебе. Если министр сделает то, что обещает, успех тебе обеспечен.

— Да, но эта служба очень уж трудная, — колебался Тадатоо.

— Не беспокойся об этом, — начал успокаивать его Суэфуса. — Я тебе помогу. Могу ли я забыть твоё милостивое отношение ко мне! Если бы я, занятый своей службой, не похлопотал за тебя, ты, наверное, решил бы, что я отношусь к тебе не по-дружески.

— Я очень тебе благодарен за то, что ты меня рекомендовал. Не состоять на государственной службе, если живёшь один, — ещё так-сяк, но когда я слышу, как плачут мои престарелые родители, жена и малые дети, я сам от горя заливаюсь кровавыми слезами.

— Это понятно, — сказал Суэфуса. — Никто лучше меня не знает, как горько, обладая большими достоинствами, оставаться непризнанным. Я посоветуюсь с министром. Живя долго в столице, ‹…› где найти средства к существованию? В этом году мне в качестве жалованья должны прислать продукты из провинции Оми. Я ещё ничего не получил. Я напишу письмо правителю провинции, чтобы он переслал их тебе. Пожалуйста, возьми.

— Я очень признателен… — стал благодарить Тадатоо. — Пожалуйста, попроси министра как можно скорее.

— У меня ведь нет родственников, которым я должен был бы оказывать помощь. Сам я живу в достатке, и особенно ни в чём не нуждаюсь, — сказал Суэфуса и написал письмо правителю провинции Оми.

Они до рассвета вместе пили вино, сочиняли стихи, а когда на заре Тадатоо стал собираться домой, Суэфуса вручил ему летнее платье из узорчатого лощёного шёлка и штаны на подкладке.

Вскоре он опять убедительно попросил министра помочь его другу, и Тадатоо назначили архивариусом. Он был счастлив беспредельно. Суэфуса послал ему полный костюм архивариуса и в дальнейшем заботился о нём.

*** * ***

Таким образом, многие молодые люди, пылавшие любовью к Фудзицубо, обосновались в доме Масаёри или навещали там своих жён.

Подумав как-то раз: «Как живётся Накаёри?» — министр приготовил монашескую рясу и два платья из узорчатого шёлка и отправил с Мияако, одев его в роскошное платье. К одежде для Накаёри он приложил письмо:

«Вспоминаешь ли нынче
О пышных причёсках?
Не пёстрые ленты,
Но бритву — увы! -
Нужно тебе посылать».

Накаёри, прочитав это, заплакал и ответил:

«Слёзы не сохнут,
От них все ленты
Прогнили…
Доволен я тем,
Что ныне о бритве забочусь…»

*** * ***

Итак, все зятья Масаёри с жёнами стали жить в отстроенных для них павильонах. Помещения были просторные и богато обставлены, у всех было много утвари и драгоценностей. Вся территория между Первым и Четвёртым проспектами с севера на юг и от проспекта Красной птицы до Кёгоку с запада на восток была застроена домами зятьёв Масаёри. Сыновья же его там не жили. Накатада и Судзуси пока своих домов не имели и обитали в покоях министра.

Глава XIII
НАЙДЕННЫЙ КЛАД
(Начало)

Накатада состоял в чине второго советника министра и начальника Дворцовой стражи, а от должности главы Палаты правосудия он отказался по той причине, что при исполнении этой должности нельзя было появляться в красивых одеждах.[21]

Никогда не забывал Накатада об усадьбе на проспекте Кёгоку, в которой жил малым ребёнком, и часто говорил себе: «Этот дом моя мать унаследовала от деда и жила в нём. Уже тогда он совершенно разрушился. Мне бы хотелось заново отстроить его для моей матери».

В одиннадцатом месяце он в сопровождении нескольких верных слуг отправился на проспект Кёгоку. Вокруг усадьбы всё заросло сорной травой, и поблизости не было видно ни одного жилища. От главного строения осталась только гардеробная. А ещё в северо-западном углу усадьбы Накатада обнаружил большой прочный амбар. Сев на лошадь одного из слуг, Накатада объехал его, но не мог решить, относится ли он к владениям деда. Поэтому он велел слугам разобраться, чей это амбар. Они, осмотрев, ответили, что это одно из строений усадьбы. Накатада, приблизившись, увидел, что вокруг лежало множество человеческих костей. Его охватил страх. Подойдя ещё ближе, он увидел, что амбар заперт на необыкновенно прочный замок, на железной крышке которого была вырезана печать с именем покойного главы Ведомства гражданского управления Тосикагэ. «Это, наверное, книгохранилище, — решил изумлённый Накатада. — Здесь с давних пор жило несколько поколений литераторов, но я никогда не видел в доме ни одного листа из какой-либо книги. А вот кото были, хотя мой дед и не был профессиональным музыкантом. Некоторые из них разошлись по миру, а несколько осталось у меня. Велю-ка я открыть хранилище!»

В это время он увидел передвигающихся ползком со стороны реки старика и старуху, им было лет по девяносто, и головы их были седы, точно покрыты снегом.

— Перво-наперво отойдите от этого места, — со слезами на глазах стали молить они пришедших.

— Почему вы отгоняете нас? — принялись расспрашивать их слуги Накатада. Но они только повторяли:

— Сначала отойдите. Из-за этой сокровищницы погибло множество народу. Смотрите, как много здесь костей! Когда вы отойдёте отсюда, мы вам всё расскажем.

Удивлённый Накатада отошёл от хранилища и стал поодаль. Тогда старики начали рассказывать:

— Эта местность когда-то процветала, но вот уже двадцать с лишним лет — тридцати лет всё-таки ещё нет, — как всё пришло в запустение, и вот почему. Давным-давно здесь жил господин, единственный сын которого был послан в Танское царство. Родители оба скончались, не дождавшись возвращения сына. Сын их после своего возвращения выстроил тут прекрасный дворец и поселился в нём. Была у него дочь. Когда она была маленькой, в этом доме всё время звучала музыка, подобной которой в мире не услышишь. Все, кто внимали ей, крепли духом, исцелялись от болезней, молодели, поэтому жители столицы приходили сюда и слушали эти звуки. Когда девица подросла, ворота усадьбы заперли и никого туда не пускали. От императора, наследника престола, принцев и сановников приходило множество посыльных с предложениями о браке, но так всю ночь они и простаивали возле ворот и не могли передать девице ни одного слова. Тем временем скончалась её мать, а потом и отец. Сама девица была жива, но никто о ней ничего не знал. Люди из деревень у реки приходили сюда, разламывали строения, и через год-другой всё было разрушено. Когда ломали дом, когда грабили добро, всё сходило с рук, но если кто-нибудь приближался к этой сокровищнице, думая поживиться здесь, он сразу же падал замертво. Так погибла тьма народу. По ночам кто-то, невидимый людскому глазу, объезжает верхом эту сокровищницу и звенит тетивой.[22] В этом страшном месте мы живём уже около ста лет и все могли наблюдать сами. Когда здесь показался этот прекрасный господин, каких в нашей стране ещё не бывало, сверкающий лицом, как драгоценность, мы, испугавшись, что и он погибнет, решили предупредить его как можно скорее и поспешили сюда. Но мы не можем ходить так быстро, как нам хотелось бы, поэтому только сейчас еле-еле добрались.

— Очень хорошо, что вы рассказали об этом, — поблагодарил их Накатада. — Но почему вокруг этого места больше никто не живёт?

— Многие, думая: «Уже мне ли не открыть сокровищницу?» — пытались взломать замок, но сразу же падали замертво. Мы наблюдали всё это в течение многих лет. Все, жившие в этих местах, нашли свой конец. В

домах этих людей пошли разные беды, и семьи их быстро вымирали.

— Какой страх! — произнёс Накатада. — Смотрите и впредь, может быть, ещё кто-нибудь захочет открыть сокровищницу.

Он снял с себя два однослойных платья и вручил старикам каждому по одному.

— Оставайтесь недалеко отсюда и следите, не появится ли ещё кто-нибудь, намереваясь открыть хранилище. А останки, которые лежат вокруг, отнесите в открытое поле и бросьте там, — распорядился Накатада и отправился домой.

Старики, получив прекрасную одежду из узорчатого лощёного шёлка, пропитанную необыкновенными ароматами, не могли прийти в себя от изумления. Недалеко от этого места проходили какие-то люди, направляющиеся в храм. Они заметили это платье и купили его, не постояв за ценой. Отдав вырученные деньги внукам, старики велели им расчистить место вокруг хранилища.

Дней через пять из усадьбы Канэмаса на проспект Кёгоку прибыли чиновники домашней управы и разбили шатёр. Ещё через некоторое время приехали монахи высоких рангов, чародеи, познавшие науку Тёмного и Светлого начал. Они совершили обряды очищения, прочитали сутры, и тогда в сопровождении многочисленной свиты в усадьбу прибыл Накатада. С ним приехали мастера, которые по его приказу должны были открыть сокровищницу. Накатада велел чародеям возглашать молитвы богам, а монахам читать сутры. Ключа к замку никак не могли подобрать, и хотя мастерам приказали так или иначе открыть хранилище, все их усилия были тщетны. Накатада со всей своей свитой оставался в усадьбе три дня и проводил ночи то в шатре, то в экипаже. Мастера изо всех сил старались открыть замок, но у них ничего не выходило. Они только поранили себя и выбились из сил.

На третий день в полдень, надев полное парадное платье, Накатада стал молиться в душе: «Если я не ошибаюсь, это хранилище принадлежало моему деду. На печати стоит его имя. Кроме меня, наследников у него нет, только моя мать, но она женщина. О, дух моего деда, разреши открыть эту сокровищницу!» Но и на этот раз замок не поддавался мастерам.

— Кто бы там что ни говорил, но этот замок открыть нельзя. Сломаем его и так откроем дверь! — доложили мастера советнику.

— Неужели всё-таки нельзя открыть замок? Попробую-ка я сам. Всё это очень странно! — сказал Накатада, улыбаясь, и, подойдя к хранилищу, осмотрел запор. Он был очень прочным. Накатада потянул засов, стал двигать им в разные стороны, и замок открылся. «Поистине, дух моего

деда поджидал меня самого!» — подумал он и, подозвав слуг, велел им открыть двери. Оказалось, что на второй двери был ещё один замок. На двери было написано: «Книгохранилище», и стоял отпечаток руки. «Вот оно!» — подумал Накатада, дотронулся до замка и открыл его без труда.

Внутри на столиках лежало множество книг, тщательно уложенных в футляры, которые были перевязаны китайскими лентами. Один на другом стояли десять длинных китайских коробов из аквилярии, а в глубине комнаты — красные круглые коробки, высотой с небольшой столб. Накатада взял только опись книг, которая лежала у входа, запер хранилище и в сопровождении всей свиты возвратился домой.

Он отправился на Третий проспект и рассказал обо всём матери. Они стали читать опись и убедились, что в книгохранилище таятся огромные сокровища. Об изящной словесности и говорить нечего, но там также были книги, каких не найдёшь даже в Танском государстве. У Тосикагэ было собрано множество бесценных трудов по медицине, гаданию по символам Тёмного и Светлого начал, гаданию по чертам лица, акушерству.

— Какие сокровища! — воскликнула мать Накатада. — Почему отец мой нарочно хотел скрыть всё это от меня?

— Дед был прозорливым человеком, и у него, должно быть, были серьёзные основания поступить так. Если бы он оставил все эти сокровища тебе, кто знает, что бы сейчас с ними было! Вряд ли они остались бы в неприкосновенности до сего дня, — стал утешать её Накатада.

Он велел наместникам тех провинций, в которых у него были владения, доставить необходимые материалы и пригласил мастеров для работ. Прежде всего в том же году двести или триста мастеров возвели вокруг усадьбы земляную ограду. В хранилище в одном из китайских коробов нашлись благовония, Накатада велел этот короб доставить к себе домой и разделил ароматы между матерью и женой ‹…›. Таких ароматов, которыми пользовалась его семья, ни у кого больше не было. Что касается книг, то Накатада брал из хранилища те, в которых нуждался. Когда старую усадьбу заново отстроили, в окрестностях распространился слух: «Там поселился господин, процветающий в этом мире!» — и люди стали строить вокруг усадьбы дома. Старика и старуху, предостерегающих Накатада, позвали в домашнюю управу и дали им много полотна и шёлка.

Обо всём рассказали императору. За несколько лет до тех событий император приказал построить просторный красивый дворец, в котором намеревался жить после своего отречения от престола. Он располагался на восток от Дворцового проспекта и на север от Второго проспекта. Вызвав Накатада к себе, государь сказал ему:

— У тебя до сих пор нет своего собственного дома, поэтому я решил подарить тебе эту просторную усадьбу. Это прекрасное место для занятий литературой, а также для упражнения в том искусстве, которое так ревниво хранил в тайне твой дед. Играй там на кото вместе с принцессой, твоей женой, — никто не сможет тебя услышать. — Потом он добавил: — На юг от дворца находится усадьба несколько меньших размеров. Я подарю её принцессе.

Накатада исполнил благодарственный танец, принял дар монарха и покинул дворец.

— Теперь нам надо построить дворцы для остальных наших дочерей, — сказал государь высочайшей наложнице Дзидзюдэн.

*** * ***

Наступил новый год. В первом месяце жена Накатада объявила ему, что беременна. Советник принёс из хранилища книги по акушерству. «Наверное, родится девочка», — думал он. Дабы младенец был красив лицом и добр сердцем, госпоже давали особые блюда, и заботились о ней, не упуская из виду ни одной мелочи. Накатада сам, взяв в руки нож и положив перед собой кухонную доску, готовил еду для принцессы, он постоянно сидел рядом с ней, беспокоился обо всём и кормил её. В тот год Накатада не отлучался от жены даже на малое время. Кроме того, он днём и ночью занимался чтением книг из хранилища деда.

Приближалось время рожать, и высочайшая наложница Дзидзюдэн обратилась к императору:

— Скоро нашей дочери рожать, и мне бы хотелось отлучиться из дворца и поехать к ней.

— Когда должно это произойти? — спросил император.

— Роды будут в десятом месяце.

— Ты можешь отлучиться из дворца, — согласился император. — С давних пор ты привыкла ухаживать за роженицами. Как она себя чувствует?

— Не беспокойтесь ни о чём, — успокоила его Дзидзюдэн. — Накатада никуда не отлучается из дому и ни на шаг от жены не отходит. Все относятся к ней чрезвычайно заботливо.

— Я так давно не видел нашу дочь! — вздохнул император. — Как она, должно быть, выросла! Даже рядом с Накатада она кажется достойной

супругой.

— Не знаю, что о ней думают другие, — промолвила наложница, — но вот что правда: с тех пор, как вы её не видели, волосы у неё очень выросли и стали длиннее её платья. И вообще она далеко не безобразна.

— А как Вторая принцесса? — спросил государь.

— Она очень похожа на вас и так же хороша, как её старшая сестра. Она немного полна. Очень приветлива.

— Всё зависит от того, где они воспитываются. Все дочери, рождённые тобой и выросшие у Масаёри, очень отличаются от прочих принцесс. Итак, будем молиться, чтобы роды прошли благополучно. Дочь наша похожа на тебя, а ты без особых мук родила много детей. Надеюсь, что и в этом она не будет от тебя отличаться, — сказал император.

*** * ***

‹…› Дзидзюдэн выехала из крепости. Она прибыла в усадьбу Масаёри, отправилась в срединный дом, когда там не было Накатада, и увидела дочь.

— Как ты похудела! — воскликнула она. — Государь, твой отец, очень беспокоится о тебе.

Цвет лица принцессы напоминал прекрасные распустившиеся цветы вишни, смоченные утренней росой; волосы лились ровной волной и блистали, как драгоценный камень. Она была в красном однослойном платье из китайского узорчатого шёлка и сидела, опираясь на скамеечку-подлокотник.

В усадьбе Масаёри было устроено помещение для роженицы, и шли необходимые приготовления: повешены занавеси из белого узорчатого шёлка и приготовлены серебряные личные вещи.[23] В течение двух месяцев до самых родов непрерывно служили буддийские службы и возносили молитвы всем богам и буддам. Наступил десятый месяц, и около двадцатого дня начались схватки. Принцессу перевели в помещение для роженицы, в котором Фудзицубо рожала детей наследника престола. В усадьбу Масаёри в пяти экипажах прибыла мать Накатада с сопровождающими дамами. Накатада помог матери выйти из экипажа и проводил её за полог к принцессе. Вторая супруга Масаёри не приближалась к ним, а оставалась за ширмами.

— Нам не надо стесняться друг друга, ведь мы давно знакомы, с той ночи, когда происходили соревнования по борьбе, — сказала наложница

Дзидзюдэн, входя за полог, где находилась мать Накатада.

Они вдвоём оказывали помощь принцессе. Она особых мучений не испытывала, но была беспокойна.

Прибыл и Масаёри. Расположившись со своими сыновьями на веранде, он звенел тетивой. В передних покоях тетивой звенели сыновья высочайшей наложницы, братья принцессы. Перед самым пологом стоял Накатада и тоже звенел тетивой. Между императорским дворцом и усадьбой беспрестанно сновали посыльные, докладывавшие государю о положении дел. Прибыл посыльный и от дамы Фудзицубо. Чтобы зятья Масаёри не вошли к роженице, помещение для неё было устроено далеко от их покоев, а кроме того, срединные ворота закрыли на цепь.

В час тигра[24] раздался громкий плач младенца. Накатада, в страхе подняв полог, спрашивал:

— Кто же? Кто?

— Что ты делаешь? — воскликнула его мать. — Ты хочешь, чтобы нас увидели снаружи? — И она спряталась за спину Дзидзюдэн.

— Сегодня ночью всё равно ничего не видно, — пробормотал Накатада. Он разглядел, как Дзидзюдэн в белом платье из узорчатого шёлка, заложив волосы за уши, хлопочет возле его жены. Во внешности высочайшей наложницы было что-то поистине успокаивающее и располагающее к себе, что-то величественное и в то же время прелестное. Она качала головой. Мать Накатада тоже была необыкновенно прекрасна. Обе они были в белых платьях.

— Что-то нехорошо? — забеспокоился Накатада, но его успокоили: послед отошёл быстро.

— Так кто же? — спросил опять Накатада.

— Хоть здесь и темно, но видно ясно, — ответила сыну мать.

Накатада в восторге протанцевал несколько фигур танца «Многие лета». Принц Тадаясу громко рассмеялся, а другие принцы заиграли это произведение на корейских флейтах.

— Почему вдруг заиграли на корейских флейтах? — спросил Масаёри.

— Кажется, что советник министра танцует корейский танец,[25] — ответил Тадаясу.

— Все эти нынешние утончённые молодые люди так неприятны![26] — заметил Канэмаса. Но Масаёри рассмеялся, и за ним все дружно расхохотались. У всех стало легко на душе.

Увидев Масаёри, Накатада сам засмеялся и сел, но генерал сказал ему:

— Можно и окончить «Многие лета». Нельзя останавливаться на

половине.

Тогда Накатада встал и исполнил весь танец до конца, восхищая всех своим неподражаемым мастерством.

Масаёри вручил ему верхнее платье из ткани с гербами, на которых были изображены журавли. Накатада надел его и принялся исполнять благодарственный танец, но в это время раздался голос его матери, которая должна была перерезать пуповину:

— Пусть кто-нибудь поможет. Это прямо улитка какая-то!

Накатада, встав на колени, спросил:

— Что нужно сделать?

— Дай что-нибудь из нижнего белья, — ответила госпожа.

Накатада снял с себя шаровары и протянул ей.

— Дай ещё что-нибудь! — попросила мать.

Он снял белые штаны на подкладке и вручил матери со словами: «Пусть долгой будет её жизнь!» Он приблизился к вешалке и заглянул за полог. При виде его все женщины рассмеялись.

— ‹…› — сказал он, а Соо ответила: — Конечно, в таком виде бегать сподручнее!

Мать Накатада тщательно обтёрла новорождённую, отрезанную пуповину завернула в данные ей Накатада штаны и взяла девочку на руки. Накатада, стоя на коленях рядом с пологом, за которым находилась его жена, стал просить:

— Сначала дай мне.

— Ты думаешь, что говоришь?! — воскликнула госпожа. — Как можно вынести ребёнка наружу!

Накатада, оставаясь на том же месте, натянул полог на голову и взял младенца на руки. Девочка была очень крупной и хорошо держала головку. Она была очень красива и блистала, как драгоценный камень.

— Какая большая! Наверное поэтому жена так долго мучилась, — говорил он, прижимая дочку к груди.

— Ну-ка, ну-ка! — приблизился к нему Масаёри. Но Накатада ответил:

— Сейчас я вам её ни за что не покажу.

— Ты уже теперь прячешь свою дочь? — засмеялся тот.

— Я возьму у матери кото «рюкаку-фу» и буду оберегать Инумия! — заявил Накатада.

— Ты слишком рано завёл речь о кото, — рассмеялась его мать. — В такое время можно было бы заботиться о чём-нибудь другом.

— Обыденные вещи не имеют никакого значения, — ответил

Накатада. — А туда, где находятся эти кото и где они звучат, обращают свой взор небожители, пролетая в высоких пределах, поэтому я и хочу поставить инструмент рядом с дочерью.

Мать его послала распорядительницу из Отделения дворцовых прислужниц к Канэмаса: «Передайте ему, что Накатада просит доставить сюда моё кото. Пусть он привезёт».

Канэмаса сразу же отправился на Третий проспект и привёз инструмент. Принц Тадаясу принял у него кото и принёс его Накатада. Инструмент был в вышитом китайском чехле. Держа ребёнка у груди, Накатада взял кото.

— В течение многих лет я сокрушался, не зная, кому передать тайны исполнительства, но теперь я спокоен. — С этими словами он заиграл «Хосё».

Играл он блистательно, звуки были такими проникновенными, что у слушающих замирало сердце. Казалось, что вместе с кото звучит множество других инструментов, и слушать эту музыку издалека было даже лучше, чем вблизи. Все сановники и принцы заволновались: «Слушайте, слушайте! Произошло счастливое событие! Мы должны были предвидеть! Как это мы оказались нерасторопны?» — некоторые из них, даже не надев как следует обуви, другие прямо в том, в чём были, — все поспешили к усадьбе Масаёри и стали как вкопанные перед восточной верандой тех покоев, где родился ребёнок.

Советник министра Судзуси отдыхал, когда неожиданно услышал звуки музыки. Он пришёл в такое изумление и так спешил, что даже не заправит тщательно волосы в головной убор. Он явился к Масаёри в волочащихся по земле шароварах и верхнем платье, весь костюм его был в таком беспорядке, что некоторые, глядя на него, не могли удержаться от смеха. Судзуси был недоволен, что ему никто не сказал о совершившемся событии, и жестами пытался успокоить смеющихся. Стоя на площадке, замощённой камнями, он привёл в порядок верхнее платье и шаровары. Часть сопровождающих его осталась у ворот, другие вошли за глинобитную ограду.

Накатада громко играл «Хосё», и вдруг начал свирепо дуть ветер. Небо стало угрожающим. Накатада подумал: «Нет, на этом кото нельзя играть, как на обычном инструменте. Это всё так странно» — и перестал играть.

— Я хотел было исполнить одно из старых произведений, но небо стало таким грозным, что я не могу продолжить. Сыграй-ка ты что-нибудь на «рюкаку-фу», чтобы успокоить духов! — обратился он к матери.

— Как же такое незначительное существо, как я, может играть сейчас? — стала отнекиваться она.

— Вряд ли когда-нибудь будет более серьёзный для меня повод, — возразил Накатада.

Тогда мать вышла из-за полога, села за кото и заиграла. О её игре можно рассказывать бесконечно. Звуки, извлекаемые Накатада, были настолько великолепными, что внушали трепет, от них изменялись цвет облаков и ветер. Что же касается игры его матери, то услышав её, больные и объятые скорбью забывали свою хворь и тоску, чувствовали облегчение и надежду, и жизнь представлялась им долгой. Жена Накатада, услышав эти звуки, почувствовала себя ещё моложе, чем была до беременности, и забыв о своих страданиях — кто бы подумал, что она перенесла роды? — поднялась с постели.

— Тебе нельзя вставать, полежи ещё немного, — забеспокоился Накатада.

— Я не чувствую никаких страданий. Когда я услышала эту музыку, все муки мои прекратились, — успокоила она его.

— Ты простудишься! — запротестовали госпожа Дзидзюдэн и мать Накатада и опять уложили её в постель.

Мать Накатада, окончив играть, спрятала кото в чехол и поставила его у изголовья молодой матери, рядом с мечом.

Наступил рассвет. Подняли все решётки, поставили переносные занавески. Масаёри вместе со всеми родными братьями принцессы стремительно спускался по лестнице; казалось, что лестница вот-вот обвалится. Все выстроились в ряд — сам министр, принцы, сыновья и зятья Масаёри — и исполнили благодарственный танец. Хотя это поздравление и было обращено к Накатада, он даже не поблагодарил за него, а так и оставался сидеть на своём месте с младенцем на руках.

В это время прибыл второй военачальник Личной императорской охраны, занимавший в то же время должность главного архивариуса, с письмом от государя:

«Я бесконечно радуюсь тому, что удивительное дитя появилось на свет благополучно и что рождение его сопровождалось разными счастливыми событиями. Согласно обычаю, я должен был бы издать указ о повышении в чине, но, к сожалению, сейчас нет ни одного свободного места».

Из-за осквернения[27] нельзя было выполнить всего положенного по этикету при получении письма от императора, но Накатада спустился с лестницы и исполнил благодарственный танец. Государю послали ответ.

Затем из императорского дворца прибыл архивариус, состоявший одновременно чиновником третьего класса Палаты обрядов, с письмом от императора жене Канэмаса:

> «Мне не хотелось бы, чтобы Вы думали обо мне как о человеке ненадёжном — я долго не писал Вам против своей воли. Во время нашей встречи, редкостной по своему очарованию, я не в силах забыть звуки кото, на котором Вы играли, возымел желание, чтобы Вы время от времени приезжали ко мне во дворец и поэтому назначил Вас главной распорядительницей Отделения дворцовых прислужниц. Но мне кажется, что муж Ваш успешно противится Вашим посещениям дворца. Я страшно ему завидую: он владеет тем, к чему я так стремлюсь. Я беспокоюсь о здоровье принцессы, но поскольку Вы оказываете ей помощь, я совершенно уверен, что она скоро забудет о своих мучениях. Ах, если бы я был волен в своих передвижениях, я бы немедленно отправился к Вам. Ибо похоже, что Вы так и не появитесь при дворе».

Прочитав письмо, мать Накатада ответила императору:

> «Почтительно благодарю Вас за Ваше письмо. Я нахожусь возле принцессы, на меня рассчитывал Накатада, и хотя я ни к чему не годна, я стараюсь делать что-нибудь наравне со слугами. Что Вы имеете в виду под "тем, чем владеет Канэмаса"? Ведь по возрасту я уже могу соперничать с долгожителями. Я не посещаю Вашего дворца, потому что даже в своём доме я чувствую себя стеснённо, а предстать перед Вами и вовсе смущаюсь. Снова и снова благодарю Вас за милостивое письмо».

Из-за осквернения посыльному никакой награды не вручили.

Наступило время обряда кормления младенца грудью. Отец, по-прежнему держа девочку на руках, дал ей целебный отвар. Жена четвёртого сына Масаёри, которая должна была выполнить церемонию, расположилась за переносной занавеской. Госпожа Дзидзюдэн взяла внучку на руки и, запеленав её, передала жене четвёртого сына. Пригласили кормилиц. Подошли другие кормилицы. Одна из них была дочерью чиновника пятого ранга Налогового ведомства, ещё две — тоже дочерьми чиновников пятого ранга.

Через некоторое время выполнили обряд первого купания. Все оделись в белые одежды из нелощеного шёлка и из белого узорчатого шёлка. Церемония была поручена распорядительнице из Отделения дворцовых прислужниц, которая выполняла первое купание детей наследника престола. Поверх нижнего однослойного платья на ней было надето белое платье из нелощеного узорчатого шёлка. Дно бочки было устлано таким же узорчатым шёлком, каким распорядительница обмотала себе бёдра. Помогать ей должна была мать Накатада, одетая в нижнее однослойное платье из белого узорчатого шёлка и такое же верхнее платье. Сам Накатада, в белом однослойном платье и белых шароварах, звенел тетивой. Сыновья Масаёри звенели тетивой вместе с ним. Госпожа Дзидзюдэн с девочкой на руках вошла в приготовленное помещение, мать Накатада взяла у неё ребёнка и передала распорядительнице. Сразу же приступили к выполнению церемонии. Мать Накатада ‹…› приняла ребёнка. Волосы матери Накатада были немного короче шлейфа, сияли, как драгоценный камень, и ровной волной, струясь по белому шёлку, падали на шлейф. О красоте её волос и стройности фигуры можно было бы говорить бесконечно. На вид ей было двадцать с небольшим лет. Никто не сказал бы, что это мать советника, она казалась его сестрой, старше всего года на два.

— С давних пор я занимаюсь этим делом, но никогда ещё не видела такого крупного младенца, как ваш, и без единого пятнышка, — говорила распорядительница. — Можно подумать, что мы купаем двухмесячного ребёнка.

— Может быть, она такая большая оттого, что я постоянно держу её на руках, — заметил Накатада.

— Благодарю за то, что вы пригласили меня, — сказала распорядительница. — Пусть вы и отец, но вам нужно выйти отсюда. Ведь это девочка.

— Ну и что же? — возразил тот. — Пожалуйста, сделайте всё, как следует.

Когда купание окончилось, госпожа Дзидзюдэн хотела войти и взять девочку, но из-за того, что Накатада находился там, остановилась, и девочку взяла жена Канэмаса. Пройдя за полог, туда, где находилась принцесса, госпожа положила ребёнка рядом с ней. Накатада вошёл следом, и мать его воскликнула:

— Ах нет, нельзя! Ещё увидит кто-нибудь!

— Что же тут такого? — возразил он и добавил без тени смущения: — Тем, кто ухаживает за младенцем, можно разрешить беспрепятственно

проходить за полог.

Дзидзюдэн сразу же удалилась.

— Мы давно уже не спали, поэтому я расстроен, у меня плохое настроение. Позволь прилечь рядом с тобой, — сказал Накатада и устроился рядом с женой.

— Что ты делаешь? Это совершенно неразумное поведение! Сдержи себя, — возмутилась мать и удалилась.

Накатада, потянув одеяло, сказал жене:

— Хочу ещё одного такого ребёнка, и побыстрее. На этот раз мальчика.

«Хорошо ему говорить. Рожать так страшно!» — подумала она и мужу ничего не ответила.

*** * ***

Все собрались перед покоями роженицы. Вечером опять была проведена церемония купания, такая же, как первая. В главных покоях, к западу от полога, были устроены сиденья, на которых расположились вторая супруга Масаёри и принцессы, сестры жены Накатада. В западных передних покоях было отведено помещение для матери Накатада, и скоро туда прибыл генерал Канэмаса. Там находились десять взрослых служанок, четыре юных служаночки и четыре низших служанки. Еду в эти покои приносили от министра Масаёри.

На третью ночь прибыли подарки от Канэмаса: двенадцать серебряных подносов, столько же скатертей из шёлка с цветочным узором и из кисеи; в шести ажурных шкатулках была одежда для новорождённой, пелёнки и покрывала, десять подносов с рисовыми колобками, сто связок по тысяче медных монет для ставок в шашки. В третью ночь после родов все господа оставались в усадьбе Масаёри и всю ночь играли в азартные игры. От Четвёртой принцессы принесли прекрасные подарки.

На пятую ночь Масаёри устроил такой же великолепный пир. Его сыновья приготовили удивительные подношения. Собравшиеся играли в азартные игры, и всем присутствовавшим были преподнесены подарки.

Наступил шестой день. Госпожа Дзидзюдэн велела принести ей много мускуса, растолкла в железной ступке аромат для окуривания одежд и гвоздику. Затем она велела сшить мешочки из лощёного шёлка, подбить их ватой и положила в каждый из них приготовленные ароматы. Она

подвесила мешочки к занавесям между столбами. Госпожа установила курильницы на четырёх больших серебряных корейских собаках и беспрерывно жгла в них смешанные ароматы. Собаки эти были установлены в четырёх углах комнаты принцессы. Й передних покоях было поставлено множество больших курильниц, до краёв наполненных ароматами из аквилярии и смешанными ароматами, Дзидзюдэн подожгла их и закрыла курильницы крышками. Полог и занавеси в помещениях были пропитаны благовониями, весь дом и всё вокруг него благоухало дивными ароматами. Едва уловимый запах чеснока, который можно было ощущать во внутренних помещениях, совершенно улетучился.[28]

Вторая супруга министра отправилась в северные покои, куда время от времени приходила отдохнуть Дзидзюдэн. Взрослые и дети были одеты как обычно. Для Накатада в восточных передних покоях приготовили, согласно обычаю, воду для умывания и подносы с едой, но он даже голову из внутренних покоев не высовывал и ел только то, чего не доедала жена. Днём, когда поблизости никого не было, он проходил за занавеси к жене и ложился рядом с ней; когда же там был кто-нибудь, он устраивался снаружи и спал, прислонясь к столбу. Ночью же он не спал, бегал вокруг, звеня тетивой. На веранде друг подле друга сидели родственники.

Наступил седьмой день. Дзидзюдэн сказала принцессе:

— Вечером тебе надо пойти в баню. Встань. Давай расчешем волосы.

Принцесса поднялась с постели, возле которой на полу была расстелена белая одежда. Принцесса надела блестящее красное платье, стала на колени, обратившись лицом к востоку. Дзидзюдэн и мать Накатада, разделив её волосы надвое, расчесали их. Волосы были очень красивы, длиной в восемь сяку. Распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц и кормилица помогали мыть голову.

— Когда у кого-нибудь после родов в первый раз расчёсывают волосы, надо желать, чтобы они стали красивыми, — сказали они.

— О чём вы? — отозвалась Дзидзюдэн. — Этого можно не делать, беспокоиться тут не о чем.

— Какие густые и длинные! Такие волосы редко увидишь! — говорила мать Накатада.

Так они, расчёсывая принцессу, расхваливали её волосы, сверкающие и красивые. После родов волосы не стали ломкими и не поредели. Лицо принцессы было несколько бледно, но и это придавало ей благородство.

Пришли подарки от госпожи Фудзицубо: два кувшина вместимостью в два то, подносы, двенадцать коробок для еды, сделанные из аквилярии и заполненные снедью. В высоких чашах из цезальпинии — два серебряных

фазана, снизу у них серебряные пластинки были открыты, и можно было видеть, что они наполнены ароматом «мозг дракона».[29] Фазаны были привязаны к искусственной сосновой ветке, вместе со стихотворением:

«Деревенскую птицу,
В далёком уезде Цуру
Живущую,
Можно сегодня — о, чудо! —
Видеть на ветке сосны».[30]

Подарки доставил помощник главы Ведомства двора наследника престола и велел разложить их перед принцессой. Кроме того, к ветке пятииголчатой сосны было прикреплено письмо, написанное на бледно-зелёной бумаге и сложенное вдвое. Принцесса велела открыть его и, прочитав, засмеялась.

— Что там такое? Дай-ка мне посмотреть! — попросил Накатада.

— Здесь написано, чтобы я никому не показывала, — ответила она, пряча письмо.

— Ты хочешь что-то скрыть от меня, — сказал Накатада и вытащил письмо у неё из-за пазухи.

Вот что там было написано:

«В момент такой неземной радости мне очень хотелось первой поздравить тебя, но сначала никак не могла придумать, что послать в подарок. Я боялась, что, к стыду своему, обнаружу перед тобой своё неумение, — и таким образом, до сего дня я тебя ещё не поздравила. Больше всего меня удручает, что во время, когда происходят все эти счастливые события, я лишена возможности посетить тебя и поздравить непосредственно. Ах, если бы я, как раньше, жила в отчем доме, я не знала бы такой печали. Лишь подумаю об этом — чувствую на сердце такую тоску!

Два журавля
Бок о бок в гнезде
Жили когда-то…
А ныне голос родной
Донёсся, как звук посторонний.

О, как я тебе завидую! Дорогая моя, в дни таких радостных событий приезжай хоть ты ко мне; покинуть своей обители не могу…»

Накатада, прочитав письмо, засмеялся:

— Давно я не видел её писем, и за это время её почерк стал совершенно великолепен. Я отвечу ей. У тебя ещё дрожат руки, и тебе нельзя писать. Потом ты напишешь ей сама.

Улыбаясь, он стал перечитывать письмо Фудзицубо, воспоминания нахлынули на него, и его охватила печаль. Но грустить в такой день было бы недобрым предзнаменованием, и он отложил письмо.

Накатада написал на тонкой бумаге красного цвета:

«Принцесса, которой Вы послали письмо, сама ответить пока не может, потому что зрение её ещё слабо. Она попросила меня написать Вам вот что: „Кто бы мог сердиться на тебя после твоих слов, что всё у меня сбылось именно таким образом, как ты хотела, и что твоя радость не вмещается у тебя в груди? ‹…›

В том же гнезде
На свет появился
Птенец мой.
Сможешь ты видеть,
Каким вырастет он"».[31]

На оборотной стороне он написал: «Что касается меня самого, то поскольку пишу Вам в последний раз, чувства мои кипят ещё сильнее.

Ждал тысячу лет
И сегодня этого мига
Дождался.
Старую грусть и былую любовь
Забыть я не в силах».

Свернув письмо, он прикрепил его к очень красивой ветке клёна.

— Дай мне посмотреть, что ты там написал, — попросила его жена.

— Ты хочешь прочитать? — переспросил Накатада и вытащил

послание.

Принцесса взяла его в руки, но читать не стала. Госпожа Дзидзюдэн достала очень красивую женскую одежду, подозвала принца Тадаясу и сказала ему:

— Такую одежду вручают в награду только в подобных случаях. Отдай её посыльному.

Принц взял одежду, вышел из комнаты и вручил помощнику главы Ведомства двора наследника престола. Тот спустился по лестнице, протанцевал благодарственный танец и отправился во дворец наследника.

Накатада стал рассматривать присланные Фудзицубо подарки. В кувшинах был лощёный узорчатый шёлк, один кувшин был до краёв наполнен изумительным лощёным шёлком красного цвета. В одной из коробок для еды лежали серебряные карпы, в другой — серебряные окуни и макрель из аквилярии, в третьей — рыба из аквилярии и цезальпинии, нарезанная как будто для еды. В других коробках были большие золотые сосуды со смешанными благовониями трёх видов и аромат «мозг дракона». На одной коробке было написано: «морская сосна», в ней лежал красный и белый шёлк, куски не были сшиты, но склеены крахмалом и уложены, как морские водоросли. Одна коробка была наполнена пудрой. В двух коробках были ароматы для окуривания одежды и гвоздика, приготовленные в виде макрели.

Внимательно всё рассмотрев, Накатада подумал: «Поразительно, как она всё продумала самым тщательным образом. Пока она жила у родителей, она не проявляла никакого интереса к подобным вещам».

Мать его тоже принялась рассматривать подарки.

Когда наступила ночь, вторая супруга Масаёри стала купать младенца. Принцесса тоже искупалась.

По случаю рождения ребёнка прибыли подарки от второго советника министра Судзуси. Перед принцессой поставили двенадцать серебряных подносов на серебряных подставках, покрытых красивыми скатертями и салфетками. На всех подносах были разложены удивительные подарки: лощёный узорчатый шёлк, полупрозрачная шёлковая ткань с цветочным узором, разнообразный узорчатый шёлк, белый узорчатый шёлк, шёлк из простых и лощёных ниток, клубки лощёных ниток, нелощеные нитки, — всё было разложено очень красиво. Так много было всего, что ножки подносов гнулись под тяжестью подарков. Перед госпожой Дзидзюдэн были поставлены высокие кубки из аквилярии, на них девять квадратных подносов из того же дерева, покрытых прекрасными скатертями. В шести коробах для одежды из аквилярии, обрамлённых золотом, лежали подарки;

в шкатулки, украшенные росписью по лаку, были уложены полные женские наряды, белые десятислойные платья, десять пар штанов; пять коробов из сандалового дерева, вмещающих по пять то, были до краёв наполнены деньгами для ставок при игре в шашки или в таги[32] и сумимоно.[33] От Масаёри тоже доставили деньги для игры в шашки и сумимоно. От принца Сикибукё и от господина Мимбукё принесли множество подарков.

*** * ***

В срединном доме открыли с южной стороны передние покои и устроили там сиденья для гостей. Масаёри послал своего сына, помощника начальника Дворцовой стражи, передать приглашение Канэмаса и принцу Сикибукё: «Чтобы сегодня вечером наш праздник не был очень скучным, не пожалуете ли Вы к нам? Если Вы изволите прийти, я тряхну стариной и сам буду танцевать».

«Это, конечно же, будет замечательное зрелище», — решили все господа, начиная с Канэмаса и принца Сикибукё, и, не в силах оставаться дома, явились к министру и расселись друг подле друга. Угощение было приготовлено советником Судзуси. Столики были накрыты очень красиво. Гостям наливали много вина, вносили разные блюда. Принц Накацукасакё выпил столько, что его стало рвать. Принц Сикибукё где-то потерял один башмак и совершенно забыл о своей всегдашней серьёзности.

— Не в таком ли же самом виде прибежал сюда Судзуси, чтобы послушать игру Накатада? — засмеялся принц Хёбукё. — Теперь уже вряд ли можно надеяться, что мы увидим замечательное исполнение танцев!

— Как-то раз Юкимаса бегал, закатав нижние штаны и показывая всем, как журавль, голые ноги. Но поскольку в танцах он неподражаем, его за голые икры никто не упрекал, — заметил Судзуси.

— Чтобы выглядеть красивее, чем обычно, и шествовать важно в полном наряде, с деревянной табличкой в руках, мои сыновья, бывало, крепко завязывали штаны, — сказал Масаёри.

— Когда Санэтада ещё не удалился от мира, как замечательно исполнял он «Обезьяньи пляски»[34] и смешил всех целыми днями, — вспомнил принц Мимбукё.

— Что подумает моя дочь, которая служит у наследника престола,

когда услышит о происходящем здесь сегодня вечером, — вздохнул Масаёри. — Она на меня рассердится. Наследник не дал ей разрешения отлучиться из дворца, и она очень недовольна.

— Да, наверное, рассердится, — сказал левый министр. — ‹…› Но от моих слов и ленивый вол помчится бегом.

Все дружно рассмеялись.

Начали исполнять музыку. На лютне играл принц Сикибукё, на цитре — левый министр, на японской цитре — принц Накацукасакё, на органчике — принц Хёбукё, на флейте — советник Судзуси, на хитирики — заместитель второго советника.

«Будет невежливо, если я к ним не выйду», — подумал Накатада и решил присоединиться к пирующим, выпить с ними вина. Он надел сиреневые на зелёной подкладке шаровары, бледно-сиреневое верхнее платье, китайское платье из лощёного узорчатого шёлка и вышел к гостям. Накатада выглядел блистательнее, чем обычно. Подол его нижнего платья тянулся по полу. В руках он держал чашу с вином.

— Вот кого мы и не ждали! Советник настолько восхищён своей дочерью, что сидит только во внутренних покоях! — воскликнул принц Хёбукё, глядя на Накатада.

Все остальные тоже повернулись к вошедшему. Невозможно было найти в его внешности ни малейшего изъяна, это был достойный зять императора. Обычно говорили, что Судзуси так же красив, как Накатада, но сегодня их и сравнивать было нельзя.

Накатада преподнёс чашу принцу Сикибукё, который с готовностью выпил её и сложил:

— Долгие годы
Будешь расти здесь,
Принцесса-сосна!
Первым сегодня хочу
Прохладой тенистой дышать!

Накатада на это ответил:

— Скоро ль под тенью
Ещё одного деревца

Мы здесь соберёмся?
Пусть долгие годы сосёнка эта
Здесь пышно растёт.

Принц Накацукасакё сложил:

— Под крону высокую
В прохладную тень
Скоро сбежится придворных толпа!
Расти безмятежно,
Принцесса-сосна![35]

Принц Хёбукё произнёс:

— С радостью думаю,
Что долгие годы
Сосёнка эта
Будет расти,
Мир красотой изумляя.

Левый министр возгласил:

— Рядом с высокой сосной
Милый росток
На свет появился.
Пусть долгие годы
Над его головою несутся![36]

Старший советник министра Тадатоси произнёс:

— У бурного моря

На вершине скалы
Сосёнка корень пустила
<…>

Правый министр Масаёри сложил:

— Годы летят, и снег
Всю голову мне покрывает.
Но услышать надеюсь,
Как ветер в ветвях
Высокой сосны зашумит.

Правый генерал Канэмаса произнёс:

— Верится мне,
Что до вершины
Старой сосны
Ветви сосёнки милой
Взрастут.

Санэмаса прочитал:

— Глядя на нежный росток,
Хочу я увидеть,
Каким вырастет он
В мире, где буря
Грозно ревёт.

Второй советник Масаакира сложил:

— Сегодня на свет
Робко пробился росток.

И путь его жизни
Неразличим
В тысячелетней дали.

Второй советник Судзуси сложил:

— Милый росток!
В этой роще прохладной
Сколько раз
По тысяче лет
Считать тебе суждено!

Заместитель второго советника Тададзуми произнёс:

— Сколько на свете
Сосен растёт!
Но затмит их
Славой чрез тысячелетья
Этот росток!

Другие гости тоже слагали стихи, но я их здесь не привожу.

— Как говорится, самое важное — это начало. Где же ребёнок? — спросил принц Сикибукё.

— Здесь, — ответил Масаёри, поднялся и начал танцевать «Риндай». [37]

Музыканты из Личной императорской охраны, сидевшие перед ним, и знаменитости из Музыкальной палаты заиграли это произведение. Зазвучали барабаны и вместе с ними органчики, флейты, хитирики. В это время принц Тадаясу, одетый в платье из лощёного шёлка, отливающего чёрным, в шаровары, верхнее платье из синей тонкой парчи и нижнее светло-коричневое платье на тёмно-красной подкладке, взяв в руки чашу, подошёл к принцу Накацукасакё. Тадаясу был высок ростом, обладал благородной внешностью, его изысканное обращение очаровывало, как тонкий аромат. Он протянул чашу принцу Накацукасакё. Накацукасакё был

того же возраста, что и Тадаясу: обоим было по двадцать три года.

— Как в прошлый раз, — сказал он и без промедления выпил три чаши.

«Прекрасно! — глядя на него, подумал Масаёри. — Кому он достанется в зятья?».

— Чем тебя угощу?[38] — пропел левый министр Тадамаса, замечательно аккомпанируя себе на цитре.

Принц Сикибукё удивлённо взглянул на него и рассмеялся, потому что ему пришла в голову та же самая мысль. Накацукасакё с чашей в руках исполнил танец, а затем подошёл к Масаёри. Тадаясу же занял место за своим дядей, принцем Мимбукё.

Выпив чашу, Масаёри сказал:

— Что же это меня, согнутого пополам старика, заставляют плясать, а другие ни с места!

Тогда поднялся Судзуси и исполнил танец. Другие гости тоже замечательно танцевали.

После этого Четвёртый принц, одетый в платье из лощёного шёлка, отливающего красным, в шаровары и верхнее платье тёмно-зелёного цвета, в китайское платье из узорчатого шёлка белого цвета на зелёной подкладке, с чашей в руке приблизился к принцу Хёбукё. Это был рослый, несколько полный юноша, с белой кожей, очень красивый. Принц Хёбукё выпил вина и, танцуя, подошёл к Судзуси. Тот взял чашу и опять передал её принцу Тадаясу. Четвёртый принц занял место за Тадаясу. Он жил в императорском дворце. Ему было двадцать два года.

Правый министр сказал:

— Сейчас можно нарушить порядок исполнения танцев. Пусть каждый танцует, что хочет!

Поднялся старший советник министра Тадатоси и начал танцевать «Многие лета». Музыканты замечательно ему аккомпанировали.

— Танец «Многие лета» ‹…›, — промолвил Масаёри. — Когда смотришь на это пожелание такой долгой жизни, как у журавлей, забываешь о собственной старости.

Шестой принц, одетый в тёмно-красное платье из лощёного шёлка, в верхнее платье и шаровары белого цвета на розовой подкладке, в нижнее платье красного цвета с чёрным отливом на голубой подкладке, подошёл с чашей к левому министру. Принц был очень небольшого роста, настолько полный, что руки его казались короткими; но он был очень мил. Принцу было двадцать лет. Он жил в усадьбе Масаёри. Тадамаса, не отнекиваясь, как всегда выпил много и передал чашу сыну, Тадатоси, который выпил в

свою очередь. Шестой принц исполнил свой танец.

— Ну-ка, подыграйте мне, — сказал главный архивариус, занимавший одновременно должность советника сайсё, музыкантом, аккомпанирующим обычно в «Обезьянних плясках», и начал «Танец черепах».[39] Все без исключения дружно смеялись и с явным удовольствием смотрели во все глаза на танцующего.

Восьмой принц, одетый в верхнее платье и шаровары светло-синего цвета, в платье бывшего тогда в моде красного цвета и в белое нижнее платье на розовой подкладке, преподнёс чашу левому министру. У него был очень благородный вид. Он был молод, и лицо дышало простодушием. Ему было семнадцать лет.

— Пожалуйста, не пейте много, одну чашу за другой, — сказал он министру и сделал несколько танцевальных фигур.

Министр принял чашу и передал её советнику сайсё, который только что так смешно исполнял «Танец черепах». Когда он выпил и исполнил танец, Канэмаса заявил:

— Я знаю только одну фигуру, — и сделал несколько па из «Танца птиц».[40]

В это время из шатра Правой личной императорской охраны показались танцовщики в костюмах павлинов, а из шатра Левой охраны — другие, в костюмах журавлей. Присутствующие потребовали исполнить «Танец птиц», что танцовщики в костюмах и сделали под аккомпанемент музыки, после чего генерал протанцевал его ещё раз с начала до конца.

В это время Десятый принц, младший сын высочайшей наложницы Дзидзюдэн, которому было всего четыре года, появился с чашей в руках. Волосы его расчёсаны на пробор, лицо белое, он был очень красив, этот толстенький мальчик, одетый в платье из тёмного узорчатого шёлка, в штаны на подкладке, верхнее платье красного цвета с чёрным отливом, на голубой подкладке, рукава которого были подвязаны тесёмками. Дед его и старшие братья стали спрашивать принца:

— Кому же эта чаша? Не мне ли?

— Нет, нет, — отвечал малыш, и подойдя к Канэмаса, преподнёс чашу ему. Генерал наклонился к ребёнку, поднял его и посадил к себе на колени. Канэмаса принял чашу и увидел, что на ней рукой Дзидзюдэн, ещё более красивым, чем обычно, почерком было написано:

«Если одна только ночь
Тянется долго,

То какой бесконечной
Будет тысячелетняя жизнь
Журавля в тростниках!»

«Чрезвычайно редко можно встретить такой прекрасный почерк, — подумал генерал. — За двадцать с лишним лет её мастерство достигло совершенства!» Он вспомнил, как двадцать лет назад они обменивались письмами, и из глаз его, казалось, вот-вот польются слёзы. Внимательно прочитав написанное, он спрятал чашу за пазуху.

— Нет-нет! Матушка велела налить в эту чашу вина, — говорил Десятый принц, тыча пальцем в грудь Канэмаса.

— Нельзя предлагать вино в такой запачканной тушью чаше, — урезонивал его генерал. — Возьми вот эту, чистую. — Он протянул принцу другую чашу, которую взял со стола.

Увидев, что Канэмаса спрятал принесённую чашу, присутствующие зашумели и засмеялись: «Почему вы положили её за пазуху? Никто никогда так не делает!»

Молодому принцу велели налить вина до краёв.

— Это слишком много, — запротестовал генерал. Но мальчик ответил:

— Совсем не много, — и осторожно, не пролив ни одной капли, поднёс ему.

Канэмаса выпил, затем обнял принца и передал чашу дальше. Недалеко от него сидел Юкимаса, который должен был в свой черёд написать стихотворение.[41] Генерал, взяв украдкой у него кисть с тушечницы, написал на листе кринума,[42] который был положен под блюдо:

«Какое удивительное послание получил я на чашке!

Тысячелетья
Сменяют друг друга.
Но разве может былое забыть
Средь тростников
Живущий журавль?»

Принц отнёс это стихотворение матери.

— Мы все в течение многих лет с большим трудом пытаемся получить

образование, а вот Накатада основательно овладел глубокими познаниями как-то незаметно, — сказал левый министр. — Ему, наверное, не хочется находиться в таком неотёсанном обществе.

— Но сегодня его присутствие здесь — первейшая необходимость, — ответил Масаёри.

— Почему же столь важная персона на этом празднике сидит где-то внизу? Пусть займёт место наверху! — предложил принц Накацукасакё.

— Делай побыстрее, что тебе говорят, — велел Канэмаса сыну, и Накатада занял место на веранде рядом с важными сановниками.

— Не принесут ли нам из женских покоев то, что осталось от их трапезы? — попросил принц Сикибукё. — Мне захотелось чего-то, приправленного чесноком.

— И я, и Канэдзуми с удовольствием отведаем их кушаний, — поддержал его левый министр. — Пожалуйста, пусть принесут.

— Если бы министр не выразил своего желания, и я бы не стал есть, — заявил принц Накацукасакё.

Принц Хёбукё, разговаривая с гостями, подумал: «Какой у него звучный голос!»

Когда забрезжил рассвет, Юкимаса, спустившись по лестнице, ещё раз неподражаемо исполнил «Танец князя Лин-вана». Присутствующие пришли в полный восторг. «Такого мастерства в мире ещё никто не видел! Что за виртуоз! На празднике императрицы-матери этот танец исполнял Мияако; оказывается, это Юкимаса обучил его. Тогда все недоумевали: откуда? как? кто его научил?» — переговаривались они.

Сыновья Масаёри вынесли подарки. Накатада сам раздавал их гостям. Было приготовлено вот что: женские платья, детские платья и пелёнки. Советник Судзуси, получив первым подарок, спустился по лестнице и вручил его Юкимаса за исполнение танца. Роскошная одежда была сделана с большим вкусом. Чины Личной императорской охраны, сидевшие под шатрами, глядя на всё происходящее, восклицали: «Такого великолепного исполнения и таких подарков мы ещё не видели!»

Гостям высших чинов, начиная от вторых военачальников Личной императорской охраны третьего ранга, были вручены белые платья и штаны на подкладке, чинам четвёртого и пятого рангов — белые платья, а шестого ранга — однослойные платья и охотничьи костюмы из белого полотна, низшим чинам — по штуке шёлка. Все подарки были превосходны.

Когда господа кончили музицировать, чинам охраны, сидящим в шатрах, велели играть китайскую музыку и вновь исполнить танец

павлинов и журавлей. Госпожи, находящиеся за занавесью, смотрели на танцующих и громко восхищались. Из-за занавеси вынесли золотые шары, величиной с дикий цитрус, и двух маленьких серебряных рыбок. Принц Сикибукё принял их и передал танцующим. Танцовщики, одетые павлинами, зажали золотые шары в клюве, а два «журавля» взяли в клювы по рыбке и снова начали танцевать — зрелище было поистине захватывающим. Затем им вручили подарки, «павлинам» — верхнее и нижнее платье, «журавлям» — по детскому однослойному платью из белого узорчатого шёлка.

Все гости были совершенно пьяны, ноги у них разъезжались, многие попадали на землю и так и остались лежать. Другие возвращались, окружённые со всех сторон детьми и сопровождающими. Даже Масаёри держался на ногах нетвёрдо, и за ним двигалась толпа слуг. Правый генерал отправился в отведённые ему западные покои в сопровождении Накатада, тоже изрядно пьяного. «Будем пить допьяна», — пел Накатада необычайно красиво.

Когда он вошёл во внутренние покои, госпожа Дзидзюдэн, взяв на руки Десятого принца, удалилась к себе.

Войдя, Накатада увидел, что жена его стоит, опираясь на столб полога.

— Смотрю на танцы журавлей, — сказала она.

— Это неприлично, — упрекнул он её. — Что за манеры! Накатада усадил жену на постель.

— Всё это время я шнуры своего платья так и не развязываю, — сказал он, ложась спать один.

Мать Накатада, беспокоясь за мужа, которого все оставили, отправилась к нему.

Кормилицам преподнесли одежду — за пологом находилось много кормилиц и прислуживающих дам.

*** * ***

Дзидзюдэн выложила все подарки, полученные вечером от гостей, и принялась их рассматривать. Двенадцать подносов из аквилярии и серебряные чаши, полученные от левого министра, она решила дать матери Накатада; подносы из светлой аквилярии и чашки, преподнесённые заместителем старшего советника, — супруге Масаёри; серебряные подносы и длинные коробы из цезальпинии со всем их содержимым,

полученные от Судзуси, отослать Фудзицубо.

— Накатада пьян, но я и сама неплохо справилась, — решила она. Накатада, лёжа в постели, слышал эти слова. Дзидзюдэн села за письмо Фудзицубо:

«Хотела ещё вчера написать тебе, но незаметно для себя самой выпила слишком много вина и решила отложить письмо на сегодня. Твои подарки, которые, должно быть, доставили тебе столько хлопот, привели меня в восхищение. Как тебе удалось одной всё приготовить? Как бы я хотела, чтобы, следуя твою примеру, я поскорее разрешилась от бремени! Прошлой ночью я долго думала: хорошо, когда детей много, если даже они и некрасивы».

Фудзицубо, получив подарки, восхищалась: «Какого большого труда стоило приготовить всё это!» Она ответила Дзидзюдэн:

«Вчера я напрасно ждала твоего письма и уже беспокоилась, не совершила ли я чего-нибудь неподобающего. Дело, оказывается, было в другом. Во дворце тоже устраивается много дивных праздников, но я на них не присутствую и только слушаю рассказы других. Жизнь моя бессмысленна, и я горько сетую на судьбу. Подарки твои явились для меня неожиданностью и доставили такую большую радость, как полная луна. А мои подарки не показались тебе слишком безвкусными? Что ты думаешь?»

Письмо было написано очень красивым почерком на двойном листе тонкой бумаги. Тадаясу, прочитав его, сказал:

— Прекрасный почерк! Все восхваляют вашу, матушка, каллиграфию, но Фудзицубо кажется мне гораздо искуснее. Теперь и я могу наконец оценить её почерк. Если бы письмо было написано кому-нибудь другому, я бы, увидев его, мучился ревностью.

— Ты, наверное, думаешь, что Фудзицубо вообще не должна никому посылать писем, — сказала Дзидзюдэн.

— Когда я думаю о ней, мне становится горько, что я не наследник престола, — признался принц, — вы родили меня на горе, обрекли на тоскливое существование.

— Что за речи! Нельзя так упорно думать об этом. Ты всё время погружён в размышления, потому что живёшь бобылём. Не согласиться ли тебе на какое-нибудь предложение и не взять ли какую-нибудь девицу в жёны?

— Я намерен и дальше жить один. Да и вряд ли существует женщина, которая смогла бы избавить меня от моей печали. Может быть, я уйду в монахи, — сказал Тадаясу и, взяв письмо, вышел из комнаты.

— С письмами от Фудзицубо всегда одна и та же история. Вчера

забрали, сказав, что это жене Накатада, а сегодня унёс Тадаясу. Прямо не знаешь, что делать! — воскликнула раздосадованная Дзидзюдэн. Голос же её звучал чарующе.

Канэмаса, покои которого находились недалеко от её комнаты, прислушивался, заворожённый её голосом.

— Принцесса необыкновенно похожа на мать, не так ли? — обратился он к жене.

— Да. Ещё не знаешь, что это госпожа Дзидзюдэн, но сразу чувствуешь к ней расположение, — отозвалась та.

— Принцесса, должно быть, тоже такова. Накатада очень её любит. Он не полюбил бы её, если бы у неё не было достоинств, — продолжал генерал.

— И высочайшая наложница очень красива. Император в ней души не чает и сейчас то и дело присылает ей письма с просьбой вернуться поскорее, — поведала ему госпожа.

— Интересно, что государь думает о тебе? У меня было много красивых жён, но в конце концов я их всех забыл ради тебя. На моём месте все бы хвастались такой женой. Тебе нужно побольше бывать на людях, лица не открывая, но красиво одевшись. Своими талантами ты затмишь Накатада, — говорил Канэмаса.

— Это мой сын, но он так хорош, рядом с ним мне стыдно своего убожества, — сказала госпожа.

— Сейчас из-за меня придворные не могут получить повышения. Никто не может перепрыгнуть через меня. Жалко, что поэтому и Накатада всё ещё не генерал. Но подойди сюда, я покажу тебе чашку, которую преподнёс мне Десятый принц.

Он поставил эту чашку у изголовья и вместе с женой лёг спать.

Дзидзюдэн позвала кормилицу:

— Уже вечер. Разбуди советника и подай ему поесть.

Та пошла и доложила, что трапеза готова.

— Почему мне предлагают есть сейчас? Подождём, пока распустятся цветы, — пробормотал Накатада и с постели не поднялся.

Кормилица передала его слова Дзидзюдэн, и госпожа засмеялась:

— Не знаешь, что ждать от пьяного. И это Накатада, который всегда распекает тех, кто нерадив.

Так кончился этот день.

* * *

Ночь прошла. Рано утром раздался голос Накатада:

— Это ещё вчера? Или уже сегодня?

И все громко рассмеялись.

«Накануне я забыл приличия…» — подумал Накатада и тотчас принялся за еду. Шёл девятый день.

— Все эти поздравления длятся очень долго. Сегодня не будем устраивать особой церемонии, а ограничимся простым угощением. Приготовьте всё только для семьи министра Масаёри, — распорядился Накатада.

Слуги, говоря: «Сделаем, как приказал наш молчаливый господин», приготовили всё необходимое к пиру.

Наступил вечер. Мать Накатада расчесала волосы, надела! платье из лощёного шёлка, сверху — вышитую шёлковую накидку и пришла с поздравлениями в покои Накатада. Пришла туда и госпожа Дзидзюдэн. Жена Накатада поднялась с постели. В передних покоях с восточной и западной стороны устроили сиденья, разложили подушки. Приготовили сиденья и на веранде. Вдоль занавеси главных покоев поставили передвижные занавески. Накатада пригласил жену Масаёри:

— Не пожалуете ли вы к нам?

Явился Масаёри. Присутствовали все принцы, сыновья Дзидзюдэн, все члены семьи, начиная с заместителя второго советника министра, Тададзуми.

— А своего отца сегодня, когда вся семья в сборе, ты разве не пригласил? — обратился министр к Накатада и послал одного из своих сыновей пригласить Канэмаса.

Генерал прибыл.

— Пожалуйте сюда, — позвал его Масаёри и проводил в глубь помещения.

Внесли угощение, приготовленное по распоряжению Накатада. Перед принцессой поставили шесть глубоких подносов из светлого лазурита,[43] с серебряными чашками, поверх которых стояли чашки из лазурита, такие тонкие, что просвечивали насквозь. Перед госпожой Дзидзюдэн и матерью Накатада поставили по шесть подносов из аквилярии, перед сыновьями наложницы — по шесть подносов из светлой аквилярии. Сам Накатада, сидя на веранде, отдавал распоряжения. Перед ним стояло два столика из цезальпинии. Перед сановниками тоже было поставлено по два столика, перед низшими чинами — по одному. Посторонних никого не было,

присутствовали только члены семьи Масаёри.

— А где же моё место? Советник, скажи, подле кого мне можно сесть? — спросил Масаёри.

Накатада, услышав эти слова, шепнул отцу:

— Пригласи его.

И Канэмаса позвал министра:

— Пожалуйте сюда.

Масаёри повернулся к Тададзуми:

— Сегодня и ты садись рядом.

Тогда они оба заняли места возле генерала.

В это время прибыли подарки от императрицы: двенадцать обычных в таких случаях серебряных подносов[44] и такие же чашки. Всё было покрыто шестью покрывалами из китайского узорчатого шёлка. На подносах стояло множество коробок для еды и было много ‹…›. Кроме того, Накатада ждало письмо.

Прибыли подарки от Насицубо, сёстры Накатада, которая служила во дворце наследника престола: внесли на плечах два золотых кувшина вместимостью в один то, один наполненный мёдом, другой — ‹…›, они были покрыты жёлтой бумагой. Два серебряных карпа, совсем как живые, висели на искусственной ветке клёна. Внесли три мешка синего цвета, в одном были серебряные монеты, в другом — чёрные благовония в виде зажаренных рыбёшек, в третьем, украшенном птичьими пёрышками, — благовония из аквилярии в форме птичек. Всё было завёрнуто в двойную тонкую бумагу зелёного цвета. Письмо в конверте из китайской двойной тонкой бумаги было привязано к астре. Накатада прочитал:

«Давно не писала тебе. Ты долго не показывался во дворце, и я начала уже беспокоиться, но вчера я наконец узнала, что на это были причины.

Птицу на поле,
Заросшем густою
Травой мурасаки,
Нашла я,
Чтобы поздравить тебя.[45]

Если бы я узнала раньше, я бы разыскала для поздравления птицу побольше».

— От кого это письмо? — спросил Канэмаса. — Совершенно

очаровательный почерк!

— Это от Насицубо, — ответил Накатада.

— Ну-ка, ну-ка, покажи мне, — сказал Канэмаса и, прочитав, прибавил: — Она стала совсем взрослой!

Пришли подарки от госпожи Райкэйдэн, старшей дочери Тадамаса, которая служила во дворце Живописных видов у наследника престола: два серебряных бочонка вместимостью в два то, серебряные черпаки, бочонок с рисовой кашей, другой — с кашей из красных бобов, в восьми серебряных тазах приправа к рису, рыба четырёх сортов, овощи четырёх видов. Всё это было положено в четыре больших короба из аквилярии, там же были большие и маленькие золотые чашки и много серебряных палочек. Кроме того, ждало письмо, адресованное Накатада. Слуги внесли подарки и расставили перед гостями. Господа пришли в восторг.

— Сначала попробуем этой кашки, — заговорили все и, положив пищу в присланные чашки, начали есть.

Накатада ответил Насицубо:

«Благодарю тебя за подарки. Давно не видел тебя и начал уже беспокоиться. Кто же вчера рассказал тебе, что произошло у нас? Или это большая птица принесла новость на крыльях?[46] Но, признаюсь, мне неприятно, что ты не написала письма моей жене и чуждаешься её…

Больше всех птиц,
Вьющих гнёзда
В зарослях трав,
Мне милей черепаха
В глубокой воде».[47]

Всем посыльным, явившимся с подарками, Накатада дал вознаграждение, а поздравлявшим его послал ответы, сопроводив их, в свою очередь, подарками.

В тот вечер принцы и все господа были одеты в шаровары и верхние платья из китайского узорчатого шёлка и однослойные платья из красного узорчатого шёлка.[48]

Подали суп. Гости несколько раз наполняли чаши вином.

Накатада потребовал бумагу, и ему принесли свиток желтоватой бумаги, свиток белой, положив их на крышку коробки с письменными принадлежностями. Он взял мешки, присланные Насицубо, открыл их и

начал рассматривать то, что в них было.

— Поистине редкостные вещи! — восхищённо произнёс Масаёри.

— Ах, что же тут странного! — воскликнул Канэмаса. — Думаю, что эти подарки приготовила её мать, а у неё вкус прекрасный.

Накатада взял десять золотых монет, и сложив вдвое жёлтую бумагу, завернул в неё каждую монету, а в белую бумагу завернул серебряные. Белые свёртки он сделал особенно тщательно. Жёлтые же преподнёс Масаёри и Канэмаса. Принесли шашки и кости.

— Здесь нет ни рыб, ни птиц, — сказал Масаёри и заглянул за занавесь.

Все начали играть в азартные игры, и за занавесью, и снаружи. Несколько раз наполняли чаши вином. Ярко горели светильники, в которых было достаточно масла. И взрослые, и дети играли в игры восточных провинций. В азартные игры и в шашки ‹…›. Дамам же преподнесли по одному мандарину. Накатада и принцы играли в шашки.

Было уже поздно. Накатада велел принести три струнных инструмента в красивых чехлах и три духовых инструмента. Духовые были настроены для совместной игры. Накатада немного поиграл на каждом из струнных инструментов. Излишне говорить, какими очаровательными были звуки! После этого он велел отнести инструменты за занавесь: «Лютню положите возле принцессы, а цитру — подле госпожи Дзидзюдэн». Прислуживающие дамы взяли инструменты и отнесли госпожам, как он указал.

— Что же с этим делать? — заговорила Дзидзюдэн. — Как на ней играть?

— Вам не следует так говорить, — сказала мать Накатада и первая начала очень красиво играть на цитре. Через некоторое время Дзидзюдэн стала великолепно вторить ей, а жена Накатада поднялась и заиграла на лютне. Все трое играли изумительно.

Слушая их, Накатада убедился, что принцесса играет на лютне превосходно. Некоторое время дамы играли одни, а затем Накатада стал вторить им на флейте, принц Тадаясу — на органчике, а заместитель второго советника министра — на хитирики. Накатада играл на флейте очень громко Обычно он не играл на этом инструменте вместе со струнными. «Такой игры на флейте мы ещё не слышали, — заволновались со всех сторон господа. — По-видимому, это играет Накатада. Послушаем его! Это, наверное, госпожа с Третьего проспекта попросила его поиграть. Накатада предпочитает играть один, но и в ансамбле с другими инструментами он играет прекрасно!» Юкимаса, услышав издали это

исполнение, не мог усидеть на месте и побежал к Судзуси.

— Пойдём туда! Там играют совершенно замечательную музыку! — сказал он.

Юкимаса прибежал, как был дома, в поношенном охотничьем костюме. Друзья прошли в восточный флигель и притаились в его западном углу за решётками. Духовые и струнные звучали обворожительно. Юкимаса слушал, затаив дыхание.

— Как великолепны звуки флейты! — прошептал Судзуси. — На цитре играет, наверное, мать Накатада. Такого изумительного звучания мне слышать ещё не приходилось! В этой семье могут сделать то, что для нас остаётся недоступным.

— Ничего странного в этом нет, — сказал Юкимаса. — Таким мастерам не приходится беспокоиться, что они не смогут чего-то хорошо сыграть. Поэтому и надо хранить секреты в семье. Если бы они стали всем известны, чем бы смогли Накатада и его мать поразить государя?

Послышался шум, и музыка прекратилась.

Канэмаса, изрядно пьяный, был в прекрасном настроении.

— Почему же сегодня вечером принцесса не выходит к нам? Без неё здесь скучно! — сказал он.

Принцесса через даму по прозванию Сайсё велела передать, что она уже почивает.

— Принцесса могла бы обойтись без посредников, её опочивальня ближе, чем Танская страна, — заметил Канэмаса. — В семье Накатада люди недалёкие, но музыку исполнять могут. А вина гостям сегодня подносили мало, мне вовсе не давали, а хочется ещё немного выпить. Пусть принесут чашу из-за занавеси.

— Я преподнесу ему, — сказала прислуживающая дама.

Накатада взял большую чашу с вином и преподнёс её Масаёри:

— В бухте Мия на отмель
Журавлёнок спустился.
Хочу, чтобы всё поглядели.
Как стремятся к нему
Белые волны.[49]

Масаёри сложил:

— Если будешь стареть
С птенцом, что на отмель
Сегодня спустился,
Берег спокойный
Ты без сомненья узришь.

Он передал чашу Канэмаса, и тот, взяв её, произнёс:

— Тысячу лет проживёт
Птенец, что на отмель спустился.
Но сколько тысячелетий
Отпущено журавлёнку, что ныне
Из скорлупы на свет появился?[50] -

и передал чашу Тадаясу.

Канэмаса громко воскликнул:
— Накатада, принеси ещё вина.
— Очень мне завидно, — сказал Четвёртый принц.[51]
— Если мне так славно… — ответил Накатада. Канэмаса засмеялся и произнёс ‹…›
Выпили ещё по одному разу. Чашу поднесли принцессе, и она сложила:

— Едва появившись на свет,
Жизнь в тысячу лет
Пред собою видит птенец.
Но сколько же лет
Он в яйце оставался?

Четвёртый принц сложил:

— Ещё находясь в яйце,
Знал о том
Журавлёнок,
Что жизнь в тысячу лет
Ему прожить предстоит.

Шестой принц произнёс:

— Каким далёким
Кажется путь
В тысячу лет,
Что перед птенцом
Открылся.

Восьмой принц сказал:

— Сколько раз предстоит
Увидеть птенцу,
Как будут мутнеть
Светлые воды потока,
Как мутные будут светлеть![52]

Заместитель второго советника министра сложил:

— Струится светлый поток,
Но не уносит
Ту тысячу лет,
Что в светлой глуби
Ждёт, журавль, тебя!

Старший ревизор Левой канцелярии произнёс:

— Долгою ночью, от инея белой,
Смогу ли восстать,
Чтобы увидеть,
Будешь ли вправду
Жить ты тысячу лет?

Советник сайсё, бывший в то же время вторым военачальником Личной императорской охраны, произнёс:

— Как хотелось бы мне
Увидеть, как журавлёнок
Тысячу лет безмятежных
Будет жить в бухте,
Где воды спокойны!

Из подарков, присланных Судзуси принцессе, госпожа Дзидзюдэн раздала по одному платью всем родственницам, которые находились во внутренних покоях. Они начали шумно восторгаться. В это время Накатада протянул тихонько руку за занавесь, и беря оттуда подарки, раздавал собравшимся, начиная с Масаёри. Все господа до старшего ревизора Левой канцелярии и советника сайсё, бывшего одновременно вторым военачальником Личной императорской охраны, получили по полному женскому платью, а более низким чинам Накатада вручил охотничьи костюмы из белого полотна и штаны. Двенадцатому сыну Масаёри, недавно прошедшему обряд надевания головного убора взрослых и получившему шестой ранг, Накатада вручил охотничий костюм.

*** * ***

На следующий день стали готовить изящные подарки для возвращающейся домой жены четвёртого сына Масаёри, выполнявшей обряд первого кормления грудью. Мать Накатада тоже собралась ехать к себе и стала прощаться с госпожой Дзидзюдэн и принцессой.

— Я так привыкла видеть вас рядом, что очень буду скучать по вас, —

сказала Дзидзюдэн. — Мне бы хотелось, чтобы вы ещё некоторое время оставались здесь, но я знаю, как трудно жить не дома!

— Мне будет недоставать вас, приезжайте к нам опять поскорее, — приглашала госпожу супруга Масаёри. От самого министра госпоже было преподнесено сто штук прекрасного шёлка для её прислуживающих дам. И вот мать Накатада покинула усадьбу Масаёри. Её сопровождали генерал Канэмаса, советник Накатада и множество чиновников четвёртого и пятого рангов. Свита была столь многочисленная, что когда Канэмаса достиг своих ворот, последний экипаж ещё не выехал из усадьбы Масаёри. Дома, правда, отстояли недалеко друг от Друга: чуть более, чем на один те. Накатада тоже находился в свите матери.

Масаёри послал вслед генералу Канэмаса двух превосходных скаковых лошадей и двух соколов. В письме он писал:

«Пока я собирался вручить это сопровождающим, Вы покинули мой дом…»

От жены Масаёри было послано пять коробов для одежды, украшенных золотой росписью по лаку, с подставками из цезальпинии; два короба с шестами для переноски, наполненных одеждой; два короба, наполненных китайским узорчатым шёлком, и один с ароматами для окуривания одежды и гвоздикой. В письме она писала матери Накатада:

«Когда Вы находились у нас, мне всё время хотелось наслаждаться разговором с Вами, но время прошло в разных хлопотах. Ваше пребывание было для меня очень радостным. Я считала, что мне немного осталось жить на свете, но сейчас мне кажется, что отпущенное мне время удлинилось. Слушая Вашу игру на цитре, я была необыкновенно взволнована, и мне почудилось, что гора Хорай совсем близко… Вещи, которые я посылаю, Вас недостойны, раздайте их Вашим слугам…»

От жены Накатада пришли подарки, выбранные из тех, которые она получила от императрицы: в ларцах для одежды, украшенных росписью по лаку, было два летних полных женских наряда, два зимних наряда и ночное двухслойное платье; в четырёх так же украшенных ларцах, обыкновенно употребляемых для хранения принадлежностей для причёски, лежали: в одном — благовония из аквилярии, в другом — золото, в третьем — сосуд из лазурита, в четвёртом — смешанные ароматы. Кроме того, был ларец, в котором находились золотой сосуд с лекарствами и десять золотых сосудов! наполненных мускусом. Всё было упаковано очень красиво. Письмо от принцессы было написано рукой Дзидзюдэн на бумаге из провинции Муцу:

«Мне хотелось самой написать Вам, но рука моя дрожит, и писать я не

могу. Пока Вы были со мной, я чувствовала себя уверенно, а сейчас мне так одиноко! Я не могу забыть звуков кото, которыми Вы сразу утишили мои мучения, заставлявшие меня терять сознание. Мне так хочется услышать их вновь! Я посылаю Вам кое-что, чтобы Вы могли сменить платье, на которое мочилась Инумия».

Накатада всё ещё находился на Третьем проспекте. Увидев, что мать его читает письмо от принцессы, он взял его со словами:

— Мне ещё не приходилось видеть, как пишет жена. Что ж, письмо написано прекрасно.

— Она с давних пор славилась своим почерком и, по-видимому, не уступит учителю Фудзицубо, — заметил его отец.

— Мне как-то посчастливилось видеть почерк Фудзицубо, он всё-таки лучше этого, — возразил Накатада.

Перед господами разложили подарки, присланные из усадьбы Масаёри. Канэмаса велел привести коней и осмотрел их.

— Он так расстарался, как будто мы чужие, — сказал Канэмаса. — Императрица преподнесла много превосходных вещей. Её отношения с госпожой Дзидзюдэн далеко не мирные, наверное, именно поэтому государыня и сделала такие подарки. Она выполнила все предписания вежливости.

— Государыня несколько раз присылала нам письма, — промолвил Накатада.

— Все из кожи лезли, чтобы нас поздравить, мне даже неловко, — ответил Канэмаса.

— Приготовили очень много всего, и приготовили великолепно. В будущем месяце такие же церемонии предполагаются и при разрешении от бремени госпожи Дзидзюдэн. Мы должны будем нанести визит. Кстати, Насицубо прислала поздравление и приготовила всё очень тщательно. С чего бы это? — спросил Накатада.

— Я тоже обратил внимание на её превосходные подарки. Вряд ли её мать тебя очень любит, и я гадаю, почему вдруг она решила так расщедриться? Как у неё дела?

— Я время от времени её навещаю, — начал рассказывать Накатада. — С её стороны я не замечаю ни малейшей враждебности, она меня всегда приглашает к себе и разговаривает очень сердечно.

— У неё ещё остались слуги? — поинтересовался Канэмаса. — Что она думает обо мне? Я чувствую свою вину перед ней. Её внимание меня вчера очень тронуло.

Мать Накатада тем временем писала жене Масаёри: «Благодарю Вас

за Ваше письмо. Мне хотелось ещё некоторое время побыть с Вами, но мой муж, недовольный моим отсутствием, торопил меня. По своей очаровательной внучке я очень тоскую и вскоре опять навещу Вас, так что ещё надоем. Многие, должно быть, хотели бы поселиться у Вас, хотя бы в Качестве сторожей. Как Вы пишете в письме, гора действительно близка и слышится только крик оленя».[53]

После этого она написала ответ Дзидзюдэн. Посыльным были вручены подарки, и они отправились обратно.

— Да и мне пора возвращаться, — сказал Накатада и отбыл в усадьбу Масаёри.

* * *

На следующий день госпожа Дзидзюдэн положила разной еды в золотые кувшины, преподнесённые Насицубо, а в мешки для провизии положила карпов, маленьких птиц, жареную рыбу, добавила фазанов, полученных от Фудзицубо, и послала всё императору. Кроме того, она послала письмо кормилице Югэхи:

«Последнее время была очень занята и долго не писала Вам, но почему Вы сами не навестили нас? Посылаю Вам кое-что из того, что осталось у нас в комнате для роженицы. Сейчас очень холодно, так что носите эти вещи. Передайте, пожалуйста, этих фазанов государю, я хочу, чтобы он сравнил их с фазанами из Катано».[54]

Она положила в маленький серебряный кувшин чёрные благовония, завернула в синюю бумагу пять золотых раковин с мёдом, взяла макрель из аквилярии, завернула каждую рыбку в отдельную бумагу и отправила, привязав всё к веткам пятиигольчатой сосны.

Югэхи с другими кормилицами находилась на кухне, когда принесли подарки. Все вокруг неё зашумели: «Откуда это? Ах, какая красота!»

— Это госпожа Дзидзюдэн прислала то, что осталось в комнате для роженицы после родов у её старшей дочери, — сказала Югэхи.

Она стала открывать подарки и рассматривать их. «Какое великолепие! И не случайно! Ведь это ребёнок господина Накатада. Как же было не постараться!» — переговаривались

дамы между собой.

— Отрежьте себе по кусочку от рыбок. А вот кое-что, что можно

использовать как лекарство от простуды, — давала указания Югэхи. И дамы сделали так, как она велела.

Она отнесла императору письмо Дзидзюдэн и подарки. Взглянув на них, государь сказал:

— Над приготовлением таких замечательных подарков думали долго. О чём вы там болтали с кормилицами?

— Я получила в подарок благовония в форме макрели, нарезала их на мелкие кусочки и раздала всем, — рассказала она.

— Какие разнообразные великолепные подарки! — похвалил император и мешок со снедью велел отдать императрице: — Это то, что осталось в комнате для роженицы после родов у принцессы.

Карпов и фазанов он послал наложнице, которая пользовалась его благосклонностью и недавно родила ему ребёнка.

— Я пошлю ответ Дзидзюдэн, — объявил император и написал:

«Пока я собирался послать тебе письмо, кормилица получила от тебя подарки. Возвращайся же поскорее! Я уже давно не видел наших детей, очень грущу. Когда поедешь сюда, возьми с собой всех детей — и мальчиков, и девочек. Нашу старшую дочь я давно не видел. Подумать только, что она уже взрослая! От этих мыслей на сердце у меня становится тяжело, как у птицы из Камо.[55]

В реке Ёдогава,
В неподвижной воде,
Тихо плавают карпы.
И приятно — пусть издалека -
На них любоваться![56]

Возвращайся же поскорее!»

Кормилица, в свой черёд, написала вот что:

«Очень благодарна за Ваше любезное письмо. Я хотела нанести визит и лично поздравить Вас с рождением внучки, но из-за печальных событий должна была воздержаться,[57] и время для поздравлений прошло. Что касается лекарств от простуды, присланных Вами — я давно уже мечтала о них. Я доложила государю о получении письма, и он сразу же изволил прочитать его и ответить Вам. Об остальном расскажу, когда смогу

увидеться с Вами…»

Госпожа Дзидзюдэн показала письмо императора дочери:

— Вот что получила я от государя.

Накатада тоже прочитал письмо и сказал принцессе:

— Действительно, надо нанести визит императору. Как только ты себя будешь хорошо чувствовать, посети дворец.

— Ах, мне стыдно, — ответила жена. — Государь всегда так пристально на меня смотрит. Как же мне показаться ему на глаза теперь, когда я так изменилась!

— Ты не совершила ничего предосудительного, — ответил Накатада. — Ведь дело не в твоей прихоти. Твоё смущение — чистое ребячество. Когда я являюсь с визитом во дворец, государь и на меня так смотрит. Но часто после этого, не знаю уж почему, он начинает улыбаться. Я всегда стараюсь сохранять спокойствие.

*** * ***

Покои принцессы и все задние комнаты были убраны и сверкали чистотой. Всю утварь обновили, а что было в комнате роженицы — раздали. Великолепные занавеси и одежда принцессы были отданы распорядительнице из Отделения дворцовых прислужниц; остальное, не столь красивое, отдали тем, кто помогал при родах. Эта самая распорядительница была дамой, которая служила у императрицы-матери, супруги отрёкшегося императора Сага, и с молодых лет принимала младенцев в благородных семьях. Ей было шестьдесят с лишним лет.

Накатада почти совсем не появлялся на службе и даже не выходил из дому, а проводил всё время, обнимая и лаская жену и Инумия. Распорядительница, глядя на него, говорила:

— Как только родилась Инумия, о которой ещё и сказать нельзя, какой она вырастет, — как только она родилась, вы прижали её к груди и с тех пор с ней не расстаётесь, даже не беспокоитесь, что она вас обмочит. Я прихожу в умиление, когда вижу, как вы, то вставая, то садясь, во всём оказываете помощь. В течение долгого времени я выполняла в императорском дворце церемонию первого купания, иногда вытирала младенца, а порой вела всю церемонию от начала до конца. Помню, когда родилась дама Фудзицубо, отец её сказал: «Самое милое дитя из всех, кого

я видел». Это я тогда выполнила церемонию первого купания. И когда родилась ваша супруга, я выполняла эту церемонию.

— Я очень рад это слышать. И впредь делайте для Инумия то, что вы делали для Фудзицубо и для моей жены, — сказал Накатада. — Печально было бы, если б моя дочь выросла такой, что на неё никто не обращал бы внимания. Недаром говорят, что купать ребёнка — это делать его красивым. Так купайте же мою дочь, чтобы она выросла красавицей. Я буду почитать вас и буду вам благодарен. Пусть никто, кроме вас, не прикасается к Инумия.

Девочка обмочила всю одежду отца. Он передал было дочку, всю мокрую, жене: «Возьми её», но та со словами: «Она грязная» оттолкнула девочку и отвернулась.

— На такую мать нельзя полагаться, — заметил Накатада, и передав ребёнка распорядительнице, попросил вытереть девочку.

— Какая вонь! Мне уже нехорошо, — говорила принцесса раздражённо.

— Ваша дочь похожа на госпожу Фудзицубо в детстве, — продолжала распорядительница, — но Фудзицубо была немного мельче. Ваша-то дочка крупнее. Сдаётся мне, что и она будет служить при дворе. Эта самая Фудзицубо, став взрослой, свела с ума множество мужчин. Сейчас она поистине стала великолепна. С годами её положение при дворе делается всё выше, а посмотришь, так хрупка, что тронь её пальцем — и, кажется, упадёт. На вид она беззащитнее цветка. Когда наследник престола находится возле Фудзицубо, он кажется сосной рядом с цветком. Недавно я была во дворце и видела их; вовсе не скажешь, что она прислуживает принцу, они похожи на самых обыкновенных супругов. Наследник сидел рядом с ней и что-то ей сказал — в чём было дело, не знаю, — у Фудзицубо сразу испортилось настроение, она опустила волосы на лицо и так и сидела. Я посмотрела на неё — волосы блестящие, как драгоценный камень, отполированный гранильщиком, такие густые, что невозможно различить отдельный волосок, и спускаются широкой волной. От такой красоты я всё забыла, и мне казалось, что дни, отпущенные мне, становятся долгими-долгими. А капризничала она потому, что беременна. В таком положении она всегда неспокойна.

— А у кого длиннее волосы, у принцессы или у Фудзицубо? — спросил Накатада.

— У обеих совершенно одинаковые, — ответила дама.

— У меня волосы лучше, чем у других. Но у неё ещё лучше, волосы Фудзицубо совсем особенные, — возразила принцесса. — Они как

лакированная поверхность, украшенная золотом. Когда Фудзицубо жила здесь, мы часто сравнивали наши волосы, у неё и цвет волос и сами волосы исключительные.

— У вас такие же прекрасные волосы, как у неё, — сказала распорядительница. — Я никогда не лгу. Присмотритесь лучше. И всё же Фудзицубо так красива, что даже внушает страх; а когда она находится возле своего супруга, то кажется ещё красивее. Вот вы, господин советник, очень красивы, и когда с вами находится ваша жена, вы кажетесь ещё красивее. Но Фудзицубо, думаю, вы затмить бы не смогли.

— Что тут говорить, без сомнения, она красивее, — согласился Накатада.

— Но значит ли это, что в самом деле красивее всех? — продолжала рассуждать распорядительница. — В нашем мире первая красавица — ваша матушка, затем Фудзицубо, затем ваша жена. А среди мужчин — вы.

— Вы вгоняете меня в краску. Конечно же вы преувеличиваете, — возразил Накатада.

— Совсем не преувеличиваю. Нисколько, — ответила дама. — Пожалуй, я пойду — если я ещё немного задержусь, то наговорю лишнего, и вы будете недовольны. — И взяв на руки Инумия, она вышла из комнаты.

— Весьма словоохотливая дама, — заметил Накатада. — Она очень пристрастна, особенно когда начинает нас расхваливать. Но когда Фудзицубо получит разрешение посетить родительский дом, во что бы то ни стало устрой так, чтобы я мог посмотреть на неё в щёлочку. Я хочу удостовериться, правду ли говорила госпожа распорядительница.

— Правду. Она сказала всё как есть, — ответила принцесса. — Прямо на глазах Фудзицубо становится всё красивее, а я с каждым днём всё безобразнее. Да и раньше она была гораздо лучше меня.

— Если ты так будешь говорить, то станешь совсем страшной, — пошутил он. — Но я, наверное, привык, и ты мне не кажешься такой уж некрасивой. Всё же обязательно дай мне посмотреть на Фудзицубо.

— Это не так просто. Если об этом узнают и пойдут разговоры, не оберёшься стыда.

— Если я удостоверюсь, что она ослепительная красавица, что может из этого произойти? Ведь я и раньше никогда ни совершал ничего предосудительного. Если кто-нибудь попытается овладеть благородной девицей без согласия её родителей, он подвергнется публичному наказанию. Разве не убил бы за это меня её отец? Гнев его не прошёл бы, даже если бы я начал играть на кото. Но я никогда не совершил никакого

проступка. Поскольку в своё время я вёл себя благоразумно, то и смог получить в жёны дочь императора.

— Я думаю, что государь не любит меня, и поэтому он так легко со мной расстался, — призналась госпожа. — В древности дочерей отдавали даже чертям. Фудзицубо не императорская дочь, но она была любимицей своего отца, и никто в Поднебесной не мог ничего сделать против его желания.

— Поэтому-то свою любимую дочь император отдал мне, и ты оказалась в совершенном забвении. Однако любовь государя глубока. Из-за тебя он и ко мне относится благосклонно.[58] Но кто меня тревожит — это принц Тадаясу. Всегда молчит, не женится, а время проходит. Что у него на душе? Присмотрись к нему. Как бы он не совершил чего-нибудь… — сказал Накатада.

— Сыновей наследника престола, которые живут здесь, в восточной части, ждёт большое будущее! Какими они вырастут? Ведь когда-нибудь один из них станет императором.

— Знаешь, на рассвете того хлопотливого дня я видел твою мать, — признался Накатада. — Ты разительно на неё похожа. Странно, что распорядительница, перечисляя красавиц, её не упомянула. Лицо её благородно, необыкновенно красиво. Она не сразу привлекает к себе внимание, но я думаю, что нет другой такой женщины, на которую бы хотелось всё время смотреть. Государь всё своё время проводит с нею.

— Такие отношения встречаются сплошь и рядом, удивительного в этом ничего нет, — ответила госпожа. — Имамия, жена Судзуси, — красавица и ни в чём не уступает Фудзицубо. Равных ей красавиц нет в императорском дворце.[59]

— Ты меня пугаешь! — воскликнул Накатада. — Не надо говорить об этом. А то я не смогу успокоиться!

В таких разговорах прошло время. Накатада и принцесса удалились за полог и легли спать.

* * *

Масаёри отправился в императорский дворец и предстал перед императором.

— Давненько тебя не было видно, — встретил его государь.

— Я не появлялся потому, что в доме у меня надо было соблюдать очищение. А после этого я был нездоров, — пустился в объяснения министр.

— Вот оно что! Что же произошло за это время? — спросил император. — Придворные тут рассказывали о многих интересных развлечениях у тебя. Почему Судзуси смеялся над Юкимаса?

— Ничего особенного у меня не было, — ответил Масаёри. — Но вот когда жена генерала Канэмаса играла на кото, это поистине доставило всем много удовольствия. Её игра была замечательна.

— На каком же кото она играла? — поинтересовался император.

— На рюкаку-фу, на котором госпожа играет с давних пор.

Она преподнесла этот инструмент новорождённой.

— Малышка получила такой замечательный подарок! — воскликнул император.

— Поистине так!

— Кстати, что думает о своей дочери Накатада? Нравится ли она ему? — продолжал расспрашивать государь.

— Что он думает, я не могу сказать. Но мне рассказали, что как только девочка родилась, он пустился в пляс. И всё это время, днём и ночью, он держит её на руках и не расстаётся с ней, — ответил Масаёри.

— Он, конечно же, доволен, — засмеялся император. — Не знаю, по какой уж причине, но в этой семье женщины очень умны. ‹…› Мне хочется как-то поздравить Накатада. А кто играл на пире девятого дня?

— Накатада велел принести три струнных инструмента, которые были настроены совершенно одинаково, и на каждом из них он немножко поиграл. Потом на лютне играла ваша дочь, Первая принцесса. Кроме того, принесли японскую цитру, кирикадзэ, которую в своё время подарил моей жене отрёкшийся император Сага. На женскую половину отнесли и духовые, там Накатада их раздал, а сам играл на поперечной флейте».[60]

— Это, конечно, было восхитительно. Все, должно быть, играли самозабвенно, радуясь рождению ребёнка. Надеюсь, Накатада передаст дочери своё умение.

— Все полагают, что он обязательно захочет передать ей своё мастерство, — сказал Масаёри.

– ‹…› Вероятно, и Накатада говорил об этом с гордостью. Как интересно! Если бы какая-нибудь семья музыкантов оказалась посвящённой в секреты мастерства, всех этих музыкантов осыпали бы чинами. А кто ещё играл на японской цитре и на лютне? А кто на органчике? — подробно расспрашивал император.

— На органчике — принц Тадаясу, — ответил Масаёри. — Но кто же ещё играл на струнных? Все струнные были настроены совершенно одинаково, и никто из игравших не совершил ни единой ошибки.

— И даже в таком собрании моя дочь, лёжа в постели, играла на лютне? — сказал император и засмеялся от удовольствия. — Дзидзюдэн славится своей игрой на японской цитре. Представляю, какой это был замечательный концерт. Ах, если бы я мог его слышать!

Вскоре Масаёри покинул дворец.

*** * ***

Советник сайсё Сукэдзуми, занимавший в то же время должность второго военачальника Личной императорской охраны, явился к Фудзицубо с визитом и подробно рассказал о том, что произошло за это время в их доме.

— Думаю, что принцесса по-настоящему счастлива, — сказала Фудзицубо. — Она вышла замуж за Накатада, которого все считают утончённым человеком, она у него единственная жена, у неё нет причин для тревога… Я же живу среди множества наложниц наследника, которые распространяют обо мне омерзительные сплетни. Жизнь во дворце не такая уж блестящая, ничего радостного у меня нет. Когда я не вижу наследника, я злюсь, а он считает, что у меня плохой характер. Очень это грустно. Как тоскую я о том времени, когда я жила в родительском доме! Я всё время думаю ведь жизнь так коротка, зачем же меня заставили служить во дворце? На душе становится так тяжело!

— Совсем не ждал я услышать от тебя такие слова, — ответил Сукэдзуми. — Наследник ведь славится своим добрым нравом и необыкновенной утончённостью. И в музыкальном мастерстве он никому не уступит. Добро бы придворные дамы старались только перещеголять друг друга; плохо, когда они начинают завидовать. А не испытываешь ли ты любви к кому-нибудь из тех, кто раньше писал тебе письма? Ведь и Накатада писал тебе, и хотя он был в небольшом чине, ты, бывало, отвечала ему.

— У него такой замечательный почерк, что я отвечала ему, чтобы увидеть его письма, — призналась сестра.

— А сейчас ты ничего от него не получаешь? — спросил Сукэдзуми. — Он стал ещё более искусен в каллиграфии.

— Я как-то посылала письмо его жене и получила ответ, написанный его рукой.

— Покажи-ка мне это письмо, — попросил он. — Я хочу посмотреть. Он, конечно, приписал что-то и от себя. А как по-твоему, кто из писавших тебе письма всё ещё любит тебя?

— Таких уже и нет, — вздохнула она. — Кто же? Вот советник Санэтада до сих пор не может успокоиться. Кажется, он по-настоящему любил меня. А больше никто не остался мне верным» Таких людей в наше время нет.

— Думаю, что генерал Канэмаса забыл прошлое и больше не посылает тебе писем… — заметил брат.

— Может быть, он и не забыл, да ведь кто может сравниться с матерью Накатада?

— ‹…› У Накатада не очень лежало сердце к этому браку, но наш отец уломал его и женил на принцессе. А теперь он как будто доволен. Накатада стал сейчас удивительно красив. Кажется, что с годами от него всё больше и больше исходит сияние.

— Давно уже он не показывается во дворце. Он прислал мне письмо, когда устраивалось пиршество любования луной.

— Ах, если он до сих пор шлёт тебе письма, это нехорошо. Это только увеличивает скорбь. Даже принц Тадаясу как будто примирился ‹…›.

— Ещё кое-что угнетает меня, о чём я никому не говорю, — нерешительно начала она.

— Что же это? Знаю ли я?

— Нет, откуда тебе знать! Никто не может даже догадываться об этом!

— Тем не менее я прекрасно знаю, о чём ты говоришь. Сказать? Не о Накадзуми ли ты намекаешь? Я сразу подумал о нём. Он погиб из-за тебя.

— Каждую ночь вижу его во сне, — прошептала она и залилась слезами. Сукэдзуми тоже горько заплакал.

— Я давно хотел поговорить с тобой об этом, — сказал он, — но не было возможности — около тебя всегда народ, всегда шум. Когда же и каким образом он открыл тебе своё сердце?

— Он своих чувств стыдился и держал их в тайне. Мне кажется, что и с того света он запрещает мне рассказывать об этом кому бы то ни было, — промолвила она.

— Из всех братьев он только со мной был связан клятвой дружбы, и если бы ты мне рассказала, он, наверное, не был бы недоволен.

— Раз тебе всё известно, к чему мне упираться, — вздохнула госпожа. — Ещё когда я была совсем девочкой, он учил меня играть на

цитре. Уже тогда у него были какие-то странные мысли, и я замечала что-то такое, о чём и думать нельзя. В то время он часто плакал, сердился на меня, но я делала вид, что ничего не замечаю, — тем и кончилось. После же моего въезда во дворец мне доставили вот это письмо. — Она достала письмо и протянула брату. — Вскоре сообщили, что он умер. Всё время я только о том и думаю. Как это тяжело! — заливалась она слезами.

— Он был очень твёрд духом. До самой кончины я не слышал от него ни одного слова роптания, ни одной жалобы. ‹…› В ту осень, перед твоим въездом во дворец, я хотел жениться на девице, похожей на тебя.

— Ты говоришь так же, как покойный брат, — засмеялась она. — Наверное, потому, что он упорно думал только об одном, на него было больно смотреть…

— Как это всё печально! — вздохнул Сукэдзуми. — Мне часто хочется навестить тебя, но в твоих покоях всегда так много народу. Не о повседневных делах речь, но о своих намерениях обязательно извещай меня. Почему ты не посоветовалась со мной, какие подарки послать жене Накатада?

— Задолго до этого наследник престола говорил мне: сделаем так-то и так-то. Я и послала всё, как он велел, — объяснила Фудзицубо.

— Почему ты послала так много золотых вещей?

— Я не знала, как мне быть, — призналась она. — Мне рассказывали, что о подарках доложили императору, и он призвал правителя провинции Муцу. Ему приготовленного показалось недостаточно, и вниз доложили другие вещи. А кто-нибудь обратил на это внимание?

— Советник Накатада очень внимательно рассматривал подарки.

— Ах, как стыдно! — воскликнула Фудзицубо.

Вскоре брат ушёл от неё.

Он возвратился домой и стал рассказывать родителям:

— Воспользовавшись удобным случаем, я навестил Фудзицубо. Мы с ней о многом говорили.

— Вы, наверное, вспоминали о родах принцессы. Как говорят, у обычных людей возможности ограничены. ‹…› Всех привлекают красота, ум и манеры. Вот Фудзицубо и завидует принцессе, которая вышла замуж за Накатада. Поэтому-то она и недооценивает наследника престола. Накатада во всех отношениях человек замечательный.

— Даже мне, мужчине, всегда нравился Накатада, — сказал Сукэдзуми. — Покойный брат любил его, как любят жену и: детей, и кроме него ни с кем не общался. Вот какие чувства он внушает даже мужчинам. И если Фудзицубо не могла выйти; замуж за такого человека, а вынуждена

в качестве придворной дамы выполнять днём и ночью обязанности, к которым у неё душа не лежит, конечно, её жалко.

— Не забывай, что тебя могут услышать, — предостерегала его мать.

— Разве я говорю неправду? — возразил тот. — Это все могут слышать, об этом все знают. Накатада — единственный сын своих родителей, его воспитали превосходно. А у вас детей много, как поросят, и ни один ни на что не годится. Только Накадзуми отличался редкими достоинствами, но он рано скончался… Из-за жажды мщения Накадзуми не может достичь просветления и является в снах Фудзицубо.

— Почему бы это? — забеспокоился Масаёри. — Вряд ли он негодует на кого-нибудь из нас. В продвижении же по службе у всех возможности ограничены.

— Это мщение мужчины женщине, — пояснил Сукэдзуми.

— К кому же из наших женщин он питает злобу? — недоумевал Масаёри.

— Из срединного дома, — промолвил Сукэдзуми.

— Вот оно что! — догадалась мать и горько заплакала.

— Неужели что-то было? — обратился к ней муж.

— Нет, ничего не было, — ответила госпожа.

— Да-да, конечно. Но не замечала ли ты всё-таки чего-нибудь? — продолжал допытываться министр.

— Всё — хорошо ли, плохо ли — должны воспитываться отдельно: сыновья — как подобает мужчинам, а дочери — как девицы. В срединном же доме всегда все жили вместе, там было много прелестных девушек. Возможно, поэтому у него и возникли такие помыслы, — ответила госпожа.

— Может быть, он был влюблён в Первую принцессу, — предположил Масаёри. — Ведь она так красива, что кому угодно внушит любовь.

«Совсем не в принцессу», — подумал Сукэдзуми, но так ему было больно, что он ничего не сказал. Сукэдзуми сам раньше любил принцессу. Он и сейчас продолжал думать о ней. Однако поскольку принцесса стала недоступна, Сукэдзуми все свои чувства похоронил в сердце.

— Надо заказать чтение сутр в поминание Накадзуми, а в молитве написать, чтобы будды избавили его от греха мстительности. Попросите старшего ревизора Правой канцелярии Суэфуса написать молитву, — сказал Сукэдзуми и попрощался с родителями.

— Что с ним? — недоумевал Масаёри. — Он очень раздражён. Я всегда считал его очень рассудительным, а теперь он стал болтать какие-то

глупости.

— Может быть, он сам влюблён с давних пор в кого-нибудь, — предположила мать, — а теперь решил, что надежд у него нет, и высказал свои чувства.

— Когда брат и сестра полюбят друг друга, всегда одно только горе, — сказал Масаёри.

Он велел в течение сорока девяти дней читать сутры в поминание Накадзуми. Монахам послали по семь штук полотна, а госпожа велела кроме того послать им шёлка.

*** * ***

Император узнал, что на пятидесятый день рождения Инумия пир должна готовить Дзидзюдэн. Он решил послать негласно на пир подарки и сказал главному архивариусу Санэёри, который был в то же время вторым военачальником Личной императорской охраны:

— Я хочу сделать следующее… Приготовь всё где-нибудь, но не в доме Масаёри. Утварь возьми из наших кладовых.

Тот призвал серебряных дел мастера, опытного в китайском искусстве, который служил у его отца, первого министра, и велел быстро всё приготовить. «Главный архивариус занимается этим по указу императора», — говорили слуги и со всех сторон несли замечательно сделанные коробки для еды из кипарисовика. Людям, искусным в изготовлении таких коробок, было приказано сделать всё без промедления.

Наконец наступил пятидесятый день. Госпожа Дзидзюдэн сказала супруге Масаёри:

— Вот и настало время давать лепёшку Инумия.[61] Как же нам всё получше устроить?

— Надо всего приготовить много и таким образом, чтобы никто из посторонних не знал,[62] — ответила та. — Это можно сделать только здесь. И если мы не позаботимся о каждой мелочи, то лучше вообще ничего не устраивать.

— Беспокоиться не о чем, — успокоила её Дзидзюдэн, — приготовлено всего очень много. Пойдём в твои покои?

— Можно туда, — сказала супруга министра.

— Сегодня мы пойдём в другие покои — объявила госпожа

Дзидзюдэн прислуживающим дамам.

Санэёри велел внести угощение и поставить перед сём бравшимися. Перед Инумия было поставлено двенадцать серебряных подносов. На них были серебряные кубки, посуда из аквилярии, диаметром в три сун, выпиленная на токарном станке. На четырёх подносах были разложены лепёшки, на других четырёх — сушёная снедь, четыре подноса были с фруктами. Подносы были покрыты красивыми скатертями, украшены листьями деревьев и цветами. Перед взрослыми было поставлено по двенадцать подносов из светлой аквилярии. Коробок с едой было по пятидесяти каждого вида: из аквилярии, цезальпинии и сандалового дерева. Столики и шесты для их переноски были из таких же пород деревьев. Даже завязки мешков и ленты были великолепны. Внесли подносы, уставленные двойными коробками, за ними — пятьдесят обычных коробок. Подносы с едой были поставлены перед супругой Масаёри, матерью Инумия и госпожой Дзидзюдэн. Принцесса послала еду Накатада. Среди собравшихся были распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц, кормилица Тайфу и другие дамы. Распорядительнице преподнесли тридцать коробок из кипарисовика и пятьдесят обычных. К ним было приложено письмо, написанное госпожой Дзидзюдэн:

«Пока я собиралась написать Вам, наступил пятидесятый день.

Давно о дне этом
Малютка твердит
Непрерывно.
Запомнит его навсегда,
Впервые лепёшку отведав».[63]

Столько же коробок было послано Фудзицубо.

Когда наступило время давать Инумия лепёшку, дамы стали требовать, чтобы девочку внесли к ним: «Дайте нам поскорее посмотреть на неё!» Накатада не хотел, чтобы ребёнка приносили на пир. Но наконец, искупав и одев девочку в однослойное платьице из узорчатого шёлка, кормилица вынесла её к присутствующим. Госпожа Дзидзюдэн взяла ребёнка на руки и показала жене Масаёри, которая нашла, что Инумия стала гораздо больше и хорошо держит головку. Девочка походила на мандарин, завёрнутый в белый шёлк,[64] и была очень беленькая и

красивая.

— До сих пор мне её ещё не показывали, — сказала жена Масаёри. — Много детей я видела, но такой хорошенькой мне видеть ещё не приходилось. Бывает, что ребёнок и не очень красив, но со временем становится довольно красивым, а эта девочка особенная и определённо будет красавицей!

— Кто знает? — ответила госпожа Дзидзюдэн и унесла ребёнка.

— Возможно, она будет даже красивее своих родителей, — заключила жена Масаёри.

Собравшиеся стали рассматривать присланный декоративный столик с лепёшками: под высокой сосной стояли два журавля, у одного в клюве были палочки для еды, у другого — золотая ложка, на которой рукой императора было написано:

«Впервые лепёшку
Под вечной сосной
Отведав,
Лепечет младенец:
„Тысяча лет, тысяча лет!"»[65]

Жена Масаёри, прочитав стихотворение, написала на белой тонкой бумаге:

«Если ребёнка
Под этой сосной
Мы лепёшкой накормим,
Жизнь его
На тысячу лет удлинится».

Она прикрепила бумагу к столику и промолвила, обращаясь к Дзидзюдэн:

— Столь милостивого письма мы ещё не получали!

Высочайшая наложница в свою очередь написала:

«До старости дожив,
Спустя тысячелетье,
Ты будешь вспоминать,
Как сегодня
Лепёшку эту ела», —

и передала матери Инумия, не говоря ни слова. Кто-то, глядя на это, спросил:

— Почему же не зачитывают стихотворения?

Принцесса написала:

«Под этими ветками
Съев впервые лепёшку,
Узнаешь ты от сосны,
Что такое
Тысячелетняя жизнь».

Дзидзюдэн придвинула столик к Накатада. Он, внимательно рассмотрев столик и прочитав всё, что было написано, добавил:

«Съела лепёшку
Под тысячелетней сосной.
Пусть сегодня
Получишь ты в дар
Такую же долгую жизнь!»

— Покажи-ка мне, — попросил Тадаясу.

Но Накатада ответил: — Такого замечательного почерка тебе видеть нельзя! — и продвинул столик за занавесь.

— Ты говоришь так, как будто я не могу пройти туда! — недовольно сказал принц, прошёл за занавесь и стал рассматривать столик.

«Беспрерывно,[66] — написал он, —

И сосёнка-принцесса,
И журавль
Стоят друг подле друга.
Дивись! Когда ещё такое
Увидеть сможешь?»[67]

Он передал столик кормилице, которая сложила:

«Всем детям
От века твердят
О жизни тысячелетней.
Неужели сегодня никто
Ничего поновее не скажет?»

Когда прочитали её стихотворение, все рассмеялись: «Вот как кормилица нас рассудила!»

Тем временем пришёл ответ от главной распорядительницы, матери Накатада. Посыльному вручили белое платье и штаны. Мать Накатада писала:

«Мне хотелось послать Вам письмо, но последние дни я была очень занята. Тем не менее о пятидесятом дне забыть я I не могла.

Милому хныканью
Часто внимала.
Можно ли было
В нём слова различить:
„Пятидесятый день?"[68]

Надо иметь очень тонкий слух».

В этот день ели лепёшки и много другой снеди. Когда церемония окончилась, кормилица отнесла Инумия в задние комнаты.

Жена Масаёри обратилась к принцу Тадаясу:

— Отчего ты совсем не показываешься у нас? У меня внуков много, но тебя я особенно люблю. А ты, как мне кажется, чуждаешься нас.

Почему?

— Уже давно из-за своей неотёсанности мне стыдно появляться на людях.

— Почему же ты считаешь этот дом чужим для себя? — упрекнула его госпожа. — И многие хотят породниться с тобой. Думаю, что есть немало девиц, которые бы тебе понравились.

— Кто же захочет отдать свою дочь за такого закоренелого неудачника, как я?

— Что за мысли?

— Всё из-за его застенчивости, — вмешалась Дзидзюдэн. — Когда Фудзицубо находилась ещё дома, принц иногда писал ей письма, но ответа ни на одно из них не получил. Огорчаясь этим, он каждый день стенал, прямо как монах. Он даже сказал мне как-то раз: «Это всё оттого, что ты меня родила никчёмным существом».

— Вот уж ничего об этом не знала, — сказала жена Масаёри. — Я слышала, что принц Хёбукё посылал письма Фудзицубо. И что правый генерал упрекал её за неподобающую холодность. Мне говорили, что советник Санэтада питал особые надежды в отношении Фудзицубо. Но о тебе совершенно ничего не знала.

— Вы многое пропускали мимо ушей, а было предостаточно всякого. Он тоже один из тех, — посмотрел принц на Накатада. — Ведь вы часто бывали вместе с Фудзицубо, и вам должно быть всё хорошо известно. Вы, наверное, сможете вспомнить сейчас, что и советник писал ей письма.

Жена Масаёри заинтересованно слушала его. Кроме того, ей стало жалко Накатада.

— Поэтому мне и обидно, что с самого начала на меня смотрели как на неподходящую партию, — заключил принц.

— Почему же ты не говорил об этом определённо? — упрекнула его госпожа. — Если бы ты сказал мне, я уж как-нибудь поговорила бы с Фудзицубо. Её отправили во дворец наследника престола, но она не так счастлива, как мы надеялись. Тех, на чью поддержку мы рассчитывали, наследник не подпускает близко. Многое внушает тревогу, приносит огорчения. И стоит мне только подумать, что она была бы счастлива, если бы не служила во дворце…

— Мне было донельзя тяжело, — продолжал принц. — Тогда обо мне никто не думал. Я и сейчас грушу, что Фудзицубо ни разу не ответила мне. Те, кто пишут пылкие письма, часто оказываются людьми легкомысленными, но мои чувства к ней остались прежними. Но вам сейчас тревожиться не о чем. Вы не ошиблись, отдав свою дочь наследнику

престола. Наследник на других своих жён и не смотрит. Он недавно пригласил меня к себе. Будучи во дворце, я нанёс визит Фудзицубо. Она показалась мне совершенно удовлетворённой. Наследник один наслаждается общением с Фудзицубо, которая раньше смущала покой многих мужчин. Вот если бы она была несчастна, тогда только вы могли бы сожалеть о своём решении. Сейчас она лучше узнала свет и во время моего визита держала себя со мной совершенно по-родственному. Как был бы я счастлив, если бы раньше видел от неё такое обхождение. Её красота стала ещё ослепительней. Она удостоилась высшей чести в нашем мире, стала супругой наследника престола, и никого на свете не почитают, как её.

— Так-то оно так, — согласилась госпожа. — Но она всегда грустна и совершенно не знает прежней радости. Я очень давно её не видела. Прошлой осенью она на некоторое время смогла покинуть дворец, но наследник был очень этим раздражён и говорил: «Вы выказываете мне пренебрежение и держите вашу дочь у себя до бесконечности». Я, страдая, отправила её обратно. Фудзицубо часто просит разрешения навестить нас, но наследник её не отпускает, и она на него очень сердится. Надеюсь, что она сможет приехать к нам в последний день этого месяца.

— А когда должна рожать жена Судзуси? — поинтересовалась госпожа Дзидзюдэн.

— Мне говорили, что уже скоро, но пока ничего не заметно. Имамия стала необыкновенно красивой, волосы замечательно выросли. Сейчас, конечно, она мучается. Раньше я всегда думала Имамия отдать тебе в жёны, — обратилась госпожа к принцу, — но нежданно-негаданно государь распорядился иначе.

— И с Имамия не получилось так, как вы хотели, — сказал принц. — ‹…›.

Они проговорили до вечера. Наконец жена Масаёри отправилась к себе, а госпожа Дзидзюдэн — к своим детям. Жена Масаёри больше не волновалась: с самого начала обряды, связанные с рождением Инумия, шли размеренным чередом.

*** * ***

Советник Накатада вошёл в покои жены и сразу же взял Инумия на руки.

— Что же твоя бабка сказала о нашей Инумия? Мне было так стыдно, когда её вынесли на всеобщее обозрение.

— Она удивилась, что ты никогда её никому не показываешь, — ответила принцесса.

— Она ведь такая страшненькая.

— Все говорили, что она будет красивее родителей, — Продолжала принцесса.

— Они решили так, глядя на нас с тобой? В таком случае Инумия не будет совсем уж безобразной.

— Все и раньше говорили, что она хорошенькая, — отозвалась принцесса.

— Может быть, это потому, что им рассказывала о нашей дочке госпожа распорядительница. Поэтому они и стали говорить так. Я слышал, как с твоей бабкой разговаривал Тадаясу, — продолжал Накатада. — Он так страдает, так его жалко! Если бы я не женился на тебе, я бы, наверное, мучился, как он. Я счастлив, что благодаря тебе разлюбил Фудзицубо. Но другие так и не могут забыть её. До той самой ночи, как я вошёл к тебе, я чувствовал себя совершенно потерянным. Но как только я увидел тебя в ту ночь, я забыл о ней. Сейчас, когда родилась Инумия, я иногда вспоминаю о Фудзицубо, но не более. Если бы ты охладела ко мне, я бы горевал гораздо сильнее, чем бывало прежде. Однако если бы Фудзицубо стала думать обо мне как о человеке неискреннем, мне было бы стыдно и жизнь показалась бы пустой. Санэтада оставил жену и детей и предался тоске, и даже сейчас, похоже, так ничем и не занимается. Я счастлив, что женился на тебе, на той, которая связана с Фудзицубо родственными узами. Не знаю, как было бы раньше, когда я ни в чём не разбирался, но сейчас я понимаю, что к чему, и совершенно бы утешился, если бы при удобном случае мог поговорить с ней. Таких дам, как она, больше нет. Фудзицубо скоро должна прибыть сюда. Обязательно передай ей мои слова.

— Все, кто видел Фудзицубо, потеряли разум. Вдруг и с тобой произойдёт то же самое? — спросила принцесса.

— О чём ты беспокоишься? Пусть даже небожительница спустится сейчас сюда, я и не подумаю посмотреть в её сторону. Мы с Фудзицубо родственники; раньше я испытывал к ней определённые чувства, но сейчас бы мне не хотелось, чтобы мы чуждались друг друга. ‹…› Как только я узнал тебя, я понял, что если бы кто-то другой получил тебя в жёны, я бы страдал не меньше, чем из-за замужества Фудзицубо».

— Удивительно как всё меняется! — задумчиво проговорила принцесса. — Мы с Фудзицубо выросли вместе, и когда расстались,

тосковали и всё время плакали. И даже люди не столь близкие не могли примириться. Накаёри, например, ушёл в монахи, как это горько!

— Да, это большое несчастье, — ответил Накатада. — Обещай мне, однако же, сделать то, о чём я прошу. Непременно.

Так они говорили и потом уединились в своих покоях.

*** * ***

— Ну, как тебе понравилась Инумия? — спросил Масаёри у жены.

— По-видимому, из неё вырастет красавица. И мать её в этом возрасте была хороша, но в Инумия есть что-то особенное, — ответила госпожа.

— Накатада обращается с Инумия необыкновенно заботливо, поистине он хочет воспитать её самым достойным образом. Хотел бы я увидеть, какой она вырастет! — сказал Масаёри.

*** * ***

Масаёри чувствовал, что стареет. «Вот и гадальщики советуют удалиться от дел…» — думал он и решил отказаться от места генерала. Один раз он уже представлял императору прошение об отставке, но оно было отклонено. Представил вторично, но и на этот раз прошение не было принято. Тогда Масаёри обратился к Суэфуса:

— Император не соглашается на мою просьбу. Пожалуйста, составь такое прошение, чтобы он убедился в искренности моих стремлений и принял отставку. Если государю станут ясны причины моего ухода, то, может быть, место генерала он даст кому-нибудь из моей семьи. Я мечтаю, чтобы это место получил Накатада. Прошу тебя, изложи дело так, чтобы государь понял мои побуждения и передал место Накатада.

Суэфуса сразу же, в присутствии Масаёри написал записку и показал ему. Тот посмотрел и одобрил, придраться в написанном было не к чему. Про себя Масаёри подумал: «Теперь государь, верно, согласится» — и послал бумагу во дворец.

Вскоре от императора пришло неофициальное письмо на имя Накатада с тем, что он назначается генералом Личной Императорской охраны при сохранении за ним места второго советника. Накатада сказал

жене:

— Вот о чём изволил мне сообщить государь. Распорядись сделать необходимые приготовления.

Из императорского дворца доставили китайский короб с китайским и японским узорчатым шёлком и такой же короб с гладким шёлком, а также записку, адресованную принцессе: «Это для пира по поводу повышения в чине». От жены Судзуси принесли красное китайское платье, китайский шлейф, окрашенный травами, накидку с прорезами из узорчатого шёлка, пять женских трёхслойных платьев со штанами — всё было уложено в три короба для одежды с золотой обшивкой по краям. Все остальные господа преподнесли такие же подарки, как Судзуси. В доме Масаёри начали готовиться к празднику. Для поздравления доставили много шёлка с цветочными узорами.

Наступил день назначения. Правый генерал Канэмаса получил место левого генерала, а Накатада занял его место. В день церемонии Накатада, надев благоухающее изумительным ароматом парадное платье светло-коричневого цвета на тёмно-красной подкладке и верхние штаны из узорчатого шёлка, нанёс визит супруге Масаёри, затем отправился в покои, где проживала высочайшая наложница, и наконец явился к самому Масаёри. Он шествовал в сопровождении большой свиты, состоявшей из восьми человек четвёртого ранга, четырнадцати — пятого ранга, тридцати — шестого ранга; кроме того, в свите было множество сопровождающих, передовых и прочих слуг. Накатада нанёс визит всем замужним дочерям Масаёри, и они, глядя на него, восторгались: «Ах, как он красив!»

В комнатах у Судзуси зелёные шёлковые занавеси были оторочены тонкой парчой. На веранде около балюстрады стояло друг подле друга восемь юных служанок в зелёных! платьях и в светло-коричневых платьях на тёмно-красной подкладке, в штанах из узорчатого шёлка и в тёмно-красных накидках. Служанки, находившиеся за занавесью, в четырёх-пяти комнатах, были в красных китайских платьях и в тёмно-красных накидках.

Новоиспечённый генерал поднялся в покои и спросил:

— Господин дома?

— Господин с утра отправился в императорский дворец, — ответили служанки.

— Доложите обо мне госпоже, — велел Накатада. — Я пришёл с визитом по случаю получения чина. Мне кажется, что теперь у меня нет товарища.[69]

Когда он спустился вниз и проходил мимо ручья, служанки, носившие причёску унаи, отбивая такт веером, запели:

— Удит форель
В Натори-реке…[70]

— Не понимаю, почему вы это поёте, — сказал им Накатада.

Затем, сев в экипаж, он отправился с визитом к своему отцу, левому генералу, и матери.

Следующий визит Накатада нанёс в императорский дворец. Когда он вошёл в караульню, все находившиеся там чины были восхищены его видом. Направляясь к императору, Накатада проходил мимо павильонов императорских наложниц, и они принялись обсуждать его: «Какой изумительный красавец! Давно мы его не видели, и он стал ещё красивее. Как мы завидуем его жене! Не будем называть имён, но сколько женщин добивались любви Накатада! Однако это человек серьёзный, он остаётся верным своей жене. Высочайшая наложница Дзидзюдэн — само совершенство. Считается, что она служит императору наравне с нами, но вся милость государя достаётся только ей. А дочь её затмила для Накатада всех других женщин. Замечательно! Много будет у них сыновей-красавцев, которых будут превозносить за их внешность. Единственное, чем Дзидзюдэн может быть недовольна тем, так это, что дочь её императрицей не станет, и внук не будет наследником престола!» Иные говорили так: «Однако даже при наложнице Дзидзюдэн другие время от времени призываются в покои императора. А вот Фудзицубо, которая служит во дворце наследника престола, поистине несравненна. Наследник даже не вспоминает, что у него есть другие жёны, — и так уже несколько лет. Кроме того, её сын будет, по-видимому, наследником престола. Да, такому положению только позавидовать! Дочь отрёкшегося от престола императора Сага плачет днём и ночью: „Я всё время думала, что эта самая Фудзицубо — ребёнок, и вот из-за неё я должна терпеть такой стыд! Если я вернусь к моему батюшке, он, наверное, Подумает, что я в чём-то виновата, и наследник престола меня изгнал! А если останусь здесь, то так и буду мучиться!" Все дамы, служащие у наследника престола, страдают по этой же причине. Дочь первого министра, госпожа Сёёдэн, живущая в покоях Отражённого света, днём и ночью то громко взывает к богам о помощи, то проклинает богов за их нежелание пособить ей и плачет в голос. Это, конечно, нехорошо, но никакие уговоры на неё не действуют». Так императорские наложницы громко обменивались мнениями.

Архивариус провёл генерала Накатада, который явился для выражения благодарности, к императору.

— Поскольку ты теперь в таком высоком чине, подойди ко мне поближе, — сказал император. И Накатада, исполнив благодарственный танец, поднялся к престолу.

Император некоторое время смотрел на него, не говоря ни слова, и думал про себя: «Я отдал ему в жёны свою дочь, считая её достойной парой ему. Он стал действительно выдающимся человеком. Но любит ли он её?» Наконец он произнёс:

— Почему ты так долго не показывался во дворце? Мы устраивали различные пиршества, и я думал: «Не появится ли Накатада?» — но ты не приходил, и было очень скучно. Мне казалось, что ты должен испытывать к нам родственные чувства, ты же, наоборот, совсем чураешься нас. Мне бы хотелось, чтобы ты почаще бывал здесь!

— Я должен являться во дворец каждый день, — ответил генерал смущённо, — но последние несколько месяцев я был очень занят. От моего деда остались записки, но находились в месте, совершенно для хранения неподобающем, куда они были просто свалены. Несмотря на это, туда никто не мог проникнуть и похитить записки, и всё было в том самом виде, в каком дед оставил. Так их держать нельзя было, и я перевёз найденное к себе. Оказалось, что это подробные извлечения из книг. Я погрузился в чтение, совершенно позабыл об остальном мире и всё время проводил взаперти.

— Превосходное занятие! — воскликнул император. — Когда человек отдаётся изучению всяких разнообразных предметов, это приносит пользу не только ему самому, но и государству. На будущий год к нам должен прибыть гость из царства Когурё, но у нас в настоящее время не так много учёных литераторов, как было раньше. Суэфуса пребывает в унынии. В таких обстоятельствах найденные книги будут очень кстати. Я как раз тут думал, что учёных, подобных твоему деду, теперь нет. Бот уж поистине замечательно, что ты обнаружил его записи и изучаешь их. Там, наверное, собрано много произведений?

— Сохранилось, кажется, всё, ничего не пропало, — ответил Накатада. — Дед был великолепным знатоком литературы и ещё в молодости овладел огромными знаниями. Из всего, что читал, он делал выписки. Записи его очень подробны. Но я обнаружил и другие поразительные вещи, — рассказывай Накатада.

— Что же именно? — спросил император с интересом.

— Старые сборники дома Киёвара, — ответил генерал. — С того дня,

как Тосикагэ отправился в страну Тан, отец его начат вести дневник. Кроме того, он сочинял китайские и японские стихи и каждый день до самой смерти записывал всё, что происходило. А ещё там есть китайские и японские стихи моего деда и его дневник до того времени, как он возвратился на родину. Когда его читаешь, ужасная печаль пронзает сердце.

— Почему же до сей поры ты не докладывал мне об этом? — упрекнул Накатада император. — Какими изумительными должны быть стихи и дневники, которые вели погруженные в скорбь отец и сын. Ты появился на свет, чтобы владеть этими благословенными сочинениями. Я хочу их увидеть как можно быстрее.

— Когда я обнаружил эти записи, я хотел было сразу доложить вашему величеству, но в начале своих записей отец Тосикагэ написал: «Эти записи, которые я начинаю в то время, когда мой сын отправился в страну Тан, и буду вести до его возвращения, не должен видеть никто из посторонних. Всё время моя душа будет находиться возле них и охранять их». В завещании же Тосикагэ сказано: «У меня нет наследника, а дочь моя не может понять эти записи. Я предназначаю их моим далёким потомкам. Всё это время моя душа будет охранять их». По этой причине я до сих пор и не докладывал вашему величеству.

— Оба они были мудрыми людьми и, без сомнения, предвидели, что ты, их потомок, обнаружишь эти записи.

— И действительно, в течение многих лет всех, кто приближался к хранилищу, где находились эти записи, — всех постигала смерть. Когда я решил открыть хранилище, люди, Жившие неподалёку, предостерегали меня: «Вы собираетесь совершить страшное дело. Многие нашли здесь свою смерть», — продолжал рассказывать генерал.

— Вряд ли души твоих предков покарают тебя, если ты прочтёшь мне эти записи, — сказал император. — Сегодня ты устраиваешь пир для чинов моей охраны, а когда отдохнёшь от хлопот, приходи во дворец с семейными записями и стихами.

Накатада пообещал показать записи императору, откланялся и отправился к императрице, а затем — к наследнику престола. Он доложил, что явился с благодарственным визитом, и услышал, что наследник престола находится у Фудзицубо. Накатада решил идти в её покои. Повстречав Соо, он заговорил с ней о своих новостях.

— Давно я ничего не писал вам, но сегодня пришёл с выражением благодарности. Вы слышали подобные речи много раз, ничего особенного я сказать не сумею.

Соо передала слова Накатада наследнику.

— Вот как! Да, я слышал, что Накатада стал правым генералом, — сказал наследник. Он рассказал об этом Фудзицубо, и она изумилась.

— Я слышала, что последние два-три года он служил в Императорской охране, и поздравляю его с тем, что он получил повышение. Это замечательная новость. Я желаю ему и в будущем иметь повод являться к нам с подобными визитами.

<…>

— ‹…› Таким образом, вы, вероятно, забудете обо мне, — сказал генерал Соо.[71]

— Ради кого же? — изумилась Соо.

— ‹…› Мои чувства к твоей госпоже неизменны, почему же она так холодна? — посетовал Накатада.

— К чему сейчас говорить об этом? — остановила его ловушка.

— Но вспоминает ли твоя госпожа прошлое? Неужели она всё забыла? А как относится к ней наследник престола? — продолжал расспрашивать Накатада.

— Он относится к госпоже так же, как и раньше, — ответила Соо. — Нельзя сказать, что их отношения очень хороши. Наследник часто сердится на госпожу, а она недовольна и всё время упрекает его. «Мне хочется съездить к родителям, рассеять свою тоску», — просит она, но наследник разрешения ей не даёт. Ни днём, ни ночью она не бывает спокойна.

— А не из-за того ли это всё, что она ревнует наследника к моей сестре, Насицубо? Если так, то и мне лучше к твоей госпоже не приближаться, — забеспокоился Накатада.

— Дело совсем не в этом, — успокоила его девушка. — Нет, наследник не забывает ни ту, ни другую и время от времени приглашает Насицубо в свои покои. Бывает, что днём он заходит к Фудзицубо ‹…›. Она всё время погружена в мрачные размышления.

— <…>

— Это так, — согласилась она. — Те, кто раньше поддерживал госпожу ‹…›.

— В таком случае мне бы лучше поговорить об этом, чем о своём назначении. Но доставлю ему удовольствие и как ни в чём не бывало поблагодарю за повышение. — С этими словами Накатада встал и прошёл к наследнику.

После приёма наследник престола сказал Фудзицубо:

— С ним в нашем мире никто не может соперничать. Каких успехов добьётся он в будущем! Глядя на его красоту, родители его должны

испытывать страх. Ты, наверное, часто вспоминаешь о прошлом, когда получала от него письма, — поэтому у тебя ни с того ни с сего портится настроение и ты начинаешь злиться на меня? Накатада красивее, ученее и талантливее меня. Но не думаю, чтобы его любовь к тебе была столь глубока, как моя. В моём положении нельзя иметь только одну супругу, но ни сейчас, ни в будущем я не поставлю наравне с тобой ни одну из моих жён. После твоего въезда во дворец ничего подобного и не было. Только у Насицубо доброе сердце и прекрасная внешность, и отец её — человек справедливый. Иногда, беспокоясь о том, что меня осудит Накатада, я призываю её к себе. Но если ты и этим недовольна, я и этого больше делать не буду.

— Вы говорите странные вещи, — ответила Фудзицубо. — Если вы будете относиться к своим супругам так, как раньше, я буду служить безропотно. Иначе пойдут сплетни.

— Я никогда не сделаю того, чего ты не хочешь, — заверил её принц. — Никого не люблю я так, как тебя. Когда ты жила в родительском доме, я всё время мечтал только о тебе. Как я терзаюсь, когда тебе нужно навестить родителей и ты остаёшься у них долгое время! Никогда больше не покидай дворца!

— Но это неразумно. Как можно не показывать родителям наших детей?

— Приглашай их сюда, — ответил наследник. — Пусть они любуются на внуков здесь. Ты можешь встречаться с твоим отцом во дворце, а матери пиши почаще письма. Когда ты отлучаешься к родителям, я скучаю, чувствую себя потерянным, кусок не идёт мне в горло.

Наследник престола решил совсем не давать ей разрешения на отъезд из дворца.

*** * ***

Генерал направился к Насицубо и долго беседовал с ней. Наконец он откланялся. Чины Императорской охраны ждали его. Они поднялись, заиграли на музыкальных инструментах и под звуки музыки сопровождали Накатада до усадьбы Масаёри. Там всё было приготовлено должным образом. С южной стороны перед домом, в котором жил Накатада, были разбиты шатры. Под ними расположились вторые и младшие военачальники Императорской охраны. Пир приготовили так, что

придраться было не к чему. Всю ночь исполняли музыку. Поскольку сам Накатада был знаменитым музыкантом, исполнители старались играть как можно лучше.

На рассвете гостям, начиная с младших военачальников Императорской охраны, вручали подарки. Подарки получили и высшие сановники, чего в подобных случаях ещё никогда не делалось. Все получили подарки соответственно своему положению.

Музыка звучала до самого рассвета.

Глава XIV
НАЙДЕННЫЙ КЛАД
(Продолжение)

Дня через два генерал Накатада с книгами, о которых он рассказывал императору, явился во дворец и велел доложить о своём приходе.[72] «Мне стыдно появляться перед ним, — подумал император. — Он настолько великолепен, что невольно вызывает зависть. А я выгляжу дряхлым стариком и позорю свою дочь».

Нарядно одевшись, государь прошёл в помещение для дневного пребывания и, подозвав Накатада, спросил, где книги. Молодой человек поставил перед ним ящик из аквилярии, небольшой китайский сундук из светлой аквилярии и большой из цезальпинии. Император велел открыть их и начал рассматривать содержимое. В ящике было две коробки толщиной в два-три сун, а в них книги на китайской цветной бумаге, сложенной вдвое. Там были сочинения самого Тосикагэ, написанные его собственной рукой уставным почерком, и произведения его отца, старшего помощника главы Палаты обрядов, написанные скорописью.

— Читай мне громко, — велел император, и Накатада, разложив на столике сочинения, написанные уставным почерком, начал читать.

Затем император велел читать немного тише, чем обычно читают декламаторы на пире по поводу любования цветами. Таким образом Накатада прочитал сочинение в семь-восемь страниц. Когда Накатада закончил, император попросил его прочесть снова: один раз по-китайски, другой — по-японски, а те места, которые ему показались особенно интересными, читать нараспев. Голос у Накатада был очень красив, и грустные места он читал с такой печалью, что она отзывалась в сердце императора. Генерал и сам проливал слёзы. При скорбных описаниях император заливался слезами, при особенно интересном повествовании был полностью захвачен читаемым, а при забавном — громко смеялся; он всем сердцем вникал в то, что слушал. Сановники, прослышав, что Накатада читает по повелению императора, поспешили во дворец, но Накатада читал не настолько громко, чтобы его можно было слышать в других помещениях, а в покои, где находился император, никто не смел входить. Придворные могли лишь смутно улавливать то, что там

декламировалось.

Накатада оставался во дворце до самого вечера.

— Сейчас ночи длинные, и ночное чтение особенно глубоко проникает в сердце. Не уходи из дворца, — распорядился император.

Был уже вечер, и, отлучившись из помещения, где находился государь, Накатада написал жене письмо:

«Я собрался было покинуть дворец, но государь велел сейчас прервать чтение и продолжить ночью, поэтому я вернуться домой не смогу. Как ты проведёшь такую холодную ночь? Пойди в южный дом и спи вместе с твоей матушкой. До моего возвращения Инумия из-за полога не выноси. ‹…›. Пришли мне платье для моего ночного дежурства здесь. Скучно без тебя, я хоть с платьем поговорю и так усну. Госпожа Накацукаса, прочтите это письмо моей жене».

Получив письмо, принцесса приготовила мужу одежду: ночное платье из красного шёлка на вате, белое из узорчатого шёлка, кунью шубу длиной в шесть сяку, подбитую ватой и на шёлковой подкладке. Завернув одежду, она положила её в короб для платья с золотой обшивкой по краям. Кроме того, она приготовила два однослойных платья из красного узорчатого лощёного шёлка, ночные трёхслойные штаны, верхнее платье, шаровары, нижние штаны из лощёного шёлка. Ароматы, которыми была окурена одежда, и узоры на ней были несказанно хороши. Она послала ему коробку ‹…› и утварь для мытья головы. Дама Накацукаса написала от её имени ответ:

«Посылаю платье, о котором ты просил. Надеюсь, что ночью ты не замёрзнешь. В отношении Инумия сделаю всё так, как ты велел».

— Какое холодное письмо! — пробормотал генерал, прочитав его. Он переоделся в присланное платье.

В это время император позвал Накатада к себе, и генерал отправился в покои государя. Внесли столики для ночной трапезы.

— Здесь ли дама Югэхи? Пусть она позаботится о генерале. Жена его, должно быть, беспокоится о нём. Он будет трапезничать здесь вместе со мной, — распорядился император, и Накатада подали еду с императорского стола.

Государь всё время предлагал ему разные блюда. Возле них находился Пятый принц, сын императрицы. Из Отделения вин принесли вино.

— Если пить вино, то читать нетрудно. Раз уж начальник из моей охраны принёс вино, его надо пить, — сказал государь и предложил чашу Накатада. «Подноси ему почаще», — шепнул он принцу.

— А вот и закуска, — воскликнул тот.

— Прекрасно! — промолвил император. — Угости его как следует. В прошлом году в пятнадцатую ночь ты подносил придворным много чаш. А сейчас угости на славу генерала.

Посмотрев на принесённый кувшин, он решил: «Это ему будет в самый раз» — и предложил Накатада. Молодой человек пил не отказываясь, но не было видно, чтобы он опьянел. Когда он снова сел за книги, при свете лампы лицо его и вся осанка казались особенно красивыми.

«Вблизи он ещё красивее, чем издали. Но любит ли он мою дочь всем сердцем? Или только делает вид из чувства долга?» — размышлял император.

Он приказал снова читать. В покои пожаловала высочайшая наложница Сёкёдэн, проживающая во дворце Одаривания ароматами, которая в ту ночь должна была находиться подле императора. Было уже поздно. Голос читающего и манера декламации были проникновенными и полными особого очарования. Император приказал Накатада продолжать декламировать, а сам стал аккомпанировать ему на кото.

— О, если бы твой дед в своё время обучил меня играть на кото! Но он категорически отказался учить меня и лишился своего положения. А мог бы стать министром, — вздохнул император.

— И вправду, он был человеком несговорчивым, — поддакнул Накатада.

— Не станем ворошить былое! А вот не согласишься ли ты учить меня? — неожиданно спросил государь.

— Если бы я был таким музыкантом, как мой дед… Он-то действительно был выдающимся исполнителем, — начал было Накатада.

— Это всё отговорки. Слышавшие его в один голос твердят, что ты оставил его далеко за собой. И я, слушая тебя, думаю так, — оборвал его император.

— Час быка![73] — раздался в это время голос стражника.

— Уже поздно, немного поспим, а утром рано начнём снова, — решил государь и удалился в опочивальню.

Генерал лёг спать во дворце вместе с придворными. Зная, что Накатада читает перед императором, там собралось много народу. Накатада никак не мог уснуть и ворочался с боку на бок.

— Раньше ты спал непробудным сном всю ночь, почему же сейчас не спишь, как во время бдения в день обезьяны?[74] — спросил его Такадзуми. ‹…›

Рано утром император поднялся, тихонько прошёл в помещение, где отдыхали придворные, и посмотрел в щёлку. Накатада сидел в глубине комнаты, и думая, что его никто не видит, писал письмо:

«Почему вчера вечером ты не ответила мне сама? Я беспокоюсь. А вот к тому, что ты прислала мне платье, -

С давних пор
Привык я к этим чертогам,
Но спать не могу — ночью лёд
Рукава мои покрывает.
К чему мне спальное платье?

Никак не дождусь конца моего чтения. Если и сегодня ты поручишь кому-нибудь ответить на моё письмо, я подумаю, что ты меня не любишь».

Он написал письмо на белой бумаге, привязал его к покрытой цветами ветке сливы и вручил одному из дворцовых слуг со словами: «Передайте кому-нибудь из моих сопровождающих».

Мияхата, сын советника сайсё Сукэдзуми (который в то же время был вторым военачальником Императорской охраны), служил во дворце, хотя ему было всего восемь лет от роду.

— Дайте я отнесу, — вызвался он и схватил письмо.

— Почему тебе так хочется отнести его? — удивился Накатада.

— Потому что это письмо Первой принцессе.

— А ещё почему? — допытывался генерал.

— Потому что её любит мой отец, и я тоже. — С этими словами мальчик взял письмо и отнёс слугам, расположившимся у входа во дворец.

«Если он спозаранок пишет ей письмо, он, должно быть, по-настоящему любит её», — решил император, наблюдая эту сцену. Он тихонько возвратился к себе, сел на своё обычное место и через некоторое время призвал Накатада. Тот, одевшись, явился в его покои. При императоре находился Пятый принц. Чтение возобновилось, а через некоторое время Мияхата принёс на бамбуковой палке письмо, написанное на голубой бумаге, и громко возвестил:

— Вот ответ от принцессы!

Генерал сказал ему:

— Подожди немного.

Но император промолвил:

— Дай-ка мне.

Он взял письмо, и Накатада не знал, куда ему деться.

«Вчера я попросила даму написать письмо, потому что я беспокоилась, как бы оно не попало в чужие руки. Ты упрекаешь меня, что я холодна к тебе, но во дворце живёт та, которую ты до сих пор любишь.

Взглянешь — как будто
Пламя погасло,
Но внутри твоего рукава
Прежним жаром пылает.
Какой бы лёд от него не растаял?

Я посылаю тебе одежду. Вчерашняя была уж очень некрасивая, а эту сшили специально для такого случая», — прочитал император. Письмо было написано прекрасно.

«Почерк её похож на почерк Дзидзюдэн, — подумал про себя император. — Написано изысканно, так и веет молодостью. Но о муже она заботится, как взрослая женщина». Он небрежно свернул письмо и передал Накатада. Тот прочитал его с равнодушным видом и положил за пазуху.

Император велел Пятому принцу пойти к наследнику престола и передать:

— Сегодня я прикажу Накатада читать отрывки ещё болей интересные, чем вчера. Приходи послушать.

Принц засмеялся и ответил:

— Вряд ли наследник прибудет сюда. Он ведёт себя совершенно иначе, нежели раньше — заперся в павильоне у одной дамы и перед придворными совсем не появляется. Они даже мне жаловались, что весь этот месяц ни разу его не видели, наследник совсем нигде не показывается.

— У кого же он скрылся? — спросил император.

— У госпожи Фудзицубо, у кого же ещё? Если бы он при этом посещал других своих жён, было бы ещё так-сяк, — ответил принц.

— А что намерена делать Пятая принцесса?[75] — продолжал расспрашивать император.

— Он в этом году её ни разу к себе не призывал. Да и другие дамы его почти не видят, хотя иногда кое-кому, по-видимому, это удаётся. Он бывал у сестры Накатада, и сейчас она беременна, — сообщил принц.

— Жать, что он ведёт себя, как самый обыкновенный

сладострастник, — сказал государь. — Я-то думал, что повсюду царит спокойствие, а оказывается… Ещё в древних книгах сказано: «Любит вино, любит женщин». Как грустно, должно быть, Пятой принцессе!

— И отрёкшийся император Сага спрашивал о ней и очень опечалился. Из всех своих детей он больше всех любит её. Почему наследник престола так плохо с ней обращается?

— И Третья принцесса[76] влачит жалкое существование, — вспомнил император. — Что же собирается предпринять Канэмаса? Может быть, было бы лучше, если бы принцессы не выходили замуж. Слишком часто приходится видеть их несчастными!

Тем временем прибыл посыльный от наследника престола.

— Наследник престола изволил сказать, что сейчас прибудет сюда, — объявил он. Была последняя четверть часа змеи.[77]

В час лошади[78] наследник в необычайно красивом наряде появился в покоях императора. Для него разложили подушки, и он сел перед государем. Государь сразу же велел Накатада прийти, но тот сказал, что нуждается в небольшом отдыхе, и появился только через некоторое время, переодевшись в парадное платье. Цвета его одежды были необыкновенна красивы, от неё веяло чудесным ароматом. Накатада возобновил чтение. Император и наследник слушали его до самого вечера.

Стемнело, но огня ещё не зажигали. Накатада покинул покои императора и спросил через архивариуса: «Можно мне отлучиться ненадолго из дворца и возвратиться завтра рано утром?»

— Сейчас такое время, когда ночи тягостны и только утром становится легко, поэтому ночью нас охватывает особое настроение. Лучше ему не уходить. К тому же пожаловал наследник престола, — ответил император.

Накатада, тяжело вздыхая, сел за письмо жене:

«Как я обрадовался утром твоему письму! Мне хотелось сегодня ночью прийти домой, но когда я попросил разрешения покинуть дворец, мне его не дали. Ты пишешь: „Во дворце живёт та…" — но ведь это давно прошло!

Раньше не верил
Рассказам подобным,
Но сейчас вижу сам,
Как рукава от слёз

Красным пожаром пылают.

Вчера ночью, лёжа в постели, очень тосковал по тебе, а как сегодня проведу ночь — и не представляю. Бельё, которое ты послала, получил. Как чувствует себя Инумия? Сделала ли ты так, как я говорил?»

Он отправил письмо вместе с одеждой, в которой был накануне. Совсем стемнело, но ответа от принцессы не было. Его уже несколько раз призывали к императору, и поев, он пошёл читать.

— Ночью чтение особенно волнует. Оставайся здесь и послушай, — сказал император наследнику престола.

В ту ночь пошёл снег, и его выпало довольно много. Внесли масляные лампы, справа и слева от Накатада поставили невысокие светильники. Императору принесли кото, наследнику престола — цитру, Пятому принцу — лютню. Генерал возобновил чтение. В перерыве, когда император удалился во внутренние покои, наследник престола взял кисть, которая была положена для того, чтобы генерал делал пометки в рукописи,[79] и вытащив из-за пазухи бумагу, написал письмо Фудзицубо:

«Император велел сегодня ночью слушать чтение, и против своей воли я вынужден здесь оставаться. Как говорят, долга тянется время…[80]

Мир наш непрочен,
Как тающий снег.
И такая тоска
Спать без тебя
Даже единую ночь!

Всю свою жизнь до последнего дня я хочу быть с тобой».

Он вручил письмо Мияхата. Мальчик служил у наследника престола, и Фудзицубо была для него второй матерью. Он отнёс ей письмо. Она же на белой бумаге написала:

«Сыплет и сыплет с небес
Горечи мира ещё не познавший
Ослепительный снег.
Но только коснётся земли,

Тает бесследно.

О, если бы и наш мир не знал горечи! Может ли такое быть? Такого и представить нельзя!»

Отдавая письмо Мияхата, она сказала:

— Вручи наследнику так, чтобы ни император, ни генерал! не заметили.

Мальчик стал позади наследника престола, и в самый разгар чтения, когда император чуть-чуть отвёл в сторону глаза, передал письмо. Прочитав, наследник престола подумал: «Моя дворец для неё — только юдоль скорби!» Он совершенно погрузился в мрачные мысли о том, что нельзя отдаваться влечениям сердца, что у каждого человека свои стремления. Слёзы показались у него на глазах, и случайно он взглянул на Накатада. Глаза их встретились. Хотя Накатада уже не любил Фудзицубо, сердце его взволновалось; он пытался успокоиться, но не мог, и читая, сделал ошибку.

Император, который всё удивлялся про себя: «Он ни разу не ошибся в разбивке текста», — заметив это, улыбнулся. Увидев его улыбку, генерал рассмеялся, и император невольно рассмеялся вместе с ним. Тем не менее Накатада очень огорчился, что допустил оплошность, он исправил ошибку и продолжал читать с особенным чувством. Голос его зазвучал удивительно проникновенно. Он читал спокойно и громко. Редкой красоты голос его звучал, как колокольчик, проникая во все углы дворца. Очарование было беспредельным.

Наигрывая на стоящем перед ним кото, император размышлял: «Что же ему дать в награду за такое чтение?»

— Ах, если бы сейчас я хоть немного мог научиться у генерала его искусству, — прошептал Пятый принц.

— Это нелегко. С его талантом никто не может сравниться, — ответил император, улыбаясь. — Отложи на некоторое время эти записи и почитай из других, — обратился он к Накатада и велел открыть ещё одну коробку и достать из неё рукописи.

‹…› Записки были исполнены глубокого чувства и необыкновенно интересны.

— По своим дарованиям отец Тосикагэ был выше даже своего сына. Удивительно, какой превосходной каллиграфией владели все в этой семье! — восхищался император.

Всю ночь он заставлял Накатада декламировать интересные места,

аккомпанируя ему на кото.

Забрезжил рассвет. Все были полностью поглощены чтением. После того, как генерал прочитал записки до конца, император взял книгу и стал сам читать нараспев. Затем он обратился к Пятому принцу:

— Почитай теперь ты!

Принц, не говоря ни слова в ответ, сразу же стал громко декламировать глубоким голосом. Наследник же престола читать не захотел.

Наконец, рассвело.

— Останься здесь ещё на один день. Я тебе что-то покажу, что доставит тебе удовольствие, — обратился император к наследнику престола и велел постелить ему здесь же, за переносной занавеской. Сам государь ушёл в свою опочивальню, Пятый принц — в трапезную и расположился там среди архивариусов.

Накатада отправился в помещение для придворных, и Мияхата пошёл с ним. Накатада лёг в постель, уложил мальчика возле себя, и прижав к груди, начал с ним разговаривать.

— Твоя старшая сестра, наверное, стала совсем большой? — спросил он.

— Она ни большая, ни маленькая, — ответил мальчик.

— А волосы у неё длинные?

— Очень длинные.

— Отец, наверное, очень любит свою старшую дочь.

— Не знаю. Он всё время обнимает моего младшего брата.

— А младший брат уже большой?

— Сейчас он уже сам встаёт на ноги. Он очень милый, — ответил Мияхата.

— А почему твой отец не любит госпожу из северных покоев?[81] — спросил вдруг Накатада.

— Не знаю. Она говорит, что он проводит всё время в южных покоях, к ней же относится, как к совершенно чужой. Она всё время плачет.

— Какая же из принцесс нравится твоему отцу? — допытывался генерал.

— Лучше вашей супруги никого нет ‹…›,- ответил мальчик.

— Почему ты так думаешь? Ты хочешь увидеть её? — спросил Накатада.

— Очень хочу, — признался Мияхата.

— Она получает письма?[82] — продолжал Накатада.

— Да, получает.

Генерал очень смеялся и наконец сказал:

— И я дам тебе письмо, не беспокойся. Когда будешь у Фудзицубо, скажи ей: «Накатада передавал, что он часто бывает во дворце, но свободного времени у него нет, и поэтому он не может навестить вас».

Наступило утро.

Мияхата проснулся, генерал причесал его, одел и послал к Фудзицубо. Как только мальчик вошёл к ней в покои, дамы воскликнули:

— Ах, какой дивный аромат! Этот господинчик спал сегодня на груди женщины!

— Нет, я спал возле правого генерала, — ответил им Мияхата.

— Нет-нет, это была женщина, — не верили дамы.

Он передал Фудзицубо слова Накатада, и она велела сказать в ответ: «Каждый раз, когда я узнаю, что вы пришли во дворец, я начинаю надеяться. Иногда, когда я ничем не занята, мне хотелось бы беседовать с вами».

— Действительно, она необычная, безупречная женщина, — восхитился Накатада, услышав её слова.

— А где сейчас находится генерал? — спросила Фудзицубо у одной из дам.

— Во дворце Чистоты и Прохлады, — ответила та.

— Как раз сейчас можно сделать то, о чём мы говорили, — обратилась Фудзицубо к Соо.

*** * ***

На третий день Накатада получил письмо от жены: «Вчера всю ночь ждала тебя, но ты так и не пришёл. Я не могла заснуть до самого утра. Что случилось?

Как только падать
Снег начинает,
Сердце моё сжимает тревога.
Снежинки ничтожны,
Но наметёт их с гору.

Я боюсь только того, что ты охладеешь ко мне. Пожалуйста, помни о том, что я беспокоюсь. Ещё немного я потерплю. До встречи».

Накатада написал в ответ:

«Высятся снежные горы.
Мне говорят,
Что занесло все дороги,
И невозможно
До милой добраться.

В думах о тебе до рассвета не мог я уснуть».

Шло время. Снега сыпало всё больше и больше. Генерал опять послал принцессе письмо:

«Не случилось ли чего ночью? От тебя нет ответа, и я тревожусь. Ведь не может же быть такого, чтобы ты забыла написать мне.

Не видя тебя,
От любви я пылаю.
Как мог
Раньше я жить,
До встречи с тобой?

Я пишу тебе, надеясь, что ты вспомнишь обо мне. Очень тоскую по Инумия. Милая моя, прижми её к груди: утром выпало много снега и очень холодно».

«Дождусь ответа здесь, а потом пойду к государю, — решил он. — Если, как вчера, он начнёт читать письмо… Не приятно».

Некоторое время он оставался в своей комнате.

*** * ***

Во дворце в тот день находились второй советник министра Судзуси,

старший ревизор Правой канцелярии Суэфуса, второй советник министра Тададзуми и множество другим придворных. Среди них были многие сыновья Масаёри.

— Почему ты не хочешь, чтобы я услышал твоё чтение? — упрекнул друга Судзуси. — Разве мы давным-давно не обменялись клятвами в дружбе? Я хотел послушать тебя, и оставив дома жену, сам трясясь от холода, пришёл сюда именно для этого. И что ж? Никакого толку, ни одного слова не слышно. Разве ты не можешь читать немножко громче?

— По велению государя я читаю, не могу же я кричать. А кроме того, если с утра до вечера читать громко, не хватит голоса, — ответил Накатада.

— Но вчера же ты читал так громко, что и падающий снег не помешал твоему голосу подняться к самому небу, — сказал Судзуси. — Я подумал тогда, что это читает великий учёный и нынешних, и будущих времён и что, выпив вина, он увлёкся и читает с силой, потрясающей нам души. Вчера твой голос можно было слышать отчётливо. Увы, я не запомнил ни одного слова. Накатада, ты любишь ставить меня в смешное положение: ни с того ни с сего, например, начинаешь играть на кото, и я бегу, как журавль, с голыми ногами и делаюсь посмешищем всего двора.

— Ты очень впечатлителен, — заметил Накатада. — Наверное, и сейчас не сможешь приступить к своей службе, пока не услышишь чтения.

— Не читай так, как будто ты хочешь скрыть свои слова, — попросил Судзуси. — Читай естественным голосом.

— Мне придётся спрятать свои книги в каменный китайский сундук, — пошутил Накатада.

— Не хочешь ли ты замуровать их? — спросил Судзуси.[83]

— Тогда и хозяина их нужно замуровать вместе с ними, — засмеялся Накатада.

— Если бы мы жили в золотом веке, в эпоху просвещённых правителей, такие книги можно было бы и не скрывать, — вступил в разговор Юкимаса. — Я слышал, что эти книги долго хранились в тайне от всех. И это правильно. Они не предназначены для столь низких людей, как мы. Кто способен их понять?

В это время прибыли подарки от Фудзицубо: большой кувшин из лазурита, доверху наполненный едой, высокие чаши из лазурита со свежей и сушёной снедью, миски с фруктами, уложенными горкой, большие кувшины из лазурита с вином, мешки, шитые серебром, с грушами из провинции Синано и сушёными ягодами ююбы, серебряные бутылочки с соком ремании.[84] Ещё там были корзинки с углём с равнины Оно.

Подарки расставили перед господами, и все начали любоваться ими, обнаружили ещё большой серебряный кувшин и котелок для супа из свежих трав; его вогнутая крышка была похожа на обычную глиняную, но была сделана из чёрных благовоний. Около ручки котелка была поставлена женская фигурка, изображающая сборщицу свежих трав. В письме, прикреплённом к ней, рукой Соо было написано:

«В Касуга-поле,
Снег разгребая,
Первую зелень,
Мой милый,
Для тебя собираю.

Не попробуете ли вы суп, приготовленный из этих трав?»

К котелку были приложены маленькие золотые ложки в форме тыквы-горлянки, а на подносе — горкой уложены фазаньи ножки. При виде этого придворные, собравшиеся вокруг подарков, громко рассмеялись.

Услышав шум, император подумал: «Почему сегодня придворные появились так поздно и почему они так шумят?» Он через щёлку заглянул в зал и увидел, что собравшиеся, разложив снедь на тарелках, принялись за еду. В то время, когда подали вино, появился Мияхата с веткой, обсыпанной снегом, к которой было привязано письмо на красивой бумаге из провинции Муцу.

— Письмо от принцессы, — возгласил он и плавно покачал веткой.

— Нельзя перед всем миром оповещать о письме, в которое дама вложила своё сердце, — остановил его Судзуси.

— Сегодня ещё куда ни шло, но вчера он так же завопил перед государем. Совершенно не различает, где пучина, где мели, — прямо беда! — сказан Накатада и, взяв письмо, начал читать.

Стоя за занавесью за его спиной, император мог прочесть без труда:

«Ты написал, что тревожишься из-за отсутствия новостей от меня, но думая, что ты всё время находишься возле императора, я боялась, что он увидит моё письмо. Помнит ли он ещё обо мне?

Себя без труда
Вижу такой,

Какой была я когда-то.
И мнится, что только
Собою я и была.

Всё равно я полностью не могу выразить своих чувств. Мне кажется, что только сейчас я начала понимать, что такое наш мир. Ты спрашиваешь об Инумия. Моя мать не спускает её с рук».

«Если они часто посылают друг другу такие письма, вряд ли он относится к ней легкомысленно, — решил император. — Задержу-ка я его ещё немного у себя и понаблюдаю за ним». На душе у него стало легко. Он возвратился к себе, ничем себя не обнаружив.

Придворные продолжали пить вино и шумно веселиться. Они решили ответить на записку Соо, смастерили фигурку старика и положили возле неё рисовый колобок. Накатада написал:

«Будешь ли есть
Ты одна
Первую зелень,
Что собрана в снегу,
Платье своё замочив?

Время есть суп ещё не пришло».

Когда всё было съедено, Накатада решил возвратить посуду Фудзицубо; аккуратно собрав её, он сказал Соо:

— Я возвращаю всю эту посуду с надеждой, что завтра опять получу угощение. Если под рукой не будет посуды, вряд ли успеет ваша госпожа всё приготовить вовремя.

Соо эти слова очень рассмешили.

— Вы только и знаете, что говорить вздор и видеть всё в ложном свете. Из вас вышел бы неплохой прислужник в буфетной. Но вот что странно: чашки не могу досчитаться. Поищите-ка у себя в рукаве! — сказала она.

Все громко расхохотались.

— Сейчас отдам слуге старую чашку! — заявил Накатада и развалился на полу, как пьяный.

В это время его позвали к государю, напомнив, что он запаздывает.

— Судзуси так меня напоил, что я ничего не понимаю, — ответил Накатада, по-прежнему разыгрывая пьяного, и к императору не пошёл.

«Пусть отдохнёт немного», — решил император и оставил его в покое.

После часа змеи[85] Накатада оделся с предельной тщательностью. Он выбрал самый красивый костюм: зелёные штаны из узорчатого шёлка, и белое платье на зелёной подкладке, благоухающее в тот день мускусом и ароматами для окуривания одежд. Он вошёл в покои императора и принялся вновь за записки Тосикагэ, которые читал накануне.

Стемнело.

— Сегодня мы начали поздно, когда солнце было уже очень высоко. Не уходи из дворца! — распорядился император, и велев принести много ламп, приказал продолжать чтение.

В час свиньи[86] он остановил Накатада на некоторое время, открыл сам небольшой китайский сундук с книгами и начал рассматривать содержимое. Там была связка в три сун из нескольких книг на китайской цветной бумаге, сложенной вдвое. В одной книге женской азбукой[87] были в две строчки написаны стихотворения, в другой — стихи были написаны тоже в две строчки и так, как они записаны в «Собрании мириад листьев», [88] в третьей — мужской азбукой,[89] в четвёртой — почерком «заросли тростника».[90] Государь велел сначала читать из книги, написанной женской азбукой. Стихотворения были редкой красоты.

До этого вечера Накатада слушали, устроившись поближе к нему, только император, наследник престола и Пятый принц. Но в ту ночь к ним пожаловала императрица с многочисленными дамами. Узнав, что в покоях императора идут чтения, императрица расположилась за занавесью, а государь, сделав знак глазами, велел читать тихим голосом.

— Можно читать так, чтобы дамы ничего не разобрали, но я хочу слышать все до единого слова, — заявила государыня. — Пусть чтец имеет это в виду.

Но Накатада сидел молча, не зная, как ему быть.

— Ты стал малопонятлив, — заметил ему император. — Не надо так робеть. Читай, как я тебе сказал. Эти произведения можно читать кому угодно, но поскольку сказано, что их нельзя видеть посторонним, я и велел читать тебе самому.

Накатада стал читать немного громче, время от времени декламируя нараспев. Императрица очень разозлилась на него, но сидя недалеко, могла всё слышать. Дамы же ничего разобрать не могли. Император и наследник престола, которые ясно слышали каждое слово, заливались слезами.

Слог этих записок был очень прост. Тосикагэ описывал всё, что с ним происходило, так, будто сочинял повесть, и время от времени вставлял стихотворение. Там было много интересного, много и печального…

Время шло к рассвету.

— Немудрено, что записки эти столь превосходны, — сказал император. — Мать Тосикагэ, принцесса, в своё время славилась и своей каллиграфией, и своим поэтическим мастерством. Она младшая сестра отрёкшегося от престола императора Сага, мать её была высочайшей наложницей. Сын унаследовал её талант. Как хорошо, что время от времени он вёл записи! Показывал ли ты эти книги Первой принцессе?

— Когда я открыл сокровищницу, она просмотрела только заглавия книг, — ответил Накатада. — А потом как-то раз открыла одну книгу.

— Ты должен был бы читать ей всё это, — заметил государь. — А пока прочтём ещё одну книгу!

Повествование начиналось с того момента, когда Тосикагэ из столицы отправился на остров Цукуси, чтобы оттуда плыть в Танское государство. Описывалось, как он возвратился в столицу, и впервые упоминалось о его дочери. В записках то и дело встречались стихотворения. Эта книга была очень печальной и более захватывающей, чем предыдущая.

По окончании чтения свитка император спросил:

— Всё это должно очень интересовать твою мать. Она читала дневник Тосикагэ?

— Нет, не читала. Я матери его не показывал, — ответил Накатада и взял другую книгу.

— Прочитай её от начала до самого конца, — велел император.

И этот свиток оказался необыкновенно интересным и печальным. В следующем же рассказывалось о лотосовом саде и о небожителях. Император был в совершеннейшем восторге.

— Уже утро. Какими бы длинными ни были сейчас ночи, всё прочитать мы не сможем. Потом я сам хочу просмотреть эти записки. А ты почитаешь нам ещё из собрания стихов и дневники. Но сейчас пора начинать церемонию Провозглашения имён Будды. Ты, наверное, очень утомлён, — сказал император Накатада.

После этого он обратился к наследнику:

— Если не происходит что-то, подобное таким вот чтениям, ты у нас почти не бываешь. Коль уж выдался случай, я хочу поговорить с тобой. Накатада нам не помешает, ведь в будущем он станет тебе опорой. Сейчас все говорят о том, что ты почти не показываешься у нас во дворце, а когда появляешься, то государственными делами, как это положено, не

занимаешься. Даже если ты очень любишь свою жену, призывай её к себе ночью, а днём она пусть остаётся в своих покоях. Любое отклонение от обычая вызывает нарекания — поэтому я и беспокоюсь. Я знаю, что многие страдают от твоего поведения, и особенно сокрушается Пятая принцесса. Почему ты так к ней относишься? Если это дойдёт до отрёкшегося императора, дело кончится плохо. Годами он уже стар и вряд ли долго останется в этом мире, а среди всех своих детей он особенно любит Пятую принцессу. Такие речи тебе, конечно, не по душе, но ты бы хоть посовестился императора Сага!

— Я совершенно с вами согласен, — ответил наследник. — Недавно я посылал за Пятой принцессой и сам отправился в её покои, но она ко мне явиться не пожелала, а меня встретила очень невежливо. Поэтому теперь мне неловко звать её и писем ей я не пишу.

— Мне говорили, что такому её поведению есть оправдания, — заметил император.

— Всё дело в том, что она недолюбливает Фудзицубо, с которой я в самых лучших отношениях, — пустился в объяснения наследник престола. — Я и раньше приглашал принцессу к себе, но она оставляла мои пожелания без внимания. Он! всегда раздражена и жалуется, что Фудзицубо заняла её место. У меня нет другого выхода, как ждать, пока пройдёт её гнев. Моё отношение к принцессе остаётся неизменным, но вы сами видите положение вещей.

— В будущем ты сможешь отослать её от себя, но для императора Сага было бы настоящим горем узнать об этом. Может быть, правда, ему уже всё известно. Он и императрица-мать собираются принять монашество — скоро тебе предстоит взойти на престол. Веди себя степенно, чтобы не вызывать упрёков, — поучал сына император. — Ив иных землях правитель, любивший страстно свою супругу, навлёк на себя недовольство народа.[91] Ты свою жену любишь так же, как он. Пусть это послужит тебе предупреждением. Тебе не следовало бы собирать у себя всех красавиц нашей страны.

— Только дочь отрёкшегося императора Сага поносит меня, не жалея слов. Другие мои жёны себя так не ведут, — попытался оправдаться наследник.

Рассвело.

У императора было множество поясов, знаменитых по всей земле, которые с давних пор хранились в сокровищнице. О: выбрал из них самый красивый и вручил Накатада: «Надевай его, являясь на утреннюю аудиенцию».

Генерал исполнил благодарственный танец. Утром он собрался возвратиться домой.

— Приходи к нам после церемонии Провозглашения имён Будды ещё на два-три дня, чтобы почитать эти произведения. Правда, подобное чтение не соответствует радостным новогодним праздникам. Собирается ли Дзидзюдэн возвратиться во дворец до конца года? — продолжал император. — Когда она сама рожала, она так долго в отчем доме не оставалась. Не намереваетесь ли вы, чего доброго, сделать её нянькой? Мне бы хотелось, откровенно говоря, чтобы Дзидзюдэн поскорее возвратилась сюда. Раньше такого не бывало, но в период Последнего конца закона[92] женщины относятся к нам с пренебрежением.

Генерал почтительно слушал.

Книги положили в коробки, наложили на них печати и спрятали в шкафы.

Наследник престола удалился в свой дворец. Впереди него шагали придворные и учёные, и генерал лично проводил наследника до покоев Фудзицубо. Вручив Соо письмо для её госпожи, Накатада проследовал к Насицубо. Наследник же прошёл в покои Фудзицубо и лёг спать.

*** * ***

Генерал вошёл к сестре.

— Я несколько дней оставался во дворце, но у меня не было возможности нанести тебе визит, — начал он.

— Я знала, что все эти дни ты во дворце, и поэтому не посылала тебе письма.

— Мне очень неприятно, что ты чуждаешься меня, — упрекнул её Накатада. — Недавно я навещал тебя, но ты почему-то мне ничего не сказала о своих новостях.

— О каких? — удивилась сестра. — Я ничего не скрываю.

— О столь важном событии ты должна была бы сообщить вам. Ведь ничто другое не служит нам так к чести, и нашему отцу, и мне самому. Узнав, что ты в положении, я так возликовал![93] Ведь после въезда Фудзицубо во дворец все говорят, что наследник совершенно забыл о других жёнах, — и вдруг такая радостная новость!

— Не ожидала услышать это, — ответила Насицубо. — Меня

преследуют одни неприятности, и никакого счастья я перед собой не вижу.

— Сколько уже?

— Во время соревнований по борьбе стояла страшная жара… Думаю, что с тех пор… — произнесла она.

— Значит, прошло уже много времени. Отец знает?

— Вряд ли он мог узнать. У меня не было случая сообщить ему, да я и стесняюсь, — призналась Насицубо. — Я даже тем, кто постоянно находится возле меня, и то не говорю. А ты как узнал?

— В одну из этих ночей я услышал, как Пятый принц докладывал об этом императору, — ответил он.

— У Пятого принца какие-то странные намерения. Он, наверное, раньше рассчитывал, что наследник престола меня совершенно забыл. «Только я один и беспокоюсь о тебе», — говаривал он мне. Но в последнее время от него нет ни одного письма, и наверное, это потому, что он узнал о моём нынешнем положении.

— О Пятом принце идёт молва, что он большой волокита. Он никого не уважает и без всякого стеснения обо всём ради сказывает императору. Будь с ним очень осторожна, — предупредил сестру Накатада, — ведь вокруг тебя одни злые люди.

— Я так мучаюсь по милости госпожи Сёкёдэн, первой супруги наследника, прямо всё в груди изболелось, — пожаловалась Насицубо. — Очень многие потеряли своё доброе имя только из-за тех сплетен, которые она о них пускала.

— А Пятую принцессу, дочь отрёкшегося императора Сага, наследник призывает к себе?

— Этой весной они очень сильно ссорились, она порвала ему платье и била его. После этого он её больше к себе не призывает, — рассказывала сестра. — Но дело не только в этом. Раньше она была его любимой женой, а теперь, когда я была у наследника, он мне сказал: «Жалко её, но сердце моё к ней не лежит».

— Очевидно, произошло что-то серьёзное, и с тех пор он к ней охладел, — предположил Накатада и пообещал: — Дня через два я опять навещу тебя.

Затем он распрощался с сестрой.

*** * ***

Возвратившись домой, генерал прошёл в покои жены, но её не было ни там, ни в передних покоях. Он удивился и спросил у дамы Накацукаса:

— А где госпожа?

— В западных покоях, изволит мыть волосы, — ответила та.

«Как будто нарочно!» — подумал Накатада и сказал:

— Ведь она должна была знать, что сегодня я вернусь домой, почему же мыть голову именно сегодня? Ведь если они давно не мыла волосы, так всё равно — днём раньше или позже! Пока вымоет, да высушит, человеку с его короткой жизнью и не дождаться. Ну, а Инумия?

— Тоже там, — ответили ему.

Он велел позвать кормилицу Тайфу. Тайфу явилась с Инумия на руках, и Накатада взял у неё девочку. Дочь была толстенькая, как колобок. Узнав отца, она что-то залепетала.

— Какая миленькая! — растрогался отец.

Он написал письмо госпоже:

«Наконец-то смог покинуть дворец, но придя домой, тебя не нашёл. ‹…› Ты решила сегодня мыть голову…

Наконец день настал,
Когда после долгой разлуки
Встретиться мы могли бы…
Так почему ж ты решила
Сегодня голову мыть?

Не могу ли прийти туда?»

Ответа на это не последовало, и Накатада, раздосадованный, лёг в передних покоях, прижимая к себе Инумия.

— Показывали ли ребёнка кому-нибудь? — спросил он кормилицу.

— Никому, — заверила его та. — Многие приходили в западные покои и просили показать им вашу дочь, но госпожа высочайшая наложница, крепко прижав девочку к груди, из-за полога не выходила. Только господин министр с сыновьями наследника престола смог зайти сюда, но Инумия спрятали. Потом сыновья наследника престола стали мучить госпожу Дзидзюдэн и принцессу, били их, и толкали, и все приставали: «Покажи да покажи!» Принцесса, не зная, куда спрятаться от их тычков, в конце концов пустила их к Инумия. Молодые господа обнимали её очень осторожно.

— Это крайне неблагоразумно, — рассердился Накатада. — Я ясно помню, точно это было вчера, всё, что происходило со мною, когда я был в том же возрасте, что и сыновья наследника. Как можно допустить, чтобы мальчики обнимали девочку! Прячьте Инумия хорошенько и больше молодым господам не показывайте!

— Молодые господа высочайшую наложницу и принцессу дёргали за волосы, плакали и громко кричали — что же было делать? — пыталась оправдаться кормилица.

— С вашей стороны это было крайне легкомысленно! — повторил Накатада.

Принцесса мыла волосы с раннего утра до самого вечера. Прислуживавшие ей дамы, встав друг против друга, несколько раз вымыли волосы специально приготовленной водой. После этого волосы сушили, разложив на подушках, которые были положены на высокие шкафчики. Шкафчики были расставлены в передних покоях перед комнатой госпожи Дзидзюдэн по диагонали. В главных покоях были подняты занавеси и расставлены переносные занавески. Перед принцессой поставили деревянную жаровню, развели огонь и окуривали её волосы благовониями. Все прислуживавшие дамы вытирали волосы и сушили их над огнём.

— Пусть госпожа придёт сушить волосы сюда, — попросил генерал.

— Накатада недоволен. Иди сушить к нему, — посоветовала дочери госпожа Дзидзюдэн.

— Не стоит, — ответила та. — Когда высушу, тогда пойду.

— К генералу можно будет пойти, как волосы хорошенько высохнут, — вставила кормилица Укон. — Если ложиться в постель с мокрой головой, волосы слипнутся. Но если ваш муж сразу после родов хотел войти и лечь с вами, то остановят ли его какие-то мокрые волосы?

— Что за глупости ты болтаешь! — оборвала её принцесса.

В это время генерал, бывший в верхнем платье, толкнул среднюю дверь, вошёл в комнату и встал перед женой на колени. Появился и Масаёри. Чтобы не было видно дам, вокруг них спешно ставили ширмы.

— Ничего, можно и не беспокоиться. Скорее кончай сушить волосы. Там тоже много шкафчиков, — сказал Накатада и обратился к высочайшей наложнице: — Сегодня утром государь поручил мне кое-что передать для вас. Я хотел сделать это сразу же, но государь говорил с неудовольствием, и я всё затрудняюсь передать его слова. Государь изволил сказать вот что: «Высочайшая наложница не возвращается во дворец, потому что вы превратили её в кормилицу Инумия».

— Неужели так и сказал? — переспросила госпожа Дзидзюдэн. —

Правильно говорят, что одно дело видеть, а другое — слышать. Глядя на Инумия, я уехать от неё не могу. Когда я сама рожала, я сразу же возвращалась во дворец, даже не разглядев своих детей и далее о них не заботясь. Но Инумия я вижу с первого дня, нянчу её, и всё бросить и уехать! Тем более, что здесь мне не нужно, как во дворце, всё время стараться выглядеть блистательно, — нет, так быстро я во дворец не возвращусь.

— Откуда такие настроения? — вмешался в разговор Масаёри. — Среди моих детей только ты по-настоящему счастлива. Все твои дети получили прекрасное воспитание. Сыновья добились надёжного успеха на службе, дочери живут все вместе. Когда я на это смотрю, я с радостью думаю: что за счастье иметь такую дочь!

— А я, когда смотрю на принцессу с малышкой, думаю, что и положение императрицы померкло бы в сравнении, — ответила Дзидзюдэн. — До сих пор дочь моя была и далее будет счастлива беспредельно. Только она этого ещё не понимает.

— Разве можно говорить такое при мне? — засмеялся генерал. — Ваша дочь совсем не думает так, как вы. Она мной так недовольна, что если меня будут грызть собаки, она и пальцем не пошевельнёт, — и добавил: — Ещё государь сказал, что приближается церемония восшествия наследника на престол.

— По-видимому, ремонт дворца Судзаку окончился и государь хочет переехать туда, — предположил Масаёри.

— Когда я был у государя, к нему пожаловал наследник престола. Я его давно не видел, и за это время он стал совсем красавцем.

— Он слишком хорош, чтобы править такими подданными, как мы, — заметил Масаёри.

— Служба моя во дворце была трудной, — рассказывал Накатада. — Наследник престола очень благороден, очень утончён, но всё время пристально смотрел на меня. Пятый принц, весьма модный молодой человек, разглядывал меня так, как будто выискивал во мне недостатки. То и дело мне приказывали что-либо читать. Было тяжело. Но зато я получил настоящую драгоценность.

— Что именно? — спросил Масаёри.

— Пояс, — ответил тот.

— Ну-ка, покажи, — попросил Масаёри. И Накатада послал за поясом.

Пояс лежал в мешке, мешок в коробке, украшенной перламутром, а коробка была красиво обернута. Министр, вытащив пояс, сразу же узнал его: этот великолепный пояс, украшенный драгоценными камнями, в своё

время принадлежал Фудзивара Тадахира.[94]

— Второго такого пояса на свете нет, — сказал он изумлённо. — Ты, должно быть, читал столь замечательно, что привёл государя в необыкновенный восторг, если он пожаловал тебе этот пояс. Он принадлежал министру, жившему в Оно. Много разных событий произошло на свете из-за этого пояса. Из-за него святой отец из часовни Истинные слова удалился в горы, а его отец поселился в Оно. Думая, что наследников, кому бы он мог передать этот пояс, у него не осталось, он послал его императору Сага, который, в бытность свою императором, подарил пояс наследнику престола. Нынешний государь говорил, что это настоящее сокровище. У него много драгоценных поясов, но ни одним из них он так не дорожил, как этим.

— Мне он достался благодаря Фудзицубо, — сказал Накатада. — Наследник престола послал ей письмо, и получив ответ, погрузился в глубокую задумчивость. Мне показалось это странным, я отвлёкся, допустил в чтении ошибку, и государь засмеялся. Тут я спохватился, и, ещё не осознав, в чём дело, дрожащим голосом снова продекламировал то место, которое государь велел читать. Тогда-то государь и сказал: «Что же мне дать ему в награду?» — и пожаловал этот пояс. Такую драгоценность я мог бы получить в награду только за сочинение стихов.

— Если бы ты получил пояс за стихи, о тебе пошла бы слава как о великом поэте, — заметил Масаёри.

Госпожа Дзидзюдэн велела принести столики с едой для себя и для господ. Накатада до тех пор ещё не ел, и Масаёри принялся потчевать его.

Они попивали вино, когда раздался шум, и им доложили, что супруга Судзуси рожает и очень мучается.

— Пошлите за распорядительницей из Отделения дворцовых прислужниц, — велел Масаёри. — Нельзя, чтобы рядом с ней не было опытной повивальной бабки.

— За распорядительницей послали ещё днём, и она уже здесь, — ответили ему.

— Пойду взгляну. Садиться не буду.[95] — С этими словами Масаёри отправился к Имамия. Накатада тоже хотел пойти туда, но он был измучен и не двинулся с места.

Скоро Имамия родила мальчика.

— Высохли ли у тебя волосы? Поскорее иди в срединный дом, — сказала госпожа Дзидзюдэн дочери и скрылась в глубине покоев.

Тогда Накатада раздвинул ширмы. Принцесса была в тёмно-

фиолетовом платье и в ярко-красной накидке с прорезами, а сверху она накинула белое платье. Волосы были ещё влажными, они спускались со шкафчиков высотой в четыре сяку, и блистали, как отполированные раковины. На маленьком столике стояли рис, политый горячей водой, и фрукты.

— Напрасно ты упрямишься! Пойдём сушить волосы в срединный дом. Мне одному скучно! — С этими словами Накатада, взяв её на руки, отнёс в срединный дом. Они прошли за полог и легли.

— Я посылал тебе письма из дворца и отсюда, после возвращения. Почему ты не отвечала мне? — упрекал он её. Он рассказал обо всём, что происходило в эти дни, и упомянул о том, что ему говорил Мияхата.

— Этот мальчик обтёрся во дворце, — ответила принцесса. — Когда он приходит сюда, он идёт к моей матери. Наверное, таким образом он и увидел.[96] Он хорош собой и добр, но очень уж глазаст, на всё обращает внимание.

— Но что ты скажешь о его отце, Сукэдзуми? — спросил Накатада.

— Что за вопрос? — удивилась принцесса. — Он никогда не появлялся у меня!

— Успокойся! — остановил её муж. — Все твои дядья — люди безрассудные. Один из них, Накадзуми, умер. Но в кого же тогда влюблён Сукэдзуми? Он всё время погружён в печальные размышления.

— Не хочешь ли ты одеть на меня мокрую одежду?[97] — засмеялась она. — Да ты ставишь всё с ног на голову?

— Однако это не может быть младшая сестра императора, — продолжал Накатада. — А все другие принцессы гораздо моложе тебя.

Увидев, что они заперлись в своей комнате, кормилица Укон заворчала:

— Разве я их не предупреждала? Теперь и завтра, наверное, придётся мыть волосы. Улеглись в постель, совершенно ни о чём не думая. Такие густые волосы, их так трудно мыть.

— Замолчи, — остановила её госпожа Дзидзюдэн. — Он всё это время был на службе и теперь хочет отдохнуть. О волосах беспокоиться нечего. Если увидят, мы что-нибудь придумаем.[98] Не стоит из-за этого тревожиться.

* * *

На следующий день Накатада из спальни не вышел. Принесли столики с едой и загремели посудой, но он делал вид, что не слышит. Помешкав в нерешительности, дама Накацукаса громко произнесла:

— Кушать подано!

Тогда Накатада ответил:

— Ужасно хочется спать. Положите немного на маленький поднос.

Ему положили на поднос разной еды и добавили к ней приправы. Накатада дал сначала поесть жене, остальное доел сам, и они снова легли. И на следующий день до полудня они из спальни не показывались.

Пришло письмо от матери Накатада:

«Почему от тебя так долго нет новостей? Когда ты собираешься сделать то, о чём говорил мне? Думаю, что сегодня подходящий для этого день. Приходи поскорее».

«И вправду, я обещал, — вспомнил Накатада. — Ах, как не вовремя! Но так или иначе надо идти».

Он написал матери:

«Только что возвратился от императора. Поэтому я Вам не писал».

— Однако нельзя откладывать. Надо идти, пока нет других дел… — вздохнул он и отправился на Третий проспект.

Там были приготовлены красивые платьица для Инумия подарки для её матери. Всё было выполнено столь замечательно, что подарки без стеснения можно было отправлять даже в дом Масаёри. На декоративном столике рядом с изображением бьющегося родника стояли журавли, у их ног было выгравировано стихотворение, гравировка покрыта золотом, а написано оно почерком «заросли тростника»:

«Смогу ли увидеть,
Как долгие годы
Будет жить журавлёнок
На берегу
Вечно струящихся вод?»

Мать показала Накатада множество приготовленных подарков. Внесли столики с едой. Канэмаса тоже рассматривай подарки с большим интересом.

— Несколько дней назад я отправился во дворец, читал там днём и ночью и только позавчера вернулся домой. Хотел вас навестить сразу же,

но весь день не выходил из своих покоев и чувствовал себя плохо — это, по-видимому, следствие чтений! Ни вчера, ни сегодня я не мог подняться с постели, но полужив ваше письмо… Я хочу что-то вам показать. Да и рассказать мне нужно о многом.

— А что ты читал императору? — спросил отец.

— Записки деда Тосикагэ. Я собирался хранить их в тайне, но император пожелал взглянуть на них. Вот я с ними и отправился во дворец, и сразу же государь велел начинать чтения… Но за это я получил вот что! — И Накатада показал пояс.

— Это пояс, о котором рассказывают много историй, — сказал Канэмаса. — Как-то главный архивариус Сукэдзуми, занимающий также должность второго военачальника Личной императорской охраны, сказал: «Всем известно, что всё самое дорогое государь жалует Накатада. И свою самую любимую дочь, и разные вещи, с которыми он никогда не хотел расставаться, — он всё отдаёт ему». Что ж, Сукэдзуми прав.

— Этот пояс когда-то принадлежал покойному правому министру, — сказал Накатада. — Мне хочется подарить его вам. Ведь у вас такого пояса нет, а у меня есть драгоценные камни, которые дед привёз из Танского государства. Они до сих пор не вставлены в пояс, а мои камни ничуть не хуже этих украшений. С ними я сделаю себе такой же пояс.

— Ты говоришь вздор, — остановил его отец. — Этот подарок император пожаловал именно тебе. Надень его, когда отправишься во дворец на очередной праздник. Я могу спокойно обойтись без такого украшения.

— В таком случае я сделаю для вас другой, из камней деда. Потом, в сокровищнице есть удивительные рога.[99] Из-за того, что сокровища деда оставались спрятанными, чуть было не произошли ужасные события.

— Об этом лучше не говорить, — прервал его Канэмаса.

— Знаете ли вы уже удивительную новость? — переменил тему Накатада.

— Какую же это? — заинтересовался отец.

— Дело, правда, не такое и новое. Я говорю о Насицубо, — продолжал Накатада.

— Она несколько лет даже не видит наследника престола. Что же там может быть? — недоумевал Канэмаса.

— То самое! В тот день, когда я уходил из дворца, я отправился в покои Насицубо и сказал ей: «Теперь тебе ни о чём не надо беспокоиться. Я слышал о твоей радости и очень этим счастлив», — рассказал сын.

Канэмаса не верил своим ушам.

— Сколько уже месяцев? Наследник престола знает об этом? А не может ли быть, чтобы кто-то другой… — вдруг засомневался он.

— Как вы можете допустить такое! — упрекнул его Накатада. — Разве наследник может не знать об этом? Он чаще, чем других жён, призывал её к себе. Она говорит, что с седьмого месяца.

— Ах, какая радость! — ликовал Канэмаса. — Со времени её въезда во дворец я всё надеялся, и вот наконец сегодня <…>. Сейчас все жёны наследника убиваются из-за его равнодушия, а тут вдруг такая радостная неожиданность!

— Когда я был в покоях императора, туда прибыл наследник престола. Может быть, он хотел сообщить государю эту новость. Он оставался там целых два дня. За последнее время наследник стал настоящим красавцем. Поговаривают, что скоро он взойдёт на престол.

— Да, но там несравненная Фудзицубо! Разве она уже не императрица? Она родила одного сына, который, наверное, будет провозглашён наследником престола, за ним второго, Её дети блистают, как драгоценные камни. Эту взысканную милостью женщину и я, ничтожный, любил и мучился, — вздохнул Канэмаса.

— Кажется, и она сейчас в том же положении, что Насицубо. Но как я понял, она родит позже сестры.

— Наследник престола должен стать мудрым правителем, сейчас же, к сожалению, он многим причиняет только страдания. Из-за одной Фудзицубо другие его жёны, вместе со своими родителями и братьями, проливают горькие слёзы. Столько людей страдает! А что по этому поводу думает отрёкшийся от престола император? — продолжал Канэмаса.

— И император, кажется, очень огорчается таким положением. В связи с этим есть одно неприятное дело. Государь упрекал и вас, батюшка, и меня. Пожалуйста, навестите как-нибудь Третью принцессу, мать Насицубо. Государь очень беспокоится о ней. Отрёкшемуся императору уже недолго осталось пребывать в нашем мире. Пока он ещё жив, сказали б вы как-нибудь принцессе: «Переезжайте-ка жить ко мне. Это никому особенно в глаза не бросится. На Третьем проспекте места много, я отстроил усадьбу только для Накатада. Пожалуйста, живите в ней», — увещевал отца Накатада.

— Как я могу это сделать? Усадьбу я предназначал для твоей матери, и если я начну селить здесь других жён, она подумает, что мои чувства к ней изменились. В прошлом она перенесла слишком много страданий, и я хочу, чтобы по край-лей мере сейчас она жила спокойно, не смущаясь ничьим присутствием, — возразил отец.

— Если бы вы все свои помыслы обратили к Третьей принцессе, мать, вероятно, огорчилась бы; но пригласить её сюда жить и навещать время от времени — ничего плохого из-за этого не произойдёт. Вот раньше, когда вы были молоды и вели себя безрассудно — о чём не судить, — мать очень печалилась, — сказал Накатада, и слёзы навернулись ему на глаза.

Отец и мать его тоже заплакали.

— И ведь до сего дня Третья принцесса хранит вам верность, у вас есть дочь, которая служит во дворце наследника престола. Как это горько, что сейчас госпожа вынуждена влачить такое унылое существование! Если вы поступите по моему совету, никто вас не осудит, — продолжал Накатада.

— О чём ты беспокоишься? — обратилась к мужу госпожа. — За те годы, что мы живём вместе, я прекрасно узнала твоё сердце, и если сейчас ты время от времени будешь отсутствовать, я сердиться не стану. Кроме того, я рада, что именно Накатада заговорил об этом.

— Я не знаю, — колебался Канэмаса. — Делайте так, как вам кажется лучше.

— Напишите принцессе письмо: «В какой день можно приехать за Вами?» Я его отнесу и подробно обо всём расскажу, — предложил Накатада.

— Передай ей всё на словах. Зачем мне писать? — не соглашался отец.

— Нет, это нехорошо. Как же я начну разговор, не имея вашего письма? — уговаривал его Накатада.

Он принёс тушечницу и бумагу и положил перед отцом.

— Что же придумать? — очень долго размышлял Канэмаса и наконец что-то написал. — Не знаю, хорошо ли так… — сказал он, показывая письмо сыну. Вот что в нём было:

«Давно не писал тебе и стал беспокоиться о том, как ты живёшь. У меня какое-то странное чувство. Я очень изменился по сравнению с тем, каким был в прошлом, редко куда-то хожу, дни провожу в унынии, — наверное, с возрастом очень одряхлел. Возможно, что и в детство впадаю. Потому и от тебя отдалился. На Третьем проспекте у нас живёт несколько человек, и боясь, что тебе здесь не понравится, я не рискую приглашать тебя сюда слишком настойчиво. Но ведь ты должна знать дочь Тосикагэ. Не согласишься ли ты всё же переехать в моё скромное жилище? Если да — я немедленно приеду за тобой. Когда я теперь думаю о тебе, меня охватывает такое странное чувство.

Понять не могу,
Почему долгие годы
Мы в разлуке проводим.
Разве было такое,
Чтоб друг на друга мы рассердились?

Подробно обо всём тебе расскажет Накатада».

— Прекрасно! — одобрил Накатада. Он свернул письмо и положил его за пазуху. — Сегодня я пойти туда не могу, схожу завтра. Как подумаешь о положении принцессы, так её жалко делается!

Наступил вечер. Накатада послал одного из смышлёных слуг к Судзуси. ‹…›

Накатада отправился домой. Тем же вечером, когда он, распустив причёску, принимал ванну, пришёл ответ от Судзуси ‹…›. Посыльному в вознаграждение дали много одежды.

Сидя дома, Накатада размышлял: «Надо сегодня идти к принцессе с этим щекотливым поручением…» Он надел красивое платье, окурил его благовониями ‹…›.

*** * ***

Усадьба на Первом проспекте занимала территорию в два тё. С двух сторон были ворота. Посредине стоял дом, в котором должен был жить хозяин. С запада и с востока к нему примыкали флигеля, между всеми строениями тянулись галереи. Главный дом и восточный флигель занимала Третья принцесса. В других помещениях располагались наложница, имевшая от Канэмаса ребёнка, и другие жёны, которых генерал в своё время очень любил.

Вокруг пруда были красиво посажены деревья, но везде виднелись признаки запустения. Канэмаса предназначая усадьбу Насицубо, потому мать её и была здесь хозяйкой Другие жёны Канэмаса были дочерьми важных сановников и принцев, но родители о них не заботились, и дамы зависели только от Канэмаса. И хотя отношение мужа к ним изменилось, покинуть усадьбу и вернуться в отчий дом они не могли. Слуги постепенно их покидали.

Когда Накатада, предупредив о своём визите через чиновника по

имени Танго, явился в усадьбу и двигался от восточных флигелей и южного дома к покоям Третьей принцессы, все жёны Канэмаса собрались, чтобы посмотреть на него, и переговаривались, стоя друг подле друга: «Вот оно, отродье воровки, которая похитила у нас нашего мужа. Надо знать меру и в злых шутках! Явился сюда с сутрами, как в храм».[100] Некоторые глядели на него, потирая руки в знак почтения. Третьи бормотали какие-то заклинания. Но большинство из них говорило сквозь рыдания: «Ах, замолчите! Как может Канэмаса не любить женщину, от которой у него такой прекрасный сын? Все наши несчастья происходят от наших прегрешений в прошлой жизни». Среди жён Канэмаса были и такие, которые просто любовались Накатада. Он же, не подозревая об этом переполохе, шествовал очень спокойно в сопровождении большой свиты.

Накатада остановился у главного помещения, где находились слуги Третьей принцессы — четыре хорошеньких служаночки и десять взрослых слуг.

— Прибыл господин правый генерал, — доложили принцессе.

«Не может такого быть. Он зашёл сюда по ошибке», — решила она.

— Меня прислал к вам мой отец, и я должен с вами поговорить, — сказал Накатада.

Госпожа велела положить подушки в южных передних покоях. К Накатада вышла очаровательная служаночка и пригласила его: «Пожалуйте сюда». Он прошёл в покои.

— Я не раз собирался навестить вас, но все были какие-то Дела. Сегодня отец сказал мне: «Если это письмо передаст принцессе кто-нибудь из посторонних, она, пожалуй, не поверит ему. Отнеси-ка ты, чтобы госпожа непременно его прочитала», — начал Накатада и передал письмо.

— И впрямь, получив послание с другим посыльным, я бы, наверное, никогда не смогла вспомнить о нём… — промолвила она и, прочитав, воскликнула: — Ах, неужели это написано от чистого сердца?

— Как вы можете сомневаться? С какой целью отец стал бы обманывать вас? Он велел передать: «В доме на Первом проспекте сейчас много жён, и вряд ли госпоже там живётся так хорошо, как раньше. В конце концов она будет там несчастна, поэтому лучше ей переехать сюда». В усадьбе на Третьем проспекте никого нет, за домом присматривает только моя мать, хозяйка усадьбы.

— Этой-то единственной хозяйки я робею больше, чем целой толпы красавиц. Раньше она была недовольна, когда муж время от времени виделся со мной. А что будет нынче?

— Ничего подобного не следует опасаться, — заверил её Накатада. —

Моя мать говорила с отцом о вашем положении с большим участием. Отец написал вам письмо под влиянием этого разговора.

— Я бы могла окончить мою жизнь так, как живу сейчас. Но только горько мне слышать, что говорит обо мне моя отец: «Тяжело думать, что всё ещё не умерла та дочь, которая опозорила свою семью», — заплакала принцесса. — Если я буду упорствовать и отказываться от предложения Канэмаса, ничего хорошего из этого не выйдет. Я уже буду довольна, если батюшка услышит, что Канэмаса вспомнил обо мне. Ведь что ни говори, нет ничего печальнее, чем женщина, которую когда-то любил муж, а потом оставил. Но как же я отправлюсь туда, где живёт эта умная, безупречная госпожа?.. И всё же я должна последовать вашим словам…

— Вы меня очень обрадовали, — сказал Накатада. — Мой визит был не напрасен, если вы изволите согласиться. В двадцать пятый день мой отец приедет за вами.

Он попросил, чтобы принцесса написала ответ, но она возразила:

— Вряд ли это стоит делать. Передайте на словах, что я сказала.

— Это невозможно. Если я возвращусь без ответа, отец начнёт подозревать, что я и не был у вас. Напишите хотя бы несколько слов, — стал упрашивать её Накатада.

Тем временем управляющий принцессы пригласил сопровождающих Накатада в домашнюю управу и угощал их вином. Для самого генерала очень красиво разложили на подносе отборные фрукты, сушёную снедь и внесли вместе с рисом и вином. Ему прислуживала за столом дама по имени Укон, которую Канэмаса в своё время пригласил на службу; в прошлом необычайная красавица, она и сейчас ещё была довольно хороша.

— Мой отец никак не может забыть вас и всё время говорит о вашей красоте, — сказал Накатада.

— Ах, вряд ли в моём доме есть кто-нибудь — красавица или уродина, — о ком помнил бы ваш отец.

— Отныне и я не смогу забыть вас, — продолжал Накатада.

Укон ещё раз наполнила его чашу вином.

— Какое редкостное счастье, что вы навестили меня. — С этими словами принцесса, приблизившись к переносной занавеске, велела поднести ему вино.

— Без ответа я не смогу возвратиться домой, так здесь и останусь, — напомнил Накатада.

— Ах, как это затруднительно! — вздохнула госпожа и затем написала:

«Не могла я поверить в правдивость Вашего письма, но Ваш

посыльный столь искренен, что завоевал моё сердце.

Не помню, когда
На тебя я сердилась,
Но долгие годы
Рукавом китайского платья
Горючие слёзы я утирала».

Она сложила письмо, привязала его к ветке клёна, которая стояла в вазе и на которой некрасиво висели уже высохшие листья, и вручила Накатада.

— Не видит никто, как в старом доме осыпаются листья.[101] — С этими словами генерал вышел из комнаты.

В это время кто-то из южного строения бросил ему мандарин.

— Вот я и дождался, — сказал Накатада и подобрал плод.

Он двинулся далее, и тут из восточного флигеля кто-то кинул ему плод цитруса и крупный каштан. Когда генерал подбирал их, из восточного флигеля послышался мелодичный голос женщины, по-видимому, лет тридцати:

— Кому же я бросила плод?

— Путнику, бредущему по свету, — ответил Накатада и вышел из ворот.[102]

*** * ***

Накатада возвратился в усадьбу на Третьем проспекте, вручил отцу письмо и передал слова принцессы.

— Прискорбно всё это слышать, — промолвил Канэмаса. — Даже раньше она не считала наш брак достойным её положения, а сейчас и вовсе думает, что жить ей незачем. Кстати, не запущена ли усадьба на Первом проспекте? Как она живёт?

— Как там в задних помещениях, я не видел. На первый взгляд всё кажется пристойным. В домашней управе чиновников много, низших слуг тоже достаточно. Открыли кладовые, принесли разной снеди, начали меня угощать. И покои принцессы убраны роскошно, в доме много и юных, и

взрослых служанок.

— У неё много сокровищ, — заметил отец. — Она старшая дочь у матери[103] и от неё наследовала большое богатство. Принцесса владеет большими поместьями, поэтому у неё великолепная утварь и множество драгоценных вещиц.

— Когда я был в этом грустном доме, меня сильно ушибли. Бросали в меня не камнями, а вот чем. Очень было больно. И Накатада показал подобранные им плоды.

— Как странно! — удивился Канэмаса.

Он снял кожуру каштана и обнаружил внутри записку на красной бумаге:

«С печалью гляжу
На дорогу,
По которой когда-то
Ко мне приходил ты,
А теперь безучастно проходишь».

Не говоря ни слова, Канэмаса взял плод цитруса и увидел внутри записку на жёлтой бумаге:

«Былое не в силах
Забыть,
Дом, в котором
Долго жила,
Не могу я оставить».

В мандарине лежала записка на красной бумаге:

«Меня завещая тебе,
Отец мой
С миром расстался.
Так как же случилось,
Что ты меня позабыл?»

Слёзы градом хлынули из глаз Канэмаса. Мать Накатада, глядя на него, с грустью подумала: «Он любил их и потом всех оставил, чтобы жить только со мной» — и заплакала.

«Подобрал я никчёмные вещи. Не надо было этого делать», — огорчился Накатада.

Некоторое время Канэмаса был погружён в свои мысли и наконец произнёс:

— Этот мандарин бросила средняя дочь покойного главы Палаты обрядов. Отец её, пригласив меня, сказал так: «Вряд ли я долго проживу на свете. У меня есть дочь, которую я очень люблю. Говорят, что ты непостоянен, но я хочу, чтобы ты любил мою дочь». Он отдал мне её в жёны, ей тогда было тринадцать лет. Очень скоро после этого отец её скончался. А через некоторое время ты поселилась здесь, — сказал он, обращаясь к жене. — Вероятно, она на меня очень сердится. Этот каштан бросила сестра советника Накаёри. Ей бы выйти замуж за какого-нибудь прекрасного человека! На музыкальных инструментах она играет лучше своего брата, искусна во многом, и все без исключения умеет сделать превосходно. Да и внешность у неё располагающая, манеры очень любезны. А плод цитруса бросила сводная по отцу сестра министра Тикагэ. Она младше брата, мать у неё — принцесса. При императоре Сага она была наложницей Умэцубо. Эта дама знала толк в любви. Я уговорил её и женился, хотя она гораздо старше меня, по возрасту годится мне в матери. А в западном флигеле проживает бывшая придворная дама. Это дочь советника сайсё, который одновременно занимал пост второго военачальника Личной императорской охраны. Она превосходно играет на лютне. У неё родился сын. Как-то она его воспитала? Там живут и другие дамы, да к чему их вспоминать сейчас? Напишу-ка я ответ дочери главы Палаты обрядов.

— Ответьте всем, кто послал вам письма. Я поднял плоды — и дамы, не получив ответа, подумают, что я ничего вам не передал, — заметил Накатада.

— Выберите в кладовой три самых больших мандарина, без царапин и принесите сюда, — распорядился Канэмаса.

Прорезав в каждом мандарине маленькое отверстие, он вытащил через него всю мякоть, сделав таким образом что-то вроде сосудов.

— Что же положить в них? — спросил он.

Мать Накатада достала небольшую коробочку из багряника и протянула мужу. Там было золото. Канэмаса наполнил мандарины золотом

доверху, закрыл срезанной кожурой и завернул в тонкую бумагу жёлтого цвета. Он написал:

«Я ли это,
Кто клятвы забыл,
Что дал отцу твоему,
И тебя
Так долго не видел?» —

и вложил в первый свёрток.

Той, что бросила каштан, он написал:

«Куда ты пошлёшь
Письмо мне?
Покинув ночлег,
Не знаю я сам,
К кому в дом направлюсь».

И для третьей дамы:

«В сердце храню
Образ дома,
Где тебя навещал я.
И нет дня, чтоб не думал
С грустью я о тебе».

Он вложил письма в свёртки, запечатал свёртки своей печаткой и сказал сыну:

— Это в южный павильон, это другим дамам.

Накатада позвал прислуживающего мальчика, который был среди его сопровождающих, и приказал ему разнести письма.

— Отдай им, ничего не говоря, — наказал он.

— Приближается церемония назначения на должности. Вы не

собираетесь во дворец? — спросил Накатада отца.

— К чему мне идти туда? — возразил тот. — Если я пойду, твоя честь тоже будет затронута. Во дворце меня не считают за человека, и у меня пропадает охота жить.

— Сейчас свободного места министра нет, ничего поделать нельзя, — попытался утешить его Накатада.

— А почему нет свободных мест? — вскипел Канэмаса. — В последнее время все места позанимали члены семьи Масаёри и сидят на них, как железные гвозди. Масаёри упросил создать для тебя место второго советника, для тебя, мужа своей внучки, а для твоего отца что он сделал? Масаёри очень заботится о своей дочери, госпоже Дзидзюдэн, и через мою голову добился для тебя продвижения по службе. Вот до чего дошло! Он отправляется во дворец и творит там всё, что ему вздумается. Если ему не надо обделывать свои делишки, он и на службу не является, даже на праздник первого вкушения риса. Насидевшись вдоволь дома, он решает увидеть государя — и вот опять торжествует. Внуки его, сыновья Дзидзюдэн, сверкают друг подле друга, как отборные жемчужины, сыновья его позанимали все места, как сгрудившиеся облака, они подчиняются ему беспрекословно. А если подумать о будущем наследнике престола — и здесь судьба не благосклонна к нашей семье. Все жаждут, чтобы их дочери рожали сыновей наследнику, но только у дочери этого самого Масаёри детей рак много, как пчёл в улье. Его дочери — и Дзидзюдэн, и Фудзицубо — рождают младенцев одного за другим. Наверное, и на этот раз у Фудзицубо будет мальчик. А Насицубо сейчас беременна, но о ней никто и не вспоминает, как в двенадцатом месяце не думают о лунных ночах. Неминуемо родит она тщедушную девочку, у невезучего человека всегда так…

— Почему ты говоришь так грубо и зло, не называя, однако, настоящей причины? — вступила в разговор его жена. — А не испортилось ли у тебя настроение, потому что ты вспомнил прошлое? Разве ты не рад тому, что у неё такой сын? Да ты ещё не в том возрасте, когда ковыляют, согнувшись попонам, ты ещё сможешь добиться успеха наравне с другими. Пусть ты не счастлив в дочерях, но потомки сына принесут тебе удовлетворение. Благородные люди никогда не ропщут, не то что низкие. О таких вещах говорить не принято, а ты вдруг пустился в разглагольствования.

— Я всегда согласен с тобой, — сказал Канэмаса, он притянул к себе волосы жены и стал играть ими.

— Ты никогда не будешь серьёзным, — недовольно сказала она.

Льющиеся по спине волосы блистали, подобно драгоценному камню, они были длиной в девять сяку, широкой волной ложились вокруг подушки, на которой она сидела, и были поистине великолепны.

— Ты меня так очаровала своими прекрасными волосами, что я стал святым. До того я поселил у себя множество благородных женщин, пригласил множество красивых прислуживающих дам, похитил принцессу. Кроме того, не было ни одной замужней дамы, к которой бы я не захаживал, и все меня ненавидели. Нынешние молодые люди удивительно серьёзны. Даже после того, как я взял в жёны дочь всемилостивого государя, я не пропускал ни её сестёр, ни чужих жён, ни наложниц самого императора. Это грех небольшой!..

— Радости во всем этом мало, — возразил Накатада. — Когда я был холостяком и мечтал так или иначе получить в жёны одну красавицу, я не совершал ничего подобного, даже если представлялся случай.

— А я бы на твоём месте так не оставил, — заметил отец. — Я бы и сейчас не спустил. Во время её визита к родителям я бы притворился пьяным и ввалился к ней в комнату. А если бы поднялся шум, я бы прекрасно разыграл пьяного: «Ах, как много я выпил! Где же это я? Разве это не мои покои?»

— Как много ты причинил зла! — возмутилась его жена. — Накатада, не слушай того, что говорит твой отец, уходи побыстрее в другую комнату!

— Если мужчина действует с опаской, боясь за свою репутацию, он никогда не найдёт хорошую жену. Если он будет писать ей письма, как обычно делают, да дожидаться разрешения её родителей, из этого ничего не получится. Улучив мгновение, неожиданно войти к женщине — вот как надо! Если же бродить с потерянным сердцем, то никогда не встретишь подходящую жену. Займись-ка поскорее и Фудзицубо и женой Судзуси! — сказал Канэмаса.[104]

Вскоре Накатада отправился домой.

— Как удивительно он ведёт себя! — сказал Канэмаса. — Ему хочется, чтобы его считали добродетельным, и он совершает опрометчивые поступки, перевозит сюда твою соперницу! Но он так решил, и я не могу противиться… — Однако в глубине души он был очень доволен.

* * *

Наступил вечер седьмого дня с рождения сына второго советника

Судзуси. Всю подготовку к пиру и устройство мест на женской и мужской половине взял на себя Танэмацу, правитель провинции Ки. Были повешены бледно-жёлтые занавеси, к краям которых пришили зелёную тонкую парчу. Переносные занавеси, расставленные в южных передних покоях, сверкали белым узорчатым шёлком. Циновки из синей шёлковой ваты на пурпурной подкладке и обшиты китайской парчой; места же для сидения обтянуты белым узорчатым шёлком. Подушки для сидения были такими, как обычно, их разложили и на веранде. Столики — из светлой аквилярии, посуда — серебряная, чашки для вина — золотые. Деревянные жаровни из аквилярии, снаружи выкрашенные в красный цвет, внутри были позолочены. Серебряные жаровни выкрашены внутри в чёрный цвет, и раскалённые угли, как птичьи яйца ‹…›. Все сыновья Масаёри собрались на пир. Важные сановники уселись в покоях, чином пониже — на веранде. Из посторонних ещё не было никого. Судзуси послал приглашение Накатада:

«Хочу, чтоб пришёл тот,
Кто носит в душе
Мелодию ветра в сосновых ветвях.
Пусть чадо моё
На него будет похожим![105]

Пожалуйста, приходи сегодня к нам».

— И без этого приглашения я собирался туда… — сказал Накатада и ответил другу:

«Пусть вместе с сосной
Тысячу лет проживёт
Чадо того,
Кто тайну познал
Гармонии ветра в старых ветвях!

Хотел сразу же навестить тебя, но ты написал о том, что я Должен быть образцом для твоего сына, и мне стало неловко».

«У Судзуси, надо полагать, соберётся много народу, и я буду у всех на

виду, — подумал он с неудовольствием. Накатада надел красивое алое платье и отправился на пир. Судзуси очень обрадовался, увидев Накатада, вышел к нему навстречу и проводил в покои. Во дворе под шатрами расположились виртуозы-музыканты. Там собрались все чины Личной императорской охраны. Четыре стражника Императорской охраны и четыре исполнителя обезьяньих плясок зажгли факелы.

Глава XV
НАЙДЕННЫЙ КЛАД
(Окончание)

Тем временем[106] прибыли второй советник министра Тайра Масаакира, старший советник министра Фудзивара Тадатоси и советник сайсё Минамото Санэмаса. Перед гостями поставили столики с едой, несколько раз наполнили чаши вином. Начали играть на музыкальных инструментах. Ни Накатада, ни Судзуси не принимали участия в музицировании, но сидя лицом друг к другу, спокойно разговаривали.

— Ничто не сравнится с переменчивостью человеческого сердца, — говорил Судзуси. — Я и представить не мог, что стану зятем Масаёри и поселюсь в его усадьбе. Когда Фудзицубо переехала во дворец наследника престола, я не знал, что мне делать, уйти в монахи или умереть. Мне даже приходила в голову нелепая мысль подать жалобу государю, как сделал Сигэно. Но сейчас я вспоминаю об этом как о помешательстве. Я строил планы, как добиться своего и, чтобы не дать повода к подозрениям, напустил на себя равнодушный вид и посещал разных женщин. Когда я услышал об указе относительно моей женитьбы на Имамия, я очень рассердился и хотел так или иначе отомстить. Я сказал себе: «Если Имамия некрасива, покину её после первой ночи, если же она окажется милой — после второй. Раз со мной поступили как с недалёким мужланом, так я отвечу вот чем». Имамия оказалась милой, и я, как и решил, провёл с ней две ночи. В ту ночь, когда нас призвали к императору, я думал: «Больше туда не вернусь. На этом и кончу», — и пробыл во дворце допоздна. Но чувствовал там себя я до того несчастным, что не остался на ночное дежурство и отправился к ней. Так я обосновался в этой усадьбе и живу до сих пор. Вот и сегодня принимаю здесь гостей. Если бы я был тонкой столичной штучкой, всё было бы, пожалуй, иначе.

— Может и так. Но ты причинил Масаёри много тревог, — ответил Накатада. — Наследник престола снова и снова заговаривал о въезде Фудзицубо в его дворец, и хотя Масаёри ссылался на императорский указ, наследник-таки настоял на своём. Ты же очень обиделся, по всеобщему мнению — не без оснований. Фудзицубо очень красива, и в неё были влюблены все. Но Имамия ни в чём сестре не уступает. Масаёри и его

супруга холили её с детства, а когда расстроился твой брак с Фудзицубо, они были очень удручены и решили отдать тебе в жёны её родную сестру. Только Имамия младше, но столь же красива, что и сестра, — чем ты можешь быть недоволен?

— Поэтому я здесь и живу. Какой ещё дамы мне добиваться? Есть ли во всём необъятном мире женщина, похожая на Фудзицубо? Разве дело только в красоте? Как утверждают, она во всём неподражаема.

— Опиши мне её, — попросил Накатада.

— Я часто видел её. У неё прекрасные волосы, белая кожа, красивое лицо…

— И это всё? — удивился Накатада. — А что ты скажешь о её душе?

— О том ничего не знаю, — вздохнул Судзуси.

— Что же нам делать сегодня вечером?.. — засмеялся Накатада. — Да, кстати, у тебя живёт подросток, которого я когда-то уже видел. Кто это?

— Их так много, что я не могу догадаться, кого ты имеешь в виду, у меня живёт один, который раньше служил у высочайшей наложницы Сёкёдэн.

— Не он ли прислуживал на церемонии дня рождения будды Шакьямуни в бытность мою вторым советником? — стал припоминать Накатада.

— Как раз он и есть, — подтвердил Судзуси. — Его зовут Корэкосо.

— Я как-то приходил к тебе, щёлкнул веером, и одна служаночка сразу же отозвалась: «Пожалуйте вечером». Я тогда подумал, что она очень смышлёная, — припомнил Накатада.

— Это Акоги, — сказал Судзуси. — Раньше она прислуживала Фудзицубо. Сейчас таких служаночек больше нет. Если не ошибаюсь, она младшая сестра дамы Хёэ.

— Я думаю, что это младшая сестра дамы Моку. Когда я бывал во дворце, я часто болтал с ней.

Так они беседовали и не прикасались к музыкальным инструментам.

— Ты пригласил меня, и мы болтаем о всякой всячине. Пёк чему ты не играешь на кото? — спросил Накатада.

— Мне не с кем было поговорить о том, что меня занимало всё это время, — признался Судзуси, — и сейчас я рассказываю тебе всё, что приходит на ум. Вряд ли кто-нибудь станет меня слушать.

— А я так надеялся… Пожалуйста, поиграй. Я буду слушать тебя очень внимательно, — стал упрашивать друга Накатада.

— Я не играю настолько хорошо, чтобы меня сбегались; слушать, как тебя. Мужчина должен заниматься китайской словесностью, а все

искусства лучше оставить,[107] — заметил Судзуси.

— Разве есть что-нибудь дороже своего ребёнка?! — воскликнул Накатада. — Что скажешь?

— Ну, мой сын пока ещё слишком мал, я даже не видел его ни разу, — признался его друг.

— Как ты можешь так относиться к сыну? — удивился Накатада. — Моя дочь только родилась — и я сразу прижал её к груди.

— Если бы у меня была такая дочка, как у тебя… — вздохнул Судзуси. — Мой сын не будет лучше меня. А если он будет ещё хуже меня, на что можно надеяться? Если бы у меня родилась девочка, я бы учил её играть на кото, дарил ей разные чудесные вещицы и с радостью предвкушал, как она будет служить во дворце и блистать там. У меня есть кладовая! полная сокровищ, необходимых для девочки.

— Дай-ка их мне, — улыбнулся Накатада. — Тебе всё равно не нужно. Подари моей дочери.

— Обещай свою дочь в жёны моему сыну, тогда я сразу всё отдам, — воодушевился Судзуси.

— Ты говоришь вздор! — остановил его Накатада. — Подумать только, мы сами ведём себя, как дети, хотя уже стали отцами. Кстати, ты всё приготовил для своего сына?[108]

— Это нужно было сделать в последний день месяца. Но говоря по правде, всё сделали другие, я и в комнату для роженицы не входил.

— Глупые у вас, Минамото, порядки, — заметил Накатада. — Я вот ещё и не сообразив, что стал отцом, вошёл к жене в комнату и лёг с ней.

— Твоя жена принцесса, и никто не смеет приблизиться к ней… Так или иначе, церемония очищения выполнена, и можно не спешить с обрядом изгнания злых духов.

— А я вот далеко не простак… — засмеялся Накатада.

— Разве ты не любишь свою жену? — удивился Судзуси и добавил: — Если бы не любил, ты не был бы с ней до сего дня. Наверное, давно бы оставил.

— Ах, лишь вспомню, как удивительно мы проводили время в Фукиагэ! Тогда мы только начинали карьеру. Если бы Накаёри оставался с нами, он был бы сейчас главным архивариусом. Из родовитой семьи, обласкан императором, но из-за своей любви удалился в горы и принял монашество. Давно мы его не навещали. Не отправиться ли нам как-нибудь туда? — предложил Накатада.

— Время от времени я его навещаю. Недавно велел сшить одежду на

вате, приготовить рисовые лепёшки и послал ему, — ответил Судзуси.

— Навестим его в новом году, когда распустятся цветы. Возьмём с собой Юкимаса, будем сочинять стихи. Нельзя забывать прошлое — в этом смысл жизни. Сейчас во дворце без Накаёри скучно, и во время исполнения музыки остро чувствуется его отсутствие, не так ли? В нашем мире всё бренно, и вот о чём я сейчас думаю: я не играю музыку, которую все жаждут услышать, но если я сегодня умру, чем меня помянут? Когда человек стареет, он теряет своё мастерство в любом искусстве и многое забывает. Я хочу исполнять музыку и перед императором, и перед родителями.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Судзуси. — Ради этого стоит жить в нашем мире! Поиграй и для меня.

— И ты играй, — ответил Накатада.

В это время пришло письмо от Масаёри:

«Мне хотелось прийти к Вам с поздравлениями, однако разыгралась моя болезнь, и я шагу не могу ступить. Мои сыновья, наверное, пришли. Попроси их сделать всё, что нужно».

Судзуси на это ответил:

«Благодарю Вас за Ваше письмо. Вы не пришли, и все очень скучают».

Принесли много денег для ставок в игре, завёрнутых в разноцветную бумагу, и разложили перед гостями.

— Я выиграю у тебя сегодня все твои сокровища, — пошутил Накатада.

Они начали играть в шашки. Судзуси проигрывал, и деньги переходили из одного мешка в другой. Скоро мешок хозяина был пуст, а мешок Накатада полон до краёв. Он завяз; его и начал наполнять второй. К Накатада подходили гости проигравшиеся в пух и прах, и просили дать им денег, но о; отвечал:

— Они мне понадобятся, когда я начну проигрывать.

И ничего никому не давал. Все монеты были золотые.

Несколько раз гостям подносили вино. Там собралась вся знать столицы. Гости чувствовали себя свободно, шутили и развлекались — так прошла половина ночи. Накатада вышел на восточную веранду, постоял там, опершись спиной о столб, и заглянул внутрь. Занавеси были подняты на два сяку, и он увидел около сорока дам, одетых в красные и зелёные китайские платья со шлейфами из узорчатого шёлка, окрашенного травами. Они сидели друг подле друга и сочиняли стихи по случаю сегодняшнего пира. Некоторые о чём-то спорили между собой. При них было более

десяти юных служанок, одетых в зелёные пятислойные платья, верхние штаны из узорчатого шёлка, накидки из узорчатого лощёного шёлка и трёхслойные штаны. Они раскладывали перед дамами серебряные монеты. На веранде между столбами висели фонари. В больших коробах из цезальпинии стояло много светильников, в которых горел огонь и возле которых лежали серебряные палочки. В восточной галерее на полках стояли сумимоно.[109]

Через некоторое время прибыли правитель провинции Ки Танэмацу и его подчинённые в сопровождении слуг, которые несли подарки: десять лососей, завёрнутых в соломенные и тростниковые циновки, карпов и морских окуней с коровьим горохом; на ветке висели фазан и три карпа с мешочком гороха, на другой — два голубя с таким же мешочком. В двух серебряных сосудах в форме мешков были мёд и аррорут. Подарки были расставлены в восточной галерее. Кроме того, от жены Танэмацу было прислано три подноса из кипарисовика, четыре высоких чаши с подставками и четыре кувшина с завязанным горлом — эта подарки были расставлены на веранде перед Судзуси. Когда их открыли, оказалось, что они наполнены макрелью, сваренными моллюсками «морское ушко», морскими водорослями миру и сладкими водорослями аманори.

В это время Накатада неожиданно вошёл в передние покои. Сидевшие там дамы переполошились, но он успокоил их:

— Разве мы не связаны неразрывными узами и разве нам не дозволено входить друг к другу?

Перед занавесью главных покоев стояли подарки, присланные Масаёри, Тадамаса и Танэмацу. Подношения последнего были особенно великолепны. В главных покоях было много одетых в белое дам.

— Теперь ты стала взрослой и отныне будешь нянчить сына. Рядом с ними моей дочери придётся стыдиться за своё убожество, — обратился Накатада к Имамия.

— Вы говорите так потому, что уже к ней привыкли, — ответила та из глубины помещения.

— Раньше говорили, что ты стесняешься и никогда прямо не отвечаешь. А теперь я могу слышать твой голос. Прислал ли тебе письмо военачальник Императорского эскорта? — продолжал Накатада.

<…>

— Ведь я не служу в Императорском эскорте… И я зашёл к тебе с честными намерениями, — сказал генерал.

Он посмотрел на подносы из кипарисовика с фруктами, уложенными горкой на серебряных тарелочках в четыре сун.

Из глубины помещения показалась дама с чашей, наполненной вином, и раздался мелодичный голос:

— Сколько бы лет ни прошло,
Такого дня больше не будет.
Хочу, чтобы ты помнил
О чаше этой
Многие тысячелетья!

Генерал, взяв чашу, ответил:

— Снова и снова
С рожденьем детей
Будем тебя поздравлять.
Пока же за первенца
Чашу осушим!

— Чей это был голос? — спросил он. ‹…›

— Мы будем порицать тех, кто не захочет пить вина, — послышались голоса.

Из южной части помещения раздался громкий голос Мияхата:

— Господин генерал! Отец украл ваши деньги, что были здесь!

— Немедленно ударь вора! — ответил ему Накатада. ‹…›

Из глубины помещения снова и снова посылали чаши с вином.

— Пройдут мириады веков,
Коль начну я считать
Чаши, что мне преподносят.
Пусть столько же длится
Процветанье твоё! —

С этими словами Накатада прошёл в глубину помещения. Там сидели

в ряд братья Имамия, и каждый из них, приговаривая то и это, стал предлагать Накатада чашу с вином.

— Куда это я попал! — воскликнул Накатада и собрался было уйти.

Но в это время супруга принца Сикибукё вынесла знаменитую лютню, которой владел Судзуси, и сказала Накатада:

— Поиграйте на ней, хотя бы немножко!

Генерал без слов заиграл на лютне. «Это действительно замечательный инструмент», — подумал он. Полились чарующие звуки песни, которую несколько дней назад пели юные служанки. «Где же Корэкосо? Надо было бы и сейчас щёлкнуть веером!» — думал при этом Накатада. Поиграв немного, он поднялся, собираясь уйти, но Хёэ преградила ему путь си словами:

— Тем, кто вошёл сюда, так просто отсюда не выйти.

— Что за напасть! Мне кажется, что меня со всех сторон окружили обезьяны! — воскликнул он.

— Это вы о своих телохранителях?

— Уж очень назойливые сопровождающие! — сказал он.

В это время из задних комнат вынесли однослойное платье из узорчатого лощёного шёлка красного цвета, отливающего чёрным, накидку с прорезами из ткани бледно-фиолетового цвета, трёхслойные штаны — нечего говорить, как прекрасна была эта одежда. Её преподнесла генералу дама по имени Тюдзё. В той части помещения, где дамы сочиняли стихи, стояли тушечницы. Накатада прошёл туда, взял кисть, вытащил из-за пазухи бумагу, написал записку и привязал к поясу полученных штанов. Он вышел из покоев на веранду, возле перил стоял Корэкосо, и вручил ему подаренную одежду со словами:

— Когда мы недавно встречались, я не знал, кто ты. Теперь же мы по крайней мере познакомились.

Он спустился по лестнице и тайком направился к выходу, но Судзуси, заметив это, спустился с южной стороны, даже не надев обуви, и догнал его.

— Почему ты бежишь от нас, как монах в «Спальне стражника»?[110] — спросил он. — Ты уходишь, точно человек, который ненароком зашёл к незнакомым людям. Здесь нет никого, кто был бы выше тебя по чину, а со старшим советником Тадатоси вы в дружеских отношениях. У меня всегда можно и вспомнить прошлое, и завязать новую дружбу. ‹…›

— Что ты беспокоишься? По правде говоря, я пошёл поговорить с Корэкосо, но меня пригласили в главные покои и стали усердно угощать вином, я прямо не знал, что делать, и еле-еле смог улизнуть оттуда, — стал

оправдываться Накатада. ‹…›

Между тремя сыновьями Масаёри, Судзуси и Накатада завязался разговор. В комнату вошёл придворный пятого ранга Мотодзуми, восьмой сын министра, следовавший по старшинству за покойным Накадзуми. В то время он служил главой Императорской сокровищницы и архивариусом. Это был неутомимый искатель любовных приключений, превосходивший своего покойного брата и внешностью, и тонкостью чувств. Он вошёл в помещение с чашей в руках.

— Когда я вижу тебя, я совершенно забываю все свои неприятности, — сказал Накатада. — Государь велел мне прийти во дворец после церемонии провозглашения святых имён Будды, а я так и не явился. При случае доложи императору, что я был болен и не мог быть во дворце. Как нам недостаёт на таких пирах Накаёри! — продолжал он.

— Фудзицубо совершила достаточно зла, — сказал Судзуси. — Она была рождена для того, чтобы причинять людям Задания. Мою жизнь она разбила совершенно, да и других тоже. Сейчас я думаю только об одном — уйти в монастырь или нет.

— Ты не пьян? Что ты говоришь? — удивился Накатада.

— Я и трезвый говорю то же самое. Все к этому, должно быть, привыкли. А тебе разве не случается говорить серьёзные вещи? — спросил в свою очередь Судзуси.

— Ты держишься как глупец, строящий из себя мудреца, — сказал Накатада.

— Ты прав, — согласился его друг. — Советник Масаакира глядит на меня издали и очень негодует.

Находившиеся рядом с ними могли слышать их разговор. «Вот оно что!», — решили они. А братья и сёстры Фудзицубо, расположившиеся на веранде и за занавесью, при этом подумали: «Как неприятно слушать такое!»

Сукэдзуми, служивший одновременно советником сайсё и вторым военачальником Императорской охраны, приблизился к Накатада:

— Сегодня вечером я попал в пренеприятное положение. Я совершенно проигрался в шашки, и подумав, что Мияхата вот-вот горько расплачется, взял взаймы немного денег для ставок. Мияхата же раскричался, что я украл деньги, и я совершенно растерялся. И если я и взял немного денег, то вот сколько получил. — И Сукэдзуми показал множество свёртков с деньгами.

— У Мияхата возвышенная душа, — заметил Накатада. — Мы с ним удивительным образом подружились и обменялись клятвами.

— Какими клятвами?

— Этого я никому не открою, — ответил генерал.

— Как я ему завидую, — сказал Сукэдзуми.

Стало светать. Снова наполнили чаши вином. Из внутренних покоев вынесли подарки для гостей. Сам Судзуси брал приготовленные вещи и одаривал господ. Там были китайские платья из красного шёлка, шлейфы из узорчатого лощёного шёлка, окрашенного травами, трёхслойные штаны, детская одежда и пелёнки. Важным сановникам преподнесли разные накидки с прорезами и штаны на подкладке. От бабки Судзуси принесли однослойные платья из узорчатого лощёного шёлка и штаны на подкладке. Их тоже вручили важным сановникам.

Перед уходом Накатада обратился к Судзуси:

— Кстати, хочу попросить тебя кое о чём. Одолжи-ка мне на завтра твой экипаж.

— Для чего он тебе понадобился? — спросил Судзуси.

— Нужно перевезти на Третий проспект Третью принцессу, — объяснил тот.

Те, кто слышал эти слова, были приятно изумлены.

— Нынешнее положение принцессы очень тяжёлое, и даже я с горечью думал об этом, — сказал Судзуси. — Если же она переедет на Третий проспект, приличия будут соблюдены. Но скажи мне, твой отец сам решил перевезти её к себе или делает это по твоему наущению?

— Никто, кроме него самого, не мог знать о ней. Я выполняю только его волю.

Все собравшиеся шумно восторгались: «Чудесно!»

— Я, конечно, дам тебе экипаж, — сказал Судзуси. — По правде говоря, Фудзицубо завтра собиралась выехать из дворца, и я думал, что в связи с этим он может мне понадобиться, но…

— Вряд ли она сможет отлучиться из дворца, — возразил Накатада. — А если даже и получит разрешение, то не раньте, чем послезавтра на заре. ‹…› Если я поеду за принцессой днём, то к рассвету ты как раз успеешь.

— Отлично, — согласился Судзуси.

Все гости быстро разъезжались по домам, так что у Танэмацу не было времени вручить сановникам приготовленные им подарки.

Корэкосо, стоя с полученным от Накатада подарком, думал: «Неужели ничего, кроме этого, он не хотел мне дать?» — но когда рассмотрел хорошенько, обнаружил записку, прикреплённую к поясу штанов:

«Не знает никто,
Что реку Натори
Давно пересёк я.
Где встретимся вновь?
Где ты будешь? Скажи…[111]

Не могу забыть тех помещений во дворце, где впервые увидел тебя. Мне показалось, что ты мёрзнешь, поэтому, пожалуйста, носи эту одежду…»

Эта записка наполнила сердце Корэкосо радостью. «В мире столько говорят о бесподобном почерке генерала, но ни у кого нет писем от него. Как бы хотели дворцовые красавицы увидеть такую записку! А те, у кого есть хотя бы одна строчка, написанная его рукой, дорожат ею, как редкой драгоценностью», — думал молодой человек.

Он разделил полученную накидку с прорезами, нижнюю часть преподнёс военачальнику Императорского эскорта, а верхнюю — второму военачальнику Императорской охраны. Остальное он оставил себе и ушёл в свою комнату.

* * *

Судзуси разложил полученные накануне подарки. Он распределил десять веток с лососями, завёрнутыми в рогожу, сумимоно, десять веток с рыбой и дичью, пять высоких чаш на ножках между министром Масаёри, генералом Канэмаса и Фудзицубо.

* * *

Госпожа распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц собралась покинуть дом Судзуси.

— Я должна купать Инумия, — объяснила она.

У Судзуси испортилось настроение, и он произнёс с беспокойством:

— Я очень боюсь, как будут купать моего сына.

— Поскольку у нас нет сведущих людей, мне бы хотелось, чтобы вы

оставили указания, — попросила жена Судзуси госпожу распорядительницу.

— Я буду время от времени приходить к вам, — успокоила её та. — Если у любезного генерала станут думать, что меня здесь задобрили и я решила надолго у вас остаться, мне будет очень неловко.

— Да, в этом вы правы, — согласилась Имамия.

— Скажите мне, как вам кажется Инумия? — вступила в разговор вторая супруга Масаёри. — Мне вот что хотелось бы знать. Несколько дней назад, когда господин отправился в императорский дворец, я пошла к ним, чтобы взглянуть на девочку, но мне её так и не показали. В чём дело? Неужели у неё есть какой-нибудь изъян?

— Ничего подобного, — уверила её распорядительница. — Накатада говорит, что она немного мельче, чем другие дети, выглядит очень беспомощно, поэтому не разрешает её никому показывать. По два-три раза на день он шлёт жене письма; «Чтобы никто не видел её». Когда девочка вырастет, она будет, наверное, ещё краше, чем Фудзицубо.

— Когда слишком много говорят о чьей-нибудь красоте, пусть даже и справедливо, это всегда неприятно слушать, — заметил Масаёри.[112]

Госпоже распорядительнице вручили сундук для одежды с полным женским нарядом, ночным платьем, тремя или четырьмя штуками шёлка и ватой.

* * *

Накатада сидел в своём кабинете с Инумия на руках. Жена его уединилась в соседней комнате. В это время принесли подарки от Судзуси: десять искусственных веток пятиигольчатой сосны, к которым было прикреплено по штуке шёлка, свёрнутой в виде рыбы краснобрюшки.[113] Рогожа, в которую завернули шёлк, была не из соломы, а из белых ниток. К таким же веткам были подвешены сделанные из шёлка окуни и карпы, они казались живыми и только что не шевелились. Внутрь серебряных фазанов были положены шарики из чёрных благовоний, внутрь золотых голубей — золотые монеты. Из чёрных благовоний были вылеплены маленькие птички. В коробках из кипарисовика лежали макрель из серебра и аквилярии и моллюски «морское ушко» из чёрных благовоний, сплетённые из ниток водоросли миру и зелёные водоросли аонори, для сладких

водорослей аманори использована крашеная вата, внизу расстелен узорчатый шёлк. На подносах из кипарисовика были разложены предметы из цезальпинии, сделанные в форме съестных продуктов. Рассматривая декоративный столик, Накатада заметил написанное рукой Судзуси стихотворение:

«В чистой воде,
Что беспрерывно струится,
Вижу твоё отраженье.
Пусть твоя жизнь
С журавлиным веком сравнится!»

Вместе с мешком выигранных вчера денег был прислан ещё один. В письме было написано: «Думая о будущем, все заботятся о деньгах. Ты же забыл взять даже свой выигрыш. А есть такие придворные, которые ради денег идут на низость».

Накатада ответил другу: «Оставил тебе выигрыш на хранение, и медные деньги превратились в золото. Как же это произошло?»[114]

Госпожа распорядительница, одевшись особенно тщательно, явилась к Накатада.

— Очень я люблю Инумия, и хотя меня оставляли там на сегодня и на завтра, я поспешила к вам, — начала она.

— Я очень рад вашему приходу, — приветствовал её Накатада. — А то я уже начал было беспокоиться. Что происходит у супруги Судзуси? Там раздаётся много голосов, кто сейчас там находится?

— Там сейчас Вторая принцесса, супруга старшего советника Тадатоси, супруга советника Санэмаса и супруга левого министра Тадамаса, — ответила она.

— Кто же из них всех красивее?

— Они все очень красивы. Мне трудно сказать, кто из них лучше.

— Вторая принцесса уже прошла обряд надевания взрослого платья. Она, наверное, очень красива, — продолжал генерал.

— Вторая принцесса ещё так молода, что трудно что-либо сказать.

— А лицом она какова? — настаивал Накатада.

— Извините меня, но мне кажется, правы те, кто говорит, что она немного слабенькая.

— Вторая принцесса действительно очень красива, — раздался голос

жены Накатада. — Ведь её родители красивы необыкновенно, а кроме того, в ней чувствуется высокое происхождение. Ты хочешь знать, каковы у неё цвет лица и волосы? Таких ты больше ни у кого не увидишь. Волосы её падают на плечи и ложатся на спину, расширяясь, как веер. Сколько на них ни гляди, не налюбуешься. Я сама хотела бы ими любоваться.

— Мне случалось видеть женщин с красивыми волосами и прекрасным лицом. Из всех из них самые красивые волосы у тебя и у второй дочери Масаёри, — сказал Накатада. — Но у тебя лучше, таких волос больше нет ни у кого. В этом я убеждён.

— Ах, не говори, — запротестовала принцесса. — Красота лица зависит от возраста. А волосы… Высочайшие наложницы особенно и не расчёсывают волос, но будучи днём и ночью на службе возле государя, только пригладят их, а выглядят они необыкновенно хорошо.

— Говорят, что Вторая принцесса так же красива, как ты. Поэтому я и думал, что она красавица. ‹…› Я слышал также, что она похожа на Фудзицубо. — Тут Накатада обратился к распорядительнице: — Что вы думаете о внешности моей жены?

— Вот ваша супруга похожа на госпожу Фудзицубо, она необыкновенно хороша, — сказала та.

— Мне не случалось видеть Фудзицубо, поэтому я не могу судить, — заметил Накатада.

— Неужели? А мне казалось, вы знаете…

— А какова жена Судзуси? — продолжал расспрашивать Накатада.

— Она моложе вашей супруги, но так же прекрасна. Они обе необыкновенно хороши.

— Что?! Как это всё неприятно слушать, — воскликнула жена Накатада.

— Ты что-то увидела во сне? Или с кем-то говорила? — спросил её Накатада и продолжал, обратившись к распорядительнице: — А каковы отношения между Судзуси и Имамия? Берёт ли он на руки сына, как я свою дочь?

— Рассказывают, что отношения между ними самые душевные. Когда госпожа была тяжело больна, он плакал, прямо убивался. Он часто входит в комнату и подолгу смотрит на ребёнка, но на руки не берёт — боится.

— А мне он говорил, что ещё не видел ребёнка, и мне показалось это странным, — промолвил Накатада.

Госпожа распорядительница взяла на руки Инумия и ушла в задние комнаты.

— Встань посмотри, какие подарки я получил вчера от Судзуси, —

обратился Накатада к жене. — Убери их куда-нибудь. Бывает, что нужно одарить кого-нибудь и сразу не сообразишь чем.

Принцесса поднялась и стала рассматривать полученные прошлой ночью подарки.

— Такие подарки преподнесли всем без исключения, — рассказывал Накатада. — Поистине, Судзуси — мастер готовить удивительно красивые, редкостные вещи. Это платье со всем прочим отдадим господину.[115] А этот полный наряд с китайским платьем преподнесём госпоже Дзидзюдэн, когда отправимся с визитом во дворец.

— Вот это платье твоей матери, — предложила принцесса.

— Это ни к чему, — возразил Накатада. — Для чего такая одежда заурядной женщине, которая всё время сидит дома?[116]

* * *

В тот день Накатада никуда не пошёл, а на следующий объявил, что должен отправиться на Третий проспект. Он надел красивые одежды, благоухающие редкостными благовониями, и вышел из дому. Прибыв в усадьбу отца, Накатада, не заходя в главный дом, посмотрел, как убрано южное помещение. Всё было приготовлено наилучшим образом. Через некоторое время туда прибыли экипажи от разных господ. Позолоченный экипаж Судзуси был заново отделан, кроме того, он прислал более двадцати сопровождающих в полных нарядах. При экипаже, украшенном нитками, было около тридцати низших слуг в парадных одеждах. В свите было десять человек четвёртого ранга, двадцать человек пятого ранга и тридцать — шестого.

<…>

Рано утром Канэмаса и Накатада сели в экипаж и, взяв с собой только двух сопровождающих, отправились на Первый проспект. У западных ворот они вышли из экипажа. Накатада направился к Третьей принцессе, а Канэмаса тихонько прошёл к дочери главы Палаты обрядов. Жилище поразило его своим жалким видом. Там стояли пара изодранных ширм, одна-две покрытых сажей переносных занавески, которые употребляют летом. Сама госпожа была в белом платье, сплошь запачканном сажей, поверх она надела разорванное там и сям платье из узорчатого лощёного шёлка. В чёрной от копоти деревянной жаровне еле-еле теплился огонь. На

столике для еды стояла белая фарфоровая чашка, в которой осталось немного какой-то пищи, перец, маринованная репа, крупная соль. Ничего другого она не ела ни вечером, ни утром. Перед госпожой стояли лакированная коробка из старой кожи и такая, же коробка с письменными принадлежностями. Коробка для гребней была открыта. Кормилица вытаскивала из кувшина присланные Канэмаса мандарины. Госпоже прислуживала дочь и внучка кормилицы, у неё был только один низший слуга. Канэмаса обвёл взглядом это помещение и в течение некоторого времени не мог вымолвить ни слова. Слёзы хлынули из его глаз, и он плакал так горько, что два или три слоя рукавов стали совершенно мокрыми. Придвинув к себе тушечницу и вытащив из-за пазухи лист бумаги, он что-то написал, положил листок на тушечницу и вышел из покоев.

«Какой стыд, что он видел всю эту жалкую обстановку, — подумала госпожа. — Но уж коли так случилось… В нашем мире подобное не редкость. Я нахожусь в этом положении по его милости, и всё же мне горько, что открылась моя нищета, которую я скрывала. Но такова моя судьба: я рождена, чтобы испытать стыд и терпеть многие годы».

Она опустилась на пол и горько заплакала. Внучка кормилицы принесла ей лист бумаги:

— Вот что господин положил на тушечницу.

Там было написано:

«Увидел жилище твоё,
И слёзы, как дождь,
По щекам заструились.
И забыл те слова,
Что хотел тебе я сказать».

«Что ответить ему?» — задумалась госпожа и потом написала:

«С тех пор,
Как исчез ты,
Одна я, тоскуя,
На небо смотрю,
Которым мы любовались».

«Как же передать ему?» — размышляла она. У неё не было даже служанки, которую она могла бы послать вслед за Канэмаса. Зажав в руке стихотворение, она стояла у столба, повернувшись в сторону восточного флигеля. Она видела, как Канэмаса, выйдя из её покоев, вошёл в этот флигель. Его встретило более двадцати служанок в красивых одеждах и четыре юных служаночки в зелёных платьях.

Третья принцесса жила в том же достатке, что и прежде. В комнате были разложены подушки для сидения. Канэмаса расположился перед занавесью. Госпожа была так же красива, как и раньше, на ней была накидка с прорезами из узорчатого лощёного шёлка, окрашенного то густо, то бледно. В квадратной деревянной жаровне, хорошо начищенной, горел огонь. На столике, как когда-то, было приготовлено обильное угощение.

— В последние годы моё положение при дворе ухудшилось, государь мною пренебрегает. Раньше мне казалось, что я смогу добиться успеха в жизни, как другие, и я относился к службе ревностно, но сейчас я человек конченый. Моё присутствие возле тебя принесло бы тебе мало чести, поэтому я удалился, чтобы жить с той, чьё незавидное положение похоже на моё. Но жить мне осталось мало, и не согласишься ли ты время от времени посещать мою жалкую, как у бедного рыбака, хижину?

Принцесса, не показывая виду, что сердита на мужа, который не вспоминал о ней столько лет, спокойно ответила:

— Я давно уже думаю, что в нашем мире мне жаловаться не на что. Меня удручает только моё положение и положение моей сестры, супруги наследника престола, вот в каком отношении. Уже в течение долгого времени наши мужья нас не посещают, и злые языки поговаривают: «Они позорят своих родителей, государя и государыню». Я даже во дворец явиться не могу, как это ни печально! И сестра очень скорбит, потому что раньше время от времени она навещала родителей. А к нынешнему своему одиночеству я уже привыкла. Я и Накатада это сказала.

Как в давние времена, служанки внесли столики с угощением и поставили перед Канэмаса.

Пока Канэмаса и принцесса разговаривали друг с другом, Накатада отправился к сестре Накаёри. Он поднялся на веранду и услышал голос госпожи:

— Ах, какой неожиданный визит! Не ошиблись ли вы местом?

— Многие интересовались вами, и чтобы рассказать им… — начал Накатада.

— И не зная меня, вы решили…

У занавеси поставили переносную занавеску, вынесли подушки для Накатада, и разведя огонь в красной жаровне, покрытой красивыми узорами, поставили её перед гостем.

— Придвиньтесь, пожалуйста, немного поближе, — попросил генерал. — Я раньше был очень дружен с вашим братом, который сейчас живёт один в горах, поэтому, может быть, вы обо мне слышали.

— О ком вы говорите?

— Прошу вас, не отпирайтесь. Я очень хорошо знаю обо всём, — продолжал он. — Мне надо было бы поговорить с вами в прошлый раз, но я не догадывался, что вы сестра Накаёри. Теперь же, узнав об этом, я пришёл к вам. Если бы ваш брат услышал о вашем положении, он очень бы огорчился, поэтому я хочу поговорить с вами.

— Брат всегда мне обо всём рассказывал, и я понаслышке знаю вас. Но я не думала, что вы с ним в таких дружеских отношениях, — ответила она.

— Пожалуйста, считайте, что у вас два брата. Я буду заботиться о вас вместо моего отца и Накаёри. Хоть я человек и незначительный, но на меня можно положиться, — уверял её Накатада. — Я хочу спросить у вас. После ухода вашего брата в монахи, что стало с его женой, где она живёт?

— У своих родителей. Я недавно навещала её и очень опечалилась. Она вспоминала, каким брат вернулся из Фукиагэ, и горько плакала. Она тоже хотела принять постриг, но родители не разрешили. Однако в душе она совершенно отказалась от мирской жизни.

— У них были дети, в доме было оживлённо. Я не помню — мальчик и девочка? Сколько им лет? Где они сейчас? — расспрашивал Накатада.

— Девочка одна, ей уже исполнилось десять лет. А мальчиков двое, младше её на год и два. Дочь живёт у матери, а сыновей брат взял к себе, чтобы выучить их. Старший сын, говорят, способнее отца, а младший не очень успевает, брат мой всегда его бранит, — рассказывала дама.

— У него были редкие музыкальные инструменты, — припомнил Накатада. — Он взял их с собой в горы?

— Он потом велел доставить их, сказав, что будет учить сыновей музыке. Дочь он учить не собирается ‹…›. Он передавал, что сейчас хочет уйти ещё дальше в горы.

— Ах, почему он живёт с детьми в таких унылых местах?

Как пришла тебе
В голову мысль,

Друзей, супругу
И мир весь отринув,
Жить уйти в горы глухие? -

печально сказал Накатада.
Госпожа, залившись слезами, ответила:

— Забыть того не могу,
Кто когда-то ко мне приходил,
На кого всегда полагалась…
По пустому дому брожу,
И тоска надрывает мне душу.

— Сегодня я приехал сюда, чтобы сопровождать Третью принцессу на Третий проспект. Скоро я должен переехать в просторный дом, и тогда я приеду за вами. Потерпите здесь ещё немного. Не думайте обо мне, как о чужом. — С этими словами Накатада покинул госпожу и отправился к Третьей принцессе.

*** * ***

— Укон, здесь ли вы? — спросил Канэмаса. — Не угостите ли меня, как в былые времена, рисом, политым кипятком?

Дама положила в золотую чашку — в такую же, какую подавала раньше, — рис, политый кипятком, добавила приправы, красиво накрыла поднос и вынесла генералу.

Когда приехавших стали угощать вином, солнце уже село. У ворот собрались все экипажи и свита. Служащие домашнем управы, принеся много угля, разжигали здесь и там костры, сопровождающим вынесли лепёшки и сушёную снедь. Вынесли вино в бочонках, его разливали в чайники, разогревали и угощали прибывших. Передовым тоже подносили фрукты, сушёную снедь и угощали их вином. Стали садиться в экипажи, сначала садились юные служанки, делавшие причёску унаи, и низшие слуги. Наконец во двор въехал экипаж, и в него села принцесса.

«Ах, вот в чём дело! — догадалась дочь главы Палаты обрядов. — Что же теперь будет со мной? Неужели я даже не смогу отдать ему это письмо?» Заливаясь слезами, она так и стояла с письмом в руке. Она видела, как экипаж с принцессой исчез за воротами. Однако, через некоторое время к её дому приблизился Канэмаса.

— Сегодня я приехал за принцессой и скоро приеду за тобой, — произнёс он быстро и повернулся, чтобы уйти. Дама бросила ему вслед письмо, и слуги, подобрав письмо, передали его генералу.

Канэмаса сел в экипаж, а Накатада поехал на коне во главе поезда. Столичные жители, видевшие это, зашумели: «Генерал Накатада приезжал за принцессой и теперь едет как передовой». Любопытные в экипажах выезжали смотреть на процессию. Зажигали сосновые факелы, садились на коней, высовывали головы из повозок. Даже знатные сановники велели высоко поднять занавески своих экипажей, украшенных листьями пальмы арека, и высунувшись, глазели на шествие. Накатада подъезжал к ним и говорил:

— Что вы хотите увидеть? Кроме меня, никого не будет ‹…›.

Наконец поезд прибыл на Третий проспект. Подъехали к южному дому. Господа вышли из экипажей. Слугам приказали устроить прибывших, и все вошли в помещения. В тот вечер Канэмаса остался с Третьей принцессой. Накатада, покидая усадьбу, сказал матери:

— Я пойду домой. Завтра я вас навещу.

*** * ***

Правый министр Масаёри приготовил к приезду Фудзицубо кроме экипажа Судзуси ещё около двадцати: три были украшены нитками, один позолоченный, один ‹…›, а также экипажи для юных служанок и низших слуг. Он решил не назначать в передовые чиновников из провинции, а только чиновников пятого и шестого рангов, проживающих в столице. Но наследник престола не дал Фудзицубо разрешения на посещение родительского дома, и Масаёри, решив сам просить об этом, отправился во дворец со всеми своими сыновьями, кроме Тададзуми. Экипажи въехали в крепость, остановились возле караульного помещения у северных ворот дворца, и Масаёри вошёл во дворец.

Наследник престола понял, что министр нарочно приехал днём за дочерью.

— Ах, мне почему-то стало нехорошо! — сказал он и продолжал лежать в постели вместе с Фудзицубо.

Министру доложили, что в покоях дочери изволит отдыхать наследник престола и к ней нельзя. Масаёри ничего не оставалось, как стоять у лестницы, а сыновья его ждали во дворе.

Через прислуживающую даму Масаёри отправил письмо Фудзицубо, но дама никак не могла передать письмо. Тем временем придворная дама докладывала наложнице Сёкёдэн:

— Фудзицубо, которая служит у наследника престола не так давно, но совершенно завладела его сердцем, сегодня вечером наконец-то отправится в отчий дом. ‹…›

Мальчик, служивший при госпоже Сёкёдэн, болтал с низшими слугами:

— Сегодня счастливый для нас день! В караульном помещении у северных ворот императорского дворца стоит много экипажей, слуг толпится, как будто рассыпали рис. Сегодня вечером Фудзицубо отправляется к своим родителям. Её надо было бы избить сотней китайских туфель.

Масаёри, слушая всё это, щёлкнул от досады пальцами и поднялся.

— Я жду здесь свою дочь, как пёс, клянчащий подачку. Я отдал самую любимую дочь на службу во дворец, а теперь должен выслушивать такое! Лучше обращаются с собаками и воронами, — возопил он.

Наследник престола всё это слышал до последнего слова. Люди из свиты Масаёри то и дело подходили к дамам, прислуживающим Фудзицубо, и говорили, что, мол, время идёт, но те только отвечали, что ничего не могут сделать.

Масаёри подозвал Соо и попросил её:

— Подойди к постели наследника, стань в ногах и тихонько скажи: «Госпожа несколько раз просила разрешения отлучиться из дворца, но безрезультатно. Зная, что у неё много тайных недругов, господин министр, вне себя от беспокойства, приехал за дочерью».

— Попытаюсь, — ответила та. Она тихонько вошла в покои и приблизилась к постели наследника, как её учил Масаёри.

Наследник престола, лежавший в постели, внезапно вскочил и устремился к выходу. Споткнувшись о скамеечку-подлокотник, он упал и больно ушиб бедро. Ширмы и переносные занавески полетели на пол. Соо, не зная, что ей делать, вышла к Масаёри и рассказала, что произошло.

— Я специально прибыл сегодня во дворец, неужели Я должен возвратиться ни с чем? Акидзуми! — подозвал он сына. — Доложи обо мне

наследнику. Хоть ты не архивариус, но ты помощник управляющего делами наследника.

— Уж очень не подходящее для этого время, — уклонился от поручения тот. У Масаёри стало совсем плохо на душе.

Наследник престола всё это слышал. Крепко обхватив руками Фудзицубо, он горячо произнёс:

— Почему ты меня так умаляешь? Почему велела прийти сюда отцу и братьям, чтобы они укоряли меня? Покидая дворец, ты не должна что-либо от меня утаивать. Но ты, ничего мне не говоря, решила позвать сюда всю семью, чтобы стыдить меня. Если я отпущу тебя, я не смогу жить. Я подозреваю, что твой отец хочет насильно увезти тебя и никогда больше не отпустит ко мне. Лучше нам умереть.

Он крепко сжал Фудзицубо и упал с нею на постель. Она почувствовала, как под сердцем у неё сильно шевельнулся пятимесячный младенец. В смятении она зарыдала. Наследник престола кипел ненавистью, но и он почувствовал, как шевельнулся ребёнок, ему стало жалко Фудзицубо, и он разжал руки.

— Ты никогда ничего не говоришь мне, и я хотел проучить тебя, — сказал он. — Для тебя я готов на всё. Наверное, это из-за Накатада ты отдаляешься от меня и с таким упрямством продолжаешь относиться ко мне бессердечно. Думаю, ты сожалеешь, что не стала его женой. Ты измучила его, единственного обожаемого сына своих родителей, любимого зятя императора. Ты погубила многих знаменитых мужей нашей страны. Ты красива, но сердце у тебя не доброе.

Фудзицубо, вся в поту, как будто её облили водой, лежала не шевелясь. Наследник престола, даже злясь на неё, не мог не подумать: «Как она очаровательна!»

— Отныне ничего не скрывай от меня, — продолжал он. — Ты должна будешь отправиться к родителям, когда подойдут сроки, а пока потерпи. А если ты уедешь самовольно, я разгневаюсь.

Простояв у павильона Фудзицубо всю ночь, Масаёри на рассвете возвратился домой. Рано утром он послал с Тикадзуми письмо дочери:

«Вчера вечером, беспокоясь о твоей поездке, я отправился за тобой, но разрешения ты не получила, и на заре мне пришлось вернуться домой. Извести меня, когда ты получишь разрешение: для того, чтобы приготовить экипажи, мне нужно время. У меня двадцать детей, но только тебя я растил с особой любовью, и мне хотелось, чтобы ты поскорее достигла наилучшего положения и чтобы мне оказывали честь. ‹…› Пока вчера тебе передавали мою записку, я, ожидая, слушал разные разговоры, и

таких злых вещей я о тебе наслушался, что на сердце стало очень тяжело. Мне-то ещё так-сяк, но стыдно было, что все это слышат сыновья и посторонние. Приезжай на некоторое время домой, чтобы успокоились все твои недруги».

Когда письмо принесли госпоже, наследник престола попросил:

— Дай мне, пожалуйста.

Он принялся читать и подумал: «Очень всё это прискорбно». Но прочитав в конце слова «приезжай домой», он разгневался. Смяв и отбросив послание, наследник велел передать: «Я не отвечаю за то, что вздумается говорить разным лицам. Если же Масаёри считает себя оскорблённым, то ему лучше ко мне не являться».

«Дело очень плохо», — решил Тикадзуми. Он отправился домой и передал отцу слова наследника. У всех родственников стало на душе очень тяжело, и они громко жаловались на судьбу.

— Всё получилось так потому, что ты отправился во дворец в сопровождении всех сыновей, как при каких-то необычайных событиях, а потом почему-то написал нелюбезное письмо. Тебе-то уже, может быть, и всё равно, а вот что будет с твоими детьми, ты не подумал, — укоряла министра жена.

Накатада, услышав об этом происшествии, сказал:

— Я так и говорил, что Фудзицубо не сможет приехать домой. Министр всегда в высшей степени осмотрителен, а на этот раз… Очень жаль, что так вышло.

*** * ***

Наступил день назначения государственных служащих, и вечером левый и правый министры, левый генерал отправились во дворец. Наследник престола вместе с Фудзицубо нанёс визит государю. Как обычно, должности были распределены самым лучшим образом. Церемония окончилась на следующий день рано утром. Во дворце стоял шум. Очень многие господа получили назначения. Второй советник министра Тададзуми был назначен военачальником дворцовой стражи, Тикадзуми — младшим военачальником Правой личной императорской охраны, Акогими — главным архивариусом и помощником военачальника Левой дворцовой стражи. Никто из сыновей Масаёри не приближался к наследнику престола, чтобы выразить ему свою благодарность. Последний

находился возле государя, придворные выражали им своё почтение, и среди них Накатада. Во время ссоры в Фудзицубо наследник отзывался о Накатада со злобой, но в душе он относился к нему иначе, и сейчас подозвал генерала поближе и заговорил с ним:

— Несколько дней назад я совсем было собрался сюда, но отвлёкся другими делами и не смог увидеть тебя. В этом году ты больше не будешь читать?

— Я должен был читать на этих днях, но мне дали разные поручения, и я вынужден был отложить. Я думаю продолжить чтения в новом году, — ответил Накатада и попрощался с наследником престола.

*** * ***

Чтобы не расставаться с Фудзицубо, наследник престола велел устроить её покои совсем близко от своих. Он переселил наложницу в новые помещения и разрешил прислуживать ей только трём дамам — Хёэ, Соо и Акоги, сказав в случае надобности обращаться лишь к ним. Помня, какую страшную сцену она пережила, Фудзицубо подчинялась наследнику, дрожа от страха и не говоря ни слова.

*** * ***

Наступил канун нового года и отовсюду прибывали припасы для праздника.

Танэмацу прислал Масаёри и Накатада всё необходимое для приготовления каши, он преподнёс первому двадцать корзин угля, тридцать коку риса, а второму — десять корзин угля и десять коку риса.

Накатада отправил один коку риса и две корзины угля на Третий проспект. Он поручил служащим в конюшне косарям и конюхам отнести такое же количество угля и риса сестре Накаёри на Первый проспект. Кроме того, он послал к ней двух мальчиков, монаха и несколько слуг.

«В прошлый раз мне хотелось подольше поговорить с Вами, но наступил вечер, и я с сожалением должен был Вас покинуть. Как я желал Вам тогда, будьте со всеми в добром согласии. Так ли хорош этот уголь, как тот, что Вы получаете от Вашего брата из Мидзуноо?» — писал

Накатада.

Тщательно завернув пакеты, он написал на них почерком Накаёри: «Подарок с гор», затем позвал находившегося неподалёку прислуживающего мальчика, вручил ему письмо и сказал:

— Отнеси туда, откуда в меня бросили каштан, и сразу же извращайся.

Мальчик, войдя в комнату госпожи, отдал письмо и громко бизнес:

— Посыльные из Мидзуноо.

Госпожа развернула пакеты и нашла там аккуратно перевязанные двадцать корзинок с углём, в одной из них было ещё двадцать связок монет. В трёх мешках из грубого полом на, которые употребляют для хранения риса, было пятьдесят штук шёлка, а в четвёртом — двадцать тон [117] очень превосходной ваты. Когда сестра Накаёри увидела всё это, она вод кликнула:

— Совершенно неожиданно я получила такие великолепные подарки! Как же мне быть?

— Это, по-видимому, прислал тот добродетельный господин, — сказала её кормилица. — Если бы их прислал какой-нибудь незнакомец, влюблённый в тебя, их принимать бы не следовало. Ответь ему поскорее.

Госпожа пригласила посыльных в дом, велела угостить их и вынести вино. Монаху вручили белое платье, мальчикам — по однослойному платью. Наката да она написала:

«Благодарю Вас за подарки. Как жаль, что в прошлый раз я, конечно же, не смогла Вам сказать всего, что хотела. Вы обещали быть для меня вместо брата, который удалился в горы, — сердце моё наполнилось радостью — совсем, как у лошади в пословице.[118] Вы прислали мне уголь — Ваши руки, наверное, стали совсем чёрными».

Прислуживающие ей дамы развёртывали и рассматривали подарки и шумно восторгались ими.

— Ах, тише, тише! — урезонивала их госпожа. — Если другие узнают, что я получила подарки от генерала, то все сбегутся сюда и от зависти будут проклинать нас.

Она отложила часть подарков для своей матери и для Накаёри, а часть послала главе Ведомства внутридворцовых дел.

Накатада велел приготовить одежду для двух сыновей Накаёри и отправил её в Мидзуноо вместе с письмом.

Танэмацу сделал подарки и левому генералу Канэмаса — послал большой короб с шёлком и ватой и бесподобной красоты парчу.

Матери Накатада прислали очень много подарков из её поместий.

*** * ***

И после переезда Третьей принцессы на Третий проспект Канэмаса дни и ночи проводил у дочери Тосикагэ, ел только с нею и лишь время от времени, днём, навещал принцессу. Однажды он рассказал жене о бедственном положении дочери покойного главы Палаты обрядов, которая оставалась на Первом проспекте, и показал письмо, брошенное ему на прощание. Дочь Тосикагэ горько заплакала.

— Ты вряд ли осознаёшь, как мучительно жить одной, после смерти родителей, в мрачном доме, она ведь лишилась родителей в молодом возрасте. Ты никогда не относился к ней серьёзно. Что она должна чувствовать в глубине души? Её отец горячо просил тебя позаботиться о своей дочери — почему же ты был так небрежен с нею? — укоряла она мужа.

— Когда я нашёл тебя в глухом лесу, всё у меня в груди перевернулось, и я забыл об остальном мире, — ответил он. — Только после разговора с Накатада, я вспомнил о моих заброшенных жёнах, на которых сейчас больно смотреть. Как же мне её утешить? Даже есть она не может вдоволь. Как раз в это время прибыли подарки от Накатада.

— Должно быть, прелестные вещи! — воскликнул генерал. — Принесите сюда! Подарки разложили перед Канэмаса и госпожой, стали распаковывать. Там были такие же вещи, что он послал и сестре Накаёри. Господа стали рассматривать шёлк — это была прекрасная белая ткань.

— Сразу же отошли всё это той даме, — посоветовала дочь Тосикагэ.

— Так я и сделаю.

Он приказал повесить на окна отпряжённой повозки рваные занавески и нагрузить повозку подарками. Кроме полученных от Накатада вещей, он послал из своей кладовой лучшую рыбу, дичь, фрукты, положил в длинные сундуки уголь и поставил сосуды с маслом. В письме Канэмаса написал:

«Когда мы виделись с тобой, в глазах у меня потемнело, в голове стоял какой-то туман и говорить я не мог.

Тот, кто облаком стал,

Должно быть, тебя
Иногда навещает.
Но и тот, кто надолго исчез,
Сейчас возвратился.[119]

Я Посылаю тебе тонкие летние вещи, и хотя сейчас стоит зима, может быть, они на что-нибудь пригодятся».[120]

* * *

Госпожа, даже не рассмотрев подарков, решила: «Это потому, что он прочитал моё письмо» — и сразу же написала в ответ:

«В тот день была такая счастливая возможность, на сердцу стало так радостно! Мне казалось, что это сон.

Долгое время тебя
В унынье напрасно ждала.
Но не было вечера,
Чтоб не видела я,
Как по небу скользят облака».

Среди подарков от Канэмаса был свёрток с деньгами, почта сто рё. Госпожа сразу подумала, что на них можно будет купить необходимую одежду, когда приедут китайские купцы, но потом увидела, что всё, о чём она мечтала, было прислано ей — уложенным в короб, как это бывало раньше. Разнёсся слух, что госпожа дарит одежду, и даже те слуги, которые, покинув её, перебрались жить в деревню, под разными предлогами приходили к ней. В покоях госпожи было разбросано множество одежды, там было очень оживлённо. Служанки других жён Канэмаса сгорали от зависти и громко кляли свою судьбу.

* * *

В последний день года из усадьбы генерала на Третьем проспекте прислали за Накатада, и он отправился туда.

— Я хочу поговорить с тобой вот о чём, — начал Канэмаса. — Мне во что бы то ни стало хочется получить дом правителя провинции Оми, которому ты посодействовал в получении чина. Он, кажется, служит у тебя. Не согласился бы он обменять свой дом на мой, который находится на Втором проспекте, к востоку от дворца отрёкшегося императора?

— Это очень легко устроить, — ответил его сын. — Он вам отдаст этот дом без всякого обмена, правитель провинций Оми очень услужлив. На этот раз Масаёри был против его повышения, но я очень за него ходатайствовав И честно говоря, он ещё молод для такой должности. Усадьба его находится на Третьем проспекте, радом с дворцом отрёкшегося государя-Постройки там великолепны, не очень, правда, большие, но всё устроено с тонким вкусом. Усадьба строилась для дочери, в расчёте на её брак с Мияако.[121] Но он очень капризен, и жить с ней не стал.

— Как же это так, не дав ничего взамен? — засомневался Канэмаса, затем спросил: — А почему Мияако не захотел жениться на этой девице?

— Думаю, оттого, что он возгордился слишком большим успехом по службе.

— Архивариус Тикадзуми, служащий одновременно младшим военачальником Личной императорской охраны, превзошёл всех своих старших братьев и уже очень выделяется из толпы. Он сейчас первый среди придворных, не так ли? Кажется, у него доброе сердце. А на ком он женат? — поинтересовался Канэмаса.

— Он был женат, но покинул жену. Сейчас и он, и Мияако живут в отчем доме. У Тикадзуми какие-то странные настроения, и отец часто его бранит, но тот всегда отвечает: «А разве Накатада не таков?» Масаёри тогда приходит в гнев: «Если Накатада недоволен своей жизнью, это потому, что его женили против его желания, по императорскому указу. А ты почему недоволен?» И хотя отец его всё время упрекает, он не меняет своего поведения. Масаёри горюет, что у сына на сердце что-то такое, о чём ему не догадаться.

— А скажи мне, из-за кого умер Накадзуми? Не из-за твоей ли жены? — спросил Канэмаса.

— Я не знаю. В своё время я пытался выведать у него причину его скорби, но он отверг все мои предположения как несправедливые. Он всё время мучился из-за того, что не мог достичь в музыке желаемого мастерства. Может быть, поэтому его жизнь так рано оборвалась?

— Раз в семье уже случилось один раз такое, Масаёри и сейчас тревожится.

— Да и по правде говоря, как тут быть?[122] — сказал Накатада. — у старшего советника министра Тадатоси отношения с женой совсем испортились. Теперь он все ночи до самого рассвета проводит на веранде возле её комнаты, но она очень рано опускает решётки главных покоев и всё запирает на засовы. Если кто-то из её дам скажет советнику хоть одно слово, она её страшно ругает. Так он и сидит на веранде один. Тададзуми очень жалко советника, и как-то вечером он заговорил с ним, но и его из дома прогнали. Я слышал, что сейчас жена Тадатоси перебирается в северные покои, к своей матери. Чем это всё кончится?

— Советник всегда балагурит и кажется ветрeником, и вдруг такое глубокое чувство! — удивился Канэмаса и вздохнул: — В сущности, старость — это драгоценное приобретение. Потому что в молодости женщин оставить невозможно.

— Хорошо бы вам помолодеть, — улыбнулся Накатада.

— Что же это за конь?[123] — пошутил Канэмаса и спросил: — Но о ком же мечтает Мияако?

— Похоже, он влюблён в дочь Тададзуми, которую тот собирается отдать за принца Тадаясу. Кажется, что Тададзуми и в голову не приходит мысль о Мияако, — ответил Накатада.

— Всё это потому, что Мияако не может быть ему полезен, — заметил Канэмаса.

— Тададзуми совершенно открыто просит госпожу Дзидзюдэн и меня поговорить с принцем Тадаясу, — продолжал Накатада.

— А как собираются поступить с молодым господином?[124] — спросил Канэмаса. ‹…›

— Мы ещё поговорим о доме правителя провинции Оми. Я сделаю так, как вы захотите, — пообещал Накатада и покину; отца.

*** * ***

Седьмая дочь Масаёри, жена старшего советника министр. Тадатоси, перешла жить в покои своей матери.

— Как ты решилась оставить мужа, когда ты в таком положении![125] Советник места себе не находит. И отец твой считает, что ты неправильно

поступаешь. Почему ты ушла от мужа? — расспрашивала её мать.

— Что мне сказать? — вздохнула та. — Он относится ко мне с пренебрежением, как к бесчувственной вещи, и я больше не хочу его видеть.

— Но ваши дети? И сейчас ты опять ждёшь ребёнка. Нехорошо это всё, — урезонивала её госпожа. — И как это он в новый год будет один? Поскорее возвращайся домой.

Дочь ничего ей не ответила. Её сыну было пять лет, дочери — три ‹…›. Сейчас она снова была беременна. Дочь их была очаровательна, и отец очень любил её.

* * *

Седьмая дочь Масаёри очень мучилась, и все предполагали, что роды будут тяжёлыми. Тогда пятая дочь, жена принца Сикибукё, у которой всегда были лёгкие роды, перебралась к сестре, чтобы у той были такие же. Эта госпожа с давних пор дружила со своей седьмой сестрой больше, чем с другими сёстрами от той же матери, и они всегда утешали друг друга в своих несчастьях. И на этот раз задолго до родов она перебралась к сестре. ‹…›

* * *

В усадьбу Масаёри прибывало множество подарков. Присланные Танэмацу пять коку риса и пять корзин угля министр отправил высочайшей наложнице Дзидзюдэн и жене Накатада ‹…›.

* * *

Наступил новый год. В первый день первого месяца одиннадцать сыновей Масаёри выстроились во дворе северного дома с восточной стороны и принесли поздравления родителям. Через некоторое время четверо принцев в роскошных нарядах явились с поздравлениями к своей

матери, госпоже Дзидзюдэн. Вслед за ними в покоях высочайшей наложницы появился Накатада и тоже поздравил госпожу. Затем четыре принца и Накатада отправились поздравлять Масаёри. Юные служаночки в зелёных платьях и в светло-коричневых платьях на тёмно-красной подкладке принесли им подушки для сидения и поставили столики с угощением. Когда должны были вынести вино, появился Десятый принц, [126] которому Масаёри велел сходить за чашей. На чаше была сделана надпись:

«Радостно видеть
Собравшихся вместе
Сердцу милых людей.
Пусть каждой весной
Приходят они с поздравленьем!»

Мальчик преподнёс чашу Накатада. Тот, обняв принца, прочитал написанное стихотворение и ответил так:

— Если в грядущем случится,
Что весна не наступит,
Мы и тогда,
Без сомненья,
Как ныне, здесь соберёмся…

Чашу наполняли снова и снова.

Затем Масаёри с сыновьями, зятьями и внуками отправился в императорский дворец. Там собрались все сановники, не было среди них только старшего советника министра Фудзивара Тадатоси. Жена так и не помирилась с ним и не приготовила для него парадного костюма, поэтому он оставался дома и проводил время в играх со своими детьми. Семейство Масаёри прибыло к караульному помещению Правой личной императорской охраны. Пять сыновей Дзидзюдэн, Масаёри и Накатада направились к императору. Когда они проходили мимо женских покоев, дамы, прислуживающие императрице, говорили: «Посмотрите на этих принцев, рождённых Дзидзюдэн. Как они блистательны! Наверное, им

достанутся все дочери государя. Но даже в присутствии знаменитых этих красавцев Накатада так и притягивает к себе взоры!» Другие говорили: ‹…›. Так судачили между собой дамы, а Накатада шёл невозмутимо, как будто ничего не слыша.

Вместе со всеми шли также Первый принц, имеющий третий ранг, Четвёртый принц, имеющий четвёртый ранг, и один принц, ранга не имеющий. Не имеющие ранга принцы получили в тот день разрешение надеть одежды тех цветов, что носили их старшие братья. Но шесть принцев были ещё слишком малы, чтобы появиться в подобных одеждах, они были в светло-коричневых платьях на тёмно-красной подкладке и в штанах из узорчатого шёлка. Все принцы предстали перед императором.

*** * ***

Накатада прошёл в покои Фудзицубо и попросил Соо:

— Передай твоей госпоже, что я пришёл поздравить её с новым годом.

— У госпожи все эти дни находится наследник престола, — ответила она. — Несколько дней назад господин министр приезжал за ней, и с того времени наследник престола пребывает в плохом настроении и не отпускает от себя госпожу. Даже мы, прислуживающие ей дамы, не можем к ней приблизиться. Поэтому я ничего не могу передать ей.

— Разве возле неё никого нет? — спросил Накатада.

— Только одна-две дамы, Хёэ или Акоги.

— Ну, если так… — протянул Накатада и попрощался с Соо. «Если наследник у Фудзицубо…», — рассудил он, повернул к Насицубо и вошёл в её покои.

— Рассказывают, что на днях наследник престола что-то сказал министру Масаёри, — начала разговор его сестра. — В чём дело? Наследник, услышав пересуды, испугался: «Если уж сам государь заговорил о моих делах ‹…›»

— Да, государь говорил об этом, — подтвердил Накатада. — <…>

— ‹…› — спросила Насицубо. — Я не знаю, как обстоят дела во дворце, но…

— Я с наследником престола не на короткой ноге, но думаю, что как-нибудь смогу об этом сказать… — ответил генерал.

— Недавно меня призвали к наследнику, — принялась рассказывать сестра. — Когда я была у него, я спросила, что он думает о Пятой

принцессе, дочери отрёкшегося императора. Я забыть не могу, какие ужасные вещи он сказал про неё. Сказал, что не может посещать её.

— А как Фудзицубо?

— Фудзицубо устроили помещение прямо перед занавесью покоев наследника, и кажется, ей находиться там очень тяжело. Кормилица её всё время охает: «Что будет с моей госпожой? Наследник ни на кого, кроме неё, не смотрит. Но какие между ними отношения?»

— Всё это напрасные жалобы, — сказал Накатада. — Такие отношения естественны с той, к кому наследник благоволит. Простые смертные тоже не любят расставаться с любимыми, даже на малое время. А что сказал наследник, узнав, что ты в положении? Когда я сообщил об этом отцу, он был в тревоге: «Наследник престола сейчас говорит так, но что из этого получится?» Не может быть, чтобы наследник не любил тебя…

Он недавно сказал мне: «И Фудзицубо тоже в положении, как и ты». Раньше я ничего подобного от него не слыхала, — ответила Насицубо.

Вскоре Накатада распрощался с сестрой.

*** * ***

Наступил седьмой день первого месяца. Придворные явились во дворец на церемонию присвоения рангов. Правому Министру Масаёри был присвоен второй старший ранг, левому генералу Личной императорской охраны Канэмаса — второй младший ранг, помощнику военачальника Левой дворцовой охраны Цурэдзуми — четвёртый ранг, Мияако — пятый. Придворным дамам тоже присвоили ранги, и главная распорядительница Отделения дворцовых прислужниц, дочь Тосикагэ, минуя один ранг, сразу получила третий.

На соревнованиях по стрельбе из лука левый генерал не присутствовал. Правая команда проиграла. В тот год дворцового пира не было. Последний день крысы[127] пришёлся на двадцать пятое число, и в тот же день Накатада устраивал пиршество по случаю сотого дня с рождения Инумия. Угощение готовила мать Накатада. Она прибыла в усадьбу Масаёри и для того, чтобы поздравить всех с днём крысы. Накатада заранее приготовил великолепные игрушки и угощение для сыновей наследника престола. Он посадил множество кукол в игрушечные коляски (одну — украшенную нитками, другую — позолоченную), впряг в них золотых волов, положил в коляски серебряные и золотые коробочки с

едой и расставил фигурки слуг на конях.

Итак, когда наступил день пиршества, мать Накатада прибыла в усадьбу Масаёри в сопровождении шести экипажей.

Перед Инумия расставили двенадцать подносов из аквилярии и на них — золотые чашки с едой. Перед гостями было поставлено множество разных блюд. Приготовили сто кипарисовых коробок с едой.

Масаёри накануне был во дворце до поздней ночи, а в тот день остался дома. Прибыл на пиршество и Канэмаса.

Перед высочайшей наложницей Дзидзюдэн поставили столики, перед принцами — обычные в таких случаях подносы из кипарисовика и коробки с едой; угощение принесли и супруге Масаёри, уложив его в коробки из кипарисовика. Сыновьям Дзидзюдэн и сыновьям наследника престола послали по пять коробок, остальных тоже угостили на славу. Фудзицубо было отправлено десять обычных коробок и десять из кипарисовика. Дзидзюдэн приложила к ним письмо, написанное на зелёной бумаге:

«Мне хотелось в первый же день поздравить тебя с Новым годом, но к моему удивлению я узнала, что ты моих писем не получаешь, поэтому воздержалась. Сегодня Инумия исполнилось сто дней.

Тысячелетья пройдут,
Но сосёнке юной
Помниться будет всегда,
Что её сотый день
На день крысы пришёлся».

Она прикрепила письмо к маленькой декоративной сосёнке и послала Фудзицубо.

* * *

С ночи песенного шествия[128] Фудзицубо находилась в своих покоях одна. Ей принесли письмо высочайшей наложницы, а затем привели её сыновей. Фудзицубо отослала полученные коробки придворным, а Дзидзюдэн написала в ответ:

«Действительно, вот уже долгое время, как я не получаю писем из

отчего дома, и даже начала тревожиться. Мне хочется встретиться с тобой. Инумия, наверное, очень выросла.

Принцессе-сосне,
Что и, через тысячелетья
День крысы будет встречать,
Так много
Хочу пожелать я!

Надеялась получить разрешение на посещение родного дома, но мне не дали».

*** * ***

Дзидзюдэн рассматривала декоративный столик-поднос, присланный к обряду кормления Инумия лепёшкой. На нём, как всегда в таких случаях, было два журавля, птенцы и стояла сосна. На столике рукой Канэмаса написано:

«Праздник ста дней
На день крысы пришёлся.
Пусть тысячу лет
Будет сосёнка наша
Такие дни множить».

— Какая прекрасная каллиграфия! — восхитилась Дзидзюдэн и написала

«Праздник ста дней!
И с ним вместе
День крысы!
Пусть совпаденья такие

Тысячелетья радуют сердце».

Главная распорядительница Отделения дворцовых прислужниц сложила в свой черёд:

«До ста научилась
Считать принцесса-сосна.
Разве трудно
Ей будет считать
До тысячи лет?»

Жена Накатада написала так:

«Многие годы
Благоденствуй,
Принцесса-сосна,
Праздники крысы
Считая».

Госпожа продвинула столик за занавесь. Накатада, рассмотрев его и прочитав все стихотворения, написал:

«Год за годом
День крысы
Встречая,
Увидишь свою
Тысячную весну», —

и продвинул обратно за занавесь. Никто из посторонних его стихотворения не видел. Масаёри, сыновья Дзидзюдэн, Сукэдзуми, Юкимаса, Тикадзуми и Мияако тоже сочиняли стихотворения, но я их здесь не привожу.

Накатада прошёл в южную часть восточного дома, где ели сыновья

Фудзицубо. Перед ними стояли столики из аквилярии, а на столиках — маленькие чашки из лазурита. Расставив игрушечные экипажи, серебряных и золотых коней и все остальные фигурки, Накатада пригласил детей: «Пожалуйте сюда!» Старшего мальчика звали Молодым господином, ему исполнилось пять лет, и он был не по годам рослым. У него было такое же выражение лица и такие же прекрасные волосы, как у матери, от отца же он унаследовал особое благородство. Спускавшиеся до пояса густые волосы напоминали морские водоросли миру. На нём были однослойное платье из узорчатого лощёного шёлка, штаны на подкладке и верхнее платье. Младшему было четыре года. Волосы его спускались до плеч, лицом он очень походил на брата. Он был в таком же платье, что и Молодой господин. Накатада, усадив обоих на колени, сказал:

— Сегодня мы будем кормить такими лепёшками маленькую девочку, которая сейчас вон в тех покоях, но мне хотелось сначала дать их попробовать вам.

— Мы пошли туда посмотреть на маленькую девочку, но мать спрятала её и нам не показала, — рассказал старший мальчик.

— Она не дала нам посмотреть на девочку, тогда я начал сильно плакать, и нам её вынесли. Мы стали её обнимать, а она проснулась и захныкала, — продолжил его брат.

— Ну, и как она вам показалась? Противная? — спросил Накатада.

— Нет, очень хорошенькая. Мы хотели принести её сюда, но она очень расплакалась, и мы не стали. Но сейчас, пожалуйста, принеси её сюда, — попросили малыши.

— Пока она всё ещё бывает грязная и часто плачет. Это оттого, — объяснил Накатада, — что она ещё маленькая и делает то, чего нельзя. Но когда она вырастет, зовите её к себе и любите её.

— Будем очень рады, — воскликнули принцы. — Ведь когда не с кем играть, очень скучно.

Накатада начал угощать детей и своими руками клал им в рот еду.

— Я привёз сюда эти коляски, чтобы и кукол поздравить с Днём крысы, — сказал он и вручил мальчикам игрушки.

Они пришли в восторг и сразу же принялись играть. Накатада всегда радовал их затейливыми игрушками.

Накатада возвратился в срединный дом. Мать его послала слуг на Третий проспект за подарками, которые были приготовлены для соревнования по стрельбе из лука, и преподнесла трём сыновьям Дзидзюдэн по полному женскому наряду с Нижним платьем и штанами, советнику сайсё Сукэдзуми и второму военачальнику Императорской

охраны Юкимаса — обычные платья, архивариусу Тикадзуми и Мияако — накидки с прорезами.

Наконец гости разошлись по домам.

Для жены Канэмаса сиденье было устроено в южной части дома, где расположились и её сопровождающие. Сама же госпожа долго говорила с высочайшей наложницей Дзидзюдэн.

*** * ***

В день назначения на должности Мияако стал императорским сопровождающим, а помощник Главы военного ведомства Канэдзуми — помощником начальника Левой дворцовой охраны. Многие пытались различными способами продвинуть своих ставленников. Накатада хлопотал за одного из своих слуг, который когда-то приехал с его отцом в горы, чтобы перевезти Накатада с матерью на Третий проспект. Слуга хотел стать помощником правителя провинции Иё, и хотя получить место было нелегко, Накатада всё-таки своего добился. До того времени бывший слуга состоял чиновником третьего класса в управлении Университета и выполнял различные поручения в Императорском архиве.

Так окончился первый месяц, и наступил второй. Накатада принёс своему отцу обещанную бумагу на владение домом на Втором проспекте.

— Вот крепость на тот дом, о котором мы говорили. Если бы вы захотели, мы бы всегда могли сами выстроить такой дом, он мал и невзрачен. Но раз вы пожелали иметь именно его… Я позаботился о всей обстановке. Вот опись, — протянул бумагу Накатада.

Оказалось, что он всё предусмотрел, там было всё необходимое, начиная со шкафчиков, китайских сундуков, переносных занавесок, ширм. Кладовые были полны. Заросли травы вокруг дома скосили, заново возвели изгородь, выстроили изящные помещения и покрыли их корой кипарисовика. Всё было готово к въезду хозяев.

— Как же мне отблагодарить его за дом? — спросил Канэмаса. — Мне бы хотелось весной с этим делом покончить.

— Он сказал, что ничего за дом не примет. «Вы считаете меня совсем низким человеком, если предлагаете возмещение» — вот его слова, — ответил Накатада.

Вскоре он покинул усадьбу отца.

*** * ***

В пятый день второго месяца в усадьбу на Первом проспекте, где оставалась жить дочь покойного главы Палаты обрядов, въехало три экипажа. В одном из экипажей стоял сундук с платьем, в которое госпожа должна была переодеться. В свите было пять-шесть человек, пользовавшихся полным доверием Канэмаса. Глубокой ночью экипажи въехали в усадьбу, и Канэмаса сразу прошёл в покои госпожи. К его приезду приоделись, четыре прислуживающих дамы, юные служанки, низшие служанки и сама госпожа были в многослойных белых платьях. Зажгли масляные лампы.

— Я приезжал сюда несколько дней назад, но не мог поговорить с тобой, — начал Канэмаса. — Мои чувства к тебе всегда оставались неизменными, но когда я неожиданно для самого себя встретил ту, с которой в молодости обменялся клятвами верности и которая, удалившись от мира, жила в глуши, мне стало очень жаль её, и я прожил с ней несколько лет. Всё это время я не отвечал даже на твои письма… Но мы сможем обо всём спокойно поговорить позже. На восток от моей усадьбы на Третьем проспекте стоит маленький домик. Переезжай туда и живи в своё удовольствие. Здесь же ты не можешь жить, как тебе подобает, поэтому я приехал за тобой.

— Так сразу? — не верила госпожа.

— О чём-нибудь ценном, будь оно у тебя, следовало бы подумать, а так, всякие мелочи оставь здесь и поручи кормилице присматривать за ними. Надо переезжать сегодня, потому что нынешний день счастливый, — убеждал её Канэмаса.

— Ну, разве что… — промолвила она.

Канэмаса велел подвести экипажи к дому, усадил в них госпожу и прислуживающих ей дам, и, стараясь не привлекать к себе чьего-либо внимания, господа выехали через западные ворота.

Приехав в новый дом, они обнаружили, что везде в покоях стоят красивые ширмы и переносные занавески. Не было ничего такого из утвари, чего бы здесь недоставало. В ту ночь генерал остался с госпожой, и им было приготовлено прекрасное угощение.

Утром Канэмаса осмотрел внутреннее убранство дома. Он подошёл к двум китайским сундукам, покрытым покрывалами. Сундуки были заперты на ключ. Генерал отпер их и стал рассматривать содержимое. Сами сундуки были сделаны из пахучего дерева, в одном из них была сложена

разнообразная одежда, в другом — прекрасный шёлк, вата, в каждом лежала бумага. Одежда висела и на вешалках. Были поставлены раздвижные перегородки, стояло много всевозможных столиков, китайских коробок, в передних покоях — три шкафчика в четыре сяку высотой и один — в три сяку. Шкафчики тоже были заперты на ключ. Канэмаса открыл их и осмотрел, там было десять двухъярусных наборов письменных принадлежностей для мужчин и женщин. Имелись ещё два больших шкафа, в одном были красиво разложены китайские раритеты, во втором — разнообразные светильники. Везде были повешены новые белые занавеси. К северу от главного строения располагался так называемый «длинный дом», с многими помещениями; там находилась кухня, там делали вино, держали соленья, уголь, дрова и масло. В кладовых хранились медные монеты, рис, грубое полотно. Всё было заперто, ключи же прятали в шкафчике. В буфетной царил порядок.

Осмотрев все помещения, генерал возвратился в покои госпожи. Госпожа была в одежде, которую он привёз вечером, в платьях и накидке с прорезами из узорчатого и лощёного шёлка. Ей было год-два до сорока, у неё были очень благородные черты лица и милое, почти детское выражение. Длинные волосы стелились на два сяку по полу. Она выглядела очень молодой.

— Пошли кого-нибудь сказать дамам, оставшимся на Первом проспекте, чтобы они все мелочи поручили кормилице, хорошенько убрали помещения и приехали сюда, — сказал генерал госпоже.[129]

Он вручил ей бумагу на владение домом и опись всей утвари.

— Положи куда-нибудь в надёжное место и не теряй. Я не смогу постоянно находиться здесь. Но отныне ты будешь жить близко от меня, и время от времени я буду заглядывать сюда. Ты уже немолода, родителей у тебя нет, и ты не смогла бы продолжать жить так, как жила до сих пор. У матери Накатада, которая живёт в другой усадьбе, очень доброе сердце, это человек, каких мало. Не избегай её, а подружись с ней, — сказал он ей на прощание.

*** * ***

Канэмаса вернулся домой и прошёл к матери Накатада. Она была очень красива, надела великолепные одежды, расчесала волосы и казалась молоденькой девушкой, ожидающей приезда жениха. И в другой

обстановке, в каком-нибудь тёмном домишке она выглядела бы блистательной. Я не говорю о том, какими изумительными ароматами были окурены её одежды. Ей прислуживало около тридцати дам, тоже писаных красавиц, из которых человек двадцать находилось постоянно при ней. Юных служаночек и низшей прислуги было очень много. Усадьба, в которой жила госпожа, занимала площадь в один те, каждый год Канэмаса заботился о том, чтобы расширить дом и достроить новые помещения.

— Мне хотелось обеспечить здесь покойное житьё моим жёнам, влачившим жалкое существование. Я сделал это. Та, которую я только что перевёз на Третий проспект, находилась поистине в бедственном положении. Кажется, что отец оставил ей много добра и хорошее поместье, но я в течение нескольких лет не заботился о ней, и за эти годы все, кто служил у неё, куда-то исчезли. И прислуживающие ей дамы, не получая средств к существованию, покинули её. Вот в каком положении пребывала бедняжка. У тебя нет любимой подруги, пусть эта всеми забытая госпожа станет твоей наперсницей. Позаботься о ней, — попросил Канэмаса жену.

— Как тяжко приходится молодым женщинам, когда они лишаются родителей и не имеют покровителей, — вздохнула госпожа. — Таков уж наш мир. Когда-то я жила, не испытывая особых страданий, и не представляла себе, что такое жизнь, а родители мои говорили, как будто проклиная наше существование: «Если судьба к человеку жестока, то как бы он ни стремился добиться счастья, он всё время будет страдать. Если же судьба к нему благосклонна, то брось его в пучину бедствий, всё будет хорошо. Надо довериться богам и буддам». Вскоре родители мои скончались, и я узнала, что такое скорбь. Такое случается даже с принцессами!

— Ты, конечно, права. Как я счастлив, что у меня не много дочерей! Этот день я посвящу моим бывшим жёнам, пойду навещу Третью принцессу. — И с этими словами он направился к матери Насицубо.

У неё был очень благородный, полный достоинства вид, так что она казалась даже неприступной.

— Я долго не появлялся у тебя на Первом проспекте, но поскольку теперь ты живёшь не так далеко, мне бы хотелось время от времени видеть тебя, — начал Канэмаса. — В те времена, когда я ещё не знал, что такое свет, я сблизился с матерью Накатада, тогда совсем юной девицей. Для меня оставалось тайной, что у нас родился сын. Не выдержав своего бедственного положения, она скрылась от людей, и я долго не мог отыскать её. Наконец совершенно неожиданно я встретился с ними. Это тогда я сказал тебе, что скоро вернусь, но больше не появился, тебе всё

должно было показаться очень странным. С тех пор я был с нею, ни одну женщину я больше не посетил и даже на службу во дворец ходил не так усердно, как раньше. Она приняла такую жизнь, но я всё же беспокоился: что если она уйдёт и опять где-нибудь скроется? Никогда ведь не знаешь, что таится в сердце женщины. Кроме того, ради сына мне нужно было вести себя, как подобает отцу. Я со стыдом думал: «Вдруг он найдёт моё поведение недостойным?» Ведь он совсем на меня непохож; несмотря на свои молодые годы, он очень серьёзен, и у него одна-единственная жена. Мне было бы стыдно, если бы он видел, что я хожу то туда, то сюда, как я делал в молодости… Тебя я забыть до сих пор не могу, но…

— Тебе не нужно извиняться передо мной, — ответила госпожа. — Мне говорили, что и Накатада раньше не уступал тебе в поисках наслаждений, но жена его — известная красавица, и он остепенился. И с тобой произошло то же самое. Госпожа главная распорядительница — несравненная красавица, и она стала твоей единственной женой. Никто другой не смог так прочно овладеть твоим сердцем.

Они разговаривали очень долго. Затем Канэмаса покинул её.

* * *

Дамы, оставшиеся на Первом проспекте, были очень удивлены, когда поздно ночью увидели, как во двор въехали экипажи, подъехали к самому дому, и из одного из них вышел Канэмаса, а затем слуги, стараясь, чтобы эти самые дамы ничего не заметили, стали носить вещи и убирать помещения. Жившие на Первом проспекте дамы очень не любили этой усадьбы, но терпели, повторяя себе: «Ведь и дочь императора живёт здесь!» Но теперь, когда Канэмаса перевёз двух своих жён в другую усадьбу, а о них и не подумал, они решили: «Нет, больше мы здесь не останемся!»

Наставник в часовне Истинных слов, Тадакосо, купив дом, предлагал своей тётке, младшей сестре покойного министра Тикагэ, переехать туда, но она всё надеялась, что отношение к ней Канэмаса изменится, и оставалась на Первом проспекте. Однако после того, как генерал увёз с собой двух жён, не вспомнив об остальных, она согласилась на предложение племянника, и тот сам приехал за ней в экипаже и перевёз к себе.

В северном флигеле на Первом проспекте жила младшая сестра[130]

‹…›. Канэмаса обменялся с ней клятвами, тайно увёз к себе и часто навещал её. Её сводная сестра служила во дворце императрицы, в Портняжном отделении, она очень любила сестру и заботилась о ней. Когда Канэмаса перестал навещать жену, эта дама сказала сестре: «Раз уж так вышло, переезжай жить ко мне, ничего никому не говоря» — и поселила её в отдельном доме.

Дочь советника сайсё, который в то же время занимал должность второго военачальника Личной императорской охраны, была раньше императорской наложницей. Все называли её госпожой Сайсё. Мать же её была принцессой. Эта дама жила у Канэмаса в западном флигеле, она переехала к нему ещё в молодом возрасте. У неё был старший брат, который в конце концов забрал её жить к себе.

Что же касается сестры Накаёри, то Накатада перевёз её в тихий дом на Втором проспекте, недалеко от дворца отрёкшегося от престола императора, и сказал, чтобы она пожила там некоторое время. Таким образом в усадьбе на Первом проспекте никого не осталось. И тогда чиновники домашней управы Третьей принцессы перевезли туда свои семьи и стали жить в служебных помещениях и комнатах для прислуживающих дам.

*** * ***

Тем временем распустились цветы, и Канэмаса сказал сыну:

— Сейчас на Первом проспекте нет ни души. Поедем туда посмотрим, как жили там мои жёны. Поедем же!

Они вместе отправились в усадьбу и сперва пошли в северные помещения. Там они обнаружили стихотворение, написанное рукой дочери главы Палаты обрядов:

«Не навещал меня больше
Муж в этом доме,
И сама эти места покидаю.
О, печаль расставанья!
Бесконечным потоком катятся слёзы».

Отец и сын нашли это стихотворение полным глубокого чувства. Они заглянули в западный флигель, где проживала Умэцубо, и увидели там стихотворение, прикреплённое к столбу:

«В небесных чертогах
Всю жизнь
Мне служить бы…
А стала пылинкой,
Ветром куда-то гонимой…»

«Напрасно я увёз её из дворца, — подумал Канэмаса. — Как печально!»

В другом помещении того же флигеля они увидели стихотворение госпожи Сайсё:

«В тоске изнывая,
Долгие годы
Тебя прождала здесь.
Быть может, на переправе речной
Хоть мельком тебя я увижу?»

«Бедняжка! — подумал Канэмаса. — Куда же она уехала? Как бы мне хотелось ответить на это стихотворение!»

Они перешли в восточный флигель, и перед ними ‹…›. К столбу было прикреплено стихотворение:

«Когда после долгих лет
Ожиданий бесплодных
Этот дом я покину,
С кем ты будешь дружить,
Бамбуковый плетень?»

Канэмаса прочитал его, и сердце его сдавила печаль. «Когда-то об

этом сказали: старость»,[131] — думал он, переходя в другую комнату. Там на столбе он увидел написанное скорописью стихотворение:

«Когда-то в этих покоях
Ты меня навещал,
И всё до сих пор,
Здесь мне надёжным казалось.
А куда я теперь ухожу?»

— Где она сейчас? — спросил Канэмаса. — Наверняка, не у своей матери.

— Я перевёз её в дом на Втором проспекте, пожалованный нам императором. Этот дом нужно перестроить, и я хочу поселиться в нём с женой. Одной ей будет скучно жить там, вот я и поселил эту даму, — ответил Накатада.

— Стыжусь сказать, но в молодости, не будучи злым, я причинил людям много страданий, — вздохнул отец.

— Я всё устроил так, чтобы в этом доме мог жить человек с тонким вкусом. Я приготовил всё необходимое, — продолжал Накатада.

— Как жаль её! — сказал Канэмаса.

Они обошли все помещения. Раньше во всех этих комнатах проживало много женщин, затмевавших друг друга своей красотой. И всё исчезло, никого не осталось. Только, как и прежде, распустились цветы и очаровывали взор разными оттенками. Глядя на эту картину, Канэмаса, охваченный печалью произнёс со слезами на глазах:

— Только цветы
Остались такими,
Как были.
А тех, кто ждал здесь меня,
Развеяло ветром.

Накатада ответил ему:

— Всем дамам, что долгие годы
Тебя ожидали напрасно,
Найден приют.
И только сердце сливы цветущей
Тревогой объято.[132]

— Нет в тебе ко мне сочувствия! — упрекнул его Канэмаса.

Отдав распоряжения о том, что нужно было починить, он в сопровождении сына покинул усадьбу.

Приехав домой, Канэмаса сказал матери Накатада:

— В течение нескольких лет меня беспокоило, как живут мои жёны на Первом проспекте. Но и понимая, что им живётся трудно, и жалея их, я туда всё-таки не ходил. Узнав, что сейчас там никого не осталось, я отправился в усадьбу. Какая печальная картина! В просторной усадьбе раньше было много построек, в них жило много народу. А теперь — не слышно ни слова, все куда-то скрылись, и только трава и деревья разрослись привольно.

Он прочитал ей стихи, написанные дамами, и господ вспомнив свою жизнь на проспекте Кёгоку, написала:

«Тебя устав ожидать,
Слёзы лила,
Как водопад в Оноэ.
А как в Сумиёси
Тебе в это время жилось?»[133] -

и показала мужу.

— И мне было тяжело, — ответил он. — Я постоянно думал о тебе.

Почти всё своё время Канэмаса проводил у дочери Тосикагэ. Он не делал особых подарков Третьей принцессе, но поскольку ныне они жили в одной усадьбе, слуги генерала доставляли ей часть подати, получаемой из поместий. А сёстры её говорили, что принцесса теперь гостит в чужом доме, и присылали ей всего вдоволь, — таким образом, она бы: обеспечена. Дочери же главы Палаты обрядов Канэмаса давал и еду, и одежду. Иногда он вечером приходил то к одной, то к другой даме, но на ночь у них не оставался.

*** * ***

Распространился слух, что Насицубо собирается выехать из дворца. Когда Накатада пришёл на Третий проспект, Канэмаса принялся расспрашивать его:

— Кажется, Насицубо собирается отлучиться из дворца. В чём дело? В её положении дамы постоянно находятся в опочивальне наследника престола. Ей не должны были бы дать разрешение на отъезд из дворца.

— Как же так? — удивился в свою очередь Накатада. — Ведь в последнее время наследник престола несколько г призывал её к себе. Узнав о её положении, он сказал: «И Фудзицубо ожидает ребёнка!»

— Наш мир подл, кто-то оклеветал её перед наследником престола. Надо готовить экипажи и ехать за Насицубо. — И Канэмаса отдал приказания.

«Усадьба на Первом проспекте в запустении. Поселим её здесь, поближе ко мне», — решил он.

К приезду дочери Канэмаса велел приготовить западные покои в доме, где жила Третья принцесса, и перенести в них утварь, которую последняя взяла с собой из усадьбы на Первом проспекте. Двенадцать экипажей стояли готовыми, Канэмаса отовсюду собрал большое число передовых, но только двадцать господ должны были ехать за наложницей наследника.

— Мы отправляемся за Насицубо. Вы едете с нами? — обратился Накатада к отцу.

— Это ни к чему. И тебе лучше не ехать, — ответил тот. — Боюсь только, что и государю это покажется нарушением обычая.

— Как же нам не ехать? — возразил сын. — Когда женщину сопровождают знатные чины, она внушает почтение. Кроме того, приличия будут соблюдены- окажем почести наследнику престола.

— Когда Масаёри с такой помпой отправился за дочерью, какое это вызвало неудовольствие! — напомнил Канэмаса. — Однако то, что Фудзицубо было отказано в посещении отчего дома, послужило ей только к чести. Быть отправленной домой — значит впасть в вечную немилость, и позор падает даже на отца и братьев.

Канэмаса не знал, ехать ему или нет, но Накатада уговорил его, и они направились во дворец. Когда наследнику престола доложили, что за Насицубо явились отец и брат, он с грустью подумал о предстоящей

разлуке и отправился в её покои. Увидев двух генералов Личной императорской охраны, наследник сказал:

— Итак, Насицубо едет в отчий дом. Левый генерал! Я очень рад видеть вас здесь. В этом году мы ещё не встречались.

— Прошу простить меня, — ответил тот. — Ныне, оставив все мысли о служебных успехах, я всё время сижу дома и давно не был во дворце. Сегодня мне доложили, что дочь должна выехать из дворца, и при моей бедности, не имея возможности нанять свиту, мне приходится самому сопровождать её экипаж.

— Таких прекрасных сопровождающих ещё ни у кого не было, — рассмеялся наследник. — О какой бедности тут говорить, такая роскошь встречается нечасто. К тому же, чтобы наложницу сопровождали и отец, и брат — такого никогда не бывало. Это очень приятно. Насицубо могла бы и не спешить с посещением родного дома. И Фудзицубо просит разрешения посетить отчий дом, но в этом месяце из-за праздников все должны были оставаться здесь.

Было уже поздно, и Канэмаса с дочерью спешно покину императорский дворец. Приехав на Третий проспект, господ прошли в южный дом. В домашней управе очень красиво на крыли столики с едой для Насицубо. Канэмаса начал рас спрашивать дочь.

— Серьёзно ли отношение наследника к твоему положению, которое для нас желаннее всего на свете? Уже давно ходят нехорошие слухи, и это меня мучит и днём, и ночью. Но сегодня наследник престола как будто намекнул на это. Что. ты сама думаешь?

— Мне трудно понять, как он относится к тому, что я в положении, — ответила Насицубо. — Я не могу сказать, чего о хочет. Когда я сказала, что хочу навестить вас ‹…›. Я и приехала.

— А как насчёт того, чтобы объявить о твоём положении? — допытывался Канэмаса.

— Это он сделал, — ответила она.

— В таком случае всё обстоит самым лучшим образом. Если наследник признал твоё положение, то как бы потом ни обернулось дело, стыдиться нам нечего, — обрадовался Канэмаса.

За такими разговорами генерал всю ночь просидел в покоях дочери. Утром, когда она принимала лечебную ванну пришло письмо от наследника престола:

«Ты вчера покинула дворец так поспешно, что я не успел ничего сказать тебе. Из-за тебя другие дамы злились на меня и раньше, до твоего нынешнего положения, а теперь мне, несчастному, ничего не остаётся, как

грустить о твоём отъезде.

Когда ты рядом была,
Много ночей
Мог тебя я не видеть.
А этой ночью весенней
В тоске глаз сомкнуть не могу.

Не думай, что я пустослов… Пусть роды твои будут лёгкими, И возвращайся поскорее».

Письмо было написано на бледно-фиолетовой бумаге и прикреплено к ветке сливы, усыпанной цветами. Канэмаса взял письмо, прочитал и облегчённо вздохнул:

— Ну, теперь я спокоен. Положи-ка его на дно коробки для гребней, — сказал он дочери.

Посыльного генерал угостил вином, преподнёс подарки, обошёлся с ним очень любезно.

В ответ супругу Насицубо написала:

«Вчера было уже поздно, отец мой спешил, и мы не могли попрощаться спокойно. Что касается пустослова, то я могу пенять Вам только за то, что Вы себя так называете. Говоря по правде,

Завидно мне было
Глядеть, как другие
Свободно свой дом посещают.
Слишком долгим казалось
Мне пребыванье в небесных чертогах.

Даже прислуживая Вам…»

Накатада отправил в покои Насицубо кипарисовые коробки с угощением. Прислуживающие дамы, получив их, принялись есть, передавая друг другу изысканные яства.

Канэмаса вскоре ушёл в свои покои.

Глава XVI
ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ (Начало)

В усадьбе правого министра Масаёри[134] зятья его, живущие у него принцы и сыновья, добившись положения при дворе, возводили для себя просторные прекрасные жилища и наполняли их всякой утварью и сокровищами. Никто из них не мог покинуть усадьбы: министр ни за что на «то не соглашался, и господа часто ворчали, что жить стало тесно.

— Скоро должна приехать сюда госпожа Фудзицубо, — сказал как-то Накатада министру. — Не сегодня-завтра она будет провозглашена высочайшей наложницей или даже императрицей, а здесь будет вынуждена ютиться во флигеле — как мы сможем перед ней показаться? Мы с женой могли бы освободить на это время срединный дом, а сами переберёмся в западный флигель.

— В последнее время все здесь недовольны, — нахмурился Масаёри. — Ну что ж, отныне пусть каждый живёт отдельно.

Все очень обрадовались. Судзуси был донельзя доволен и хотел как можно скорее переселиться в собственный дом, но потом решил повременить, чтобы дождаться приезда Фудзицубо. Другие господа, начиная с Фудзивара Тадамаса и приняв Сикибукё, переехали, но старший советник министра Тадатоси оставался в усадьбе и жил в её северо-западной части. Принцы, сыновья Дзидзюдэн, и сыновья самого Масаёри переехали с семьями к родителям своих жён. У Накатада был собственный дом, но ещё не отделанный, и он на время перебрался жить в западный флигель.

Когда же все господа разъехались, а Накатада поселился в западном флигеле, срединный дом Масаёри предоставил высочайшей наложнице, а помещения, в которых прежде жили его зятья и внуки, предназначил для Фудзицубо. Своей первой жене он отвёл помещения на участке в один те. Хотя большинство его сыновей покинуло усадьбу, все они поселились совсем близко от отчего дома — кто напротив, кто рядом, — а если о ком-нибудь говорили, что он уехал далеко, то это было не далее, чем на один-два те, и можно сказать, что все жили почти как раньше: ворота их домов следовали друг за другом.

Старший советник министра Тадатоси всё ещё со своей женой не помирился, переехать никуда не мог и был в большом затруднении. «Странно, что из-за какого-то пустяка она весь месяц на меня сердится и не возвращается домой», — сокрушался он. Тадатоси часто посылал жене письма, хотя ответа не получал.

«Я жду тебя, чтобы переехать в наш дом. Мне передали, что ты не желаешь покидать родителей, но давай попытаемся, если даже потом ты и вернёшься к ним… Я никогда не думал, что из-за таких пустяков так долго можно сердиться. Ты поверила нелепым наговорам. Завтра для переезда благоприятный день, непременно надо ехать», — писал он.

— На вас больно смотреть, — сказала жена Масаёри дочери. — Поскорее возвращайся к мужу. Как ты будешь жить одна? Я по письму понимаю, что ничего особенного между вами не произошло.

— Ну что ж, придётся возвращаться, — согласилась та, но в душе думала: «Как он мне неприятен!»

Таким образом, и старший советник министра с женой переехал в свой дом.

У Масаёри же в двух западных флигелях северного дома, где жила госпожа, расположилась Дзидзюдэн со своими дочерьми. Жена Накатада проживала в комнатах и коридорах восточного флигеля.[135] Принц Тадаясу жил в одном из западных флигелей. Накатада велел красиво обставить помещения восточного флигеля, выходящие на север, и поселил там сестру Накаёри. Как только левый министр Тадамаса покинул усадьбу, Масаёри распорядился приготовить освободившиеся помещения для Фудзицубо, и в них начались работы: вешали занавеси, устанавливали полог, готовили сиденья, — всё было очень красиво. В покоях, где раньше проживал Сикибукё, тоже меняли занавеси, а во флигелях убранство оставалось таким, как было.

Фудзицубо попросила наследника престола:

— Теперь мне можно поехать в родительский дом?

— Насицубо всё самое тяжёлое время беременности оставалась со мной и отправилась к отцу совсем недавно. Почему же ты спешишь покинуть дворец задолго до срока?

*** * ***

Первый министр Суэакира был стар. Болезнь не причиняла ему

больших страданий, но он чувствовал, что настаёт его смертный час. Долгое время он был погружён в размышления и наконец обратился к сыновьям, главе Налогового ведомства Санэмаса и второму военачальнику Личной императорской охраны Санэёри:

— Вы оба служите при дворе, и положение ваше надёжно. Когда меня не станет, правый министр Масаёри позаботится о вас. Но вот моя дочь, проживающая у наследника престола, и Санэтада очень меня беспокоят. Как подумаю о них, чувствую, что трудно мне будет покинуть этот мир. И при моей жизни дочь моя, Сёкёдэн, испытывает всяческие трудности. А Санэтада, казалось, создан для государственной службы, внешность и характер его безупречны, и я надеялся, что он-то и продолжит мои дела. Но совершенно неожиданно его постигла злая судьба, всё у него разладилось, сердцем он измучился и ни служебными, ни своими частными делами не интересуется. Я чувствую, что каждый день приближает меня к концу, поэтому непременно хочу увидеть Санэтада. Передайте это ему. Неужели он не захочет повидать меня в последний час? О чём он думает? Ничего нет в нашем мире дороже, чем отношения отца и сына. Почему же он, не подумав о своём отце, презрев своё будущее положение, так загубил себя? О, Несчастный! Скажите ему, что я очень ослаб. Неужели я не смогу увидеть его хотя бы один раз?

Проливая горькие слёзы, старший сын отправился к Масаёри, а средний в Оно и подробно рассказал Санэтада о состоянии отца. Тот долго не произносил ни слова, погруженный в свои мысли, и наконец сказал:

— О болезни отца я знал давно, и мне хотелось обязательно навестить его. Но я опасался: как бы кто-нибудь не увидел, что я ещё пребываю в этом мире и что я так страшно изменился. Однако когда его болезнь так обострилась, разве могу я не пойти?

И ночью, прячась от людей, он отправился к отцу.

Санэмаса, в свою очередь, рассказал правому министру о положении отца, и тот сразу же пришёл к больному. Первый министр сел, опираясь на скамеечку-подлокотник, и пригласил Масаёри войти к нему в комнату. Во время разговора к ним вошёл Санэёри и объявил, что советник сайсё прибыл.

— Позови же его сюда! — воскликнул отец.

Санэтада же, узнав, что там находится правый министр, никак не решался войти. Снова и снова отец звал его, но он так и не двигался с места, притаившись за ширмой. В это время прибыла госпожа Сёкёдэн, и сев возле отца, ухаживала за ним.

— С каждым днём мне всё хуже, и я чувствую, что жить мне осталось

мало, — говорил Суэакира правому министру. — Я уже в таком возрасте, когда горевать обо мне не надо. И мне самому не приходится сожалеть, что жизнь моя подходит к пределу. Ведь мне уже за семьдесят, а я всё ещё служу первым министром. Единственное, что меня беспокоит, это судьба двух моих детей. Правда, Санэёри ещё в чине не очень высоком, и о нём тоже надо было бы подумать, но я рассчитываю на вас и поэтому уверен, что рано или поздно он достигнет высоких степеней. Просить кого-либо помочь моей дочери бессмысленно. Что же касается Санэтада, то как только подумаю о нём, душу мою обуревает беспокойство и я не могу спокойно отойти в страну мрака. Он сам, по собственной воле загубил себя, но мне по-прежнему мил, и душа за него болит. Если можете, позаботьтесь о нём. Он решил покинуть мир, но не дайте ему совсем погибнуть, — говорил он, проливая горькие слёзы.

— Если ты пришёл сюда, так неожиданно для всех для нас» почему же не подходишь к отцу? — обратился правый министр к Санэтада и снова повернулся к больному: — Я с давних пор восхищался им: «Какие глубокие помыслы таятся в его груди!» В те годы, когда ваш сын часто бывал в моём доме, я испытывал к нему самые дружеские и даже родственные чувства. Но потом он надолго так странно уединился в Оно — неужели из-за отвращения к миру? Я ломал голову, в чём быда причина такого решения. С давних пор я хотел предложить в жёны вашему сыну одну из моих дочерей. Но написав ему письмо с просьбой взять её в служанки, я получил отказ, и тогда понял, что причина его ухода от мира лежала совсем в другом. Я даже не догадывался, что в то время, когда моя дочь, которая сейчас служит во дворце наследника престола, ещё жила у меня, Санэтада часто писал ей письма. Государь пожелал, чтобы я отдал её в жёны Судзуси. Можно ли не подчиниться монаршей воле? Я уже собирался выполнить указ, как наследник обрушил на меня град упрёков, и я был вынужден отправить свою дочь к нему во дворец. За это очень многие меня возненавидели. Если бы в то время кто-нибудь толком рассказал о намерениях Санэтада и посоветовал отдать ему мою дочь, разве я бы колебался хоть одно мгновение? И теперь, пусть бы даже вы не просили о Санэтада, я бы его никогда не оставил. А после вашей просьбы я буду заботиться о нём больше, чем о родных сыновьях.

Растроганный Суэакира не мог сдержать слёз и произнёс:

— Если Санэтада наконец-то здесь, почему же он не подходит ко мне? Неужели он совсем не хочет меня видеть?

Но сын его так и не выходил из-за ширмы, и Масаёри при этом очень жалел и отца, и сына.

Первый министр велел Санэмаса взять кисть и стал диктовать завещание. Из трёх больших домов тот, в котором он проживал сам, Суэакира оставил своей дочери, госпоже Сёкёдэн. Ей же он завещал второй дом и большие поместья в разных провинциях, а также редкости, которыми он владел с давних пор. Третий дом он оставил Санэтада, а его жене — разнообразную утварь.

— У жены, которую оставил Санэтада, есть дочь. Сейчас она, наверное, уже взрослая. Мой сын совершил постыдный поступок, заставив страдать жену, о которой никто в мире не мог сказать дурного слова. Всё это отправьте ей, — сказал министр.

Он разделил поровну между Санэмаса и Санэёри свои земли, которые находились во многих провинциях.

Госпожа Сёкёдэн и Санэтада, получив наследство <…>

Кончив диктовать, первый министр подписал завещание и показал его Масаёри, который о многом ещё говорил с больным и горько плакал. Санэтада тоже заливался слезами, но из-за ширм так и не показывался. Вскоре правый министр удалился. Тогда Санэтада прошёл к отцу, и они долго разговаривали.

— Наша жизнь сложна. Если бы можно было не видеть её превратностей! Но как это горько — загубить себя из-за ничтожной женщины! — сокрушался отец.

— Это не так, — возразил сын. — После смерти моей матери мир мне опостылел, и я не хотел в нём оставаться.

— Я тоже убивался из-за её кончины, больше не женился и так и прожил бобылём… — вздохнул министр. — Скажи мне, где сейчас твоя жена, от которой у тебя были дети? Сын твой преждевременно скончался, а что стало с дочерью? Все эти годы она жила так бедно, как не живут и подвижники, а ведь это твоё дитя! Как ты думаешь поступить с женой?

— Не знаю. Я слышал, что она больше не живёт на Третьем проспекте. После того, как бренный мир стал мне отвратителен, я её ни разу не навещал.

— Странное отношение, — вздохнул отец. — Вели отыскать её как можно скорее. Ты поступаешь неразумно. Вот и ко мне ты пришёл, когда я стою на пороге смерти, но печалит ли это тебя? Ты причинил много горя своим родителям и жене.

Слёзы хлынули водопадом из его глаз. Все находившиеся рядом тоже не могли сдержать слёз.

— Я слышал, что вот уже несколько лет жена Санэтада живёт у подножия горы Сига, возле перекрёстка, где идёт дорога на гору Хёэй, в

очаровательном местечке. Пока она оставалась на Третьем проспекте, все кому не лень старались добиться её благосклонности, например, второй военачальник Личной императорской охраны Сукэдзуми беспрестанно посылал ей письма. Устав от домогательств, госпожа удалилась в горы, — вмешался в разговор Санэмаса.

«Когда генерал Накатада был ещё вторым военачальником Императорской охраны, мы как-то раз оказались с ним в этом местечке. Неужели это и был её дом? — с удивлением думая Санэтада. — Неужели девица, которая разговаривала с нами, была моей дочерью? Я тогда отметил только, как тихо в том доме. Поразительно, что я мог ничего не понять! Как, вероятно, была удивлена и напугана моя жена!» Сердце его охватила глубокая печаль.

— Отправляйся туда не медля, — сказал Суэакира. — Нельзя допустить, чтобы твоя дочь влачила такое жалкое существование. Ты забросил службу и никогда не сможешь получить моего нынешнего чина. Но я могу удочерить твою дочь и добиться, чтобы её взяли на службу во дворец. Это не такое уж большое дело, но я хоть оставлю о себе добрую память.

Он долго ещё разговаривал с сыном.

Затем министр обратился к дочери, госпоже Сёкёдэн:

— В этом доме есть пять кладовых, которые обычно не открывают. В двух из них собраны редкие сокровища, три остальных полны разными необходимыми вещами. Я завещал тебе поместья в провинциях Тотоми, Тамба, Овари, Синано и Хида — это самые процветающие из моих владений. Сохрани их. Наследник престола не отличается особой щедростью. Но брат твой, Санэмаса, очень великодушен, и на него ты можешь положиться. Он всегда поможет тебе. Те же, кто не забудет меня, будут верны и ему.

— Вы, наверное, правы, — ответила госпожа. — Раньше наследник престола не был столь равнодушен ко мне, как сейчас. Как только во дворец въехала эта самая Фудзицубо, он охладел не только ко мне, но и к другим знатным наложницам. Когда я слышу, как во дворце жалуются дамы, я всегда думаю «Только бы батюшка не покинул меня!» Ваши слова так меня пугают, что кажется, сердце моё разорвётся. Я слушаю вас, и невыразимая скорбь охватывает меня. Если вы действительно собираетесь отправиться в страну мрака, возьмите меня с собой. Вы завещали мне огромные ценности, но если вас не станет, они сразу исчезнут: когда сокровищами владеет женщина, они тают на глазах, — говорила она, горько плача.

— Не тревожься ни о чём, — успокаивал её отец. — Ведение дел не потребует больших трудов. Отныне без особой надобности не появляйся во дворце. Я всегда старался, чтобы твои выезды были обставлены так, как это необходимо, я заботился и об экипажах, и о свите. Но когда меня не будет и никто не возьмётся следить за твоими выездами, они станут вызывать смех, а тебе доставлять одни терзания.

Министр продиктовал всё, что нужно было сделать, как вести дела после его смерти. Он возвратил императору свой ранг, принял постриг и вскоре скончался.

*** * ***

Начиная с двадцатого дня второго месяца в дом министра каждый день являлись с соболезнованием левый и правый генералы Личной императорской охраны и сыновья правого министра, который был младшим братом покойного. В доме правого министра был объявлен траур по умершему брату, сыновья Масаёри и он сам не ходили на службу во дворец, и даже Фудзицубо попросила разрешения удалиться ночью в родительский дом по случаю траура. На этот раз наследник; престола не мог отказать ей. Он вошёл в её покои и лёг рядом с ней.

— Мне всегда хорошо только с тобой, — сказал наследник. — А теперь я буду один. Даже Насицубо уехала из дворца.

— Но ведь с вами остаются и Сёкёдэн, дочь отрёкшегося императора, и Рэйкэйдэн, дочь левого министра. Да и дочь принца Сикибукё должна не сегодня-завтра прибыть во дворец, — ответила Фудзицубо.

— Всё время, пока ты будешь у отца, я не собираюсь ни с кем из них видеться — от них мне достаются одни попрёки, что я взял тебя на службу. Дочь отрёкшегося императора очень благородна, и мне её жалко, но у неё страшно необузданный нрав, женщина должна быть простодушна и беззаботна. К тому же она ненавидит тебя, а это мне не по душе. Злючку же Сёкёдэн мне сейчас очень жаль. Когда она не обнаруживает своих чувств, всё прекрасно — во внешности у неё нет ни одного изъяна. Что было бы теперь с её детьми? Братьев у неё много, но вряд ли они станут заботиться о ней. Пока был жив её отец, она ни в чём не нуждалась. Как ей сейчас, должно быть, тяжело! Пошлю-ка я узнать, как она себя чувствует. Мне говорили, что покойный министр особенно беспокоился о ней. Он, наверное, тревожился о том, что я не отношусь к ней так, как ему хотелось

бы.

— Из-за того, что о Санэтада ходили нехорошие слухи, госпожа Сёкёдэн прекратила с ним всякое общение, — сказала Фудзицубо. — Но возвратившись в родной дом, она, несмотря на всё злословие, наверное, захочет послать ему письмо.

— Навряд ли, — возразил наследник престола. — Не думаю, что сыновья министра будут относиться к ней с большим участием — даже несмотря на то, что они ей братья и по отцу, и по матери. А вот Накатада и Насицубо — сводные брат и сестра, и между ними не должно бы быть слишком тёплой дружбы, но они относятся друг к другу так задушевно, что это всем бросается в глаза и вызывает зависть.

— Если их только двое, из-за чего им ссориться? Когда я жила в отчем доме, многие осаждали меня письмами, но как только я въехала к вам, все сразу же от своих чувств отказались, и только Санэтада до сих пор любит меня по-прежнему. Он потому и службу оставил. Мне хотелось бы выразить ему признательность за то, что из всех влюблённых он один остаётся мне верным.

— Действительно, такая верность очень приятна, — согласился наследник, — подобные чувства и мне кажутся надёжными. Но ты отправляешься домой из-за того только, что радуешься его верности, и этим причиняешь мне мучение <…>.

И когда за Фудзицубо прибыли экипажи в сопровождении свиты, наследник не разрешил ей покинуть дворец.

— Уехав из дворца, ты по своему обыкновению не станешь торопиться с возвращением и будешь заставлять меня ждать, — сказал он.

— Разве я могу так поступить? С какой целью? Уже сейчас наше расставание печалит меня — как же я решилась бы к вам не возвратиться?

Коль не растаю,
Как на листьях травы
Тает роса,
Всегда возвращусь
К милой сосне.[136]

— Это предвещает недоброе, — сказал он. —

Упав на сосновые ветви,
Капли росы
Жемчугом станут,
И даже ветер не сможет
Их осушить.[137]

До глубокой ночи он не уходил от Фудзицубо.

Наученные горьким опытом, ни Масаёри, ни его сыновья не произносили ни слова, но измучившись ожиданием, министр стал, одну за другой, посылать дочери записки.

— Даже возвратившись в родной дом, где будут выполняться все мои желания, я после ваших слов вряд ли могу быть спокойна. На этот раз я возвращусь к вам как можно быстрее, — пообещала Фудзицубо наследнику престола.

Он же произнёс:

— Скорбя о цветах,
Что ветер осыпал,
Ночью весенней их видишь во сне.
Но смогу ли один я заснуть,
Чтобы увидеть тебя?

Как же мне быть?

Она ему ответила:

— Весной все цветы
Осыпаются вместе.
Подумай, как тяжело,
Оставив тебя,
В путь мне пускаться.

Полночь давно прошла. Время близилось к рассвету, а Фудзицубо всё ещё не появлялась. Масаёри притаился в её покоях. Сыновья его расположились в помещениях прислуживающих дам, развлекались там и

шутили, а слуги и юные служаночки из свиты Масаёри в парадных одеждах оставались на своих местах и ждали отъезда.

Наследник престола не уходил от Фудзицубо, тогда она была вынуждена сказать ему:

— Я всё-таки поеду. Отец приехал за мной и, наверное, очень беспокоится. Я буду носить траур в течение нескольких дней и в начале следующего месяца ночью потихоньку возвращусь к вам.

— Вот это прекрасно. Но обещай каждую ночь непременно приезжать во дворец, как придворные дамы, состоящие на службе. Если ты не будешь приезжать, я подумаю, что ты меня не любишь, и рассержусь, — потребовал наследник. С этим он покинул покои наложницы.

*** * ***

Масаёри ждал дочь, и Фудзицубо сразу же выехала с ним из крепости. В поезде было двадцать экипажей, их сопровождало сорок взрослых слуг, восемь подростков и две служанки, чистившие нужники. Сам Масаёри и три его старших сына, важные сановники, ехали в экипажах, остальные господа, во главе с Цурэдзуми, ехали верхом, и не было ни одного придворного четвёртого или пятого рангов, сколько-нибудь известного в то время, который не входил бы в свиту. О чиновниках шестого ранга говорить не приходится. Все шествие открывали передовые. Когда процессия приблизилась к южной лестнице западного флигеля (того самого, где проживал второй советник министра Судзуси), второй и третий сыновья министра, Мородзуми и Сукэдзуми, поставили переносью занавески, сам министр и его старший сын Тададзуми подняли занавеси в экипаже и вынесли Фудзицубо. Все остальные господа стояли вокруг экипажа <…>. Одежды, лицо, дивный аромат, которым благоухало её платье, — всё было несказанно прекрасно. В экипаже рядом с ней были Соо и Хёэ. Наложницу наследника ждали с вечера жена Масаёри, госпожа Дзидзюдэн и другие сёстры. Жена Судзуси проводила Фудзицубо в свои собственные покои. Встретив сестру, она хотела сразу же уйти, но на некоторое время задержалась. Масаёри со старшими сыновьями расположились в южных передних покоях, а остальные господа расселись на веранде.

Светало.

— Я сам мог бы и не ехать за тобой, но у тебя так много злейших

врагов, что я боялся: а вдруг в пути какой-нибудь негодяй… — сказал Масаёри. — Наследник престола никак не выходил от тебя, и я начал беспокоиться.

— Все другие наложницы разъехались, и наследник престола никак не хотел давать мне разрешения, — рассказывала дочь. — Я уже так его умоляла, что он наконец согласился.

— В прошлый раз я хотел поторопить тебя с отъездом, и наследник очень рассердился, поэтому сегодня, боясь, как бы не вышло неприятности, я ждал тебя, не говоря ни слова, — продолжал Масаёри.

— Как это всё мучительно! — вздохнула его жена. — С осени позапрошлого года, когда ты отправилась во дворец, я тебя не видела. Если бы не роды, ты бы никогда сюда не приезжала. Ну, кто же там у тебя — мальчик или девочка? Покажи-ка живот.

— Пока разобрать трудно, — засмеялась дочь.

— Наследник престола не любит отпускать своих жён, — сказала Дзидзюдэн. — И государь раньше никак не позволял Мне покидать дворец, но потом стал разрешать.

— Я всё-таки хочу взглянуть. — С этими словами жена Масаёри подняла платье дочери и осмотрела её живот. — Я думаю, что и на этот раз будет мальчик.

— А где же мои сыновья? — спросила Фудзицубо. — Я хочу их поскорее увидеть.

— <…> Молодой господин очень вырос. А младший стал говорить невнятно, я не знаю, что и думать, — рассказывала мать.

— Я велю ему, чтобы он так не говорил. А почему это вас тревожит?

Наступило утро. Фудзицубо стала рассматривать покои. Не надо говорить, как роскошно они были убраны. Поскольку прежняя госпожа покинула жилище, оставив всё на своих местах, то к приезду наложницы лишь постелили новые ковры. В обстановке ни одной мелочи не было упущено. Только сама хозяйка переехала в другое место. Судзуси велел приделать к изящным китайским сундучкам из аквилярии замки и вместе с ключами передал сундуки Фудзицубо.

— С вашего позволения я хочу преподнесли их вам, — сказал он. — Этими сундучками мы пользовались, но такие же есть и там, куда мы переезжаем, вот я и подумал, что, может, оставить их здесь. Пожалуйста, примите их. Пусть их отнесут в бывшие комнаты моей жены. Там главное помещение, кажется, неказисто. Старый дом мы снесли, привезли из Фукиагэ всё необходимое и построили новый дом, удобный для житья. В этих западных покоях все вещи — из Фукиагэ, и многое здесь переделано.

— Вот оно как! — воскликнули в один голос жена Масаёри и госпожа Дзидзюдэн. — Вряд ли ещё где-нибудь можно увидеть такие прекрасные помещения <…>.

— В течение трёх дней после приезда госпожи надо всех угощать, — продолжал Судзуси.

Он приказал, чтобы еду готовили в восточных помещениях, и с помощью управляющих и своего деда устроил большой пир. Всем господам, и мужчинам и женщинам, преподнесли по девять подносов, низшим чинам, соответственно их рангу, по шесть и по четыре.

Тем временем архивариус принёс письмо от наследника престола, написанное на пурпурной бумаге и привязанное к ветке вишни. Фудзицубо развернула его и прочитала:

«Я очень беспокоюсь, как ты сейчас. Я не могу жить в разлуке с тобой и страшно упрекаю себя, что разрешил тебе покинуть дворец.

И под порывами ветра
Цветы
Безмятежно стоят.
И только один я
Тревогой объят.[138]

Как я буду жить дальше?»

— Давно я не видел его почерка, — сказал Масаёри и взял письмо. — Он теперь пишет превосходно.

Масаёри отослал письмо за занавесь госпоже Дзидзюдэн.

— Каллиграфия великолепна, похожа на руку Накатада, — сказала она.

— Наследник престола приказал Накатада написать образцы мужской и женской азбуки, и усердно копирует их. Но эти прописи генерал сделал уже давно, и наследник просит новые. Генерал всё мешкает, и наследник постоянно напоминает, чтобы он поторопился. «Изуми нас», — говорит он, — рассказала Фудзицубо.

— Я слышала, что он занимается каллиграфией, чтобы писать стихи. Так ли это? — спросила Дзидзюдэн.

— Наследник престола во всём, что ни возьми, выгодно отличается от большинства, — заметил Масаёри.

Он распорядился угостить посыльного и преподнести ему подарки.

Фудзицубо написала в ответ:
«На новом месте я чувствую себя очень беспокойно.

Не сравнить твоё сердце
С безмятежным цветком.
Почему ты тревогой объят,
Когда ветром
Даже траву не колышет?

Как грустно!»

Госпожа Дзидзюдэн предложила Фудзицубо провести три дня вместе с нею и их матерью. Братьев, которые сопровождали её при выезде из дворца, сменили другие, и они были очень обрадованы возможностью служить сестре. Вечером пришёл Судзуси в необычайно красивой одежде. Ему устроили сиденье на веранде. Один из младших сыновей Масаёри[139] поставил возле занавеси переносную занавеску и разложил подушки.

— Ты очень похож на своего покойного брата, — сказал Судзуси.

Сам же он выглядел благородно и был очень обаятельным, его манеры можно было сравнить только с утончённостью Накатада. Генерал был блистателен, но и Судзуси не уступал ему. Судзуси через юношу сказал Фудзицубо:

— Если бы я знал заранее, что вы посетите отчий дом, я бы всё приготовил для вашего визита. В этих неказистых комнатах проживаю я сам, и они хороши для такого человека, как я. Вы изволили неожиданно пожаловать сюда, это для меня большая честь, но жилище так запущено…

— Если эти покои полировать даже тысячу лет, вряд ли они засверкают ярче, чем сейчас, — ответила она.

Судзуси удалось уловить звук её голоса, и он сказал:

— Я бы понял вас и без посредника. Когда я являюсь во дворец, мне очень хочется послать вам письмо, но нет никого, кто бы мне в этом посодействовал. И потом я не уверен: ответите вы мне или нет.

— Странно, что, являясь во дворец, вы не осмеливаетесь обратиться ко мне, — ответила она. — Почему бы вам не попросить Акоги, если вы хотите мне что-либо передать?

— Мне всё время хочется говорить с вами, но только сегодня я удостоился вашего ответа! — воскликнул он.

На веранде показался принц Тадаясу, и Судзуси пришлось уйти.

Принц вошёл в покои и обратился к матери:

— Почему вы сидите здесь? Десятый принц спрашивает меня, где вы.

— Я сейчас разговариваю с редкой гостьей, — ответила она. — Подождите меня ещё немного.

— Это действительно редкая гостья, — согласился принц. — Я не хочу быть назойливым и не наношу ей визита, даже когда посещаю наследника престола. А поскольку убедился, что она никогда на письма мои не отвечает, то я их и не посылаю. Я слышал, что Фудзицубо должна пожаловать в родительский дом, но не мог написать ей. Ведь об этом говорится: «Не ждёт меня».[140]

Наступил вечер. Перед дамами поставили столики с едой, и слуги, один за другим, приносили полные подносы.

— Я буду навещать вас. Если что-то понадобится, обращайтесь ко мне, я всегда поблизости. — С этими словами принц вышел из покоев.

— Неужели то, что он сказал в пятидесятый день рождения Инумия и что так удивило меня, — правда? — произнесла жена Масаёри.

— Я ничего не знаю. Что же он сказал? — заинтересовалась Фудзицубо.

— Очень трудно приходится, когда твои сыновья молоды и ищут наслаждений. Это причиняет большие страдания в нашем мире, — ответила жена Масаёри. — Лучше умереть, чем видеть то, что противно, на что не хочется смотреть. Наш Тикадзуми[141] с детства казался странным и склонным к удовольствиям. <…> Он не мог входить в её покои,[142] но выбрал себе жену, и я думала, что теперь мне о нём волноваться не придётся. Но нет, к жене он больше не показывается, всё время бродит вокруг её покоев. Ничем не занимается и сам этим тяготится. Он говорит: «Я терпеть больше не в силах и ни о чём больше не думаю, но вот Накадзуми уже нарушил сыновний долг и ушёл из жизни раньше родителей, то говорить-то я говорю, да нельзя мне так поступить. Я хочу только просить будд и богов, чтобы они избавили меня от любви <…>». Ничего радостного и приятного я в своей жизни не вижу.

— Почему же Тикадзуми стал замышлять недоброе? — удивилась Фудзицубо. — Нехорошо, когда у человека появляются неподобающие мысли.

— Я ничего не знаю. Всё это меня очень пугает, — призналась госпожа. — Может быть, он любит кого-нибудь из своих младших сестёр?

— Какую же? — вступила в разговор госпожа Дзидзюдэн. — По-моему, он влюблён в Первую принцессу, жену Накатада.

— Нет! Этого не может быть, — возразила мать. — Я склонна думать, что он влюблён во Вторую принцессу. По-видимому, когда она жила в западном флигеле, он в просвет между занавесями подглядывал, как она с Первой принцессой играет в шашки. Но за столь долгое время он так привык к принцессе, что, надо думать, сердце его успокоится.[143]

— Первая принцесса очень скоро вышла замуж за Накатада, который тогда был императорским сопровождающим, — сказала Дзидзюдэн. — Из всех придворных государь особенно жалует его. И видя такие милости, мой брат, должно быть, думает: «Если к постороннему такое отношение, то ко мне бы…»

— Ах, не злите меня! — рассердилась мать. — Как можно ставить на одну доску моего сына и Накатада? Человека не определяют по его положению. Манеры, поведение — вот что ценится в людях. <…>

— Он умный человек, как же он мог такое сказать?[144] — удивилась Фудзицубо. — Всей душой отдаться пустым вещам, быть готовым из-за этого умереть — это ли поведение взрослого человека? Надо сказать ему, чтобы он хорошенько подумал. И обыкновенный человек может подняться до выдающихся людей.

— А меня вот беспокоит другое, — сказала Дзидзюдэн. — После смены одежд[145] я собираюсь возвратиться в императорский дворец и хотела бы взять с собой принцесс. Но как быть с ними, когда мне нужно будет идти на службу к государю? Думала оставить их у Первой принцессы, но согласится ли она? К тому же Вторую принцессу может увидеть Накатада. <…> Оставить здесь… — но у вас постоянно снуют молодые люди, точно спущенные с узды, плохо всё может кончиться. Даже думать об этом для меня мучительно. Ума не приложу, как поступить <…>.

— Ну, если ты боишься оставлять их у меня, — засмеялась её мать, — отправь к Первой принцессе. Из уважения к государю Накатада не выразит недовольства. Кроме того, если бы Вторая принцесса была гораздо лучше его жены, у тебя были бы основания для беспокойства.

— Ах, разве поймёшь, что у мужчин на сердце? Это и страшно, — вздохнула Дзидзюдэн. — Иногда я думаю, не определить ли её на службу во дворец, но эта мысль так меня тревожит! Наследник престола постоянно твердит о том, чтобы взять её в жёны. Он всё время посылает ей письма. А меня всё это только страшит. Ведь его мать — императрица, и он не очень хорошо воспитан…

Была уже глубокая ночь, когда все разошлись по своим покоям.

*** * ***

Рано утром Фудзицубо доставили письмо от наследника престола:

«Вчера хотел сразу же ответить тебе, но поскольку ты написала, что чувствуешь себя беспокойно, я решил не посылать письма.

Вижу тебя лишь во сне.
Даже раньше до твоего поступленья
Ко мне во дворец,
Не было столь ненавистно
Мне пробужденье.

Не могу больше оставаться без тебя. Вечером мне было так грустно, что смотрел в огромное небо».[146]

Посыльным был Корэкосо, брат дамы Хёэ, который получил доступ во дворец и служил архивариусом. Он вошёл в покои Фудзицубо и рассказал:

— Вчера наследник престола музицировал в одиночестве и совсем не спал.

— Вероятно, он готовился к бодрствованию в день обезьяны, — пошутила Фудзицубо и написала в ответ:

«Не поэтому ли я и писала Вам?

Меня ты забыл.
Иначе бы в грёзах
Видел меня
Такой же,
Какая я наяву.

Как Вы нетерпеливы!»

— Сейчас мне некогда искать тебе подарок, как-нибудь потом, — сказала она посыльному.

Он засмеялся и отправился к наследнику престола.

После этого пришло письмо от Первой принцессы:

«Как я рада, что тебе удалось после долгого перерыва посетить родной дом! Уже давно с нетерпением я ждала тебя. Почему ты не давала знать о себе? Мне хочется увидеть тебя как можно скорее. Даже в родном доме я не могу общаться с тобой так свободно, как раньше. Былые времена прошли безвозвратно.[147] Ты, конечно, не зайдёшь в мои покои, поэтому я приду к тебе сразу же, как только ты разрешишь».

Фудзицубо ответила ей:

«Спасибо за письмо. Сразу же после приезда мне хотелось увидеть твою замечательную дочку, но ко мне пришло много народу, начались разговоры… Ты пишешь, что придёшь ко мне, но здесь всегда так много народу. Хоть я твоего мужа и побаиваюсь, всё же я сама приду к тебе…»

Отправив письмо, Фудзицубо объявила:

— Пойду к Первой принцессе. Мне хочется поскорее взять на руки Инумия.

— Я увидела её только в тот день, когда ей давали лепёшку, — сказала её мать. — Но и тогда её не сразу вынесли.

— Сейчас она стала очень хорошенькой, — оживилась Дзидзюдэн. — Поднимается, поворачивается, ползает. Как увидит кого-нибудь, сразу расплывается в улыбке. Беленькая, миленькая. Но как говорят, родители всё время держат её перед собой и не спускают с неё глаз.

— Как мне хочется поскорее её увидеть! — воскликнула Фудзицубо. — Чужим её не показывают, но ведь мы с Первой принцессой как сёстры, почему же она стала бы прятать от меня свою дочку?

— Моя дочь ни от кого Инумия не прячет, — возразила Дзидзюдэн. — Но ты знаешь сама, ей никогда не хватает благоразумия.

— А батюшка её видит? — спросила Фудзицубо.

— Что ты говоришь! Её не показывают даже женщинам! — ответила Дзидзюдэн.

*** * ***

Вечером в их покоях появился Накатада в простом верхнем платье. Как всегда в подобных случаях, на веранде разложили подушки. Дамы, взглянув на него, лишний раз убедились, что он гораздо красивее Судзуси, который как раз был здесь недавно. «Он поистине великолепен», — думала Фудзицубо.

— Мне приходилось последнее время бывать во дворце, но вы всегда пребываете в покоях наследника престола, и я не могу нанести вам визита. Я слышал, что даже прислуживающие вам дамы туда не допускаются, и мне было очень грустно, что я не могу дать вам знать о себе. Но сегодня вы пожаловали к нам, и хотя вам надоедают подобные визиты, мне бы хотелось иногда посещать вас.

— Если вы будете время от времени приходить ко мне, я начну думать, что вновь стала простой смертной, — ответила наложница через Соо.

— Это очень легко осуществить. А если бы я посещал вас не время от времени, а постоянно, что бы вы подумали в таком случае? — улыбнулся Накатада.

В это время из покоев Масаёри прибыли оба сына наследника престола в сопровождении кормилиц. Они принесли с собой игрушечные экипажи, недавно преподнесённые генералом, и показали их матери. Старший мальчик держался как взрослый, безупречно носил костюм. Фудзицубо смотрела на него с восторгом и грустью.

— Сыновья мои так выросли, что мне кажется, я стала седой старушкой, — сказала она Накатада и затем обратилась к детям: — Занимаетесь ли вы каллиграфией? Чему вы уже научились?

— Нас никто ничему не учит, потому что сказали, что, к нашему счастью, нас будет учить китайской книжности генерал, — ответил Молодой господин.

— Это замечательно! — воскликнула Фудзицубо. — Будьте же прилежными учениками и научитесь у генерала всему возможному.

— На вид вы стали взрослой, стали заботливой матерью, — рассмеялся Накатада. — <…> Я уже думал, чему и как бы учил молодых господ. Сейчас у них самый подходящий для учения возраст, но поскольку наследник престола мне ничего об этом не говорит…

— Пока мои дети живут здесь и во дворце о них не вспоминают, они могут делать всё, что угодно. Пожалуйста, научите их чему-нибудь… — попростела Фудзицубо.

— Это совсем нетрудно. Я начну учить их китайской книжности. Назначьте день, — ответил Накатада.

— Поскольку они ещё совсем не могут писать, не сделаете ли вы прежде всего для них прописи? А кроме того, напишите прописи и для наследника престола. Он говорил мне: «Попроси его написать. Посмотрим, как ты выполняешь мои просьбы». Пожалуйста не забудьте, — сказала Фудзицубо.

— Вы просите о совершенных пустяках, — ответил он. — Я уже всё написал, но не решался преподнести наследнику престола.

— Отправьте ему прописи немедленно, — посоветовала Фудзицубо. — Он ждёт их с нетерпением.

— Ну, если так, я сразу же пошлю прописи во дворец. А сыновьям вашим в скором времени сделаю другие, — пообещал Накатада.

— При первом же удобном случае сообщу об этом наследнику престола. Пожалуйста, выберите благоприятный день. Теперь я хотела бы просить вас о другом, — переменила она разговор. — Когда вы покажете мне свою дочь, которую от всех скрываете? Мне бы хотелось поскорее увидеть её.

— Ах, она уродилась такой некрасивой, и как Карамори <…>[148] — сказал Накатала и распрощался с Фудзицубо.

*** * ***

Наступил вечер. Следующий день по календарю был благоприятным. Открыв присланные Судзуси китайские сундучки, Фудзицубо рассматривала их содержимое. К сундучкам было приложено множество серебряных ключей, разнообразно раскрашенных, и к одному из них было привязано написанное рукой Судзуси стихотворение:

«Думал, что для тебя
Дом этот строю.
На ключ поглядев,
Вообрази,
Как днём и ночью страдал я».

Увидев стихотворение, жена Судзуси подумала: «Ах, как нехорошо!» — спрятала этот ключ от сестры и сказала:

— Сегодня я хочу показать тебе все помещения.

Жена Масаёри и наложница Дзидзюдэн решили в тот день с Фудзицубо не расставаться. Перед дамами поставили десять китайских сундуков, необычайно красивых и дивно благоухающих. В них оказалось множество драгоценных вещей, гладкий и узорчатый шёлк, разнообразные

предметы, завёрнутые в ткани. В помещениях стояли шкафчики из аквилярии высотой в три сяку и шкафчики из светлой аквилярии высотой в четыре сяку. Там было много утвари для мужчин и для женщин, необычайно изящной, — все необходимые вещи. В четырёх шкафчиках высотой в шесть сяку, инкрустированных позолоченной медью, и на серебряных столиках стояла всевозможная серебряная утварь. Везде было очень много разной мебели. В западной части большого дома, предоставленного Фудзицубо, располагалось главное помещение длиной в семь кэн, крытое корой кипарисовика; справа и слева к нему примыкали галереи. Буфетная занимала западное помещение. Среди посуды было двадцать серебряных чаш для вина разных размеров, в серебряных ящиках стояли котелки для приготовления пищи на пару; вся посуда была изготовлена с большим вкусом. К северу от буфетной располагались склады, наполненные всеми необходимыми продуктами. Перед ними тянулось помещение длиной в одиннадцать кэн, крытое корой кипарисовика. В этой кладовой хранился рис и другие припасы.

— Нежданно-негаданно получила я такие сокровища, — изумилась Фудзицубо. — <…>

— <…> Этот дом на Третьем проспекте был выстроен в то время, когда Судзуси ещё не жил в столице, — ответила ей Имамия. — И вся утварь осталась с того времени. <…>

— Но скажи мне, почему ты никому не показываешь своего сына? — спросила Фудзицубо.

— Муж хотел девочку и сына невзлюбил. Мне так больно на это смотреть! — призналась Имамия. — Он говорит: «Если бы у нас была девочка, я бы в будущем отдал её наследнику престола».

— Не грусти, ведь ты можешь потом родить и девочку, — пыталась утешить её Фудзицубо.

*** * ***

Наступила ночь. На рассвете Судзуси собирался переезжать в другой дом. Было приготовлено двадцать экипажей, передовые надели роскошные одежды. Судзуси переехал с большой пышностью. Новая усадьба располагалась на восток от реки Хорикава и на север от Третьего проспекта, она занимала площадь в два те. В саду перед домом бил фонтан, всё блистало, утвари было заготовлено с гору.

* * *

Прошло три дня. Высочайшая наложница Дзидзюдэн и жена Масаёри перед тем, как возвратиться в свои покои, сказали Фудзицубо:

— Одной тебе здесь будет скучно. Заглядывай к нам. Поговорим обо всём, что произошло за год.

— Обязательно приду, — пообещала та.

Обе дамы покинули её покои. Фудзицубо же решила написать письмо советнику Санэтада.

* * *

Первого министра похоронили двадцать седьмого дня второго месяца. Все домочадцы собрались в его доме, сыновья сидели на земле,[149] госпожа Сёёдэн проводила дни в отдельном помещении.

Фудзицубо перешла в покои своего отца. Туда, в западный флигель приходило много народу. Фудзицубо написала на двойном листе тёмно-серого цвета, приличествующем трауру:

«За эти годы от Вас не было ни одного письма, и я начала уже беспокоиться. Почему Вы иногда мне не пишете? Мне говорят: „Среди всех своих несчастий он Вас всё-таки не забывает", и мне доставляет удовольствие думать о Вашем сердце, которое столь долгое время не изменяется и до сего дня другой женщиной не увлеклось.

Я глубоко сочувствую Вам в Вашем горе.

Очень мне жаль, что Вы таким решительным образом пренебрегаете службой.

Сердце твоё — как чистый поток,
Что в чаще лесной
Безмятежно струится.
Так почему же на нём
Волны глициний встают?[150]

Всё наводит на старые мысли, что мир непостоянен».

Привязав письмо к ветке цветущей глицинии, она позвала Корэкосо, брата дамы Хёэ, который в то время служил архивариусом у наследника престола, и сказала ему:

— Отнеси это письмо в дом умершего первого министра, где сейчас, по-видимому, очень много народу, должен там быть и Санэтада. Скажи, чтобы письмо непременно отдали ему в руки.

Архивариус, довольный поручением, поспешил в усадьбу министра. Там молодого человека все очень хорошо знали. Когда Санэтада на долгое время обосновался в доме Масаёри и при посредничестве Хёэ писал Фудзицубо письма, он посылал Корэкосо с поручениями к своему отцу.

Придя в усадьбу, архивариус сказал слуге Санэтада:

— Мне строго наказано отдать это письмо в руки твоему господину, — и передал послание.

«Очень уж мой господин убивается. Может быть, получив это письмо, он немного утешится», — подумал слуга с радостью. Он вручил письмо Санэтада, ничего не говоря.

— Кто это прислал? — спросил тот.

— Не знаю. Велели передать вам.

Санэтада открыл письмо. Он сразу же узнал почерк Фудзицубо и, ещё не читая, залился слезами.

— Это письмо от Фудзицубо? — догадался Санэмаса. — Дай-ка взглянуть.

— Я сам ещё не прочитал, — ответил Санэмаса, плача. — От слёз глаза ничего не видят. Отец наш покинул этот мир, но по его милости мне дана эта радость.[151] Все эти годы я любил так, что казалось, вот-вот умру, но от неё не было ни одной весточки.

Сёкёдэн, услышав его, воскликнула:

— Это всё слова, а правду сказать, ты получил письмо от той, которую тайно посещаешь, — разве не так? И эту дрянь, к которой тайком шастают мужчины, наследник престола превозносит до небес!

— Как несправедливо! Только послушайте, что она говорит! — возмутился Санэмаса, и повернувшись к сестре, щёлкнул пальцами.[152]

Санэтада написал в ответ Фудзицубо: «Для меня Ваше письмо явилось полной неожиданностью. Оно беспредельно обрадовало меня и немного утешило в моих многолетних муках.

Если бы не письмо,
Нашёл бы конец свой
В бурной реке
Моих слёз,
От которых мокры рукава.

Мне только горько оттого, что письмо, о котором я молил, уйдя от мира, я получил в связи с таким ужасным несчастьем. Когда окончится траур, я посещу Вас во время одного из Ваших редких визитов в родительский дом, принесу и своё почтение, и свою благодарность. Не будьте ко мне так безжалостны, как раньше. Только сейчас „по узкой дороге"…»[153]

Он написал это на бумаге тёмно-серого цвета и прикрепил к очень красивой ветке махровых горных роз. Думая, чем вознаградить посыльного, Санэтада взял коробку с золотом, которую в своё время ему возвратила Хёэ, и завернув её в тёмно-серую бумагу, послал архивариусу. На обёртке он написал:

«Прими этот дар.
Для меня
Нет человека дороже,
Чем тот,
Кто сегодня меня посетил.

Вечное сердце!»[154]

— А кто этот посланец? — поинтересовался он.

— Его зовут Корэкосо, с недавних пор он служит архивариусом у наследника престола, — ответили ему.

— Фудзицубо поручила ему доставить письмо, зная, что это мой старый знакомый. Попросите его незаметно прийти ко мне, — сказал Санэтада.

Он не вышел на веранду, а говорил с Корэкосо через закрытые ставни.

— Ты принёс мне очень редкое и радостное послание. Я сижу взаперти и ни с кем не вижусь, поэтому не могу принять тебя. Скажи, чтобы твоя сестра тихонько передала своей госпоже: «Это письмо так взволновало его, что он толком ничего не мог ответить. Скоро он

обязательно явится к вам с визитом. Поскольку теперь уже нет отца, который его сдерживал, он думает уйти далеко в горы, но ему о многом хочется сказать вам. Не будьте же столь бессердечны, как раньше». Пусть она передаст Фудзицубо эти слова, — говорил он, заливаясь слезами. — Прими золото, которое лежит в этой коробке. Если бы ты пожаловал сюда не в такой скорбный день, я бы снял свою одежду и вручил тебе, но… Думай, что это останки Будды, которые я приобрёл подвижничеством. Скоро я навсегда удалюсь в горы.[155]

— К чему давать такие ценности столь глупому человеку, как я? Всё равно что выбросить… — скромно ответил архивариус. — Подарок пугает меня.

— Пусть останется память обо мне, когда я уйду из этого мира, — сказал Санэтада и заставил архивариуса взять коробку.

Санэтада принесли постную пищу, но он есть не мог и только горько плакал.

— По-видимому, ты в прошлых рождениях был связан с Фудзицубо клятвами, если она так тебе сочувствует, — сказал брату Санэмаса. — К человеку, о котором знают только понаслышке, так не относятся. Разве иначе она прислала бы тебе с посыльным письмо?

— Может быть, такое предопределение и было, — согласился тот. — Когда я жил в усадьбе Масаёри, я всё время просил Хёэ, чтобы она дала мне хотя бы услышать голос Фудзицубо. Как-то она провела меня в восточную часть покоев и поставила между решёткой и занавесью, через решётку молено было заглянуть внутрь. В главных покоях занавесь была поднята и горел светильник, возле которого сидела Фудзицубо. Она играла в шашки с Первой принцессой, которая потом вышла замуж за Накатада. Затем она заиграла на кото. Увидев её, я не только не излечился от страсти, но ещё более укрепился в своих желаниях.

— Скажи мне, какова она. Которая из двух девиц показалась тебе красивее? — спросил Санэмаса.

— Ну, Первую принцессу я и не рассматривал. Я смотрел только на любимую, и думаю, что второй такой в мире быть не может, — ответил Санэтада.

— Наверное, она в действительности так прекрасна, как о ней говорят. Моя жена по сравнению с такой красавицей, по-видимому, просто замарашка, — вздохнул Санэмаса. — Однако собственная жена должна всегда быть лучше других женщин. Как хорошо, что ты безрассудно не открыл решётку и не ворвался к Фудзицубо. Но, может быть, лучше было тебе войти к той, которую ты так любил, чем потом убиваться.

— Её отец был против нашего брака, и если бы я так поступил, меня давно бы не было в живых, — ответил брат. — Не знай я Фудзицубо, я по сей день жил бы в этом мире безмятежно, как все.

— Но сейчас, когда ты получил этот счастливый знак внимания, ты можешь прекратить своё затворничество, — заметил Санэмаса.

В это время прибыл секретарь Ведомства двора наследника престола с письмом от наследника. Сёкёдэн была этим очень обрадована, и прочитав, громко произнесла:

— Как раз перед самой кончиной батюшка говорил мне, заливаясь слезами: «Я всё время беспокоюсь о твоём положении и поэтому не могу спокойно отправиться к жёлтым источникам.[156] Ты поступила на службу во дворец наследника престола, но он не относится к тебе, как к другим жёнам. И даже сейчас, когда я смертельно болен, он не выказывает жалости, его ненависть к тебе не поддаётся пониманию. Когда же я покину этот мир, что будет с тобой?» С этими словами он умер. Батюшка! Я не могу показать вам это письмо! Взгляните с небес, что пишет наследник!

— Что это за письмо? Пожалуйста, дай прочитать, — сказал Санэмаса и взял у неё послание. Там было написано:

«Когда я услышал печальную новость, сразу же хотел послать тебе письмо с соболезнованием. Но так замешкался, что, боюсь, скоро и траур кончится. Чем больше проходит времени, тем тяжелее становится на сердце. Но не надо впадать в отчаяние.

Из жизни ушёл
Тот, на кого уповала.
Но не убивайся:
Отныне
Буду тебе я опорой.

Твои братья странным образом отдалились от тебя, и заботу о тебе брал на себя твой покойный отец, потому я и не беспокоился о твоём положении. Отныне не думай, что твой отец мог бы быть недовольным. Не тревожься о будущем».

— Ах, какой стыд, — промолвил тихонько Санэмаса. — Наследник уверен, что мы оставим сестру без помощи.

— Наследник престола больше всего на свете любит ту, которая лишила меня покоя. <…> — шёпотом же отозвался Санэтада.

Сёкёдэн написала наследнику в ответ:

«С почтением прочитала Ваше письмо, очень Вам благодарна. Несчастье, которое меня постигло, столь ужасно, что я совершенно ошеломлена, и всё время провожу в горьких думах и стенаниях. В этих обстоятельствах Ваше письмо доставило мне радость и принесло некоторое утешение. Мой бедный отец день и ночь убивался обо мне. Что же теперь будет со мной?

О, если бы это письмо
Отец мог увидеть!
Горько стеная,
Как ему перейти
Последний рубеж?[157]

О, если бы я могла показать отцу полученное сегодня письмо! На то, что Вы пишете о моих братьях, отвечу следующее. Они относились ко мне плохо, потому что во дворце со мной обращались не так, как должно. По этой причине они презирали меня, а я по ребячеству сердилась и досаждала им. Но сейчас для этого причин нет. Если же когда-нибудь случится так, что Вы меня забудете, Вы оскорбите память моего отца, и для Вас самого это будет постыдно».

*** * ***

Корэкосо возвратился к Фудзицубо и вручил ей ответ Санэтада, а когда возле неё никого не было, подробно рассказал о его состоянии и обо всём, что тот говорил. Корэкосо показал ей подаренную коробку. Когда Фудзицубо открывала её, она заметила стихотворение, написанное на обёртке, и передала архивариусу:

— Ты увидел это?

Коробка была наполнена золотом.

— Это не простой подарок, никому его не показывай. Когда-то Хёэ возвратила эту коробку Санэтада. Он долго хранил её и наконец подарил младшему брату. Эта коробка находилась при Санэтада? — спросила Фудзицубо.

— Нет, он принёс её из другого помещения, — ответил молодой человек.

*** * ***

Наследник престола решил сделать декоративный столик в виде диких зарослей бамбука. Из нитей для серебряных коробок сделали сетку, какую делают для серебряных мешочков для корма, и положили её на столик, сверху насыпали чёрных благовоний и всё утыкали побегами бамбука, сделанными из аквилярии. На каждое коленце бамбука наследник велел положить капельки ртути, как росу. Он послал столик Фудзицубо. В письме наследник писал:

«Вчера и позавчера был пост, поэтому я не писал тебе. Я послал письмо в дом покойного министра, семью которого хотел навестить и выразить соболезнование. Вот какой получил я ответ от госпожи Сёкёдэн. [158] Нельзя сказать, чтобы она отличалась рассудительностью, но так она теперь думает. Кроме того, очень жалко Пятую принцессу. Отрёкшийся от престола император уже в преклонном возрасте и очень печалится, что я не вспоминаю о его дочери, поэтому в ближайшее время я хочу призвать её к себе. Но боюсь — вдруг ты вообразишь, что я увлёкся ею? Эта мысль меня останавливает. Я хочу следовать твоим словам.[159] Столик я преподношу моим маленьким сыновьям.

С холодного ложа поднявшись,
Смотрю на восток,
Где небо еле светлеет.
Сердце сжимает печаль,
И незаметно старею…[160]

Хорошо ли ты отдыхаешь? Я ни днём, ни ночью не забываю тебя. После того, как ты уехала, я ни разу не мог заснуть.

Неразлучны
Коленца бамбука.

Каждую ночь
Ложатся на них
Капли росы.[161]

Я думаю только о том, когда ты возвратишься».

Он вручил послание и столик Корэкосо.

Фудзицубо всё ещё находилась в покоях своего отца. Взглянув на столик, она воскликнула:

— Какие прекрасные побеги бамбука! — И стала по одной вынимать из чёрных благовоний палочки аквилярии.

Наследнику она написала:

«Благодарю Вас за Ваше письмо. Ответ Сёкёдэн действительно таков, как Вы считаете. Если Вы призовёте к себе Пятую принцессу, я буду только рада. Может быть, она подумает, что Вы приглашаете её по причине моего отсутствия, но надеюсь, у неё будет возможность изменить своё мнение. Я прекрасно Вас понимаю. Если отрёкшийся император очень беспокоится о своей дочери, так поскорее пошлите ей письмо.

Чуть забрезжит восток,
Вновь перед глазами встаёт
То утро,
Когда, плача,
Мы расставались.

А знаете ли Вы, что я думаю о росе?[162]

Разве только
На стебли бамбука
Слёз льётся река?
Всё платье моё
Мокро до нитки…»

— Архивариусу на этот раз вручите вот это, — распорядилась она. И Корэкосо наградили нижним платьем и вышитой шёлковой накидкой.

*** * ***

В доме Масаёри ничего интересного не происходило, всё было очень чинно. В первом восточном флигеле проживала четырнадцатая дочь со своим мужем, старшим ревизором Правой канцелярии, Суэфуса, во втором — одиннадцатый и двенадцатый сыновья министра: Тикадзуми, бывший одновременно архивариусом и младшим военачальником Личной императорской охраны, и Юкидзуми, глава Ведомства двора наследника престола, и прислуживающие дамы. Когда всё семейство Масаёри проживало у него в усадьбе, скучно не было, но после того, как все разъезжались, оживлённо бывало только во время визитов сыновей к отцу.

— Мне бы хотелось возвратиться в тот дом, где раньше жил Судзуси, — сказала Фудзицубо матери.

— Как можно жить одной в таком просторном доме! — воспротивилась та. — А вдруг все, кто был в тебя влюблён, узнают, что ты вернулась к нам, и сбегутся сюда? А если и не прибегут… Многие таят на тебя злобу, и всегда найдётся кто-нибудь, у кого появится желание очернить тебя. Это может привести к большим неприятностям. Хотя у нас и тесно, оставайся здесь.

— Кто сейчас вспоминает обо мне? — ответила Фудзицубо. — Давно, когда жила я здесь взаперти, кто-то, может быть, мною и интересовался: а вдруг она окажется самой обычной Девицей? Но после того, как я возвысилась и низкие люди распустили про меня гадкие сплетни, меня только презирают и ненавидят.

— Если кто-нибудь из бывших влюблённых и объявится, всё равно выдающихся людей между ними не найдётся,[163] — сказал советник Сукэдзуми.

— А вдруг будут и выдающиеся? — возразила сестра.

— Нет, такого быть не может, — сказал Масаёри. — Когда и я сам, и влюблённые подвергались из-за тебя немилости, это только служило мне к чести <…>. Много говорили и так, и эдак, но вспоминая о том времени, я всё больше убеждаюсь, что это было время процветания. Всё-таки нам нужно быть осмотрительными, чтобы не давать повода к пересудам.

— Кто же обо мне плохо говорит? — спросила Фудзицубо. — Если обращать внимание на всех сплетников, нельзя и шагу ступить. Я слышала, что Санэтада по-настоящему несчастен. Недавно я послала ему письмо, он

был очень обрадован и ответил мне: «Сейчас я собираюсь уйти в глухие горы и принять монашество». Если бы такую верность проявлял не человек, а какая-нибудь бессмысленная тварь, и к ней чувствовали бы расположение.

Всём её слова показались странными.

— Кроме нашей семьи, все Санэтада очень жалеют, — промолвил Тададзуми. — Прекрасно, что и ты относишься к нему с сочувствием.

— Совсем нет, — ответила она. — Просто среди всех, кто когда-то меня любил, один он до сих пор меня не забыл. Кого ещё можно назвать? Акоги и другие прислужницы часто писали ему коротенькие ответы.

— Многие продолжают любить тебя. Разве не так? — спросила её мать.

— Сейчас, кроме Санэтада, нет ни одного, — ответила Фудзицубо. — Никто не сохранил ко мне преданности. Мне говорили, что когда я начала свою ненадёжную службу во дворце, иные пришли в отчаяние, кто-то ушёл в монахи. Как горько мне было такое слышать! Лучше бы я вышла замуж за того, кто глубоко любил меня! Только об этом нельзя говорить. Кроме того, часто мне бывает очень тяжело, тоска охватывает меня,[164] — заливалась она слезами.

Её мать и советник Сукэдзуми поняли, на что она намекает, и им стало очень тяжело. Остальные же ни о чём не догадывались.

— В то время я совсем не знала жизни, и мне было всё безразлично. Но когда я сейчас вспоминаю всё, мне становится так больно! — продолжала Фудзицубо.

— Тебе, конечно, не следует находиться в доме, где живёт так много народу, — сказал Сукэдзуми. — Я первый, и все другие, каждый раз по двое, будем охранять твои покои. И — мы все, мужчины, женщины и даже дети, мы всем сердцем надеемся, что скоро ты будешь нашей повелительницей.

— Ах, что ты говоришь! Разве это возможно? — возразила Фудзицубо. — Если Насицубо родит мальчика, быть ему наследником престола. А если Пятая принцесса не отправится в отчий дом, супруг будет навещать её, и она забеременеет… Ведь в вопросах престолонаследия никаких правил нет, и случается, что наследником престола объявляют не первого сына.

— Да, неизвестно, как обернётся дело с Насицубо, — согласился Масаёри. — В нашем государстве всё делается по желанию Накатада и Канэмаса. Тадамаса, левый министр, — дядя Насицубо. Все, начиная с меня самого, вынуждены склоняться перед желаниями Накатада. Не скажу,

чтобы он был упрям или зол. Но все в его присутствии робеют и, естественно, подчиняются его словам. Наследник престола следует воле императора, а так как государь любит Накатада, то Канэмаса с сыном делают всё, что им вздумается. И если они посоветуют объявить сына Насицубо наследником престола, то без сомнения так и будет. И я ничего тут возразить не смогу. Ведь императрица — сестра Канэмаса, и её отчий дом — всё это семейство <…>.

— Увы, трудное положение! — вздохнул Сукэдзуми. — Но это всё разговоры. Если даже у Насицубо родится сын, Накатада не станет интриговать в его пользу. Он сейчас относится к сыновьям Фудзицубо с большой теплотой. В день крысы, истратив все семь видов сокровищ, он сделал удивительные игрушки. Одевшись в нарядные одежды, отправился к детям и своими руками кормил их. Император питает к нему большое доверие; и я, со своей стороны, не могу заметить в нём тайного коварства.

— Вот то-то и оно! Даже мои собственные дети расположены к нему! — вышел из себя Масаёри.

— Почему среди тех, кто будет охранять Фудзицубо, нет меня? Я тоже хочу быть полезным, — вступил в разговор Тададзуми.

Он стал составлять распорядок: «Юкидзуми <…> Тикадзуми быть при Фудзицубо не может, так как он занят на службе в Императорском дворце. В покоях Фудзицубо поставим одного человека.[165] Если двое в течение шести дней будут охранять её, то это выйдет шесть пар». Тададзуми составил список своих младших братьев, которые должны нести охрану. «А остальные пусть прислуживают Фудзицубо при трапезе», — приписал он, подписал и передал бумагу Мияако.

— Отдаю это тебе, — сказал Тададзуми. — Прикрепи к столбу в покоях Фудзицубо. Тех, кто будет небрежно относиться к обязанностям, ругай, даже и своего старшего брата.

Мияако, явно довольный, взял бумагу.

— Но пока мы здесь, не проводить ли тебя в тот дом? — предложил сестре Сукэдзуми.

— Я чувствую себя не очень хорошо и хотела бы побыть в покое и отдохнуть. Я ещё вернусь сюда, — ответила Фудзицубо и отправилась в бывший дом Судзуси.

Все без исключения прислужницы четвёртого и пятого рангов сели в экипажи, и Фудзицубо переехала в сопровождении большой свиты. Сыновей её посадили в экипаж, а толпа домочадцев следовала за ними.

* * *

— Интересно, почему Фудзицубо отправилась туда? — задумчиво произнёс Масаёри.

— Да, что-то тут не так, — ответила его жена. — Не решила ли она, что отношение к ней здесь изменилось?

— Щекотливое положение! — вздохнул Масаёри. — В своё время о ней повсюду только и говорили, и я был вынужден отправить её на службу к наследнику.

— Не надо тревожиться, — успокоила его жена. — Отдав её служить во дворец <…>. Но слыша, как он, приходя во дворец, играет на кото, она, должно быть, по молодости завидует.

«А скоро он начнёт учить играть на кото Инумия. Вот тогда-то моей дочери наверняка придётся завидовать», — подумал про себя Масаёри.

* * *

Всё в доме, где находилась Фудзицубо, было устроено очень красиво. Вдоль ручьёв пышно цвели махровые горные розы, вокруг пруда стояли сосны с ветвей которых свисали глицинии. Великолепные вишни, клёны и другие деревья чаровали взор. Были устроены водопады и скалы — нигде в другом месте такого не увидеть, Судзуси, имевший особый талант к разбивке садов, устроил всё самым замечательным образом, несмотря на то, что этот дом был его временным жилищем. В западном флигеле утварь сверкала даже ночью, такой утвари нигде больше не сыщешь. Главное помещение было выстроено по образцу дворца Чистоты и Прохлады, но из-за скромной обстановки сходство с императорскими покоями скрадывалось. Помещение было разделено на две части: восточную и западную. В восточной поселили старшего сына Фудзицубо с четырьмя кормилицами, двумя юными служаночками и двумя служанками низших рангов. Всё здесь было предусмотрено. Восточный флигель отвели дамам, прислуживающим Фудзицубо. Во многих других помещениях располагались разные службы, начиная с домашней управы. В двух восточных флигелях поместились Миякo и второй сын Фудзицубо, а на запад от них — его кормилица. В западном флигеле расположилась прислуга сыновей наследника престола и слуги самой Фудзицубо, а кроме

того множество знатных дам четвёртого и пятого рангов. В следующем флигеле поселились слуги братьев Фудзицубо, в западном коридоре — другие прислужники. К юго-востоку от дома стояли ворота. Дом был просторен, но народу в нём жило так много, что было тесно. Братья Фудзицубо появлялись здесь каждую ночь, с большим запасом коробок из коры кипарисовика, наполненных едой, и ходили перед покоями сестры и перед служебными помещениями.

* * *

От правого генерала доставили написанные на бумаге разного цвета четыре свитка прописей, которые были привязаны к усыпанным цветами веткам, а на имя Соо Накатада прислал письмо:

«Я сам должен был бы Вам всё это принести… Прописи для наследника престола, о которых мне было приказано, я отнесу во дворец. Четыре же свитка прописей, которые я отправляю с посыльным, предназначены для Молодого господина. Пожалуйста, передайте, что они недостойны того, чтобы он по ним учился, но поскольку госпожа изъявила желание, я поспешил его выполнить».

А в конце было приписано: «А какие прописи нужны Вам самой? Для меня было бы честью…»

Свитки принесли Фудзицубо, и она начала их рассматривать. Свиток, прикреплённый к ветке горных роз, был написан на жёлтой бумаге, и сверху стоял иероглиф «весна», написанный уставным почерком. К ветке сосны был привязан свиток на зелёной бумаге, и на нём скорописью был написан иероглиф «лето». К ветке цветов унохана был привязан свиток на красной бумаге, написанный по системе «Собрания мириад листьев». Сначала шло стихотворение «Небо и земля»,[166] написанное почерком не мужским и не женским,[167] а затем стихотворения, первое из которых было написано мужским почерком, то есть каждый знак отдельно, а последующие различными почерками.

«Сколько раз
В жизни моей
Писал иероглиф «весна»!
Но ни один из них

Не похож на другой…»

Женским почерком было написано:

«На ученья тропе
До сих пор
В потёмках брожу.
О, если б мой почерк
Был похож на птичьи следы!»[168]

Опять же женским почерком:

«Если б мой почерк
Полёту птицы
Мог уподобиться,
Стопа тетрадей моих
Достигла бы облачных высей».[169]

Нижеследующее стихотворение было написано знаками катакана:[170]

«Не забывай,
Что верное сердце
Ни в одном
Из миров
Не должно измениться».[171]

Почерком «заросли тростника» было написано:

«Слёзы не могут
Заводью стать,
Но бурным потоком

Льются из глаз
И мочат рукав мой».

Весь этот свиток был написан крупными знаками.

— Обычно Накатада очень неохотно показывает кому-либо своё мастерство, а сейчас он написал прописи самыми разными почерками! Я недавно попросила его в шутку… Наследник престола уже давно хотел получить от него прописи, и наконец вот они. Я сама отвечу ему. Кто доставил всё это? — спросила Фудзицубо.

— Посланец вручил мне свитки и сразу же ушёл, — ответила Соо.

— Как ты глупа! — рассердилась госпожа. — Позаботься вернуть посыльного, который принёс эти драгоценные свитки.

Выбрав толстую белую бумагу и сложив лист вдвое, она написала:

«Ведь сказано: „Не меня ли он сначала навещал?"[172] Вот и я получила Ваш подарок. Прописи, написанные разными почерками, доставили мне огромную радость. Будьте же учителем моих детей и научите их каллиграфии и всему остальному. О чём Вы спрашиваете в самом конце письма? Я с беспокойством подумала, что Вы, быть может, обращаетесь к кому-нибудь другому…»

Она старалась писать как можно лучше, выводя тушью крупные знаки.

— Пошлите с этим письмом кого-нибудь пособразительнее. Пусть он передаст письмо генералу и сразу же возвращается, — распорядилась она.

В это время пришло письмо от наследника престола: «Как теперь ты себя чувствуешь? Письма приходят даже ночью, и хоть я готов связать себя обетом,[173] но мне хочется видеть тебя каждый вечер. Отправиться к тебе невозможно, и мне ничего не остаётся, как терпеть. К Пятой принцессе, о которой писал, ходил всего один раз.

Даже в тени
На горе Цукуба
Расположившись,
Тебя ни на миг
Забыть не могу.[174]

И этой ночью непременно хочу видеть тебя. Если ты исчезнешь из этого мира, что станет с нашими детьми?[175] Подумай об этом, и вряд ли

жизнь покажется тебе столь ненавистной».

— Когда наследник отправился к Пятой принцессе? Сколько раз принцесса приходила к нему? — расспрашивала Фудзицубо посыльного.

— В первый день наследник престола отправился к императору. Пятая принцесса провела с наследником только одну ночь. Он каждый день упражняется в сочинении стихов, учителя приходят к нему во дворец. А вечером допоздна он упражняется в каллиграфии, — рассказал тот.

Фудзицубо написала в ответ:

«У меня постоянно отчего-то плохое расположение духа, и я беспокоюсь: что будет дальше? Я хотела бы вернуться к Вам. Это желание появляется у меня всякую ночь, но мне не дают здесь даже пошевелиться. Выйти же из дома, чтобы никто меня не увидел, совершенно невозможно. Вы написали: „расположившись в тени", — правда ли это?

Вряд ли меня
Ты вспоминаешь.
В густой тени
На горе Цукуба
Нежишь себя.[176]

Мне грустно только по этой причине. Я очень рада тому, что Вы „всего один раз" навестили принцессу. Но если Вы будете ходить к ней часто, вряд ли Вы долго сможете оставаться беззаботным…»

Пришёл ответ от правого генерала на письмо, посланное ему утром:

«Пока я собирался нанести вам визит, получил Ваше письмо. Мне хотелось лично прийти к Вам и принести свои извинения, но до сих пор находился на службе у императора. Служба была трудной, и выйдя из дворца, я сразу отправился домой. Мне и самому хотелось быть полезным молодым господам, а после Ваших слов я готов с радостью служить им даже в качестве чиновника домашней управы или низкого слуги. Что Вы имели в виду, когда писали: „В мире не остаются"?[177] В Вашем письме несколько слов прочитать невозможно…

Птичьей стаи
Следы
На моём рукаве

Давным-давно
Слёзы размыли…[178]

Из-за пятен не могу хорошенько разобрать Ваше письмо»

*** * ***

На следующий день Фудзицубо велела Соо расчесать ей волосы. В тот день кроме Соо при ней находились Хёэ и Моку. Принесли кашу и стали накрывать столики.

— Недавно мне показали коробку, которую я видела когда-то давно, и мне стало очень грустно, — сказала Хёэ.

— В эту коробку помещается три тысячи рё, — заметила Соо.

— В неё входит всего двести рё, — возразила Хёэ. — Из этой коробки одаривали многих, и моему брату мало что осталось.

— Странно ты рассчитываешь… — промолвила госпожа.

— Мне кажется, там было больше, чем двести рё, — сказала Соо. — Как странно вспоминать сейчас о тех временах! Советник Санэтада, который раньше так страдал от любви, теперь на досуге, должно быть, спокойно вспоминает об этом. Как только наша госпожа возвращается в отчий дом, сразу же оживает былое. Когда вы заточены во дворце наследника престола, то всем нам одна тоска! Но сейчас вы живёте отдельно от наследника, и если бы возвратились былые времена, что бы тут было!

— Никто не вёл себя так, как Санэтада, — вспоминала Хёэ. — Он часто зазывал меня к себе в комнаты, где мы оставались совершенно одни, но я от него слышала только: «скажи да скажи своей госпоже, скажи то, скажи это». Даже в шутку он не заигрывал со мной. Теперешние молодые люди себя так не ведут. А Санэтада ныне совсем удалился от мира.

— Почему все на свете разбалтывают тайны? — сказала дама по прозванию Сёсё. — Но твои слова никто не примет всерьёз.

— Да ведь к нам и подойти страшатся, — ответила Хёэ. — Кто же может услышать?

— Серьёзных людей на свете нет, — сказала Соо.

— Да, это так, — поддакнула Моку. — Серьёзна только одна Хёэ.

Мать этой самой Соо, по прозванию Соти, была удивительной

красавицей и очень бойкой на язык. Судзуси как-то нанёс ей визит, но она сочла это шуткой и всерьёз не приняла. У неё было три дочери, старшая служила у Фудзицубо! средняя — в доме Накатада, а младшая — в доме Судзуси.[179] Соо, которая служила у Фудзицубо, раньше была очень хороша собой, у неё были длинные волосы, и она вызывала зависть у многих чопорных красавиц. Эта Соо не могла забыть, как в своё время Накатада приходил к ней, только о том и думала, и хотя многие красивые и благородные господа за ней ухаживали, она не обращала на них никакого внимания. Соо не покидала госпожу свою даже на короткое время. Её тётка жила в провинции Ки и во всём ей помогала, заботилась, чтобы у племянницы были и юные служанки, и слуги. Накатада тайно посылал ей изысканные подарки, но когда он женился, это прекратилось. Хёэ была похожа на ребёнка, волосы её стелились по полу на один сяку. Она была очень вспыльчива. Моку была полненькая, очаровательная, волосы у неё были замечательные. Акоги была похожа на Хёэ, с красивой головой и фигурой, волосы её стелились по полу на один сяку. Акогими тоже походила на Хёэ, она одевалась по самой последней моде и была очень остроумна.

*** * ***

В двадцать восьмой день третьего месяца Первая принцесса с младшими сёстрами села в экипаж и в сопровождении множества чиновников четвёртого и пятого рангов, а также сыновей Масаёри отправилась к Фудзицубо. Господа высадили принцесс из экипажей и разошлись по домам. Гостьи были одеты в обычные платья, а Фудзицубо к их приезду переоделась в платье из гладкого лощёного шёлка и китайское платье серого цвета на такой же подкладке.

— Я сама хотела отправиться к тебе, но возле тебя неотлучно находится Накатада, и я не решалась. Пока я колебалась, ты сама пожаловала ко мне, я очень смущена, — говорила Фудзицубо.

— Почему же ты стесняешься Накатада? — удивилась Первая принцесса.

— Я привыкла к жизни в отчем доме, с незнакомыми людьми общалась редко. Одной мне бывает скучно, но с чужими мне не по себе. Я всё недоумеваю, почему считают, что служба в императорском дворце делает человека более общительным, — ответила Фудзицубо.

— Здесь часто собирается близкий круг, и мужчины и женщины. Мы то музицируем, то что-нибудь рассказываем. И постепенно я отдаляюсь от тех, кто отсюда уехал,[180] долго не пишу им писем и от них вестей не имею — это очень меня тревожит. Когда же я обращаюсь к тому, кого постоянно стыжусь,[181] у меня на сердце становится тяжело. Я с тоской вспоминаю, как раньше мы с тобой жили вместе, и сразу же хотела приехать к тебе, но выбралась только сегодня, — сказала принцесса.

— Почему же ты не взяла с собой Инумия? — упрекнула принцессу Фудзицубо. — Мне прежде всего хотелось бы увидеть её.

— Накатада всё время держит её возле себя, — объяснила та.

— Вы прячете её от меня? — удивилась Фудзицубо. — В юности я видела всех твоих младших сестёр, когда они были в том возрасте, в каком сейчас Инумия.

— Инумия всегда находится рядом с Накатада, а к нему не подойдёшь. Он никак не может налюбоваться на собственную дочку и всё время запирается с ней, как с задушевным другом, — рассказывала принцесса.

— Я не перестаю сожалеть о том, что в день рождения Инумия не слышала замечательной игры на кото. Я просила дозволения посетить отчий дом, но ни экипажа мне не подавали, ни разрешения я не получила. Очень, очень мне жаль! Наследник престола говорит: «Надо в скором времени что-нибудь придумать, чтобы заставить Накатада поиграть на кото. Когда я его приглашаю, он не приезжает, но я даже готов отправиться к нему домой и просить поиграть». Но я-то в тот День могла услышать, как он играет, и когда я думаю об этом, то чувствую такую зависть! Кто первым играл тогда? На каком инструменте? — спрашивала Фудзицубо.

— Играли на кото, которое хранилось на Третьем проспекте. Первым играл Накатада. А когда заиграла его мать, звуки были такими печальными, что все просто заливались слезами. Слушая её игру, я забыла о всех своих мучениях и поднялась с постели. Но потом звуки сделались бурными, мне стало страшно, грудь затрепетала, — рассказывала принцесса.

— Да, она играет именно так, — подтвердила Фудзицубо. — В ту ночь, когда она играла во дворце Чистоты и Прохлады, я расплакалась и умоляла отца[182] дать мне послушать её. Он страшно разгневался, точно лишился рассудка, но в конце концов взял меня с собой. Так я услышала, как играет; мать Накатада. Я думала при этом: не возродилась ли ошибкой небожительница на земле? Ах, я всё болтаю о себе… Но вот как играет Накатада, я так и не слышала.

— Мне самой ещё не удавалось хорошенько его послушать, — призналась принцесса. — Несмотря на все мои просьбы, он ни разу мне не играл. Он только твердит: «Если бы ты была Фудзицубо, я бы тебе передал полностью своё искусство. В нашем мире одна она может играть произведения, которые хранятся в нашей семье. Когда неожиданно для меня самого ты стала моей женой, Фудзицубо, наверное, подумала, что мои чувства к ней изменились. Жаль, если это так!»

— Ах, что ты говоришь! Быть этого не может! — воскликнула наложница. — Ты вообразила себе невесть что. Ты его жена, и если бы ты день и ночь укоряла его, он не смог бы отказаться учить тебя.

— Я так и делаю, но он не соглашается. Он говорит: «Скоро император отречётся от престола, и я буду играть перед ним множество различных произведений. Этим я хочу выразить ему благодарность за то, что находясь на престоле, он так милостиво относился ко мне. Когда я буду играть перед ним, приезжай во дворец и услышишь, как я играю».

— Замечательно! — обрадовалась Фудзицубо. — Если это состоится, ты мне заранее напиши письмо. Я отправлюсь туда тайком. Пожалуйста, не забудь о моей просьбе. Ты в будущем сможешь столько раз слушать Накатада, что тебе и надоест. Когда он начнёт учить Инумия…

— Ну, до этого ещё далеко, — сказала принцесса и заговорила о другом: — А как твои волосы? У меня все волосы выпали.

Они начали сравнивать, и оказалось, что у Фудзицубо волосы были длиннее только на три сун.

— Раньше у нас были волосы одинаковой длины, а сейчас у тебя насколько длиннее! — говорила жена Накатада.

У Второй же принцессы волосы достигали подола платья и были удивительно похожи на волосы старшей сестры. Она вообще имела большое сходство с сестрой, но была немного полнее. Вторая принцесса отличалась чрезвычайно любезными манерами. Третья принцесса была ещё совсем молоденькой, очень изысканной и стройной. Волосы её были немного длиннее подола платья.

Накатада прислал дамам еду в коробках из кипарисовика, вино, лепёшки, завёрнутые в два листа камелии, а Масаёри груши, мандарины, цитрусы татибана, завёрнутые в солому и листья тростника. Отовсюду принесли множество изысканных яств. Первой принцессе прислуживали дамы Соо и Тюнагон, а Фудзицубо — Соо и Хёэ. Между сёстрами Соо завязался разговор о принце Камуцукэ, который приходился им родственником.

— Как может он не догадываться, что взял в жёны дочь слуги? —

спросила старшая сестра.

— Совершенно ни в чём не сомневается, — ответила средняя. — Как-то раз я задала этот вопрос пришедшему от Камуцукэ человеку, и он рассказал мне: «Кто-то сказал Камуцукэ, что Девятая дочь Масаёри служит во дворце наследника престола. Принц приказал его связать, сильно избить и не выпускать. С тех пор никто даже не заикается о том». Принц действительно очень любит свою жену. <…>

— Похоже, что он помешался, — заявила старшая. — О нём ходят злые сплетни. Как подумаю, что господин Масаёри услышит то, что говорят о принце, так не знаю, куда деваться со стыда.

— Я тоже этого боюсь, — поддакнула сестра. — Люди судачат и смеются над его поступками. Принц же говорит своим сыновьям: «Все они завидуют мне».

— О чём вы болтаете? — вмешалась в их разговор Фудзицубо и обратилась затем к Соо: — Твоя сестра будет ещё некоторое время здесь, и приходи к ней, когда ты не сопровождаешь принцессу.

— Я так и собиралась сделать, но коли моя госпожа прибита к вам с визитом, я и подумала, что могу заодно поговорить с сестрой, — оправдывалась та. — Несколько дней назад в доме генерала поднялся большой переполох. Письмо, которое вы изволили прислать, доставил слуга низкого ранга, я в то время находилась в доме, но докладывать о нём не стала, и генерал мне потом выговаривал: «Почему же ты не доложила, что пришёл посыльный? Ты удивительно легкомысленно относишься к своим обязанностям». Я не знала, как быть, — генерал, который обычно ко всему относится хладнокровно, тут пришёл в такое скверное расположение духа. Потом он прочитал письмо и заявил: «Нет ничего драгоценнее этого письма! Но если ты и впредь будешь вести себя в том же духе, вряд ли мне удастся получать от неё письма». Он спрятал письмо в шкафчик, чтобы его никто не взял. Вот как сурово он обошёлся со мной.

— Прописи, которые сейчас находятся у кого-то из прислуживающих принцу, Накатада написал с особым старанием, и я бъша очень рада, когда их получила, — сказала Фудзицубо. — Я только была непростительно небрежна и письме не послала.

Наступил вечер. Охранять покои Фудзицубо в ту ночь должен был второй военачальник Императорской охраны Сукэдзуми. С ним вместе пришли другие сыновья и дочери Масаёри. Среди них была и Вторая принцесса, а потому Тикадзуми прошёл в трапезную, где расположились женщины.

— Очень давно мы не музицировали вместе. Не поиграть ли нам что-

нибудь? Ты ведь продолжаешь заниматься музыкой? — обратилась Фудзицубо к Первой принцессе.

— Я давно ничего не играла, — ответила та. — Как только я от скуки, бывало, сяду за кото, Накатада начнёт смеяться надо мной: «Играешь без всякого чувства! Какой позор!» Поэтому я за инструмент теперь не сажусь. Ах, хоть сегодня поиграю в тайне от него!

Фудзицубо села за катати-фу, Первая принцесса — за ямамори-фу, Вторая принцесса — за цитру, Третья — за лютню, средняя сестра Соо — за японскую цитру. Когда все расселись, Первая принцесса и Фудзицубо начали играть вместе. Звуки их кото были обворожительны.

— Удивительно! Ты играешь совсем как Накатада. Как это возможно? — удивилась Первая принцесса.

— Ах, перестань! — остановила её Фудзицубо. — Мне ни разу даже не приходилось слышать, как играет Накатада.

— Ты, наверное, слышала его издалека. Может быть, в ту ночь?[183] А мне он ни за что не даёт послушать, — пожаловалась принцесса.

— Какой нелепый пошёл у нас разговор! Но смотри, и во сне не проговорись мужу, как я играю! — предупредила принцессу Фудзицубо.

Потом все дамы заиграли вместе.

В это время Накатада как раз пришёл за женой; услышав музыку, он тихо приблизился к веранде и стал там, а музыкантши, не подозревая о его присутствии, играли разные произведения, одно за другим. Накатада с изумлением думал: «Так я играл во дворце Чистоты и Прохлады. Каким образом можно было перенять мои приёмы? Если бы играл придворный, я бы решил, что он тогда слышал меня. Как это странно!»

Дамы, играя прекрасные произведения, приходили во всё большее воодушевление и уже совершенно не думали о том, слушает их кто-нибудь или нет. Сукэдзуми, Тикадзуми и Юкидзуми, приподняв в соседнем помещении занавесь, могли заглянуть в комнату, где находились музыкантши. Накатада тихонько поднялся по лестнице, и устроившись между решёткой и занавесью, искал дырочку, чтобы заглянуть внутрь, но занавеси были новёхонькими, и он не находил ни одной щёлочки. У него не было ничего, чем бы разрезать ткань, и он стоял, не зная, что делать. Музицирование продолжалось до полуночи. Когда дамы окончили играть, они принялись за еду.

Накатада, который всё ещё стоял за занавесью, кашлянул и спросил:

— Здесь ли Соо?

И принцессы, и Фудзицубо — все переполошились: «Ах, какой страх! Кто это пришёл так поздно? Наша охрана всегда так беспечна!»

Они ничего не отвечали.

Сукэдзуми в испуге вышел на веранду. Увидев, что это Накатада, он велел устроить для него сиденье.

— Я пришёл сюда, в твоё караульное помещение, чтобы тоже охранять дом, — сказал Накатада и вошёл в южные покои.

Там в юго-западном углу стояла резная ширма высотой в три сяку, и были разложены подушки, обшитые китайской парчой, которые Судзуси приготовил к приезду Фудзицубо. Принцессам и Фудзицубо стало жалко Накатада, и они тоже перешли в южные покои. Накатада с Сукэдзуми сели в комнате, а на веранде расположились другие сыновья Масаёри. Накатада через Соо передал жене: «Я был в усадьбе на Третьем проспекте и сейчас иду домой. Меня беспокоит, как там, Дома. Сегодня ночью ты не собираешься домой?»

— Раз в кои веки я встретилась с Фудзицубо и хочу ещё немного побыть с нею, — ответила жена. — Как это ты оставил Инумия совсем одну?

«Мне не хватает только быть кормилицей», — подумал генерал.

Ночь уже подходила к концу.

— Странно, как эта ночь напоминает мне былое, — сказал Сукэдзуми. — Случалось, и ты приходил в наш дом…

Рассвело.

Ранним утром Накатада возвратился к себе. Он послал жене письмо:

«Вчера вечером я слышал, как вы играли на кото. Мне уже

Давно говорили,
Как ты играешь на кото.
Но вчера наконец
Мне удалось
Прелестные звуки услышать!

Дома мне очень грустно. Меня призывают во дворец, и я должен идти туда. Сегодня вечером я приеду за тобой».

— Ах, я так и думала! — восхищённо заметила Фудзицубо. — Ещё раннее утро, а он уже прислал письмо.

— Ты не в том видишь причину, — отозвалась принцесса, — Накатада всегда прежде говорил, что только ты можешь по-настоящему исполнять музыку, а вчера ты играла очень редкие произведения, и он, конечно,

решил, что твоя игра стала ещё замечательней. Возможно, он отметил, что и я хорошо играю, Накатада ведь всегда слушает, когда я сажусь за инструмент. А Вторая принцесса прекрасно играла на цитре, она подаёт большие надежды.

Ответа мужу принцесса не написала.

Не получив от неё письма, Накатада очень расстроился и, опечаленный, отправился во дворец.

Вечером от него пришло письмо: «Я собрался было уходить из дворца, но государь велел закончить чтение записок моего деда, которое я начал в прошлом году. В записках иногда встречаются трудные места. Смогу покинуть дворец только завтра вечером».

Прочитав письмо, принцесса велела передать на словах: «Что ж, хорошо», а ответа не написала. Мать её, госпожа Дзидзюдэн, находилась во дворце и послала зятю смену одежды.

Рано утром архивариус принёс письмо от наследника престола:

«Целый день на душе тоска. Хочу пойти, но <…>. Я был бы рад, если бы ты тосковала, как я.

Ветер напрасно
Кружит над морем.
Но не видно волн белых.
Но, может быть, скоро
Взволнуется водная гладь?[184]

Ты не сдержала обещаний».

— А что ты ему обещала? — полюбопытствовала Первая принцесса.

— Должно быть, ему кто-то сказал, что я потому не возвращаюсь к нему, что я его не люблю, — засмеялась Фудзицубо.

— Все говорят то, что взбредёт им на ум, — сказала принцесса.

— Что всё это время делал наследник? Кто из жён находится рядом с ним? Кому он посылает письма? — принялась расспрашивать архивариуса Фудзицубо.

— Каждый день он занимается изящной литературой, вечером до глубокой ночи — каллиграфией, — рассказывал Корэкосо. — С начала этого месяца Пятая принцесса призывалась в его покои три раза, а один раз наследник отправился к ней сам. Другие жёны у него не бывают. Он послал один раз письмо госпоже Рэйкэйдэн, дочери левого министра

Тадамаса. Трижды в этом месяце наследник посылал письма Насицубо. Прошлой ночью он отправил меня к ней. У Насицубо в то время был её отец, генерал, он очень щедро меня угостил.

— Он посылает к Насицубо только тебя? — допытывалась Фудзицубо. — Чем тебя наградили?

— Мне дали полный женский наряд, — ответил он.

— Насицубо всё ещё имеет на него влияние? — спросила принцесса.

— Сейчас она ему нравится, — ответила Фудзицубо. — У неё доброе сердце, и он её очень любит. Её отец и брат такие красавцы, что зависть берёт, а Насицубо, как говорят, похожа на брата. Все другие жёны постоянно злословят, а от неё никто не слышал дурного слова. Дочь министра Тадамаса порядочна, но сурова, она всему предпочитает размышление и малоразговорчива. Дочь принца Сикибукё лицом похожа на Соо, но насколько я знаю, в ней ничего особенного нет. Дочь советника Масаакира невысокая ростом, она большая искусница. Пятую принцессу я видела сама. Очень красива, сияет как полная луна, без единого изъяна, всё бы на неё любоваться. Наследник очень её уважает, чувства её благородны, но уж очень она своенравна, требует, чтобы к ней относились с особым почтением, упряма, поэтому с наследником не ладит,

Фудзицубо ответила наследнику престола:

«Благодарю Вас за Ваше письмо. И я во что бы то ни стало хочу быть рядом с Вами. С каждым днём разлука для меня становится всё мучительней. Вы сетуете, что не видно белых волн…

Не сердись же за то,
Что море спокойно.
Не ты ли сделал,
Что белые волны
Нынче не плещут?»[185]

Накатада опять прислал из дворца письмо жене: «Я снова и снова пишу тебе, но ответа не получаю. В чём дело? Я всё время с тревогой думаю, отчего у тебя такое отношение ко мне, и читая перед государем, то и дело допускаю ошибки. Государь смеётся, репутация моя потеряна.

И сегодня никто

Не топчет лугов
На Касуга склонах.
Видно, цветов лепестки
Уже развеяло ветром.[186]

Как себя чувствует Инумия? Обязательно ответь мне». Прочитав письмо, Фудзицубо сказала:

— Его почерк очень похож на почерк наследника престола. Один другому ни в чём не уступает. Пока Накатада находится у императора, принеси-ка Инумия сюда. Ведь когда он вернётся, этого нельзя будет сделать.

— Накатада строго-настрого запретил кормилицам выносить Инумия, — ответила принцесса. — Кто бы ни захотел увидеть Инумия, кормилица Тайфу под тем или иным предлогом непременно отказывает.

— Но всё-таки, пока Накатада не вернулся, принеси её. Если я упущу этот случай, я её так и не увижу, — настаивала Фудзицубо.

— Даже моя бабка хорошенько её не видела, — отвечала принцесса. — Накатада на меня никакого внимания не обращает, со мной даже не говорит, но над Инумия он страшно трясётся. Когда он уходит из дому, он несколько раз велит, чтобы её никому не показывали.

— Почему же он так важничает? — удивилась Фудзицубо. — Почему Накатада заставляет вас так себя вести? Делай что тебе хочется, ты не должна во всём следовать указаниям мужа.

Посыльный попросил передать принцессе: «Господин сказал мне, что если я приду без ответа, он меня не будет больше держать на службе. Пожалуйста, напишите ответ. Если меня прогонят со службы, я не знаю, что буду делать».

— Твоей вины нет никакой, — обратилась к нему принцесса. — Просто здесь ничего особенного не происходило, вот я и не писала. Но отвечу ему, чтобы избавить тебя от неприятностей.

Она взяла кисть и написала:

«Я прочитала твоё письмо, но поскольку здесь не произошло ничего такого, что могло бы обеспокоить тебя, я и не ответила. Твоё стихотворение о горе Касуга поразило меня своим унынием.

На горные склоны
Ничья нога не ступает.

Где было видно,
Чтоб осыпались цветы,
Не ожидая ветра порывов?[187]

Что я могу сказать об Инумия».

Наступил вечер. Накатада покинул дворец и сразу же отправился за женой.

Фудзицубо велела положить подушки и усадить его на веранде. Накатада распорядился, чтобы передовые были готовы к выезду, и приказал подвести экипаж к дому. Жене он послал записку: «Я освободился и, полагая, что ты собираешься домой, пришёл за тобой».

«Мы очень долго не виделись с Фудзицубо, и нам теперь не наговориться. Мне хочется побыть с нею сегодня и завтра. Пожалуйста, возвращаться домой», — ответила принцесса.

«Поедем сейчас домой, потом ты опять вернёшься сюда», — продолжал просить генерал.

«Ты поднимаешь шум из-за пустяков», — ответила она.

Фудзицубо стала её уговаривать:

— После службы во дворце он хочет, по-видимому, отдохнуть. Побудь с ним, а я перейду в другую комнату.

— Ничего не случится, если я не выйду к нему, — отрезала принцесса.

Накатада не хотел насильно заставить жену вернуться домой и пребывал в нерешительности. Наконец он сказал:

— Если так, то я проведу ночь здесь.

Фудзицубо распорядилась поставить в южных передних покоях ширмы, расстелить постель и пригласить туда генерала.

— Как это всё неудобно! Здесь и без него тесно. Пусть отправляется к Инумия! — рассердилась принцесса.

— Что ты говоришь? Спать рядом с Инумия? — воскликнул Накатада и ушёл в помещение, где расположились господа, которые явились охранять Фудзицубо.

В тот вечер еду готовили помощник управляющего делами наследника престола с сыновьями Масаёри, и везде — в трапезной Фудзицубо, в помещении для прислужников её детей, в общей трапезной — было много народу. Перед Фудзицубо, Первой принцессой и её сёстрами, перед детьми наследника престола поставили квадратные подносы и принесли еду. Накатада подали то же, что и его жене. Но он есть не стал и, отослав яства господам, охранявшим дом, лёг спать. От Фудзицубо ему принесли

покрывало. Сопровождающие Накатада расположились кто где. Им тоже принесли угощение.

— Подойди сюда, к этой занавеси, я хочу что-то тебе сказать, — упрашивал Накатада жену.

— Это невыносимо наконец, — рассердилась принцесса и ушла спать за полог.

Все разошлись по своим покоям.

В полночь из усадьбы на Третьем проспекте от Канэмаса принесли Накатада записку: «Загляни к нам. Срочное дело».

— Что случилось? — испугался генерал.

— Госпожа Насицубо чувствует себя плохо, — доложил ему посыльный.

— Передай вот что: я только что возвратился из императорского дворца, чувствую себя так плохо, что не разберу, где восток, где запад, немного отдохну и сразу же приду.

— Я всё передам. Но туда не входите из-за скверны, — сказал посыльный.

— Так кто же? — воскликнул Накатада.

— Мальчик! — ответил тот.

— От наследника престола был гонец? — спросил генерал.

— Я не знаю. Меня спешно отправили сюда, и я никого не видел, — ответил посыльный и возвратился на Третий проспект.

Стало светать. Накатада через даму по имени Тюнаго передал жене о том, что произошло на Третьем проспекте и добавил: «Сейчас пойду туда, садиться не буду и сразу же возвращусь».

— В чём дело? — спросила Фудзицубо.

— Говорят, что у Насицубо родился мальчик, — ответила ей принцесса.

— Какая досада! — воскликнула та.

Генерал побыл на Третьем проспекте, ни к чему там не прикасался, затем вернулся в усадьбу Масаёри. Он опять уговаривал принцессу возвратиться домой. Вечером Накатада отправился на Третий проспект навестить Насицубо.

В покоях Фудзицубо появился архивариус Корэкосо, который пришёл сам по себе, без поручений от наследника. Фудзицубо позвала его в комнату и стала расспрашивать:

— Сколько гонцов послал наследник к Насицубо?

— Наследнику престола никто о положении госпожи Насицубо не докладывал <…>. А когда пришло известие о том, что она очень мучается,

он очень испугался и посылал меня туда ночью и сегодня утром, — рассказывал Корэкосо звонким голосом. — Родился мальчик. Говорят разное, но у госпожи Насицубо точно родился мальчик. Наследник престола как будто хотел не мальчика.

Фудзицубо делала вид, что она его даже не слушает, ей это всё было явно неприятно, и она не произносила ни слова.

* * *

В доме Канэмаса на третью ночь после рождения младенца устраивался пир. На пятую ночь угощение для пира готовил Накатада, а на седьмую, как всегда в таких случаях, пришёл гонец с поздравлениями от наследника престола. Помещение для роженицы было вычищено и красиво убрано. Во дворе под шатрами всю ночь пировали Канэмаса со своими подчинёнными, там же находились и прислуживающие Насицубо. Ночь напролёт звучала музыка. Пришли поздравления от Масаёри, императрицы и жены Масаёри. К Канэмаса прибыли сыновья Масаёри, муж его четвёртой дочери Санэёри, Сукэдзуми, Тикадзуми, а также младший военачальник Левой личной императорской охраны[188] и второй военачальник Личной императорской охраны, служивший в то же время главным архивариусом.[189] Пришли важные сановники, старший советник министра Тадатоси и его младший брат, советник сайсё. Собралось много гостей. Подготовкой пира на девятый день занимался Накатада. Были приготовлены обычные в таких случаях серебряные подносы, сумимоно, [190] связки монет для ставок в играх.

Канэмаса радовался внуку беспредельно. Он взял его на руки сразу же, не дождавшись, пока перережут пуповину.

— Разве у кого-нибудь есть такой замечательный внук? Только наследник престола в младенчестве был таким же. Как было бы чудесно, если бы Насицубо через год или два, возвратившись к наследнику престола, родила второго такого ребёнка! — ликовал он.

— Недаром говорят: счастливчики рождаются позже всех, — сказала его жена. — И это твой внук! Ты, конечно, уже думаешь о другом. Разве императрица-мать не бабка Насицубо? Разве твоя младшая сестра не супруга императора? Он твой внук, и теперь эта линия не прервётся.[191]

— Но есть одна неприятная вещь, о которой лучше бы не говорить. В

оные времена этот младенец без сомнения был бы наследником престола, — сказал Канэмаса и добавил: — Это единственный ребёнок, на которого мне приятно смотреть вблизи. Правда, Накатада маленьким я не видел.

Он не спускал с внука глаз, и госпожа не укоряла его.

— У меня родился этот очаровательный внук, когда я состарился. Я хожу в покои Третьей принцессы только для того, чтобы любоваться им. Боюсь как бы это не вошло в привычку, — сказал он жене.

— Оставь подобные мысли, — ответила она. — Пожалуйста, оставайся там, сколько хочешь. Ведь привязываешься и не к таким милым созданиям. И впредь ходи туда…

— Ну, если так… Раньше ты ничего подобного не говорила, — улыбнулся генерал.

Однако он очень редко оставался ночевать у Третьей принцессы. Иногда он навещал дочь главы Палаты обрядов. Канэмаса горячо любил внука и не переставал выражать благодарность Третьей принцессе.

*** * ***

После церемонии смены одежд госпожа Дзидзюдэн в пятый день четвёртого месяца отправилась в императорский дворец.

— Не хочется мне уезжать во дворец, — говорила она Первой принцессе, — но близится день отречения императора, и мне в такое время лучше быть подле него. К тому же государь постоянно укоряет меня, так что надо ехать. Очень меня печалит, что не смогу больше видеть Инумия. Я хотела было оставить вторую дочь в доме нашего отца, но передумала и прошу тебя заботиться о ней. Держи её около себя и не спускай с неё глаз. Мне кажется, что Накатада хочет увидеть её, но ты ни в коем случае не показывай ему принцессу. Как ни рассуди, но мужчинам девиц лучше не показывать. Почаще проси Тадаясу, чтобы он ночью дежурил возле неё. Более других назойливым мне кажется Сукэдзуми. Десятого принца я возьму с собой.

— Всё поняла, — ответила дочь. — Я буду всячески о ней заботиться. Хотелось бы мне, чтобы и ночью она была со мной, но Накатада будет недоволен, так что вряд ли это получится. Принцу Тадаясу скажите, что Тикадзуми днём и ночью остаётся в покоях Фудзицубо и всё время то укоряет её, то жалуется ей. Он очень раздражён тем, что не может увидеть

Вторую принцессу, но Фудзицубо совершенно не внемлет его просьбам.

Госпожа Дзидзюдэн поговорила обо всём с Тадаясу и с наступлением вечера отправилась во дворец. Из усадьбы высочайшая наложница с прислуживающими дамами ехала в двадцати экипажах, перед ними шествовало множество передовых. Все братья Дзидзюдэн были в её свите. Император, узнав о приезде, воскликнул: «Вот и корейцы пожаловали!»[192] — и сразу же призвал её к себе.

* * *

Фудзицубо должна была рожать в пятом месяце. От наследника престола каждый день приходили к ней гонцы с письмами.

Пятнадцатого дня жена Масаёри вошла к Фудзицубо со словами:

— Раньше всегда рожали в том помещении. Там родилось много детей, и роды всегда были лёгкими. И мои дети все родились там. Но сейчас в тех покоях живёт Вторая принцесса, и ни в коем случае нельзя под предлогом родов открывать помещения. Здесь всё уже для тебя готово, от места ведь ничего не зависит.

О благополучном разрешении молились уже давно. На всех горах во всех храмах заказывали монахам читать молитвы. «Я был уверен, что сын моей дочери будет наследником престола, но сейчас меня стали охватывать сомнения. Да пусть бы только всё прошло хорошо, пусть у неё будут лёгкие роды», — думал Масаёри. Он потерял покой и то дело заказывал молитвы. Беспрестанно тревожился Масаёри и о том, не объявят ли сына Насицубо будущим наследником престола.

— Может ли быть, чтобы наследник престола не понимал, что к чему? Пусть даже ребёнок родился бы у дочери императрицы-матери, нам беспокоиться не о чем, — успокаивала его Фудзицубо.

Родители её, размышляя о создавшемся положении, были охвачены беспокойством, она же оставалась равнодушной.

* * *

Прошёл шестой день четвёртого месяца, на который пришёлся сорок девятый день со дня смерти первого министра. Все обряды были

выполнены.

Наступила середина месяца. Император хотел сам, находясь ещё на престоле, назначить Накатада старшим советником. После смерти первого министра в государственном управлении особых трудностей не возникало. Тадамаса, имеющий право на его место, был ещё очень молод. Тем не менее император не хотел отказаться от мысли сделать Накатада старшим советником, и перемещения были неизбежны. Поскольку при этом освобождалось место второго советника, Масаёри стремился во что бы то ни стало устроить на него Санэтада.

Тем временем прошёл праздник Камо, и двадцать второго дня должно было состояться назначение Тадамаса на пост первого министра. Придворные готовились к этой церемонии, и особенно усердно Канэмаса и Накатада, последний лично занимался всеми делами.

В назначенный день сановники прибыли в императорский дворец. Левый министр был назначен первым министром, а правый министр — левым, левый генерал стал правым министром, а Накатада — стал старшим советником. Что касается второго советника, император хотел назначить на это место Сукэдзуми, а Масаёри настаивал на Санэтада.

— Кого же мы назначим вторым советником? Решайте! — сказал император.

— С точки зрения очерёдности это место должен занять Мородзуми, — начал Масаёри. — И никому, кроме Мородзуми, нельзя его дать. Дело тут, однако, вот в чём. Покойный первый министр на смертном одре вызвал меня к себе. Когда я пришёл, он не говорил ни о чём, кроме как о своём сыне Санэтада. Я обещал ему, что скорее забуду о своих сыновьях, но Санэтада буду поддерживать, — и он умер спокойно. Сейчас, когда освободилось место второго советника, я прошу, чтобы на него назначили Санэтада.

— Это место должен получить Мородзуми <…> — сказал император. — У Сукэдзуми слишком небольшой чин, чтобы ему сейчас стать вторым советником. Тем не менее такие примеры бывали, и я склонен назначить Сукэдзуми. Санэтада подходил бы по всем статьям, но он отвернулся от мира и стал чуть ли не монахом — как же можно назначать его на какую-либо должность?

— Если это место достанется моему сыну, у которого есть отец, а не Санэтада, который отца лишился, то что почувствует душа покойного министра? Как он будет огорчён, как опечален! Что же до отшельничества Санэтада — ведь бывали примеры, когда ранг присваивали человеку даже после смерти. А когда речь идёт о живом — отчего бы нам не продвинуть

его? — настаивал Масаёри.

— Что ж, я полагаюсь на ваше решение, — согласился император. — Выбирайте, кого назначить вторым советником.

Так благодаря Масаёри советником стал Санэтада. Сыновья Масаёри, которые могли бы рассчитывать на это место, были удивлены таким поворотом. На место советника сайсё по желанию императора был назначен второй военачальник Личной императорской охраны Санэёри. Затем распределили и другие должности.

Сразу же после церемонии Тадамаса, Канэмаса и Накатада отправились с визитом к высочайшей наложнице Дзидзюдэн.

— Часто я прихожу к вам, дабы выразить благодарность за продвижение по службе, — произнёс Накатада. — Если бы не Первая принцесса, никогда не стал бы я старшим советником министра. Перед тем как приступить к выполнению обязанностей, мне хотелось поблагодарить вас и сообщить о своей радости по поводу получения места.

— Меня вам благодарить совершенно не за что, — ответила наложница.

Вслед за сыном с выражением благодарности приблизился Канэмаса, и Накатада откланялся. Императрица, наблюдавшая эту сцену, мучилась завистью.

В тот день все придворные отправились на пир к первому министру. Следующий же день был неблагоприятным, и пир, который должен был давать Масаёри, пришлось отложить на сутки.

В западных покоях, где проживала Фудзицубо, вместе с нею находились Масаёри и его жена, и неожиданно доложили о приходе Канэмаса, который явился с визитом к жене Масаёри по поводу своего назначения. Госпожа удивилась и велела провести его в передние покои.

— Мне хотелось немедленно нанести вам визит, но вчера должен был присутствовать на пире первого министра и по этой причине не мог приехать. Прошу меня простить, — сказал Канэмаса.

— Ваше продвижение доставило мне самую искреннюю радость, — ответила госпожа и принялась рассказывать о своём. — Фудзицубо, которая прислуживает наследнику престола, сейчас чувствует себя плохо, но в её положении это в порядке вещей. Когда женщина ждёт первого ребёнка, она не выглядит блистательно, а в дальнейшем и вовсе становится непривлекательной. Забочусь о ней я, поэтому сейчас она переехала к нам.

— Помилуйте, — возразил Канэмаса, — в нашем мире все завидуют вашей дочери. Что может быть почётнее положения матери принца? Все в один голос твердят, что старший сын Фудзицубо будет нашим правителем!

— Ах, что вы говорите! — воскликнула госпожа. — Я представить этого не могу…[193] У моей старшей дочери много детей, но они приносят лишь хлопоты.

— Позвольте мне просить вас кое о чём, — сказал Канэмаса. — Мой сын и моя внучка живут здесь, это люди для вас не чужие. Прошу вас позаботиться в будущем об Инумия, вашей внучке, и о ребёнке моей дочери Насицубо, который вам чужой. Если бы у госпожи Фудзицубо не было сына, будущего наследника престола, этот ребёнок, может быть, и удостоился… Я уже достиг высокой должности, какую обычно дожидаются очень долго, и думаю, что теперь мне мало осталось жить на свете.

— Что вы, так думать?! — запротестовала госпожа. — Даже пожилые люди, годящиеся вам в отцы, так себя не настраивают.

— Мне хотелось бы умереть, ни о чём не беспокоясь!.. — вздохнул Канэмаса.

Вскоре он распростился с госпожой.

«Вряд ли он что-то замышляет против нас», — думала госпожа.

Днём Канэмаса нанёс визит Первой принцессе, а затем послал письмо Фудзицубо:

«Мне хотелось сообщить Вам о своей радости по поводу получения чина, которая подобна радости монаха Овари».[194]

Он послал это письмо через Сукэдзуми и получил ответ:

«Очень тронута Вашим письмом. Прочитав его, я подумала, что понимаю наше время».

Затем Канэмаса отправился домой.

Вскоре в покоях жены Масаёри появился Накатада, одетый особенно тщательно, затмивший роскошным костюмом и своего отца, и своего дядю. Через Тикадзуми он передал госпоже: «Очень хотелось бы подольше остаться с вами, но нужно являться и туда и сюда с выражением благодарности за своё назначение. В самое ближайшее время я снова приду к вам» — и сразу же ушёл.

Пока Накатада был в покоях, жена Масаёри и Фудзицубо, приблизившись к занавеси, разглядывали его.

— Он лучше всех, кого я знаю, — прошептала Фудзицубо. — Какая счастливая Первая принцесса! Она одна владеет сердцем того, на которого приятно смотреть и которого приятно слушать. И он ухаживает за ней усерднее, чем её слуги!

После этого прибыл с визитом Санэёри, назначенный советником

сайсё, очень красиво одетый. Он выразил своё почтение и удалился.

*** * ***

Фудзицубо должна была не сегодня завтра рожать. Около шестидесяти человек, живших в усадьбе Масаёри, находилось всегда около неё. Наследник престола тоже прислал много народу. Не покидали покоев Фудзицубо и её братья.

Как-то Фудзицубо разговаривала с Сукэдзуми.

— Я рад, что Санэтада стал вторым советником, — сказал он. — Иногда я навещал Санэтада в Оно и думал: «Какое горе, что он отвернулся от мира и погрузился в такую скорбь!» Сейчас я радуюсь больше, чем если бы сам получил это место. Все очень довольны. И Накатада очень рад за него.

— Отец Санэтада жаловался на смертном одре, что к сыну относятся несправедливо, поэтому наш батюшка взял на себя заботу о нём и, отстранив тебя, добился для него этого назначения. Но я об этом ничего не знала, — ответила сестра.

— Нет, это не так. Наш отец помнил о том, о чём ты его просила. В противном случае Санэтада не стал бы советником. Первым должен был быть Мородзуми, потом я. И государь хотел, чтобы я получил эту должность.

— Значит, наш отец заботился больше о Санэтада, чем о тебе, — засмеялась Фудзицубо.

Вечером в усадьбу явился Санэтада. Он попросил доложить о себе, прошёл к Масаёри и благодарил его. «Когда-то он блистал молодостью и красотой, но затворническая жизнь наложила на него свой отпечаток. Тем не менее, в его внешности и поведении есть ещё былое очарование», — думал Масаёри, глядя на него.

Масаёри был очень рад визиту; он переоделся и уселся с гостем в передних покоях.

— Очень рад вас видеть, — заговорил он. — Мне всегда было грустно, что мы так долго не могли встречаться, и хорошо, что вы наконец пожаловали сюда. Когда я в последний раз был в доме вашего отца, я был очень огорчён, что не могу вас видеть.

— Мир перестал интересовать меня, и я хотел заняться подвижничеством, искал уединённого места, долго жил в затворничестве.

Я возвратился сюда из-за отца. Назначение на пост советника явилось для меня полной неожиданностью, оно меня необычайно обрадовало, и я глубоко благодарен вам за это. Я ни к чему не пригодный человек и получил это место не по заслугам, но чувствую глубокую признательность за ваше доброе ко мне отношение, — говорил Санэтада, проливая слёзы.

— С давних пор я привык видеть вас в своём доме и считать своим сыном. Однако вы удалились от мира <…>. Здесь сейчас находится моя дочь, которая служит у наследника престола. Она должна рожать, поэтому я всё время дома. Когда-то у меня была мечта поселить в одном месте всех, связанных со мной узами родства, чтобы они могли встречаться и беседовать друг с другом. В числе моих зятьёв и нынешний первый министр, и людям с таким положением в этой тесноте жить невозможно. Вот все и переехали в собственные дома. Таким образом я смог выделить Фудзицубо помещение.

— А я все эти годы ничем не занимался, был вне себя от горя. Мой отец хотел меня видеть, и я услышал его последние слова. Не знаю, каким образом и хорошо это или нет, но мысли мои вновь обратились к нашему миру, — говорил молодой человек.

— Вы только ни о чём не волнуйтесь, — успокоил его Масаёри. — У меня много сыновей, и мне за них краснеть не приходится, но среди них нет ни одного, который добился бы особой известности. Если взять музыкальные таланты, их способностей еле-еле хватает, чтобы играть на пастушьих дудках. Тот же, кто превзошёл бы их, умер в молодости. Поэтому, извините за нескромность, но коль вы остались без отца, считайте меня своим отцом, хотя от меня большой пользы и нет. А вы будете мне вместо сына, которого я давно потерял.

Санэтада, не произнося ни слова, лил слёзы.

«Он необычайно чист душой, — думал Масаёри. — Так горько плачет. Решение удалиться от мира далось ему, по-видимому, нелегко. Как было бы ужасно, если бы он в таком положении окончил свои дни! <…>

Они разговаривали долго, и наконец Масаёри позвал даму, Прислуживающую Фудзицубо:

— Хёэ! Здесь тот, о ком ты говорила: «Если он придёт, мне хотелось бы встретиться с ним». Иди же сюда и поговори с советником!

Сам он ушёл в главные покои.

Хёэ из-за занавеси произнесла:

— Недаром сказано: «Ах, если бы прошлое нынешним стало!»[195]

По голосу можно было судить, что она находится очень близко.

— О, какой редкостный голос! — воскликнул Санэтада, и

придвинувшись к занавеси между столбами, произнёс: — Как давно мы не встречались!

— Сколько бы времени ни прошло, разве я могу забыть прошлое? Я всегда вспоминаю вас, но вы, переехав в другое место, стали жить затворником и больше не присылали нам писем. Но я-то вас не забыла, помню до сего дня. А с тех пор, как моя госпожа переехала в родительский дом, она часто смотрит в сторону тех покоев, где вы когда-то проживали, и вспоминает прошлое с грустью. Она тоже ничего не забыла и часто говорит: «Он любил меня настоящей любовью, чего я и не ожидала».

— Она, наверное, думает: «Санэтада всё ещё жив, значит, у него не было глубоких чувств ко мне». Такая мысль часто приходит мне в голову и мучит меня ужасно. Мне очень не хотелось бы умереть, не поведав о том, чем я жил это время. Не имея возможности высказать своё сердце, и я, бывало, так страдал, что несколько раз был близок к смерти. Но сейчас обстоятельства изменились и страдания мои ушли в прошлое. Передай, пожалуйста, твоей госпоже — не придёт ли она сюда? — попросил Санэтада.

Хёэ передала его слова Фудзицубо: так-то, мол, и так-то. Госпожа приблизилась к самой занавеси, расположилась у столба и через Хёэ передала: «И мне с давних пор хотелось во что бы то ни стало поговорить с вами. Ваш приезд сюда меня очень обрадовал. Говорите же всё, что вы хотите сказать. Отсюда я хорошо могу слышать ваш голос».

— Я стал плохо слышать, — сказал Санэтада. — Даже когда идёт обычный разговор, я ничего не разбираю, а уж когда собеседник далеко…

— Вы стали немощны? <…> — Голос её раздался так близко, что Санэтада подумал: «Как чудесно! Как необычно!» И спросил:

— А чья вина, что я стал немощен?

— Продвиньтесь поближе, — сказала Хёэ госпоже.

— Иначе говорить затруднительно, — отозвалась Фудзицубо. — Подними эту занавесь.

Велев поставить переносную занавеску, Фудзицубо продвинулась немного вперёд.

— От радости я потерял разум, — произнёс Санэтада. — Раньше я находился в страшном смятении; пытаясь успокоить сердце, часто терзал Хёэ, и всё просил, чтобы вы написали мне хотя бы одну строчку, но так ничего и не получил. Но если бы я тогда умер, я лишил бы себя сегодняшней возможности встретиться с вами.

— И мне в то время хотелось встретиться с вами, но удобного случая не представлялось, — призналась Фудзицубо. — Я очень сожалела, когда

вы удалились в горы. Есть кое-что, о чём мне хотелось бы поговорить с вами. Если всё в этом мире будет так <…>.

— В этом мире я не хочу жить даже короткий миг, — ответил он. — Но что было делать? Я искал какое-нибудь красивое место далеко от столицы, где я мог бы найти утешение от своих дум, долго жил в Оно. И хотя сказано: «вдали от скорби мира»,[196] я по-прежнему печалился — ведь красота места нас утешить не может.

— Раньше, когда я ничего не понимала в жизни, я, не отвечая на письма, думала, что от меня всё это бесконечно далеко. А сейчас мне больно, потому что меня считают бездушной, — продолжала Фудзицубо. — Когда я сравниваю вас, который до сих пор не забывает меня, с другими, которые меня давно забыли, я ощущаю и радость, и сожаление. Знаете ли вы обо всём об этом?

— Разве мог я знать, о чём вы думаете, находясь в горной глуши, куда не доходили никакие вести? — ответил он. — Я лишился отца, и в целом мире не осталось никого, кто бы заботился обо мне. Я хотел принять монашество и скрыться в глубине гор, и думал, что никто, услышав об этом, не будет возражать. Но неожиданно меня продвинули по службе. «Неужели кто-то заботится обо мне?» — удивился я и решил, что в любом случае надо нанести визит с выражением благодарности.

— К этому продвижению я совсем не причастна, — ответила Фудзицубо. — Но если всё пойдёт мирно и спокойно, мне бы хотелось, чтобы в будущем вы играли значительную роль при дворе. Поэтому если вы оставите ваши мысли уйти в монахи и станете служить государю, как другие, я всегда буду готова разговаривать с вами и слушать вас. При этом я буду считать, что это и есть проявление ваших чувств ко мне. Но если вы станете упорствовать и не пойдёте на службу, я вынуждена буду думать, что ваша преданность — одни пустые слова.

— После таких речей я время от времени буду наведываться в столицу. Но вряд ли я женюсь, как другие. С тех пор, как я начал писать вам, я свою жену не посещал ни разу. Пока я не поселился у вашего отца, я иногда посещал женщин — об этом знает Хёэ. Но после вашего въезда в императорский дворец я совершенно уединился в горах и с тех пор не приближался даже к женщине низшего происхождения. Ваши братья изредка меня посещали и, должно быть, рассказывали вам об этом. Сейчас даже мысль взять жену не приходит мне в голову. Я хочу жить до самой смерти так, как живу сейчас, — говорил он, роняя слёзы.

Фудзицубо не знала, что ответить ему, и чувствовала в сердце глубокую печаль. Наконец она произнесла:

— Может быть, такой женщины, которая бы вам понравилась, на свете и нет. Но почему бы вам не посещать свою бывшую жену? Все те, кто был когда-то влюблён в меня, давно утешились, и только вы живёте бобылём. Мне думать об этом очень больно.

— Я и не знаю, где сейчас моя жена, — произнёс Санэтада. — Мой покойный отец оставил мне и жене наследство, но оно вряд ли пригодится. Мне самому жить осталось мало, а жива ли она или уже умерла…

— Ваш брат Санэмаса говорил, что знает, где она находится.

— Если бы у меня появилось желание видеть жену, найти её было бы нетрудно. Но я не хочу забыть всё прошлое и встретиться с ней.

— По-видимому, это потому, что ваше сердце обратилось к Будде. Но отчего вы так противитесь моему совету? — не отступала Фудзицубо.

— Я ушёл в затворничество, поскольку мне всё опротивело, — ответил он.

— Буду говорить прямо. Если вы преданы мне, то поступайте так, как я сказала, пусть даже против воли, и я всегда буду дружески помогать вам, а нет — не стану и вспоминать о вас и вряд ли мы ещё когда-нибудь встретимся, — заявила она.

— Я не могу поступать так, как все. Но следуя вашим словам, я время от времени буду навещать свою жену, — пообещал Санэтада.

— Больше я ничего вам не скажу. Не знаю, что произойдёт со мной в дальнейшем, но если всё будет без перемен, приходите иногда к Хёэ, и мы сможем спокойно разговаривать. Да кто знает, что нас ждёт? — С этими словами Фудзицубо удалилась.

Поговорив некоторое время с Хёэ, Санэтада на заре возвратился к себе.

Глава XVII
ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ (Продолжение)

Масаёри свой пир по поводу повышения в чине устраивал в покоях, где в то время проживала Фудзицубо.[197] Главное помещение было великолепно украшено. Как всегда, церемония проходила торжественно. Все собравшиеся сановники постоянно бывали в доме, и они не вызывали особенного интереса у Фудзицубо. Редким гостем был один Канэмаса.

На следующий день пир устраивал правый министр в своей усадьбе на Третьем проспекте. Дом был убран необычайно роскошно. Места для сановников устроили в главном помещении, для принцев — в восточном флигеле, для первого и левого министров — во втором восточном флигеле с прилегающим коридором. Важные сановники посещали эту усадьбу редко и отправились туда, одевшись особенно тщательно. Прибыл левый министр.

— Такой большой пир в этой усадьбе устраивается впервые, я пригласил принцев. Пожалуйста, приведите их с собой, — попросил его до этого Канэмаса.

— Государь, наш отец, всё время твердит, чтобы мы не присутствовали на больших пирах, потому мы не были даже на пире у левого министра. Но поскольку мы получили особое приглашение… — сказал принц Тадаясу, появляясь в усадьбе вместе со своим братом Соти в сопровождении Наката да. Канэмаса был чрезвычайно рад этим гостям. ‹…›

— В первый раз я был здесь, когда вы устраивали пир по поводу победы на состязаниях в борьбе, — сказал хозяину Масаёри. — Подобного великолепия я нигде больше не видел. Я знаю, что вы всегда готовитесь к приёмам с большой тщательностью. Но у меня не было особого повода, и я у вас не показывался.

— И я долго не посещал вас, но не думайте ничего плохого, — ответил тот. — Ведь с тех пор, как мой сын поселился у вас в доме, наши отношения стали более близкими.

— Когда я приходил сюда в прошлый раз, Накатада был ещё молод, и я наслаждался его обществом, — вспоминал Масаёри. — А сейчас он и не

приближается к нам.

— Накатада всё время жалуется, что вы не сдержали тогдашнего обещания, — заметил Канэмаса.

— Это правда, я не выполнил своих слов, — ответил Масаёри. — Но Первую принцессу, которую он получил в жёны, я воспитывал, как свою собственную дочь. И вряд ли кто-нибудь, посмотрев на неё, скажет, что она генералу не пара.

— Всё так, однако сын мой не этого жаждал, — возразил Канэмаса. — А почему вас вдруг посетил Санэтада? Мне казалось, он очень сердит на вас и не поддерживает с вами никаких отношений. Или благодарность за ваше содействие, заставила его забыть всё былое? Что ж, ваша добрая забота о нём не была бесполезной.

— Я помог ему потому, что его покойный отец просил меня, — объяснил Масаёри.

— Вы слишком скромны. Принимая во внимание ваши родственные связи, все понимают и уважают ваше заступничество за него, — сказал Канэмаса.

Со стороны могло бы показаться, что между Масаёри и Канэмаса самые прекрасные отношения.

Гостям прислуживало множество дам, юных служаночек и низших служанок, все в красивых одеждах. Награды были приготовлены великолепные и гости получили подарки, приведшие их в восторг. Всю ночь напролёт в усадьбе звучала музыка, на площадке перед прудом танцовщики в костюмах журавлей исполняли разные танцы. Гости разошлись только рано утром.

*** * ***

Санэтада опять появился в усадьбе Масаёри. Ему хотелось возвратиться в Оно, но его смущало то, что сказала ему Фудзицубо. Сейчас, когда она пообещала ему своё участие, к чему было оставаться в этом глухом местечке? К тому же все решат, что он больше не верен Фудзицубо. Она же, если бы Санэтада из упрямства вернулся жить в Оно, конечно, подумала, что с самого начала его истинным желанием было принять монашество. Об этих сомнениях Санэтада поведал своему брату Санэмаса.

— Вот как обстоит дело. По сути говоря, в моём пребывании в Оно

отныне нет никакого смысла. Если я останусь в глуши, то никто не будет помогать мне ни в служебных, ни в моих частных делах ‹…›, — говорил он.

— Будь наш отец жив, ты бы и с его помощью не смог обойти Мородзуми. — сказал Санэмаса. — Разве это не знак особой милости Фудзицубо? Ты собираешься иногда проводить время в Оно… Но перевези сюда свою жену, которая живёт в горном селенье, и прикажи навести здесь порядок.

— Если я буду жить один, я, пожалуй, смогу приходить из Оно в столицу. Я и Фудзицубо об этом сказал. Но я не хочу жить ни с кем — ни с моей прежней женой, ни с другой женщиной, — заявил Санэтада.

— Пусть так, но разве ты совершенно не думаешь о своей дочери, Содэмия? — спросил его брат. — Если у тебя когда-нибудь родится ещё ребёнок, нужно будет долго ждать, пока он вырастет. Так почему бы тебе не увидеть свою уже взрослую дочь?

— Совсем не хочу. Сейчас мне всё равно, что будет даже со мной самим.

— В таком случае мне придётся позаботиться о ней. Отец оставил тебе дом и много утвари. Жалко, если всё это пойдёт прахом.

— А может быть, мне перебраться в дом, который мне оставлен? Позаботься, пожалуйста, чтобы там всё привели в порядок, и я смогу иногда приходить туда, — попросил Санэтада.

— Там всё устроено, — ответил брат. — У твоей жены много утвари. Если ты сейчас же пойдёшь туда, вряд ли чего-то недосчитаешься.

После этого разговора Санэмаса отправился в селенье у горы Сига, где жила бывшая жена его брата, и встретился с ней.

— Я давно уже беспокоился о вас, но не знал, где вы находитесь. Недавно мне сказали, что вы живёте здесь. Ах, как, должно быть, ужасно жить в таком месте!.. — начал он. — Да, когда отношения между супругами разладились, ничего другого не остаётся, как скорбеть. От прежнего Санэтада ничего не осталось.

— О, я несчастная! — вздохнула госпожа. — Я больше не сержусь на мужа и не желаю ему зла, я хочу только жить так, как живу сейчас. Я уже давно не видела мужа даже во сне. Ваш визит для меня совершенная неожиданность!

— Мне нужно поговорить с вами о завещании моего отца. Из-за траура я не выходил из дому, поэтому не мог сразу посетить вас. Отец мой завещал вот что. Ваша дочь отныне будет считаться его дочерью, и я должен взять на себя всю заботу о ней. Брат мой — человек недостойный,

забывший жену и детей, и он вряд ли подумает о будущем дочери. — С этими словами он передал госпоже завещание. — Дом, который переходит в ваше владение, не очень просторен, но вполне подходящ для того, чтобы в нём жила молодая особа. Мой отец уже давно решил отдать его Содэмия и строил дом, вкладывая в дело душу. Строительство полностью завершено, помещения все обставлены. Переезжайте туда поскорее. Южное строение находится недалеко от дома, который получил Санэтада. Живите отныне в дружеских с ним отношениях, — продолжал Санэмаса, показывая госпоже план постройки. Посмотрев на него, она залилась горькими слезами.

— Я живу в такой глуши, куда не доходят известия о том, что происходит в мире, поэтому и узнала о смерти вашего отца очень поздно. Раньше в печали, обнимая свою беззащитную дочь, у которой хотя и есть отец, но всё равно что нет, я всегда думала: «Дед её хоть и далеко от нас, но жив и здоров…» — а сейчас вы пришли к нам с его завещанием, — промолвила она.

Госпожа была в трауре, Содэмия же — в повседневном платье.

— Если бы я раньше узнала, я бы и для неё приготовила полный траур. Но я очень спешила и не могла сделать всё, как следует, — сказала госпожа.

Она достала тёмно-серое верхнее платье, шёлковую накидку тёмно-коричневого цвета и дала их надеть дочери. Санэмаса, плача, произнёс:

— Удалившись от мира,
Лишь горы вокруг созерцая,
Как вы узнали,
Что мы надели одежду
Из грубой пеньки?[198]

Госпожа на это ответила:

— Засохла сосна,
И в доме в траур оделись.
Об этом услышав,
И я из пеньки
Надела одежду.[199]

— Содэмия, наверное, очень выросла. Я слышал, что она не уступает известным красавицам. — С этими словами Санэмаса поднял занавесь и заглянул внутрь.

Мать и дочь сидели рядом, за переносной занавеской тёмно-серого цвета. Содэмия была в светло-сером платье,[200] в шёлковой накидке и в нижнем платье из лощёного шёлка. Ей было около семнадцати лет, волосы у неё были замечательные и лицом она была очень красива. Мать, сидевшая с серьёзным видом, выглядела чрезвычайно благородно; волосы её были прекрасны; ей было лет тридцать пять.

— Считайте меня своим отцом. Отныне я во всём буду помогать вам, — сказал Санэмаса племяннице и погладил её по голове. Волосы у неё были очень густые и длиной около семи сяку.

— У неё волосы должны были быть ещё длиннее, но когда с нами случилось это несчастье, она днём и ночью убивалась, и одно время лежала в тоске, не поднимая головы, и горько плакала. Поэтому-то она и не стала такой красавицей, какой могла бы стать. Мои дети любили отца сильнее, чем обычно любят родителей, и скорбели о нём. Сын мой умер от тоски, Содэмия до сих пор не может забыть отца и печалится о нём. Я ужасно беспокоюсь, как бы и с ней не случилось того же, — сказала госпожа.

— Как всё странно! — промолвил Санэмаса. — Это, наверное, предопределено судьбой. В нашей жизни мы видим препятствия, и детям выпало на долю любить отца, не такого как у всех. Вам надо поскорее переехать в дом, который завещал вам мой отец. Сегодня же выберем благоприятный день, и я приеду за вами.

— Нет, — вздохнула госпожа. — Сейчас уже я совсем не хочу возвращаться туда, где меня будут одолевать тяжёлые воспоминания. Пусть Содэмия переезжает к отцу. А я до конца жизни буду носить здесь чёрную одежду. Я никуда отсюда не поеду.

— Это неправильно. Надо переехать поскорее. Если вы оставите Содэмия, как она будет жить? Как она сможет существовать без поддержки? Разве всё обстоит так безнадёжно и вам ничего другого не остаётся, как отринуть этот мир? А если Санэтада скоро в глубине души поймёт, какой он причинил вам вред, и придёт с примирением?

Госпожа подала угощение. Перед Санэмаса поставили четыре подноса с тем, что было в доме: фрукты, сушёные морские водоросли, а также мандарины и цитрусы татибана в корзинке и плоды мелии.[201] Подали и вино. Слугам и сопровождающим Санэмаса дали в награду шёлк. Низшие

слуги тоже получили награду.

Вскоре Санэмаса вернулся в столицу.

*** * ***

Фудзицубо должна была рожать не сегодня завтра. Помещение для роженицы было давно готово. Во время её пребывания в отчем доме три или четыре брата каждую ночь охраняли её. Как-то раз ночью, когда вся семья находилась возле Фудзицубо, от наследника престола принесли мешочек, в котором лежали серебряные и золотые цитрусы татибана, они были завёрнуты в жёлтую бумагу, завязаны голубыми лентами и украшены искусственными горными розами. В письме было написано:

«Я всё время надеялся получить от тебя весточку, но все сроки для обещанного письма прошли, и твоё молчание меня огорчает. Каждую ночь я с беспокойством думаю о тебе. Цитрусы отдай нашим сыновьям, и пока дети будут возле тебя, обласкай их.

Завидую я померанцу,
Что пятого месяца
Ждёт с нетерпеньем.
Сколько же времени мне
Нужно тебя дожидаться?[202]

Когда я думаю об этом, меня охватывает тревога».

Жена Масаёри открыла мешочек. Металлические шары были вложены в кожуру, надрезанную и аккуратно снятую с настоящих плодов.

— Ах, с каким искусством всё это выполнено! Кому наследник престола поручил сделать такую прелесть? — спросила госпожа доставившего подарки архивариуса.

— По приказу наследника этим занимались в его присутствии Хёэ и Тюнагон, — ответил тот.

— Такой тонкий вкус может быть только у одного человека![203] — воскликнула госпожа и раздала игрушки детям.

‹…› Дети, взяв каждый по цитрусу, начали играть ими.

Фудзицубо написала в ответ: «Все эти дни, не получая от Вас писем,

изнывала в тоске. Но дела не обстоят так, как Вы пишете.

К себе призываешь
Любимых своих.
Так зачем же
Мысли о померанце
Сердце твоё терзают?»[204]

Жена Масаёри вручила посыльному полный женский наряд.

*** * ***

Как-то раз вечером служанки внесли в покои Фудзицубо четыре или пять чёрных кадок для воды, поставили их на пол и скрылись. «Что за порядки! — зашумели прислуживающие дамы. — Ставят в покоях госпожи всякие кадки и уходят!» Когда же рассмотрели кадки, то нашли, что они покрыты листьями деревьев, сшитыми белыми нитками в виде больших тарелок. Казалось, под ними еда, но в одной кадке находился лощёный шёлк, в другой — узорчатый шёлк, в третьей — благовония из аквилярии в виде макрели и лосося. На одной тарелке из листьев было написано неумелым женским почерком:

«Сегодня ‹…›».

«Кто бы это был? — задумалась Соо. — Похоже, что опять это происки придворных дам. Давненько такого не было!»

— Кто-то, улучив момент, когда госпожа находится в родительском доме, решил преподнести ей подарки, — сказала кормилица.

Соо всё размышляла, как же ответить дарителю, но времени у неё не было. Она велела внести кадки в комнату Фудзицубо и показала ей.

— Это подношения светлых богов! — сказала Фудзицубо и распределила макрель из аквилярии ‹…›.

Наступил последний день месяца, и Фудзицубо без всяких мучений родила мальчика. Всё совершилось так быстро и легко, что никто не успел и охнуть. Радость её родителей была беспредельна. А кое-кто в семье ещё продолжал беспокоиться: не оказались бы роды тяжёлыми, — не зная, что всё уже позади. Младенца окружили заботой. От наследника престола

снова и снова приходили гонцы с письмами. Масаёри поручил готовить пищу для дочери слугам, которым особенно доверял, а то, что, по его мнению, не могли сделать посторонние, делал сам. Все его сыновья от второй жены неотлучно находились в покоях Фудзицубо. Масаёри всё делал своими руками, и сыновья часто его спрашивали, могут ли они чём-нибудь помочь.

— В таких делах вы ещё мало что понимаете, — отвечал он. — Здесь нужен опыт таких стариков, как я, и опыт бабушек, у которых много внуков. Когда о роженице заботятся с особым старанием, она своей красоты не теряет. Наследник престола вот очень волнуется, и я хочу, чтобы моя дочь возвратилась к нему такой же прекрасной, какой была раньше. — И приготовив много редких яств, он отправил их дочери.

Каждый в усадьбе старайся что-нибудь сделать для матери и младенца. Всё шло самым лучшим образом. От наследника престола на седьмой день принесли подарки: ширмы, подушки для сидения, три длинных сундука на ножках, пять китайских сундуков, в которых было множество вещей, начиная с узорчатого шёлка и парчи. Посыльный, придворный пятого ранга, доставил и письмо:

«Часто я получал от тебя письма, но написанное не твоей рукой заставляет меня тревожиться. Я рад, что мои молитвы были услышаны и что всё прошло легко. Загадывать наперёд мы не можем, но мне хотелось бы, чтобы в будущем ты обязательно ещё раз доставила мне такую радость. Эти подарки пусть пойдут в награду вашим посланцам. Ты, которая стала матерью моих сыновей, мне очень дорога, и я мечтаю только о том, чтобы поскорее увидеть тебя. Если это возможно, напиши мне хоть несколько слов ‹…›.

— Как трогательно наследник престола относится к тебе, Матери его сыновей, — сказала жена Масаёри, прочитав письмо. — Он пишет, что тревожится, когда письма написаны не твоей рукой. Напиши ему что-нибудь, хоть ты и не встаёшь с постели.

Фудзицубо написала наследнику в ответ:

«Спасибо за Ваше письмо. У меня ещё нет сил взяться за кисть, но поскольку Вы беспокоитесь, я пишу Вам, лёжа в постели. Мне было очень страшно перед родами, но они прошли благополучно, до сих пор всё обстоит хорошо. Да что-то будет завтра? Вы пишете, что я, мать Ваших детей, ‹…›, сегодня я так думаю. Подарки, которые Вы прислали якобы для посыльных, доставили большую радость не только мне, но и моему отцу. Об остальном напишу потом».

Мать её запечатала письмо и отправила во дворец, вручив посыльному

полный женский наряд, а низшим слугам соответствующее вознаграждение.

Прибыли подарки от Первой принцессы: прекрасная одежда для Фудзицубо, Масаёри и пелёнки для новорождённого. Белые коробки, расписанные жёлтым, были доверху наполнены серебряными и золотыми монетами. На каменном декоративном столике, изображавшем взморье, были установлены традиционные журавли, и рукой Накатада написано:

«На крепкой скале,
Что вечно
Будет в небо глядеть,
Вижу огромную стаю
Журавлей тысячелетних».

Супруга советника Судзуси прислала чрезвычайно церемонное поздравление. Пришли поздравления и от мужчин. Старший сын Масаёри, Тададзуми, прислал множество подарков, другие господа от него не отставали. Поздравления поступали со всех сторон. Масаёри, выйдя из покоев, принимал гостей. Когда первый министр Суэакира был жив, в гости приходило только несколько принцев, а сейчас, когда его не стало, все сановники во главе с Накатада явились сюда; отсутствовали лишь Тадамаса и принцы.[205] Прибыли все придворные, служащие у наследника престола, а с ними все низшие чины. Масаёри играл то на флейте, то на кото, и Накатада сказал:

— Есть произведения, которые я очень давно не играл, — это потому, что я приберегал их для сегодняшнего случая.

— Молодые люди робеют и сидят смирно, только слушают. Мне сказали, что никто из настоящих виртуозов не придёт, так не сыграете ли вы хотя бы одну пьесу?[206] И я попытаюсь что-либо исполнить, — сказал Масаёри и протянул Накатада органчик.

Масаёри принялся насвистывать, Мородзуми и Судзуси заиграли на больших хитирики, кто-то играл на кото, — музыка звучала всю ночь, гости сочиняли стихи. На рассвете, получив подарки, они разошлись.

Утром жена Масаёри разделила между членами семьи полученные прошлой ночью подарки.

‹…›

На девятый день вечером во дворце был устроен большой пир,

подготовкой которого занимался первый министр Тадамаса. Со всех сторон прибывали замечательные приношения. Накатада преподнёс декоративный столик: на нём было изображено море, посреди моря возвышалась гора Хорай, под которой находилась черепаха, в её брюхо были положены ароматы для окуривания одежд. Гора была покрыта чёрными ароматами, ароматами дзидзю,[207] благовониями для окуривания одежд. На горе возвышались деревья, в их нефритовых ветках сидели птички. В волнах стояли четыре чёрных журавля,[208] в воздухе парили, расправив крылья, шесть серебряных журавлей, их туловища были из литого серебра. В брюхо каждого журавля были положены мускус и какие-то редкие лекарства. На столике лежала бумага со стихотворением:

«Целебные травы
Всю гору покрыли.
У подножья её
Журавлята
На свет показались».

Никто не видел, как появился посыльный с этим столиком. Был уже вечер, когда он принёс подарок, оставил его и исчез. Судзуси преподнёс игрушки ‹…›.

В ту ночь исполняли чудесные музыкальные пьесы, на разных инструментах играли сам Масаёри и его сыновья.

На следующий день с раннего утра начали готовиться к купанию. Помещение застелили, и дамы оделись, как нужно. Распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц, прибыв в усадьбу, стала купать новорождённого. Ей прислуживала Соо. Когда церемония была окончена, между дамами завязался разговор, и распорядительница сказала:

— Я присутствовала при обрядах над новорождёнными во многих домах, но нигде не видела такого изобилия и приподнятости. Когда родилась Инумия, казалось, что с небес сыплется семь видов драгоценностей, прямо душа радовалась. Но здесь всё обставлено столь изумительно, что любой позавидует. У помощника начальника Императорского эскорта[209] празднество прошло не так хорошо, хотя всё подготовили самым тщательным образом и было очень оживлённо, подарков раздали много, все прекрасные, как семь драгоценностей.

— Думаю, что у Первой принцессы было действительно

великолепно, — произнесла Фудзицубо. — Ведь обо всём заботился сам Накатада…

— Вы совершенно правы, — поддакнула распорядительница. — Когда родилась Инумия, отец её сразу же бросился танцевать, а затем чудеса последовали просто чередой. На пире седьмого дня танцевал министр Масаёри, остальные господа тоже пустились в пляс, потом играли на кото. Где ещё можно видеть такое? И всё это оправданно: Инумия — удивительный ребёнок. Она очень быстро растёт, уже ползает; когда видит кого-нибудь — так и заливается смехом. У Накатада могут быть самые срочные дела, а он знай себе играет с Инумия и не думает от неё уходить. Он просто не спускает её с колен. Инумия действительно очень красива.

— А как Накатада относится к Первой принцессе? — поинтересовалась Фудзицубо.

— Он её очень любит, — ответила госпожа. — Когда несколько дней назад принцесса прибыла сюда, Накатада скоро пришёл за женой, но она говорить с ним не стала. После этого в течение пяти или шести дней Накатада укорял её. Он прибыл сюда как раз, когда вы музицировали, и он вас слышал. «Фудзицубо играет на кото, как я, и дуэт ваш был изумительным, — говорил он. — Дело не в том, что исполнитель ошибается ‹…›»

— А что ответила принцесса? — спросила Фудзицубо.

‹…›

— Хорошо нашлась! — похвалила Фудзицубо.

Жена Масаёри велела Соо принести в покои Фудзицубо подарки, полученные прошлой ночью. Взглянув на декоративный столик в виде горы Хорай, Фудзицубо воскликнула:

— Что за прелесть! Какого труда потребовало всё это! Кто его преподнёс?

Соо знала, что столик от Накатада. «Какое великолепие!» — думала она. ‹…›

Взяв в руки журавлей, стоявших на скале,[210] Фудзицубо рассматривала их. Птицы из чёрной аквилярии были очень тяжёлыми. Фудзицубо замочила руки.

«Какая прелесть!» — восторгались дамы. Серебряные же журавли особенно тяжёлыми не были. В брюхе у них находились благовония и лекарства. Стихотворение было написано на бумаге, покрытой золотым порошком, почерком «заросли тростника». Дамы, рассматривая, спрашивали друг друга: «Кто же это написал?» — но догадаться не могли. Когда взглянула Фудзицубо, она узнала:

— Мне кажется, это рука генерала. Он сделал прописи для моих сыновей, и почерк очень похож.

— Вероятно, ты права, — согласился Масаёри. — Никто другой не мог бы написать столь замечательно. Только совершенно грубый человек этого не поймёт. А ну-ка, посмотрим, что за ароматы здесь.

И взяв курильницу, он бросил в неё щепотку благовоний, которыми была покрыта гора Хорай. Несравненное благоухание наполнило покои. Ароматы, которые он достал из журавлей, были столь же хороши. Масаёри рассматривал ароматы белого цвета; оказалось, что это мускус. Масаёри бросил его в курильницу, и мускус начал источать изумительно тонкое благоухание.

— Удивительно! — восторгался министр. — Накатада преподносит ароматы самые разнообразные, но все они совершенно особые.

— Поговаривают, что эти благовония покойный Тосикагэ привёз из Танского государства, — сказал Сукэдзуми.

— Похоже на то, — согласился Масаёри. — Прошлой зимой Накатада, в тайне от всех, читал государю записки своего деда. Накатада достались невиданные в мире сокровища.

*** * ***

Пришло письмо от советника Санэтада, адресованное Хёэ. Фудзицубо прочла:

«Мне хотелось сразу же написать Вам, что наша встреча явилась для меня огромной радостью, но я колебался, опасаясь, что это будет Вам неприятно, ведь Вы отвергали признания множества влюблённых. А тем временем — может быть, это следствие моих молитв? — Вы благополучно разрешились от бремени. Я бесконечно этому рад. Наверное, вокруг Вас много народу, поэтому я не решался писать и так дотянул до сего дня. Погрузившись мыслями в прошлое, я забывал обо всём на свете, — что же мне сказать?

Думал в тоске, что скоро
Долго буду блуждать
На тропах к последнему рубежу.
И вдруг вдалеке услышал

Пеньё кукушки.[211]

Мою жену опекает теперь мой старший брат. Вы об этом, по-видимому, знаете. Если бы для Вас я занял место покойного Накадзуми, как говорил мне Ваш батюшка, я вряд ли стал бы уезжать в Оно. На днях собираюсь отправиться туда, но скоро вернусь в столицу. Пожалуйста, иногда призывайте меня к себе».

Фудзицубо сказала Хёэ, что нужно ответить ему, и продиктовала:

«Благодарю Вас за Ваше письмо. Мне хотелось ответить Вам самой, но я ещё чувствую себя очень слабой. Во время нашего свидания я сделала одно замечание, которое вряд ли пришлось Вам по вкусу. Похоже, что от моих разговоров толку мало, и Вы собираетесь удалиться в Оно. Перебирайтесь куда-нибудь поближе, как делают благоразумные люди. Тогда, вспоминая о Вас, я смогу сразу же с Вами говорить».

Внизу она велела приписать:

«Вы писали: „Буду блуждать". Но если нет,

Обещает, кукушка,
Что если в горы глухие
Путник не возвратится,
Услышит он пеньё,
Которое редко кто слышал.

Ваше стихотворение полно печали».

Хёэ написала также письмо от себя и послала всё Санэтада.[212]

Санэтада, прочитав письмо Фудзицубо, подумал: «Она поняла моё настроение и написала мне».[213]

* * *

Советник Санэёри прошёл в покои госпожи Сёкёдэн и сказал:

— Я вчера был в императорском дворце, и наследник престола велел передать тебе: «После смерти твоего отца время проходит — а на сердце всё печальнее! Но что же поделаешь? Такое горе суждено испытать всем.

Старайся не предаваться слишком скорби. Что ты сейчас делаешь?»

— Как? — вскипела госпожа, — у меня нет тайных мужей, и я не получаю любовных писем, как эта Фудзицубо. Похоже, что именно таких жён, как она, наследник и ценит.

— К чему эти речи? Кто тайно посещает её? Разве мы не связаны с Фудзицубо родственными узами? Не говори подобного! — урезонивал её брат. — ‹…›

— Никто из прислуживающих наследнику не скажет доброго слова об этой воровке. Ей какой-то чёрт ворожит! Супруги наследника — принцессы или дочери знатных сановников, но он на них и не смотрит. Дни и ночи наследник проводит с Фудзицубо, а остальные прислуживающие ему дамы изнемогли от скуки. Фудзицубо отправилась в родительский дом, тогда Пятую принцессу призвали в покои наследника — и вот у неё нет того, что бывает каждый месяц, она нездорова. И мне наследник прислал письмо. Когда наследник не присылает писем своим супругам, никто не поможет — ни гадальщики, познавшие науку Тёмного и Светлого начал, ни боги, ни будды.[214] ‹…› Ах, если бы принцесса родила мальчика! Тогда она заткнула бы ей рот и раздавила бы эту Фудзицубо, которая беспрерывно рожает и чванится этим: вот, мол, я какова!

— Все в стране уверены, что сын Фудзицубо будет нашим государем, а она сама — матерью императора. Некоторые думают о сыне Насицубо, но вряд ли сбудутся их надежды. А Пятая принцесса если даже и родит ребёнка, сможет ли добиться расположения наследника престола? — рассуждал Санэёри.

— Ах, надоело! Оставь меня! — рассердилась Сёкёдэн.

Глядя на неё, Санэёри думал, что она ведёт себя совершенно недостойно.

В доме появился Санэмаса и заговорил с братьями.

— Я ездил на гору Сига и показал жене Санэтада завещание нашего покойного отца, — рассказывал Санэмаса. — Я предложил, чтобы она переехала ко мне, но она ответила: «Мне-то сейчас уже к чему? Но возьмите с собой мою дочь». Она была в полном трауре. Мне хотелось поглядеть на жену брата, которую он оставил, и хотя она от меня пряталась, всё-таки я увидел её. О её красоте говорить нечего, но и Содэмия очень хороша собой. Долгое время они терпели лишения и сейчас, в траурных платьях, выглядят осунувшимися, но обе намного прекраснее дам, которые в своей жизни не знали страданий. Дочь — красавица удивительная, на неё так и хочется всё время любоваться. Волосы у неё

очень длинные, она перекинула их со спины на грудь — очень красивы и длиной, наверное, в семь сяку, и лицом она прекрасна. И на такую-то дочь мой брат не обращает внимания и вынуждает её прозябать в глуши! Что за жестокое обхождение! Разве красивые и умные дочери не служат к чести родителей? О том, какая Фудзицубо красавица, ты знаешь только по рассказам и тем не менее сгубил и себя, и свою жену с детьми. Содэмия вряд ли уступает той, о которой ты мечтаешь и по поводу которой ты так безумствовал. Больно смотреть на всё это. Поскорее перевези их, — выговаривал он брату.

— Это можно было сделать раньше, — ответил тот, — но я так долго не был у них, что они меня, по-видимому, забыли, да и своих отношений с женой я совсем не хочу возобновлять. Помести их в усадьбу, которую оставил отец, и время от времени, пожалуйста, навещай их. Я же отправлюсь в Оно и буду жить там, пока не спадёт жара. Я буду наведываться в столицу, когда смогу, в зависимости от обстоятельств.

— Зачем тебе сейчас возвращаться в Оно? И государь, и придворные сожалеют, что ты столько времени провёл в Оно. С кем бы я ни встретился, все спрашивают о тебе, и на сердце у меня становится тяжело. Сейчас нашего отца не стало, а нас, братьев, не так уж много. Не возвращайся больше в Оно. Для чего тебе жить как путнику, далеко от своего дома? Да и устроено там всё очень неудобно. Не веди больше такую жизнь, как раньше, а поселись в своём доме вместе с дочерью. Тебе нет никакой необходимости покидать столицу, — уговаривал брата Санэмаса.

— Может быть, потому что мы перенесли страшное горе, я чувствую себя очень плохо и хотел бы купаться в горячих источниках. Я останусь жить там, но время от времени буду приезжать в столицу, — пообещал тот.

Санэмаса произнёс:

— Сейчас, когда отец
В путь последний пустился,
Прошу я,
Чтобы хоть ты
Больше нас не покинул.

Санэтада ответил ему:

— В путь последний
Пустился отец,
Обо мне убиваясь.
О, если бы мог я
Быть с ним на тех тропах![215]

Санэёри, в свою очередь, сложил:

‹…›

Госпожа Сёкёдэн произнесла:

— О, если бы вы
При жизни отца
Не забывали о долге!
К чему сейчас говорить,
Что за ним вы пуститься готовы?

Санэтада в сопровождении слуг отправился в Оно. Санэмаса и Санэёри стали жаловаться сестре, как уныло у них на душе! Они пообещали впредь приходить почаще, назначили людей в стражу — и ушли в свои покои.

*** * ***

Наступил шестой день. Санэмаса готовился к приёму Содэмия и отправился в усадьбу на Третий проспект, где приказал починить пришедшие в ветхость постройки, вычистить пруд, посмотреть, достаточно ли там утвари, разложить всё по местам, повесить занавеси. Были расставлены новые красивые ширмы, обновлён полог. В усадьбе, занимавшей один те, стоял дом, крытый корой кипарисовика, было множество строений, коридоров, переходов, покрытых досками, а кроме того — несколько амбаров. Пруд был очень красив, деревья вокруг него радовали глаз.

Санэмаса приказал приготовить пищу на три дня.

Затем он в сопровождении многочисленной свиты отправился в экипаже на гору Сига. За ним следовали ещё два экипажа. Санэмаса подъехал к жилищу госпожи, прошёл в дом и обратился к дамам:

— В прошлый раз, поскольку было уже поздно, я вынужден был вас покинуть и возвратиться в столицу. Но сейчас я приехал за вами, как обещал. Сегодня жарко и ехать будет трудно, но это благоприятный для путешествия день, поэтому-то я и приехал.

‹…›

— Вам ни о чём не надо беспокоиться, — произнёс Санэмаса. — Там тоже очень тихо, и никто вас не увидит.

— Пожалуйста, заберите Содэмия с собой, — попросила госпожа. — Мне же мир внушает отвращение. Я поселилась в этом уединённом местечке, и мне совершенно не хочется отсюда уезжать.

— Что вы задумали? Почему вы не хотите переезжать в столицу? — забеспокоился Санэмаса.

— Для чего мне ехать с вами? Мне надо было бы уйти ещё дальше в горы. Отвернувшись от мира, я уже очень долго живу в горах ‹…›.

— Как же вы будете здесь одна? Подумайте о том, что вам надо быть поддержкой для Содэмия, а молодой девице нельзя оставаться в горах. На Третьем проспекте так же спокойно, как и здесь. Госпожа Тюнагон! — обратился Санэмаса к прислуживающей даме, — оставайтесь здесь! Следите за домом и не давайте растаскивать имущество!

Он усадил госпожу с дочерью в экипажи, сел сам, и поезд отправился на Третий проспект.

Госпожа уезжала против воли, но нельзя было оставить дочь одну. Прибыв на Третий проспект, она увидела, что усадьба просторна, дом прекрасно обставлен, всё очень красиво. И если до этого госпожу ещё одолевали сомнения, то войдя, она подумала, что сможет жить здесь спокойно. Покои для госпожи и для Содэмия были обставлены по-разному. ‹…› Помещения для прислуживающих дам тоже были удобны, амбары полны тканей и денег, припасённых покойным министром, но изящных вещей в них не было. Слуги внесли столики с едой, которую Санэмаса заранее велел приготовить.

Санэмаса пообещал через три дня нанести визит и удалился, даже не войдя в дом.

Через три дня он пожаловал вместе с Санэёри.

— Пусть ваша жизнь на новом месте будет беспечальна! — сказал Санэмаса. — Теперь мне осталось сделать только одно дело.[216]

Гостям поднесли прекрасно приготовленную еду.

*** * ***

Фудзицубо чувствовала себя уже хорошо. Масаёри по-прежнему находился возле неё и очень заботился о дочери. Скоро Фудзицубо совершенно поправилась, она казалась гораздо спокойнее и красивее, чем раньше.

Масаёри смотрел на дочь, которая сидела, накинув на себя однослойное платье из лощёного узорчатого шёлка и платье тёмно-фиолетового цвета. Затем повернулся к находившимся рядом с ним сыновьям:

— Ну, дети мои, вы должны следовать моему примеру. Учитесь, как нужно обращаться с роженицами.

Все заулыбались, а Сукэдзуми сказал:

— Всё зависит от того, о ком нужно заботиться.

— Жена моя родила многих детей, страшных, как ты, но никогда к ней не относились с таким вниманием, как к Фудзицубо. Ни к Дзидзюдэн… — продолжал Масаёри.

Он поискал глазами старшего сына Фудзицубо, но в покоях Молодого господина постоянно собирались важные лица, и он в течение нескольких дней здесь не показывался. Молодой господин был блистателен, но что его ждало? Все были убеждены, что он станет наследником престола, и поэтому часто являлись к нему с визитом. Масаёри же часто думал: «А вдруг это не состоится? Какой стыд придётся ему испытать!»

Пришло письмо от наследника престола:

«Как ты себя сейчас чувствуешь? Я по-прежнему нездоров. Вероятно, мы ещё не можем увидеться, но если тебе лучше, то вряд ли есть резон задерживаться в отчем доме. Если ты беспокоишься о детях, возьми их с собой.

Если бы ты любила меня
Так сильно,
Как я тебя жду,
До сих пор не смогла бы
Вдали от меня оставаться.

Как подумаю о тебе, терзаюсь ревностью. Даже во время отъезда из дворца ты старалась меня обмануть. Поскольку ты так пренебрегаешь мной, то я решил не писать тебе в течение некоторого времени писем, но странно — чувства мои в противоречии с этим решением».

— Непостижимо! — воскликнула Фудзицубо, прочитав письмо. — Как будто я нахожусь здесь, не имея на то причин. И как всегда, он обижает меня! Ах, надоело!

Она стала расспрашивать посыльного:

— С кем наследник престола проводит время? К кому он посылает гонцов? Не произошло ли во дворце чего-нибудь необычного?

— В последнее время наследник престола больше не занимается сочинением стихов, — ответил тот. — Настроение у него плохое. Он проводил время с Пятой принцессой. Как по секрету рассказала Саэмон, которая прислуживает Пятой принцессе, она с пятого месяца в положении и чувствует себя плохо. Гонцов посылали к госпоже Насицубо. Может быть, мне и не следовало бы этого упоминать, но во дворце все радуются, что у неё родился мальчик. Некоторые даже говорят: «Казалось, что порядки в нашей стране совершенно нарушены, но справедливость торжествует. Как раз к провозглашению наследника престола у Насицубо родился мальчик!» А наследнику всё время шлют подобные письма. Сам же он написал госпоже Насицубо, чтобы она поскорее возвратилась во дворец.

Выслушав это, Фудзицубо написала наследнику:

«Спасибо за Ваше письмо. Почему Вы написали, что нездоровы? Мне непонятно. Я всё ещё больна и возвратиться во дворец не могу. Вы говорите, что ждёте меня, но

Всё в мире меняется,
Как осенью листья
На ветках нижних.
Как можешь ты утверждать,
Что ждёшь меня постоянно?»[217]

Раздумывая о том, что рассказал посыльный, Масаёри промолвил:

— Скорее всего, так оно и есть. Государыня неуступчива и умна. С тех пор, как у этой самой дамы родился ребёнок, государыня, конечно же,

размышляет о том, как сделать его наследником престола. Если императрица, Тадамаса и Канэмаса вместе с придворными начнут приводить примеры из истории в пользу сына Насицубо, то кто усомнится, что он и будет провозглашён наследником? Я как бык, затесавшийся в табун лошадей, что я смогу предпринять? Мне приходится рассчитывать только на Санэмаса. Ах, если бы был жив Суэакира! Какая злая судьба! Именно в это время, когда он должен был бы помочь нам, его не стало. Мои собственные сыновья ещё в небольших чинах. А что другие родственники? Если у дочери Суэакира, госпожи Сёкёдэн, родится сын, то они, естественно, будут поддерживать его ‹…›. Я останусь один, и имя моё исчезнет со мной. Почести — пустой звук. И вы все так, наверное, думаете. Боюсь, что в этом году мне, на старости лет, придётся испытать большой позор. Как бы разузнать о намерениях Тадамаса? Сейчас я не могу сделать ни одного шага.

— Что за мысли тебя мучают? — воскликнула Фудзицубо. — Если и впрямь дело будет решено в её пользу, то и виду не показывай, что ты недоволен ‹…›. В такое время надо постараться проникнуть в истинные намерения людей, у всех побуждения самые разные. Всё произошло, когда мы ни о чём подобном и не думали, — что ж, это поворот судьбы, которой избежать невозможно ‹…›. Отец мой, ведь говорят о журавлёнке.[218] Делай вид, что ты не слышал всех этих разговоров о сыне Насицубо.

— Ах, ужасно! Как я смогу спокойно принять то, что мой внук не наследник престола, а самый обыкновенный принц? Это настоящая беда! Как мне примириться с такой мыслью! — горько заплакал Масаёри.

— Не надо так беспокоиться! Всё это маловероятно! О других не буду говорить, но супруга Тадамаса рождена той же матерью, что и Фудзицубо, и Тадамаса не упустит это из внимания. У нас ведь повсюду родственники — вряд ли кто-нибудь замышляет причинить вред нашей семье, — утешал отца Тададзуми.

— Это всё так, но если вопрос о назначении наследника не будет решён до рождения ребёнка Пятой принцессы и если у неё родится мальчик, вот тогда положение станет непоправимым, — вступила в разговор жена Масаёри. — Кто пренебрегает желанием отрёкшегося от престола императора?

— Если бы в Поднебесной разом рождалось трое или четверо мальчиков с семью или восьмью глазами, я и таким чудищам был бы в силах противостоять! — сказал Масаёри. — Даже государь, который долго находится на престоле, не может оставить без внимания того, что говорят его подданные. В такое время и зять, и тесть объединяются и жалуются

вместе. Как всё это мучительно! Но если хорошенько подумать, ведь и Первая принцесса замужем за Накатада… Неужели же мне не удастся добиться своего?

Пришло письмо от наследника престола:

«Мне кажется, что ты чем-то недовольна. Не пойму, в чём дело, поэтому пишу тебе вновь. Может быть, меня перед тобой оговаривают? Я решительно не могу догадаться, на что ты сердишься. До недавнего времени я посылал своим жёнам письма, но сейчас я очень страдаю и этого не делаю. Мне хочется всегда быть с тобой, как птицы и ветка,[219] трава и деревья. Не заставляй больше ждать тебя. Приезжай же поскорее!

От века
Лишь сосны
Росли в Сумиёси.
И снизу ли, сверху ли,
Их хвоя всегда зелена.

Выздоравливай скорее. Как мучительно так долго быть врозь!»

Прочитав письмо, Масаёри сказал дочери:

— Раз он так пишет, тебе надо возвращаться во дворец.

— Для чего мне ехать туда? — возразила Фудзицубо. — Думаю, что к нему скоро вернётся Насицубо. Сейчас возле него никого нет, вот он и скучает.

Она написала в ответ короткое письмо:

«Ветер в горах
Под деревьями дует свирепо.
Но надеюсь,
Что хоть на ветвях
Блистают капли росы.[220]

Разве Вы сочувствуете такой никчёмной женщине, как я?»

Новорождённого принца назвали Имамия. Жена Масаёри не спускала его с рук, спал ли он или нет, и сама купала его.

— Удивительный ребёнок! — говорила она. — Быть ему Молодым

господином! Ах, если бы это был мой сыночек!

* * *

Первая принцесса была беременна с пятого месяца. На этот раз она сильно мучилась, но Накатада ничего о своём положении не говорила и объясняла своё недомогание какими-то обычными болезнями. Накатада очень беспокоился, велел провести церемонию очищения, заказывал молебны о выздоровлении. Он никуда не отлучался из дому. Поскольку госпожа Дзидзюдэн не могла быть рядом с дочерью, Накатада всем занимался сам. Он всё время приглашал врачей, гадальщиков, искусных в науке Тёмного и Светлого начал, заклинателей.

Как-то раз он говорил с принцем Тадаясу:[221]

— Когда Фудзицубо приехала в родительский дом, мне хотелось нанести ей визит и поговорить с ней, но всё время в её покоях находились её отец и кто-нибудь ещё. Сразу после её приезда пошёл к ней, но там было очень много народу, и я ушёл, ничего не сказав. Похоже, что она прекрасно понимает желания других. Сколько труда она положила, чтобы сделать Санэтада вторым советником!

— Но о моих желаниях она, вероятно, не догадывается, — усмехнулся Тадаясу.

— ‹…› И моя бабка ей об этом говорила, — сказала Первая принцесса.

— Что толку! Меня все презирают, а если я сделаю какой-нибудь промах, никто не приходит мне на помощь. Когда я был моложе, я часто имел возможность приблизиться к Фудзицубо, но я раздумывал о чувствах всех, кто окружает нас здесь ‹…›. Если бы в те годы я был таким, каков я сейчас, я бы не мешкал.

— Ах, как ты можешь это говорить? — ужаснулась принцесса. — Такие намерения оскорбят кого угодно! ‹…› И в шутку нельзя говорить подобное!

— Все так говорят, — ответил Тадаясу. — Я знаю, что даже люди с тонкой душой думают именно так. Но сейчас такие времена, что не стоит об этом и помышлять. Если в мире всё будет спокойно и Масаёри станет первым министром, Фудзицубо со мной обязательно страшно рассчитается. Я в этом уверен.

Принцесса с испугом посмотрела на него. Как раз в это время в покои вошёл Накатада.

— Сейчас я говорил с врачом, он сказал, что у тебя всего лишь жар. Гадальщик же говорит, что тебя мучает какой-то дух. Поэтому я послал письмо наставнику Тадакосо из часовни Истинных слов. Если он придёт, я попрошу его выполнить нужные обряды. Меня настойчиво зовёт к себе мой отец — там какое-то важное дело. Я сейчас отправлюсь туда и сразу же вернусь, — сказал он и отправился на Третий проспект.

*** * ***

— Вы звали меня, и я хотел сразу же навестить вас, но дома жена моя больна, госпожа Дзидзюдэн находится в императорском дворце, и смотреть за женой некому. Поэтому я не мог приехать раньше, — сказал Накатада.

— Я об этом ничего не знала, — огорчилась его мать. — Как она сейчас себя чувствует? Почему ты нам не сообщил? Я бы поехала и ухаживала за ней.

— Не знаю, в чём дело. Мне сказали, что это злой дух. Она ничего не ест. Со вчерашнего дня её положение ухудшилось, — рассказывал Накатада.

— Ох, беда! — воскликнул Канэмаса. — Обязательно надо навестить её. А не ждёт ли она ребёнка?

— Не похоже на это, — ответил Накатада. — Когда она была беременна, она так не страдала. А что у вас случилось?

— Я получил письмо от императрицы. Не понимаю, почему, но вот что она пишет: «Конечно, такие вещи случаются сплошь и рядом, но сейчас в мире царит беспорядок, вокруг неспокойно, и все уверены, что это самое важное дело в Поднебесной». Я хотел посоветоваться с тобой. Наследник престола всё время жалуется, что Насицубо давно уже находится у меня, и она собирается отправиться во дворец сегодня вечером. Но если возвратится и Фудзицубо, моя дочь будет как аромат для одежды.[222] Не будет ли это как с мышью и колонком?[223]

— О чём же пишет императрица? — спросил Накатада. — Чем я могу помочь? Для вас это дело очень важное.[224] Из-за этого я должен буду отдалиться от жены и всей её семьи — разве это не мучительно? Скажите ‹…›, о чём пишет императрица. Лучше бы не обращать особого внимания на её письмо.

— И я считаю, что так было бы лучше, — ответил Канэмаса. — Дело

очень сложное, и я склонен думать так же, как ты. Возвращайся поскорее домой. Завтра утром я навещу вас.

Накатада покинул усадьбу отца. Насицубо в сопровождении многочисленной свиты в двадцати экипажах возвратилась во дворец наследника престола. Сын Насицубо остался у её матери, на Третьем проспекте.

*** * ***

Вернувшись домой, Накатада прошёл к жене.

— Как ты себя чувствуешь? Я ходил к отцу — он прислал письмо и звал меня. Дело оказалось важным, но я толком не разобрался и поспешил домой. Насицубо сегодня вечером отправляется к наследнику престола, но я её сопровождать не буду. Скоро должен прийти святой отец.

В это время доложили о прибытии Тадакосо.

— Проводите его сюда, — распорядился Накатада и велел положить подушки на веранде.

«Святой отец — прекрасный человек», — подумал Накатада и, надев верхнее платье, вышел ему навстречу. Тадакосо был в очень красивом облачении из узорчатого шёлка. Фигура, лицо — всё было в нём замечательно. Он прибыл в сопровождении свиты из десяти человек, красивых и прекрасно одетых, кроме того с ним было десять молодых монахов и тридцать служек. Он прибыл в новом экипаже, украшенном листьями пальмы арека.

Войдя в срединные ворота, служки остались во дворе, а сопровождающие и монахи поднялись и расселись на веранде.

— Мне случалось видеть вас во дворце, но не имея особого повода, я никогда с вами не заговаривал, — обратился Накатада к монаху. — Я с давних пор восхищаюсь вами и тем не менее не мог проявить к вам должного почтения.

— Я и сам хотел встретиться с вами и огорчался, что не получаю от вас приглашения приехать молиться о вашем здравии, но неожиданно такая просьба пришла. Возможность увидеть вас меня очень обрадовала, — ответил Тадакосо.

— Благодарю вас. Я же опасался, что вы сюда не придёте, потому что я слишком ничтожен для вас. Ведь часто вы не отвечаете на приглашения государя… Чрезвычайно вам признателен за то, что вы пожаловали. Я

позвал вас потому, что с последнего дня прошлого месяца жена моя больна, и ей становится всё хуже и хуже. Врачи и гадальщики сказали, что это злой дух. Мы делали всё, что в таких случаях предпринимается, но ничто не дало результата, и я хочу просить вас, живого Будду-врачевателя, помочь нам. Пожалуйста, выполните обряды в течение нескольких ночей.

— Надеюсь служить вам всем сердцем, но когда вы назвали меня живым Буддой, я так испугался, что хотел бежать от вас, — ответил монах. — Меня часто приглашают в разные дома. Принцесса, дочь императрицы, сейчас тоже больна, и меня звали к ней, но я не поехал, потому что сначала мне хотелось навестить вас.

— Как я сожалею, что из-за меня вам пришлось отложить визит во дворец! Но прошу вас, пожалуйте во внутренние покои.

И Накатада, велев приготовить места для сидения, ввёл монаха в дом.

— Пожалуйста, пройдите к жене, — сказал он.

В южной части передних покоев были поставлены красивые ширмы, воздух, как обычно у Накатада, благоухал.

В это время распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц выговаривала принцессе:

— Так вести себя — это непростительное ребячество, ведь ваше недомогание совсем не от злого духа. Вы ничего не сказали мужу, и он страшно встревожился. А сейчас молитвы о вашем здравии должен читать тот, которого называют живым Буддой, но он-то, молясь, сразу поймёт, в чём дело. Оторопь берёт. Сказали бы сами генералу о вашем положении.

— Я так страдаю, что теряю голову. Наверное, пришёл мой последний час, — простонала принцесса.

— Ах, что вы такое говорите! — рассердилась распорядительница.

Тадакосо приступил к обряду и начал читать самые действенные заклинания. У него с младых лет был очень красивый голос, и поэтому молитвы его были особенно благостны.

Стало светать.

— Многое в мире я видел и слышал, но об этих заклинаниях я знал только с чужих слов, а самому мне слышать их не доводилось, — сказал Накатада монаху. — Поистине, они очень благоденственны. Мне бы хотелось как-нибудь отправиться с вами поздней осенью в глухие горы, где нас никто не мог бы слышать, и там, когда опадают листья с деревьев и шум ветра наводит на душу уныние, внимать вашим заклинаниям, самому играя на кото.

— Поистине, замечательная мысль! — пришёл в восторг Тадакосо. — Я уже давно молился буддам и богам, чтобы они дали мне возможность

услышать вас. Однажды я как-то слышал вашу игру на кото — и покинул глухие горы, чтобы иметь возможность наслаждаться вашим мастерством. Но был очень опечален, не получая от вас приглашения. Сейчас же, после ваших слов, я рад, что моя мечта исполняется. Мне всегда хотелось услышать, как вы играете, и меня так огорчало, что вы почти не садитесь за инструмент.

— Не знаю, смогу ли я аккомпанировать вашим заклинаниям! — сказал Накатада. — Скажите мне, почему вы приняли монашество? Это так странно! Когда я увидел вас в храме Касуга, я почувствовал такую печаль!

— Я принял монашество и ушёл в горы из-за ужасной клеветы, о которой поначалу и не догадывался, — начал Тадакосо. — Неожиданно жизнь моя омрачилась, я больше не хотел жить в этом мире, и оставив отца, принял монашество. Виной всему была моя мачеха. В ту пору, когда я служил во дворце, мачеха захотела соблазнить меня. Её желания были мне противны, и я сделал вид, что ничего не понимаю. Она, по-видимому, рассердилась. Я, конечно, не знал, что она оговорила меня перед отцом, и очень скорбел из-за перемены его отношения ко мне. Спустя много лет я случайно повстречал мою мачеху, дошедшую до предела нищеты, и спросил её: «За какие грехи вы дошли до такого состояния?» Она мне ответила: «Для того, чтобы погубить своего пасынка, я спрятала пояс, которым его отец очень дорожил, и обвинила сына в краже, а кроме того сказала, что сын доложил императору, будто отец замыслил его погубить». Я подумал, что это была моя судьба — стать монахом, в тот день я наконец-то узнал всю историю до конца. Слушая рассказ мачехи, я впервые осознал, чего мне удалось избежать.[225] Отец мой, выслушав клевету, порицать меня не стал, но затаил всю скорбь в своём сердце.

— Что за коварное сердце было у этой женщины! — ужаснулся Накатада. — Мне об этом рассказывал и Масаёри. А пояс, явившийся причиной ваших бед, теперь находится у меня. Ваш батюшка, собираясь удалиться от мира, раздумывал, кому бы отдать то, что он предполагал завещать своему сыну, — и преподнёс пояс императору Сага, ныне отрёкшемуся от престола. Император Сага передал его нашему государю, а в прошлом году, в двенадцатом месяце, за чтение перед государем я получил его в награду. Это действительно сокровище, подобного которому в мире не сыщешь! Но как горько слышать всё то, что с этим поясом связано!

— Из-за этого пояса мне и пришлось испытать несчастья.

— Поскольку вы не покинули этого мира, пояс должен принадлежать вам. Я хочу вернуть его вам, — заявил Накатала.

— Для чего он мне? — возразил Тадакосо. — Разве дозволено монаху носить такую роскошь? Мне это грозит различными осложнениями. Лучше оставьте его у себя.

— Но хотя бы взгляните, тот ли это пояс! — И Накатада велел принести его.

Увидев пояс, Тадакосо горько заплакал.

— Я видел это украшение, когда мой покойный отец надевал его, собираясь на дворцовый пир, — промолвил он.

— Однажды я посетил Мидзуноо, — начал рассказывать Накатада, — где ныне живёт принявший монашество младший военачальник Личной императорской охраны Накаёри. Он был вместе с нами на празднике в Касуга. Все остальные, кто в то время был в таком же чине, что и он, теперь дослужились до высоких постов, я получил высокий чин, кто-то стал главным архивариусом. Я уже подумываю подавать в отставку.

Когда Тадакосо служил в императорском дворце, он играл перед государем на музыкальных инструментах, и государь часто вспоминал об этом с радостным волнением.[226]

Рассвело, и они опять пошли к принцессе. Генерал послал распоряжение в домашнюю управу приготовить трапезу с особенным старанием, и перед Тадакосо поставили столики с удивительными яствами.

* * *

Узнав, что Первая принцесса больна, Канэмаса явился к ней с визитом. Жена Масаёри,[227] он сам и Накатада поспешно вышли ему навстречу и проводили в дом. Между гостем и Масаёри начался разговор.

— Я узнал, что госпожа больна, и пришёл справиться о её здоровье, — начал Канэмаса.

— Я тоже поспешил сюда, услышав об этом, — сказал Масаёри. — Мне говорили о её недомогании некоторое время назад, но до сих пор как будто не было ничего тревожного. И вдруг я узнаю, что приглашали святого отца, и я испугался. Признаков болезни и нет-то, собственно, но вдруг начинаются судороги. Она ничего не ест. Может быть, это всё от жары? Сейчас, в эту ужасную жару, все мучаются. Я и сам уже давно никуда не хожу, даже во дворец.

— И я давно там не был, — ответил Канэмаса. — Приближается

отречение нашего государя… Моя дочь должна была отправиться к наследнику престола, но от жары очень ослабла, и я ни на мгновение не отходил от неё. Наконец вчера она смогла поехать во дворец. А тут мне говорят, что больна Первая принцесса, я очень встревожился и пришёл к вам.

Слуги внесли фрукты, и господа продолжали разговор за едой.

— Когда-то, в такую же жару, я навестил вас в павильоне для уженья, и мы стреляли в скопу, — вспомнил Канэмаса. — Оба мы благополучно дожили до сего дня.

— Хорошо бы и сегодня заняться тем же самым, — промолвил Масаёри, — особенно утром, когда прохладно.

— Действительно ли государь решил отречься от престола? — спросил гость.

— Я слышал, что церемония назначена на восьмой месяц, но определённо ещё не знаю. Дворец, в котором государь будет жить после отречения, почти готов, и велено поспешить с окончанием работ.

— У вас, должно быть, много хлопот, — вздохнул Канэмаса. — Пожалуйста, если что-нибудь нужно от меня, только прикажите.

Масаёри подозревал, что Канэмаса хочет что-то выведать у него, но оба продолжали разговаривать вполне дружелюбно. Накатада распорядился принести вина.

— Если бы Первая принцесса не была больна, то я бы пригласил вас в оставшиеся дни этого месяца совершить прогулку в окрестности Огура,[228] — сказал Канэмаса.

— Мне было бы приятно посетить это место, — ответил Масаёри.

— Решено! — воскликнул Канэмаса. — В конце месяца я повезу вас туда. С тех пор, как вы были там, многое изменилось. Выкопали глубокие пруды, и рыбы развелось очень много. В саду течёт река. В дом всегда заходят торговцы. Мне хотелось бы вам всё это показать. И деревья очень разрослись — весной и осенью необычайно красивое зрелище!

Вскоре Канэмаса покинул министра.

*** * ***

В западных комнатах этого же дома жила Вторая принцесса. Кормилица находилась при ней неотлучно, но и принц Тадаясу, которому мать поручила надзор за сестрой, оставался в её покоях днём и ночью.

Тикадзуми всё время ломал голову, как бы дать знать принцессе о себе. Несмотря на присутствие принца, он попытался через прислуживающую даму передать письмецо, но Тадаясу разгневался и сделал даме выговор, после чего о передаче писем нечего было и думать. Влюблённые во Вторую принцессу молодые люди всё время пытались уговорить ту или иную даму передать ей незаметно послание. Тикадзуми дарил прислуживающей даме по прозванию Тюнагон множество драгоценностей и умолял провести его тайком к любимой, но такой возможности не представлялось. Многие молодые люди только и ждали удобного случая, чтобы пробраться ко Второй принцессе; особенно настойчиво Пятый принц уговаривал дам помочь ему.

*** * ***

Услышав об этом,[229] Накатада понял, почему его жена плохо себя чувствовала.

— Ты утаивала настоящую причину, хотя была уверена, и заставила меня тревожиться, — выговаривал он принцессе, — Мне крайне неприятно, что ты до такой степени не доверяешь мне. В тот день я, устав от службы во дворце, пришёл за тобой в покои Фудзицубо, но ты отвечала мне в высшей степени невежливо и домой идти не захотела. Наверное, потому, что Фудзицубо мечтает о провозглашении сына наследником престола, она велела приготовить мне комнату, но ты ко мне так и не вышла и меня просто прогнала. Много я навидался от тебя такого, что забыть невозможно. Когда ты музицировала в сумерках с Фудзицубо, я, стоя за занавесью, слушал вас, и слышал совсем близко, как Фудзицубо сказала: «‹…›». — Он говорил ещё очень долго, затем сменил тему: — Мой отец хочет пригласить тебя в Кацура. В течение нескольких дней ты сможешь насладиться прохладой. Возьми с собой твоих братьев и сестёр.

— Я плохо себя чувствую и никуда ехать не хочу.

— Не надо так нервничать, — успокаивал её Накатада.

Было решено, что в девятнадцатый день они поедут в Кацура.

Тадакосо, пробыв у них десять дней, собрался уходить.

— Как мы условились, обязательно поедем с вами в Мидзуноо, — сказал ему на прощание Накатада. — Пожалуйста, не забывайте меня и приходите сюда. И я буду навещать вас.

Сопровождающим Тадакосо он дал свёртки с одеждой, а самому

подвижнику — чётки из Древа Прозрения.[230] Монахи удалились.

Когда наступил девятнадцатый день, в двенадцать украшенных цветными нитками экипажей сели принцессы, Соо, которая держала на руках Инумия, кормилица Тайфу, взрослые и юные служанки и низшие прислужницы. Принц Тадаясу, правый министр и правый генерал сели в один экипаж. В шести экипажах разместились мать Накатада и её свита. Двадцать экипажей, в которых ехала семья Масаёри, потянулись один за другим. Впереди всех ехала жена Масаёри, за ней — мать Накатада. Перед ними в два ряда ехали принцы и сыновья Масаёри — вся свита была огромна. В экипажах, в которых ехали мужчины, занавески были подняты.

Путь был долгим, господа развлекались, играя на флейтах и лютнях. Наконец прибыли в усадьбу Кацура. Южная часть была отведена гостям, в западной расположилась мать Накатада, в средней — Первая принцесса, в восточной- Вторая принцесса вместе со своими сёстрами.

— Как жаль, что моя мать не могла поехать с нами! Какое очаровательное место! — воскликнула Первая принцесса.

Она с явным удовольствием глядела на реку, вверх и вниз по течению которой плыли лодки. Принцесса вставала и садилась без малейших затруднений, и Накатада радовался её выздоровлению. Инумия, которая была очень мила, вынесли к присутствующим, но Накатада сразу же велел отнести её в дом.

— Пожалуйста, повремените, — попросил Масаёри. — Дайте-ка её сюда ‹…›.

Приблизившись к занавеси, он разными вещицами стал манить девочку к себе. Она выползла из-за занавеси, и дед бережно взял Инумия на руки. Накатада не возражал, чтобы Масаёри видел девочку, но ему было очень неприятно, что и остальные гости смотрят на неё. Инумия, привыкшая к тому, что отец носит её на руках и дарит ей восхитительные игрушки, не испытывала страха и перед Масаёри и чувствовала себя свободно.

Канэмаса, умилённый видом внучки, захотел подозвать её к себе. Он нашёл в коробках для гребней, принадлежащих Насицубо и матери Накатада, множество прекрасных безделушек, спрятал их за пазуху, и выйдя из комнат, стал показывать их Инумия. Девочка с радостью пошла к нему на руки.

— Во всём мире родители гораздо больше любят дочерей, чем сыновей, — заметил Канэмаса. — Но Накатада я всегда очень любил. При всём том Инумия я до сего дня не видел. Да, такую очаровательную внучку мне ещё видеть не приходилось. Недавно моя дочь Насицубо, которая

служит во дворце у наследника престола, нас покинула, больше я с ней не встречался, но сына её вижу с первого дня. А Инумия, стал я сегодня уже подозревать, мне показывать не хотят. Но кровная связь — великое дело! Вот Инумия сама и приползла ко мне.

Он крепко прижал внучку к груди и унёс её в дом. Посторонние видеть девочку не могли.

Слушая слова отца, Накатада испытывал жалость к нему и сидел с очень грустным видом.[231]

— Инумия[232] очень мила, — говорил Канэмаса. — Она поднимается и поворачивается, и все, кто ни посмотрит на неё, начинают улыбаться. Мне бы всё время на неё любоваться, но когда её увезут, всё будет кончено. Деду туда вход запрещён, и я не смогу ходить к ней так часто, как мне хотелось бы.

Первая принцесса и её сёстры засмеялись.

— Что за странные речи! — воскликнула его жена. — Кто может запретить деду видеть внуков? И тебе не стыдно?

Инумия, заметив отца, протянула к нему ручки, а Канэмаса начал дразнить её:

— Это совсем не твой папа. Это страшный, противный человек!

Девочка заплакала, сползла с колен деда и двинулась к отцу. Тот взял её на руки, крепко прижал к груди и унёс в задние комнаты.

— Тебе нравится здесь? — спросил он.

Накатада хотел опустить девочку на пол, но она цеплялась за него, плакала, и он, сев за занавесками, стал утешать её. Он показывал ей на лодки, плывшие по реке на вёслах, тут Инумия наконец улыбнулась и некоторое время смотрела на эту картину. Дед пришёл к ним, неся в руках красивые вещицы.

Рыбы в реке было очень много, на берегу росли великолепные тенистые деревья, цветы и клёны, а поодаль стояло два «железных» дерева, [233] в ветвях которых летало множество блестящих жучков. Токикагэ, Мацуката, Тикамаса, которые недавно получили придворный ранг и назначение в Личную императорскую охрану, разбили шатры в тени сакаки.[234] Слуги принесли много рыбы, завёрнутой в рогожу.

Канэмаса сказал, что сейчас самое подходящее время для ловли форели, и велел зажечь огни в железных корзинах. Зрелище было захватывающее. ‹…› Велев завернуть рыбу в рогожу, Канэмаса послал её Насицубо, Третьей принцессе и дочери покойного главы Палаты обрядов. Насицубо он своей рукой написал записку:

«Жена Накатада нездорова, и я решил пригласить её в Кацура, чтобы она подышала прохладой. Тебе ничего об этом не говорил, извини. То, что посылаю, отдай кормилице».

Дочери главы Палаты обрядов он написал:

«Как ты себя чувствовала всё это время? Хоть ты живёшь и недалеко, но долго тебе не писал и сегодня забеспокоился. Давненько мы не виделись. Рыбу эту своими руками поймала госпожа с Третьего проспекта. Это не такое уж лакомство, но не отдавай её никому, а ешь сама.

В Небесной реке
Хотел для тебя
Рыбу поймать
И на луне для удилища
Багряника ветку ломал.[235]

Сегодня…»

— Посмотри, что я написал. — С этими словами он протянул письмо жене.

— Очень хорошо получилось, — похвалила та и вернула письмо.

Канэмаса свернул его и послал дочери главы Палаты обрядов.

День прошёл в разнообразных развлечениях. Вечером начали сочинять стихи. Наполнив чашу вином, Канэмаса передал её принцу Тадаясу и произнёс:

— Пусть долго струятся
Чистые воды реки!
Пусть столько же времени
На её берегах
Гости со мной пребывают![236]

Тадаясу, приняв чашу, произнёс:

— На короткое время
Приехав сюда,

Разве мы можем заметить,
Как всё чище становятся
Кацура воды?[237] —

и протянул чашу Накатада. Тот сложил так:

— Чисты или мутны
Воды реки,
Наши сердца
Пусть останутся долго
Такими, как были сегодня, —

и передал чашу жене. Она сложила:

— Три тысячи лет
Чистые воды струятся.
Означились мели на месте пучин.
Так как же можно ручаться
За чувства людей?[238]

Принц Тадаясу продолжил так:

— Даже за сердце своё
Никто ручаться
Не может.
Так что ж говорить
О чувствах другого!

Восьмой принц прочитал:

— У того, кто крепкой

Клятвой поклялся,
Никогда не изменится сердце —
И сравнится
С вечным теченьем реки.

— Ты сочинил прекрасное стихотворение, — похвалил его Накатада. — Не то, что другие. Даже неприятно.

Все засмеялись.

Тем временем пришло письмо, написанное на бумаге красного цвета и прикреплённое к гвоздике. Его принял Тадаясу и спросил посыльного:

— От кого оно?

— Это госпожа Фудзицубо написала госпоже, — был ответ. На обёртке было написано одно слово: «Принцессе», — и Тадаясу, воскликнув: «Разве я не принц?»[239] — вскрыл послание:

«Я узнала, что в последнее время ты была нездорова, и мне хотелось как-нибудь навестить тебя, но я и сама ещё не поправилась, и пока собиралась отправиться к тебе, ты уехала так далеко, в путешествие по семи отмелям.[240]

Вспомнила я
О стремнинах,
Где раньше так часто
Мы вместе
Обряд совершали!

Трудно это забыть», — а на краешке было приписано: «Пожалуйста, извини за скромный подарок — для моего маленького сыночка впервые готовили еду, и старший сын захотел послать эти лакомства Инумия».

Принц Тадаясу передал подарки Первой принцессе. Когда развернули подарки, оказалось, что там кроме лакомств было множество очень красивых вещей. Господа принялись есть и разглядывать подарки.

— Не мне ли велят написать ответ? — спросил Тадаясу. — Что ж, я напишу.

Ему никто не возразил, и он повторил:

— Так, значит, я напишу.

— Ах, нет, — испугалась принцесса. — Ведь посыльный увидит, что

писал ты, а не я. Передай мне письмо.

Но он пропустил её слова мимо ушей и говорил:

— Принцессе писать трудно…

Накатада находил всё это очень забавным и улыбался.

— Буду писать от твоего имени, как пишут указы государя. Смотри! — сказал Тадаясу.

«Хотела лично ответить тебе, но не могу держать кисть. Не знаю почему, но всё ещё чувствую себя плохо. Сегодня утром была вынуждена отправиться в эту поездку. Когда же я получу от тебя следующее письмо — утром или вечером?

Если ты помнишь
О бурных потоках,
Где когда-то
Обряд совершали,
То и меня не забудь!

Я же думаю о тебе всё время. Всё то, что ты прислала для Инумия, съел Накатада, сказав: „Хоть благодаря дочери поем досыта”. А почему мне ты ничего не прислала? Я очень обиделась», — писал принц.

Накатада же спросил у матери:

— Готовы ли подарки для посыльного?

Были приготовлены однослойная накидка с прорезами, вышитая шёлковая накидка и штаны на подкладке. Накатада вручил их посыльному.

Посыльные же, отправленные в столицу с форелью, возвратились очень быстро. Они передали дамам письма и теперь принесли от них ответ. Дочь главы Палаты обрядов писала:

«Мы живём недалеко друг от друга, но писем от тебя я не получаю. Вдруг пришло послание, написанное твоей рукой! Давно

На нашу равнину
Небесный рыбак
Не спускался.
Кто же открыт
Ему небесную дверь?[241]

Ты пишешь, чтобы я никому рыбу не давала. Как ты добр ко мне!»

— У неё ничего нет, но она всегда старается всё отдать кормилице, а сама ничего не ест, — проворчал Канэмаса, показывая письмо жене.

Госпожа прочитала и сказала:

— Да, правда…

Господам подали угощение. Еда на подносах была разложена очень красиво. Форель приготовили разными способами. Перед всеми гостями были поставлены столики со многими подносами. Накатада прошёл к жене.

— Ты что-нибудь ела? — спросил он её. — Надо что-нибудь поесть.

— Ничего она не ест, — сказала его мать. — Только сосёт колотый лёд!

— Как! Этого-то как раз и нельзя делать!

— Раз ты так говоришь, мне ещё больше хочется, — ответила ему жена. — Если мне не будут давать льда, я вообще ничего не стану есть. И раньше мне говорили: того нельзя и того нельзя — но я ела всё, что хотела. Ну и что?

— Лучше бы мне этого не слышать. Ты всё время прекословишь мне, когда речь касается еды. Здесь главный медик, спроси у него.

Он обратился к главе Лекарственного ведомства. Тот ответил:

— ‹…›.

— Вечно одно и то же. Ведь очень жарко! — не слушала его принцесса.

— Пусть тебя обмахивают веерами, — сказал Накатада и повёл её в задние покои ‹…›.

Принцесса попросила льда. Слуги мелко накололи его, завернули в листья лотоса, положили в чашку, и правитель провинции Оми отнёс её в покои. Взяв чашку, Накатада поставил её перед женой. Она немного съела и сказала:

— Мне было лучше, а ты меня опять рассердил. Пожалуйста, не приходи сюда. Уходи.

— Раньше ты такого не говорила. Уж не злой ли это дух? — засмеялся генерал.

‹…›

Приползла Инумия и стала ломать всё, что попадало ей под руку.

— Не ходи везде, где придётся, — сказал ей отец. — И девочкам не положено ничего ломать. И на веранду, где сидят посторонние господа, выходить нельзя.

Наступила ночь. Развесили фонари, зажгли масляные лампы. В час свиньи[242] хозяину доложили: «Для церемонии очищения всё готово». С алтаря, устроенного в доме, лили много воды, которая стекала по уложенной камнями дорожке, низвергалась водопадом и текла подобно реке Ои.[243] На веранде были поставлены столбы, между ними повешены занавеси, расставлены ширмы. Туда вошли Первая, Вторая и Третья принцессы. Для матери Накатада тоже повесили занавеси между столбами, и она прошла за них. Перед лестницей, спиной к перилам, сели министр и четыре господина, прочие господа тоже заняли свои места. Глава Ведомства Тёмного и Светлого начал выполнил церемонию очищения. По двору провели лошадей, с которых свисали пучки волокон. Все сняли верхнюю одежду. Первая и Вторая принцессы сняли верхние однослойные платья из узорчатого шёлка, Третья принцесса — вышитую шёлковую накидку, мать Накатада — белое однослойное платье. Мужчины все сняли с себя что-то из платья.[244] Церемония окончилась поздно. Господа сели за музыкальные инструменты. Первая принцесса выбрала японскую цитру, Вторая — цитру, мать Накатада — лютню. Поставили переносные занавески, скрывающие дам от мужчин.

— Ах, как жарко! — сказала Первая принцесса, отталкивая японскую цитру, и перешла к занавеси. — Здесь гораздо лучше. — Она оперлась спиной о столб и заиграла на лютне. ‹…›.

Из-за гор чуть-чуть показалась луна девятнадцатой ночи. Мать Накатада написала на веере:

«Богам подношенья творя,
Обряд очищенья свершая,
Вместе снова и снова
Будем мы ждать
Светлой луны появленья», —

и передала его Первой принцессе. Та написала так:

«Радостно боги,
Должно быть, взирают,
Как мы долгую ночь,
Играя на цитрах,

Ожидаем луны появленья».

Вторая принцесса сложила:

«Под музыки звуки
Ждём светлой луны появленья.
Разве узнает об этом
Бог той стремнины,
Где совершают обряд?»

Третья приписала:

«На речном берегу
Ждём появленья луны.
Чем позднее, тем чище
Становятся музыки звуки,
Которой и боги внимают».

Мать Накатада послала веер сыну. Тот приписал:

«Пусть боги мне внемлют!
Чрез мириады веков
Хочу пронести
Чувства, что к вам я питаю,
Вместе обряд совершая» —

и, никому не показывая, передал обратно за занавесь.

Музицирование продолжалось всю ночь.

Наступил рассвет, и господа вошли в дом. Накатада велел литейных дел мастеру приделать к серебряным корзинкам (вроде тех, которые употребляют для ловли форели) ножки. Затем он распорядился, чтобы, разведя огонь, поймали выпрыгивающих на огонь рыб, положили в одну корзинку форелей, в другую — ельцов, в третью и четвёртую — бычков и

карасей, завернули всё в рогожу, и Накатада послал это сыновьям Фудзицубо. Генерал своей рукой поставил дату ‹…› и написал имя. Сбоку он приписал:

«Каждый день,
В теченье тысячи лет,
Хочу я рыбу
Тебе посылать,
Что в заводях тихих ловлю».

‹…› Письмо было написано на красной бумаге и прикреплено к цветку гвоздики. Позвав человека ‹…›, Накатада сказал ему:

— Отнеси это в южную усадьбу, которая находится на Третьем проспекте возле дворца отрёкшегося государя, и отдай молодым господам.

Когда посыльный доставил подарки, старший сын Фудзицубо, взглянув на них, сказал:

— Это для нашей матери, — и велел отнести ей.

У неё в то время находился Масаёри. Фудзицубо увидела сыновей, приняла подарки и сказала старшему сыну, чтобы он написал в ответ то-то и то-то, а сбоку приписала сама:

«Начав
Рыбу ловить,
До самых далёких
Горных речушек
Добрался…»

Письмо было написано прекрасно. Посыльному вручили подарки. Масаёри велел слугам приготовить рыбу и отобедал с большим удовольствием. Фудзицубо тоже подали блюда из присланной рыбы, изо всей, кроме форелей.

Посыльный возвратился к Накатада с письмом на синей бумаге, прикреплённым к цветам колокольчика. Накатада прочитал его и сказал:

— Написано просто великолепно! Совсем недавно просили меня сделать прописи, я преподнёс их буквально на днях, и вот — его почерк

уже очень похож на образцы!

Канэмаса, взглянув на письмо, произнёс:

— Какой умный ребёнок!

— Когда я недавно была у Фудзицубо, я видела, как Молодой господин занимался каллиграфией, — сказала Первая принцесса.

— У него и внешность замечательная, — добавил Накатада. — Во дворце наследника престола этот ребёнок самый блистательный, он превосходит и сына Ути-но мия[245] и сына Насицубо. Он вырастет принцем совершенно удивительных качеств, редкого благородства.

В тот день было прохладно. Господа велели забрасывать в реку сети, а вечером смотрели, как ловят рыбу с помощью бакланов.

В этот же день Тикадзуми передал кормилице Второй принцессы письмо с полным женским нарядом и белым охотничьим костюмом:

«Вчера я послал Вам письмо. К сожалению, я писал его второпях. То, о чём я Вас прошу, очень трудно выполнить в усадьбе отца, но здесь вечером, когда все занимаются музицированием или наслаждаются прохладой на берегу реки, тихонько проведите меня к своей госпоже. Вчера утром я следовал за поездом, и сейчас, находясь совсем близко, горю желанием выполнить мои намерения. Я посылаю Вам кое-какое платье, потому что сейчас очень жарко и приходится часто менять одежду».

Развернув полученную одежду, кормилица испугалась: «Как бы кто-нибудь не догадался, от кого это» — и представила дело так, будто принесли вещи, которые она оставила дома в стирку. Кормилица написала молодому человеку в ответ:

«Благодарю Вас за письмо. Вчера к нам пришёл господин левый министр и торопил Вторую принцессу с отъездом, поэтому мы и пустились в путь очень поспешно. То, о чём мы говорили, очень меня страшит. Здесь положение хуже, чем в усадьбе, — здесь все принцы, начиная с господина Тадаясу, стоят стеной вокруг госпожи, ночью постоянно ходят вокруг и никого к ней не подпускают. Вы отправились за нами, но лучше бы Вам возвратиться поскорее назад. Постарайтесь, чтобы Вас никто не заметил. За полученную одежду очень Вас благодарю. Вы так добры, что позаботились даже о моей одежде. Я в тайне размышляю, как сделать, чтобы эта одежда попала на глаза моей госпоже. Я обязательно скажу ей, что Вы были здесь».

Когда вечером господа вошли в дом, Тадаясу отправился в покои Второй принцессы.

— ‹…› — обратился к жене Накатада.

— Госпожа сегодня совсем ничего не ела, — сказали ему дамы, находившиеся при ней.

— Так не годится, — промолвил он. — ‹…›

Принесли рис с водой но принцесса закрыла глаза и даже смотреть на него не захотела. Накатада, посадив на колени Инумия, стал кормить дочку рисом.

— Я знаю, какая ты заботливая мать, — сказал он жене.

— Как жарко! выйдем на веранду, — попросила она.

— Вчера вечером я беспокоился, но сегодня я не собираюсь проводить ночь на веранде,[246] — ответил он и лёг в покоях. Потом велел слуге: — Пошлите поскорее кого-нибудь ко Второй принцессе. Мне послышалось что-то подозрительное.

Кормилица похолодела от страха: «Как же он услышал?» Заметив, что Тикадзуми расположился на веранде, Накатада подошёл к нему.

— Прекрасно! — сказал он. — Сейчас здесь находится Вторая принцесса, и поэтому сюда пожаловали такие свирепые воины, как ты. В каком-нибудь другом месте это, наверное, было бы необходимо, но там, где нахожусь я, подобная помощь смехотворна.

У Второй принцессы ещё не спали, и кормилица, дрожа от страха, сидела сама не своя.

На небе забрезжила заря. Решётки были подняты. Между покоями Второй принцессы и жены Накатада стояли высокие ширмы. От других покоев комната младшей сестры была отделена переносными занавесками. Накатада подумал, что другого такого случая увидеть Вторую принцессу не представится. Жена его крепко спала, и он, встав на скамеечку-подлокотник, заглянул в соседние покои через ширмы. Рассветало. Принцы, начиная с Тадаясу, спокойно спали. Вокруг Второй принцессы были поставлены переносные занавески, но ленты их были подняты. Принцесса как раз встала помочиться, и Накатада мог прекрасно её разглядеть. Она была в белом однослойном платье из узорчатого шёлка, волосы спутаны со сна, весь её облик дышал невинной красотой. Проснулась её младшая сестра, она была ещё совсем ребёнком, но в ней уже проступало благородство. Накатада восхитился, как хороши все дети госпожи Дзидзюдэн.

Весь следующий день было прохладно, господа приказали ловить форель, а вечером гости возвратились домой. Хозяин подарил Тадаясу и другим принцам лошадей и соколов. Госпожам, начиная с Первой принцессы, он преподнёс золотые ‹…› коробки, в которые было положено множество редкостных вещиц. Для Инумия в маленькую коробку

положили пищу, так ей понравившуюся накануне. Кормилицам дали по полному наряду. Сопровождающие дамы получили накладные волосы.

Гости покинули усадьбу.

* * *

После этого Канэмаса отправился к Насицубо на церемонию очищения. Он попросил Накатада приготовить пять экипажей. С ним ехали Третья принцесса и молодые господа.[247] После церемонии очищения они совершили приятную прогулку и через два дня возвратились домой.

Дочь покойного главы Палаты обрядов в сопровождении близких людей отправилась в трёх экипажах на Восточную реку. Канэмаса с ней не поехал, но наказал правителю провинции Оми:

— Госпожа отправляется на Восточную реку для обряда очищения. Вели поставить экипажи недалеко от реки, наловить форелей и приготовить их для неё. Она совсем как ребёнок, даже удивительно; сама ничего не может сделать, и я за неё беспокоюсь.

Госпожа совершила обряд и благополучно возвратилась домой.

Фудзицубо собралась для церемонии очищения отправиться на мыс Карасаки.[248] Её сопровождал сам Масаёри и множество его сыновей. Когда экипажи выезжали из усадьбы, жена Масаёри сказала:

— Пусть едет впереди твой экипаж.

Фудзицубо же принялась возражать:

— Нет-нет, пожалуйста, становитесь вы вперёд.

Они уступали друг другу дорогу, и ни один экипаж не трогался с места. Сопровождающие не знали, как им быть. Наконец Масаёри приказал одному экипажу Фудзицубо ехать впереди. Все, кто мог видеть Фудзицубо, приходили в изумление от её красоты.

Прибыв на мыс, Фудзицубо очень торжественно выполнила церемонию очищения, после чего возвратилась домой в сопровождении отца и всей свиты. Братья по очереди охраняли её покои.

* * *

Проходило время, и из Восточного дворца поступали жалобы, что уж очень медлит Фудзицубо с возвращением. Наследник престола то предавался печали по этому поводу, то начинал гневаться и всё время посылал ей письма.

Посыльный архивариус рассказывал:

— Говорят, что наследником престола будет объявлен сын Насицубо. Господин мой стал усердно заниматься государственными делами. Днём он совсем не приходит к своим жёнам, а в последнее время даже музыкой не занимается.

Фудзицубо то отвечала наследнику престола коротеньким письмом в одну-две строчки, а то и ничего не отвечала. Все при этом ахали и укоряли её: «Разве так можно? Ведь это в высшей степени невежливо. Да ты унижаешь своего господина!» И к Масаёри, и к Фудзицубо всё чаще и чаще приходили посыльные от наследника престола: архивариусы, придворные высших рангов, его личные телохранители. У старшего сына Фудзицубо собиралось много народу, и все относились к нему как к будущему наследнику престола. Глядя на это, все в семье Масаёри в смятении думали: «А вдруг всё-таки наследником будет провозглашён сын Насицубо?» — и тревога их была беспредельна. В храмах заказывали молебны, делали подношения богам и буддам. Наступил двадцатый день седьмого месяца.

*** * ***

Как-то вечером принц Тадаясу пришёл в западные покои и завёл такой разговор с Фудзицубо:

— С тех пор, как ты находишься в родительском доме, я несколько раз хотел поговорить с тобой, но всегда здесь толчётся много народу. Я хотел бы сказать тебе лично о моих чувствах теперь, когда уже повзрослел. Я упустил счастливый случай…

— С годами удобный случай иногда приходит вновь, — ответила Фудзицубо. — Я сейчас ничем не занята и могла бы беседовать с теми, кто этого желает, но меня все забыли.

— Я тебя совсем не забыл. Как ты думаешь, почему я до сих пор живу один?

— Ты, наверное, ждёшь какую-то необыкновенную девицу.

— Ты многим отвечаешь на письма, написала бы, хоть изредка, и мне

что-нибудь. Я уже устал ждать, — укорял он Фудзицубо.

— Желая получить ответ, ты очень многим отправлял послания. Чего же ты хотел от меня? — усмехнулась она.

— Я скажу тебе настоящую причину того, почему до сих пор живу бобылём. Отовсюду я получал предложения о браке, но не могу забыть, как ты равнодушно относилась ко мне, и даже мысль о женитьбе не приходит мне в голову. Но если ты теперь не столь равнодушна, как раньше, думай иногда, что я тайно продолжаю любить тебя.

— Странные речи, — произнесла Фудзицубо. — Если бы ты и открылся мне, я не могла бы относиться к тебе иначе… Ты же не чужой мне человек. И говорить с тобой я могу, потому что мы родственники.

В это время в покои вошёл Мородзуми, желая о чём-то сообщить. «Прямо как назло! Зачем только его принесло», — с раздражением подумал Тадаясу и прекратил разговор с Фудзицубо.

* * *

Масаёри, Тададзуми, Тикадзуми и Юкидзуми отправились в Кацура.[249] Тадаясу и его братья говорили между собой: «Ах, если бы в этом очаровательном месте можно было излечиться от болезней!» Дойдя до рощицы клёнов, они, глядя на пышную зелень, дружно воскликнули: «Вот превосходное место для игры в мяч!»

Господа переоделись в простые верхние платья. Лучше всех играли в мяч Накатада и Тикадзуми. Очарованные их умением, прочие господа с восхищением следили за игрой.

* * *

После разговора с Фудзицубо Санэтада погрузился в размышления: «Если я не последую её совету и останусь жить в Оно, она будет недовольна», — и Санэтада перебрался в столицу.

— Рад тебя видеть, — встретил его Санэмаса. — Я уж думал, что если ты будешь задерживаться, я сам поеду за тобой. Здесь очень неудобно, но там, где мы живём, начались дурные предзнаменования, и поэтому

некоторое время назад я перевёз всех на Второй проспект.[250] Я уже сказал, что и ты будешь там жить. Поедем же поскорей.

— Зачем куда-то ехать? Побудем немного здесь, — предложил Санэтада. — Как же чувствуют себя моя жена и дочь, которых ты советовал мне забрать?

— Сейчас очень жарко, и я в такую даль не рискнул отправляться, — безразлично ответил брат. — Подожду, когда станет немного прохладнее. Поехали же, — настойчиво сказал Санэмаса. И сев в экипаж, они отправились на Третий проспект.

Слуги проводили их в дом. Госпожа при виде братьев испугалась и спряталась за переносную занавеску. Первым в покои вошёл Санэмаса.

— Какое уныние! Почему это? — сказал он, поднимая занавесь.

Управляющий встал на колени, чтобы встретить господина. «Санэтада должен чувствовать себя здесь до крайности неловко», — подумал Санэмаса. И действительно, брат его, в смущении, никак не входил в дом.

— Попросите его войти, — обратился Санэмаса к госпоже. — Сейчас не время стесняться. Мне кажется, вы слишком недоверчивы.

Гостям вынесли соломенные подушки для сидения. Санэтада волей-неволей вошёл в покои. Он внимательно осмотрел комнату и увидел, что в глубине, за небольшой переносной занавеской кто-то есть, а у столба сидит очень красивая молодая девушка. «Странно, кто бы это был? — подумал Санэтада, разглядывая её. — Как она холодно на меня смотрит. Это, наверное, сестра Фудзицубо, поэтому она так хороша собой».

Девица же думала: «Как бы там ни было, пусть отец увидит меня, пусть посмотрит, какой я стала» — и не обращая внимания на то, что её видит и дядя, сидела перед братьями. Санэтада не сводил с неё глаз, восхищённый её красотой, а жена его спрашивала себя: «Догадывается ли он, что это его собственная дочь?» — но не говорила ни слова.

Содэмия, видя, что отец не узнаёт её, очень опечалилась и, не выдержав, залилась слезами. Санэмаса глядел на эту сцену с глубокой скорбью.

— Неужели ты не узнаёшь? — спросил он.

Санэтада сидел с серьёзным видом и ничего не отвечал.

— До нынешнего времени, когда твоя дочь стала совсем взрослой, ты им ни в чём не помогал, и я, не в силах с этим смириться, перевёз их сюда. Переезжай и ты поскорее. Тебе нельзя больше жить отшельником. Посмотри, как выросли у неё волосы, — сказал он, гладя племянницу по голове. — Здесь ещё есть кто-то. Во всей Поднебесной ты вряд ли найдёшь более красивую женщину. Если ты доверяешь мне, послушайся моего

совета и переезжай поскорее в этот дом.

— За то время, что я не видел Содэмия, она стала совсем взрослой, — произнёс Санэтада и заплакал.

Все его старые слуги собрались в покоях и не могли удержаться от слёз. Увидев перед собой кормилицу Масаго, Санэтада разразился горькими рыданиями. «Как тяжело! Я совсем не предполагал этого, направляясь сюда», — говорил он себе.

— Когда наш отец был жив, она как мать заботилась о тебе и мыла тебе голову. Сейчас и родная сестра так не заботится о брате, — сказал Санэмаса, указывая на кормилицу. — У меня нет никого, о ком я должен заботиться, и я хочу помочь твоей дочери, но мало что в моих силах. Если ты отвернулся от мира и не вспоминаешь о жене — что уж тут поделать! Но позаботься о своей дочери, стань ей опорой во всём.

Санэмаса указал сопровождающим их людям комнаты, где они могли отдохнуть, и велел накормить их.

— Мой брат прибыл сюда издалека. Угостите его хорошенько, — сказал он управляющему.

Слуги внесли красиво накрытый чёрный столик, на котором были расставлены постные кушанья. Бывшие слуги самого Санэтада, кормилицы Содэмия и Масаго изменились за это время, но он узнал их. Те, кто в его время был подростком, стали молодыми людьми. И только нынешних подростков он не знал. После еды прибывшим подали вино. Потом Санэтада пригласили в покои, устроенные для него как раз в то время, когда его жена и дочь переехали сюда из деревни у горы Сига:

— Пожалуйста, пройдите туда. Сейчас очень жарко, отдохните.

Многое из того, чем пользовался в своё время Санэтада, бумага, на которой он раньше любил писать, занимаясь каллиграфией, было утеряно, но зато приготовили другие изящные вещи, и ни в чём не было недостатка.

«Как она заботлива! — подумал Санэтада о жене. — Она рано лишилась родителей, и я один был ей опорой… Эта женщина родила мне двоих детей… Всё бросив, я долго не показывался у неё, а она из всех моих вещей ничего не потеряла».

В комнату пришли старые слуги Санэтада, помогли ему переодеться, обмахивали его веером. Всё было, как в старые времена.

Санэмаса тем временем раздумывал, за кого бы выдать Содэмия замуж. Он не возвратился к себе домой и занимался только делами брата. В усадьбу спешно прибыл и Санэёри.

— После того, как отец наш скончался, я днём и ночью погружён в печаль и стенаю, но сегодня я смог забыть свои грустные думы и чувствую

на сердце радость. Если ты поселишься здесь, мы будем служить тебе как отцу и господину, хотя мы родные братья, — сказал он Санэтада.

Санэмаса и Санэёри оставались в усадьбе и всячески ухаживали за братом.

Прошло несколько дней. Санэтада ни с женой, ни с дочерью ещё не говорил.

О том, что Санэтада возвратился в столицу, стало известно во дворце императора, а затем и у наследника престола. «Мы слышали, что он очень несчастен, что он человек пропащий. Но теперь он вновь собирается поступить на службу», — говорили между собой придворные. Масаёри был очень обрадован этим известием. «Его давно уже убеждали возвратиться в столицу, недавно он был у меня, и я его уговорил», — рассказывал он.

Санэтада же опасался, что если он не будет встречаться со своей женой, то все, и Фудзицубо в том числе, сочтут, что он не собирается по-настоящему возвратиться к прежней жизни, поэтому на четвёртый день своего пребывания он прошёл на женскую половину и заговорил с дочерью.

— Мы вновь встретились с тобой после долгой разлуки. На душе у меня тяжело, и когда я смотрю на тебя, меня охватывает глубокая печаль. Мне бы хотелось поговорить с тобой серьёзно. Как вы жили всё это время? Может быть, ты думаешь: к чему теперь говорить об этом?.. Когда мы встречаемся, на сердце у меня становится горестно, а здесь ещё одолевает так много печальных воспоминаний… — и добавил: Наверное, я не смогу приходить к вам часто.[251]

Дочь его не могла произнести ни слова и только заливалась слезами.

— Расскажи мне о том, что произошло за время нашей разлуки, — повторил просьбу отец.

— Эти долгие годы я провела в тоске и печали, и сейчас, когда мы встретились, я всё ещё не могу этому поверить, — ответила она.

— Думаю, что мне осталось недолго жить на свете, и всё это время, пребывая в горах, я хотел постричься в монахи, — сказал Санэтада.

— Как-то раз, когда мы жили в горах Сига, вы с одним господином неожиданно вошли к нам. Я очень хотела увидеть вас ещё, но больше мне такой случай не представлялся… — промолвила дочь.

— Да, помню, желая полюбоваться клёнами, я приблизился к какому-то дому, но мне и в голову не приходило, что могу там встретить вас. А когда умер мой отец, Санэмаса рассказал, где вы находитесь, и я понял, что это были вы. Как же вы жили в таком глухом месте!

Санэтада долго говорил с дочерью и в конце разговора спросил:

— Где сейчас твоя мать? Я хочу поговорить с ней.

Обрадованная этими словами, дочь отправилась к матери и сообщила ей о пожелании отца.

— К чему нам встречаться? — недоумевала госпожа.

— Мой отец завещал, чтобы я как тень был возле вас и защищал вас, — вмешался в разговор Санэмаса. — Сейчас брат хочет говорить с вами, так почему же вы, дорогая моя, противитесь? Хоть он и не прислал вам письма, но, пожалуйста, поговорите с ним. Я забочусь не только о вас. Подумайте и о дочери — жаль, если такая красавица пропадёт в неизвестности. Я всячески стараюсь устроить её судьбу. Пойдите же к Санэтада немедля и поговорите с ним спокойно. Поверьте, я даю вам искренний совет.

— А что если я увижусь с ним, и он только укрепится в своём желании удалиться на Орлиный пик?[252] — прошептала она.

— А вдруг вместе с вами на гору Любви? — возразил Санэмаса.

— Если бы мы до сего времени жили вместе… — засмеялась госпожа. — А сейчас уже поздно. Но раз вы просите…

И, надев светло-серое платье и тёмно-серую шёлковую накидку, она вышла к мужу и села за переносной занавеской.

— Даже в самом начале, когда мы ещё стеснялись друг друга, таких преград между нами не было, — сказал Санэтада, и убрав занавеску, взглянул на жену.

Госпожа была так же хороша, как и раньше, и чем-то она походила на высочайшую наложницу Дзидзюдэн. Госпожа была худощава, но это придавало ей особое изящество и миловидность.

— Ах, глазам не верю! Мы так давно не виделись! — начал Санэтада. — Ты не дала мне, к сожалению, знать, где поселилась, и я, скучая всё это время в глухих горах, холодными ночами весной и осенью вспоминал тебя, но навестить не мог. Я сейчас совсем не тот, что был раньше, а вот ты совершенно не изменилась. Только очень жалко нашего сына!

«После долгих скитаний
Вернулся домой,
Но меня
Уж не ждёт
Молодой журавлёнок», —

написал он на веере и передал жене. Госпожа сквозь слёзы произнесла:

— Старое наше жильё
Дикой травой заросло.
И он, возвращенья
Твоего не дождавшись,
В свой путь пустился.

Тронутый её скорбью, Санэтада произнёс:

— Говоря по правде, в своё время, очарованный пустым соблазном, не имея возможности добиться исполнения своих желаний, я не захотел жить в столице, затворился в горах и не приходил даже к отцу. Я навестил его только перед самой кончиной. Тогда, разговаривая с ним, я услышал, что вы живы и здоровы. Сразу после этого наступило время нашего траура, и я очень хотел послать тебе письмо, но думая, что ты должна глубоко ненавидеть меня, не решался.

— Я знала, что все эти годы ты провёл, погруженный в размышления. Мне хотелось спросить, не из-за меня ли это, но, подозревая, что ты меня невзлюбил… — ответила госпожа.

— Разве я мог бы злиться на тебя до сих пор? Было время, когда я ненавидел тебя, но сейчас…[253]

Они долго разговаривали, вспоминая прошлое.

— Думаю, что теперь всё будет хорошо, — сказал Санэтада.

‹…›

Было уже поздно. Санэтада всё ещё оставался с госпожой.

Внесли столики с едой, они сели за трапезу, и только затем Санэтада возвратился в свои покои.

Санэмаса и Санэёри оставались в усадьбе с братом. Беспокоясь, не надумает ли Санэтада вернуться в Оно, они, предупредив своих жён, днём и ночью пребывали возле брата. Они велели жёнам присылать им еду и угощали Санэтада, госпожу, Содэмия и прислуживающих дам.

*** * ***

Придворные, которые раньше были дружны с Санэтада, очень обрадовались его возвращению в столицу, что явилось для них неожиданностью. Некоторые прислали ему изысканные подарки. Как-то раз, прохладным вечером, к Санэтада явился Накатада:

— Я узнал, что ты теперь обосновался на Третьем проспекте. Некоторое время назад я хотел отправиться к тебе в Оно, но много было разных дел, и я так и не смог поехать. Честно говоря, мне хотелось ещё раз посетить с тобой тот дом у горы Сига, в который мы зашли случайно. Но ты нанёс визит туда? Кто же дама?

‹…›

Увидев Накатада, госпожа и Содэмия вспомнили его. «Похоже, что это тот господин, который заходил к нам в горах. С тех пор он стал ещё прекраснее. Кто же это?» — говорили они между собой.

Поговорив с другом, Накатада покинул усадьбу.

Узнав о возвращении Санэтада, Масаёри сказал своим сыновьям:

— Санэтада вернулся к своей жене. Они живут недалеко, к востоку от нас, надо навестить его. Отец его умолял на смертном одре, чтобы я не дал ему погибнуть. И вот он возвратился к прежней жизни. Надо поздравить его. — Он отправился к Санэтада в сопровождении Тададзуми и Сукэдзуми.

Санэмаса изумился, увидев их в воротах, и все трое братьев вышли встретить министра.

— Несколько дней тому назад я узнал о том, что вы возвратились к госпоже, — начал Масаёри. — Я хотел сразу же нанести вам визит, но стояла страшная жара. Я очень рад, что вы обрели спокойствие.

— Санэтада зашёл сюда, чтобы навестить сестру,[254] и мы его задержали. Он всё ещё хочет возвратиться в горное селенье, никак не может забыть прошлое, — сказал Санэмаса.

— ‹…› — пошутил Масаёри, и все засмеялись.

Из внутренних покоев вынесли столики с угощением, накрытые особенно тщательно. Принесли вино. Масаёри произнёс, протягивая чашу Санэтада:

— Тот, кто просил,
Чтобы тебя
Не забыл я,
Смотрит с небес,
В сердце своём веселясь.

Санэтада ответил:

— С высоких небес
Смотрит отец
На меня,
Позабывшего
Долг свой сыновний.

Санэмаса продолжил:

— На братьев любящих,
Из горной глуши
Тебя приведших домой,
С улыбкой взирает
Отец наш с небес.

Санэёри сложил:

— При виде того,
Как вместе собравшись,
Дружно сидят сыновья,
Глохнет тревога
На сердце отца.

Тададзуми произнёс:

— Не только отец,
Но любой,
Вспомнив, как долго
Эти несчастные жили в разлуке,
Горько заплачет.

Сукэдзуми добавил:

— Отправившись в горы,
Как-то увидел,
Как сидишь ты один,
Всем сердцем уйдя
В горчайшие думы.

‹…›

Вино подносили вновь и вновь. Господа долго беседовали, и Масаёри попросил Санэёри передать госпоже: «Я поздравляю вас с тем, что дело обернулось таким поистине радостным образом. Отныне удерживайте вашего мужа, чтобы он не блуждал далеко от вас, но оставался рядом».

Госпожа написала на чаше и преподнесла вместе с бутылочкой вина:

«Не научившись летать,
Птенец упорхнул
Из гнезда родного.
И где его дом,
Ныне не знает.[255]

Масаёри, прочитав, написал в свою очередь: «Именно так и было. Но при всём том

Вместе с другими
Носился птенец далеко,
Но вернувшись
В родное гнездо,
Больше его не покинет», —

и послал госпоже.

Санэтада при этом подумал: «О чём они пишут друг другу? Как это неприятно!»

Поскольку семья пребывала в трауре, гостям не преподнесли подарков, не дали и сопровождающим шёлка. На прощание Масаёри сказал:

— Так и живите вместе, а я — поскольку дом ваш очень близко — буду наведываться к вам.

*** * ***

Прошло десять дней. Санэмаса стал ночевать дома, но дни по-прежнему проводил с братом. Санэтада же не мог успокоиться: «Что подумает Фудзицубо, узнав, что я веду такой образ жизни, который мне к тому же не по душе?» Он хотел затвориться в своих покоях, но днём в усадьбе было много народу, чиновники, бывшие на службе у покойного министра, являлись представиться Санэтада. Правители провинций привозили рис и фрукты. Усадьба казалась процветающей.

Санэтада написал Фудзицубо:

«После того, как послал Вам письмо, я сразу же отправился далеко в горы. Но Вы мне не велели жить в Оно и наказали время от времени приезжать в столицу, поэтому недавно я посетил дом на Третьем проспекте и в силу непредвиденных обстоятельств остался здесь до сего дня. Вы, должно быть, об этом знаете.

Все рады, что снова
Я в доме родном поселился.
Но каждый день
В тоске по тебе
Исхожу я слезами.

Скоро Вы, наверное, возвратитесь во дворец. Вы обещали мне, что иногда я смогу посещать Вас, поэтому сейчас, находясь от Вас так близко, я думаю „Не представится ли мне ещё раз благоприятный случай, как несколько дней тому назад?" Ведь после Вашего возвращения во дворец когда ещё появится такая возможность?»

Фудзицубо написала ему в ответ:

«Я узнала, что последнее время Вы живёте поблизости, и надеюсь, что жизнь Ваша изменилась к лучшему. Как я Вам говорила, мы можем иногда видеться, и если Вы будете оставаться недалеко от меня, то вполне вероятно, случай и представится. Я пока что не тороплюсь отправиться во дворец.

Знаю, что ты возвратился
В родительский дом,
И рада, что помнишь
Об обещанье,
Мне данном».

*** * ***

«Так жить совсем неплохо. Это лучше, чем томиться скукой в горах и не видеть никого, кроме грубых мужланов», — решил Санэтада, о котором все пеклись как могли. Но его беспокоили возможные пересуды, и с госпожой он не общался. Гардеробной в их доме не было, их покои разделяла только дверь в середине дома: в восточной части жила госпожа, а он — в западной. Они жили, не видя друг друга. Служанок к себе он не подпускал, а всю работу для него выполняли мужчины, которые давно были у него на службе. Время от времени он звал к себе Содэмия и разговаривал с нею.

— Как ты жила все эти долгие годы? Господин, который был тогда со мной в горах, недавно приходил сюда. В ту пору он был вторым военачальником Личной императорской охраны. У него замечательный талант ко всему, но особенную славу он снискал своей игрой на кото. Мы тогда захотели полюбоваться клёнами, и он услышал, как играла на кото ты. Он сказал мне: «Это будет знаменитый музыкант!» С тех пор ты стала играть ещё лучше.

— В то время, грустя и тоскуя по вам, я считала, что жизнь моя кончена. Меня неотступно мучила лишь одна дума: «Неужели я больше его не увижу?» Всё стало мне безразлично, и я только томилась тоской, — рассказывала Содэмия.

— Почему в тот день, когда я зашёл к вам в горное жилище, ты не открылась мне? — упрекнул её отец.

— Я хотела сделать это, но матушка мне запретила. Я выходила к вам, и разговаривая о том о сём, втайне надеялась: «А вдруг он догадается?» Но вы не догадались. Как мне было обидно! — призналась девица.

Санэтада решил, что она так и не простила его, и больше ни о чём не спрашивал.

Вот таким образом он вёл себя и держался отчуждённо, но ночами, когда все спокойно спали, он приходил к госпоже и вёл с ней разговоры. Никто об этом не догадывался. Он старался всё сделать так, чтобы его посещения оставались в тайне.

— Уже давно чувства мои к тебе переменились, но с тех пор, как я тебя покинул, я ни к одной женщине не приближался. Когда я поселился в усадьбе Масаёри, Хёэ, которая прислуживала Фудзицубо, взялась передавать от меня письма госпоже, но и в мыслях я не заигрывал с нею. В то время вокруг меня было так много женщин! Однако мне — как будто я ушёл в монахи, — мне не хотелось посылать женщинам письма, и до сих пор я живу один, — сказал он как-то госпоже и вышел из её комнаты.

Однажды днём, написав письмо, он положил его у двери на восточную половину, и позвав дочь, сказал ей:

— Передай это матери и принеси ответ.

С невинным видом Содэмия понесла письмо матери, и как раз в то время в покоях появился Санэмаса. Госпожа подумала: «Если я сейчас не возьму письма, Санэмаса, конечно, решит, что я совершенно порвала с мужем», — и взяла бумагу. Санэмаса, протянув руку, сказал:

— Мне хочется знать о его настроении.

— Батюшка не велел, чтобы я вам его показывала, — запротестовала Содэмия.

— Мне хочется знать, что у него на душе, — повторил Санэмаса и стал читать:

«Я очень рад, что снова встретил тебя. Я с нежностью вспоминаю прошлое, и мне хочется о многом поговорить с тобой.

Долгие годы
Вовсе не думал,
Как разлука тяжка,
Но сегодня я ночи
Дождаться не в силах…

Когда наступит вечер, я хочу спокойно поговорить с тобой».

— Всё обстоит как нельзя лучше, — обрадовался брат. — Поскорее напишите ему ответ.

— Что же я ему напишу? — промолвила госпожа и отвечать не стала.

Написала Содэмия:

«Вы вспоминаете о прошлом, которое из-за Вас же оказалось таким кратким. А каково сейчас Ваше настроение?

Вечер надежду вселяет
В каждую душу.
Но грустно видеть,
Как ты сейчас
Изменился!

Печально у меня на сердце!»

Она отнесла письмо отцу.

Наступила ночь, и Санэтада отправился к жене. В это время от левого министра прибыли подарки: прекрасный мёд, дыни, подсушенный рис, водоросли кодиум, колючие «чёртовы лотосы». Вместе с этим Масаёри прислал госпоже письмо:

«Несколько дней тому назад я был у Вас, но Вы, как мне сказали, отсутствовали. Я догадался, что явился не вовремя, и тотчас возвратился домой. Водоросли кодиум я посылаю для Санэтада.

Водоросль эту,
самое дно
Моря нырнув,
С трудом
Отыскал я.[256]

Пусть и Санэтада поскорее последует этому примеру.[257] Что касается жареного риса, то это не для моих больных зубов. Потому посылаю его молодым».

Стали рассматривать присланное. В коробках лежали вкусные дыни и

превосходные «чёртовы лотосы». Кроме того, был здесь большой кувшин, с надписью на нём: «Для Вашей дочери». Кувшин был серебряным и доверху наполненным лощёным шёлком и китайским узорчатым шёлком; переплетёнными нитками его привязали к шесту из аквилярии. Санэтада воскликнул:

— Как же за это отблагодарить? Министр позаботился даже о шесте для переноски предметов!

Он послал кувшин дочери. Министру же ответил:

«Не пойму, о чём идёт речь. А водоросли —

Даже в Исэ рыбаки,
Ныряя на дно,
На водоросли не смотрят.
Я и подавно, уплыв далеко,
Собирать их не буду.[258]

Подсушенный же рис ‹…›».

Он вручил посыльному подарки.

С тех самых пор он проводил ночи у жены.

— Ты можешь снять траур, — сказал он дочери. — Завтра как раз благоприятный для этого день.

— Мне матушка велела снять траурные одежды вместе с вами, когда окончится срок, — ответила та.

— Это не обязательно ‹…›, — сказал Санэтада ‹…› и заставил её снять траур.

Когда Санэтада увидел дочь, одетую в пурпурное платье и такую же шёлковую накидку, он пришёл в восхищение от её красоты. Она была похожа на Фудзицубо и только чуть-чуть уступала ей. Отец увидел, что его дочь — настоящая красавица.

Санэтада захотел отправиться в Оно.

Жена его надела такое же платье, что и Содэмия, и написала мужу:

«Одежду, что шила
Я для тебя,
Напрасно тебя ожидая,
Окрасила густо

Слезами своими».

Санэтада ответил ей:

«Если бы чёрной
Одежда была,
Что слезами ты омывала,
Я б всё равно не подумал,
Что красили тушью её».

Он на некоторое время удалился в Оно.

*** * ***

Наследник престола приходил во всё большее уныние из-за того, что Фудзицубо не возвращалась во дворец и не отвечала на его письма. Он давно не приглашал к себе ни Пятую принцессу, ни Насицубо, и сам не ходил к жёнам. Все дни он проводил, томясь скукой, ничего не ел и с каждым днём всё больше и больше чах.

— Он заболел перед самой церемонией восшествия на престол, очень уж не вовремя, — сетовал император.

— Не думаю, что болезнь его серьёзна, — отвечала императрица. — Просто сейчас жарко. А может быть, он расстраивается из-за каких-нибудь пустяков.

Наследник престола послал с архивариусом письмо Фудзицубо и сказал ему:

— Если и на этот раз не будет ответа, можешь не возвращаться. Я прогоню тебя со службы.

Архивариус очень опечалился. Горько вздыхая, он пошёл с письмом к Фудзицубо. Явившись к наложнице, он передал:

— Наследник престола сказал вот что: «Поскольку ответы госпожи последнее время очень кратки и туманны, разузнай подробно о её настроении» — и велел отдать письмо.

Фудзицубо прочитала: «Часто пишу тебе, но ответа не получаю и

очень беспокоюсь. Все вокруг меня очень удивляются, что ты не возвращаешься во дворец, и мне слушать их замечания мучительно. Я решил было не писать тебе, но сделать этого не могу.

Вместе живя,
Как бы мы горевали,
Что наступают рассветы!
А ныне жизнью пустою
В разлуке живём.

У нас много детей, ради тебя я даже жизни не пожалею, — но в таком состоянии жить не могу».

Как обычно, Фудзицубо отвечать не собиралась. Архивариус стал умолять её:

— Наследник грозил, что если я не принесу ответа, он прогонит меня со службы. Явите свою милость. Лишившись службы, я жить не смогу.

За него вступилась Соо, а за ней Хёэ:

— Напишите хоть одно слово ради Акоги. Будет очень жалко, если её брат пострадает.

— Захоти наследник, не получив ответа, наказать тебя, это будет моя вина, — и я была бы рада узнать, что тебя не наказали. Но если наследник выполнит угрозу, я постараюсь достать тебе место выше нынешнего, — сказала Фудзицубо.

— Что же делать? — воскликнул архивариус. — Разве я могу возвратиться во дворец с пустыми руками? Как я осмелюсь передать наследнику ваши слова?

— Возвращайся и передай через кормилицу, что ответа не будет, — повторила Фудзицубо.

Плача, молодой человек возвратился во дворец и доложил о её словах.

«Это сын кормилицы Фудзицубо, и она очень его любит. Если я прогоню его со службы, она мне напишет что-нибудь», — размышлял наследник престола и выполнил свою угрозу. После этого он каждый день с нетерпением ждал письма, и когда приходили к нему сыновья Масаёри, всё надеялся: не прислала ли она что-нибудь с ними? Но письма так и не было. «Что за жестокое сердце! Почему она так сильно злится? Может быть, она негодует, что я приглашаю к себе других жён?» — терялся в догадках наследник.

Об остальном вы узнаете из следующих глав.

Глава XVIII
Восшествие на престол (Окончание)

К вечеру того же дня[259] от императрицы доставили письмо первому министру Тадамаса: «Мне хотелось бы с тобой кое о чём поговорить. Приди потихоньку во дворец вместе с сыновьями — старшим советником Тадатоси и советником сайсё Киёмаса. Дело важное».

Императрица прислала письмо и правому министру Канэмаса:

«Приди во дворец вместе с Накатада».

«Сказано — сделано, — передали ответ братья. — Повинуясь вашей воле, обязательно придём». И ночью в сопровождении сыновей они отправились во дворец.

Императрица удалила прислуживающих ей дам, велела братьям сесть поближе и обратилась к первому министру:

— Я пригласила вас вот по какому поводу. С давних пор наследником престола провозглашался сын супруги императора из нашего рода, но сейчас, по-видимому, от этого обычая отступят, а если так, то больше к нему не вернутся. Передача престола должна состояться в этом месяце, и император сказал: «В тот же день надо будет провозгласить наследника престола». Я придерживаюсь того же мнения. Среди всех сановников ты самый важный, а следующие чины занимают Канэмаса и Накатада. Что же касается рода наших противников, там в высоком чине один только Масаёри. Суэакира скончался, а остальные в чинах небольших. Трон всегда переходил к принцу из нашего рода, и можно ли допустить, чтобы на этот раз императрицей объявили дочь Минамото, а её сына — наследником престола? Когда разные девицы прибывали на службу во дворец наследника престола, я всё ждала, кто из них родит сына. В течение долгого времени — так, что мы уже начали беспокоиться, — ни одна из них не беременела, а тут вдруг появилась эта никудышная девица, завладела всеми помыслами принца и раз-раз — родила мальчика. Все решили, что он-то и будет провозглашён наследником. Я горевала, что линия нашего рода прекратится, но неожиданно Насицубо осуществила мои желания, и её сына я хочу провозгласить наследником. Женщиной в нашем мире пренебрегать нельзя.[260] Помните же об этом ребёнке,

думайте о будущем. Не относитесь легкомысленно к тому, что может стать позором для нашего рода.

Воцарилось молчание. Затем, после некоторого колебания, Тадамаса заговорил:

— Как можем мы судить в данном случае? Мы ведь только подданные, — и если даже государь слишком молод и поспешен в своих решениях, не в наших силах что-либо изменить. В эпоху таких мудрых монархов, как наши, что мы в состоянии решать по своей воле? Но если вы сами скажете будущему государю «Мне хотелось бы, чтобы был провозглашён вот этот», — и если он будет с вами согласен, тогда вряд ли возникнут какие-то препятствия.

— Так-то оно так, — согласилась императрица, — но уже давно Фудзицубо находится в отчем доме, а наследник престола очень горюет и тоскует — ничего не ест, исхудал до того, что стал похож на тень, и если я заикнусь о провозглашении наследником сына Насицубо, он, по-видимому, тут же испустит дух. Однако и в заморских странах министры и другие сановники успешно осуществляют самые трудные дела. Нам всем нужно объединить усилия и сказать в один голос: «Если бы у вашей супруги из нашего рода сына не было, тогда делать нечего, пришлось бы провозгласить наследником мальчика из другого рода. Но коли уж такой сын есть, к чему искать далеко?» Если и вы, и я будем так говорить, мы своего добьёмся. Наследник престола умён и понимает разумные доводы, и хоть он затаит в сердце скорбь, но чтобы сохранить мир, поступит по-нашему. Но не я одна должна говорить ему об этом.

— Я с вами согласен, — ответил Тадамаса. — Придворные часто вмешиваются в подобные дела. Сейчас же речь идёт о дочери Канэмаса, так что решение зависит прежде всего от него. — Затем Тадамаса обратился к сыновьям: — Дети мои, что вы думаете, как нам поступить?

— Это дело не нашего ума, — был ответ. — Мы согласны с любым решением государя.

— Что же, мы говорили о дочери Канэмаса и его внуке, — повторил первый министр. — Накатада ещё в чине невысоком, но в будущем он станет человеком влиятельным, да и сейчас уже… Теперь мы держим речь о его младшей сестре и племяннике. Решайте, как вы хотите поступить, и скажите нам. Я присоединюсь к вашему мнению.

— Мне очень приятно, что вы до такой степени озабочены этим делом, и я слушал вас с удовольствием, — взял слово Канэмаса. — Но из собравшихся здесь пятерых человек четверо — родственники Масаёри. Да и я тоже, поскольку Накатада женат на Первой принцессе, не могу идти

против Масаёри. И высочайшая наложница государя, который должен сейчас отречься от престола, родившая ему многих детей, и Фудзицубо, которая родила трёх сыновей наследнику, вступающему на престол и любящему её, как никого на свете, — обе они дочери Масаёри, с которым вы все, начиная с Накатада, в близком родстве. Кроме того, жён своих вы любите глубоко и жизнью готовы ради них пожертвовать. Когда у Тадамаса скончалась жена, мать этих его сыновей, он взял в жёны шестую дочь Масаёри, сестру Дзидзюдэн, и любит её так, что ни одной ночи не может провести вдали от неё. Она родила ему четверых детей. А Тадатоси женат на седьмой дочери Масаёри. У них двое детей, и не сегодня завтра она родит третьего. Зимой прошлого года она, укоряя его в связи с никчёмной женщиной, отправилась в отчий дом и живёт там. А Тадатоси с двумя детьми не знал, как ему быть, и сейчас кое-как добился с ней примирения. Жена же Киёмаса — восьмая дочь Масаёри. И у них дети. Накатада не женат на дочери Масаёри, но жена его — дочь Дзидзюдэн, которую государь наш чрезвычайно балует и беспредельно любит, и у Накатада от принцессы дочь, в которой он души не чает. А скоро она родит второго ребёнка. Таким образом, у нас у всех руки связаны; отношения чрезвычайно тесные, порвать их можно только с риском для жизни. Если у Масаёри узнают, кого мы решили сделать наследником престола, он сейчас же разлучит своих дочерей с их мужьями, и тогда никому, даже самому государю, их никогда больше не доведётся видеть. Масаёри- человек благородный, но вспыльчивый и упрямый. С другой стороны, совершенно естественно, что он хочет добиться своего. В наше время быть в родстве с императорским домом очень полезно.

Императрица в сердцах воскликнула:

— И Дзидзюдэн к тому же нарожала дочерей! Да что за штучка у дочерей этого Масаёри, что все мужчины от них оторваться не могут! Из-за этого все и трудности!

— Накатада слушает ваши слова и не знает, куда ему деться, — заметил Тадамаса. — Мне-то уже всё равно. А он хоть и мужчина, но ещё молод и смущается.

Все рассмеялись вслед за ним.

— Ничего страшного, — продолжала императрица. — Я женщина, но меня беспокоит то, что линия наша прервётся. Кто знает, в каком виде вы возродитесь после смерти, но то, что вы так привязаны к своим жёнам и детям, явится большим препятствием на пути к просветлению.[261] Вы думаете, что на свете нет других женщин, кроме дочерей Масаёри? Я вам найду таких, которые ещё лучше. Что далеко ходить — возьмите в жёны

мою единственную дочь. Пусть утверждают, что угодно, но она не хуже дочерей этого министра. Уважайте же самих себя и не будьте столь малодушны.

— Это всё к делу не относится, — сказал первый министр. — Будем же говорить по-существу: нет никого, кто бы не любил своего ребёнка, и это совершенно естественно. И не надо обвинять нас в бесхарактерности. Как я говорил, нужно, улучив момент, внушить наследнику престола, как он должен поступить. Если он последует совету государыни, это будет неслыханным счастьем.

— Вы все думаете только о родне своих жён, — упрекнула его государыня. — Ты говоришь всё это, зная, что наследник любит Фудзицубо, как никого на свете. Пусть так. Но и я кое-что понимаю в жизни.

— Вы, наверное, ещё не видели того, кого прочат в наследники престола, — сказал Канэмаса. — Старший сын наследника с первого дня получил благословение богов Неба и Земли, он рождён для того, чтобы в будущем быть мудрым монархом. Пытаться побороть его — настоящее преступление. Все будут говорить: «Разве вы не видите по всему его облику, что это настоящий наследник?» Все будут ругать нас. Уже то, что у Насицубо родился мальчик, — для нас честь, будем же довольны этим. Я не хочу вступать в напрасную борьбу и погубить себя ‹…›.

– ‹…› По виду вы мужчины, а рассуждаете, как малодушные женщины. Среди вас нет ни одного разумного! Совсем как маленькие девочки! — воскликнула в гневе императрица. — Завтра и наследник престола сойдёт, наверное, с ума от любви к бабе! Наследник довольно хорош собой ‹…›. А у неё характер ужасный, ей ничего не стоит убить человека.

— Фудзицубо такова и есть, — согласился Тадамаса. — Это далеко не простая женщина, она всем показала, что у неё страшный характер. Накатада ещё молодой человек, но обладает даром видеть людей насквозь.

— Охота вам шутить! — ответил Накатада. — Однако она действительно очень умна. Когда она жила у своего отца, мне случалось бывать недалеко от неё. Она меня часто пугала.

— Давно бы боги и будды забрали таких людей к себе, — проворчала императрица.

— Ваши намерения превосходны, но мы ничего сделать не можем. Лучше вам самой поговорить с наследником, — повторил первый министр.

На этом все разошлись.

*** * ***

Через несколько дней императрица передала наследнику престола: «Я должна поговорить с тобой об одном деле. Приди ко мне».

Когда он пришёл, она сообщила ему своё мнение о провозглашении будущего наследника и затем спросила:

— Как, по-твоему, надо поступить?

У сына сразу испортилось настроение. Он то бледнел, то краснел и очень долго не мог ничего произнести.

— С давних пор так ведётся: что бы родители ни сказали, им нельзя идти наперекор. Поэтому я вам отказать не могу. Однако даже в больших странах, не таких, как наша, государыня в делах правления идёт рука об руку с министром. Это наш подданный, но он благородного происхождения и занимает высокое положение, нам следует принимать решения, советуясь с ним.[262] Если я расстанусь с Фудзицубо, то лишусь всякой поддержки. Поступи я так, как вы советуете, Фудзицубо никогда больше сюда не вернётся, в конце концов вместе с сыновьями уйдёт в горы и будет вести жалкое существование между жизнью и смертью. Я могу взойти на престол только в том случае, если будет человек, который поддерживает меня. Как я буду жить, лишившись её и детей? — сказал наконец наследник престола, проливая слёзы, и покинул её покои.

«Не хотела я говорить с ним об этом, — думала мать с раздражением. — Тадамаса и прочие стали на сторону своих жён. Им безразлично, что будет с нами, а вот Фудзицубо они боятся разгневать. Братья должны поддерживать сестру, а они в семейные дела вмешивают совершенно постороннюю для них Фудзицубо. А обратиться к сыну — он вот как отвечает. Что же делать?»

Императрица вновь послала записку Канэмаса:

«Приди во дворец тайно, в обычном верхнем платье. Я должна с тобой кое о чём поговорить».

Он пришёл к ней в тот же вечер. Императрица рассказала ему:

— Я говорила с наследником престола об этом деле, и он мне ответил: «Делай, как хочешь. Я не знаю, что лучше», однако настроение у него было плохое. Поэтому я собираюсь поговорить с самим государем и провозгласить нового наследника в день восшествия на престол. Но меня тревожит Тадамаса. Ты, как я думаю, не будешь колебаться, на чью сторону встать. Надо, чтобы вступив на престол, новый император сразу же провозгласил наследником сына Насицубо. Разве не правители велели

отправить Ван Чжаоцзюн к варварам и казнить Ян Гуйфэй?[263] Тадамаса любит свою жену, поэтому он малодушничает, но я твёрдо решила выполнить то, что задумала, и ты должен знать о моих планах.

— Вы в душе рассудили правильно, но я вам скажу вот что, — ответил ей Канэмаса. — Все вокруг нас встали на сторону Фудзицубо, поэтому то, о чём я в одиночестве мечтаю, никогда не свершится. Я и думать об этом больше не хочу. Тем не менее я вам полностью подчиняюсь. Во всех своих делах я советуюсь с Накатада, но мало того, что он держит сторону родственников жены, он ещё хранит какие-то чувства к самой Фудзицубо. И вряд ли он в данном случае своё отношение изменит.

— Непочтительный сын — вот как это называется, — воскликнула императрица. — Если он так поступит, отрекись от него! Но что поделать? Пусть Накатада и не будет с нами заодно, лишь бы Тадамаса был на нашей стороне.

— Совершенно с вами согласен. Так и решим, — сказал Канэмаса. И на этом их разговор окончился.

Когда император пожаловал к императрице, она спросила:

— Когда же состоится церемония передачи престола?

— После десятого дня этого месяца, — ответил он.

— Не будет ли в тот же день провозглашён новый наследник престола?

— Лучше этого не делать. Такой шаг был бы слишком поспешным, можно и повременить, — промолвил император.

— А я вот что думаю. Пока у наследника не было других сыновей, я считала: что ж, провозгласим наследником престола сына Фудзицубо. Но сейчас, когда у Насицубо родился сын, его-то и нужно избрать будущим наследником.

Некоторое время император ничего не отвечал и думал: «Пятая принцесса беременна, и если она родит мальчика, отрёкшийся от престола император захочет, чтобы его и назначили. Но так или иначе, мы не должны забывать о Масаёри. Это дед многих моих сыновей, и если мы захотим провозгласить наследником отпрыска Насицубо, он сразу же заберёт к себе Дзидзюдэн и никогда больше не отпустит её во дворец. Что я тогда буду делать?» Наконец он произнёс:

— Вряд ли мы должны с этим так спешить. Когда наследник вступит на престол, он сам, как отец, рассудит. Если же мы назначим кого-нибудь против его желания, это будет крайне неразумно и навлечёт на нас позор. Ты согласна?

— Вы говорите так потому, что приблизили к себе эту злодейку

Дзидзюдэн, — возразила императрица. — Она приносит вам один лишь вред — отправилась в отчий дом, заперлась там и выжидала, заставила вас печалиться и тосковать. А потом жужжит, как синяя муха,[264] и никак от неё не отделаться, только настроение вам портит. Поэтому-то вы и принимаете близко к сердцу дела её сестрицы!

— Откуда такие мысли? — рассмеялся император. — Добро бы Дзидзюдэн была молоденькой, но она — мать уже взрослых детей, — о чём тут говорить? У Масаёри живёт её десятый сын, которого она видит редко, вот она время от времени и отправляется в отчий дом, чтобы побыть с ним. Когда наследник вступит на престол и немного освоится, тогда и надо будет поговорить с ним, как лучше поступить. Если дать ему разумный совет, вряд ли он пойдёт наперекор. Все его сыновья — дети благородных дам. Ты настаиваешь на малыше, к которому особенно привязана. Но знай, что дела по управлению Поднебесной могут взять на себя только Масаёри или Накатада. Первый министр Тадамаса — человек превосходный, однако таланта у него нет, а такой человек не годится, чтобы быть опорой Поднебесной. Канэмаса справедлив и умён, но очень уж охоч до женского полу, и стань он во главе государства, к нему доверия не будет. Из двух названных мной — о Накатада говорить нечего, у второго же, Масаёри, есть и талант, и прекрасный характер, и ум. Если Масаёри запрётся у себя дома, и призвав своих дочерей, поставит своих зятьёв в трудное положение, это может вызвать большие волнения. Подумай же сама.

— Всё поняла, — ответила императрица со злобой. — Больше не произнесу ни слова.

*** * ***

До самого дня отречения от престола Фудзицубо так и не обратилась к супругу с просьбой простить выгнанного со службы Корэкосо. Наследник же думал: «Если не исправить это дело, он погибнет зазря», — и накануне церемонии простил молодого человека. Вечером он послал к Фудзицубо другого архивариуса с письмом:

«До самого последнего мгновения ждал, не возвратишься ли ты во дворец, но, к сожалению, ты не выполняешь данного ранее обещания.

Неужели ты хочешь,

Чтоб один я глядел
На столбы в облаках пурпурных,
Где мы обещали
Друг другу жить вместе?»[265]

Она ответила только вот что:

«Другое дитя
Будет долго на мир наш
Сверху взирать.
К чему же мне помнить
О столбах в чертогах пурпурных?»[266]

«Это всё из-за разговоров императрицы, — подумал он. — Теперь в Поднебесной будут говорить, что я слишком молод».

В одиннадцатый день состоялась церемония отречения от престола. Отрёкшийся император переехал во дворец Судзаку, и его сопровождала госпожа Дзидзюдэн. Императрица оставалась в императорском дворце.

Новый государь стенал днём и ночью оттого, что с ним нет Фудзицубо, и никого из жён к себе в опочивальню не приглашал. Все его жёны, кроме Фудзицубо, переехали в императорский дворец. Вскоре была назначена церемония присвоения им звания высочайших наложниц. С этим можно было бы и повременить, но император рассчитывал таким образом заставить Фудзицубо вернуться во дворец. Император решил присвоить Пятой принцессе и дочери покойного первого министра, госпоже Сёкёдэн, звание высочайших наложниц первой категории, а дочери нынешнего первого министра, госпоже Рэйкэйдэн, и Фудзицубо — второй. Императрица-мать спросила его:

— Почему ты не хочешь сделать высочайшей наложницей Насицубо? Если ничего не случится, она будет провозглашена матерью наследника престола и императрицей. Если у тебя на женской половине нет порядка, я таким образом его восстановлю. Обязательно сделай Насицубо высочайшей наложницей.

— Две первых высочайших наложницы — дочери первых министров. Я не хочу сказать, что Насицубо низкого происхождения, но всё же нужно соблюдать иерархию. Как же присвоить ей это звание? — пустился в

объяснения наследник.

— Но не делай высочайшими наложницами дам с плохим характером.

— Этого и быть не может, — ответил он. — Все мои жёны из самых благородных семей. Например, дочь покойного министра Суэакира, который в течение долгого времени верно служил престолу и сохранял в государстве спокойствие. Из всех моих жён она самая беззащитная, и если я не буду оказывать ей покровительство, откуда ей ждать помощи? Поэтому я и хочу сделать её высочайшей наложницей, а Насицубо дам право ездить в ручной коляске.

— У тебя на всё готов ответ, — заметила императрица. — Ну хоть бы послушал, что я тебе говорю.

Всё сделали по желанию императора. Насицубо присвоено право на ручную коляску. Пятая принцесса была поселена во дворце Одаривания ароматами, Сёкёдэн; дочь покойного первого министра — во дворце Отражённого света, Сёкёдэн; дочь нынешнего первого министра — во дворце Живописных видов, Рэйкэйдэн; дочери левого министра опять был отведён Павильон глициний, Фудзицубо; дочь принца Сикибукё поселили во дворце Восхождения к цветам, Токадэн; дочь правого министра — в Грушевом павильоне, Насицубо; дочь советника Тайра Масаакира — во дворце Явленного блеска, Сэнъёдэн. И все дамы стали именоваться по названию их дворцов. Госпоже Токадэн не было присвоено звание высочайшей наложницы. Позор пал на всю семью, начиная с самого принца Сикибукё, и он, стеная, проводил всё время дома и во дворец не являлся. Госпожа Сёкёдэн всё ещё была в трауре и оставалась в доме покойного отца. Государь же долгое время никого из своих наложниц к себе в покои не приглашал.

Императрица-мать раздумывала: «Раз в день восшествия на престол не назначили наследника, сейчас мне осуществить свои планы трудно. Если Тадамаса так любит свою жену, он никогда не пойдёт против воли её родителей».

Наступил осенний праздник Другого берега.[267] Выбрав благоприятный день и приготовив всё для осуществления задуманного,[268] императрица велела Тадамаса прийти потихоньку во дворец. «Если бы отрёкшийся от престола император Судзаку и узнал об этом, он вряд ли был бы недоволен. Ведь он отдал свою дочь Накатада, который был в невысоком чине, а Тадамаса и годами ещё молод, и красив, покладист, занимает самое высокое положение…» — думала императрица-мать. Она послала Тадамаса записку: «Я хочу с тобой кое о чём поговорить. Приди

сегодня вечером ко мне».

«С чего бы это? — удивился тот. — Она зовёт меня к себе, выбрав благоприятный день». Подумав, что императрица опять будет говорить о наследнике престола, он воскликнул: «Ах, как мне это надоело!» — и ответил государыне: «Письмо Ваше получил, благодарю. Вы мне велите явиться во дворец, но я сейчас болен и ни к отрёкшемуся императору Судзаку, ни к самому императору прийти не могу. Через несколько дней, когда состояние моё улучшится, я нанесу Вам визит».

«Какая досада! — подумала императрица. — Надо его как-то заполучить. Если бы он любил даже известную во всей Поднебесной красавицу, вряд ли он решился бы пренебречь моей дочерью».

Она никого в свои планы не посвящала и таила их в сердце. Снова и снова она приглашала Тадамаса к себе, но он так и не приходил.

*** * ***

В покоях Фудзицубо царило оживление. Её поздравляли с присвоением звания высочайшей наложницы, и к ней явились её мать и сёстры: пятая дочь Масаёри, которая была замужем за принцем Мимбукё, шестая, бывшая замужем за Тадамаса, одиннадцатая, которая была женой принца Хёбукё, и третья, жена Санэмаса. «Мы были уверены, что твой сын обязательно будет объявлен наследником престола, но слышали, что теперь обозначились какие-то препятствия к этому. Может быть, тебе лучше вернуться во дворец?» — говорили сёстры Фудзицубо.

— Все эти дни я очень беспокоюсь, кого объявят наследником престола, — ответила она. — В сердце у меня будто рана. Я так расстроена, что даже горячей воды не могу выпить, очень мучительно всё это. Иметь детей — иметь только заботы.

— Я тоже всё время думаю, кто же будет наследником престола, и тревожусь необычайно, — сказала её мать. — Поговаривают, что это назначение не пройдёт безболезненно. Я боюсь, что нам придётся испытать всяческие унижения!

— Очень много волнений поднялось в связи с назначением наследника, — сказала жена Тадамаса. — Недавно императрица-мать звала моего мужа к себе. Она звала его уже несколько раз, но он всё твердил: «Надоело!» — и не шёл. Я спросила его: «Не зовёт ли она тебя, чтобы посоветоваться о провозглашении наследника престола?» Он мне ничего

не ответил, но я чувствую, что именно об этом речь и идёт.

— Все стараются обернуть дело в свою пользу, — заметила жена Масаёри. — Мы сейчас можем рассчитывать только на Тадамаса. Остаётся надеяться на то, что он не будет заодно с императрицей, что бы ни произошло.

— Мне кажется, что Тадамаса очень не по душе происки императрицы-матери, — продолжала шестая дочь.

— Но ходят какие-то странные слухи, — начала мать. — Не знаю, правда ли это. Говорят, что Тадамаса пригласили в некий благородный дом и заперли там. Это какая-то ужасная интрига!

— С кем заперли? От кого вы слышали? — испугалась шестая дочь.

— Говорят, что его заперли у принцессы, дочери императрицы-матери, — ответила мать.

Шестая дочь почувствовала, как сердце у неё упало.

— О, я несчастная! — заплакала она. — Я ничего об этом не знала. Он даже виду не подавал. Неужели он сделал это тайно? У нас много детей, но он хочет ещё, и если его заполучила к себе принцесса, благородная и красивая, то на меня он, наверное, больше и смотреть не станет. Как же быть?

Она совсем пала духом.

— Это ещё только слухи, — утешала её мать. — Может быть, всё и неправда.

— Да ведь то и дело она его в тайне от всех приглашает во дворец… — сквозь рыдания произнесла дочь.

— Отрёкшийся от престола император Судзаку из всех своих дочерей самой красивой считал Первую принцессу. Это, наверное, потому, что он её особенно нежно любил с младенческих лет. Но Третья принцесса, дочь императрицы-матери, вряд ли уступает сестре. Она ещё слишком молода, в ней есть что-то детское, поэтому она особенно мила. Когда она немного подрастёт, можно думать, что станет красавицей; — рассуждала жена Масаёри.

— Тадамаса время от времени говорит: «Вторая принцесса — редкая красавица. Как бы мне хотелось взглянуть на неё! Как я завидую Накатада, который постоянно находится рядом с нею!» Императрица-мать сватает за Тадамаса её сестру, он вряд ли устоит, — заливалась слезами дочь.

— По словам моего мужа, кормилица принцессы[269] и очень болтлива, и случалось, что её за это очень ругали, — вступила в разговор жена Санэмаса. — Так вот, она говорит, что это всё имеет одну цель: объявить наследником престола того, кого хочет императрица. А вчера

вечером, — сменила тему жена Санэмаса, — мне рассказали о Санэтада совершенно удивительные вещи. Санэмаса поселил его бывшую жену на Третьем проспекте, но брата об этом не известил. Сказав, что я туда поехала, он привёл с собой Санэтада. Так вот, Санэтада даже не узнал своей дочери, Содэмия, так она выросла и похорошела. Увидев её, Санэтада принял дочь за меня. Как он потом изумился! Говорят, Санэтада совсем отдалился от жены и дочери, о них словно и не вспоминает и собирается возвратиться в Оно, но хотел бы один раз навестить тебя, — повернулась она к Фудзицубо. — Его жена стала настоящей красавицей. Санэмаса считает её великолепной женщиной. Она отнеслась к мужу, как к постороннему, и даже когда он заговорил с нею, ничего ему не ответила. А к Санэмаса, с которым она раньше двух слов не сказала, сейчас и она, и дочь её относятся как к отцу и брату; встречаясь с ним, они ведут себя по-родственному.

— Всё это время Санэтада был одержим беспокойством и блуждал далеко от дома, — ответила Фудзицубо. — Когда я встретилась с ним, я посоветовала ему возвратиться к жене и дочери. Поскольку Содэмия выросла такой красавицей, было бы хорошо, чтобы она служила во дворце. Я хочу ввести во дворец дружественных мне людей.

— Если у тебя такие планы, я с радостью сообщу им об этом. Я передам твои слова Санэмаса при первой же возможности.

*** * ***

Пришло письмо от госпожи Дзидзюдэн из дворца отрёкшегося от престола императора Судзаку:

«Я всегда была уверена, что ты станешь высочайшей наложницей. К несчастью, у тебя много соперниц, но, несмотря на них, ты это звание получила, и я рада бесконечно. Остаётся ещё одно дело, которым сейчас занимается государь…»

Фудзицубо ответила сестре:

«Благодарю за письмо. Если то, о чём ты пишешь, пройдёт удачно и я возвращусь во дворец, меня там ждут одни только хлопоты. Вокруг этого дела бушуют страсти, и я не могу не думать с горечью, что все находятся в страшном заблуждении».

Седьмая дочь левого министра, жена Тадатоси, в последний день седьмого месяца родила. Она ещё полностью не оправилась после родов,

но всё же послала гонца с поздравлением к Фудзицубо.

Пришло поздравление от Судзуси:

«Я должен был бы сам явиться и лично поздравить Вас, но сейчас жена моя нездорова, и нет никого, на кого я мог бы её оставить. Я поистине очень рад, что Вы наконец стали высочайшей наложницей, чего я давно уже ждал и всё время спрашивал себя: «Так когда же? Когда же?» Если Вы в связи с этим захотите преподнести поздравления главной распорядительнице Отделения дворцовых прислужниц и другим дамам, то извольте только приказать — подготовку подарков я возьму на себя».

Фудзицубо ему ответила:

«Письмо получила, благодарю Вас. Вы пишете, что Ваша жена больна, — как она себя сейчас чувствует? Я совершенно ничего об этом не знала. Вы давно ждали с нетерпением моего назначения, вот время и подошло. Как быть с кормилицами, нужно ли сделать им подарки? Если да, то прошу Вас распорядиться немедленно».

Пришло письмо от Первой принцессы:

«В последнее время чувствовала себя отвратительно и даже головы не могла поднять, поэтому и не писала тебе, а тем временем узнала новость, которая меня очень обрадовала и всем нам служит к чести. Но радуясь, мы должны, однако, не забывать теперь о другом деле. Накатада говорил мне: „Императрица-мать строит разные планы, но я к этому всему не причастен. Если кто-нибудь подумает, что я в них замешан, мне будет очень неприятно". Он очень беспокоится».

Фудзицубо написала в ответ:

«Ты была нездорова, и мне нужно было бы навестить тебя, но я так этого и не сделала… Благодарю тебя за беспокойство обо мне, думаю, всё окончится, как кончается с цветами вишни: быстро они облетают и скоро их забывают. Мне кажется, что Накатада кривит душой, но спасибо и за то, что он так говорит».

*** * ***

После разговора с матерью жена Тадамаса почувствовала ко всему отвращение, она, не разговаривая ни с родителями, ни с сёстрами, днём и ночью оставалась погруженной в свои думы, стенала и плакала. Всё стало ей безразлично. Она не произносила ни одного слова. Тадамаса любил жену беспредельно, но она не могла утешиться.

После того, как одиннадцатая дочь Масаёри, выйдя замуж за принца Хёбукё, стала жить отдельно, она с Фудзицубо не могла встречаться. Поэтому Фудзицубо настойчиво приглашала её, чтобы поговорить по душам о том, что произошло за тот долгий период. Но жена принца всё ещё к ней не приезжала.

Через несколько дней вечером в покоях Фудзицубо собрались её мать, сёстры, братья. Все были одеты в красивые платья на подкладке и вышитые шёлковые накидки. От первого министра пришли за женой, но она ответила, что эту ночь проведёт здесь. Никогда ничего подобного не бывало, и министр, крайне удивлённый её ответом, сам явился за женой.

— Сейчас здесь много народу, свободного места нет, и увидеться с тобой я не могу. Возвращайся домой. Я вернусь через два-три дня, — сказала ему из-за занавеси жена.

— Никогда я не слышал от тебя таких странных речей, — воскликнул министр. — Як этому не привык. Не поверив посыльному, я прибыл сюда сам. Почему ты разговариваешь со мной, как с посторонним? Выйди сейчас же ко мне.

— Выйди к нему, — стала уговаривать дочь жена Масаёри. — Нельзя быть такой несговорчивой с мужем.

— Я не могу простить, что он мне ничего не рассказал о происках императрицы. О, я несчастная! — ответила та.

Для министра разложили подушки на веранде, и к нему вышли Тададзуми, Сукэдзуми и Мородзуми. «В покоях, куда вы собрались войти, сейчас много народу», — стали извиняться они.

*** * ***

В то время, как сыновья Масаёри хлопотали вокруг первого министра, императрица-мать думала: «Как же мне добиться своего?» Она холила и лелеяла свою дочь, как жемчужину. Даже варвар, женатый на богине счастья Китидзётэн,[270] был бы тронут красотой этой принцессы и начал бы посыпать ей письма, одно за другим, а первый министр отговаривался болезнью и к императрице-матери не показывался. «Если боги и будды сделали меня матерью страны,[271] то вряд ли мои желания не сбудутся», — думала императрица.

Когда-то она взяла на воспитание малолетнего сына дяди, старшего

брата своей матери, который умер молодым, дослужившись только до советника сайсё и второго военачальника Личной императорской охраны. Он в своё время сопровождал Тадамаса в поисках младшего брата.[272] Сейчас воспитанник был заместителем правителя одной из провинций, служил во дворце и слыл у императора незаменимым человеком. Он был умён и справедлив. К Тадамаса он относился, как подобает родственнику. Написав письмо, императрица-мать велела заместителю правителя провинции отнести его министру.

— Не доверяй этого письма никому, — наказала она. — Спрячь за пазуху и отнеси первому министру. Со слугами его не передавай, а вручи министру в собственные руки. Разведай, действительно ли он болен, как пишет, и доложи мне.

Заместитель правителя провинции с письмом отправился к министру. Проезжая мимо усадьбы Масаёри, он увидел, что к северу от восточных ворот стоял экипаж и толпились сопровождающие первого министра. Решив, что и сам министр находится здесь, он остановил экипаж и вошёл в усадьбу. Тадамаса с сыновьями Масаёри находились в это время на веранде. Заместитель правителя провинции велел доложить о своём приезде и направился к дому, не дожидаясь, пока к нему выйдут навстречу. Он подошёл к лестнице и сразу же заметил Тадамаса. «Как же так? Он сидит здесь, а пишет, что болен», — подумал заместитель правителя провинции, но ничего не сказал. Дамы за занавесями забеспокоились и хотели узнать, в чём дело.

— Пожаловал заместитель правителя провинции, — передал Тададзуми первому министру.

— Что тебе угодно? — спросил пришедшего Тадамаса.

— Я пришёл от императрицы-матери. Она велела мне передать вам в собственные руки вот это, — заместитель правителя провинции вытащил из-за пазухи письмо, написанное на бумаге из провинции Муцу, и через Тикадзуми передал Тадамаса.

«Вот оно!» — переговаривались между собой дамы за занавесями. Жена Тадамаса позеленела, как трава.

— Императрица-мать зовёт сегодня ночью Тадамаса к себе, чтобы отнять его у меня, — горько заплакала она и упала ничком на пол. Сёстры её смотрели на неё с жалостью.

Министр с мрачным видом взял письмо и прочитал:

«У меня к тебе важное дело, и я много раз писала тебе, чтобы ты пришёл ко мне, но ты всё время отвечаешь, что болен. Мне говорят, что это не так, — может быть, ты уже выздоровел? Если ты совершенно оправился,

приди хотя бы ненадолго. Я не столь важная персона, и меня все презирают, но родители мне постоянно твердили: „До конца жизни советуйся с братьями”. Кому же ещё могу я откровенно рассказать о моих многочисленных печалях? Обязательно приди».

Читая письмо, Тадамаса и представить не мог, что задумала императрица, он полагал, что речь по-прежнему идёт об объявлении наследника престола. Прочитав письмо, он сказал себе: «Если я после этого не явлюсь…» — но идти во дворец не хотел. Однако жена его, лежавшая на полу за занавесью, тотчас поняла, что речь идёт о женитьбе, и решила: «Это расставание навеки». Она зарыдала ещё громче. Министр ответил императрице:

«Письмо Ваше получил, благодарю. Всё это время, по-видимому из-за бери-бери, я совсем не могу ни стоять, ни ходить. Жена моя, которая в течение долгого времени ухаживала за мной, отправилась в отчий дом и неожиданно заболела. Мне сообщили, что положение её серьёзно, и возможно, нужно ждать худшего. Я должен был её увидеть, и даже не приготовив как следует экипажа, приехал сюда. К чему напоминать мне о покойных родителях? Во всех делах я стараюсь быть Вам полезным. Как только смогу немного ходить, я сразу же приду к Вам».

Он сложил письмо и отправил императрице.

Прочитав письмо, императрица спросила заместите правителя провинции:

— Где ты видел Тадамаса? В каком он был состоянии?

— Я видел его в доме Масаёри, где сейчас находится высочайшая наложница Фудзицибо. У неё собралось много придворных, и министр разговаривал со всеми.

— А как тебе показалось, действительно ли он болен? — допытывалась императрица.

— Определённо я сказать не могу. Экипаж его стоял за воротами. Сидя на веранде, министр не производил впечатления тяжело больного человека.

«Опять он, по-видимому, не хочет внять моим словам. Но я не поддамся на его хитрости. Бери-бери! Что ж! Прикажу отправить за ним ручную коляску», — решила императрица.

*** * ***

Первый министр всё ещё сидел на веранде.

Время шло. Луна семнадцатого дня восьмого месяца поднималась всё выше и выше; ручьи в саду, деревья и травы были очень красивы. Стрекотание цикад навевало грусть. Дул прохладный ветер.

— И впредь, когда я уезжала бы к отцу, он являлся бы за мной, так иногда мы могли бы расставаться… Но если его запрут в этом ужасном доме — как я тогда буду жить? — причитала жена Тадамаса.

Сёстры её сидели у занавеси главных покоев, совсем близко от министра.

— Посадили меня перед занавесью, как мальчишку, который только что приходил от императрицы, и разглядывают — достойно ли это? — обратился он к жене. — Раньше ты никогда так бесцеремонно со мной не обращалась. По-видимому, это результат наущений Фудзицубо.

Но жена так к нему и не вышла. Всю ночь министр оставался на веранде, и сыновья Масаёри не осмеливались покинуть его. На рассвете он решил возвратиться домой и написал жене письмо:

«Впервые пришлось мне испытать такое унижение. Хорош, должно быть, учитель!

Не мог и представить,
Что такое в мире бывает.
Промучившись до рассвета
На ложе холодном,
Впервые об этом узнал я.

И на старости лет мне такому учиться? Пожалуйста, возвращайся скорее. Я пришлю за тобой экипаж».

Госпожа на это ничего не ответила. Письма от неё не было, а приехавшие за ней слуги министра целый день прождали её напрасно и возвратились ни с чем. «Госпожа ничего нам не сказала», — доложили они министру. Он был совершенно озадачен поведением жены. У них было четверо детей, старшему исполнилось одиннадцать лет, младшим сыновьям — четыре и пять. Девочку семи лет, свою единственную дочь, и отец, и мать любили особенно нежно.

* * *

Было объявлено, что церемония восшествия на престол состоится двадцать третьего дня. Император об этом совсем не думал, он с утра до вечера стенал о том, что Фудзицубо к нему не возвращается. Несколько дней император не посыпал к ней гонцов с письмами. С глубоким унынием размышлял он о словах императрицы-матери, и не знал, что предпринять. Кормилицы, придворные дамы и архивариусы говорили: «В начале своего правления вы должны сделать что-то памятное. А вы всё время погружены в печальные думы и с каждым днём выглядите только хуже и хуже».

Все наложницы, кроме Фудзицубо, находились во дворце, но император ни к одной из них не приближался и лишь повторял: «В этом мире меня ничего не радует».

Наступил день восшествия на престол нового императора. Во дворец прибыли все придворные, кроме первого министра, который, прислав прошение позволить ему на церемонии не присутствовать, остался дома.

Император был мрачен. «Если я не могу показать церемонию Фудзицубо, с которой хотел быть всегда вместе, то к чему всё это?» — думал он. Но в конце концов придворные уговорили его, и он вышел в зал.

Когда церемония была окончена, придворные, рассевшись в караульном помещении, принялись обсуждать между собой: «Как первый министр мог отсутствовать сегодня! Он прислал письмо, но не так уж он болен!», «Его жена перебралась в родительский дом, малолетние дети плачут, и он должен нянчить их».

«По-видимому, стало известно о замыслах императрицы-матери. В этом, собственно, нельзя было сомневаться», — считали Канэмаса и Накатада. По поводу же отъезда в отчий дом жены министра Накатада и Тадатоси полагали: «Если уж человек в таком положении, как Тадамаса, вынужден терпеть подобное, что же нам жаловаться!»

В тот же день состоялась церемония присвоения рангов, и все придворные получали повышение. Масаёри и Канэмаса был присвоен второй ранг, помощнику управляющего делами наследника престола — четвёртый. Учёный Суэфуса, старший ревизор Правой канцелярии, получил третий рант. Иэако стал помощником военачальника Дворцовой стражи, ему был присвоен пятый ранг. Получили повышение и дамы. Высочайшим наложницам присвоили более высокие ранги. Не были обойдены ни кормилицы, ни прислуживающие дамы.

В последний день месяца, во время назначения на должности, неожиданно скончался военачальник Дворцовой стражи, бывший

одновременно советником сайсё, поэтому старшего ревизора Правой канцелярии Суэфуса назначили советником сайсё, а Накатада, будучи правым генералом, был назначен кроме того особым надзирателем над местными властями. На должность военачальника Дворцовой стражи был назначен Цурэдзуми, бывший до этого помощником главы Военного ведомства, и по этому поводу говорили: «‹…›». Помощником же главы этого ведомства стал Акидзуми, а старшим ревизором Правой канцелярии — помощник управляющего делами наследника престола. Архивариус Корэкосо стал помощником военачальника Правой дворцовой стражи.

*** * ***

Жена Тадамаса перебралась жить в покои матери. От министра приходили письма, она на них не отвечала, а когда он сам приезжал, к нему не выходила. И Масаёри, и его жена увещевали её:

— Это неразумно! Ты не ребёнок. Если даже отношение его к тебе изменилось, ведь у вас много детей. Он приезжает за тобой, и можно думать, что он не перестаёт любить тебя.[273] Он так тебя упрашивает, прими же его.

— Пока никто не знает о его женитьбе на принцессе, я хочу покинуть его, несмотря на то, что он уговаривает меня вернуться домой. Дети привыкли ко мне, они умны и меня не забудут. Им не брали постоянной кормилицы, всё время они были при мне и сейчас тоскуют и плачут. Как мне их жалко! Если бы взять их сюда! Самое худое, что я не могу быть с ними, — говорила их дочь.

Тем временем Тадамаса был погружён только в заботы о детях и очень мучился, он даже не явился на церемонию восшествия на престол. «Жена так любит дочь, что тоскуя по ней, может быть, приедет хоть взглянуть на неё», — думал он и не спускал глаз с дочери.

Обо всём происходящем узнал Канэмаса. «Я это предвидел, — вздохнул он, — и даже предупреждал императрицу-мать».

Накатада же был охвачен беспокойством. «Как бы со мной не случилось того, что с дядей», — думал он и из дому никуда не отлучался, дни и ночи проводя возле жены. А когда ей приносили какое-то письмо или когда мимо дома проезжал экипаж, он посылал спросить, от кого письмо, кто проехал. Он всё время был настороже.

*** * ***

Отрёкшийся от престола император никого из дам, кроме высочайшей наложницы Дзидзюдэн, с собой во дворец Судзаку не взял. Только она сопровождала его, когда он покидал императорский дворец, и только она прислуживала ему в новых покоях.

— Сейчас императрица-мать остаётся во дворце, — говорил отрёкшийся от престола император. — Вряд ли кто-нибудь будет приезжать сюда. Ты возле меня, детей у нас много, меж нами дружелюбие. Я хочу жить с тобой, как обыкновенный глава семьи, в окружении детей.

В новом дворце помещения были просторные ‹…›. Император велел приготовить экипаж и сказал Дзидзюдэн:

— Надо пригласить сюда Первую принцессу.

Дзидзюдэн написала письмо, но на него ответил Накатада:

Сейчас моя жена очень плохо себя чувствует. Когда пройдёт её недомогание, я привезу её к Вам во дворец».

Зато к отрёкшемуся императору прибыла Вторая принцесса. О ней император сказал Дзидзюдэн:

— Я всегда думал, что лучше Первой принцессы никого нет. Но и Вторая очень хороша собой. Она прекрасно играет а лютне и на цитре. Пусть она учит музыке своих младших братьев.

Принцы тоже поселились в новом дворце, они днём и ночью музицировали. Те из них, кто был женат, отправлялись к своим жёнам только ночью. Принц Тадаясу всё время проводил во дворце, и император как-то спросил наложницу:

— В чём дело? Мне кажется, что он никогда от нас не уходит. Разве у него нет своего дома? Разве он не посещает какую-нибудь девицу из благородного дома?

— Многие предлагали ему своих дочерей в жёны, но, не знаю почему, он так и остаётся один, — ответила она.

— Может быть, он мечтает о Фудзицубо, которая так же далека от него, как луна?

— Мне рассказывали, что Санэтада раньше был таким же, но теперь изменился. Санэтада жил в горном селении и в столице не показывался, но когда, получив чин второго советника, он явился с благодарностью к Фудзицубо, она принялась уговаривать его возвратиться к жене. После этого он стал время от времени появляться в столице, а Санэмаса его ловко обвёл вокруг пальца и привёз к жене.

— Он, должно быть, очень удивился. Опять его обманули! — улыбнулся император. — У Санэтада прекрасная душа, и время, проведённое в горах, не прошло для него без пользы.

— Санэтада — человек невезучий. В ночь, когда должна была родиться Фудзицубо, порешили, что если, как того желали мои родители, родится девочка, её обязательно отдадут в жёны Санэтада. И его родители, и все в моей семье были согласны, но этому воспрепятствовала персона самого высокого положения, и Фудзицубо въехала во дворец. Родители Санэтада говорили: «Почему мы не умерли раньше, чтобы не видеть такого позора!» Они были погружены в столь глубокую скорбь, что не пили даже горячей воды, и только плакали. Может ли быть худшее несчастье, чем повергнуть родителей в такую скорбь?

— Если родители с двух сторон дали друг другу обещание, препятствовать этому было нельзя, — согласился император. — Мы этого совсем не хотели. Всё совершилось так, как того желал Масаёри.

— ‹…› — ответила Дзидзюдэн.

В подобных разговорах они обычно и проводили время.

* * *

Когда до императрицы-матери дошли слухи о жизни во дворце Судзаку, она подумала: «Дзидзюдэн взяла с собой детей, она дни и ночи возле государя и делает всё, что ей вздумается. Какая досада!» Она написала письмо Канэмаса: «Мне хочется увидеться с тобой, но тебе всё это уже надоело, поэтому я не прошу тебя прийти. Мне необходимо поговорить с Тадамаса, и я много раз приглашала его, а он отвечает, что болен. Но совсем он не болен ‹…›. Что ты думаешь об известном тебе деле? Неужели и ты робеешь перед той, которую любил когда-то, и не хочешь сделать того, что было бы радостью навеки? Я много об этом размышляю, но ведь с посторонними тут не посоветуешься. Если бы ты захотел встретиться и серьёзно поговорить с Тадамаса, он бы тебе не отказал. Может быть, Накатада удерживает тебя в этих важных делах? Если так, забудь, что это твой сын! Какой бы репутацией умного человека он ни пользовался в Поднебесной, человек, который не уважает своих родителей, — человек злой. В царстве Хань император Вэнь смог взойти на престол только благодаря совместным усилиям четырёх старцев.[274] Если бы все вы пятеро были единодушны и заявили бы государю „Издревле

наследником престола был принц из рода Фудзивара. Если сын Насицубо не будет провозглашён наследником престола, мы уйдём в лес и служить вам больше не станем. К чему все наши старания?” — то император вряд ли отказал бы вам. В подобном деле ‹…›».

Канэмаса был изумлён её словами. Пусть сына Насицубо и не провозгласят наследником престола — но как он может расстаться с Накатада? То, что советовала ему императрица, было чудовищно. Погруженный в эти мрачные мысли, Канэмаса написал ответ:

«Благодарю Вас за Ваше письмо. Я готов выполнить Вашу просьбу и во всём следовать Вашим желаниям, но кроме меня нет никого, кто был бы готов на решительные действия. Я обязательно поговорю с братом и доложу Вам».

Он позвал в себе Накатада и сказал ему:

— От императрицы-матери пришло вот письмо.

Накатада прочитал его и спрятал, никому решив не показывать.

*** * ***

Сначала в императорском дворце, а потом повсюду стали поговаривать:

— Наследником престола будет, должно быть, сын Насицубо. Императрица-мать днём и ночью в слезах молит об этом, и император склоняется к её мнению. Тадамаса и Канэмаса только делают вид, что ничего не знают, но оба поддерживают императрицу-мать.

Масаёри гневался на своих зятьёв за их равнодушие к делу. Они же говорили между собой: «К чему слушать пустые разговоры? Мы ничего толком не знаем». Ни один из них не пытался утешить Масаёри. Среди тех, кто приходил с визитом к Фудзицубо, уже никто не просил её о повышении, а в покоях её старшего сына не было никого. Всё как будто перевернулось вверх дном.

В усадьбе Масаёри все были погружены в мрачные думы. Из дворца уже давно не было писем. Масаёри решил сразу же, как только подтвердятся слухи, уйти в монахи. «К чему мне оставаться в этом мире и общаться с людьми?» — сокрушался он. Собираясь у него, сыновья старались ободрить отца, но он был безутешен.

Фудзицубо о чём-то размышляла, но ничего не говорила. «А что, если я ошиблась в своих расчётах на чувства государя? Когда только и

говорили, что о сыне Насицубо, я перестала отвечать на письма государя. Почему сейчас от него нет посыльных? Если слухи подтвердятся, и отец выполнит своё намерение, я тоже уйду в монастырь. К чему оставаться в этом мире?» — думала Фудзицубо. Она обращала взор к сыновьям. Старший принц беззаботно резвился.

*** * ***

Наступил десятый месяц.

— Все сейчас только и говорят о назначении наследника престола, и я боюсь, что тебе рассказывают, будто я замешан в эти интриги, — сказал Накатада жене. — Суди же сама. Я присутствовал на церемонии восшествия на престол, но не сопровождал отрёкшегося императора во дворец Судзаку, к отцу на Третий проспект не хожу, — к этому делу я не имею никакого отношения. Я не хочу, чтобы ты меня в чём-нибудь подозревала. Ведь именно поэтому жена Тадамаса не возвращается домой, и он уже долгое время тоскует один. Мне не надо беспокоиться о многочисленной семье, но когда я думаю о твоём настроении, мне становится страшно.

— Люди не будут болтать попусту, — ответила она, — вы все утверждаете, что не видитесь друг с другом, но люди говорят иначе. И хоть ты непосредственно ни с кем не видишься и рассказываешь мне всякие небылицы, я и сама понимаю, что к чему.

— О чём ты говоришь? — вскричал Накатада.

— Вы с первым министром действуете заодно. И не прикидывайся простачком!

— Я ничего не хочу слышать об этом. Я действительно ничего не знаю. Ещё в прошлом году я дал обещание навестить Накаёри, который живёт отшельником в Мидзуноо. Но что-то всё время мешало — то цвели вишни, то ещё что-нибудь. А сейчас, пока клёны не начали осыпаться, я решил отправиться туда. Меня не будет несколько дней, но я беспокоюсь, как бы чего не случилось в моё отсутствие. Если тебя станут приглашать во дворец Судзаку, ни в коем случае не езди туда. Мне будет очень плохо, если я, вернувшись домой, не найду тебя здесь. У меня есть причины просить тебя об этом. Никуда не отлучайся, пока меня не будет!

— Куда мне отлучаться? — спросила она. — Я страдаю и мечтаю только о том, чтобы вставать и ложиться без мучений. Но здесь никогда

никто не показывается, и мне скучно.

— Да, это правда, — согласился он. — Позови к себе сестру Накаёри, которая живёт в восточном флигеле. Пусть она будет около тебя. Она отлично играет на кото и вообще всё умеет делать превосходно. Репутация её безупречна, у неё чистая душа.

— Ах, мне стыдно! В таком виде как я могу с кем-то встречаться?

— Она не тот человек, которого надо стесняться, — уговаривал Накатада.

Он послал за сестрой Накаёри, и она пришла. Она была одета со вкусом, казалась степенной и лицом была очень красива: Сестра Накаёри была превосходной музыкантшей, и принцесса очень обрадовалась, что познакомилась с дамой, которая так искусна в разных предметах. Её все называли Адзэти. Накатада сказал ей:

— Я еду к вашему брату. Не хотите ли, чтобы я передал что-нибудь?

— Думаю, если он узнает, что вы взяли на себя заботу обо мне, он будет смущён, — ответила она.

— Вряд ли он будет недоволен. Он только похвалит вас.

Инумия была очень мила. Она уже могла сама вставать и начинала ходить. Глядя на неё, Накатада сказал:

— Я так по-родственному отношусь к вам ради моей дочери. Если б Инумия упала в воду или угодила в огонь, жена моя и головы бы не повернула в ту сторону, она все заботы о девочке поручает кормилице. Это меня беспокоит. Когда меня не будет, пусть она никуда не выходит. Вдруг Инумия выйдет наружу, и её кто-нибудь увидит — страшно подумать. Пожалуйста, перебирайтесь на некоторое время сюда и присматривайте за Инумия. — Затем сказал жене на прощанье: — Я вернусь очень скоро. Делай всё так, как я наказывал. — И он отправился в путь.

Спутники уже ждали его. В подарок жившему в горах другу Накатада вёз короб для одежды и длинный короб. Кроме того, он вёз с собой кото «хосоо-фу». С ним было шесть человек передовых, шесть верховых. Двое из передовых были придворные четвёртого ранга, двое — пятого, двое — шестого, но занимавшие при дворе важные должности.[275] С генералом ехало также четверо его приближённых и шестеро слуг. Эти последние были одеты в белые шаровары, платья из белого узорчатого шёлка, крашенные зелёной травой, они ехали на белых конях. Сопровождающие были в белых и зелёных одеждах, согласно их рангу.

Второй советник Судзуси был в красном охотничьем платье на вате, в серых шароварах, платье из узорчатого лощёного шёлка, он ехал на рыжем коне. С ним ехало двое передовых, и они были не в столь высоких рангах,

как передовые Накатада. Судзуси вёз с собой кото «ямамори-фу».

Старший ревизор Правой канцелярии Суэфуса был в тёмно-сером охотничьем костюме на вате. Его сопровождающие были в такой же одежде. С ним ехало четверо верховых, а передовыми у него оказались четверо книжников — два доктора и два кандидата, и кроме того в свите было много мелких чиновников, служивших в Университете.

Второй военачальник Личной императорской охраны Юкимаса был в светлом платье из узорчатого шёлка, зелёном охотничьем костюме на вате, белых шароварах. Сопровождающие его были в такой же одежде. Он вёз с собою лютню.

Заместитель главы Музыкальной палаты Мацуката вёз с собой кото, помощник главы Правой конюшни Тикамаса — японскую цитру, а помощник начальника Левой дворцовой стражи, бывший одновременно главой Палаты правосудия, Токимаса — флейту. Они оделись, как кому вздумалось.

С ними ехал святой отец Тадакосо в сопровождении четверых служек, четверых монахов и шестерых подростков. Их костюмы гармонировали между собой.

Господа пригласили с собой только знаменитых музыкантов, ‹…› выбрали с особым вниманием, желая в путешествии наслаждаться прекрасными вещами и слушать замечательное исполнение. Все сопровождающие были чем-то знаменитыми молодыми людьми. С ними ехали низшие слуги, которые везли коробы для одежды и коробки с едой.

Собрались в усадьбе Накатада на Втором проспекте, пожалованной ему императором Судзаку. Накатада приказал вынести своим спутникам угощение.

Наконец тронулись в путь. Поехали на север по Дворцовому проспекту. Там собралась большая толпа, разглядывавшая путешественников, многие из зрителей сидели в экипажах, другие были верхом, много было и пешеходов. Аристократы старались не привлекать к себе внимания,[276] но и в таком большом сборище Накатада притягивал взгляды всех.

До горной дороги за путешественниками кроме их свиты следовала большая толпа. Там провожающие с путниками распрощались. «Когда вы будете возвращаться, мы придём вас встретить», — пообещали они.

Путешественники добрались до Мидзуноо.

Накаёри в то время жил в большом, величественном храме, недалеко от которого низвергался живописный водопад. Он взял к себе дочь и учил её музыке. В тот вечер он велел сыновьям, Ямаину и Сатоину, играть

одному на органчике, второму на флейте, а дочь учил играть на цитре. Как раз, когда они музицировали, путешественники и прибыли. Накаёри обрадовался несказанно, и разговорам не было конца. В кленовой роще для гостей устроили сиденья, все расселись. «Вы, наверное, устали с дороги», — сказали им, и монахи вместе с подростками из монастыря стали собирать хворост, достали серебряные чашки. Было приказано приготовить угощение. Собрали грибы, которые росли на гнилых деревьях в этой же роще, поджарили их, готовили блюда из побегов «горького» бамбука. Положив еду в серебряные чашки, поставили их перед прибывшими. Гости с удовольствием принялись за еду. Шёл оживлённый разговор. Накатада велел принести коробки с едой и угостить столичной пищей детей Накаёри и подростков из монастыря, которые ему прислуживали. Гостям подали фрукты. Несколько раз чаши наполняли вином.

Зазвучала прекрасная музыка. Дул горный ветер, и сыпались с веток алые листья. Вечер был полон очарования.

Заместитель главы Музыкальной палаты Мацуката отломил красивую ветку с большого дерева. Он преподнёс чашу с вином Накаёри и, заплакав, сказал:

— Раньше я всегда сопровождал тебя, даже когда ты ненадолго уезжал из столицы. Если бы ты мне рассказал о своём намерении уйти в монастырь, я бы последовал за тобой, стал бы твоим учеником и прислуживал тебе. Вокруг меня много людей, но после твоего ухода никакой радости жизни у меня не осталось. Мы бы вместе служили Будде.

Протягивая чашу монаху, он произнёс:

— Вместе были
Когда-то мы в Фукиагэ.
А ныне в дальних горах
Тебя навещаю.
Какая печаль!

— Сегодня, — ответил ему Накаёри, —

Приехав в горы
Любоваться клёнов парчой,

Вы живо напомнили мне
О днях безмятежных,
Что провели мы в Фукиагэ.

Накатада продолжал:

— Старого друга проведать
В горы спешат
Царедворцы.
Ветер, о том разузнав,
Всю землю парчою устлал.

Судзуси сложил:

— Узнав, что друга
Мы собрались навестить,
Осень в роскошный наряд
Все горы,
Все клёны одела.

Суэфуса, вспомнил, как когда-то давно, когда он сам был студентом Университета, увидел в свете факелов Накаёри на празднике Встречи звёзд, и сложил:

— На Встрече двух звёзд
Впервые
Тебя увидал я.
Ах, как странны порывы
сердца людского!

Тадакосо произнёс:

— Уйдя от мира страданий
В столь диких горах,
Увы, я не смог оставаться.
Глядя вокруг, понимаю
Глубину твоих устремлений.

Юкимаса сложил:

— Всё изменилось
В государя чертогах,
Как ты их покинул.
И вспоминают с печалью
О былом царедворцы.

Тикамаса продолжил:

— Столь красны от слёз
Стали мои рукава,
Что можно подумать,
Как будто листьями клёна
Я их украсил.

Токикагэ прочитал:

— Цветом одежды,
Которую раньше
Носил ты,
Щедро осень покрыла
Окрестные горы.[277]

Следом за тем заиграли на музыкальных инструментах, Судзуси на лютне, Накаёри на цитре, заместитель главы Музыкальной палаты на кото,

Тикамаса на японской цитре, Токикагэ на флейте, один из сопровождающих, глава Портняжного управления, на органчике. Кто-то из свиты заиграл на хитирики, другие принялись подпевать. Потом пели песни. Музыка звучала всю ночь напролёт.

С вершины, на которой стоял монастырь, вокруг виднелись горы, внизу лежали две долины. Далеко в горах жгли костры. Неподалёку от пирующих тоже разожгли огромный костёр, на огонь поставили большой сосуд на трёх ножках. Каштаны жарили или варили из них кашу. Сопровождающих угощали фруктами. На рассвете гостей, игравших всю ночь, угостили кашей.

Земля была покрыта росой и инеем. Гости сменили вымоченную росой одежду, и Накатада, Судзуси, Юкимаса и Суэфуса отдали свою влажную одежду четверым подросткам из благородных семей, которые жили в монастыре вместе с Накаёри.

Во второй день господа, избрав тему, сочиняли стихи. Некоторые из книжников, прибывших с Суэфуса, вместе со всеми слагали стихи, другие их декламировали перед собравшимися.

В тот день подавали угощенье, приготовленное Судзуси. Внесли простые коробки, коробки из кипарисовика с едой и подносы с рисовыми колобками. Угощение расставляли перед господами и перед слугами. Было подано много вкусных блюд.

До вечера того дня занимались сочинением стихов, а потом стали читать вслух лучшие произведения. У Суэфуса голос был очень красивый и торжественный, у Накатада тоже очень красивый, но полный печали. Стихи читали до поздней ночи. На рассвете под порывами ветра кленовые листья посыпались с деревьев, как капли дождя. Всех охватила печаль, и Тадакосо стал произносить заклинания. Накатада вторил ему на цитре с неподражаемым мастерством. Впечатление было изумительное. И те, кто жил в монастыре, и приехавшие сюда господа, все как один проливали слёзы. Потом заклинания читал Накаёри, как он это делал каждое утро, а Судзуси аккомпанировал ему на ямамори-фу. Затем господа хором читали стихи. Тадакосо отозвался с похвалой о голосе Накаёри, взял чашу и произнёс:

— Как я ни рвался,
Охваченный пламенем дом
Покинуть не смог.
Как же тебе удалось

У тихой воды поселиться?[278]

Накаёри ответил:

— Чтобы спастись
Из горящего дома,
Над которым клубы
Дыма вставали,
В воду бросился я.

Накатада сложил:

— Никто из нас
Пламени в сердце своём
Не смог погасить,
И даже горящий рукав
В воду не опустил.[279]

Судзуси продолжал:

— Дольше других
В пламени дымном
Я оставался.
И до сих пор
Этот огонь не погас.

Суэфуса произнёс:

— В тёмные ночи
Я себя изнурял ученьем
При сиянии светляков.

И до сих пор вспоминаю,
Как мерцали их огоньки.

Юкимаса сложил:

— Разве высохнуть мог
Платья рукав,
Мокрый насквозь от слёз,
Даже когда бушевало
Ярое пламя вокруг?

В таких развлечениях господа провели ночь до рассвета.

Рано утром Танэмацу велел красиво приготовить такую еду, которую обычно ел Накаёри, — кашу и приправу, — погрузить всё на двадцать лошадей, кроме того погрузить на двадцать лошадей сушёной снеди, взять много полотняных охотничьих костюмов на вате, положить в длинные коробы варёного рису, налить в бочонки вина — и повёз всё это отшельникам. Он угостил их рисом, сушёной снедью и вином и каждому преподнёс по охотничьему костюму.

Накатада преподнёс Накаёри привезённые подарки: длинный короб и короб для одежды. Длинный короб был из светлой аквилярии, с ножками из аквилярии, с шестами из цезальпинии. Внутрь было положено множество предметов: серебряные миски, золотые чашки, палочки, ложки, кувшинчики, сосуды для воды. В коробе для одежды была превосходная монашеская ряса, ночное платье, шаровары из узорчатого шёлка, охотничий костюм на вате, платье из узорчатого шёлка. К охотничьему костюму был привязан лист бумаги со стихотворением:

«Если в думах печальных
Слезами зальёшь
Платье своё,
В одежду сухую
Сможешь переодеться».

Ещё там была очень красивая одежда для сыновей и для дочери Накаёри. Увидев всё это, Накаёри произнёс:

— Сменив одежду
На платье из мха,[280]
Отвернувшись от мира,
Я до сих пор не могу
Старых мыслей забыть.

Судзуси тоже преподнёс подарки: в трёх мешках гладкий и узорчатый шёлк, всё было завёрнуто как для приношения на алтарь. Суэфуса, в свою очередь, преподнёс прекрасные подарки, святой отец Тадакосо — множество употребляемых при службах предметов, начиная с чёток из дерева Прозрения. Военачальник Юкимаса подарил Накаёри чёрную одежду, нижнее платье, шаровары, верхнюю одежду тёмно-серого цвета, одну дорожную и три обычных рясы. Для служек он приготовил четыре дорожных костюма, для низших слуг — двадцать костюмов. Разнообразную одежду Юкимаса вручил подросткам. Кроме всего перечисленного Накаёри было преподнесено множество изящных подарков. После этого поднесли угощение.

На следующий день опять сочиняли стихи. Господа заказали в храме, где жил Накаёри, и в других близлежащих храмах читать сутры и служить молебны. Ещё одна ночь прошла в разнообразных развлечениях.

— Раньше в усадьбе твоего отца на Первом проспекте влачила жалкое существование моя сестра, — обратился к Накатада Накаёри. — После того, как я удалился от мира в эти горы, я всё время беспокоюсь, как она живёт. Я узнал, что ты заботишься о ней. Эта весть меня глубоко обрадовала, и я хочу поблагодарить тебя. В молодости она не была красива, а когда я думаю о том, какой она стала сейчас, у меня щемит сердце.

— Твоя сестра долго жила на Первом проспекте, но я её совсем не знал, — ответил генерал. — В прошлом году отец рассказал мне о ней. Я был поражён и хотел сразу же поехать за ней. Но в той усадьбе проживало много жён моего отца, было много хлопот, и оказать предпочтение твоей сестре значило оскорбить других… Третью принцессу поселили на Третьем проспекте, других жён тоже устроили пристойно, и тогда-то я пригласил твою сестру к себе и поселил в восточном флигеле дома, в

котором живёт моя жена. Возможности мои ограничены, но не думай обо мне как о постороннем для вас. Жена не любит нашу дочь, брезгует ею, но я её очень люблю и поручил девочку заботам твоей сестры. Она очень умная, замечательная женщина. Зная твои таланты и ни разу не встретившись с нею, я бы думал, что говорят пустое…

— Меня очень радует, что ты так относишься к сестре. Я благодарю за это Будду, — промолвил Накаёри. — Со мной здесь мои дети. Узнав, что мать их живёт одна и терпит лишения, я забрал их сюда, чтобы они, как и я, ели сосновую хвою и одевались в одежду из мха.[281] Я взял на себя заботу о дочери, и мне бы хотелось, чтобы по крайней мере сыновья получили в будущем службу во дворце. Но что я могу для них сделать? Прямо не знаю, как быть.

— Как ты хотел бы поступить с детьми? — спросил Накатада. — Куда ты хочешь их определить? Скажи мне, что для них сделать. Их можно отдать на воспитание твоей сестре, и я буду всячески заботиться о них.

— Это было бы замечательно! — обрадовался Накаёри. — В своё время я не смог служить нынешнему императору, и не хочу, чтобы мои сыновья служили ему. Я был бы рад определить их во дворец наследника престола.

— Наследником станет сын Фудзицубо, — сказал Накатада. — Это существо незаурядное. Уже сейчас он мог бы взойти на престол. Он необычайно умён.

— Мне говорили о другом сыне императора,[282] — возразил Накаёри, — и я тогда бы ещё больше радовался за моих сыновей, которые очень хотят служить принцу.

— То, что тебе сказали, полная нелепость. Откуда ползут эти слухи? — рассердился Накатада.

— Но ведь всё уже решено, — вступил в разговор Судзуси. — Говорят, что даже назначен день.

— Я об этом ничего не знаю, — ответил Накатада. — От меня всё скрывают.

— Ты утверждаешь, что всё решилось без твоего ведома, но другие так не думают, и их вполне можно понять, — сказал Судзуси.

— Скоро вы сами увидите, — ответил Накатада. — А от одной мысли, что Фудзицубо верит подобным пересудам, мне становится не по себе. Впрочем, она рассудительна, и надеюсь, что относительно меня не заблуждается, — и добавил, обращаясь к Накаёри: — Твоих детей я сегодня же возьму с собой.

— Я в этом году буду заниматься с ними музыкой, а на службу хочу послать в следующем году, — ответил Накаёри.

Они разговаривали долго.

…Гости собрались в обратный путь. Они оделись в белые охотничьи костюмы на вате, с серебряным рисунком, в нижнее платье из узорчатого лощёного шёлка и шаровары светло-оранжевого цвета. Сопровождающие были в светло-фиолетовых охотничьих костюмах на вате, на которых травами были наведены горные узоры. Низшие слуги были в охотничьих костюмах на вате цвета прелых листьев. Нижнее платье они надели какое кто хотел.

Накаёри с детьми, монахи, служки проводили путешественников вниз с горы. Господа, велев слугам вести лошадей, сами шли пешком. Генерал играл на органчике, Судзуси на флейте, Юкимаса на хитирики, Тикамаса шёл впереди, исполняя сначала «Танец князя Лин-вана», а потом «Танец с приседанием». Все следовали за ними, ступая по листьям клёнов, покрывающим землю точно парчою. Под порывами сильного ветра листья дождём сыпались с деревьев, у подножия горя, охваченные печалью, господа сочиняли стихи. Затем Накаёри возвратился в монастырь.

Встречать путников явилось много слуг. Слуги Накатада и Судзуси были в охотничьих костюмах и держали на руках небольших соколов, так что на обратном пути господа смогли поохотиться; пойманных птичек посадили в бамбуковые клетки. Суэфуса распрощался с друзьями в начале проспекта. Судзуси, Юкимаса и Тадакосо, проводив Накатада до дому, отправились к себе. Накатада распорядился угостить своих сопровождающих, передовым подарил одежду, а верховым и прочим слугам — шёлк.

Войдя к жене, Накатада узнал, что она никуда не выходила и ждала его. Это его очень обрадовало. Живых птичек, пойманных на охоте, Накатада отдал Инумия, и девочка пришла от них в восторг, а прочих птиц он вынул из клеток и отправил на кухню, велев приготовить их для Первой принцессы. Обратившись к ней, Накатада произнёс:

— Для тебя в горную глушь
Я пустился,
Соколов на рукав усадив.
И птичек принёс,
Что сверчков мацумуси едят.[283]

Она на это ответила:

— Как — для меня
Ты в горы уехал?
Уверена, что о жене
Ты ни разу
Не вспомнил.

«Как всегда, равнодушна…» — подумал он и отправился к сестре Накаёри рассказать о путешествии в горы.

*** * ***

Таким образом, Накатада начал выходить из дому и вскоре отправился с визитом к отрёкшемуся от престола императору Судзаку. Император велел проводить его в покои и сначала, пристально смотрел на него, ничего не говоря. Наконец произнёс:

— В течение долгого времени я даже мечтать не мог жить так, как живу сейчас, — делать то, что хочу, и видеть тех, кого хочу. Почему ты столько времени не показывался у меня? Я уже давно не видел Первую принцессу и посылал за ней, но она почему-то не приехала.

Генерал в крайнем смущении не знал, что ответить. После некоторого молчания он сказал:

— Я долго был болен и никуда из дому не выходил. Потом я отправился в Мидзуноо, чтобы хоть немного ободрить Накаёри, и возвратился оттуда только что.

— Мне рассказывали, что он живёт один и бедствует, — сказал император. — Путешествие было интересным?

Накатада рассказал обо всём, что происходило в монастыре, и показал императору сочинённые там стихи.

*** * ***

Рассмотрев полученные подарки, Накаёри раздал всё, что предназначалось другим, и оставил у себя лишь то, что могло ему понадобиться. Полученную от Судзуси кухонную утварь он послал жене, сопроводив подарок письмом:

«Несколько дней у меня гостило много народу, я был занят и не мог писать тебе. Если ты хочешь выйти замуж, как это часто бывает, то никаких препятствий к тому нет. Но я тебе вот что хочу сказать. Не думай, что другие будут относиться к тебе, как я в своё время. Среди современных людей ты вряд ли найдёшь такое сердце, как у меня. Из этих глухих гор я иногда могу что-нибудь тебе послать, пусть хоть это будет тебе утешением…

Ветер холодный
В соснах уныло шумит…
Годы проходят.
Но помню я о тебе,
На ложе холодном спящей.[284]

Это мне преподнесли, чтобы я варил кашу, а я посылаю тебе. Когда будешь шить ночные платья для детей, положи побольше ваты. Дети тоскуют по тебе, но я хочу ещё немного поучить их музыке».

Госпожа, прочитав это письмо, горько плакала и написала в ответ:

«Благодарю за письмо. Я с грустью читала, что у тебя были такие именитые, такие блестящие гости. Поступить, как делают все? Выйти вторично замуж? Нет, даже появись у меня такая возможность, я не стала бы о том думать. Я хочу только одного: уйти в монастырь и жить рядом с тобой. И слушая ветер в соснах, мечтаю лишь об этом.

Как только иней землю покроет
И шум ветра в соснах раздастся,
Не холод постели моей,
Но тонкое платье из мха
Мне страхом грудь наполняет.[285]

Спасибо за утварь, я буду ею пользоваться, тебя вспоминая».

Она открыла подарки и увидела, что там очень много шёлка и ваты. Часть она послала матери, один ящик отправила госпоже Адзэти, а часть дала прислуживающим ей дамам. Они стали разворачивать шёлк, дёргая его друг у друга.

— Как всегда, Судзуси делает очень богатые подарки, — сказала госпожа.

*** * ***

Раньше вокруг усадьбы Масаёри на Третьем проспекте со всех сторон стояло множество экипажей, а ныне не было ни одного. К Фудзицубо тоже никто не являлся с визитом. Но у Накатада всегда было много народу, и в покоях у Санэёри тоже было людно. У Масаёри же собирались только его сыновья. К Суэфуса тоже часто приезжали гости. Он мог стать инспектором Палаты правосудия, и его посещали многие книжники. У Суэфуса была очень хорошая репутация, он был учителем нынешнего императора, и его достоинства признавались всеми. Император после восшествия на престол продолжал всем сердцем отдаваться сочинению стихов и всегда при этом призывал к себе Суэфуса ‹…›. Во внешности его не было ни одного изъяна. Он часто говаривал жене:

— Когда я учился в Университете, ноги у меня торчали, как у журавля, я был худ, как скелет, но продолжал читать книги, пока мог различать письмена. Ночью я собирал светляков и занимался при их свете. Я ни о чём не мечтал и ни на что не надеялся. Сейчас же я служу государю, повсюду известен, но в душе радости не испытываю. Почему? Потому что ты родителей своих не навещаешь и живёшь так, как будто чем-то недовольна. Вот и я не чувствую никакой радости. Ты не права, затаив обиду на своих родителей за то, что они отдали тебя мне в жёны. Твой отец от себя меня не отпускает и советуется со мной даже в вопросах государственных. И о тебе он постоянно заботится, а твоё отношение поистине постыдно. Мир непостоянен. Фудзицубо с давних пор была знаменита и погубила многих людей. Начав служить во дворце, она полностью завладела сердцем наследника престола, и никто из его жён не мог больше приблизиться к нему. Она сразу же родила мальчика, и все утверждали, что он-то и станет наследником престола, а она — императрицей, но сейчас никто уже так не говорит. Другая наложница, о которой всерьёз и не думали, родила сына, и вот его-то, по-видимому, и

провозгласят наследником. Людей, находящихся в зените славы, судьба свергает вниз. Совсем не обязательно, что я так и останусь человеком заурядным. В Университете меня все презирали, а сейчас разве я не вхож к самым важным сановникам? Ведь мало на свете таких, кого можно назвать учёными.

Но госпожа из северных покоев делала вид, что ничего не слышит.

*** * ***

Все говорили о том, что провозглашение наследника престола состоится до конца месяца. Перед воротами домов Канэмаса и Накатада постоянно толпился народ, господа приезжали к ним верхом и в экипажах, и шум стоял, как на базаре. Императрица-мать каждый день посылала Канэмаса письма. В усадьбе же Масаёри не появлялись даже посыльные от императора. Известий о провозглашении наследника не было, и Масаёри решил, что если наследником станет не его внук, он на следующий же день примет монашество и удалится в горы. Он даже определил, куда именно скроется, и заказал монашескую рясу.

В его покоях собралась вся его семья, и все, плача, спрашивали, что с ними будет.

— У меня много дочерей, но из всех них я больше всего с самого её младенчества любил Фудзицубо, — отвечал министр. — Я воспитывал её с особой заботой, носил на руках. Мне хотелось, чтобы хотя бы она добилась надлежащего успеха в мире. Глядя на неё, я испытывал гордость и особую нежность и принимался заботиться о ней ещё больше. Но из-за неё же меня сильно ненавидели, говорили, что ради неё я не щадил человеческих жизней. Я отдал её на службу в императорский дворец — ей все завидовали. А сейчас я вижу, как её высмеивают, как её позорят — для чего мне оставаться с людьми?

Распространились слухи, что церемония провозглашения наследника престола назначена на следующий день. Сыновья Масаёри старались насколько возможно утешить отца, но он раздражённо отмахнулся:

— Я ничего не хочу слышать об этой церемонии. Не говорите мне ничего.

На следующий день рано утром он заперся в гардеробной.

— За какие прегрешения мне суждено видеть всё это? — но сокрушалась его жена, сидя рядом с ним.

Сыновья, расположившись у правой и левой дверей, лили слёзы и не знали, что им предпринять.

Днём показался посыльный: «Пожалуйте во дворец», — но Масаёри не произнёс в ответ ни единого слова.

Когда императору доложили, что Масаёри не придёт, он вызвал к себе Тадамаса. Тот тоже не явился, но император снова послал за ним. «Дело решилось очень быстро. Вряд ли кто-нибудь заподозрит, что я приложил к этому руку», — подумал первый министр и поехал к императору.

Масаёри сказал Тикадзуми и Юкидзуми:

— Пойдите во дворец и расскажите мне, как обстоят дела. Мне было велено явиться к государю, но я колеблюсь.

Сыновья в полной растерянности отправились во дворец.

Наступил час курицы.[286] Первый министр явился во дворец. Император, не произнося ни слова, придвинул тушечницу, что-то написал, приложил печать и велел Санэёри передать бумагу Тадамаса. Когда министр прочитал написанное, камень свалился у него с души. Глядя на него, Тикадзуми подумал: «Итак, это его внучатый племянник! Всё совершилось по его желанию. Усилия моего отца оказались тщетными». Он побледнел, и лицо его задёргалось. Император, глядя на него, чувствовал удовлетворение, но в то же время ему было жалко молодого человека.

— Не теряй мужества. Пойди за первым министром, — сказал он.

«Может быть, когда мы останемся вдвоём, министр что-нибудь расскажет», — подумал Тикадзуми и пошёл к Тадамаса.

Тадамаса остался на ночь в служебном помещении. Тикадзуми прошёл туда и всё время оставался подле министра. Утром Тадамаса, улучив мгновение, когда около них никого не было, написал коротенькую записку и отдал Тикадзуми. Взяв её, тот поспешно вышел. Записка была запечатана и сверху надписана: «Министру Масаёри». Молодой человек не стал разыскивать своих сопровождающих, он сел на стоявшего у ворот крепости коня и помчался на Третий проспект. Сыновья Масаёри сначала решили, что это мчится кто-то с мечом наголо, дабы покончить с ними со всеми, и похолодев от страха, ожидали, что с ними будет, не в силах произнести ни слова. Весь дрожа, Сукэдзуми, запинаясь, произнёс:

— Ну, что? Кого же избрали?

— Я не мог разузнать, — ответил Тикадзуми. — Письмо от первого министра. — Его била мелкая дрожь.

— Открой же письмо, — зашумели братья.

— Как я могу открыть? — возразил тот и, постучав в дверь

гардеробной, сказал: — Это Тикадзуми. Я должен вам что-то передать.

Масаёри в полной растерянности не мог произнести ни одного слова.

— Он хочет что-то сказать, — прошептала его жена и открыла дверь.

Сыновья Масаёри протиснулись в узкое помещение, Тикадзуми протянул отцу письмо. Масаёри лежал на полу, накрывшись с головой. Он велел Тададзуми прочитать письмо.

Женскими знаками было написано:

«Наследником престола избран Молодой господин. Указ был составлен вчера в час курицы. Обычной церемонии не было. Император решил по собственной воле. Он велел мне никому не говорить, пока указ не будет обнародован. В час змеи[287] состоится официальная церемония. Приходите же во дворец».

Масаёри вскочил на ноги.

— Знает ли Фудзицубо? — закричал он.

— Первый министр написал вам первому.

— Скорее сообщите ей. Она, наверное, вся извелась, — сказал он. Его уныние сняло как рукой.

Когда Тикадзуми прошёл в южные покои, Фудзицубо сидела со старшим сыном на коленях и держала на руках младшего. Она была погружена в мысли об обещаниях, которые ей расточал император.

Тикадзуми сообщил ей новость, и Фудзицубо рассмеялась:

— Вот как! А я-то думала: неужели государь изменит своим давним клятвам? Но ходили странные слухи, и я начала тревожиться.

Она одела наследника престола в парадное платье. После этого Масаёри и его сыновья, все в парадной одежде, отвели наследника в северные покои главного помещения. Второго сына Фудзицубо поместили в западных покоях. Сыновья Масаёри велели слугам убрать помещение, и в мгновение ока покои заблистали, как драгоценный камень. Повсюду в усадьбе готовились к церемонии. Двор был посыпан песком так ровно, что казалось, будто выпал снег. Можно было подумать, что все приготовления сделали заранее. Когда с убранством усадьбы было покончено, господа отправились в императорский дворец.

В покоях Фудзицубо собрались кормилицы, служанки и юные прислужницы, все в высоких причёсках и парадных платьях. В западных покоях собрались замужние дочери Масаёри. Жена его, пятая и шестая дочери прошли в главное помещение.

* * *

Услышав о том, что наследник престола избран, Накатада вздохнул с облегчением: «Из-за этого дела я ни к кому не мог подойти, — подумал он. — Даже император Судзаку нашёл меня странным. Переезд на Третий проспект принёс мне одни неприятности».[288] Он поспешно отправился в императорский дворец.

* * *

Несмотря на все усилия императрицы-матери, Канэмаса и во сне не верил, что его внук станет наследником престола. «Если бы судьба предназначила сыну Насицубо стать наследником, она не дала бы Фудзицубо столько сыновей», — думал он, и хотя все единодушно указывали на его внука, он в душе этому не верил и ни с кем о престолонаследии не хотел говорить. «Не надо приводить мне различные примеры. Я хочу, чтобы нас оставили в покое. Зачем посторонним вмешиваться в мои дела? Ничтожные люди могут сговориться между собой, но о них пойдёт дурная слава, и это приведёт их к погибели», — думал он. Поскольку он не принимал близко к сердцу слухов о своём внуке, то и не был очень расстроен, когда наследником престола стал сын Фудзицубо. Однако в императорский дворец не пошёл.

* * *

Второй советник Санэтада больше в Оно не ездил и жил в столице, но, как и раньше, всех чуждался, и к нему никто не приходил. Он был всё время погружён в дорогие для него воспоминания. Когда он слышал, как все с сожалением отзывались о Фудзицубо, ему становилось больно, но вот наследником престола был провозглашён её сын, и он успокоился. ‹…› Санэтада отправил госпоже Дзидзюдэн письмо:

> «Все эти дни, слушая невероятные предположения, я был весь охвачен печалью, но сейчас с удовольствием узнал о совершившемся событии. Надеюсь, что это не пустые слухи.

Пока положение оставалось неясным и дело могло решиться прискорбным образом, как горько, вероятно, было на душе у левого министра! Мне хотелось бы нанести Вам визит и поздравить Вас, но сейчас для меня время неблагоприятное, поэтому вынужден ждать. Но постараюсь как можно скорее явиться к Вам».

Госпожа Дзидзюдэн ответила ему:

«Благодарю за Ваше послание. О том, о чём Вы пишете, я узнала сегодня утром из письма первого министра. Сейчас все охвачены беспокойством: что же дальше? Но об этом можно будет судить только через некоторое время, понаблюдав, как станут развиваться события. Несмотря на неблагоприятное для Вас время, Вы могли бы написать наследнику престола».

*** * ***

Вечером с указом императора прибыл Тадамаса, и в усадьбе Масаёри собрались придворные. Приготовление к торжеству взял на себя Судзуси, и всё было устроено, как должно. Телохранителями наследника престола были избраны один из сыновей Масаёри и один из его зятьёв. Все сановники и архивариусы двора наследника были назначены по рекомендации Масаёри.

Как раз в тот момент, когда распределялись должности, Накатада обратился с письменной просьбой:

«Я несколько раз являлся с визитом к наследнику престола, но вокруг него было так много народу, что я не мог поговорить о моём деле. Об этом я должен был бы подробно рассказать лично, но что же делать… У меня есть человек, о котором я долгое время заботился. На него не обращают должного внимания, и до сих пор я не мог его куда-либо рекомендовать. Но сейчас я непременно постараюсь помочь ему. Вас со всех сторон донимают просьбами, но мне очень хочется, чтобы его взяли на службу. Это человек, который будет полезен. Я прошу, чтобы его назначили дворецким к наследнику престола».

Речь шла о помощнике правителя провинции Иё, одном из тех, о ком

заботился Накатада.

Масаёри ответил:

> «Письмо твоё получил. Просьбу твою выполнить очень легко. Мне как раз было сказано, чтобы я нашёл кого-нибудь на место дворецкого, и если у тебя есть подходящий человек, то лучшего и желать нельзя».

Масаёри хотел сделать главой Ведомства двора наследника престола одного из своих сыновей, но император, считая, что здесь нужен человек более известный, назначил Накатада. Помощником управляющего стал военачальник Правой дворцовой стражи Тададзуми, его заместителем по просьбе Масаёри, был назначен ‹…›. Учителем словесности, тоже по просьбе Масаёри, назначили ‹…›. Дворецким стал помощник правителя провинции Иё, рекомендованный Накатада, его помощниками были назначены один — по ходатайству супруги Масаёри, второй — по просьбе Фудзицубо, а третьим выбрали того, кто служил у прежнего наследника престола. Более низкие чины тоже были распределены по тому или иному ходатайству. Главой Портняжного отделения при дворе наследника престола была назначена четырнадцатая дочь Масаёри, жена Суэфуса.

*** * ***

Императрица-мать продолжала строить различные интриги, но когда она попробовали втянуть в них императора, у него сразу испортилось настроение, и она больше его ни во что не посвящала. Казалось, она не сердилась на императора за сделанное назначение, но в душе испытывала страшную зависть к семейству Масаёри. «Ах, если бы сыновья Фудзицубо умерли, тогда я смогла бы устроить иначе», — вздыхала императрица-мать. Она ещё больше, чем раньше, ненавидела Дзидзюдэн, которая поселилась во дворце Судзаку рядом с отрёкшимся от престола императором. Императрице-матери хотелось извести наложницу или выжить её из дворца.

Госпоже Дзидзюдэн было предоставлено несколько домов неподалёку от дворца Судзаку, в которых поселились её сыновья. Они были женаты на девицах из хороших семей. Восьмой сын женился на дочери советника сайсё Сукэдзуми. Все сыновья Дзидзюдэн были очень хороши собой и

пользовались хорошей славой. Тадаясу по-прежнему не женился, и дочери важных сановников, умелые во всевозможных искусствах, миловидные, старались поступить на службу к нему во дворец. У него было много прислуживающих дам. В покоях Дзидзюдэн всегда собирались её дети, и взрослые и подростки, — как букет цветов. Там днём и ночью звучала музыка и было очень оживлённо. Отрёкшийся от престола император с радостью смотрел на детей, слушал их исполнение; он всё своё время проводил у Дзидзюдэн.

— Надо пригласить Первую принцессу и попросить, чтобы она поиграла на кото вместе со своим мужем, — говорил он наложнице.

Масаёри с сыновьями часто навещали Дзидзюдэн; Накатада и другие зятья являлись к отрёкшемуся императору и наносили визит высочайшей наложнице. Пятый принц, горячо влюблённый во Вторую принцессу, неотступно размышлял, как осуществить свои желания.

Императрица-мать ненавидела семью Масаёри, а также всех придворных и принцев. Ни Тадамаса, ни Канэмаса, с которыми она должна была бы быть в хороших отношениях, у неё не показывались. «Гнусный мир! Кончится тем, что всё в нём захватит Масаёри. Хотела бы я удалиться туда, где бы я ничего этого не видела, стать монахиней», — размышляла она, но ей казалось, что время для этого ещё не настало, что душа её ещё не спокойна.

*** * ***

С тех пор, как жена Тадамаса узнала, что императрица-мать хотела женить его на своей дочери, она мужу не писала. Дети их плакали, тоскуя по матери. В скором времени она должна была рожать.

Она оставалась ко всему безучастной. Осенние холодные ночи наводили на душу уныние, она уже долго была в разлуке с мужем. Каждую ночь Тадамаса приходил к ней, плакал и просил прощения. «Видно, делать нечего!» — решила она как-то раз и возвратилась к мужу.

— Почему ты до сих пор оставалась у отца? — допытывался он.

Она сначала не говорила ему, что слышала о происках императрицы-матери, а отвечала, что, мол, об одной принцессе очень много говорят, что мужчины всегда хотят чего-то ещё, что её отец был того же мнения и запретил возвращаться.

— Мне очень грустно, что ты так думаешь, — сказал Тадамаса. —

Пусть люди говорят, что хотят, я никогда не относился к тебе легкомысленно. Если бы ты меня любила, то, несмотря на уговоры твоего отца, ты бы так долго меня не мучила. Разве я отношусь к тебе пренебрежительно, как утверждает твой отец? Да разве у меня есть другая цель в жизни, кроме как любить тебя? Пусть в нашем мире есть люди достойнее меня, но нет ни одного, который бы питал более глубокие чувства, чем я.

Жена решила, что мужу было всё известно с самого начала, и рассказала:

— Когда императрица-мать посылала тебе письма, я думала, что между нами всё будет кончено. Ты же мне этих писем не показывал, вот я и рассердилась.

— Ничего странного, что ты рассердилась, если ты слышала об этом деле. Как же, думая о тебе ‹…›. Посмотри, что у меня. — С этими словами он преподнёс ей красивый подарок.

С тех пор отношения между ними были превосходными.

*** * ***

Императрица-бабка, супруга отрёкшегося императора Сага, давно уже думала: «А вдруг у Пятой принцессы родится мальчик…» — и она сказала императору Судзаку, когда он вскоре после отречения от престола нанёс родителям визит:

— Я давно хотела поговорить с тобой. Сейчас Пятая принцесса ждёт разрешения, и если, как все мы того желаем, у неё родится мальчик… Я думаю сказать императору: „Пятая принцесса должна не сегодня завтра рожать. Назначь её сына наследником престола". Если ты со мной согласен, скажи ему об этом со своей стороны. Первая принцесса, проживающая на Третьем проспекте,[289] конечно, рассердится, узнав о моей просьбе. Я родила её,[290] когда ты был уже взрослым. ‹…›

— Если наследник престола не будет провозглашён до рождения ребёнка принцессы, я скажу императору, — пообещал тот.

— Ты и скажи, чтобы пока никого не провозглашали. — Это единственное, что заставляет меня цепляться за оставшуюся жизнь. Я не смогу спокойно отойти в страну мрака.

Когда же императрица-бабка узнала, что наследником престола

объявлен сын Фудзицубо, она с горечью подумала: «Не дождались, не сделали того, о чём я просила». Отрёкшийся император Судзаку был с ней заодно, не потому что он возражал бы против решения императора, но из-за того, что ему было жаль свою мать.

Царствующий император мучился угрызениями совести, что императрица-мать осталась недовольной. «Она просила меня сделать наследником престола сына Насицубо», — думал он и провозгласил его Вторым принцем. Среднего сына Фудзицубо, хотя он и был старше сына Насицубо, он провозгласил Третьим принцем. В своё время, когда Фудзицубо забеременела, он обещал ей: «Если всё пройдёт благополучно, твой сын будет наследником престола». С тех пор Фудзицубо родила и других сыновей, но императрица-мать твердила, что наследник престола может быть только из рода Фудзивара, и совещаясь с важными сановниками, строила планы в пользу ребёнка Насицубо. Потом сановники, император Судзаку и старая императрица задумали провозгласить наследником престола будущего сына Пятой принцессы и все вместе пытались помешать избранию сына Фудзицубо. Царствующий же император ни с кем по этому поводу не совещался, таил думы глубоко в душе, до самого последнего момента не проронил ни слова — и вдруг сделал наследником престола сына Фудзицубо! Все, кто видел, как страшно изменилась в лице при этом императрица-мать, порицали его выбор.

Фудзицубо всё ещё не возвращалась к императору, и он дни и ночи проводил в унынии. Других наложниц он к себе не призывал, и сам ни к одной из них не ходил. Ложился ли он спать или вставал с постели, он был погружён в глубокую задумчивость. В этом месяце он гонцов к Фудзицубо уже не посылал. «Узнав о назначении наследника престола, она должна обрадоваться и напишет мне письмо», — думал он, ожидая от неё весточки, но напрасно. «Она страшно упряма. Наверное, и на этот раз мне придётся уступить», — сдался он и отправил письмо с архивариусом, бывшим в то же время помощником начальника Ведомства построек.

Дамы, прислуживающие Фудзицубо, встретили его с большой радостью, вышли к нему на веранду и преподнесли вина. В письме было сказано:

«Всё время пишу тебе, но ответа от тебя нет. Ты могла бы и сообщать мне, что получаешь мои письма. Даже посторонние этому удивляются. Такое поведение совершенно беспримерно. Всё это время мне кажется, что вот-вот я расстанусь с жизнью.

Не слышу я
Горного эха…
Мне говорят: оттого,
Что белыми облаками
Вершины покрыты.[291]

Неужели и сейчас ты не приедешь ко мне?»

Фудзицубо это письмо очень понравилось, и она ответила:

«Благодарю Вас за Ваше чудесное письмо. Я хотела сразу же выразить Вам свою радость по поводу провозглашения наследника престола, но от Вас писем не было, и я, не зная, что думать, решила подождать. Вы пишете о горном эхе…

Белые облака
Чёрными стали,
Об этом услышав.
Горное эхо,
Страдая, замолкло.[292]

Не могу выразить, как я горевала. Что же до моего возвращения во дворец, то думаю поступить следующим образом: наследник должен на днях въехать в Восточный дворец и я приеду к Вам в тот же день».

Посыльному она велела вручить шёлковую накидку с прорезами и штаны на подкладке.

Прочитав письмо Фудзицубо, император возликовал:

— Наконец-то она возвращается!

Он сразу же написал ей:

«Вчера получил твоё письмо, которое очень меня обрадовало. Ты пишешь о чёрных тучах…

Сколько бы туч
Ветер с собой ни принёс,
Разве могут они
Скрыть от нас
Солнце или луну?[293]

Ты мечтала об исключительном, поэтому и радость твоя огромна. Из-за моего решения многие родственники возненавидели меня. Всё перевернулось вверх дном. Многие мучаются завистью. После того, как я всех увидел…»

Он послал письмо с архивариусом Корэкосо. Тот охотно отправился к Фудзицубо.

У Фудзицубо в это время находилась её мать. Прочитав письмо, она сказала:

— Я слышала, что и отрёкшийся от престола император Сага говорил с государем о назначении наследника…

— И мне говорили об этом. Что за нелепые планы! — засмеялась Фудзицубо.

Она написала в ответ: «Благодарю за Ваше письмо. Вы пишете о солнце и луне…

Если со всех сторон
Тучи небо покроют,
Разве будут
Ясно видны
Солнце или луна?

Не могу выразить Вам свою радость по поводу избрания наследника престола».

Сразу же после провозглашения наследника престола в доме Масаёри началось чтение сутр. Там собрались представители высшего духовенства и знаменитые учёные, которые обсуждали смысл тех или иных мест в священных текстах. На чтения прибыл и Накатада, а вечером он отправился в западный дом к Фудзицубо.

Она велела вынести на веранду подушку и приняла его. Они разговаривали через Соо.

— Отныне наши отношения стали ещё более тесными,[294] и мы могли бы говорить без посредников, — сказал Накатада. — В недавнее время повсюду распускали так много нелепых слухов, но я сам и другие в моём доме были бы огорчены, если бы вы, услышав их, усомнились в наших чувствах. Никто из нас все эти долгие дни из дому никуда не выходил. Моему отцу давали много советов. Он получил от императрицы-матери

письмо, где она пишет о своих планах. Я подумал, что после того, как всё будет решено, вы захотите это письмо увидеть, и сохранил его. — Через Соо он передал письмо высочайшей наложнице. — Мне не следовало бы касаться этой темы, но мои старые чувства к вам ещё не заглохли, да и в дальнейшем я буду обращаться к вам с просьбами, и мне было бы неприятно, если бы вы подумали, что у меня неверное сердце.

Прочитав письмо, находящаяся рядом с дочерью жена Масаёри ахнула:

— Как она могла написать такие ужасные вещи?

— Если вы прочитали, верните, пожалуйста, мне, — попросил Накатада.

«Если бы из-за туч
Прихода весны
Никто не дождался,
Глициния бы засохла,
Но осталась стоять сосна»,[295] —

написала Фудзицубо и передала Накатада. Он, в свою очередь, написал:

«Как только
На крепкой скале
Росток сосны показался,
Знал, что с приходом весны
Его яркая хвоя покроет».

В это время в покоях появился Масаёри и заговорил о въезде наследника во дворец.

* * *

Пятнадцатого дня десятого месяца наследник престола вместе с

Фудзицубо должен был въехать во дворец. Всё к этому дню было готово. Тридцать взрослых служанок и восемь юных прислужниц были одеты в пятислойные китайские платья и штаны из голубого узорчатого шёлка, а восемь низших служанок — в китайские платья красного цвета с чёрным отливом, на голубой подкладке и такие же нижние платья. Накануне Фудзицубо доставили письмо от Санэтада: «Я очень рад, что дело решилось таким образом. Я хотел было лично явиться к Вам с визитом, но потом подумал, что такому жалкому отшельнику, как я, лучше от этого воздержаться. Вы писали мне, чтобы я не удалялся от Вас, и я живу так близко, что, кажется, „наступаю на тень”.[296] Но писем от Вас я не получаю, а сейчас ещё больше печалюсь, потому что Вы возвращаетесь во дворец. Ведь Вы знаете, что чувствуют люди на горе Асадзума.[297]

Отвернувшись от мира,
В глухих горах
Себя схоронил я.
Теперь же из-за тебя
Вновь должен страдать.

Я думал, что всё будет так, как Вы сказали, но чувствую в сердце, что ошибался».

Прочитав письмо, Фудзицубо ответила Санэтада: «Благодарю Вас за письмо. О провозглашении наследника многие отзываются со злостью, и я скорблю, что нет уже тех, кто был нам опорой.[298] Мы живём в жестоком и страшном мире, и если Вы будете служить во дворце и поддерживать наследника престола, мне не о чем будет беспокоиться. Я говорила с Вашим старшим братом об одном деле. Сказал ли он Вам о том? Если Вы согласитесь, Вам ничего не надо будет стыдиться…»

Прочитав письмо, Санэтада спросил Санэмаса:

— О чём она пишет?

— Да, я действительно говорил с ней, — ответил тот. — Речь идёт о Содэмия. Фудзицубо сказала: «Мне хотелось бы, чтобы императору прислуживали дружественные мне люди. Поэтому хорошо бы Содэмия, не привлекая лишнего внимания, тихонько явилась во дворец и обосновалась там. Скажите об этом Санэтада». Разговор наш состоялся тогда, когда Фудзицубо была назначена высочайшей наложницей и в усадьбу её отца являлось с поздравлениями много народу.

— Это внушает опасения. Во дворце так много знатных дам, которые уже давно поступили на службу, но государь на них даже не смотрит. Что уж тут говорить о моей дочери! Когда родители должным образом поддерживают девицу, она может достичь высокого положения, а что будет с дочерью такого неудачника, как я?

— Вряд ли об этом нужно беспокоиться, — успокоил его брат. — Когда государь увидит, что Содэмия находится под покровительством Фудзицубо, то он не станет пренебрегать ею. При дворе много дам, которые служат уже давно, но все они ненавидят Фудзицубо, да и она сама относится к ним недружелюбно, вот государь и не расположен к ним. Если Фудзицубо будет относиться к твоей дочери благосклонно, ей обязательно улыбнётся счастье. В четвёртом месяце, когда окончится траур по нашему отцу, ей нужно будет отправиться в парадном платье во дворец, а мы поедем её сопровождать. Среди известных мне людей нет никого, кто бы годился мужья Содэмия. Я слышал, что Сукэдзуми с давних пор питает к ней особые чувства, но он оказался человеком легкомысленным. Молодых людей много, но подходящей партии нет…

— В последнее время часто приходили письма от Пятого принца, но тут ничего хорошего ждать нельзя, и я запретил отвечать на них, — сказал Санэтада.

— Пятый принц — страшный повеса. Как только услышит, что в доме есть девица, сразу же посылает ей любовное письмо. Он влюбился во Вторую принцессу, дочь императора Судзаку, и пытается проникнуть к ней, но её всё время охраняют принц Тадаясу и другие братья, они днём и ночью музицируют вместе, и сам отрёкшийся от престола император приходит, чтобы их послушать. Пятый принц тоже приходил туда, но они, дабы не проник злоумышленник, поставили вокруг воинов. Как-то раз Масаёри сказал: «Если императрица-мать задумает предпринять что-нибудь коварное, она пустит слух о Пятом принце и Второй принцессе, и честь её будет погублена. А что мы будем делать, если он потом принцессу оставит?» Поэтому он решил, чтобы принцессу охраняли не только его сыновья, но и множество других людей, а Пятого принца к ней и близко не подпускали. Однако и среди тех, кому Масаёри доверяет, многие влюблены в принцессу. Чем всё это кончится? Но вернёмся к твоей дочери. Как я сказал, у этого принца такой прискорбный нрав: как только он услышит о какой-нибудь благородной девице, его уже ничего не остановит. Так что надо быть предусмотрительным.

— ‹…› Две красавицы могут пользоваться одинаковой известностью, но помести их друг подле друга, и всем станет ясно, что это пыль и

жемчужина, — говорил Санэтада.

— Так-то оно так. Однако я уверен, что Содэмия никому не уступит.

— Ты говоришь нелепости, — остановил его Санэтада. — Какова, по-твоему, Фудзицубо? Говорят, что Первая принцесса так же хороша, как и она, но поставь их рядом и увидишь, что принцесса хуже. С Фудзицубо в нашем мире никого нельзя и сравнивать.

— Каждый думает по-своему. Влюблённому всегда так кажется. Ты всегда был очень странный, — ответил Санэмаса.

*** * ***

Наступил день въезда наследника престола в Восточный дворец. Поезд его состоял из десяти экипажей, поезд высочайшей наложницы — из двадцати. Из них шесть экипажей было украшено цветными нитками, а двадцать — листьями пальмы арека. В двух экипажах ехали юные служанки, а в двух — низшие прислужницы. Сопровождающих выбрали очень тщательно, даже погонщики волов были одеты в парадное платье. Для участия в процессии пригласили только людей с красивой внешностью, около каждого экипажа шло десять человек. Сопровождающие наследника престола были одеты в тёмно-синие платья. В его свите состояли господа высоких рангов. Одни были одеты в штаны белого цвета с серебряными узорами, другие — в нижнее платье бледных тонов и штаны, окрашенные неравномерно: чем ниже, тем темнее. В остальном все выбрали цвета одежд по своему вкусу. Свита Фудзицубо была в охотничьих костюмах, и сопровождающие каждый экипаж отличались цветом платья.

Экипажи наследника престола дожидались его на Дворцовом проспекте у восточных ворот усадьбы. В них были запряжены волы светло-каштанового цвета. Погонщики — двадцать сыновей поваров из дворца отрёкшегося от престола императора Сага — были все одного роста и красивы лицом. Они были в платьях из лощёного шёлка, нижних платьях и кожаных сапогах. В свите находилось множество чиновников из Императорского архива. Экипажи для Фудзицубо поставили на Третьем проспекте у южных ворот. В них были впряжены чёрные волы. Погонщиками назначили двадцать человек из собственных слуг Фудзицубо, они были в платьях цвета пурпурного винограда. Свита состояла из двадцати придворных, трёх сыновей Масаёри, а также Судзуси,

Юкимаса и Суэфуса. Тадамаса не хотел вызывать нареканий императрицы-матери, поэтому никто из его семьи участия в шествии не принимал. Семья Санэмаса тоже не явилась, из-за траура по отцу. Другие придворные, четвёртого и пятого рангов, явились все без исключения. Чиновники шестого ранга присутствовали также в полном составе. Когда наследник престола сел в экипаж, архивариусы заняли свои места. За экипажем наследника ехали две кормилицы. Сыновья Масаёри были в свите Фудзицубо. Жена министра тоже хотела сопровождать наследника престола, но поездка могла очень утомить её, и она осталась дома. В экипаж, стоящий за экипажем Фудзицубо, сели три кормилицы её младших сыновей и Соо.

Наконец тронулись в путь. Двое важных сановников следили за порядком. За экипажем Фудзицубо выехала четырнадцатая дочь Масаёри, жена Суэфуса, а за ней многие знатные персоны. Дамы, прислуживающие Фудзицубо, оказались позади всех. Кормилицы младших сыновей злились:

— Мы прислуживаем принцам, рождённым той же самой госпожой, почему же кормилица старшего принца едет впереди нас, в первой коляске? Почему мы едем за низшими служанками, которые чистят нужники?

— Потому что они служат наследнику престола, — пыталась утихомирить их Соо.

Поезд двигался по Дворцовому проспекту, на котором по обеим сторонам стояло множество великолепных экипажей. Ночь была тиха, луна светила так ярко, что было светло, как днём. У находившихся на проспекте экипажей слуги держали горящие факелы: перед украшенными цветными нитками стояло по шесть человек, а перед украшенными листьями пальмы арека — по четыре. Занавески в экипажах были высоко подняты, и внутрь набилось столько народу, что, казалось, задние вот-вот упадут. Одежда и лица участников процессии были ясно видны, поезд являл собой великолепное зрелище. Зрители, узнав Накатада и Судзуси, заволновались: «Это знаменитые Накатада и Судзуси. Они стали ещё красивее». Увидев старшего ревизора Правой канцелярии, они говорили: «Это Фудзивара Суэфуса. Человеческая жизнь чревата переменами. И в нашем мире можно достичь рая Будды Амитабхи». — «А вот и Юкимаса! — воскликнула одна женщина при виде молодого человека. — Как он ослепительно хорош! Ах, если бы младший военачальник Накаёри не ушёл в монахи, как он был бы блистателен! Он и лицом красив, и душа у него прекрасная, а уж каллиграф он необыкновенный и стихотворец замечательный».

Так, глядя на проезжающие экипажи, жители столицы

переговаривались между собой. Среди зрителей были жена Накаёри и её мать, которые тоже выехали в экипаже, чтобы полюбоваться на шествие.

— О, как прекрасна эта Фудзицубо, которая погубила твоего мужа! — прошептала мать. — Как он мог, при своём положении, полюбить такую взысканную счастьем красавицу?

— Поэтому-то он и заболел смертельной болезнью, — отозвалась её дочь. — И он ожил только тогда, когда принял монашество. Накатада в те времена был сопровождающим императора, а сейчас как он возвысился! И мой муж мог бы сейчас быть министром!

— Так высоко, как Накатада, он бы не поднялся, но мог бы дослужиться до советника сайсё. Накаёри все любили, и недавно многие блистательные сановники навестили его в монастыре и преподнесли ему великолепные подарки. А сегодня этим зрелищем мы любуемся с тобой благодаря Накаёри, — сказала мать, и обе женщины заплакали.

Жена Накаёри произнесла:

— В крепость въезжают
Вместе, как птицы,
Что всегда неразлучны…
А в храме далёком
От слёз рукава прогнили.

Мать её ответила:

— Разве одни рукава?
Внутри всё
Прогнило от слёз.
С тех пор, как исчез он,
Стал мне мир безразличен.

Процессия была такой длинной, что когда первые экипажи достигли средних ворот крепости, последние находились ещё возле усадьбы Масаёри.

Когда экипаж наследника престола подъехал к императорскому дворцу, наследник вошёл во дворец первым. С ним было две кормилицы,

которые шли в сопровождении двадцати архивариусов. Экипаж Фудзицубо остановился у Павильона сливы. Там её ждал экипаж императора, в который она и перешла. С нею сели кормилицы её младших сыновей и Соо. За ними шло шестьдесят человек — взрослых, подростков и низших слуг. В свите были чиновники четвёртого и пятого рангов. Среди них присутствовали и сыновья Масаёри. Свита прибыла к Павильону глициний, и сопровождающие, мужчины и женщины, удалились.

Фудзицубо явилась к императору. Он расспрашивал её о том, что произошло за это время, укоряя, что она с таким опозданием прибыла во дворец. Она оправдывалась. Они всё ещё разговаривали и не входили в опочивальню, когда раздался голос служителя хранителя времени, оповещавшего, что наступила вторая четверть часа быка.[299] Фудзицубо хотела удалиться в свои покои, но император остановил её:

— Подожди немного. Сейчас такие ночи, что хоть и наступила вторая четверть часа быка, но до рассвета ещё далеко.

Лёжа в постели один,
Рассвета
Не мог я дождаться.
Ныне же ночь
Так быстро промчалась!

Раньше рассвет никак не наступал. Фудзицубо ответила:

— Я знала всегда,
Что ночи быстро
Проходят.
Почему ж ты особо
Говоришь о сегодняшнем утре?

— Бессердечные слова, — промолвил император. — Недаром сказано: «Удары колокола».[300]

Тем временем стало светать, и Фудзицубо поспешила в свои покои.

Император сразу же написал ей письмо:

«Сейчас же…

Часто бывало,
Что всю ночь проводил
В горьких стенаньях.
Сегодня же, глядя на иней,
Особую грусть узнаю!»[301]

Она на это ответила:

«Как только утро наступит,
Заоблачный терем
Должна я покинуть.
Безжалостный холод
До костей проникает…»[302]

Второго сына Фудзицубо одели в однослойное платье из лощёного узорчатого шёлка красного цвета, в шёлковое верхнее платье, в штаны с тесёмками, а третьего сына одели в однослойное платьице из белого узорчатого шёлка и подвязали ему рукава тесёмками. Полненький мальчик, ползающий по комнате, выглядел очаровательно.

Император пришёл к Фудзицубо, и она вывела к нему обоих принцев. Кормилицы за переносными занавесками гадали: «Кого государь обнимет первым?» Каждая хотела, чтобы это был её питомец. Император обнял второго сына, посадил к себе на колени, гладил по голове и не отводил от него взгляда. У мальчика волосы были красивые и блестящие, как Драгоценный камень, он был крепок и лицом очень красив.

— Мне хотелось бы прежде всего увидеть наследника престола. Позови его, пожалуйста, — сказал император.

— Вы увидите его через пару дней, — ответила Фудзицубо.

Кормилица третьего принца испытывала сильную ревность, кормилица же второго торжествовала: «Мой питомец лучше». В это время младший мальчик, ни с того, ни с сего, залился смехом и пополз к брату.

— И он так же мил, как другие, — сказал, глядя на малыша,

император. — Хотя из-за этого младенца ты так долго не возвращалась во дворец, я не сержусь на него.

О, как нескоро
Жемчужные лозы растут!
Долго ждать мне пришлось,
Как малыш наш
Ползать начнёт…[303]

Фудзицубо на это ответила:

— Если ещё немного
Ждать бы ты согласился,
Увидел бы,
Как разрослись
Жемчужные лозы…

— Ты так долго оставалась у отца, что я очень сердился на малыша и видеть его не хотел. Но он не должен страдать за грехи матери, — сказал император, обнимая младшего сына.

Император оставался у Фудзицубо довольно долго и на прощание сказал:

— Приходи же вечером ко мне.

Фудзицубо отправилась в отведённый ей Павильон глициний, и император пришёл к ней.

— Позови наследника престола, пусть он придёт сюда, — сказал он. Фудзицубо вышла из комнаты и передала распоряжение военачальнику Левой дворцовой стражи. Наследник престола прибыл в сопровождении Масаёри и придворных. Император, сделав вид, что он не знает о приходе сына, вошёл в комнату и остановил на нём глаза. Наследник выглядел очень степенно, тесёмки его платья были аккуратно завязаны, волосы были длинными и красиво ложились на спину. Поистине, он был прекрасен.

— Мне говорили, что это необычный ребёнок. Так оно и есть. Он очень похож на мать. Только бы у него не было её характера, — сказал император.

— Почему же? — спросила Фудзицубо.

— Потому что она очень упряма и никогда не хочет согласиться с другими, — ответил он.

*** * ***

Император постоянно приходил к Фудзицубо, чтобы посмотреть на сыновей. Каждую ночь он вызывал её к себе, а днём отправлялся к ней.

Даже если бы я приехала одна, обо мне бы нещадно злословили, а сейчас, когда я привезла с собой сыновей, я боюсь, не стряслось бы чего-нибудь с ними, — сказала она как-то императору.

Сейчас вряд ли что-либо может случиться, — успокоил он её, — я сочувствовал другим наложницам. Но всё-таки поступил по-своему, хотя и навлёк на себя недовольство отрёкшегося императора.

Наложницы государя должны были поочерёдно нести службу в его покоях. Все они были блистательными красавицами и совершенно очаровательными. Император мудро решал государственные вопросы, занимался науками и музыкой, очень хорошо играл на музыкальных инструментах. Иногда он беседовал с Насицубо, но только с нею. И даже тогда, когда дамы являлись на ночное дежурство, он, думая о Фудзицубо, не обращал на них особого внимания.

Пятая принцесса покинула дворец перед возвращением Фудзицубо. Госпожа Сёкёдэн из-за траура по отцу оставалась в своём доме. Дочь принца Сикибукё, госпожа Токадэн, не была назначена высочайшей наложницей, и отец её был этим очень раздосадован. Она всегда являлась к императору с недовольным видом, и он наконец издал указ о присвоении ей звания. Император иногда захаживал днём в её покои, и с десятого месяца она забеременела. Отец её немного воспрял духом.

В государстве царил порядок. Тадамаса был превосходным министром, но Масаёри взял государственное управление всецело в свои руки. Император передал ему бразды правления и даже в незначительных вопросах всегда советовался с ним. Император одобрял всё, что делал министр, а тот не предпринимал ничего такого, что могло бы навлечь на него недовольство у других придворных. О несущественных делах он даже не докладывал. Масаёри предполагал, что ему следовало бы опасаться Канэмаса, но почитал его за человека рассудительного. Накатада же он считал необыкновенно умным, как в вопросах государственных, так и в

частной жизни. Всем придворным Масаёри нашёл какое-то применение. О Санэтада многие сожалели, и император велел найти ему службу во дворце.

Наступил новый год. Первого дня первого месяца состоялось утреннее поздравление.[304] Во второй день отрёкшийся от престола император Судзаку отправился с поздравлениями к отрёкшемуся императору Сага. В третий день царствующий император нанёс визит императору Судзаку. Накатада обратился с просьбой, чтобы его в этом году в ранге не повышали. Прочим же чиновникам присвоили высокие ранги. Присвоили новый ранг и Корэкосо. Прошли своим чередом новогодние церемонии, на которых присутствовали все придворные. Во время дворцового пиршества[305] императору прислуживала высочайшая наложница Сэнъёдэн, дочь второго советника министра Масаакира. Она была очень красива. Среди высочайших наложниц она была самого скромного происхождения.

Во время весеннего назначения[306] Фудзицубо обратилась к государю:

— Разве глава Ведомства внутридворцовых дел Аривара Тадаясу не заслуживает приличной должности?

— Я ничего порочащего его не слышал, — ответил тот. — Кажется, это человек достойный, но в правление императора Сага он допустил какую-то оплошность и больше не получал повышения.

— Если так, это очень прискорбно. Но сейчас свободна должность главы Ведомства построек, не назначить ли его туда?

— Почему тебе захотелось ходатайствовать за него? — удивился император.

— Особых причин никаких нет, но он для моей Хёэ вместо отца родного, — ответила она.

И Тадаясу назначили на эту должность. Все придворные были удивлены и переговаривались между собой: «Ведь было так много желающих получить это место!»

Масаёри, улучив момент, когда император был в хорошем настроении, обратился к нему:

— Отправленный в ссылку Сигэно Масугэ — человек неглупый, нельзя до бесконечности держать его в немилости. В начале вашего царствования преступников надо бы простить. Мне жалко его самого и его детей. Не простить ли их всех и не разрешить ли возвратиться в столицу?

— Я об этом судить не могу, — ответил государь. — Решай, как тебе кажется лучше, и распорядись.

Масаёри был очень доволен и велел возвратить изгнанников.

У Пятой принцессы родился мальчик. И отрёкшийся император Сага, и императрица-бабка с сожалением думали: «Надо было бы подождать с провозглашением наследника престола до рождения этого ребёнка!»

Комната роженицы была устроена самым лучшим образом. Со всех сторон поступали поздравления, и среди них особенно торжественным было поздравление от Масаёри.

*** * ***

Когда Тадаясу нежданно-негаданно получил назначение, его радости и изумлению не было предела. Он был уже в преклонном возрасте. Тадаясу собирался нанести визиты, но у него не было ни экипажа, ни приличной одежды. Верхнее платье ему сшила дочь, однако парадного костюма недоставало. Вытащили платье, которое носил ещё Накаёри, но Тадаясу оно оказалось велико. Пока перешивали, прошло три дня. И наконец Тадаясу смог сделать визиты важным лицам.

— В последние годы я был отстранён от службы и продавал дорогие вещи, драгоценности, которые у меня были. Я испытал много горестей и большую нужду. Бывший муж моей единственной дочери, удалившийся в глухие горы, иногда присылает нам то одежду из мха, то сосновую хвою. [307] Так мы и живём. Никакой прислуги у нас нет. У меня и костюма нет, из дому я и не выходил. Но когда я по милости нашего просвещённого государя вознёсся так высоко и получил такую великолепную должность, я должен был начать делать визиты. До сих пор я жил в страшной бедности, на самом дне, — рассказывал он в разных домах.

— Да, представляю, как трудно вам приходилось, — сказал ему Канэмаса, когда Тадаясу явился к нему с визитом. — Но меня вам благодарить не за что. Вам снова и снова нужно благодарить госпожу Фудзицубо. Это она просила за вас много раз. Желающих получить это место было много. Я слышал, что её родной брат, старший ревизор Мородзуми, упрашивал, чтобы она посодействовала ему в получении этой должности. Но она просила за вас.

— Почему она так хлопотала за меня? — удивился Тадаясу. — Может быть, из-за моих семейных дел? Должно быть, ей рассказали, что моя дочь всё время плачет и говорит, что это из-за госпожи Фудзицубо Накаёри ушёл в монахи. Накаёри в погоне за наслаждениями потерял разум,

возымел непомерные желания и погубил себя. Я внушаю дочери, что высочайшая наложница не виновата, но она находится в таком отчаянии, что доводам моим не внемлет.

— То, что вы сказали, относится ко всем мужчинам, — промолвил Канэмаса. — Когда мы слышим о какой-либо женщине, мы стремимся добиться её любви, будь она самой небожительницей. Фудзицубо, узнав о положении в вашей семье, хлопотала за вас. Таким же образом и Санэтада стал вторым советником, хотя место должен был получить родной брат Фудзицубо. Вам нужно явиться с визитом к Фудзицубо и передать ей свою благодарность через Тикадзуми или кого-нибудь другого.[308]

*** * ***

Как-то раз явившись к матери, Накатада сказал ей:

— Я хочу кое о чём поговорить с отцом. Он скоро придёт сюда?

— До вечера, я думаю, он не вернётся, — ответила госпожа. — Но ночует он здесь. Он пошёл проведать сына Насицубо.

— Захаживает ли он в восточный флигель? — спросил сын.

— Не то чтобы он являлся туда с визитами, но днём иногда заглядывает туда.

— Всё-таки он не забывает госпожу. Как, вероятно, сердится на него госпожа Адзэти, сестра Накаёри. Она очень красива, и непонятно, почему отец пренебрегает такой женой и равнодушен к ней… Я уже давно думал навестить вас, но жена должна скоро рожать, около неё народу мало, она тревожится, и я боюсь оставлять её, — говорил Накатада.

— Конечно. Я хотела было сама отправиться к вам, но подумала, что госпожа Адзэти на меня сердита, и постеснялась. А почему госпожа Дзидзюдэн сейчас не может покинуть дворец и приехать к вам?

— Всё из-за Второй принцессы. Пятый принц решил жениться на ней и он не обращает внимания ни на отрёкшегося императора Сага, ни на императрицу-бабку. Он только и ждёт отъезда госпожи Дзидзюдэн, чтобы похитить принцессу. Поэтому-то она и не может выехать из дворца. Но не только он, другие тоже хотят её увезти или тайно к ней проникнуть. Вот госпожа Дзидзюдэн и не решается оставить дочь. В своё время вокруг Фудзицубо тоже было очень много искателей, но она точно разграничивала, кому посочувствовать, кому ответить, кому не отвечать — делала по-своему. Вокруг Второй принцессы шума много. Может быть, и

эти молодые люди поймут на горьком опыте, что принцессы им не добиться. Но думаю, что в один прекрасный день госпожа Дзидзюдэн скажет: «Не могу же я вовсе не покидать дворца», — и на следующий день надо будет готовить экипажи и ехать за ней.

В это время возвратился Канэмаса и долго говорил с сыном и женой.

*** * ***

За Второй принцессой отправился Масаёри с сыновьями. Военачальник Дворцовой стражи Тададзуми сказал:

— Зачем тебе беспокоиться? Я и один съезжу за ней.

— Нет, я сам должен позаботиться, — ответил министр. — Тем более, что это не так трудно, как ехать за семью принцами, моими внуками. А вдруг, пока я буду важно восседать дома, что-то случится, — к чему тогда всё моё достоинство? Я же не знаю, кому что может прийти на ум. Нельзя быть спокойным, когда молодые братья и сёстры находятся вместе.

— Вы слишком серьёзно относились к тому, что болтают в столице. Таких повес, которые могли бы внушить вам беспокойство, среди нас нет… — сказал Сукэдзуми, засмеявшись и делая вид, что это к нему не относится, но про себя подумал: «Ах, надо воспользоваться случаем и похитить принцессу!»

Тикадзуми же ничего не говорил, но думал то же: «Надо проникнуть к ней, когда она будет выходить из экипажа и входить в покои. Неужели за это убьют? Да если и убьют, лучше умереть, чем терпеть такие муки».

Итак, господа отправились за Второй принцессой.

— Важнее этого дела ничего нет, — объявил Масаёри. — Я рассержусь на вас, если вы отнесётесь к нему легкомысленно.

С ними были Санэмаса, Судзуси и Суэфуса. Придворные ехали верхом. Возглавляло поезд множество передовых со стрелами и колчанами. Тададзуми и Сукэдзуми, сев на лошадей, выехали последними из усадьбы.

В воротах дворца Судзаку стоял экипаж императрицы-матери, окружённый её свитой. Экипажи Масаёри не могли въехать в ворота, министр распорядился остановить их перед воротами и вошёл во дворец.

Отрёкшийся император вышел к госпоже Дзидзюдэн, и она сказала:

— Я покидаю дворец, и сразу же, как только Первая принцесса родит, возвращусь.

— Раз ты будешь рядом с нею, мне волноваться нечего, — ответил

император. — За тобой прибыл твой отец с братьями, это сопровождающие надёжные, поэтому не бери с собой сыновей. А то мне будет очень скучно.

По распоряжению отрёкшегося императора стражники императрицы-матери освободили проход, и экипажи для Дзидзюдэн и Второй принцессы подъехали к самому дворцу. Масаёри, Накатада и Тададзуми предстали перед отрёкшимся государем. Пятый принц, в страшном волнении, вышел из комнаты и отправился на поиски Второй принцессы.

— Куда это так поспешно удалился Пятый принц? — спросил император.

«Какая нелепость!» — подумал Накатада, и двинувшись за принцем, остановил его. У того слёзы хлынули из глаз, он горько зарыдал.

— В чём дело? Пятый принц, кажется, что-то задумал. Если он чего-то хочет, пусть скажет мне, — произнёс император.

Пятый принц, утирая слёзы, вернулся к государю. В это время Вторая принцесса вышла и садилась в экипаж. Справа и слева от её экипажа стояли коляски Масаёри и Накатада, их окружала многочисленная свита, и ни один злоумышленник не мог и приблизиться к принцессе. Накатада, заметив, что в свите не было ни Сукэдзуми, ни Тикадзуми, подумал: «По-видимому, они что-то замышляют». Он покинул собравшихся и поспешил в усадьбу Масаёри.

В это время Сукэдзуми, выбрав быстрого коня, велел накормить его, оседлать и держать наготове. Четверо безмерно ему преданных слуг, в охотничьих костюмах и в соломенной обуви, притаились у конюшни. Это показалось Накатада странным, он вошёл в дом и там, куда должны были подъехать экипажи, увидел Сукэдзуми. Сделав вид, что он ничего не замечает, Накатада прошёл в покои, зажёг лучину и осмотрел комнату, приготовленную для Второй принцессы. Он заметил одетого в верхнее платье Тикадзуми, который стоял за раздвижной перегородкой. Накатада это тоже показалось странным, и он стал ждать прибытия поезда.

Когда экипажи подъехали и были поставлены переносные занавески, Накатада сказал:

— Поскорее выходите из экипажей.

Масаёри и Тададзуми стали около госпожи Дзидзюдэн, но она, заметив Накатада, воскликнула:

— Ах, вы здесь! Как же нам быть? Я-то вас не стесняюсь, но здесь есть девица, которая робеет.

— Я решил прийти сюда, зная, что Тадаясу и другие принцы вас не сопровождают. Не надо меня стесняться. Я велю потушить огни, чтобы здесь не было слишком светло. — И он приказал загасить факелы.

Дзидзюдэн, понимая, что за этим что-то кроется, вышла из экипажа первой, а за ней вышла Вторая принцесса. Масаёри и Тададзуми, держа переносные занавески, шли впереди, шествие замыкал Накатада. Не заходя в покои, предназначенные для Второй принцессы, господа направились к жене Накатада, и дамы прошли за полог.

«Накатада заподозрил, что я намереваюсь сегодня похитить принцессу. И вот, несмотря на то, что принцев нет и я мог легко бы выполнить задуманное…» — думал Сукэдзуми, скрежеща от злости зубами. Делать было нечего, он покинул дом. Тикадзуми тоже тихонько удалился. Рано утром они явились как ни в чём не бывало. Накатада, глядя на них, про себя ухмылялся, но разговаривал с ними с самым серьёзным видом. Сукэдзуми отвечал ему неприязненно.

Пятый же принц проплакал всю ночь, уткнув лицо в колени Тадаясу.

— Опасаясь меня, они нарочно отправили принцессу к Масаёри, — говорил он. — Принцессе сказали, что я влюблён в неё, и она уже давно избегает меня. Наш отец мной недоволен, но мне всё равно. Будь мне вместо отца, помоги мне…

Рано утром он написал письмо Второй принцессе и попросил брата:

— Вложи это в твоё собственное письмо и отнеси ей. Вряд ли она ненавидит меня, ведь никто из принцесс не относится ко мне плохо.

— Это меня не любят, и я до сих пор живу один, — промолвил Тадаясу.

— Почему ты так глупо вёл себя? — сказал Пятый принц с укором. — Почему ты упустил Фудзицубо, которая была к тебе расположена? Ты не должен был отступать. Вопреки всем доводам, надо писать женщине письма и обязательно добьёшься желаемого. Где это видано, чтобы мужчина, полюбив женщину, решил, что она для него недостижима, и жил бы один? Если бы я не боялся навлечь на себя гнев государя, я не тянул бы со Второй принцессой до сего дня. Вчера меня постигла неудача, но и поделать ничего нельзя было, ведь она всегда окружена толпой.

— Мне говорили, что ты посылал письмо Содэмия, дочери Санэтада. Все о ней отзываются самым лучшим образом, — сказал Тадаясу.

— Все твердят, что она очень хороша собой, поэтому я и послал ей письмо, но она мне не ответила.

— Напиши ей опять и женись на ней. Я не могу оставаться один до скончания века, и мне хотелось бы как-нибудь встретиться с Содэмия, но узнав, что ты за ней ухаживаешь, я оставил эту мысль, — признался Тадаясу.

— Помоги мне получить Вторую принцессу, и я уступлю тебе

Содэмия, — пообещал брат. — Поскорее отнеси это письмо.

Они оба написали письма.

«Как ты провела ночь? — писал Тадаясу. — Сожалею, что вчера не мог сопровождать тебя, и хочу узнать, благополучно ли вы прибыли. В этот же конверт вкладываю письмо Пятого принца, который много мне жаловался и которому я сострадаю».

Пятый принц писал:

«Вчера хотел быть в твоей свите, но, к сожалению, император мне не разрешил.

В родные края
Отправляются гуси…
Мне же
В небесных чертогах
Суждено оставаться.

Я хотел бы прийти к тебе. Из тех, кто следит за тобой, особенно неумолим Накатада».

Прочитав письмо, Вторая принцесса подумала: «Ах, как неприятно!» Дзидзюдэн же, увидев письмо, разволновалась: «Если он решил что-то, он обязательно своего добьётся. Прямо беда!»

Сукэдзуми и Тикадзуми у Дзидзюдэн не показывались, но как ни в чём не бывало пришли в покои Второй принцессы, без тени смущения разговаривали с другими господами и были очень любезны.

*** * ***

Накатада приказал молить богов о благополучных родах у Первой принцессы, отправлять службы на горах и в храмах. Комнату для роженицы убрали тщательнее, чем обычно, и со дня на день ждали разрешения. Прошёл десятый день второго месяца. Волнение возрастало. Прошёл и двадцатый день. Накатада пригласил самых известных своей мудростью монахов и приказал устроить несколько помещений для непрерывных служб. Он попросил самого Тадакосо читать «Павлиновую сутру». Все были в тревоге.

Двадцать третьего дня около полудня начались схватки. Принцесса мучилась весь день и всю ночь. В крайней тревоге жена Масаёри и мать Накатада отправились к ней. Роженица промучилась весь следующий день. Жена Масаёри сказала, что её Третья дочь, жена Санэмаса, недавно родила быстро и легко, и чтобы принцесса родила побыстрее, нужно позвать её. Жена Санэмаса пришла в покои роженицы. О Накатада говорить нечего, но и от Масаёри, Канэмаса, отрёкшегося императора Судзаку то и дело приходили монахи читать сутры, отправляли службы во всех храмах, вплоть до монастырей в Хасэ и Цубосака. В доме Накатада, на веранде, собралось множество народу.

Сукэдзуми и Тикадзуми, желая воспользоваться всеобщим волнением, подкупили кормилицу Второй принцессы, дали ей множество драгоценных подарков и с вечера уговаривали её: «Помоги нам похитить принцессу. Допусти нас к ней» — и ждали наступления ночи.

Отрёкшийся от престола император Судзаку, находясь в своём дворце, приходил во всё большее волнение от новостей, которые ему приносили посыльные, и собрался было сам отправиться к Первой принцессе, но императрица-мать пришла в гнев, начала браниться и хлопать в ладоши, посылая на голову принцессы проклятия: «Чтобы она умерла, дочь этой негодяйки!» Император, не желая раздражать её ещё более, от своего намерения отказался.

Пятый принц строил планы, как, пользуясь тревогой, царящей в доме, похитить Вторую принцессу, и ждал ночи. Никто об этом не догадывался, все дамы, во главе с Дзидзюдэн, отправились к роженице и хлопотали вокруг неё. Вторая же принцесса, не ведая ни о чём, оставалась в западных покоях в окружении нескольких прислужниц. Но жена Накатада, зная о той опасности, которой подвергалась сестра во время поездки, не могла не думать о ней, даже мучаясь в родах. «Пусть Вторая принцесса придёт ко мне», — попросила она. Сестра её, стесняясь тех дам, которые собрались в покоях роженицы, не знала, как быть. Со слезами на глазах она отправилась к жене Накатада. «Подойди сюда, не отходи от меня», — простонала та и усадила её возле себя. Догадавшиеся, в чём дело, горько заплакали.

Всю ночь роженица очень мучилась. Наступил рассвет. Днём принцесса не могла произнести ни слова, и казалось, что силы оставили её. Мать её, лёжа ничком на полу, рыдала в голос.

— Успокойся! — говорила ей жена Масаёри. — Ты так убиваешься, что не пьёшь даже горячей воды, поэтому и дочь твоя плачет, что умрёт. Если ты, у которой много детей, так ведёшь себя, что же должны делать

родители, у которых всего один ребёнок? Никто из нас не убережён от такого горя, — разве не так?

— Детей у меня много, но эту дочь с малых лет государь особенно любит, — ответила та, горько рыдая. — Он всё время говорит: «По-моему, это настоящая драгоценность». Совсем на днях он жаловался, что давно её не видел. Когда я прибыла во дворец, государь очень сожалел, что она не приехала со мной. Как только я подумаю, что она скончается и я больше её не увижу, я голову теряю от горя. Только из-за неё государь относится ко мне милостиво. Что со мной будет, если я её больше не увижу?

Пришёл посыльный с письмом от отрёкшегося императора Судзаку:

«Мне только что сказали, что положение очень плохое. Сообщите подробно, каково состояние принцессы. Я так сожалею, что в этом году совершенно не мог её видеть, и боюсь, что теперь это уже невозможно, — эта мысль приводит в отчаяние. Я хочу немедленно прийти к вам, но ни одного сына возле меня нет, они все собрались у вас. Пусть принцесса молится, чтобы мы могли увидеться. Передайте ей, что и я прошу об этом богов и будд».

Жена Масаёри, прочитав послание, передала принцессе слова отца, и та прерывистым голосом произнесла:

— Ах, как я сожалею! Когда батюшка звал меня, я хотела отправиться к нему, но…

Жена Масаёри ответила императору:

«Почтительно благодарю Вас за письмо. Принцесса, которой Вы адресовали свои слова, сегодня ничего не говорит. Положение её опасно. Мы надеемся, что несмотря на то, что она так ослабела, роды пройдут благополучно, но надежда эта тает. Я передала ей Ваши слова, и она произнесла: „Так я и не повидала батюшку!”»

Накатада оставался всё в том же платье. Он случайно пролил на верхнее платье воду и был в крайнем замешательстве. Слуги принесли ему одежду, чтобы переодеться. Спустившись во двор, Накатада возносил богам горячие молитвы: «Если ей суждено умереть, пошлите смерть и мне. Не оставляйте меня в живых после её смерти ни на единый миг». Весь в слезах, он упал на землю ничком.

На веранде сидели рядом друг с другом придворные. Сочувствуя Накатада, они, склонив головы, молились богам. Посыльные от отрёкшегося императора Судзаку приходили так часто, как падают на землю капли дождя, и стояли друг подле друга во дворе. Множество посыльных приходило от важных сановников. Масаёри и Канэмаса спустились во двор.

— С чего ты решил, что она скончается? Почему ты поддаёшься такой слабости? Тебе надо успокоиться во что бы то ни стало, — уговаривали они Накатада.

Они увели его в дом.

— Если человек теряет жену, он всегда может жениться на другой, но потеряв родителей, их никогда больше не обретёт. Не о себе веду речь — у тебя ведь есть дочь. А что будет с твоей матерью? Разве ты забыл, как она тебя воспитывала? — говорил Канэмаса сыну.

— До сих пор я был к матери почтителен. По отношению же к вам, отец, я не мог проявить в достаточной степени почтительности. Обещайте заботиться вместо меня об Инумия. Это девочка, но она существо необычайное. Она будет вам почтительной дочерью. Если моя жена умрёт, я сразу же брошусь в омут и найду там свою смерть. Я не хочу оставаться в живых, — рыдал Накатада в голос.

— Даже глаз у всех по два, но ты у меня один, — сказала его мать, упав на пол. — Я полагаюсь на тебя так же, как на отца. Почему ты говоришь такое? Пусть я умру вместо тебя.

— Всем мужчинам суждено испытать подобные мучения, — произнёс Масаёри. — У меня были такие же мрачные мысли, когда жена рожала нынешнего помощника военачальника Левой дворцовой стражи. Но гораздо мучительнее, чем страдания самой жены, было видеть отчаяние её отца, отрёкшегося императора Сага. И сейчас, когда я думаю, как убивается отрёкшийся император Судзаку, такая скорбь стискивает мне грудь, что я не в силах даже вздохнуть.

— Об императоре Судзаку я совсем не думаю, — ответил Накатада. — Я прихожу в отчаяние только оттого, что жена так ужасно страдает. Вокруг неё сейчас много народу, меня и близко не подпускают, и меня удручает, что я даже лица её не могу видеть.

— Вот, оказывается, как ты любишь свою жену, — засмеялся Масаёри. — А в начале, помнится, ты был недоволен и гневался на меня.

Все вокруг рассмеялись.

— Не беспокойся, — продолжал Масаёри. — Я помогу ей. Принцесса от страданий выбилась из сил. А когда женщина выбивается из сил, как раз всё так и бывает. У меня двадцать с лишним детей, и всем моим дочерям я помог родить. Выпей сначала горячей воды.

Он велел принести горячей воды, а Канэмаса, взяв что-то из еды, уговаривал сына поесть. Накатада всё отказывался, но Канэмаса наконец кое-как заставил его что-то проглотить.

— Пойдём же, — сказал Масаёри и вместе с Накатада вошёл в покои

для роженицы. — Пройдите на некоторое время в заднюю комнату, — сказал он дамам. — Накатада слишком мучается, не видя своей жены. Я хочу впустить его сюда.

— Сейчас уже почти никакой надежды не осталось… — отозвалась Дзидзюдэн.

Все вышли из покоев, кроме неё и Второй принцессы, которая поставила перед собой маленькую переносную занавеску.

— Я не стыжусь сказать, что у меня всегда были лёгкие роды, почему же у неё… — причитала Дзидзюдэн.

Накатада подошёл к жене и увидел её огромный живот. Принцесса тяжело дышала.

— ‹…› Тебе не надо лежать. — Накатада посадил её и дал ей горячей воды, но она не могла пить. — Постарайся уж как-нибудь. Выпей, прошу тебя, — плача, уговаривал он.

Принцесса сделала один глоток. Накатада положил ей в рот немного какой-то еды, и она проглотила. Обрадованный, он сел на скамеечку-подлокотник и обнял жену. Опытные прислужницы пытались помочь ей.

Масаёри же звенел тетивой и покашливал.[309] Недалеко от покоев принцессы находились знаменитые своей добродетелью монахи, но их попросили не читать заклинаний слишком громко.

— Тот, кто ослабел и телом, и душой, пугается, услышав заклинания… — сказал Накатада. И монахи стали произносить молитвы очень тихо, один только Тадакосо с силой читал заклинания, самые благодейственные из всех, которые он знал.

— В такое время не надо, чтобы возле роженицы находилось много народу, — сказал Масаёри, — очень уж становится шумно.

Несколько раз Накатада давал жене горячей воды. Масаёри продолжал звенеть тетивой и кашлять.

В час тигра[310] раздался плач новорождённого. В страхе Дзидзюдэн стала осматривать дочь, но оказалось, что всё прошло благополучно. Уложив принцессу, Накатада сам прилёг рядом с ней.

— Я должна что-то сделать для роженицы, но там её муж, и я не знаю, как быть, — недоумевала распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц.

— Не обращайте на меня внимания, делайте своё дело, — сказал Накатада и с постели не поднялся.

Распорядительница засмеялась и переодела принцессу.

— Такого ещё не бывало. Встаньте, пожалуйста, — говорили дамы

Накатада.

— Не трогайте его. Пусть поспит. Очень уж он беспокоился и устал, — остановил их Канэмаса. — Принесите кипятку. Так кто же родился: мальчик или девочка?

— Старик![311] — бодро отозвалась распорядительница.

— Какой противный! Скорее унеси его! Очень уж страшный! — послышался голос Накатада.

— Если так, я возьму его себе, — заявила мать Накатада.

— Нет-нет, подождите, я хочу посмотреть на него… — возразила принцесса.

— Он доставил нам столько тревог. Зачем тебе на него смотреть? — дразнил её Накатада.

— Пусть какой угодно страшный! — повторяла принцесса, не выпуская ребёнка из рук.

Перерезали пуповину, приготовили воду для купания. Учёные читали соответствующие тексты. Масаёри приготовил рис с горячей водой и велел сначала преподнести генералу:

— Он недаром так сильно мучился. Вокруг принцессы было много бесполезного народу, — но как бы всё кончилось, если бы его не было рядом? Он действительно помог ей, — сказал он и пошёл к принцессе.

Она крепко спала. Опасности для жизни не было, однако она была очень слаба.

Послали письмо отрёкшемуся императору Судзаку, описав всё в подробностях. Его охватила безудержная радость, и он послал дочери множество подарков.

Масаёри всё повторял: «Очень уж она мучилась» — приготовил и на этот раз пищу и в сопровождении сыновей внёс её в покои роженицы.

Со всех сторон приходили поздравления. Помещение для роженицы было красиво и богато убрано, но так как генерал оставался всё время возле жены, нельзя было сделать всего того, что полагалось делать в подобных случаях. Даже госпожа Дзидзюдэн не могла войти туда. Только мать Накатада непрерывно находилась в комнате и делала всё, что требовалось. Однако господа говорили между собой:

— Рождение Инумия было отмечено необыкновенными событиями, а на этот раз ничего подобного нет.

Когда прошёл седьмой день, мать Накатада сказала принцессе:

— Сейчас тебе стало немного лучше. Не отправиться ли тебе к отрёкшемуся императору Судзаку? Твоя матушка, как я думаю, в скором времени возвратится к нему. Роды на этот раз ‹…›. Старика я возьму к

себе. Дома мне одной скучно, и я буду его воспитывать. Когда же ты захочешь его увидеть, я принесу его.

— Это будет очень хорошо, — согласился Накатада. — Хоть он и противный, но я буду всё время приходить к вам и навещать его. Когда же принцесса захочет его увидеть, ты придёшь сюда с ним.

— Ах, нет! — запротестовала его жена. — Я на этот раз так страдала! Никогда больше я не буду рожать. А ребёнка отдадим Инумия, пусть она с ним играет.[312]

— Ну что ж, раз так… — сказала мать Накатада.

Кормилица ‹…› вместе с распорядительницей покинула усадьбу.

Масаёри с женой пришёл к Первой принцессе со множеством подарков.

— Ты очень мучилась, и я беспокоюсь, не поредели ли у тебя волосы, — сказал жене Накатада.

— Чуть мне станет немного лучше, я хочу отправиться к батюшке. Когда мне казалось, что вот-вот умру, я чувствовала такую любовь к нему! — сказала принцесса.

— И государь всегда говорит, что ты необычайная красавица, и сейчас он, по-видимому, хочет с тобой увидеться. Разве это не подходящее время для визита к нему? Можешь ли ты отправиться во дворец? Вставай, посмотрим!

— Посмотрим! — отозвалась она и встала.

Генерал засмеялся:

— Когда ты стоишь против меня, всё обстоит прекрасно. Он стал расчёсывать жене волосы. Ни одного упавшего не

было, волосы были великолепны. Она была немного худа и бледна, но по-прежнему очень красива.

— Смотрю я на тебя и думаю, что ни одного недостатка у тебя нет, — сказал Накатада. — Вот только если бы ты была немного взрослее… Запасись терпением. Сразу же после смены одежд я отвезу тебя к отрёкшемуся императору. Ах, дорогая моя, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю, как ты лежала без движения, и я думал, что ты не дышишь. Мне казалось, что ты умерла. Ни в одном из миров я не забуду, как заботился о тебе твой дед!

— Не знаю, в какой именно момент, но я услышала вдалеке заклинания, которые читал Тадакосо, и почувствовала, как мне становится легче, — рассказала принцесса. — Как ты отблагодаришь его?

— Да, его надо хорошенько отблагодарить. Это действительно замечательный человек.

В это время в покоях показалась кормилица по имени Сакон, которая была крайне встревожена. Она обратилась к принцессе:

— Мне рассказали ужас что. Этиго, кормилица Второй принцессы, решила помочь второму советнику Сукэдзуми похитить госпожу и получила за это дорогие подарки: большой кувшин из лазурита, до краёв наполненный золотом, и сундук из аквилярии с шёлком. Слуга, который знал, что она получила от Сукэдзуми эти подарки, чем-то провинился, и она его наказала. Тогда он, рассердившись, всё рассказал. Этиго уже много раз получала от Сукэдзуми дорогие подарки.

— Именно потому я и позвала Вторую принцессу в ту ночь к себе. Успокойся. Я ничего не хочу слышать об этом, — ответила принцесса.

— Что случилось? — поинтересовался Накатада.

— Ничего особенного, — уклонилась она от ответа.

— Я прекрасно знаю, о чём идёт речь, — усмехнулся он. — И Пятый принц в охотничьем костюме стоял тогда за перегородками. А что было бы, если бы, воспользовавшись неразберихой, Тикадзуми проник к принцессе? Ужасно! Замыслить подобное!

— Я бы никогда богатых подарков не приняла и против господ ничего бы не замышляла, — говорила кормилица.

— ‹…› Им вряд ли можно запретить. Ведь это их племянница, — сказал Накатада.

*** * ***

Весна была поздняя, и вишни зацвели только в начале третьего месяца. Отрёкшийся от престола император Сага праздник любования цветами захотел провести в своём дворце и распорядился всё для этого устроить. К празднику готовились, без счёта тратя сокровища. Всего было заготовлено вдоволь, и Судзуси доставил во дворец отца много одежды для наград гостям. Пир состоялся в десятый день. Отрёкшемуся императору Судзаку заранее было послано приглашение: «Пожалуйте любоваться цветами». Царствующий император предполагал в тот день нанести визит императору Судзаку, но узнав, что он собирается к императору Сага, решил и сам отправиться туда. В свиту он пригласил Санэтада, который, однако, не объявился, и накануне праздника государь послал к нему

архивариуса:

— Я должен нанести визит отрёкшемуся императору Сага, а все придворные, начиная с Санэмаса, будут сопровождать императора Судзаку, у меня же сопровождающих нет. Ты давно не выходишь из дому — но не явишься ли ты во дворец, чтобы быть в моей свите? Вряд ли кто-нибудь из живущих в нашем мире не захочет пойти завтра на праздник цветов (если, конечно, не говорить о предубеждённых).

— Государь приглашает тебя не в первый раз, поэтому не отказывайся, — сказал брату Санэмаса. — Фудзицубо вряд ли станет думать, что ты зря выходишь из дому. Наоборот, она решит, что ты следуешь её наставлениям.

— Я этого не опасаюсь. Просто я долго не бывал во дворце, — ответил Санэтада. — Как я покажусь перед государями? Особенно император Сага замечает малейшие недостатки.

— ‹…›, — успокоил его брат. — Настроив себя таким образом, ты должен явиться во дворец.

Убедив брата, Санэмаса сообщил об этом императору. Он был так рад, что дал брату новую одежду, которую приготовил для себя, а сам решил надеть что-нибудь из старого.

Накатада, представив прошение о предоставлении ему отпуска, во дворце не показывался, и хотя император специально прислал посыльного, он собирался ответить, что быть не может.

— Тебе нужно пойти во дворец. Почему ты не хочешь? — убеждала его жена.

— Ты нездорова, и если я тебя покину, у меня будет неспокойно на душе, — ответил он. — Когда по приказу императоров мне нужно будет сочинить стихотворение или играть на музыкальных инструментах, я обязательно совершу ошибку и сделаюсь общим посмешищем. ‹…› Я уже попадал в неприятное положение, когда император, следуя желанию императора Сага, принуждал меня играть и укорял ‹…›.

Наступил назначенный день. Все уговаривали Накатада: «Тебе нужно обязательно явиться во дворец. Министр Канэмаса должен быть сопровождающим у императора Судзаку, и ты просто обязан быть в свите императора».

Накатада, раздражённый, отправился во дворец. В час дракона[313] император Судзаку в сопровождении сановников и принцев прибыл к императору Сага, а через четверть часа прибыл царствующий император. Император Сага был очень доволен. Под цветущими вишнями расположились музыканты и танцовщики из Музыкальной палаты. Были

приглашены самые выдающиеся литераторы — человек двадцать докторов и кандидатов. В этой группе были и студенты. Император распорядился, чтобы в сочинении стихов участвовали Накатада, Судзуси, Санэтада, Сукэдзуми, Суэфуса, Юкимаса и Тикадзуми. Император Сага сам избрал тему и рифмы для стихов на китайском языке.

— ‹…› Пусть важные сановники сегодня принимают участие в празднике. Пусть старший ревизор Правой канцелярии Суэфуса ‹…›. А правый генерал Накатада будет читать стихи вслух, — сказал он.

— Превосходно! Я и сам очень хотел, чтобы стихи читал Накатада, — согласился император Судзаку.

— Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь читал стихи лучше, чем он. Накатада более других подходит для этого, — прибавил царствующий император.

Таким образом, все трое были согласны между собой. «Я так и знал! — воскликнул в душе Накатада. — И всё время ждал, что мне что-то прикажут делать. Как же быть?»

Литераторы получили рифмы. Когда Накатада приблизился к императору Сага, чтобы получить рифму, тот, глядя на молодого человека, сказал:

— Когда я смотрю на этого придворного, мне кажется, что моя жизнь удлиняется. Он стал ещё замечательнее. Для нашей страны такой человек слишком хорош.

— Сейчас он ослаб. Несколько дней подряд он ухаживал за тяжело больной женой и очень измучился, — ответил император Судзаку.

— Я слышал об этом, — сказал император Сага. — Я посылал письмо Третьей принцессе, и она тогда известила меня, что положение безнадёжно. Но я очень рад, что всё благополучно завершилось.

— Больная была в опасности, однако в конце концов всё окончилось благополучно, — повторил император Судзаку.

— Сегодня надо о чём-нибудь попросить Накатада и дать ему за это хорошую награду, — предложил император Сага.

— Разве мы сможем найти подходящее для него вознаграждение? — возразил, засмеявшись, император Судзаку.

Оба императора засмеялись вслед за ним. Накатада чувствовал себя перед ними совершенно свободно и, вызывая всеобщее восхищение, направился на своё место.

За ним за получением рифм подошёл, радуя своим видом собравшихся, Судзуси. Когда же показался Санэтада, императоры пришли в изумление:

— Каким же образом такой закоренелый затворник пожаловал к нам? Его приход — событие поистине исключительное!

— Он ни за что не хотел приходить сюда, — сказал царствующий император.

— Прискорбно, что он ведёт такую жалкую жизнь, когда мог бы добиться блестящего успеха. Накатада всегда сожалеет об этом, — заметил император Судзаку.

Когда наступила вторая четверть часа лошади,[314] вручили темы для сочинений студентам. Это были молодые люди невысоких рангов, не выше пятого-шестого. Студенты уселись в середине зала, где все могли их видеть. Справа и слева от них находились два надзирателя. Тех, кто расположился слишком далеко, пригласили сесть поближе. Все глаза устремились на студентов. Императоры хвалили тех из получивших рифмы, кто ничем не выдавал своего волнения. Те же, которые, сочиняя стихи, явно мучились, чем вызывали смех, испытывали страх и не могли держаться достойно. Императоры тоже сочиняли стихи. Принцы и сановники писали, подчиняясь вдохновению. Второй сын императора Судзаку, рождённый императрицей-матерью, отсутствовал: тяжело заболев, он принял монашество и удалился жить на Западную гору. Присутствовали Четвёртый принц от госпожи Дзидзюдэн и Пятый от императрицы-матери. Седьмой принц и средняя дочь от госпожи Дзидзюдэн на пир не пришли. Девятый принц, сын наложницы высокого ранга, был ещё слишком молод, и по этой причине его не позвали. Из сыновей императора Сага трое находились в свите царствующего императора. Перед императорами поставили столики с едой. Литераторам и музыкантам тоже преподнесли угощение. Затем императоры заиграли на кото, а придворные вторили им на флейтах, а виртуозы из Музыкальной палаты замечательно исполняли различные произведения.

Студенты должны были окончить стихотворения в час обезьяны.[315] Некоторые из них успели даже красиво переписать свои стихи, другие же еле-еле сочинили половину. Эти последние в замешательстве разводили руками, некоторые из них в отчаянии падали на пол, не доходя до места, где сидели государи. Все эти проявления разнообразных характеров являли собой любопытное зрелище.

Вечером подул ветерок, и лепестки цветов посыпались, как снег.

Накатада преподнёс своё сочинение. Он был в полной форме, с колчаном на спине, головной убор его был усыпан лепестками. Красивым голосом, громким и полным достоинства, он назвал себя:

— Фудзивара Накатада, генерал Правой личной императорской охраны.

— Замечательный чтец пробует голос, не так ли? — улыбнулся император Сага.

Накатада спокойно вернулся на своё место. Все представили свои сочинения, которые тотчас передали Накатада. Он начал читать их, и глаза всех присутствующих, начиная с императоров, устремились на него. Он совершенно не смущался. «Человек до такой степени твёрдый, ни перед чем не робеющий. Почему же несколько дней назад он так пал духом? Должно быть, потому, что он любит принцессу более всего на свете», — думал император Судзаку.

Самые лучшие стихи велели читать Накатада, а его собственное сочинение читали императоры. Внесли чаши с вином. Все поздравляли Санэтада с прекрасными стихами. Император преподнёс чашу Суэфуса.

Начались развлечения. Император Судзаку написал тему для сочинения стихов на японском языке: «В старости наслаждаюсь весной» — и передал бумагу императору Сага. Тот, взяв чашу, обратился к царствующему императору:

— Каждой весной
Снова белеют цветы
И белеет моя голова.
В этом году показалось,
Что снегом покрыло её.

Царствующий император ответил:

— В то время, что жил
Я в Весеннем дворце,
Ни разу не видел,
Как снег
Здесь покрывает цветы.

Отрёкшийся от престола император Судзаку сложил:

— Проходят года,
И белеет моя голова.
Но каждой весной
Прихожу я сюда
Любоваться цветами.

Принц Сикибукё произнёс:

— Столько цветов,
Что ломятся
Ветви деревьев.
Снег небывалый
Рощу усыпал, —

и передал чашу Пятому принцу. Тот сказал:

— Мне стихотворения не сложить, — и передал чашу принцу Накацукасакё, который произнёс:

— Все малые ветви
Цветами покрылись.
И глядя на них,
Старый ствол
С каждой весной молодеет.[316]

Принц Хёбукё прочитал:

— Когда-то жалели,
Что проходит весна.
Теперь бесконечно
Цветущей порой
Можете вы любоваться.[317]

Принц Тадаясу сложил:

— Белые лепестки?
Или снег на главу ложится?
Значит ли это,
Что цветы,
Как и люди, стареют?[318]

Принц Соти сложил:

— Цветами шляпу украсив,
Видим, как быстро
Они увядают,
И скорбим,
Как весна быстротечна…

Пятый принц сказал:

— Под ветра порывом
Посыпались вниз лепестки.
Но вовсе это не значит,
Что старость
Пришла к ним.

Принц, правитель провинции Хитати, прочитал:

— Если бы вишни
Цветами не покрывались,
То как бы мы знали —
Даже отправившись в поле, —
Что пришла весна?

Первый министр Тадамаса произнёс:

— Вдосталь нельзя насмотреться
На цветущие вишни.
Отправившись в чистое поле,
С печалью глядим,
Как проходит весна.

Левый министр Масаёри сложил:

— Ах, не цветами ли вишни
Я причёску украсил?
Сколько на них ни смотрю,
Всё те же они,
Цветы этой весны…[319]

Правый министр Канэмаса произнёс:

— Жалея, что быстро
Осыпаются вишни,
Мы украшаем причёску.
И вот на висках
Бесконечно цветы остаются…

Правый генерал Накатада прочитал:

— Каждой весной
Осыпаются вишни
И белизной отмечают
Друзей, что в тени
Деревьев собрались.

Глава Налогового ведомства Санэмаса произнёс:

— Молод ли, стар ли,
Все мы
В поле выходим,
Чтобы вишни цветами
Причёску украсить.

Старший советник министра Тадатоси сказал:

— Приблизишься
К вишням цветущим —
Белизна на главе остаётся.
Сколько же лет
Украшал ты цветами причёску?

Заместитель второго советника министра прочитал:

— Как только вишни
Начнут осыпаться,
Белизны в волосах пребывает.
О, если б цветы
Не каждый год распускались!

Второй советник министра Судзуси сложил:

— Как раньше,
Ветви деревьев
Покрылись цветами.
Я же с каждой весной
Становлюсь всё старее.

Начальник Левой дворцовой стражи Фудзивара Киёмаса сложил:

— Глядя с тоской,
Как уходит весна,
Говорим себе, что стареем.
Но сколько цветов
В этом саду распустилось![320]

Второй советник министра Санэтада прочитал:

— Если б на зов государей
Сегодня я не явится,
Как бы узнал
В горах, средь деревьев гнилых,
О приходе весны?

Императору Судзаку это стихотворение очень понравилось, и он изволил несколько раз прочитать его на разные мотивы. Он велел поднести Санэтада чашу с вином и произнёс:

— Дерево вишни
Цветёт предо мною.
А я-то боялся,
Что в далёких горах
Его ветви засохли.[321]

Царствующий император сложил:

— Засохшим считали дерево это,
И с радостью вижу,
Что оно цветами покрылось.
Ах, если б услышал, что и другая

Вишня вновь расцвела![322]

Император Сага прочитал:

— Засохла та вишня,
Что вместе со мною
Старела,
И с печатью гляжу,
Как ветка её расцветает.[323]

Чаши много раз наполняли вином. Собравшиеся наслаждались чудесной весенней порой, развлечения были в самом разгаре. Слуги поставили перед Накатада и Судзуси цитры, все стали играть на музыкальных инструментах, и один за другим сановники выходили танцевать. Пели песни, исполняли «обезьяньи пляски». Императоры получили большое удовольствие.

— Сегодня праздник необычайно удался, — сказал император Судзаку. — Осенью прошлого года эти самые молодцы отправились к Накаёри и в глухом месте, где их никто не мог слышать, показывали своё сокровенное мастерство. Тогда говорили, что ничего выше и быть не может.

— И я об этом слышал, — промолвил император Сага. — На заре, когда Тадакосо попросили читать заклинания, а Накатада аккомпанировал ему на кото, вокруг них собрались все, кто там находился.

Царствующий император прошёл к императрице-бабке.

— Я очень рада, — приветствовала она его. — Давненько мы не виделись. С тех пор, как моя дочь, которая живёт на Третьем проспекте, [324] преподносила свежие травы, ты у нас не появлялся.

— Я должен был бы почаще навещать вас, но ведь император не может покидать дворец всегда, когда ему вздумается, — ответил государь.

— Сейчас я уже так стара, что, возможно, не сегодня завтра покину этот мир. Я должна тебе кое-что сказать и тогда спокойно отправлюсь в последний путь. Поэтому я очень рада твоему приходу, — начала императрица-бабка. — Наша дочь, которая проживает во дворце Одаривания ароматами, Сёкёдэн,[325] родилась тогда, когда я была уже стара и детей больше не ждала. Поэтому я и люблю её больше других моих

детей. Я просила тебя отнестись к ней особенно и отличить перед другими, но безуспешно. Ты не приблизил её к себе и этим глубоко меня обидел. Теперь я хочу именно ей передать свой ранг императрицы. Пусть все будут возражать, но ты должен помнить, что это моё давнишнее желание, и обязательно сделать так.

Он долго и мучительно думал и наконец ответил:

— В дни моей молодости я часто виделся с Пятой принцессой и всегда испытывал к ней расположение и доверие. Однако по какой-то причине она, в отличие от других моих жён, стала меня сторониться, вот я и решил не навещать её до тех пор, пока её отношение ко мне не изменится. То, о чём вы меня просите, — случай беспримерный, но поскольку таково ваше желание, я велю разузнать, и если подобный прецедент был, выполню вашу волю. Если же такого прецедента не отыщут, я пожалую Пятой принцессе надел, но провозгласить её навсегда императрицей не смогу.

— Надела можно и не давать, это не беда, — возразила она. — Я хочу, чтобы ты её сделал именно императрицей. Я предполагаю, что ты хочешь объявить императрицей мать наследника престола. Если бы ты любил мою дочь, ты мог бы повременить с назначением наследника — ведь она ждала ребёнка. Но ты поспешил объявить наследника, чтобы я не успела выразить свою волю.

— Если бы у принцессы уже был сын, я бы без всяких колебаний назначил его наследником, — ответил император. — Но ведь этого не было, а у Фудзицубо сыновья были, вот я и объявил без особых размышлений, что её сын будет назначен наследником престола. Сын Неба не бросает слов на ветер, и став императором, я не мог нарушить своего слова. К тому же, и наследник престола является вашим правнуком, им тоже пренебрегать нельзя.

— Несчастная моя дочь! — произнесла старая императрица-бабка с отчаянием.

Император распрощался с ней и отправился к принцессе.

— Много выпил вина и нехорошо себя чувствую, — сказал он, снимая парадную одежду и ложась в постель.

Он заговорил с принцессой необычайно мягко:

— Ты очень огорчилась по поводу избрания наследника. Я хочу, чтобы жёны мои всегда относились друг к другу дружелюбно. Императрица-бабка плакала так сильно, что мне стало страшно, и я ничего не мог сказать. Почему ты не родила раньше нашего сына? Ну-ка, принеси сюда малыша, покажи мне.

— Ах, нет-нет. Он ещё слишком маленький. Почему вам захотелось

посмотреть на такого малыша?

— Потому что таких маленьких я ещё никогда не видел. Если я сейчас не увижу принца, я так и не буду знать, как выглядят младенцы. Ну, покажи же.

Кормилица внесла принца. Ему не было ещё пятидесяти дней. Он был кругленький, беленький и пухленький. Император взял его на руки.

— Ах, какой маленький! В начале человеческой жизни все такие маленькие. И мы были не больше его. Когда такая крошка становится взрослым, женщины приходят в трепет. Наследник вот уже очень вырос. А поначалу все очень жалкие.

— Наверное, вы всё время видите наследника престола, — сказала принцесса.

— Мать наследника рожала его не во дворце, и когда я его увидел впервые, он был уже большим. А мне показался маленьким. — И со словами: — Это будет напоминать о том, что я видел малютку, — он снял с себя накидку и вручил кормилице.

Все придворные уже заняли свои места, коляска императора стояла у покоев Пятой принцессы, и ему напомнили, что время позднее.

— Как жаль! Если бы я мог здесь остаться! — вздохнул император.

Наступила четвёртая четверть часа свиньи.[326]

— Пора! — сказал он и, услышав шум, прибавил: — Все торопятся, я должен идти. Поскорее возвращайся во дворец! — обласкал он принцессу и вышел от неё.

От императрицы-бабки придворным были преподнесены подарки, приготовленные Судзуси: двадцать полных женских нарядов, накидки с прорезами белого цвета на розовой подкладке и штаны на подкладке. От императора Сага принцам и сановникам преподнесли не обычные подарки, а по полному женскому наряду, остальным придворным- накидки с прорезами. Незнатным литераторам и студентам вручили шёлк и вату для подношения высокопоставленным лицам. Генералу за чтение стихов подарили коня. Принцам тоже подарили коней, а императору Судзаку и царствующему императору преподнесли невиданные в мире пояса и мечи.

Глава XIX
НА БАШНЕ
(Начало)

Когда жёны Канэмаса, жившие на Первом проспекте, узнали, что Третья принцесса переехала на Третий проспект, то решили: «Мы никогда больше Канэмаса не увидим» — и все разъехались кто куда.[327]

Госпожа Сайсё из рода Минамото, которая жила в одном из западных помещений, покидая усадьбу, написала:

«В тоске изнывая,
Долгие годы тебя
Здесь прождала я.
Быть может, на переправе речной
Хоть мельком тебя я увижу?» —

и прикрепила к столбу.

Канэмаса, посещая опустевшую усадьбу, прочитал стихотворение.

— Она очень умна, — сказал он, — обладает тонким вкусом и привлекательной внешностью… Надо разузнать, куда она скрылась, и навестить её.

Он поделился своими мыслями с матерью Накатада, и та ответила:

— Это было бы очень хорошо. На Первом проспекте вместе с Третьей принцессой проживало много твоих жён. Теперь они разъехались, и там, должно быть, уныло. Здесь места много, очень красиво, и если бы Сайсё поселилась в этой усадьбе, я могла бы общаться с ней. — И обернувшись к подошедшему в это время Накатада, она добавила: — Пожалуйста, отыщи госпожу Сайсё, о которой рассказал твой отец…

После этого Накатада часто думал о поручение.

В то время младшая сестра отрёкшегося от престола императора Судзаку, дочь госпожи Сёкёдэн,[328] бывшая жрицей в Исэ, должна была вернуться в столицу, потому что мать её скончалась. Канэмаса по этому поводу сказал Накатада:

— Мать жрицы и Третья принцесса — сёстры, они были очень близки,

и иногда я мог видеть жрицу. Она красивая и утончённая женщина, мы иногда писали друг другу письма, и я даже обменялся с ней клятвами в верности. Но неожиданно она отправилась в Исэ, и я не думал, что ещё когда-нибудь увижу её.

— Когда жрица возвратится в столицу, вы бы могли тайно навещать её. Она, должно быть, ещё молода.[329]

— Да, жрице немного лет, — сказал Канэмаса. — Но что она будет думать? Я-то для неё неподходящая пара.

— Конечно, очень большая у вас разница в возрасте.

— Но меня по-прежнему влечёт к женщинам, — промолвил Канэмаса.

— Скоро я отправлюсь на поиски госпожи Сайсё, — пообещал на прощание Накатада.

*** * ***

Статуя Будды-врачевателя в храме Исидзукури[330] обладала чудодейственной силой и привлекала многих паломников. Накатада, собираясь в течение нескольких дней поститься, отправился в храм, никому не объявляя о своём намерении, в сопровождении нескольких слуг.

В храм всегда отправлялось много народу, и обычно пускались в путь на рассвете.

Рядом с кельей, которую отвели Накатада, расположилась некая дама. Голос её был чрезвычайно красив и обнаруживал благородное происхождение дамы. При ней находились две женщины, по всей вероятности, служанки. Путешественница как будто не очень боялась посторонних глаз, и её можно было видеть через переносную занавеску.

Из храма показался настоятель монастыря, и одна из служанок, по-видимому, кормилица, обратилась к нему:

— Помолитесь, пожалуйста, чтобы благополучно окончились мытарства нашего молодого господина. Госпожа хочет, чтобы его отец узнал о сыне. А у меня смотреть на её муки нет сил.

«Обретёт ли этот ребёнок своего отца? — подумал Накатада. — Они, судя по всему, никогда не видели друг друга. Какая жалость! Кто же его отец?»

Мальчику было лет восемь или девять. Волосы его доходили до самых колен. Одет он был в тёмное однослойное платье из лощёного шёлка и в

белое верхнее платье на розовой подкладке, одежда кое-где была разорвана и грязна. Лицо у ребёнка было белое и очень красивое, совсем без грима, вид он имел благородный. Мальчик вышел из кельи и стоял, с любопытством разглядывая паломников. Накатада внимательно смотрел на него, и ему показалось, что мальчик похож на принца. Голос ребёнка был чист и полон прелести, его манера говорить отличалась любезностью, простодушные слова очаровывали.

Накатада и мальчик взглянули друг на друга, и Накатада сделал ему знак веером. Ребёнок заулыбался и подошёл к Накатада, но в это время за занавеской раздался нежный голос: «Позови сына. Куда он ушёл? Ни к чему ему повсюду расхаживать». Кормилица стала звать мальчика: «Иди сюда, иди сюда!» — но ребёнок не обращал на неё внимания.

Генерал посадил мальчика к себе на колени и спросил:

— Там за занавеской твоя матушка?

— Да, — ответил тот.

— Чей ты сын?

— Не знаю.

— А как называют люди твоего отца?

— Как будто правым министром, но я его никогда не видел. Меня ищут, я пойду, — сказал мальчик и ушёл в свою келью.

«Как неожиданно! — подумал Накатада. — Это та госпожа, которая жила в западном флигеле. Отец говорил, что у неё родился сын, но сам он никогда не видел ребёнка. Мать очень любит его и увезла с собой. Бывает же — это, конечно, тот ребёнок, которого она взяла с собой. Что ж, попытаемся…» — Придвинув тушечницу, он написал:

«На всех переправах речных
Спрашивал я
Безуспешно,
Какое теченье
Вдаль умчало тебя…

Вы, оказывается, находитесь здесь. Я о многом должен Вам рассказать. Случай помог мне узнать, куда Вы скрылись».

Накатада передал письмо госпоже Сайсё через прислуживающую ей юную служанку, сказав:

— Попросите, чтобы госпожа обязательно ответила мне.

Открыв письмо, госпожа узнала Накатада. В крайнем смущении она подумала: «Какого же он мнения обо мне?» — но в то же время с радостью сказала себе: «Это проявление милости Будды». Она взяла кисть и написала на белой бумаге:

«Неспокойно у меня на сердце, но…

Кто смог
Меня отыскать
На переправе последней?
В бурные волны уйдя,
В пену я превращаюсь…

Я совершенно не догадываюсь».

Накатада уже видел почерк госпожи, и при взгляде на письмо ему показалось, что каллиграфия её стала изысканнее и благороднее. «Это её почерк. Нельзя ошибиться», — решил он.

В ответ он написал:

«Отец никогда не думал о Вас с неприязнью, но я отныне намерен почитать Вас, как свою мать. Отец очень сокрушается о том, что с Вами случилось, и говорит, что если даже Вы стали монахиней, он готов приехать за Вами и перевезти к себе. Он очень тоскует по Вам. Поэтому-то я очень обрадовался, когда встретил Вас, и в сердце у меня зародилась надежда. Полагайтесь на моего отца, а если Вы, кроме того, будете расположены ко мне, я буду очень рад. ‹…›»

Накатада вызвал к себе мальчика и сказал ему:

— Ты мой младший брат. Отныне я буду заботиться о тебе, как о своём сыне.

Он говорил с ребёнком очень ласково. Накатада был необычайно красив, слова его находили отклик в душе ребёнка, и он радовался всем своим наивным сердцем.

— А я буду думать, что вы мой отец, — сказал он.

— Иди же ко мне, — пригласил Накатада, и тот вошёл в его келью.

Кормилица и слуги были чрезвычайно обрадованы.

Наступил вечер. Войдя в келью к госпоже, Накатада подошёл к ширме.

«Она держит себя очень благородно, но стыдится своего положения ещё более, чем дочь покойного главы Палаты обрядов, — думал он. —

Голос её похож на голос Дзидзюдэн. И хотя речь идёт о её сыне, кажется, что она не испытывает никакой обиды на моего отца, и так безупречно она владеет собой, что мне становится неловко за свои манеры».

— Я обязательно в самом ближайшем будущем приеду за вами. Мой отец только и мечтает об этом, — сказал он.

— Благодарю вас, но я удалилась от мира, и моё возвращение будет встречено недоброжелательно. Что касается моего сына… На Канэмаса у меня надежд нет, а если бы вы взяли на себя заботу о нём, я бы ни о чём больше не беспокоилась.

— Нет-нет, я скоро обязательно приеду за вами, — повторил генерал.

— Сначала расскажите вашему отцу, что вы нас встретили, и я поеду лишь в том случае, если он не будет возражать, — ответила госпожа.

На следующий день Накатада позвал к себе мальчика, угостил его фруктами и долго разговаривал с ним. Генерал начал читать стихи, и брат его красивым голосом стал вторить ему.

— Очень хорошо, — похвалил его генерал. — А кто научил тебя?

— Моя матушка…

Генерал отметил, что у госпожи Сайсё безупречный вкус. Прошло три дня, и Накатада собрался покинуть монастырь.

— Куда же мне за вами приехать? — спросил он госпожу.

— Я поселилась в глухом селенье, и представить даже нельзя, чтобы вы приехали в такое ужасное место, — ответила она.

Госпожа должна была уехать из монастыря в тот же день, что и Накатада. Сопровождающих у неё было мало, и Накатада сказал своим наиболее преданным слугам из тех, кто явился за ним в монастырь, чтобы они сопровождали госпожу. Она жила на запад от монастыря в большом доме. Усадьба была в один те, но страшно запущена. Приехав домой, госпожа рассказала и о встрече с генералом, и тётка её возликовала. Слугам Накатада вынесли красиво накрытые столики с фруктами и закуской.

Сразу же после возвращения в столицу Накатада отправился к отцу.

— Недавно я решил поститься и отправился в храм Исидзукури. Там я встретил госпожу Сайсё. Она по-прежнему необыкновенная красавица. Привезите её сюда поскорее, можно поселить её в покоях, что стоят на юг от восточного флигеля.

— Она, наверное, очень на меня сердита, — ответил отец. — Кроме того, её переезд может повредить и твоей чести. Масаёри везде расхаживает в окружении своих многочисленных сыновей. Ты же у меня один, но твоя репутация столь безупречна, что ты затмеваешь всех его

детей. Все считают тебя блистательным, и если вдруг у тебя появится неотёсанный брат, это вряд ли послужит тебе к украшению.

И Накатада, и мать его принялись возражать.

— Ты рассуждаешь, как человек недалёкий, — сказала госпожа. — Пусть младший брат и в самом деле нехорош, от этого репутация Накатада не пострадает. Если даже ребёнок вырастет не таким, как ты хотел бы, это ещё больше выявит превосходство Накатада. Тебе не следует говорить подобные вещи, лучше поскорее отправляйся за госпожой и сыном.

— Ну что ж, делать нечего, — улыбнулся Канэмаса.

— Сегодня утром я послал слуг проводить госпожу домой, — рассказал Накатада. — Жилище её очень запущено и наводит на душу уныние. Может быть, лучше было бы сначала послать ей письмо.

Настроение у Канэмаса становилось всё лучше.

— Я вспоминаю, — сказал он, — как давным-давно отец её, советник сайсё, завещал мне: «Если в будущем ты женишься на блистательной женщине, то и тогда не забывай мою дочь. Меня неотступно мучит мысль, что моя дочь окажется в безнадёжном положении, будет пребывать в унынии и скуке, что дом её будет разорён. Красивых женщин много, но у моей дочери такой добрый нрав, цени же её». Мне хочется послать ей какой-нибудь подарок.

— Как, должно быть, помогал вам такой добрый человек, — промолвил Накатада.

В доме были китайские сундуки, наполненные добром, присланным из провинции Овари, и Накатада предложил: «Нужно послать их госпоже». В одном сундуке было двадцать штук гладкого шёлка, десять штук узорчатого шёлка; второй же не был наполнен доверху, и жена Канэмаса велела положить в него однослойное платье из лощёного узорчатого шёлка, красную шёлковую накидку с прорезами, штаны, трёхслойное платье с узорами горных роз и шлейф, туда же положили много разноцветного шёлка.

Канэмаса написал письмо:

«Как много времени прошло с нашей встречи! Так получилось, что долго не писал тебе. У тебя были причины исчезнуть, не сказав никому — куда, но я очень тревожился. Мне рассказал Накатада о встрече с тобой, и я был несказанно рад известию о нашем сыне. Ты решила больше не показывать мне ребёнка и ничего о нём не сообщать, это меня очень терзало. ‹…› Теперь вы можете переехать в удобный дом и жить в нём

спокойно. Я скоро приеду за вами. Любовь к дорогому сыну…

Высокий забор
Наши дома разделил.
Уходят года,
Но не в силах забыть я
Яркий гвоздики цветок.[331]

Ты, может быть, мне не веришь. Сундуки посылают тебе Накатада и его мать, я и не знаю, что в них».

Рано утром Канэмаса послал письмо и подарки с помощником правителя провинции Ямато, который в своё время был в хороших отношениях с госпожой Сайсё. Слуги госпожи, увидев его в воротах дома, пришли в изумление.

Госпожа послала свой ответ на письмо:

«Вновь и вновь читаю Ваше письмо. Я понимаю, что Вы беспокоились, не видя так долго нашего сына.

Как забыть я могу
Гвоздики цветок?
На постель,
Где вместе мы спали,
Ложится роса.[332]

При любых обстоятельствах, пожалуйста, приезжайте, чтобы увидеть сына, о котором Вы волнуетесь. ‹…›» Канэмаса показал письмо матери Накатада.

— Взгляни-ка. Её почерк замечательнее, чем почерк самой близкой из моих жён.[333] Так прекрасно написано, что залюбуешься.

— Действительно, написано прекрасно, — согласилась она. — У меня нет сестёр, с которыми я могла бы дружить, и я чувствую себя одиноко. Думаю, что у госпожи Сайсё добрый характер. Если бы мы с ней подружились, она бы и к Накатада относилась, как к младшему брату. Наш сын поражает зрелостью своих суждений, но он всегда советуется со мной даже по пустякам, и я часто думаю, что когда умру, ему будет одиноко.

Как мне его жалко!

— Лучше о таких мрачных вещах не думать, — остановил её муж. — Но из всех моих жён Накатада сможет рассчитывать именно на неё. Жаль, что Третья принцесса, будучи столь высокого происхождения, так высокомерна. Она поселилась в моём доме, но…

Госпожу Сайсё собирались поселить в восточном флигеле, куда Накатада часто перебирался, когда постился. Помещение было надлежащим образом перестроено, там расставили ширмы и разложили утварь. Наконец Канэмаса назначил день переезда в столицу.

Накануне этого дня Накатада прибыл в далёкую усадьбу. Сад в усадьбе был разбит красиво, но так зарос сорной травой, что походил на лесную чащу. Флигеля и коридоры покосились и производили мрачное впечатление. Не слышалось никаких голосов. Решётки были открыты с восточной стороны, всего на два ма. В юго-западной части бумага перегородок была разорвана. Накатада поднялся на веранду с южной стороны и обнаружил, что занавесь у раскрытых боковых дверей поднята. В доме за какой-то работой сидели люди. У столба в главном помещении расположилась госпожа Сайсё. Она была одета в пурпурное однослойное платье и нижнее платье на вате из синего узорчатого шёлка. Её блестевшие волосы казались скрученными шёлковыми нитями и красиво падали ей на лоб. Госпожа была изящна, очаровательна и очень похожа на мать Накатада. На сыне её была только вышитая накидка из лощёного узорчатого шёлка, и видны были его голые ноги. Он сидел перед матерью и держал маленькую лютню, сделанную необычайно искусно. Госпожа расчёсывала ребёнку волосы и любовалась ими. Жесты её были грациозны. Мальчик очень красиво, с большим искусством играл какую-то пьесу.

— Хоть ты и мал ещё, но тебе уже нельзя играть на такой маленькой лютне, — заметила госпожа.

— Тогда я сяду к тебе на колени. Иначе я упаду. И сев к матери на колени, он заиграл на большой лютне, играл мальчик очаровательно.

«Вот если бы отец видел сейчас, как он играет на этой огромной лютне!» — подумал Накатада. Он кашлянул, чтобы известить о своём приходе. Госпожа испуганно придвинула переносную занавеску и спряталась за ней. Сыну она велела вынести для гостя подушки. Накатада поблагодарил и обнял мальчика.

— Возьми-ка свою лютню. Я только что пришёл и совсем не слышал, как ты играешь. Не стесняйся меня. Скоро ты будешь жить вместе со мной, завтра я заберу вас отсюда, — сказал Накатада.

Госпожа была очень смущена. «Ах, какой стыд! Он увидел меня, этот

блистательный генерал», — думала она.

— Я слышала ваши слова и хочу сказать вам вот что… — произнесла госпожа. Накатада приблизился к перегородке, и она продолжала: — Сейчас уже никто не вспоминает обо мне — жива ли, мол, она или нет? Но вам кто-то обо мне рассказал, и вы решили перевезти нас в столицу — я вам за это бесконечно признательна. Канэмаса же обо мне совсем не вспоминает и за всё это время ни разу не навестил меня. Когда мой престарелый отец почувствовал, что ему совсем мало осталось жить, он очень беспокоился о моём будущем, но после его кончины обо мне никто не заботится.

— Вы правы, и мне нечего возразить вам, — ответил Накатада. — Но отец мой в течение долгого времени действительно тревожился о вас. Моя мать живёт совершенно одна и очень скучает, из всех жён отца она к вам чувствует особое расположение. Подружитесь с ней. Мать моя придерживается старых порядков, у неё спокойный характер, и было бы прекрасно, если бы вы отнеслись к ней, как к сестре.

— Ваши слова меня чрезвычайно радуют, но боюсь, что рядом с ней я буду казаться совсем недостойной внимания женщиной. И сын мой, которого я воспитываю с такой заботой ‹…›. Передайте, пожалуйста, вашему отцу, что я прошу его позаботиться о сыне.

Госпожа показалась Накатада столь же прекрасной, как Фудзицубо, и при всей его серьёзности, сердце у него взволновалось, и он был готов произнести неподобающие слова, но подавил свой порыв.

— Это невозможно, — ответил он. — Вы сможете иногда наведываться сюда, но сейчас вы должны переехать к отцу.

— Я вернусь в столицу через некоторое время.

— Нет, так не годится. И отец мой на это не согласится, — сказал напоследок Накатада.

Вечером прибыли сундуки с платьем от Накатада: нижнее платье из узорчатого китайского шёлка розового цвета на зелёной подкладке, синее нижнее платье, пурпурная накидка с прорезами и трёхслойные штаны; для мальчика были приготовлены: тёмное однослойное нижнее платье, светло-коричневое платье из узорчатого шёлка на тёмно-красной подкладке, белое верхнее платье на розовой подкладке, белые шаровары на алой подкладке. К поясу женских штанов был прикреплён лист бумаги со стихотворением:

«В провожатые взяв
Бога, что тайно

Узами вяжет людей,
В печали себя вопрошаю,
Как поступить мне…»

Кроме этого, письма не было. Посыльный, молодой прислужник маленького роста, попросил написать ответ.

Госпожа, увидев подарки, подумала: «Поглядев на мою нищенскую обстановку, он пожалел меня! Какой позор!» — а прочитав стихотворение, она решила, что это стихотворение любовное, её охватил ещё больший стыд, и она отвечать не хотела.

— Он так любезен. Он подумал обо всём, чтобы у тебя не было никаких забот. Ответь ему хоть что-нибудь, — уговаривала её тётка. И госпожа написала:

«Сердце открыв,
Доверилась Вам
Совершенно.
И вдруг такое
Письмо получаю…

Я смотрела на Ваше письмо и так и эдак, но…»

Посыльному она велела вынести вышитую шёлковую накидку белого цвета на алой подкладке, а от сына добавила нижнее однослойное платье модной в то время расцветки.

— Я ничего, кроме письма, не возьму… — заявил посыльный, отказываясь от платья. Но госпожа велела заставить его принять вознаграждение.

Тогда он, пустившись в путь, повесил это платье перед домом на разросшийся мискант и убежал. «Какой шутник! — засмеялись слуги. — Сочувствует нашей бедности…»

Вручая Накатада письмо госпожи, посыльный рассказал, как он поступил с наградой и как убежал.

— Ты правильно сделал, — похвалил его генерал и дал ему однослойную накидку.

Когда Накатада прочитал письмо, его охватил стыд. «Ах, какая досада! Она сочла моё письмо банальными любовными признаниями.

Почему только я это написал?»

На следующий день Накатада отправился к отцу.

— Вчера я ездил к госпоже Сайсё. Я хотел посмотреть, как она живёт, и предложил ей переехать сюда, но она отвечала, что никуда не поедет. Я вновь и вновь убеждал её. «Будет очень плохо, если вы останетесь здесь», — говорил я ей, но она повторяла только одно: «Сейчас уже поздно». Мне кажется, было бы лучше, если бы вы сами поехали туда и постарались убедить её.

— Странно! Почему она так говорит? — удивился Канэмаса. — Может быть, она поседела и подурнела? Она была очень красива, но как подумаешь, в каких условиях она жила до сего дня… Она прекрасно играла на лютне, в нашем мире вряд ли кто-нибудь ещё может так играть…

— Да-да. Её сын великолепно играет на этом инструменте. Теперь понятно, что для этого есть основания.

— Вот как! Она, наверное, обучала его с особым старанием. Мать её тоже была великолепной музыкантшей, — припомнил Канэмаса.

— Как только стемнеет, поскорее отправляйся туда и привези их всех, — заговорила мать Накатада. — С тех пор, как ты собрал здесь всех своих замечательных жён, я только и думаю о том, как бы перевезти сюда очаровательную, утончённую госпожу Сайсё. Левый министр Масаёри поистине очень любезный и очень тонкий человек.[334]

— Да, если его увидишь хоть раз, то никогда не забудешь, — поддакнул Канэмаса. — Он занимает высокое положение, всегда следует моде, очень красив. Когда посмотришь на такого человека, становится стыдно, начинаешь презирать себя самого…

— Что тут говорить! Но больному лучше молчать,[335] — вздохнула госпожа и стала окуривать благовониями одежды, выбранные для госпожи Сайсё.

*** * ***

Канэмаса в экипаже отправился за женой. С тех пор, как он был там когда-то, дом обветшал ещё больше. Но переносные занавески были очень чисты. Канэмаса сразу же прошёл в глубину помещения. Комнаты были освещены. В главных покоях сидела госпожа, одетая в нижнее платье из мягкой ткани, белое китайское платье на зелёной подкладке, затканное

узорами, и шлейф в таких же узорах. На сыне был красивый костюм и великолепное верхнее платье. Волосы его были аккуратно расчёсаны, спускались на плечи и были очень красивы. Он стоял у светильника. Канэмаса увидел, что возле госпожи было всего четыре-пять взрослых прислужниц и несколько совсем юных очаровательных служанок. Картина дышала спокойствием. Канэмаса вспомнил, как хороша была госпожа в молодости, какими очаровательными были её покои, вспомнил, как праздновали их бракосочетание, — и ему стало очень грустно.

— Где же молодой господин? — спросил Канэмаса, и сын без боязни подошёл к нему.

Канэмаса попросил принести огня и при свете взглянул на сына. Он был очень красив и напоминал Наката да в этом возрасте. Мальчик застенчиво улыбался и от этого казался ещё более очаровательным.

— Как ты могла, не показав мне сына, уехать с ним! — упрекнул Канэмаса жену.

Они заговорили о том, что произошло с ними за эти годы. Госпожа ни в чём не укоряла мужа, как делали другие его жёны, а отвечала спокойно и застенчиво. Но Канэмаса говорить спокойно не мог, печальные воспоминания нахлынули на него, и он некоторое время сидел, опустив глаза.

— Уже поздно. Поедем же, со мной! — сказал он наконец.

— Как, и я? Но…

— Я для этого и приехал.

— Как же быть? Надо сначала спокойно подумать. Когда вот так торопятся…

— Почему ты колеблешься? К чему мне было приезжать, если ты не поедешь? Я не могу взять с собой одного только сына, — уговаривал Канэмаса жену.

— Возьми его к себе, когда он немного подрастёт. Сейчас он будет тосковать по мне, доставит тебе много беспокойства. А потом…

— Сын наш поедет теперь вместе с нами, — решительно заявил Канэмаса. — Я перевезу вас в очень спокойное место, где вас никто не будет видеть.

— Ах, что же мне делать? — колебалась госпожа.

— Ты теперь не такая сговорчивая, как была раньше. Ты научилась возражать мне, — упрекнул её Канэмаса с серьёзным видом.

— Ты же сам говоришь, что мы не могли не измениться, — засмеялась она.

— Так оно и есть. О чём здесь ещё рассуждать? Скорее в путь! —

торопил он госпожу.

— Но разве я могу оставить тётку одну в таком унылом месте? — воскликнула она.

Госпожа прошла к старой даме и сказала ей:

— Муж мой хочет перевезти нас сейчас же, но без тебя я никуда не поеду.

— Нечего тебе здесь оставаться, — ответила та. — Лучше я поеду с вами.

Канэмаса взял у Накатада один экипаж. В него сели госпожа Сайсё с сыном и его кормилица, во второй экипаж села тётка и её родственницы Тайфу и Сёсё, в третий — три взрослых служанки и две юных прислужницы. Сопровождающих было более десяти. Таким образом, госпожа переехала на Третий проспект в сопровождении большой свиты.

— Почему вы дожидались зари? — спросил у отца Накатада.

— Да так уж получилось. Она твердила, что никуда ехать не хочет, и мне пришлось долго уговаривать, — объяснил тот и пошёл к матери Накатада.

«В экипажах очень тихо. По-видимому, все заснули», — подумал Накатада. Он велел высадить приехавших и проводить их в приготовленные помещения, а сам он направился к Первой принцессе.

— Очень уж поздно. Скажут, что отец хочет изменить распространённый обычай,[336] — сказал Накатада.

— О чём ты? — откликнулась принцесса.

— О даме, о которой рассказывал, — ответил он и лёг спать.

Вскоре Накатада явился к госпоже Сайсё, и сын её, увидев генерала, закричал: «Батюшка!» — и всё время был возле него. Канэмаса же мальчик называл господином и не испытывал к нему особой теплоты.

*** * ***

В день соревнований по стрельбе из малого лука[337] Накатада привёз своих детей[338] в усадьбу на Третий проспект. Присутствовали и сын Насицубо, и сын госпожи Сайсё. Оба были одеты очень нарядно. Все спрашивали друг друга, показывая на сына госпожи Сайсё: «Какой красавец! Кто это?» «У министра мало детей, ему скучно, и поэтому он взял этого мальчика на воспитание», — предположил кто-то. «Разве это не

сын министра? Видно, что он очень умён. Сын Насицубо очень изящен и одарён, но и этот очарователен», — говорили другие.

Его подзывали к себе, и он без боязни шёл ко всем. Волосы у него были очень длинные и красивые.

Накатада сказал Первой принцессе:

— Если ты хочешь поехать с нами, надень, пожалуйста, шаровары.

— И Насицубо, и её сын одеты, как я, — ответила она и шаровары не надела.[339]

Не знавшие истинного положения вещей говорили о сыне госпожи Сайсё: «Это сын Канэмаса от той же жены, что и Накатада».

Один из принцев прекрасно играл на органчике, другой — на флейте.[340] «А на чём ты умеешь играть?» — спрашивали у сына Сайсё. «Я могу играть на лютне». — «Как это замечательно!» — воскликнули все вокруг.

Канэмаса велел своим подчинённым — старшему сыну старшего советника министра и младшему военачальнику Личной императорской охраны, имевшему четвёртый ранг и бывшему младшим братом советника сайсё, — попросить лютню у Третьей принцессы и сказал сыну поиграть на ней.

— Если меня кто-нибудь не возьмёт на руки, я не смогу играть, — ответил тот.

Кто-то из присутствующих подозвал его к себе и взял на руки. Мальчик начал играть, и игра его была изумительна. Потом он играл с другими детьми, в ансамбле с органчиком и флейтой. «Небывалое, удивительное исполнение! — восторгались присутствующие. — Его надо показать государю и отрёкшимся императорам. В этой семье опять появился замечательный музыкальный талант, как у Накатада».

Музыка навевала на собравшихся печаль. Министр с восхищением смотрел на сына. «Он будет, по-видимому, превосходным музыкантом, — думал он. — У Накатада детей мало. Было бы хорошо, если бы они в будущем поддерживали друг друга».

Он прошёл в задние покои и сказал жене:

— Все восторгаются сыном госпожи Сайсё. Удивительно, как этот ребёнок льнёт к Накатада. Кажется, он любит и сына Насицубо. Меня же он дичится. Когда дети расположены ко всем без исключения, это очень мило.

— Ты совершенно прав. Но дети тянутся к тем, кто их любит. Однажды я наблюдала такую сцену. Ты сидел на веранде и взял внука на руки. Тогда все стали просить: «И меня, и меня!» — и ты брал их на руки.

Сын госпожи Сайсё это видел и ждал, что ты возьмёшь и его, но ты этого не замечал, и он очень опечалился. Он стоял в стороне, прислонившись к перилам, и о чём-то думал. Почему ты никогда не приласкаешь его? Ты ко всему равнодушен, и сколько времени ни проходит, чуткости у тебя не прибавляется. Мне стало больно, когда я смотрела на него, мальчик показался мне таким несчастным, что я чуть было не заплакала. Накатада одинаково добр ко всем — и к принцам, и к другим детям. Если тётка госпожи увидит, как ты равнодушен к сыну, она будет очень опечалена. Когда бы ты жил долго, не навлекая на себя ничьей злобы и ко всем проявляя сочувствие, я была бы спокойна и после своей смерти не только за тебя, но и за Накатада ‹…›.

Дама Дзидзю, прислуживающая матери Накатада, и дама Сёсё, прислуживающая госпоже Сайсё, были сёстры. Они обо всём рассказывали друг другу, так что госпожа Сайсё и её тётка узнали об этом разговоре и остались им очень довольны.

«У Накатада прекрасная душа, и собой он очень хорош. Это всё оттого, что у его матери доброе сердце. А вот Канэмаса — человек неглубокий. Если ему не сказать, он сам не поймёт, что у другого на сердце. Неудивительно, что молодой господин тянется только к Накатада», — говорили они между собой.

*** * ***

Жена Канэмаса, которая раньше была императорской наложницей и жила в Павильоне сливы, Умэцубо, очень негодовала, что он её оставил. Она послала ему горную лилию и веер из пахучего дерева, а на бледно-жёлтой бумаге написала:

«На горном склоне
Две лилии белых
Рядом росли.
Так почему же одной
Ты предпочтение отдал?[341]

О многом я размышляю…» Канэмаса ответил:

«Я жил далеко,
Но мысли мои
Всегда стремились к тебе.
Ты же напрасно
Меня равнодушным считала.

Я старею, и глаза мои застилает туман. Разве ты не живёшь поблизости, как жила раньше?»

Вскоре он поехал за ней и поселил её во втором восточном флигеле, в коридоре с северной стороны.

*** * ***

Прислужницы матери Накатада услышали, как судачат служанки Третьей принцессы: «В нашем мире нельзя быть спокойным. В былые времена мы и не думали, что госпоже придётся влачить такое существование, как сейчас. Её жизнь совсем не соответствует её положению», — и рассказали о том матери Накатада. «Ах, что вы говорите! Вам это слышалось во сне. Всё досужие разговоры низких людей!» — пристыдила своих прислужниц госпожа.

Канэмаса двадцать пять дней в месяц проводил у матери Накатада, пять дней у Третьей принцессы, а к госпоже Сайсё и Умэцубо он не захаживал. Даже днём он оставался в покоях матери Накатада, и как-то раз она пожаловалась сыну:

— Твой отец всё время проводит у меня, так что даже меня стесняет. Мне хочется иногда почитать сутры. Кроме того, он должен думать и о Третьей принцессе. Если бы ты как-нибудь сказал ему об этом!

— Хорошо, что ты обратила на это моё внимание, — ответил Накатада. — Живи так, как тебе хочется, а я всегда буду возле тебя. Сейчас тебя никто ни в чём упрекнуть не может. Когда я буду говорить с отцом, я заведу с ним речь о том, что тебе самой сказать трудно.

Как раз в это время к ним вошёл Канэмаса. Накатада посмотрел на отца с восхищением.

— Среди ваших жён некоторые ушли в монахини, другие влачили

жалкое существование. Я радуюсь тому, что вы последовали моему совету и собрали их у себя. Но нехорошо, что вы проводите всё время в одних и тех же покоях. Оставайтесь с моей матерью десять дней, с Третьей принцессой десять дней, а оставшиеся десять дней распределите между тремя дамами, — сказал Накатада.

— Невероятно! — засмеялся Канэмаса. — Ты стал говорить мне неслыханные вещи! Когда я был молодым и без разбора посещал разных дам, возможно, некоторые и мечтали обо мне. Но сейчас моё положение пошатнулось, я уже стар, спина согнулась, ноги не ходят. Везде судачат, что я всё время провожу у твоей матери, но стоит ли обращать внимание на то, что думают посторонние? Нет, конечно.

— Поскольку я похитила твоё сердце у других жён, я чувствую себя виновной, — сказала госпожа. — Все дамы, как и Третья принцесса, погружены в уныние. Если бы ты посещал их, они были бы очень рады. У Масаёри с двумя жёнами прекрасные отношения, он у каждой проводит по пятнадцать ночей и детей своих воспитывает, не делая различий, от какой они матери. Ты же неотлучно находишься подле меня, и нельзя сказать, чтобы это было мудро. Третью принцессу особенно любит её отец, отрёкшийся от престола император Сага, и время от времени справляется, как она живёт. Тебе должно быть стыдно. Госпожа Сайсё очень добра. Все вокруг меня ею восхищаются, поэтому отнесись к ней немного сердечнее. Когда её тётка слышит о Накатада, она от радости начинает плакать. Я не должна произносить того, о чём часто думаю, — это может принести несчастье, но как бы я была рада, если бы ты стал опорой этой даме, у которой такое глубокое сердце. Мы встретимся вновь в других мирах, — проникновенно говорила она.

— Проводите пятнадцать дней здесь, а остальные у Третьей принцессы, — сказал Накатада.

— В таком случае я у каждой из них должен проводить по пятнадцать дней, — проворчал Канэмаса. — Умэцубо — дама искусная, но с характером. Дочь главы Палаты обрядов ведёт себя как ребёнок, с кормилицей говорит невежливо. Госпожа Сайсё спокойна, очень рассудительна, она ко всем относится одинаково. Пожалуй, только её я навещал бы, как вы мне советуете.

*** * ***

Накатада несколько раз заговаривал о том, что он хотел бы показать сына госпожи Сайсё императору и наследнику престола. Однажды он объявил:

— Сегодня я возьму его во дворец!

Мать Накатада приготовила для мальчика одежду, и ему сделали причёску бидзура. Это его очень изменило, но он выглядел по-прежнему очаровательно.

Они прибыли во дворец. Рядом с императором находился наследник престола.

«Какой красивый мальчик!»- восхищались все. Сын госпожи Сайсё действительно был очень мил. Велели принести лютню и попросили его поиграть. Некоторое время ребёнок не двигался с места, и Накатада сказал ему:

— Поиграй. — Затем, обратившись к государю, пояснил: — Он ещё мал ростом, а лютня большая, и он может играть на ней, только если кто-то возьмёт его на колени.

В покоях появилось множество придворных дам, которые с восхищением разглядывали мальчика.

— Это тот самый ребёнок, о котором так много говорят? — спросил Судзуси. — Я никогда не видел такого красивого мальчика. Иди же ко мне.

Он взял ребёнка на колени и попросил играть. Тот неподражаемо сыграл какую-то пьесу.

— Очень уж недолго ты играл! — сказал император.

— Он ещё слишком мал, — вступился за брата Накатада.

— Принц, которого позвал к себе государь,[342] очень хорош, но вряд ли лучше этого мальчика, — сказал тихонько Судзуси, повернувшись к Накатада. — Что ты скажешь?

— Ничего подобного я не нахожу, — ответил тот. — Мой сын только подражает принцу, но в нём нет никакого очарования. Когда его приводят к Первой принцессе и я смотрю на него, я всё время говорю: «С самого рождения он был очень страшен. Можно ли представить себе, что это брат Инумия? Отведите его назад». Отец мой очень его любит, а мне он не нужен. А вот этот мальчик будет у меня учиться. У него и почерк прекрасный, и голос замечательный…

— Пойдём к даме Фудзицубо, — сказал наследник престола и повёл сына госпожи Сайсё к своей матери.

Накатада пошёл вслед за ними. В покоях Фудзицубо были поставлены переносные занавески. Увидев сына Сайсё, придворные дамы заахали от восхищения.

— Пришёл маленький господин, — сказал Накатада, обращаясь к Соо. — Пригласи его в покои.

— Маленький господин очень красив. На кого же он похож? — спросила она.

Дело было ясное,[343] и Накатада ответил:

— Он похож на меня. Посмотри хорошенько.

Все вокруг засмеялись.

— Но нам нужно уходить поскорее, потому что в первый день посещения дворца надо ‹…›,[344] — сказал Накатада.

— Странно… — промолвила Фудзицубо и тихонько засмеялась.

Накатада поторопил Соо, но она ответила:

— Вы могли бы и не спешить. Он такой хорошенький, что вам надо всегда являться во дворец вместе с ним и приводить его к нам.

Вместе с наследником престола сын госпожи Сайсё покинул покои Фудзицубо.

«Ни красотой, ни утончённостью манер, ни благородством он не уступает наследнику престола», — подумал, глядя на них, Накатада и почувствовал в сердце гордость за брата, как за своего сына. Мальчику подарили серебряных и золотых кукол, изображающих борцов. Вскоре Накатада с братом покинули дворец.

Накатада подробно рассказал матери обо всём, что произошло в тот день во дворце. Она очень этому радовалась. Сын же самого Накатада звал отцом Канэмаса, а на отца смотрел как на постороннего. Когда Накатада появлялся у жены, мальчик говорил равнодушным голосом: «Пожаловал генерал». А сын Сайсё звал Накатада отцом и был к нему очень привязан. Это очень нравилось и очень трогало Накатада.

*** * ***

В столицу прибыл помощник генерал-губернатора острова Цукуси. Он преподнёс Канэмаса двадцать серебряных коробок тончайшей работы, китайский узорчатый шёлк, гребни из аквилярии, украшенные перламутром. Мать Накатада послала семь коробок Третьей принцессе, четыре оставила себе, а остальным жёнам Канэмаса послала по две-три коробки. Канэмаса посоветовал ей соблюдать при этом разницу в их положении, но она ответила:

— Надо было бы, но я не хочу никого унижать.

В одну коробку она уложила пять штук китайского узорчатого шёлка, в другую гребни из аквилярии и красного сандалового дерева и послала всё это госпоже Сайсё. К подаркам она приложила стихотворение:

«Если самшитовый гребень
Рассказал бы о чувствах,
Что к тебе я питаю,
Тебе не пришлось бы вздыхать,
Что слишком черства я».[345]

Госпожа ответила ей:

«Вновь оживают
Меж нами
Старые чувства.
Мне об этом поведал
Самшитовый гребень.

Мне хотелось бы дать один гребень тётке».

Мать Накатада и госпожа Сайсё посылали друг другу письма, отношения между ними были прекрасными; в тайне от всех они виделись друг с другом, подолгу говорили по душам и клялись в дружбе.

*** * ***

Накатада часто являлся к отрёкшемуся от престола императору Судзаку, к царствующему императору и к наследнику престола. Временами, когда его призывали во дворец, он думал, что у него нет ни мгновения душевного покоя. Как-то он сказал жене:

— Иногда, размышляя о своей жизни, я думал, что после женитьбы на тебе я обрёл спокойствие и после рождения Инумия мне нечего просить от жизни и не о чем беспокоиться. Но если поразмыслить хорошенько, у меня

есть много причин для беспокойства, может быть, даже больше, чем у других.

— О чём ты? — спросила она.

— Ты совершенно не думаешь об Инумия. Она ещё только ползала, но когда смотрела на кото, то казалось, что она уже хотела на нём играть. Время бежит быстро. Она начала понимать, что к чему, надо найти подходящее место, и там со спокойной душой учить её музыке. Вот о чём я думаю постоянно, это не даёт мне спать по ночам. Обучение требует большой сосредоточенности, и я боюсь, что не смогу осуществить это дело. В следующем году ей будет семь лет, а я всё ещё не учу её. Матушку мою начали учить с четырёх лет. Ты спешишь с обрядом надевания штанов,[346] и всё приготовила к нему, но с этим-то как раз можно и подождать, — говорил он удручённо.

— Знаешь, я тоже об этом думаю, — ответила принцесса. — Когда речь идёт о людях обыкновенных, то беспокоиться об их будущем не стоит, но будет жаль, если из Инумия вырастет заурядное существо. Ты должен, ни о чём не тревожась, начать обучать её. Или ещё лучше, чтобы твоя мать…

— Вряд ли я смогу оставить Инумия одну. Кроме того, учиться лучше начинать у посредственных учителей. Давным-давно мой дед, попав к семи небожителям, начал учиться у наименее искусного из них, а в конце учился у самого блистательного. Отрёкшийся от престола император изволит говорить, что я играю хорошо, но когда речь заходит об игре матушки, он не находит слов для похвал. Когда я слушаю её, я сожалею, что прошли былые времена, и я не знаю, как играл на кото мой дед. Поэтому я не думаю, что Инумия надо сразу же учиться у моей матери. Сначала пусть она научится всему, что знаю я. Весной проникать мыслью в пение соловья, в горы, окутанные лёгкой дымкой, в ароматы цветов.[347] В начале лета думать о крике кукушки в ночи, о блеске утренней зари, о роще звёзд, сияющих на небе.[348] Осенью думать о дожде, о яркой луне в небесах, о цикадах, стрекочущих на разные голоса, о шуме ветра, о небе, виднеющемся сквозь покрытые багряными листьями ветви клёна. Зимой — об изменчивых облаках, о птицах и зверях; глядя при блеске утра на покрытый снегом сад, представлять высокие горные пики, ощущать течение воды на дне чистых прудов. Глубоко чувствующим сердцем и высокой мыслью объять самые разнообразные вещи. Следя за их изменениями, познать изменчивость всего сущего. Задуматься, как выразить всё это в звуках кото. И таким образом проникнуть благодаря

музыке в суть тысячи вещей. Это совсем не то, что попусту бренчать на инструменте, как это ты делаешь, — сказал он.

Принцессе стало грустно, и она со стыдом слушала слова мужа о том, что игра на кото — не просто приятное времяпрепровождение.

— Почему же ты не научил меня хотя бы чему-нибудь из таких важных вещей? — упрекнула она его. — Мне бы хотелось послушать, как ты будешь учить Инумия, и научиться чему-нибудь самой.

Он засмеялся и ответил:

— ‹…› Если говорить серьёзно об обучении Инумия, необходимо, чтобы она слушала мою игру в спокойной обстановке, один на один со мной. Я всё время думаю, куда бы нам уединиться. Этот дом для нашей цели не подходит: он слишком шумен. Не переехать ли нам в старую усадьбу матери на проспекте Кёгоку? ‹…› Я приказал в прошлом году отстроить главное помещение, а сейчас надо построить флигеля ‹…›. Накатада отправился к своей матери.

— Я научила твоего сына читать по букварю,[349] он за один день всё запомнил и читает наизусть, — рассказывала госпожа. — Он читает лучше, чем обычно читают стихи. Это замечательно!

— Вы прекрасно проводите время, — согласился Накатада. — Я-то всегда прежде всего забочусь об Инумия, а сейчас завидую её брату. Ты так быстро научила его читать.

— Ты ведь никого и близко к Инумия не подпускаешь. Почему до сих пор ты не учишь её музыке?

— Она только и твердит, что хочет играть на кото. И я не знаю, как поступить. Я хочу попросить разрешение у царствующего императора и у отрёкшегося от престола императора удалиться от службы, отбросить все повседневные заботы и затвориться в уединении. Я бы хотел, чтобы ты приходила ко мне и научила тому, в чём я не силён. Об этом я мечтаю днём и ночью.

— Должна признаться, что и я об этом думаю, — сказала госпожа. — Моё искусство клонится к закату,[350] поэтому тебе надо поспешить.

— Она так быстро всё схватывает, что мне становится страшно. И непременно должна хорошо играть на кото, — сказал Накатада, затем, понизив голос, продолжал: — Но где учить её? Дом, в котором живёт Первая принцесса, всегда полон народу, там шумно, он для занятий не подходит. Да и ваш дом в этом смысле не очень хорош. Я хочу отстроить

дом на проспекте Кёгоку. Мне кажется, что старая усадьба лучше всего соответствует моим намерениям. Возможно, отец и не одобрит моих планов, но для меня это — дело всей жизни.

— Ты прав, — поддержала его госпожа. — Если твой отец и не будет доволен, не обращай на это внимания. Делай так, как сказал. Старая усадьба — самое подходящее место. Уже многие годы, слыша разговоры о ней, я мечтаю туда перебраться. Спокойно вспоминать прошлое, заказывать молебны по покойному отцу и самой выполнять обряды… — И не в силах сдержаться, она заплакала. Накатада, вспоминая грустное прошлое, тоже прослезился.

— Прекрасное намерение! — сказал он. — И мне хотелось бы иногда, затворившись там, размышлять о непостоянстве нашего мира. Нужно отвезти туда священные книги. Я давно уже хочу отслужить молебен по деду, но из-за своей службы и семейных дел никак не могу найти времени. Пока жив отец, мне вряд ли удастся самому стать отшельником и служить Будде. Но чтобы я смог выучить Инумия так, как хочу, мне необходимо на некоторое время удалиться от мира. Я мечтаю явить миру чудо.

В комнату вошёл Канэмаса с сыном Насицубо на руках.

— Я уже подумывал, что давненько не слышал твоего голоса, звуки которого разгоняют всякую нечисть, и вот ты опять пожаловал! — сказал он.

Сын Накатада стал просить:

— И меня, и меня! — И Канэмаса посадил одного внука на плечи, а другого взял на руки.

Сын госпожи Сайсё тоже вошёл в покои. Трудно было решить, кто из них лучше, все мальчики были по-своему очень красивы, и взрослые невольно ими залюбовались.

Канэмаса заметил, что его жена и Накатада плакали.

— Что случилось? Почему вы такие странные? Не обидела ли вас чем-нибудь Третья принцесса? Или кто-нибудь из других моих жён? — спрашивал он, побаиваясь возможных упрёков сына.

— Как ты можешь предполагать такое! — ласково улыбнулась ему госпожа. — Накатада собирается отстраивать дом на проспекте Кёгоку, и в связи с этим нам пришло на память грустное прошлое.

— Мне очень больно вспоминать об этом, — серьёзно промолвит Канэмаса.

— Ах, никогда до тех пор я не испытывала такой печали! — вздохнула госпожа.

— Когда я думаю, — сказал Канэмаса, — что явился причиной того, о

чём вы сейчас вспоминали, у меня на душе становится очень тяжело. Лучше нам не говорить о прошлом.

— ‹…› — сказала госпожа, и написала, проливая слёзы, —

«О думах мрачных,
Что беспрестанно меня
Когда-то одолевали,
Вспоминать мне
Ныне не больно».

Канэмаса, объятый печалью, сразу же приписал:

«От размышлений печальных
Слёзы на травы густые
Росою ложились.
Ныне же, к счастью,
Этим думам конец.

Разве я не верный твой стражник?»

Накатада, взяв оба стихотворения, покинул родителей и отправился в восточный флигель к госпоже Сайсё.

— Давно я не посещал вас, — произнёс он.

Госпожа велела вынести подушки для Накатада и вышла к нему.

— Не так давно, чтобы я начала беспокоиться. Разговоры с вами для меня очень радостны, и утешенная вами, я спокойно провожу свои дни.

— Я был сейчас у своих родителей. Посмотрите, что я обнаружил среди других замечательных вещей. — И, вытащив из-за пазухи стихотворения родителей, Накатада показал их госпоже.

Она почувствовала глубокую грусть и приписала сбоку:

«Как дом родной отыскать?
Скрыла все тропки
Терпенья трава.
И в зарослях блещут

Обильные капли росы».[351]

Глядя на неё, генерал почувствовал жалость, и взяв кисть, написал:

«Пусть старый дом,
В который ныне
И ты перебралась,
Станет
Благоденствия местом».

Генерал был повсюду известен своей справедливостью. Все в стране испытывали к нему почти такое же доверие, как к Масаёри, и во всех случаях полагались на его мнение.

*** * ***

Первая принцесса играла с Инумия в куклы. Девочка была так красива, что, казалось, затмевала солнце. И те, кого охватил гнев, и те, кто таил в сердце злобу, при виде её забывали своё недовольство и начинали улыбаться. Даже Фудзицубо вряд ли была столь прекрасна в этом возрасте, никого не сравнить с дочерью Накатада. С ними было пять нянек, и среди них госпожа Мия и госпожа Гэндзи со своими детьми одного возраста, они были сяку в пять ростом, одеты в юбки со шлейфами. С этими детьми Инумия обычно играла. Кроме них никто из посторонних Инумия не мог видеть. Дед её, Канэмаса, очень хотел посмотреть на внучку, но её ему не показали.

Царствующий государь и отрёкшийся от престола император посылали к Накатада сказать, что желали бы послушать чтение записей Тосикагэ, но Накатада как-то отговаривался, и поскольку никаких важных дел не было, он во дворец не являлся.

Он поехал в усадьбу на проспекте Кёгоку и внимательно осмотрел её. Там росли всевозможные растения, цветы и клёны. Тосикагэ в своё время посадил у себя семена деревьев, которые привёз из страны Тан, а также цветы, клёны и разные редкие деревья и травы. Удивительная

растительность покрывала искусственные горки. Место было далеко от человеческих взоров. Во время прошлых посещений усадьба ничем не поразила Накатада, но когда он на этот раз внимательно оглядел всё вокруг, он понял, что второго такого места в мире не найти. В саду там и сям были поставлены скалы, со временем покрывшиеся мхом, которые поражали воображение своими причудливыми формами. Накатада подумал, что нет никакой необходимости трогать эти скалы.[352]

*** * ***

Накатада приказал главе Ведомства построек, который был братом кормилицы Первой принцессы, начинать работы после десятого дня третьего месяца. Главное помещение и флигели с трёх сторон — северной, восточной и западной — были выстроены необычайно красиво. Вокруг усадьбы надо было возвести стену и выкрасить её в белый цвет. В юго-западном углу усадьбы, недалеко от западного флигеля, с южной его стороны, находилась могила Тосикагэ, и Накатада велел возвести над ней часовню. Среди вишен возле южной горки он приказал построить как можно быстрее две довольно просторные и достаточно высокие башни, с западной и восточной стороны, а между ними — высокий арочный мостик. Одно помещение Накатада велел убрать решётками с северной и южной сторон и сказал, что будет жить в нём сам.

— Эти работы нельзя поручать обычным строителям. Выберите в Ведомстве построек двадцать самых искусных мастеров, разделите работу между ними, и пусть они выполняют её с величайшей тщательностью, — сказал Накатада.

Он пригласил и знаменитых живописцев. На юг от восточного флигеля выкопали широкий пруд, над которым возвели павильон для уженья. Берега были посыпаны песком, а в середине, к югу от главного строения, устроили искусственный остров, на котором должны были построить ещё одну башню.

— Главное строение высокое, но поскольку на юг от него располагается густая роща, то с этой стороны его почти не видно. А с западной и с восточной стороны оно очень красиво возвышается среди ив, — восхищались мастера.

Перила башен и отделка внутренних покоев, поражающих глаз, были из цезальпинии и сандалового дерева, которые Накатада обнаружил в

старой сокровищнице; ‹…› расписаны золотом и серебром. Тонкие оконные решётки из аквилярии были выкрашены в белый, зелёный и жёлтый цвета, некоторые комнаты украшены золотым и серебряным бордюром.

Явившись на проспект Кёгоку, Накатада велел запереть ворота и начал осматривать отстроенную усадьбу. Замечательные мастера, соперничая друг с другом, полностью проявили своё искусство.

О строительстве на окраине столицы стало известно и во дворце царствующего государя, и у отрёкшегося от престола императора. Придворные были охвачены любопытством. Судзуси и Юкимаса, встретившись как-то раз, обсуждали между собой: «Как бы взглянуть на новый дом? Накатада всегда устраивает что-то удивительное и редкостное. За всем этим должна крыться какая-то причина…»

Четвёртая сестра Соо, служившей у Фудзицубо, была нянькой у Инумия, это её звали «госпожой Мия». Совершая вместе с сестрой паломничество в горы, она рассказывала:

— Я слышала стороной, как генерал сокрушается, что до сих пор не учит Инумия музыке. Когда он сам играет, кото звучит во много раз прекраснее, чем любой другой инструмент. Вот его слова: «Как жаль, что до сих пор я не могу учить её!»

Сестра её рассказывала об этом разговоре Фудзицубо, и как раз в это время в покои вошёл император.

— Как должна радоваться Первая принцесса! — сказала Фудзицубо императору с недовольным видом. — Башни, которые строит Накатада и о которых столько говорят, должно быть, совершенно великолепны. Он перевезёт в старую усадьбу свою мать, главную распорядительницу Отделения дворцовых прислужниц, и дочь. Они будут учить девочку игре на кото, а Первая принцесса будет их слушать. Думаю, что в мире нет блаженства выше этого. Я давно горю желанием услышать, как Накатада играет на кото, но мне это всё не удаётся. И вот теперь она каждый день будет слушать то, о чём я так мечтаю! Как я завидую ей! Вряд ли есть на свете большее счастье, чем каждый день слушать игру Накатада.

«Да, вероятно, там будет что-то необыкновенное», — подумал император, но говорить этого не стал, а ответил:

— Когда наш сын станет императором, а Инумия всему научится, мы сможем вволю слушать её. Я уверен, что так и будет. И тебе лучше спокойно дожидаться этого времени. Всегда, как только речь заходит о генерале, у тебя портится настроение, и меня это удручает. Пока ты совсем не разозлилась, я ухожу, — С этими словами он удалился.

*** * ***

Лестницы в башнях были сделаны из разных пород дерева. Внизу прокопали ложе для прохладных ручьёв. Потолки в башнях затянули корейской парчой с восьмиугольными узорами[353] и узорами в виде облаков. Пол тоже покрыли парчой. Сиденья для Накатада покрыли тонким китайским узорчатым шёлком. В западной башне устроили сиденье для матери Накатада, а в восточной- для Инумия. Возвышение, где должна была спать Инумия, было невысоким. Оно было сделано из сандалового дерева, светлой аквилярии, белого сандалового дерева и цезальпинии и украшено перламутром и жемчугом. Накатада сам обтянул китайским шёлком, разрисованным китайскими живописцами, створки двух двустворчатых ширм высотой в три сяку и велел поставить их в спальнях матери и дочери. ‹…› Аромат от пахучих деревьев наполнял помещения. ‹…›

Когда работы, вплоть до мельчайших деталей, были закончены, всё сверкало, всё поражало взор, и сами мастера думали, что таких построек больше нигде не увидишь. Через некоторое время Накатада пригласил свою мать осмотреть башни, которые он обставил по собственному вкусу. Он считал, что для обучения Инумия музыке её необходимо поместить в такую красивую обстановку ‹…›.

Все, кто слышал о работах в усадьбе, удивлялись, не догадываясь о намерениях Накатада, и спрашивали один другого: «Для чего он это строит?» Ветер разносил далеко вокруг ароматы от парчи и шёлка, которые долгое время хранились в коробах с благоуханиями, а сейчас эти ткани пошли на украшение помещений, и путники, проходившие мимо усадьбы, останавливались в изумлении, почувствовав удивительный запах.

Когда Накатада явился во дворец к отрёкшемуся императору Судзаку, тот спросил его:

— С какой целью ты строишь столь удивительные башни в старой усадьбе? Все придворные говорят, что это нечто необыкновенное.

— Ничего особенного там нет. В усадьбе очень тихо, и я собираюсь учить там Инумия игре на кото. Мать моя сказала мне: «Я старею, и меня беспокоит, кто будет хранить в мире наше искусство». Она чувствует себя не так хорошо, как раньше. Я хочу просить об отпуске, чтобы в спокойной обстановке вместе с матерью учить Инумия музыке.

— Это, конечно же, необходимо сделать, — произнёс император очень благожелательно. — Тебе отказать невозможно. Когда-то я слышал твою мать на состязании борцов, и очень сожалею, что с тех пор такого случая больше не представилось. Вначале обучение не проходит гладко, но когда вы всему выучите Инумия, я обязательно приеду её послушать. И устрою по этому поводу праздник, хоть я и отрёкся от престола. Меня радует, что ваше искусство перейдёт к дочери Первой принцессы, это было моим давнишним желанием. Но как ты думаешь, император не будет возражать против предоставления тебе отпуска?

— И я об этом беспокоюсь. Но я подчинюсь воле государя, — ответил Накатада.

— Может быть, и с трудом, но ты, я думаю, разрешение получишь.

Император Судзаку вспомнил о записках Тосикагэ. ‹…›

Когда Накатада вышел из дворца, к его экипажу приблизился архивариус отрёкшегося от престола императора Сага:

— Я был у вас, и мне сказали, что вы находитесь во дворце Судзаку. Мой государь ждёт вас к себе.

Накатада сразу же отправился туда.

Император Сага, ожидавший Накатада с нетерпением, вышел к нему навстречу.

— Вот уже месяц, как я жду тебя! Я был очень рад узнать одну новость и хотел поблагодарить тебя: Третья принцесса, которая страдала в усадьбе на Первом проспекте, сообщила мне, что она помирилась с Канэмаса, и это всё оттого, что ты повлиял на отца. Она очень тебе благодарна, и я, которому так мало осталось жить, очень доволен. Я с годами стал совсем страшен, никто меня больше не любит, и я хочу только дожить до вступления на престол нынешнего наследника. Это будет мне утешением. Но скажи мне, правда ли то, о чём все говорят? Мне рассказали, что ты отстраиваешь старую усадьбу и возводишь там удивительные башни и что они очень красивы. Мне обидно, что ты совершенно забыл меня. Когда в твою усадьбу отправятся император Судзаку и ныне царствующий император, я тоже хочу посетить тебя с ними. Мне хочется в тот день быть вместе со всеми.

— Я всегда рад служить вам, — ответил генерал. — Мне часто хотелось навестить вас, но на службе и дома дел так много, что совсем нет свободного времени. Напрямую я непричастен к примирению отца с Третьей принцессой, но говорил ему о принцессе много хорошего, и он в конце концов отправился за ней, как я того и желал.[354]

— Усадьба на проспекте Кёгоку дорога мне, — промолвил император

Сага. — Жена князя Сигэно[355] приходилась мне тёткой. Мать Тосикагэ — моя младшая сестра, рождённая высочайшей наложницей.[356] Эта усадьба, в которой жила моя тётка, была очень красива, я любовался ею, когда весной и осенью отправлялся туда слагать стихи. Я в то время был ещё наследником престола. Сейчас я уже подробно всего не помню, но место было очаровательное. Что же ты там строишь? Если ты что-нибудь будешь там устраивать, помни обо мне — я очень хочу посетить те места.

Накатада всегда очень любил слушать о своих предках. Сейчас император Сага рассказывал ему о том, чего он до сих пор не знал, потому Накатада был чрезвычайно заинтересован и благодарен государю.

— Я обязательно явлюсь на молебен, который вы собираетесь отслужить, — сказал он. — Раньше по молодости лет я робел и не посещал вас, но отныне в любое время, когда будет ваша воля, я буду рад служить вам. Я в глубине сердца беспокоился, что, может быть, вы мной недовольны.[357] Мать моя давно мечтает вновь перебраться жить в старую усадьбу. С другой стороны, дочь моя выросла, она хочет играть на кото, и я решил учить её. Но трудно найти подходящее уединённое место, поэтому я и приказал построить башни на окраине столицы. А когда вам об этом рассказывали, по-видимому, сильно преувеличили.

Император Сага был воодушевлён и очень разволновался.

— О, это будет ещё лучше, чем выезд императора! — воскликнул он. — Император Судзаку во время соревнований по борьбе слышал в своём дворце, как играла на кото твоя мать. Когда твой дед, Тосикагэ, играл на кото, привезённом из Танской земли, звучание инструмента было совсем непохожим на звуки других кото, оно напоминало гром. Он не внял моим просьбам передать нам своё искусство и даже не играл тех произведений, которые мы жаждали услышать. Вёл он себя очень странно, и я часто говаривал ему: «Ты сейчас учитель словесности, но мне хотелось бы, чтобы ты стал учителем музыки. Учи играть на кото принцесс»,[358] — но он на это не соглашался. Рассказывали, что он и его жена безгранично любили свою дочь и очень заботились о ней. У меня появилась мысль взять её на службу во дворец, и я несколько раз изъявлял это желание, но Тосикагэ был человеком твёрдого характера и глубоких убеждений, двора он не любил, света не знал и по собственной воле отказался от чинов. В своё время министры посоветовали мне: «Пусть он послужит во славу нашей родины», — и мы послали его с посольством в Танскую землю. Потом я очень сокрушался об этом, и мне до сих пор жаль, что он питал ко мне неприязнь. Передай своей матери следующее: «Дни мои уже сочтены,

и я был бы счастлив, если бы по крайней мере сейчас, через три поколения, мне простили то, за что Тосикагэ на меня гневался». Я успокоюсь тогда только, когда получу её ответ и когда она даст мне возможность насытить душу звуками своего кото.

— Я не знаю во всех деталях всего, что произошло столько лет назад. Ваши слова я обязательно передам. Мать моя отрешилась от мира, но я попрошу её, чтобы она как можно скорее прибыла к вам и сама услышала ваши слова.

— Нет, этого делать не стоит, — улыбнулся император. — Да и у тебя сейчас много забот и на службе, и дома. Я хочу послушать вас, когда окончится обучение Инумия.

Накатада убедился, что император Сага помнил прошлое совершенно твёрдо. И о своём визите в усадьбу на проспекте Кёгоку он говорил весьма определённо. В его покоях не было ни малейшего беспорядка. Никто бы не подумал, что император Сага находится в очень преклонном возрасте. В пятнадцатый день каждого месяца он приглашал к себе многих священнослужителей, и во дворце служили молебен. В те дни там собиралась толпа придворных, многих из которых знали службы до тонкостей. Богослужения во дворце Сага были очень торжественны.

Вскоре Накатада покинул дворец императора.

*** * ***

Комната Инумия находилась к западу от покоев её матери и была отгорожена от них маленькими переносными занавесками.

Инумия со своими ровесницами играла в шашки на крохотной доске. Она была одета в однослойное платье из чёрного узорчатого шёлка, и её ручки красиво выделялись на тёмном фоне. Отец посмотрел на детей и спросил:

— Кто же выиграл? Инумия или Ика?

Дочь его, застыдившись, прекратила игру, и другие дети сразу же убежали.

— Невоспитанные у тебя подружки, — сказал Накатада. — Разве я господин, одетый в парадную одежду, что они, заслышав мои шаги, испугались?

Взрослые прислужницы дружно рассмеялись.

— Я решил выполнить твою просьбу и учить тебя играть на кото, —

продолжал Накатада.

Девочка радостно улыбнулась. Она была так прекрасна и очаровательна, что на неё всем хотелось любоваться бесконечно. Накатада она показалась сегодня особенно милой.

— Ты должна будешь учиться играть на кото в тайне от твоей матери, — сказал он. — Я отвезу тебя в очень красивый дом, где ты будешь жить со своей бабушкой.

— Но как же, если матушка не будет со мной…

— Тут ничего нельзя поделать. Бабушка и я будем учить тебя, но никто не должен слышать твоей игры. Потерпи некоторое время, а когда ты хорошо научишься играть на кото, твоя мать приедет к тебе.

— Что ж, хорошо. Но почему я должна прятаться от матушки? — недоумевала Инумия.

— Кото, на котором играют перед другими, — самый обычный инструмент. Но не таково кото, на котором ты будешь учиться. При посторонних людях оно не зазвучит, и я не смогу учить тебя. Мы поедем туда, куда не будут приходить ни твоя мать, ни Вторая принцесса. Но это очень красивое место.

— И Тия не будет приходить? — спросила Инумия о кормилице, которую очень любила.

— Может быть, она будет поблизости.

— Тогда матушка будет к ней ревновать.

— А мы её поселим в таком месте, где наших кото не будет слышно, а когда ты захочешь молока, мы будем звать её.

— И долго я не смогу видеть матушку?

— К чему эти вопросы? Совсем не долго, — успокоил её отец.

Первая принцесса очень любила Инумия и не отпускала её от себя. Дочку он сможет уговорить и увезти с собой, но что тогда будет испытывать её мать? Накатада было грустно, и он вынужденно утешал себя тем, что это неизбежно.

— Где же кормилицы Инумия? Куда все подевались? Пусть придут дети, которые умчались с таким топотом, — сказал он и отправился к жене.

День клонился к вечеру.

— Я пробыл во дворце Судзаку не слишком долго, но сразу же после того отправился во дворец Сага — отрёкшийся император звал меня, и у него я задержался. Он постарел, но говорит очень рассудительно, и не подумаешь, что ему столько лет, даже удивительно. Слушая его, я убедился, что он великолепный рассказчик и видит всегда самую суть. Все сейчас только и шумят, что о постройке башен, и император тоже спросил

меня об этом. Я не знал, что ответить. Он заявил, что хочет посетить старую усадьбу. Мне того совсем не хочется, особенно теперь, — будет слишком много шума; но в конце обучения его визит может доставить нам радость, — рассказывал Накатада.

В это время доложили о приходе Судзуси.

— Мы давно не виделись, и я решил посетить тебя, — сказал гость. — Я был во дворце Сага и пришёл к тебе прямо оттуда.

«Ах, как неприятно! — вздохнул про себя Накатада. — Зачем он пришёл? Император Сага очень заинтересовался тем, как я буду учить Инумия, поэтому и Судзуси пожаловал ко мне. Император ему всё рассказал о нашем разговоре».

— Я как раз думал пойти к тебе, — сказал он Судзуси. — Подожди меня, я переоденусь.

Он надел верхнее платье и вышел к другу. Они расположились около западного флигеля, в южной части коридора.

— Я думал, что если мы оба находимся в столице, мы можем беседовать, когда захотим, но оказывается, я ошибался, — начал Судзуси. — Кажется, ты совершенно забыл, что мы когда-то поклялись друг другу в дружбе. Живя в далёкой провинции, я больше всего хотел общаться с тобой. Наши встречи были редки, и я радовался им беспредельно. Я думал тогда, что живя в одном и том же месте, мы могли бы разговаривать вволю и, забывая о суетном мире, исполнять музыку. Сейчас ты задумал очень важное дело, но держишь его от меня в тайне, и мне от этого нестерпимо больно.

— Ты говоришь странно, — возразил Накатада. — С тех пор, как мы оба стали жить в столице, я всё время мечтаю найти утешение в твоём обществе, но что делать — мы не можем жить так беззаботно, как ты говоришь. Однако наша дружба совсем не изменилась. Я даже думаю, что теперь мы стали ещё ближе, чем раньше.

— Сейчас все только и твердят о том, что в усадьбе на проспекте Кёгоку ты строишь какие-то удивительные башни, и даже те, кто далёк от тебя, утверждают, что на то есть особая причина. Если верить Юкимаса или военачальнику Левой дворцовой стражи, это что-то изумительное. Если ты сохранил ко мне прежнее расположение, расскажи же немного о происходящем, — сказал Судзуси с упрёком.

Накатада промолвил:

— Разве пустыми

Оказались те клятвы,
Которыми мы
Обменялись когда-то
На морском берегу в Фукиагэ?

А Судзуси ответил:

— Не помнишь о клятвах,
На морском берегу
В Фукиагэ данных,
И от меня
Думы скрываешь свои.

По части хранения тайн и всевозможных увёрток ты ещё более искусен, чем в игре на кото. Я убеждался в этом множество раз, чего бы дело ни касалось, — засмеялся он. Накатада, и сам добродушно рассмеявшись, сказал:

— Разве я скрываю что-нибудь от тебя? Просто я забыл тебе рассказать. На проспекте Кёгоку нет ничего особенного, о чём стоило бы говорить. Пусть тот, кто интересуется высокими строениями, смотрит, не отрываясь, на врата Судзаку или знамёна на крыше храмов. А на Кёгоку место тихое, мне хочется время от времени отправляться туда, чтобы отрешиться от мира.

Пока они разговаривали, солнце опустилось совсем низко, и лучи его стали красными. Неожиданно перед ними появилась Инумия, одетая в тёмно-фиолетовое платье и белую накидку с прорезами из полупрозрачной ткани. Ростом она была немногим менее трёх сяку. Волосы, похожие на скрученные нити, достигали коленей. Девочка высоко подняла маленький веер. На некотором расстоянии от неё показалось несколько взрослых служанок. Инумия без всякого умысла подошла к занавеси, но в это время ветер приподнял её, и на фоне переносной занавески можно было ясно видеть профиль девочки. Лицо её было так прекрасно, что никто не мог удержаться от восторженных восклицаний. Судзуси при виде её невольно улыбнулся. Накатада насторожился, увидев эту улыбку, и тут же обнаружил, что Судзуси смотрит на его дочь.

— Извини, — сказал он и поспешно поднялся.

Судзуси ответил:

— Когда дети без всякого стеснения показываются перед взрослыми, это так прекрасно! Пусть о той или другой красавице гремит необыкновенная слава, но если эту красавицу никто не видит, возникают сомнения и ползут разговоры, что, мол, не так уж она хороша. Но я сейчас думаю, что из-за твоей дочери в нашей стране будет немало волнений.

Он никак не мог отвести глаз от Инумия. «Она всё ещё не уходит», — забеспокоился Накатада и прошёл за занавесь.

— Это совершенно недопустимо! Что это вы себе позволяете! Вы служите из рук вон плохо! Вы должны всегда находиться возле неё, — выговаривал он нянькам.

— Возле занавеси пролетела бабочка, и детишки бросились ловить её, а Инумия захотела увидеть, — оправдывались те.

«Она хоть и выросла, но совсем ещё ребёнок», — подумал Накатада и вернулся к Судзуси.

— Говорят ведь: неразделённая любовь![359] Я очень сожалею, — сказал он другу.

— Она замечательно красива, — очень серьёзно сказал Судзуси. — Что ты сам думаешь? Моя дочь[360] ровесница твоей дочери, но она донельзя безобразна и этим доставляет мне много мучений.

— Она несомненно красавица. Распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц придирчиво осматривала её и говорит, что она очень хороша.

Накатада хотелось увидеть дочь друга.

— Послушай, дорогой мой. Ты сейчас будешь учить дочь и полностью передашь ей своё искусство. Наверное, в этом всё и дело. И ты не хочешь, чтобы посторонние слышали твою игру. Но мне очень хочется послушать тебя хоть немного. Я прошу тебя, позволь мне, — с жаром просил Судзуси.

— Милый мой, разве я скрываю что-нибудь от тебя? Уверяю, что ничего необыкновенного и в помине нет. Отрёкшиеся императоры и царствующий император услышали какие-то нелепые разговоры. Просто здесь очень шумно, постоянно приходят принцы, всегда слишком много народу. Вот я и хочу взять с собой в старую усадьбу Инумия и учить её там. Мать моя часто больна, у неё много забот, и у себя дома она не может жить в покое. Инумия ещё мала и вряд ли сможет всё быстро запомнить. Я сейчас не могу, как раньше, играть для тебя те произведения, которые тебе хочется услышать.

— Когда же ты собираешься переселиться в старую усадьбу?

— Во всех провинциях повальные болезни, поэтому говорят, что в этом году состязания по борьбе проводить не будут. В таком случае перееду в середине следующего месяца.

— Это очень скоро. Прошу же тебя, позволь мне послушать… — сказал Судзуси на прощание.

*** * ***

— Инумия очень красива, — рассказывал Судзуси жене, вернувшись от генерала. — Фудзицубо была знаменита по всей стране, но вряд ли в этом возрасте она была так же хороша, как Инумия. Одним словом, второй такой красавицы нигде больше не увидишь. Поистине удивительная девочка.

— Странно, что до сих пор они никому её не показывают, — заметила госпожа.

— Ах, она так красива, что и описать нельзя. Взрослые с помощью различных ухищрений могут казаться красивыми. Но она красавица неподдельная. В ней всё хорошо — волосы, лицо, ещё очень детское, но уже благородное и прекрасное. Волосы у неё блестящие и точно скрученные нитями. Можно подумать, что это накладные волосы. Когда она, простодушно подняв высоко веер, хотела поймать пролетающую бабочку, она была так очаровательна, что мне стало стыдно за своё безобразие. Я видел её со стороны, а какое впечатление она должна производить на тех, кто может смотреть ей в лицо! Накатада сразу же заметил, что я её вижу, очень рассердился и сделал кормилицам выговор. Он говорил мне, что в этом году начинает учить Инумия играть на кото и они вместе с матерью должны переселиться в старую усадьбу на проспекте Кёгоку. Наша дочь внешностью, может быть, и не так уж уступает Инумия, но Инумия скоро станет искусна во всём и будет приводить Поднебесную в смятение — вот чему я завидую. Эту маленькую красавицу взрослые доведут до совершенства. Ведь у самого Накатада исключительный талант ко всему; и как он будет доволен, когда из его красивого и умного ребёнка вырастет редкостное существо!

*** * ***

Накатада же рассказывал Первой принцессе:

— Судзуси приходил расспросить о строительстве башен. Об этом стало известно и императорам, и простым смертным, и я буду в отчаянии, если не смогу учить Инумия так, как хочу. Как только она родилась, все принялись гадать, что с ней станет в будущем. Я уже попросил об увольнении у отрёкшегося от престола императора. «Больше я службой заниматься не буду, за исключением каких-то очень важных дел», — сказал я ему. Мне хотелось бы начать обучение в следующем месяце. А Инумия я сказал, что с тобой ей нужно будет расстаться и переселиться в старую усадьбу. Если ты будешь видеться с Инумия, то и отрёкшиеся от престола императоры, принцы, да и все кому не лень начнут являться туда, а я этого ни в коем случае не могу допустить. Тебя я с собой не возьму, а ты отвечай всем, что я взял её туда одну и что никому ворот не отопру.

— Как долго будет продолжаться учение?

— Что за вопрос! Вряд ли она сможет очень быстро всем овладеть, — ответил он. — Подумай сама. Мать моя начала учиться с четырёхлетнего возраста и училась в течение трёх лет, ничем другим не занимаясь. Инумия уже исполнилось шесть лет. Надеюсь, что она выучится всему быстро. Я страшно корю себя за то, что до сих пор не начал заниматься с ней. После чтения записок моего деда я попусту потратил много времени. Никто не знает, что с нами может случиться.[361] Я предполагаю, что на обучение потребуется год. Мать моя не так бодра, как раньше, она часто болеет. Пока она жива, я хочу, чтобы Инумия полностью овладела секретами мастерства.

— Как, так долго! — ужаснулась принцесса. — Я буду тосковать, я не смогу столько времени не видеть её. Иногда я буду приезжать к вам и тихонько видеться с ней.

— Чтобы ты не тревожилась, я ночами буду приходить и утешать тебя в том, что ты не можешь её видеть, — пообещал Накатада.

— С тобой я могу не встречаться сколько угодно, но за неё я буду тревожиться, — очень серьёзно сказала принцесса.

— Твои слова могут стать дурным предзнаменованием. Если ты так будешь говорить, то не год, а два или три я останусь с Инумия в старой усадьбе. Такие вещи и в шутку нельзя произносить, — рассердился он.

— Это твои речи принесут несчастье! — возразила принцесса. — Разве музыканты должны обучаться своему искусству где-то далеко, никого не видя? Ты настаиваешь, чтобы она училась в затворничестве. «Только один год!» Но это совершенно ужасно! Она так мала, и ни с того ни с сего разлучиться с ней, неизвестно, на сколько времени… Как я

подумаю об этом, у меня внутри всё холодеет. Когда кто-нибудь приходит ко мне и я должна покинуть Инумия на время этого визита, она сразу становится грустной и никак не хочет отпускать меня, — говорила принцесса с мукой.

— Это всё так. Но если хотят чему-то научиться по-настоящему, так, чтобы учение проникло в сердце, надо преодолеть обычные чувства. Не беспокойся оттого, что она ещё мала. Разве я не подумал уже обо всём? Но я больше ничего не скажу. Мне казалось, что ты сама этого хочешь. Коли нет, я не буду учить её.

Первая принцесса действительно жаждала, чтобы Инумия выучилась играть на кото.

— Что ж, придётся терпеть, — сказала она. — Но всё-таки, может быть, я смогу тайно видеться с Инумия. Ты не хочешь, чтобы я слышала, как вы играете. Но разве твоя мать не говорила мне, что как-нибудь в спокойной обстановке она поиграет для меня? И если не во время обучения, то когда же ещё?

— Зачем сейчас говорить об этом? Если пронюхают, что к концу обучения ты тайно являешься, чтобы послушать музыку, меня начнут осаждать просьбами разрешить и другим. Я же хочу, чтобы нас никто не тревожил, и буду говорить, что и ты не будешь приближаться к усадьбе.

Принцесса вынуждена была согласиться с его словами. «Скоро я не буду её видеть», — печалилась принцесса и целыми днями с утра до вечера играла с Инумия в куклы.

— Когда ты переедешь отсюда, будешь ли ты тосковать обо мне? — спрашивала она дочь.

— Я хочу играть на кото и поэтому буду терпеть. Но ты сама приходи ко мне потихоньку. А куклам можно будет слушать кото?

Этот вопрос показался матери очаровательным, и она ответила:

— Почему же нет? Возьми их с собой. Куклы тоже хотят слышать, как играет твой отец. Но на время тебе придётся оставить игру в куклы. Занятия музыкой должны заполнить всё твоё сердце. Я хочу, чтобы ты научилась прекрасно играть на кото.

Но думая про себя, что долгое время она не увидит дочь и будет сильно тосковать, принцесса посмотрела в лицо Инумия. Слёзы начали душить её, и она не могла продолжать говорить. Чтобы не разрыдаться, принцесса заговорила о посторонних вещах.

* * *

Накатада распорядился, чтобы для матери и Инумия, как и для их сопровождающих, сшили особую одежду. Он приготовил всё необходимое для переезда. Правителю провинции Овари Накатада велел доставить в дом своей матери сто штук шёлка, узорчатый шёлк, травы для окраски тканей. Для Инумия всё было готово, ей запасли столько же узорчатого шёлка, сколько для её бабки.

Когда наступил день переезда, Первая принцесса отправилась вместе с ними в старую усадьбу, но через три дня она должна была вернуться домой. В свите матери было тридцать взрослых прислужниц и четыре юных служанки, у Инумия столько же. Только госпожа Дзидзюдэн выезжала обычно с более многочисленной свитой. В поезде находились также провожающие Первой принцессы, которые должны были с нею возвратиться. Все прислуживающие дамы были очень красивы. Свита матери Накатада состояла из дам, по возрасту старше остальных, с более утончёнными манерами, они были очень любезны и всем своим поведением могли бы вызвать у других зависть. Свита Первой принцессы состояла из дам, которых пригласили на службу, когда она выходила замуж. Этих дам выбрала для дочери госпожа Дзидзюдэн, она постаралась найти прислужниц с превосходным характером и безупречными манерами — они были несравненны.

В тринадцатый день восьмого месяца состоялся переезд в старую усадьбу. Накатада обо всём заранее позаботился, приготовил новый экипаж для матери. Он был заткан нитками, на этом фоне вышиты китайские птицы и павлины. Экипаж Инумия был очарователен: на фиолетовом фоне были вышиты мискант, бабочки и птицы, узоры составляли картину осеннего поля. На занавесках из тонкого шёлка были вышиты птички и бабочки, а на попонах, покрывающих волов, — китайские травы. Вместе со всеми ехал Канэмаса со своею свитой, он должен был возвращаться домой через три дня. За Накатада тоже шествовала внушительная свита. Левый министр прислал сопровождающих приятной наружности, отрёкшийся император Судзаку выбрал самых красивых молодых архивариусов четвёртого, пятого и шестого рангов, давно служивших во дворце, и велел им сопровождать поезд до Третьего проспекта. Как для шествий в храм Камо, в которых все стремятся участвовать, желающие подвергаются строгому отбору, так и здесь оба министра и отрёкшийся император сами выбрали свиту. Все, кто хоть что-то представлял собой в стране, посчитали бы позором остаться в

стороне от такого события. Шились новые одежды, в домах царило волнение. Верховые спешно готовили сёдла и остальную сбрую. Накатада распорядился, чтобы молодые дамы из свиты матери надели нижние платья жёлтого цвета на зелёной подкладке, а дамы, сопровождающие Инумия, — бледно-фиолетовые. Дамы высших рангов, сопровождающие в трёх экипажах мать Накатада, были в алых платьях и китайских платьях из узорчатого шёлка рыжевато-жёлтого цвета, дамы более низких рангов — в платьях цвета прелых листьев и в платьях со шлейфом жёлтого цвета с морскими узорами. Дамы высших рангов, сопровождающие Инумия в четырёх экипажах, были в сиреневых платьях на зелёной подкладке и в китайских платьях красного и тёмно-фиолетового цвета, а дамы более низких рангов в светло-фиолетовых платьях и в платьях жёлтого цвета на зелёной подкладке со шлейфами, окрашенными травами в зелёный цвет. Юные служанки были в таких же платьях. ‹…›

Наступил час курицы.[362] Хозяева, принцы и сановники сели в экипажи, свесив наружу подолы своих платьев. Все были в сборе. Распоряжения отдавал Накатада. Прибыли чиновники, посланные отрёкшимся императором Судзаку, а кроме того, прибыл глава Левых императорских конюшен Минамато Мунэёси и доложил: «Государь велел, чтобы я сопровождал Инумия». Вскоре показались дамы из свиты Инумия и стали друг подле друга. К ним начали подъезжать экипажи. В то же время появились дамы из свиты матери Накатада. Экипажей собралось много, и трудно было сохранять порядок, поэтому свита Инумия и свита матери Накатада не должны были ехать вместе по Большому проспекту.[363] Мать Накатада выехала из западных ворот, а Инумия из восточных. Чиновники императора Судзаку сопровождали Инумия: десять человек четвёртого ранга, двадцать — пятого, двадцать человек, очень красивых, — шестого ранга и два подростка, сыновья важных сановников, в парадной одежде. Шествие было великолепным. Свита, присланная министром Масаёри, выглядела очень внушительно. В ней находились дядья Первой принцессы- второй советник министра Тададзуми и советник сайсё, которые ехали в экипажах, а Сукэдзуми и Тикадзуми следовали верхом. В свиту своей жены Канэмаса послал десять чиновников четвёртого ранга, двадцать — пятого, пятнадцать — шестого, среди последних были помощник главы Музыкальной палаты, который являлся сыном правителя провинции, помощник главы Хозяйственного ведомства, стражники Левого и Правого императорского эскорта. Так как Накатада, будучи генералом, занимал ещё должность главы Ведомства двора

наследника престола, он пригласил в свиту двенадцать телохранителей наследника и разделил их на две группы. Даже обычные слуги четвёртого и пятого рангов были полны достоинства.

Сначала предполагалось, что от Канэмаса и Масаёри будет по двадцать экипажей, позолоченных и украшенных нитками.

— Нет, в этом я не уступлю ему, — говорил Канэмаса. — Масаёри очень важничает, что он со своей дочерью Дзидзюдэн воспитывает Инумия. Могу ли я ему уступить? у меня меньше детей, чем у него, так пусть сегодня у меня будет больше экипажей. — И прислал ещё пять колясок.

— К чему это? — возразил было Накатада. — Ведь везу свою дочь я, а не министр.

— Всё равно, пусть будет так, — ответил Канэмаса. Он принял это решение уже давно.

Таким образом, с его стороны было двадцать пять экипажей.

Наступил час отправления. Накатада велел экипажам подъезжать к дому. Когда Инумия садилась в экипаж, переносные занавески с двух сторон держали Масаёри и Накатада. Как только девочка заняла своё место, Накатада верхом отправился на Третий проспект. Мать ждала его в передних покоях с южной стороны, и он попросил, чтобы она поскорее садилась в коляску. Переносные занавески с двух сторон держали Накатада и Канэмаса,

Дамы, окружавшие Первую принцессу, в один голос восторгались Накатада: «Сколько ни расхваливай генерала, всё будет мало. Как он безупречно ведёт себя! Даже у государя нет таких прекрасных сыновей! Разве не замечательно, что он так прислуживает своей матери?»

Наконец все расселись по своим местам, и экипажи потянулись один за другим. Зрелище было поистине великолепным. Третья принцесса, глядя на процессию, воскликнула:

— Какая взысканная счастьем женщина! Родила только одного сына, но такого замечательного!

Она подумала о своей старшей сестре.[364] У той детей было очень много, все преуспевали, вокруг неё всегда было оживлённо. Казалось бы, Третья принцесса должна ладить с ней, часто встречаться и беседовать по душам, но нет — ей было тяжело видеть счастливую сестру. С самого детства Третья принцесса поражала всех своей красотой и необыкновенным высокомерием. «По-видимому, так предопределено предыдущими рождениями — Насицубо въехала во дворец и родила сына, но опять она оказалась позади Фудзицубо. Ах, если бы она родила сына

первой…» — оплакивала свою участь Третья принцесса.

В это время к ней вошёл Канэмаса.

*** * ***

Накатада хотел, чтобы как можно скорее поезд прибыл в старую усадьбу. Наконец он увидел, что поезд дочери вместе с экипажами, посланными отрёкшимся императором Судзаку, приблизился к дому. В лучах заходящего солнца картина была необыкновенно красивой. Жители столицы, выехавшие в собственных колясках, чтобы полюбоваться на шествие, говорили между собой с завистью «О чём ещё может мечтать Первая принцесса? О нас, грешных, и говорить нечего, но даже у других принцесс нет таких замечательных мужей, как Накатада. Она должна быть очень счастливой!»

Тададзуми подошёл к экипажу принцессы и сказал:

— Как всё великолепно, прямо как в сказке!

— Разве мы прибыли на гору Хорай? — ответила она с улыбкой.

— Сегодня мне кажется, что я уже переселился в другой мир, — сказал он.

В одном из экипажей господа говорили между собой: «Как всё торжественно! Какая счастливая дочь Накатада, рождённая Первой принцессой! Сейчас все превозносят до небес Фудзицубо, но в день, когда наследник престола взойдёт на престол, наступит эпоха, которую будут называть эпохой Инумия. Наши дочери, которых мы так заботливо воспитывали, ничего рядом с ней не стоят, никто из них не оправдает наших надежд, и все они будут забыты». Зрители восхищались всем, начиная с самих экипажей.

Когда прибыли в усадьбу на проспекте Кёгоку, Накатада сначала приказал, чтобы экипаж матери въехал через западные ворота и подъехал с южной стороны к западному флигелю. Мать Накатада должна была жить в западной части дома. Экипажи Первой принцессы и Инумия подъехали к южной стороне восточного флигеля, и генерал поспешил туда. Первой из экипажа вышла принцесса. С двух сторон поставили переносные занавески высотой в четыре сяку, пурпурного цвета, который книзу становился темнее, на занавесках были гербы, изображавшие цветы горечавки. Возле экипажа Инумия поставили переносные занавески такого же цвета, высотой в три сяку.

— Возьмите Инумия на руки, — обратился генерал к кормилице.

— Нет, я выйду сама, как это сделала матушка, — сказала девочка и, закрыв лицо веером, неторопливо спустилась из экипажа.

Её походка была очень грациозна, и отец смотрел на неё с восхищением.

Господа стояли друг подле друга неподалёку от восточного флигеля, у павильона для уженья. «Она стала ещё очаровательнее…» — думали они.

Провизию для угощения господам, которые были в свите Первой принцессы, в первый день доставил Масаёри, во второй день — Канэмаса, в третий — Накатада. Перед принцессой, матерью Накатада и Инумия поставили двадцать подносов из светлой аквилярии с высокими чашами из сандалового дерева, столики были покрыты скатертями из кисеи. Придворным много раз подносили чаши с вином. Со стороны южного двора вереницей шли слуги, которые приносили одежду для наград, с особой тщательностью приготовленную матерью Накатада, и складывали её перед хозяином. Одежда была необычайно красива и окурена тонкими благовониями. Архивариусам шестого ранга вручили трёхслойные вышитые накидки из узорчатого шёлка и трёхслойные штаны, телохранителям наследника престола — вышитые накидки из полупрозрачного шёлка и штаны. О подарках низшим чинам я распространяться не буду. Важные сановники, их телохранители, сопровождающие и передовые — все до одного получили подарки. Свите матери Накатада вручили подарки, приготовленные генералом.

На следующий день гости осматривали башни. Первая принцесса, увидев убранство, ахнула, оно показалось ей прекраснее, чем всё, что она воображала по рассказам. Башни сверкали так, что слепили смотревшим на них вблизи глаза. Казалось, что в нашем мире такого быть не может. Обе башни стояли на южной стороне усадьбы, неподалёку от подножия горы, где вода билась о песчаный берег. Между ними был перекинут арочный мостик длиной в три ма. Там же было выстроено помещение, убранное с северной и южной сторон решётками из аквилярии; его белые стены инкрустировали сверкающим перламутром. Башни были крыты не корой кипарисовика, а толстыми и тонкими фарфоровыми пластинками цвета морской волны. На расстоянии пятнадцати кэн от западной башни находилась часовня. А от пруда тянулась канава, над которой был перекинут мостик с высокими перилами, крытый черепицей. От мостика до павильона для уженья, стоявшего в восточной части, было пятнадцать кэн. Башни окружал ров с водой, и над ним тоже был перекинут мостик. Между строениями тянулись длинные коридоры, такие высокие, что в них не

сгибаясь могли ходить взрослые. Устроили и водопад, вода которого стремительно низвергалась вниз и стекала в ров, окружающий башни. Там и сям на мостках были поставлены камни причудливой формы. Гости обошли всю усадьбу, внимательно её осматривая, и восторгам их не было конца. «Если бы было можно не возвращаться домой, а спокойно всё рассмотреть! — вздыхали они. — И во дворцах Сага и Судзаку такого не увидишь! С каким тонким вкусом всё выполнено! На берегу реки весной будут цвести вишни, осенью всё покроется алыми листьями клёнов, Накатада не сможет удержаться и станет играть произведения, которые он обычно таит от посторонних».

Наступила ночь, но гости всё ещё не входили в дом. Луна красиво отражалась в воде. Тададзуми, дядя Первой принцессы, произнёс:

— Вновь поселился
Хозяин в этой усадьбе.
И с высоких небес
Перебралась сюда
Сияющая луна.

Накатада ответил ему:

— К чему нам мечтать,
Любуясь в пруду
Луны отраженьем,
Что никогда
Этот дом она не покинет?

Другие тоже слагали стихи, но было шумно, и я их не расслышал.

На третий день от отрёкшегося императора Судзаку пришли подарки: двадцать серебряных корзинок,[365] в которых были золотые и серебряные каштаны, сосновые шишки, торрейя и ююба. Первой принцессе он направил письмо:

«Давно от тебя не было известий, так что я начал уже беспокоиться. Переезд в старую усадьбу со всеми неизбежными хлопотами уже совершён, и я хотел бы приехать туда, чтобы послушать, как учат Инумия

играть на кото. Эти серебряные корзинки похожи на мои седые волосы. Думая о том, я чувствую на сердце печаль…»

Столько же точно таких корзинок отрёкшийся император Судзаку послал матери Накатада. В письме было написано:

«Вы совершенно забыли обо мне. Но я Вас забыть не могу.

Как подумаю,
Что неразлучно
Днём и ночью
Вы будете с внучкой,
Завистью полнится сердце.

Я надеюсь, что в конце моей жизни мне суждено познать истинную радость — услышать, как Вы и Инумия играете на кото».

Архивариуса, прибывшего с подарками государя, принял Накатада. Его пригласили в восточный флигель и напоили вином. Накатада передач ему ответ Первой принцессы. Затем архивариуса пригласили в западный флигель, где жила мать Накатада, и там Накатада снова стал угощать его вином.

— Почему вы задерживаете меня? Разве можно заставлять пить так много вина? Очень неудобно… — говорил архивариус.

Генерал же только весело смеялся:

— Я отвечу сам, если император будет недоволен! — И в конце концов он напоил посыльного так, что тот уже ничего не помнил.

От Первой принцессы посыльному вручили подарки: накидку с прорезами из узорчатого шёлка сиреневого цвета на зелёной подкладке и штаны.

В это время раздался голос прислуживающей дамы: «Господин архивариус, пожалуйте сюда». У дверей была поставлена переносная занавеска с вышитыми лентами цвета прелых листьев, которые книзу становились темнее, и раздался спокойный голос, по-видимому, дамы преклонного возраста: «Пожалуйте сюда». Архивариус уселся на подушку. Из-за занавески виднелись яркие одежды — платье светло-красного цвета на тёмно-красной подкладке, китайское платье из узорчатого шёлка такого тёмного красного цвета, что оно казалось чёрным, ещё одно алое платье и шлейф ярких тонов, окрашенный травами. Показалась рука в длинном рукаве — посыльному предложили чашу с вином. Он при этом совершенно

смешался: «Как же мне быть?», и на лице его было написано мучение. И чашу он не брал.

— Нельзя же так, — упрекнул его Накатада. — Пожалуйста, поскорее возьмите чашу.

Архивариус поднялся на ноги, но зашатался и упал. За занавеской раздался смех. Посыльный наконец-то взял чашу, но сказал:

— Больше мне ничего не предлагайте.

— Отчего же так? — спросила дама.

— Потому что у меня ноги болят, и я идти не могу, — ответил посыльный заплетающимся языком.

Он сделал вид, что пьёт вино, но вылил его на пол. Всем стало его жалко, и больше ему вина не подносили.

Отрёкшемуся от престола императору Накатада велел послать подарки: платье из китайского узорчатого шёлка ярко-розового цвета на зелёной подкладке, шёлковую накидку с прорезами, китайское платье из узорчатого шёлка тёмно-фиолетового цвета, шлейф из полупрозрачной ткани белого цвета с тёмно-синими узорами. Накатада написал письмо на китайской фиолетовой бумаге, завернул его в такую же бумагу и прикрепил к красивой ветке сосны.

— Ноги болят и шагу сделать не могу. На плечах у меня справа и слева висят подарки, и я похож на бабочку-мешочницу. Еле-еле двигаюсь, точно я неимоверно толстый человек, — жаловался архивариус.

Вдруг из-за занавески послышался женский голос:

— Когда на травы
Внезапно дождь
Польётся,
Не могут бабочки
Среди цветов порхать.[366]

— Что вы имеете в виду? Я не совсем понял.

В дивном дворце,
Что утром и вечером
Сверкает в солнца лучах,
Мошкам таким

Вовсе нечего делать.

Что ж, вы совершенно правы, — ответил архивариус.

Он собрался было побежать, но зашатался и тихо побрёл к выходу. За занавесями, где находились дамы, раздался очаровательный смех, генерал тоже рассмеялся. Выйдя во двор, архивариус разронял подарки. Накатада приказал прислужникам собрать их и сложить в экипаж посыльного.

Мать Накатада написала императору в ответ:

«Благодарю Вас за Ваше письмо.

Старость подходит…
И утешаюсь,
Что внучка
Наше имя
Прославит в веках».

*** * ***

На четвёртый день глубокой ночью Первая принцесса возвращалась домой. Она не хотела привлекать лишнего внимания, и её сопровождало только шесть чиновников четвёртого ранга и десять пятого. Накатада было очень её жалко, он долго разговаривал с нею и пытался её утешить. Принцесса вернулась домой на заре. Вторая принцесса, увидев её, обрадовалась:

— Я уже начала скучать!

*** * ***

Накатада решил, что если его не станут звать во дворец, он туда являться не будет. Он поставил над телохранителями старого опытного служителя и велел пяти-шести слугам охранять дом. На ночь у ворот он назначил в стражу верных людей и приказал открывать ворота только в

самом крайнем случае.

* * *

Канэмаса пришёл в покои жены.

— Очень уж буду беспокоиться, — сказал он. — Днём ещё так-сяк, но каждый вечер стану навещать тебя.

— Ты говоришь, как малое дитя или как безумный, — ответила она. — Именно ночью, когда всё затихает, мы будем учить Инумия. Первая принцесса будет, конечно, очень тосковать; нелегко было перевезти сюда Инумия… А ты, чтобы твои жёны не скучали, наноси им визиты, как молодой влюблённый.

— Прекрасно! — воскликнул он. — Ты же в разлуке со мной будешь спокойно заниматься своими делами!

— Почему ты так говоришь? ‹…› — произнесла она очень ласково и, засмущавшись, улыбнулась.

— Вы будете учить Инумия играть на кото. Оба отрёкшихся императора изъявили желание услышать её, когда окончится обучение. Её успех может быть нам очень полезен — Накатада, тебе и мне.

— Не могу я слушать тебя! — рассердилась госпожа. — Ворота усадьбы будут заперты, и никакие слухи о посторонних вещах — государственных ли, частных ли — за ограду не должны проникать. Как мне будет стыдно, если Накатада узнает, насколько ты заблуждаешься! Никогда больше такого не говори! Возвращайся домой, пока не рассвело. Как сильно любит Инумия её мать, но даже ей Накатада на этот раз не разрешил переехать сюда.

— Не говори и ты попусту, — не сдавался Канэмаса. — Разве под предлогом обучения игре на кото надо разорвать все связи между детьми и родителями? Ты говоришь вздор. Пусть несчастная мать, которая не может жить без Инумия ни одного мгновения, немедленно возвращается сюда. И я никуда отсюда не уйду.

— Послушай же меня. Потерпи немного. Ведь даже Накатада не будет входить к Инумия, — урезонивала мужа госпожа.

— Пусть все в Поднебесной станут на моём пути, я всё равно время от времени буду приходить, — сказал Канэмаса на прощание. На душе у неё было очень грустно.

Рассвело. Накатада явился к отцу, и оба они отправились осматривать

усадьбу. Они походили на братьев. Канэмаса был очень красив, выглядел молодо и очаровывал всех, кто его видел. Возвратившись к жене, он спросил её:

— Это всё выстроено на старом фундаменте?

— На старом.

— Всё отстроено совершенно замечательно.

Давным-давно, когда Канэмаса впервые посетил этот дом, стены помещений были обвалившимися, ставни давно упали и гнили в высокой траве, на месте часовни стояли одни столбы, всю черепицу с главного строения снесло ветром. Когда он, пройдя через траву и полынь выше человеческого роста, приблизился к дому, то обнаружил, что крыша во многих местах прогнила, через неё можно было видеть сияющую луну. Он вспомнил, как безрассудно покинул этот дом, оставив дочь Тосикагэ одну. Грудь его стеснилась, и слёзы закапали из глаз. Накатада, глядя на него, подумал: «Наверное, он вспоминает прошлое».

*** * ***

На следующий день, после получения подарков от отрёкшегося императора, жена Канэмаса решила осмотреть усадьбу. Она помнила, как когда-то всё заросло многолетними травами, хмель пророс через пол, перед домом стояла стеной густая трава, и никого вокруг не было видно. Теперь же Накатада заново прекрасно отстроил усадьбу, чтобы перевезти сюда мать и дочь.

В усадьбе было оживлённо, везде кто-нибудь да расхаживал. В груди госпожи оживало прошлое, которое было стёрлось из памяти, и она, не выдержав, заплакала. Госпожа постаралась это скрыть, но Канэмаса, заметив её слёзы, сказал:

— Сегодня не грех лить слёзы, которые вообще-то сулят недоброе. Но всё-таки успокойся: я всё же не напрасно приходил к тебе.

— Да, если бы ты не пришёл тогда ко мне, не было бы и всего этого ‹…›

— У вас злой язык. Чей же сын Накатада? — обратил всё в шутку Накатада.

Он, глядя на родителей, думал, что они поистине счастливы в браке.

Канэмаса вновь вспомнил то, о чём он никогда, в сущности, и не забывал,[367] слёзы полились у него из глаз, но вокруг были

прислуживающие дамы и придворные, поэтому он переселил себя и сказал:

— Ни о чём не беспокойся. Я стану тайком приходить сюда.

— Ладно, не буду… Думаю, что под каким-нибудь предлогом меня обязательно призовёт во дворец отрёкшийся император Судзаку, но Инумия ещё так мала, и мне придётся отказаться. А ночью, сколько хватит сил, я буду учить её, — сказала госпожа. — Если ещё и ты будешь ко мне приходить…

— Ты опять недовольна. Ты равнодушна ко мне, и мне это горько.

Скоро Канэмаса покинул усадьбу. Наступил семнадцатый день месяца.

Глава XX
НА БАШНЕ
(Окончание)

Господа по обыкновению позавтракали в доме, и Накатада повёл мать и Инумия в башню.[368] Сопровождающие госпожу и девочку — двадцать взрослых служанок — выстроились друг подле друга, держа переносные занавески. За господами несли фрукты в серебряных корзинках. Первой в башню вошла мать Накатада, и он повёл её за руку по лестнице. Госпожа была в китайском платье из узорчатого шёлка, в нижнем платье из узорчатого шёлка сиреневого цвета на зелёной подкладке и в алых трёхслойных штанах. Генерал был в белом однослойном платье из узорчатого шёлка, алом платье на подкладке, а сверху он накинул верхнее платье. В просветах между переносными занавесками можно было различить госпожу: она выглядела изумительно, волосы длиной в семь с лишним сяку блистали, как драгоценный камень. Генерал велел даме по прозванию Тюнагон остаться с его матерью, а сам отправился за Инумия, и взяв её на руки, понёс в башню, приказав служанкам поднять занавески повыше. Он нёс девочку, окружённый прислужницами, которые шли с высоко поднятыми занавесками. Инумия была в платье с небольшим шлейфом синего цвета, в платье из узорчатого шёлка, в накидке серого цвета с прорезами и в очень длинных штанах.

Когда отец принёс Инумия и поставил перед ней кото, она спросила:

— А где же куклы — чтобы слушать, как я буду играть?

— Вот они! — засмеялся Накатада и расставил перед дочерью кукол.

Мать его посмотрела на Инумия — девочка выглядела ещё красивее, чем раньше. Госпожа думала с радостью, что внучка её становится всё благороднее и красивее, а та сидела спокойно, не вертясь, как все дети.

Перед Инумия поставили кото «рюкаку-фу», на котором когда-то учился играть Тосикагэ. Накатада сел за «хосоо-фу», и госпожа сказала, что можно начинать. Она сама придвинула к себе оба кото, настроила их, и звучание инструментов было обворожительным. Накатада, посадив Инумия за рюкаку-фу, заиграл сам на втором инструменте. Хотя у девочки были маленькие ручки, она повторяла за отцом услышанное без малейших колебаний и не ошибалась. Прошло совсем немного времени, а она уже

выучила одну пьесу. Отец показал ей вторую, она быстро запомнила её и сыграла так же уверенно, как первую.

«Волею небес она до такой степени одарена, что мне становится страшно, — думала госпожа, и продолжая учить внучку, проливала счастливые слёзы. — Давным-давно, когда мне было четыре года, мой отец начал учить меня. Я горела желанием обучиться музыке, и даже сидя на коленях кормилицы, играла на кото. Я хорошо всё запоминала, и отец говорил, что начиная с семи лет я уже играла как взрослая. А Инумия прекрасно играет даже то, что и взрослые исполнить не могут».

Генерал чувствовал глубокое удовлетворение тем, что Инумия так быстро запоминала пьесы, и был просто вне себя от радости.

— Можно было бы ещё поиграть, но Инумия, наверное, устала. На сегодня хватит, — сказала госпожа.

Инумия запоминала всё со второго раза. Казалось, что она училась очень долго, достигла вершины мастерства и сейчас, слушая игру других, вспоминала то, что знала давно. Когда дома Первая принцесса садилась за кото, девочка не отходила от неё и горела желанием играть сама, а сейчас, не чувствуя ни малейшей усталости, она всем сердцем отдавалась учению.

На следующий день от Первой принцессы пришло письмо на имя кормилицы:

«Всю ночь очень беспокоилась об Инумия. Начала ли она учиться? Я не могу слышать, но это должна быть прекрасная музыка. Играла ли она ночью? Я очень тоскую. Напиши мне обо всём».

Письмо пришло в то время, когда Накатада находился в башне. Отправляясь туда, он сказал прислуживающим дамам:

— Если будет что-то срочное, пойдите в павильон для уженья и хлопните в ладоши.

Дама Тюнагон, молодая и сообразительная, вручила письмо юной служанке по имени Мияги и послала её в павильон.

— Пусть господин убедится, что у нас прекрасная память. Но его поведение необъяснимо. Почему чтобы передать письмо, надо идти в павильон для уженья и хлопать в ладоши? — смеясь, говорила она другим дамам.

Дама Тюнагон устроилась в южной части павильона, у занавеси между передними покоями и верандой. Мияги приблизилась к перилам и захлопала в ладоши. Через некоторое время к ним пришёл Накатада. Прочитав письмо, он попросил принести тушечницу, а когда ему её подали, написал ответ:

«Спасибо за письмо. Ты была страшно расстроена, и я так был

встревожен твоим состоянием, что ничего не мог сказать. Ты спрашиваешь о том, как чувствует себя Инумия. Этим ты меня обрадовала больше, чем если бы спросила, как чувствую себя я сам. Меня радует, что твоё беспокойство постепенно проходит. ‹…› Ты пишешь, что лёжа долгой осенней ночью в одиночестве, ты до самого рассвета о чём-то думаешь и таким образом множишь свои прегрешения. Меня это очень растрогало, и я почувствовал к тебе большую нежность».[369]

Затем Накатада прошёл в комнаты прислуживающих дам и, заглянув за занавеси, сказал:

— Госпожа Тани, дайте, пожалуйста, всем фрукты. Вы как всегда играете, наверное, в шашки или в кости. Первая принцесса очень тревожится об Инумия, а она играла на кото, как мне кажется, с большим удовольствием.

Было видно, что он находится в превосходном настроении. Вскоре он ушёл.

Кормилица Дзидзю была дочерью принца Хёбукё, сына отрёкшегося императора Сага. В детстве Дзидзю всё время проводила в играх с Первой принцессой. Она была очень красива. Брат принцессы, сын госпожи Дзидзюдэн, тайно посещал её ‹…›. Дзидзю кормила молоком очень недолго и повторяла, что никакая она не кормилица, но прозвище это прилипло к ней. Первая Принцесса очень её любила.

Дзидзю написала в ответ принцессе:

«Я Ваше письмо передала ‹…›. Я слышала, что Инумия учится музыке с большими успехами. Генерал явно в очень хорошем настроении. Звуки кото как будто уходят за облака, они столь прекрасны, что внушают трепет, — но я в этом так мало смыслю! Попросите рассказать принца Соти».[370]

Когда принцесса это прочитала, её охватила глубокая радость.

— Ах, как трепещет сердце! — воскликнула она и отложила письмо.

Вечером еду принесли в башню. Генерал спросил дочку:

— Не устала ли ты? Если хочешь, я позову кормилицу Дзидзю.

— Я лучше поиграю в куклы, — ответила она. — Но я хочу играть на кото до восхода луны, так всегда делает матушка.

Накатада пришёл в восторг от её слов.

Четыре прислужницы в китайских платьях со шлейфами внесли столики с едой. Две прислуживающие дамы, держа переносные занавески высотой в три сяку, поднялись на башню. За ужином Накатада всё время прислуживал матери, и она сказала:

— Зачем ты, мужчина, этим занимаешься? Позови лучше Тюнагон или Дзидзю.

— К чему? — возразил он и продолжал прислуживать ей.

Тюнагон подала воду для полоскания рта и ушла.

Во время еды возле Инумия было две кормилицы в китайских платьях со шлейфами. Генерал передавал блюда. Инумия давали только фрукты, она ела мало. Четыре молодых прислужника, приятной наружности, с длинными волосами, связанными в пучок, шествуя через арочный мостик, который вёл к деревьям на южной горке, принесли генералу ‹…›. Накатада, спустившись и подойдя к перилам, сам взял этот столик и возвратился наверх.

Вид вокруг был очень красив и казался нарисованным на картине.

За один день Инумия могла выучить много произведений, но Накатада преподавал ей в день не больше двух или трёх. Так проходили дни.

С каждым днём горки и растения в саду становились всё красивее. Однажды Инумия, глядя на южные горы, тихонько прошептала:

— Если бы я могла любоваться этими горами вместе с матушкой!

Генерал услышал это и, глубоко тронутый печалью, сказал дочери:

— Когда ты будешь совсем хорошо заниматься на кото и твёрдо запоминать произведения, тогда мать твоя придёт сюда, чтобы вместе с тобой любоваться горами. Так она обещала.

Девочка сконфузилась и ничего не ответила.

Ни днём, ни вечером Накатада с матерью за инструменты не брались, а только слушали Инумия. Она садилась за кото сама и играла неподражаемо, без малейшей погрешности. Госпожа и Накатада чувствовали глубокую печаль, и им становилось от такого совершенства не по себе.

Как-то раз Инумия попросила госпожу:

— Прикажи кому-нибудь из слуг позвать кормилицу.

Кормилицу позвали, и она незамедлительно пришла. Инумия считала её красивой, а кроме того, была к ней очень привязана, поэтому госпожа и Накатада, жалея девочку, взяли её с собой в усадьбу. Накатада полагал, что когда Инумия играет на кото, она кажется взрослой, а во всём ином остаётся ребёнком.

Придя к Инумия, Дзидзю попросила:

— Не поиграешь ли ты для меня?

— Я могу поиграть тебе. Я сейчас поставлю кото и буду играть, как это делает матушка, — ответила она.

Было поздно. Высоко в небе показалась луна. Госпожа и Накатада

неподражаемо заиграли на кото и начали учить Инумия новой пьесе. Девочка играла совершенно так же, как её бабка и отец, и Накатада чувствовал огромное удовлетворение.

*** * ***

Фудзицубо терзалась муками зависти, и её утешало только то, что Первую принцессу не допустили в старую усадьбу. К ней пришёл Масаёри, и Фудзицубо спросила его:

— Как чувствует себя Первая принцесса? Ах, если бы у меня была такая дочь! Как я завидую принцессе!

— Чему может завидовать мать наследника престола?.. — засмеялся Масаёри. — Несмотря на то, что Первая принцесса ни во что не ставила мужа и целыми днями играла в куклы с Инумия, он мог бы и не подвергать её таким длительным мукам. Но ведь не только Инумия, но и мать Накатада переехала в старую усадьбу, оставив Канэмаса одного. Теперь все негодуют на Накатада, а Канэмаса осаждает жену письмами. Как-то отрёкшийся от престола император Судзаку рассказывал: «Я приказал Накатада читать мне записки его деда и продержал его несколько дней во дворце. Накатада одна ночь казалась в тысячу лет. Тогда он относился к принцессе особенно нежно. А сейчас всё изменилось, и он относится к жене, как прочие. Что ты на это скажешь?» — спросил меня под конец император. И почему только Накатада всё это затеял.

— Он начал приобщать дочь к особенным тайнам мастерства с раннего детства… Мои сыновья только музыкой занимаются с охотой, а вот сын этой самой Насицубо замечательно пишет и прекрасно читает книги. Если бы и наследника престола обучили, он бы читал и писал не хуже сына Насицубо, но все хотят продвинуть своих, а на принцев никто не обращает внимания. Вот и получается, что моих сыновей учить некому.

— Да, сейчас все пренебрегают своими обязанностями. Но ведь наследника учит его наставник… — сказал Масаёри.

— Ах, то-то и оно! С самого начала, непонятно отчего, наследник заявил: «Я не хочу заниматься книжностью с наставником. Вот с Накатада и Судзуси я буду читать книги и учиться чему угодно. А безобразных людей я видеть не хочу. Противно!» Отчего это? Когда-то он учился писать по прописям, которые сделал Накатада. Сам Накатада хвалил его: «Вы пишете очень хорошо». Я хочу поручить Юкимаса учить наследника.

Сын мой изрядно упрям и учиться хочет только у людей известных. Но всё это пустой разговор! Мне по секрету рассказали, что Судзуси вынашивает какие-то планы…

— Он стал очень красив, — ответил Масаёри. — Все сейчас восхищаются наследником престола. У Судзуси дочь такого же возраста, как Инумия, и он чрезвычайно заботливо её воспитывает. Он часто говорит: «Мне бы хотелось, чтобы она делила досуг наследника престола. Но боюсь, что появится девица необычайно красивая, которая захочет въехать во дворец, и моя дочь лишится благосклонности принца». Как-то дочь Судзуси увидела флейту, которая хранится в его семье несколько поколений, и стала просить: «Какая красивая! Подари мне!» Но Судзуси ответил: «Тебе нельзя. Я думаю о другом». Вскоре Масаёри покинул дочь.

*** * ***

Как-то раз Судзуси, возвращаясь домой после церемонии очищения, остановил экипаж перед усадьбой Тосикагэ и, взглянув через ограду, подумал: «Действительно, башни великолепны!» Он сказал своему сопровождающему:

— Постучи в ворота, передай вот это и сразу же возвращайся ко мне, — и написал:

«Дом Карамори
Мечтая увидеть,
Путник, мимо идя,
Щёлочку ищет
В высоком заборе.[371]

Вот что я подумал, проезжая мимо. Я возвращаюсь с реки».

Сопровождающий начал громко стучать в ворота и передал записку. Накатада был очень раздосадован. Он тотчас написал ответ:

«Горечью мира пресыщен,
Далеко от людей

Удалиться решил я.
Как же тебе удалось
Меня отыскать?

Тебе лучше не останавливаться здесь, мне даже посадить тебя негде. По правде говоря, я сам скоро собираюсь во дворец».

Накатада велел слуге сесть верхом и выехать к Судзуси. Тот ещё не успел выйти из экипажа, как ему передали ответ Накатада.

Из императорского дворца то и дело призывали Накатада, и он наконец-то отправился туда. Сначала он нанёс визит отрёкшемуся от престола императору Судзаку.

— Очень давно тебя не было видно, — сказал ему Судзаку. — Сейчас императору нужно представить докладные записки о назначении управляющих в провинции, и в такие дни тебе необходимо присутствовать во дворце.

— Если государь прикажет, я бегом отправлюсь во дворец, — ответил Накатада.

— А как Инумия? Каковы её успехи в учении?

— Она очень быстро всё схватывает.

— Это меня очень радует, — удовлетворённо улыбнулся отрёкшийся император. — Твоя мать владеет многими секретами мастерства, и если Инумия удастся перенять все эти секреты, будет замечательно! А сколько времени вы предполагаете учить её?

— Если она будет заниматься серьёзно, то должна выучиться быстро. Но она ещё немного мала, поэтому мы учим её без спешки. Существуют много законов, как сочетать исполнение произведений с временами года. Я должен буду часто отлучаться, чтобы присутствовать во дворце на больших празднествах, поэтому обучение не сможет идти очень быстро.

— Поистине, всё это необыкновенно. Как интересно! Как бы мне хотелось увидеть всё это своими глазами!

*** * ***

Госпожа Дзидзюдэн находилась в отчем доме.

Вечером Накатада отправился в усадьбу Масаёри, чтобы навестить Первую принцессу. Но она музицировала со Второй принцессой и к мужу

не вышла. «Я долго находился на службе у отрёкшегося императора Судзаку и у царствующего императора и очень устал. Я хочу рассказать тебе об Инумия», — велел передать ей Накатада.

Вторая принцесса, чтобы не мешать им, удалились в задние комнаты.

Первая принцесса вышла к мужу с недовольным выражением лица. Он с раздражением заговорил с ней, и она ответила:

— Тебе ли сердиться на меня? Все говорят с неодобрением о том, что ты сделал. Я очень тоскую. Когда же наконец я смогу увидеть Инумия?

— Сейчас это невозможно… Присутствие многих людей нам очень помешает… Обучение требует времени…

— А как она учится?

— Скоро она будет играть очень хорошо.

*** * ***

На рассвете Накатада отправился к отцу. Третья принцесса и сын госпожи Сайсё не ожидали его и очень обрадовались его приходу.

— Очень давно я не имею никаких известий от твоей матери, — пожаловался Канэмаса. — Она не отвечает на мои письма. Я очень беспокоюсь и думаю потихоньку к вам явиться во время девятидневного поста.

— Мы все здоровы. В девятый день будет праздник хризантем, и я явлюсь во дворец, — сказал Накатада.

Затем он отправился с визитом к Третьей принцессе и госпоже Сайсё.

— Как вы поживаете? — спросил он.

Было видно, что жёны Канэмаса скучают. Накатада, вызвав управляющего, велел принести дамам фрукты и другие яства и очень скоро удалился в старую усадьбу.

*** * ***

Глядя, какими красивыми красными листьями покрывались деревья, из которых делали луки, Инумия думала: «И у матушки, по-видимому, деревья стали такими же красивыми. Смотрит ли она на деревья? Матушка говорила мне: „Надо терпеть, даже если тебе будет тоскливо". Может быть,

она меня уже забыла? Ах, если бы она прислала мне письмо!» Девочка была готова заплакать.

— Не плачь, — успокоил её отец. — От матушки пришло письмо. «Прилежно ли занимается Инумия? Если да, я скоро приеду и повидаюсь с ней» — так она пишет.

Девочка очень обрадовалась и стала заниматься с ещё большим усердием. Накатада понимал, что дочь не может не тосковать, и чтобы развлечь её, принёс красивые картинки и принялся показывать их Инумия. Но она не стала, как обычно, разглядывать их, а продолжала сосредоточенно играть на кото.

Луна ярко сияла в чистом небе, всё было спокойно. На горах ясно были видны деревья. Слышался плеск волн, и дул прохладный ветер. Вместе с отцом и бабкой Инумия играла очень серьёзно. И госпожа, и Накатада почувствовали такую грусть, что из их глаз полились слёзы, и они были вынуждены прервать урок. Посмотрев на них, Инумия сказала госпоже:

— Вы говорите, чтобы я не плакала, но и вы сами наверняка тоскуете по матушке. Я думаю, что и матушка плачет.

Взрослые были растроганы её словами. «Надо пощадить её», — подумал Накатада и велел отвести Инумия из башни в дом, но она ответила:

— Я не хочу спать, и пока ярко светит луна, лучше играть на кото.

Урок продолжался за полночь.

Когда кончили заниматься, Накатада на руках отнёс дочку вниз и передал кормилице и другим дамам, которые там собрались. Госпожа пошла за ними.

— Отдохни, народу достаточно… — сказал ей сын.

— Нельзя же оставлять её одну в башне. Ведь она как-никак внучка императора. Отрёкшийся от престола император Судзаку всё время беспокоится о ней, и хотя ему чрезвычайно хочется, чтобы Инумия овладела всеми секретами мастерства, он очень её жалеет.

Госпожа, как обычно, проводила Инумия до её покоев и сказала ей:

— Очень плохо, что ты ничего не ешь…

Она своими руками приготовила внучке её любимые кушанья.

Инумия очень быстро всё схватывала, и в обучении её не возникало ни малейших трудностей. Она превосходно — так, что учителя её погружались в глубокую грусть — играла произведения, добиваясь соответствия звуков с временем года. Листва на деревьях в саду и в лесу пожелтела, клёны стали алыми — невозможно передать, как красивы они

были. С каждым днём ветер становился более резким. В тихое время слышался шум низвергающегося с горки водопада. Во всех звуках чувствовалась необыкновенная прелесть.

Госпожа часто вспоминала о прошлом и плакала.

— Ты нередко бродил по окрестностям, а я тосковала дома, — сказала она как-то раз сыну.

— Я уходил далеко за эти юго-западные горы, — вспомнил Накатада.

Придвинув к себе тушечницу, он написал:

«На поиски пищи
Далеко в горы
Я отправлялся.
От резкого зимнего ветра
Коченели руки и ноги».

На душе у него было очень грустно. Мать его приписала:

«Когда по нехоженым тропам
На горы ты поднимался,
Яркие клёны
Тебе не могли
Путь преградить».

Оба они были охвачены беспредельной печалью. Инумия, глядя, как падающие листья клёнов опускаются на кото, произнесла:

— Смотрят с завистью
Клёны, как я
За кото сажусь…

Она остановилась, и госпожа сказала:

— Почему же ты не продолжаешь? Надо окончить стихотворение.

Тогда Инумия прибавила:

— Что ж, пусть приходят
Вместе со мной учиться.

Они стали играть на кото, неподражаемо сливая звуки музыки с шелестом листьев и шумом ветра в соснах. Накатада внимал им с глубокой грустью

* * *

Наступил десятый месяц, и полил дождь. Листья с клёнов почти все осыпались, на ветках их осталось очень мало.

Как-то раз госпожа и Накатада отдыхали после занятий с Инумия. Вдруг раздался громкий голос Накатада, который на мотив, прекрасно выражающий очарование того момента, пропел:

— Пусть горное эхо
В далёкой Танской стране,
Звуки кото услышав,
Скажет: «Да, именно так
На нём когда-то играли».[372]

Госпожа лежала в своих покоях, но она издалека услышала голос сына и почувствовала необыкновенную грусть. Из глаз её полились слёзы, и не вставая с постели, повернувшись к кото, она прошептала:

— Сколько бы горное эхо
Ни повторяло: «Именно так»,
Нет музыканта,
Что играл здесь когда-то,
И со скорбью гляжу я вокруг.

Лёжа, она думала вот о чём: «В мире встречаются замечательные люди, превосходные качества которых никакими словами не выразить. Они могут проявить свой талант, добиваются успеха на службе, и жизнь их приобретает смысл. Своим талантом мой отец превосходил всех вокруг, но его способности в нашей стране не были признаны. В молодые годы он отправился в неведомые земли и испытал ужасные несчастья. Через много лет отец возвратился на родину, но ничто в мире, начиная со службы во дворце, его не радовало, и он долгое время предавался скорби. Возле него не было никого, кому бы он доверял и кому бы передал секреты своего мастерства. Мне отец хотел дать воспитание, какое получают все, и обеспечить успех в жизни, но и тут не преуспел. И в старости, когда он становился всё мрачнее, это явилось ещё одним поводом для сетований. Было ли здесь воздаяние за то, что он не выполнил своего долга по отношению к родителям, которые воспитывали его и потом проливали слёзы? Да, моему отцу пришлось испытать неимоверные муки. С давних пор, со дня моего рождения и до самой своей смерти, он записывал свои впечатления и разные события. Его записки полны такой печали, что сердце разрывается при чтении их. Когда я вижу, что Накатада и на службе императору, и в частных делах по своему таланту, внешности и характеру признан всеми первым в Поднебесной, или когда мне говорят о том, меня это немного утешает. Но мне горько, что отец мой не может этого видеть и что я не могу ему о том рассказать. Но нет ни одного человека — кого ни взять, начиная с самого государя до самого обычного смертного, — кто бы, живя до восьмидесяти или девяноста лет, мог беспрерывно наслаждаться жизнью. Ах, какая тоска!» На душе у госпожи становилось всё мрачнее, она продолжала размышлять: «Кем возродится мой отец в будущих перерождениях? Он всю свою жизнь сочинял стихи. Живя в бедности, он тем не менее приглашал монахов и просил растолковывать трудные места сутр. В этой усадьбе отцу каждый день читали главу „Девадатта”[373] и „Сутру золотого блеска"… Нужно заказать службу по тем, о ком некому вспоминать.[374] Я сама уже состарилась, и ничто в нашем мире меня особенно не привлекает. Успокоившись духом, я отдамся служению Будде. В нашем мире только это достойно почитания, и я посвящу служению дни, что мне остались». Так, лёжа в своих покоях, думала госпожа о прошлом и будущем.

* * *

Накатада очень жалел свою жену, но он был озабочен самым важным для своего рода делом — передачей секретов музыкального мастерства дочери. Каждый месяц Накатада несколько раз отправлялся ночью к Первой принцессе, но она неизменно отвечала:

— Если я не могу видеть Инумия, то и с тобой я не хочу встречаться. Ты поступаешь жестоко и по отношению к Инумия.

Принцесса не разрешала ему даже поднять решётку.

— Странные упрёки, — говорил Накатада и всю ночь сидел на веранде, прислонившись к перилам.

*** * ***

Канэмаса под каким-то предлогом однажды явился к жене, но она, подумав: «Даже Первая принцесса, беспрестанно тоскуя о дочери, терпит разлуку с мужем, а он… Постыдился бы!», и к нему даже не вышла. Госпожа велела ему передать: «Если мы увидимся, то уже на обратном пути ты об этом забудешь, а так, может быть, что-то серьёзное появится у тебя в душе».

Канэмаса помрачнел и принялся было роптать, но госпожа остановила его: «Подумай о Накатада». Он был готов рассердиться, но поскольку дело было связано с Накатада, больше ничего не сказал и, несчастный, ушёл. Люди, бывшие свидетелями, говорили между собой: «Какие удивительные отношения между супругами!»

*** * ***

С первого дня одиннадцатого месяца Накатада был вынужден покинуть усадьбу из-за служебных дел, и госпожа перенесла занятия с Инумия из башни в дом, где было очень спокойно. Наступили ненастные дни, ветер дул свирепо, и небо казалось устрашающим. Госпожа учила внучку играть так, чтобы звучание кото сливалось со стоявшим за порогом временем года. Девочка не делала ни малейшей ошибки, и госпожа радовалась, что она играет всё лучше и лучше.

Генерал, приехав, был изумлён такими успехами и сказал матери:

— Даже взрослые, всё понимая умом, не могут этого выразить и не

могут играть так, как играет Инумия. Как будет восхищён отрёкшийся от престола император, глядя на внучку и слушая её! Кроме него только Судзуси сможет оценить искусство Инумия. ‹…›

Ночью навалило много снега, и перед домом пруд, канавы и деревья казались очень красивыми. Сугробы были вышиной в два сяку. «Никогда в последнее время так много снега не выпадало. Как же ходить по такому снегу?» — говорили дамы между собой.

— Ах, и раньше бывало подобное, — вспоминала госпожа. — Как-то раз выпало много снега, и я говорила Накатада: «Зачем тебе выходить из дому?» — но он меня не слушал и отвечал: «Так и быть, в горы я не пойду, но пойду на реку». И не обращая внимания на мои просьбы, шёл по снегу.

Чистые слёзы, как капли дождя, лились на её рукав. Думая, что слёзы не к добру, она пыталась сдержаться, но не могла и тихо произнесла:

— Стыла гора.
На замёрзшую реку
Наметало сугробы.
Но градом катились
Горячие слёзы.

— Не плачь, — сказала ей Инумия. — Я тоже хочу плакать, но ведь терплю же.

— Ты, наверное, тоскуешь по матери. О чём ты думаешь? — спросил её отец.

— Уже выпал снег, а я всё ещё не видела её, и мне очень грустно. Вы говорите: «Не плачь!» Но в такой день матушка из снега сделала бы горку, и мы бы вместе со Второй принцессой весело играли.

Казалось, она вот-вот заплачет, но Накатада чем-то развлёк её ‹…›.

Она была очень красива в тёмном платье из лощёного шёлка и в накидке с прорезами из китайского узорчатого шёлка светло-коричневого цвета на тёмно-красной подкладке.

Накатада велел сделать снежную горку, и Инумия пошла показывать её своим куклам.

Накатада же отправился к жене, но она, как обычно, не впустила его в свои покои. Грустный, он побрёл к Судзуси.

— Я совсем закоченел, — сказал он, входя к другу.

— В самом деле, жестокий мороз. Запасся ли ты всем необходимым на этот случай? — засмеялся тот. — Но сними сначала свою одежду. — И он повесил мокрую одежду Накатада на ширму.

— Ах, как чудесно! — воскликнул Накатада. — Ты заботишься обо мне, как о своей жене!

— Люди высокого положения, возможно, и могли бы заботиться о тебе, но я, ничтожный… — пошутил Судзуси.

Он велел развести огонь в длинной жаровне, и сняв с вешалки пятислойное платье, вручил его Накатада со словами:

— Надень это чистое платье.

— Как всегда, жена моя очень раздражена, — рассказывал Накатада. — Если бы она была немного более взрослой! У неё ужасный характер. Но оставим это. Сегодня такая необыкновенная ночь, что хочется не спать до рассвета. Почему ты в последнее время ведёшь себя по отношению ко мне словно посторонний? Будем друг с другом, как мы были всегда.

— Где же вы, госпожа Соти? — позвал Судзуси прислуживающую даму. — Нам всё ещё не подают есть. Ведь уже давно свечерело, приготовьте нам еду. Госпожа Тюнагон! Поскорее идите сюда. Неужели она куда-то ушла?

— Ах, как это неожиданно! — отозвалась Соти. — Вы меня зовёте, а я, право, в растерянности…

Она надела роскошное платье необычайно красивого цвета, и поставив переносную занавеску в три сяку высотой, появилась на коленях перед господами. Красивые служаночки в нарядных штанах расставили лампы и принесли, столик с едой для гостя.

Накатада, думая, что госпожа Соти стыдится его, стал смотреть в сторону. Судзуси очень ценил её, она была дочерью старшего советника министра, Судзуси относился к ней не так, как к другим, и никогда не заставлял прислуживать за столом.

Из дальних покоев появилась госпожа Тюнагон и принесла столик с едой для хозяина. Юные служаночки, вошедшие с ней, были очаровательны. Но взор Накатада привлекли взрослые дамы, которые были так красивы, что трудно было кому-либо из них отдать предпочтение. ‹…› Все засмеялись. Внесли столики с фруктами. Кончив есть, Накатада и Судзуси стали укладываться спать.

— Принесите постель, которая бы не пахла грудными детьми, — распорядился Судзуси.

Слуги из китайских сундуков достали спальные принадлежности, пропитанные благовониями. Господа переоделись в ночное платье, и между ними завязался долгий задушевный разговор.

— Мне очень хочется услышать, как играет на кото твоя мать, устрой как-нибудь, чтобы я мог послушать её. Мне хотелось бы услышать также, как ты учишь Инумия. Если вы занимаетесь с ней ночами… — начал Судзуси.

— Это очень легко устроить. А чему ты учишь свою дочь?

— Я хотел учить её игре на кото, но у неё нет способностей, и я решил оставить свою затею. Меня это удручает, но ничего не поделаешь, буду учить её чему-нибудь другому.

— Очень жаль! Плохо, если она не будет играть на кото. Хочешь, я сам буду учить её. Я буду учить её так же, как учу Инумия; хотя результаты, может быть, и не будут одинаковыми…

— Не стоит её учить! — промолвил Судзуси.

— Разрази меня гром, если я лгу. Я говорю совершенно искренне.

— Что ты будешь учить её тайнам мастерства, я тебе верю. Но можно и не тратить силы на обучение моей дочери. Она страшно некрасива, а рядом с Инумия произведёт ещё худшее впечатление.

Про себя же Судзуси подумал: «Накатада уверен, что у него замечательная дочь, и я это знаю. Но как говорила распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц, моя дочь только чуть-чуть уступает несравненной Инумия. Такая внешность, как у моей дочери, встречается нечасто. Она совсем не безобразна. Я вижу, что он смущён и очень хочет увидеть мою дочь. Как же быть?» Наконец он произнёс:

— Я очень ясно видел Инумия…

— Дорогой мой! Покажи мне свою дочь. Распорядительница из Отделения дворцовых прислужниц говорит, что нельзя понять, красив ли новорождённый ребёнок или нет. Но она прибавляет: «Когда я смотрю на Инумия, мне хочется смотреть на дочь Судзуси. А когда я смотрю на последнюю, мне очень хочется смотреть на Инумия и сравнивать их. Я уверена, что и в будущем обе будут красавицами, не уступающими друг другу…» Разве мы с тобой не связаны дружбой? — говорил Накатада просительным тоном.

— Раз я случайно видел Инумия… — сказал Судзуси. — Но как нехорошо, что распорядительница своими разговорами разжигает тщеславие у людей. Кажется, сейчас моя дочь вместе со своей матерью занимается рисованием.

— Самый удобный случай! Тихонько проведи меня туда и дай

взглянуть на неё!

— Забавно! Неужели ты считаешь меня таким простачком? — засмеялся Судзуси. — Но так и быть, я уступлю тебе. Но знай, что на мою дочь я не разрешаю взглянуть даже моим шуринам. — Он поднялся и быстро прошёл в задние покои.

Как он и говорил, девочка занималась рисованием. Отец взял её на руки, отнёс на некоторое расстояние от светильника и посадил там. Она была очень стройна, фигурка и головка — само изящество.

— Иди же сюда, — позвал её Накатада.

Девочка же, сконфузившись, поднялась и пошла к отцу. Она была такого же роста, как Инумия, но волосы её не достигали до пола. Она казалась более хрупкой, чем Инумия, но серьёзнее и красивее её. Накатада хотелось долго на неё любоваться.

— Ну вот, — произнёс Судзуси, взял дочь на руки и поднялся.

— Мне хочется рассмотреть при свете её лицо, — стал просить Накатада.

— Ну, нет, такого я не могу позволить! — И Судзуси унёс девочку.

Она была прелестна в тонком синем платье из узорчатого китайского шёлка, и волосы её напоминали пушистые колосья мисканта. Лицо было совершенно очаровательно. Когда она спокойно рисовала при свете лампы, то казалась настоящей красавицей.

Судзуси торопливо унёс её в задние покои.

«Инумия не кажется такой взрослой, но она столь грациозна, что сравнить с ней некого», — думал Накатада.

Узнав об этом происшествии, Имамия страшно рассердилась.

— Неслыханно! Как ты мог на это пойти? — воскликнула она.

Судзуси, посадив дочку на прежнее место, попытался возвратиться к другу.

— Ты, наверное, совершенно потерял рассудок, — продолжала его жена. — Разве можно показывать свою дочь генералу? Лучше бы ты выставил её перед толпой посторонних людей. Разглядывал ли он её лицо?

— Она мне такого наговорила, — смущённо рассказывал он другу, — смотрела на меня с презрением и очень рассердилась. Я всегда рассказываю ей небылицы, и всё из-за тебя.

— Не беспокойся, дорогой мой! — успокоил его Накатада. — Дочь твоя вырастет красавицей. Они с Инумия родились в один и тот же год, а волосы у твоей дочери длиннее. Лицом она так же красива, как Инумия. Я думаю даже, что красивее. У твоей дочери нет ни одного изъяна. У кого ещё есть такая замечательная дочь?

— Дочь Тададзуми очень красива.

— Пусть даже так, но кто о ней знает?

В таких разговорах прошла ночь.

— Ты мне оказал неслыханную милость. Чем я тебя отблагодарю? — спросил Накатада друга на прощание.

— Мне ничего не надо. Я прошу только об одном — дай мне услышать, как играет на кото твоя мать. Мне хочется услышать всё, что она знает. А ещё я хочу послушать, как вы учите Инумия и как вы играете все вместе.

— Это очень просто осуществить, — ответил Накатада.

Они поговорили ещё некоторое время, и Накатада поспешил к Первой принцессе.

Постучав в решётку её спальни, он произнёс глубоким голосом:

— Пока птенец
В гнезде остаётся,
Утка в зимнюю ночь
По волнам
Скитаться должна.[375]

Ах, какие несчастья пришлось мне испытать этой ночью!

Она услышала его, но будучи на него сердита, ничего не ответила.

Так проходило время, и он часто вспоминал прошлое. Судзуси же думал: «Какой нелепый разговор!» — и ничего не говорил.[376]

* * *

В двенадцатом месяце обучение шло немного медленнее.[377] Накатада, ещё не научившись на горьком опыте, велел передать Первой принцессе: «Нехорошо, если новый год тебе придётся встречать одной. Я хотел прийти к тебе, но подумал, что ты будешь беспокоиться об Инумия, оставшейся в старой усадьбе Инумия». «Мать моя сумела добиться разрешения отлучиться из дворца, и мы проведём новогодний вечер вместе. Поэтому привези сюда Инумия, пусть она не выходит из экипажа — я хоть посмотрю на неё», — ответила она. «Это неудобно, ведь здесь

соберётся много принцев!» — не согласился на это Накатада.

Год подошёл к концу. Из поместий Накатада, расположенных в разных провинциях, привезли шёлк и вату. Слугам высших и низших рангов сверх обычного положили богатое вознаграждение. Госпоже Дзидзюдэн преподнесли множество очень красивых подарков. Накатада отправил богатые дары на Третий проспект своим родителям, Третьей принцессе и другим жёнам Канэмаса. Мать Накатада и госпожа Сайсё преподнесли друг другу изящные подарки. Посыльным, доставившим их, вручили накидки с прорезами из синего узорчатого шёлка. Подношения прибывали отовсюду, и все посыльные получали награду. На широком дворе разложили всё присланное, среди прочего было около трёхсот разных птиц. Двор стал неузнаваем. Кроме того, господа получили разнообразное охотничье снаряжение.

Рассматривая подарки, мать Накатада думала, что таких великолепных вещей не бывало в доме министра. Подарки от отрёкшегося императора Судзаку и наследника престола были роскошными.

Накатада не забыл послать дары Накаёри и святому отцу Тадакосо.

В первый день первого месяца Накатада нанёс визит царствующему императору, отрёкшемуся от престола императору Судзаку, наследнику престола и отрёкшемуся от престола императору Сага со старой императрицей. Свита Накатада была великолепна, и придворные дамы смотрели на него с завистью. Затем Накатада явился к Первой принцессе и поздравил супругу Масаёри и госпожу Дзидзюдэн.

— Я с молодых лет прислуживаю императору и на обычных людей никогда не обращала внимания, — сказала Дзидзюдэн. — Но глядя на этого генерала, я не только не испытываю к нему снисхождения, но начинаю стыдиться самоё себя. Когда я смотрю на него, мне кажется, что жизнь моя удлиняется.

Когда Накатада вошёл к Первой принцессе, она поспешно удалилась в покои госпожи Дзидзюдэн. Накатада обиделся и спросил:

— Что случилось?

— Сестрица сказала, что пока Инумия не возвратится домой, она не будет видеться с вами, — ответила Вторая принцесса. — Она так решила ещё осенью прошлого года. Она говорит, что боится, как бы слухи об этом не дошли до Фудзицубо. Принцесса очень на вас сердита.

— Твоё поведение просто возмутительно, — сказала Первая принцесса мужу. — Как я была бы рада, если бы ты сам находился на моём месте. Ты не чувствуешь, как я тоскую. Не удивительно, что ты не разрешаешь мне навещать вас.

— И я могу во многом упрекнуть тебя, — усмехнулся Накатада. — Но к чему начинать браниться в первый день нового года? Это дурная примета. Я ещё раз приду завтра и выслушаю тебя.

— Все, у кого тонкая душа, думают так, как я. Поспеши же на проспект Кёгоку, — прогоняла его жена, но он лёг рядом с ней.

Накатада велел принести принцессе три подноса с фруктами, но она и не притронулась к ним.

Вскоре Накатада ушёл от неё и отправился к Судзуси.

Тот вышел к нему навстречу и спросил:

— Ты был у жены? Как она тебя встретила?

— Никак не встретила. Она очень сердится, и я поспешил уйти от неё, — ответил Накатада.

— Очень это прискорбно, — посочувствовал ему друг. — Так ты и не видел принцессу?

— Прогнала меня в другую комнату, наговорила пренеприятных вещей. Отвратительный характер, становится просто противно, — вздохнул Накатада.

— Ты ведь помнишь то время, когда речь шла о назначении наследника престола, — промолвил Судзуси. — Они ни во что не ставили даже государя…

— Ужасно, что у неё такой же характер, как у всего семейства Масаёри, — вздохнул Накатада. — Но есть кое-что, что нам поможет справиться с этой семьёй.

*** * ***

Масаёри объявил, что этот год является для него несчастливым[378] и что он не будет устраивать большого пира во второй день первого месяца.[379] «Как нам быть?» — недоумевали Тадамаса и Канэмаса. «Какой скучный новый год!» — говорили в связи с этим сановники.

В день крысы, незадолго до конца месяца, многие домочадцы Тадамаса и Канэмаса отправились в горы.[380] День был тихий, множество молодых людей и подростков, нарядно разодетых, гуляли по горам и сочиняли стихи. Их можно было видеть с башен усадьбы.

В конце второго месяца в башне возобновились занятия на кото.

Деревья на горах покрылись свежей листвой, показались цветы. Вид

был удивительно хорош.

Наступил праздник третьего дня третьего месяца. Инумия становилась всё серьёзнее, она выглядела совсем взрослой. Ей поднесли красиво накрытый поднос с едой.

В тот год вишни цвели особенно пышно, и казалось, что башни плывут в их цветах.

Неподалёку среди цветов слышалось пение соловья, и девочка стала тихонько вторить ему на кото.

— Как заслышу
Из пены цветочной
Соловьиное пеньё,
Милую матушку
С тоской вспоминаю… —

сложила она. Отец, слушая её, был охвачен глубокой печалью, а девочка, стесняясь того, что её услышали, покинула комнату.

В четвёртом месяце во время праздника Камо мальва и багряник были очень красивы и внушали возвышенные чувства. Жрец из храма Камо, имевший пятый ранг, преподнёс матери Накатада цветы мальвы и ветви багряника. Ему послали подарки. Накатада велел дамам четвёртого и пятого рангов красивой наружности прикрепить священные дары на занавесь в покоях матери. На бледно-зелёной бумаге она написала:

«На занавеси жемчужной
Дивная мальва.
И чувствую,
Как исчезают
Мрачные думы…»

Накатада ответил ей:

«Пока не видел,
Как рядом с багряником лунным

Мальва цветёт, —
Сердце блуждало
Словно во мраке ночном.

Я всё время думаю о ветках багряника, которыми украсили твои покои».

И он, и мать почувствовали при этом глубокую грусть.

На праздник пятого дня пятого месяца Канэмаса послал им подарки, а также Первой принцессе и госпоже Дзидзюдэн. Накатада, выбрав великолепные подношения, послал их госпоже Дзидзюдэн. Он всем, от принцев до низших чинов, преподнёс очень красивые подносы. Как обычно, архивариус доставил из дворца дары матери Накатада.

В том месяце беспрерывно лил дождь. В пятый день, под вечер, капли дождя тихо падали на землю. Невнятно слышался плач кукушки. Сквозь тучи неярко светила луна. Трое музыкантов неторопливо играли на кото, звуки были чарующими. Все, кто жил в усадьбе, собрались в павильоне над источником и внимали музыке. Среди них многие были довольно опытны в игре на этом инструменте, но и они не могли различить на слух, кто из трёх музыкантов играет лучше. Пьеса окончилась, и всё стихло. Затем музыканты сели за другие инструменты и заиграли пьесу, соответствующую этому времени года. Уверенные звуки раздавались громко и, казалось, проникали даже под землю. Слушатели были потрясены.

В шестом месяце наступила жара, но с гор, поросших высокими деревьями, дул свежий ветер, и в башне было прохладно. Инумия носила белое платье из тонкого шёлка. В последний день месяца госпожа и Инумия в сопровождении большой свиты вышли на берег реки и выполнили церемонию очищения.

В это время Канэмаса, взяв с собой сына Насицубо, тоже отправился на реку. Они приблизились к дому Накатада и заметили неподалёку шатёр госпожи и Инумия. Сын Насицубо, играя с сыном госпожи Сайсё, сказал: «Давай войдём в шатёр» — и подняв полотнище, вошёл внутрь. Там за переносной занавеской высотой в три сяку находились госпожа и Инумия. Принц, заглянув за занавеску, неожиданно очутился с Инумия лицом к лицу. Она сразу же отвернулась, а бабка её, увидев принца, встревожилась.

«Ах, как нехорошо получилось. Он пришёл сюда, думая, что Накатада здесь. ‹…›» — решила она.

Госпожа показалась из-за занавески, но она не могла бранить принца.

Разложив подушки, она пригласила мальчиков сесть.

— Вы видели кого-нибудь? — спросила она.

— Там ничего не видно, — спокойно ответил принц.

Он был очень рассудителен, вёл себя как взрослый, и госпожа подумала, что вряд ли он станет рассказывать о том, что произошло. Принц же про себя думал: «Я видел маленькую девочку. До сих пор я не видел таких красивых. Она так хороша собой, что мне хочется увидеть её ещё раз. Если бы я мог играть вместе с нею!» Такие желания переполняли его сердце, но он молчал.

Инумия же огорчалась, что матушка видеть её не может, а тут её увидел пусть и мальчик, но всё-таки мужчина. Она думала об этом почти со страхом.

Госпожа усадила гостей возле себя и угощала их фруктами, но они ели мало. Оба мальчика были очень красивы.

— Ах, посмотри, как птицы садятся на воду! — сказал сын госпожи Сайсё своему товарищу.

Госпожа следила, чтобы принц не увидел ещё раз Инумия, но её опасения были напрасны. В шатре появился Накатада, и дети вскоре ушли.

— Я испугался, не вошёл ли к вам этот неугомонный принц прямо за занавеску, — сказал Накатада.

Госпожа не знала, что ответить.

Госпожа и Инумия до вечера смотрели, как ловят рыбу с помощью бакланов, и потом вернулись к себе, а Накатада проводил отца и лишь тогда возвратился в старую усадьбу.

*** * ***

Седьмого дня седьмого месяца Инумия должна была мыть волосы. На юг от башни между камней бил источник, и там над потоком был раскинут шатёр. Туда пришли Инумия с госпожой, которая тоже решила мыть волосы. Вокруг не было ни души, но тем не менее со всех сторон вокруг шатра повесили полотнища. Прислуживали две кормилицы, одетые в накидки, а помогали им юные служанки. Ещё совсем недавно волосы Инумия не достигали пола, что беспокоило её родителей, но сейчас они касались земли. Она очень похорошела лицом и можно было подумать: «Уж не небожительница ли это спустилась на землю?»

По случаю праздника встречи звёзд дом внутри разделили на

отдельные помещения. Госпожа подумала: «Сегодня, играя на кото, мы совершим приношение звёздам.[381] Здесь никого посторонних нет». ‹…›

Когда стемнело, Судзуси, одетый в охотничий костюм, подъехал верхом к усадьбе и велел слуге приготовить ему место на склоне южной горы, где росли сакаки. Он положил зонтик в дупло дерева, сел и стал ждать, подперев щёку рукой.

Потянуло прохладным ветром, и госпожа сказала: «Давайте начнём». Она села за хаси-фу, Инумия посадила за хосоо-фу, а сына за рюкаку-фу, и все трое совершенно слаженно заиграли выбранное произведение. Неслыханные в мире звуки поднимались до самого неба. Казалось, музыканты играют не только на кото, но что ещё звучит множество барабанов и духовых инструментов. Музыка была изумительно красива, и Судзуси казалось, что его душа возносится в небеса. Звёзды сместились, загрохотал гром, засверкала молния. Судзуси в страхе не знал, что ему делать, но и уйти, не дослушав до конца, он не мог. Он велел сопровождающему его помощнику военачальника Левой дворцовой стражи обнажить меч, а сам продолжать слушать. Внимая дивной музыке, в которой сливались необычайной красоты звуки, он чувствовал, как жизнь его удлиняется, и ему казалось, что он созерцает всё великолепие мира. Страх охватил его, но возвратиться домой он уже не мог. Помощник военачальника внимал музыке, глядя в небо. Вдруг вышина озарилась ярким блеском, показалась луна и прямо над башней высоко в небе сверкнула молния и раздался удар грома. Вокруг луны собрались звёзды. Ветер принёс с собой неведомые в мире благоухания. Слушатели словно очнулись от сна оцепенения. Они ни о чём не думали, лишь слушали музыку, подняв глаза к горе. Вокруг усадьбы всё более и более распространялись редкостные ароматы. Трое музыкантов играли в покоях Накатада. Когда они смотрели вниз, сад в лунном сиянии казался им усеянным жемчужинами росы. Звуки музыки были точно прозрачными. Поскольку госпожа играла на инструменте, который мог звучать громче всех других, она не играла в полную силу, а только слегка касалась струн. Вокруг луны появились причудливые облака. Когда звуки музыки становились громче, луна, звёзды и облака приходили в движение; когда музыка затихала, в небесах воцарялся покой. Судзуси не мог наслушаться. Казалось, что и яркая луна внимала дивным звукам.

Было далеко за полночь, и музыканты перестали играть. Затем Накатада для собственного удовольствия заиграл на флейте. В тонкой гармонии с удивительным пейзажем полные печали звуки производили необыкновенное впечатление. Потрясённый звучанием флейты, Судзуси

думал: «Раньше я играл на этом инструменте не хуже его. Я думал, он не особенно любит играть на флейте, а оказывается, что он виртуоз несравненный». Судзуси был совершенно изумлён.

Время близилось к рассвету. Небо дышало спокойствием. Всё было тихо.

Среди стихов, сочинённых Тосикагэ, были такие, в которых он повествовал, как из Танского государства попал в неизвестные края, как шёл по безлюдным дорогам, как в удивительных по красоте местах распускались цветы всех четырёх времён года, как он проходил через лес, который кишел страшными существами, и как, бредя по тропам, он погружался в долгое раздумье и голосом, полным печали, читал стихи, а после своего возвращения на родину наблюдал обветшание своего дома. Обо всём этом Тосикагэ сочинял стихи. Даже среди тех, кто не знал всех обстоятельств его жизни, не было ни одного человека, который не проливал бы слёз, слушая его стихи, а тем более сейчас, когда их читал Накатада в старой усадьбе. Всё вокруг было полно очарования, начиная с самого голоса Накатада, и Судзуси от восхищения проливал слёзы, так что рукава его верхнего платья стали совершенно мокрыми. И звуки кото, и звуки флейты глубоко проникли в его душу. Судзуси был погружён в глубокое раздумье, когда наконец всё стихло, и он с сожалением отправился домой. По дороге Судзуси размышлял о том, что мир наш непрочен. Его сердце охватила печаль, он вспоминал о своей жизни в провинции Ки и о том, что произошло с ним потом.

Накатада лёг спать. Мать его сидела, касаясь руками кото, и задремала. Перед ней предстал Тосикагэ и сказал ей: «Сегодня я услышал редкостные по очарованию звуки старой музыки. И звуки кото, на котором играл Накатада, были великолепны и полны печали. Сегодня к вам придёт один человек, примите его». Она хотела ему ответить, но в тот же момент проснулась и горько заплакала. Накатада ещё не спал и, встревоженный её плачем, вошёл к ней.

— Мне приснился очень печальный сон, — сказала она ему. — После смерти отца я очень убивалась. Всё время скорбя, я просила богов дать увидеть его хотя бы во сне. Но он мне ни разу не приснился, а сейчас я увидела его. Отец в своё время говорил мне, что из всех кото самые замечательные нан-фу и хаси-фу, и особенно дорожил ими. Я играла на хаси-фу, когда мы с тобой хотели выйти из дупла дерева,[382] и вчера играла на нём. Отец услышал эти звуки. Он слышал и то, как ты читал его скорбные стихи. Ах, как всё это печально! — плакала она.

Накатада при мысли, что дед слышал, как он читал стихи, был охвачен

печалью и заплакал вместе с матерью. Это было так естественно.

— Кто же должен посетить нас? Может быть, это был пустой сон? Но всё равно, как хорошо, что ты увидела своего отца, — говорил он матери.

Утром Накатада предупредил стражников у ворот:

— Чем бы я ни занимался, как только покажется кто-нибудь, сразу же доложите мне.

И он лёг спать в помещении неподалёку.

В час курицы[383] к восточным воротам усадьбы подъехал верхом некто в сопровождении четырёх подростков. Всадник спешился, один из мальчиков подошёл к стражнику, который сидел у конюшни напротив ворот, и спросил его:

— Чья это усадьба?

— Это дом генерала Личной императорской охраны.

— А кто раньше жил в этом доме?

— Глава Ведомства гражданского управления.

Подросток вернулся к своему господину со словами: «Пожалуйте сюда». Всадник подошёл к воротам.

— Дорогой мой, как меня обрадовал ваш ответ, — сказал он. — А сейчас здесь живёт потомок главы Ведомства гражданского управления?

— Именно так. Генерал — его внук.

— Пожалуйста, позовите старого управляющего или служанку из кухни. Прошу вас, передайте им, что прибыл слуга, который когда-то служил в этом доме. Я буду рад всю жизнь служить новому господину, — сказал прибывший.

Когда Накатада доложили о незнакомце, он задумался: «Что бы это значило?» Он велел прислужницам перейти из главного помещения во флигель, а потом распорядился:

— Пригласите этого человека сюда.

Прибывший с радостью предстал перед ним в сопровождении четырёх подростков, которые были очень красивы, ростом немного ниже четырёх сяку, с длинными, до колен волосами — все как на подбор, и одеты они были чисто. Мужчина тоже был хорошо одет, держал веер, как жезл, — сразу было видно, что он из благородного дома. Было ему лет сорок.

Накатада с матерью расположились в передних покоях с северной стороны. Когда мужчина увидел генерала, он показался ему так красив и благороден, что прибывшего охватил страх, и он не решался подняться по лестнице. Накатада очень любезно пригласил его:

— Пожалуйте сюда.

И прибывший наконец повиновался.

— Откуда вы приехали? Кого хотели видеть? — спросил Накатада.

— С вашего разрешения я обо всём подробно расскажу. У покойного главы Ведомства гражданского управления была служанка по имени Сагано.[384] Я её родственник.

Мать Накатада через ленты переносной занавески взглянула на мужчину и ясно вспомнила, что тогда ему было лет десять. В её душе ожили воспоминания о прошлом: как она жила в разрушенном доме и как Сагано, которая, несмотря на свой возраст, была очень крепкой, носилась повсюду, готовя всё необходимое к рождению Накатада. Этот мужчина был родственником Сагано, которой госпожа была так обязана. Часто потом приходилось ей сокрушаться: «Ах, если бы Сагано была не так стара и до сих пор оставалась в живых!»

— Я слышала, что у неё были дочери, — промолвила госпожа.

— У неё было три дочери. Старшая уже умерла, две других ещё живы. В провинции Ими служил чиновником третьего класса некий Ёсимунэ Токимоти. Он и его младший брат, тоже чиновник третьего класса, служивший в Правых императорских конюшнях, женились на сёстрах. В позапрошлом году — не знаю уж, отчего — оба брата скончались. У каждого из них было два сына, они прибыли сюда со мной.

Я служил в конюшне отрёкшегося императора Сага и был в то время чиновником третьего класса при правителе провинции Нагато. Зовут меня Токимунэ. Я жил в провинции Сэтцу. Вторая и третья дочери Сагано, потеряв мужей, переехали в прошлом году вместе с сыновьями жить ко мне. Эти мальчики не так уж необразованны. Матери их говорили: «Мы воспитали их достойным образом, и надо отдать их на службу в столицу, в благородный дом». До прошлого года они носили траур по родителям и оставались дома. Как раз в это время в государственных храмах не хватало подростков, и священнослужители хотели взять к себе именно этих мальчиков, но матери их не пожелали, чтобы они приняли монашество. Обо всём было доложено правителю провинции, и жить нам стало невмоготу — священнослужители вместе с местными властями принялись обвинять нас в различных преступлениях и в конце концов погубили наш дом. Матери этих подростков говорили: «Но есть, наверное, на свете люди, которые могли бы спасти нас». Бабка мальчиков с молодых лет служила у знатных господ. Сама она была из простых, но служила у покойного господина в этом доме до последнего дня его жизни. Она даже о собственных детях как следует не заботилась и всю жизнь посвятила своему господину. Но никому из нашей семьи знать её господ не довелось — и как мы об этом горевали! Дочери её говорили, что в прошлом дом

господина процветал в течение многих поколений. Итак, я, скорбя о положении семьи, с надеждой в душе отправился в столицу. В конце жизни Сагано часто грустила, она была нездорова, и ей хотелось жить со своими дочерьми, но в доме её господина осталась одна-одинёшенька его дочь, у которой родился ребёнок и которая очень нуждалась, — Сагано не могла покинуть её. А сама она всё надеялась, что скоро поправится, да так и скончалась в столице.

Рассказ Токимунэ пробудил в душе госпожи множество воспоминаний, грудь её сдавила печаль, из глаз полились слёзы. В своё время она рассказывала о Сагано своему сыну. Он сразу вспомнил старую служанку и был очень рад приезду Токимунэ.

После некоторого колебания госпожа сказала:

— Вы повествуете о таких печальных событиях, что мне стало очень грустно. Да и можно ли сдержаться, слушая ваш рассказ о Сагано. Но никому больше не сообщайте этих подробностей. Вы явились к нам от Сагано, и я буду относиться к вам так, как относилась к ней. Мы не оставим вас, мой сын — генерал. Не веришь своим ушам, слушая о всех ваших мытарствах. Мой сын немедленно пошлёт посыльного к правителю провинции Сэтцу. Жаль, что вы не обратились к нам раньше и беззакония длились так долго. Я не знала, где живут дочери Сагано, и хотя мне хотелось навестить их, исполнить этого я не могла. Я очень рада ‹…›. Вы хорошо сделали, что прибыли к нам.

В молодости Токимунэ был очень красив и служил в благородном доме. Хотя он прибыл прямо из провинции, в нём ничего деревенского не было. У него были хорошие манеры и в выражении лица чувствовалось благородство. У подростков же волосы были тонкими и достигали колен. ‹…›

— Я взял всех детей с собой, — сказал Токимунэ.

— Вы очень хорошо сделали, — ответил Накатада. — Сейчас они именно в том возрасте, когда нужно начинать службу.

Накатада велел детям приблизиться, и Токимунэ позвал их.

— Я хочу разглядеть вас получше. Подойдите поближе, — сказал Накатада.

Внимательно оглядев подростков, он убедился, что они белы лицом и красивы и что во внешности их нет ни малейшего изъяна.

— Замечательные! — воскликнул он. — А есть ли у вас какие-нибудь таланты?

— Двое из них неплохо играют на флейте, двое других любят танцевать, — сказал Токимунэ. — Поэтому-то их и хотели взять на службу

в храм, и нам пришлось нежданно-негаданно испытать ужасные несчастья.

— Вот оно как! Я поселю их всех вместе и прикажу обучать тому, к чему у них лежит душа, — пообещал Накатада.

— Жена Токимоти,[385] чиновника третьего класса в провинции Оми, во времена правления императора Судзаку служила во дворце на кухне. Она должна была быть повышена в чине и получить титул, но, к сожалению, её нечестным путём обошли, и она ничего не получила.

— Это легко исправить. Если она сейчас обратится с просьбой, её удовлетворят, — сказал Накатада. — Но теперь это, может быть, и не нужно, мы вознаградим её иначе. Если дети будут в столице, их матерей я тоже здесь пристрою. Все родственники Сагано могут приехать и будут здесь приняты. Я построю для них жилище недалеко от этого проспекта.

— Не знаю, как и благодарить вас, — промолвил Токимунэ.

— Ни о чём не тревожьтесь, — сказал генерал. — А теперь вам надо поесть.

Принесли угощение.

— Я прикажу правителю провинции Сэтцу заново отстроить для вас дом и полностью обставить его. Там у меня есть земли, пожалованные отрёкшимся от престола императором, и я поручу вам управлять ими, — продолжал Накатада.

Мать его приказала приготовить платья из лощёного узорчатого шёлка, нижние платья из узорчатого шёлка и штаны, а кроме того десять штук шёлка.

— Передайте это дочерям Сагано, которые остались в деревне. Пусть они обязательно приедут в столицу. Я выполню любое их желание, — сказала она.

Токимунэ был очень доволен и беспрестанно благодарил. Генерал вручил ему алое нижнее платье и шаровары из узорчатого шёлка и сказал:

— Наденьте это, когда пойдёте гулять по столице.

Кроме того, генерал вручил Токимунэ двадцать штук шёлка:

— Это для ваших родственников в деревне. А это, — продолжал он, даря двадцать штук ручного полотна, — для тех, кто будет ходить за вашими лошадьми.

Накатада велел слугам из усадьбы на проспекте Кёгоку отправиться в провинцию Сэтцу.

— Они расскажут там обо всём. Вы же пока оставайтесь у нас.

— Мне не терпится возвратиться домой и передать родственникам ваши милостивые слова, — ответил Токимунэ. — В последнее время мы в деревне испытывали всевозможные тяготы, нас несправедливо обвиняли и

наказывали. Мы лили слёзы и не знали, как быть. Но сейчас совершенно неожиданно получили великолепные подарки. Лицезреть вас в таком сияющем дворце, какого раньше мне видеть не приходилось, и служить вам отныне — для меня огромное счастье. Так быстро изменилась судьба!

Токимунэ провели по всей усадьбе, и он был восхищён её великолепием. Ему казалось, что он видит всё это во сне. Затем он уехал домой.

Накатада приказал своим слугам позаботиться о подростках, которых поселили в усадьбе. Они были красивы лицом, любезны и казались детьми придворных. Вечером Накатада вызвал их к себе и попросил поиграть на флейте. Ничего провинциального в игре детей не было, они играли превосходно. «Чудесно!» — подумал Накатада. Затем он попросил мальчиков танцевать. Они всё время упражнялись в этом искусстве и танцевали замечательно. Все в усадьбе, глядя на них, пришли в восторг.

*** * ***

Наступил первый день восьмого месяца. В первых числах девятого месяца было решено возвращаться на Третий проспект, и Накатада захотел пригласить до этого музыкантов и возле западной и восточной башен устроить концерт. С начала восьмого месяца стали готовить подарки. Внуки Сагано выглядели очень хорошо и танцевали так, что лучшего и желать было нельзя. Глядя на них, госпожа с печалью вспоминала о сне, в котором она увидела своего отца. Мальчики наравне с другими готовились к празднику. Из процветающих поместий был прислан узорчатый шёлк и тонкий шёлк. Прислужникам было поручено украсить усадьбу и сделать необходимые приготовления к церемонии. Всё это держалось в тайне от семьи Масаёри. Юные прислужники вместе с внуками Сагано день и ночь упражнялись в танцах. Концерт был назначен на пятнадцатый день восьмого месяца. На нём должна была присутствовать Первая принцесса. Дамам при госпоже и Инумия, которых было около десяти, юным прислужницам и низшим служанкам было приказано приготовить к празднику особенно тщательно веера, шлейфы, китайские платья. Инумия очень изменилась и выглядела совсем взрослой. Она играла на кото не только так же великолепно, как её бабка, но даже немного лучше. Госпожа была очень довольна и теперь уже ничего больше не желала в этом мире. Наступил десятый день восьмого месяца.

* * *

Судзуси отправился к отрёкшемуся от престола императору Сага.

— Очень меня мучает бери-бери, и я думаю совершить паломничество в храм Исияма, — начал Судзуси и продолжал: — Недавно я слышал потрясающую, неслыханную в мире игру на кото. Музыка была полна такой красоты, что я долго оставался в изумлении, и до сих пор душа моя взволнована. Такого звучания я никогда раньше не слышал. Много ещё есть в нашем мире никому неведомых, тайных произведений. Мне хотелось бы, чтобы и вам удалось послушать эту игру. Если бы музыканты заиграли немного громче, то, должно быть, произошли бы ещё более потрясающие явления. Мне не столько хотелось бы иметь все почести и ранги, которыми осыпан Накатада, сколько научиться его необыкновенному мастерству. Никогда перед государем Накатада не читал стихов с такой свободой — в ту ночь он выбрал старые стихи, и голос его звучал настолько красивее, чем обычно, что я не мог сдержать слёз восхищения.

— Это всё необыкновенно интересно! Как бы устроить так, чтобы вволю насладиться его игрой на кото? — промолвил отрёкшийся император.

— За два года Накатада обучил Инумия всем тонкостям мастерства. Пятнадцатого дня этого месяца он приглашает в старую усадьбу музыкантов, и они, разделившись на две группы, будут исполнять музыку. В этот день Инумия выходит из башни, и состоится чудесный концерт.

— Как ты думаешь, возможно ли будет мне в этот день совершить туда выезд? — спросил император.

— Поговаривают, что отрёкшийся император Судзаку тоже собирается в старую усадьбу. В таком случае и вы можете совершить выезд.

— Да, ты прав. А девятого дня девятого месяца на празднике любования хризантемами я велю Суэфуса описать концерт в стихах. Для наград к этому празднику я велел приготовить полные женские наряды, и двадцать из них особенно красивы. Но до того мы сможем послушать удивительное исполнение на проспекте Кёгоку. Мне очень хочется услышать, как играет мать Накатада. Сам Накатада — человек выдающийся. Это семья, в которой невиданное мастерство передаётся из

поколения в поколение, — говорил император.

Вскоре Судзуси ушёл от него.

*** * ***

Отрёкшийся император Судзаку сказал генералу:

— Я в этот день обязательно приду в твою усадьбу. Не надо ничего готовить специально, наоборот, устрой всё как-нибудь незаметнее. Если делать настоящий выезд, очень уж будет хлопотно. А если к тому же Канэмаса явится за мной, мне будет неловко.

«Отрёкшийся император Сага тоже несколько раз изволил сказать, что собирается прибыть к нам, — думал при этом Накатада. — Если я объявлю о выезде обоих императоров, в столице распространится небывалое волнение. Предоставим всё естественному ходу, а пока займёмся подготовкой к приёму государей…»

Он выбрал из произведений деда стихи, сочинённые в землях, лежащих между Танским государством и Индией, и велел приготовить ширмы, на которых приказал написать эти стихи и сделать соответствующие рисунки. Ширмы получились необыкновенно красивыми. Изображения были на китайском узорчатом шёлке, края ширм оклеены парчой, даже задняя сторона была не такой, как обычно. Места для отрёкшихся императоров готовили в главном строении. Занавеси там были окаймлены сверху парчой с узорами из гербов, сиденья для императоров из сандалового дерева были украшены росписью по лаку, золотом, перламутром и драгоценными камнями. Все остальные помещения тоже были прекрасно убраны.

Императрица-бабка обратилась к отрёкшемуся императору Сага:

— Мне уже за семьдесят, и я слышала много разной музыки, но звукам кото я готова внимать снова и снова. Замечательно, что Накатада будет в скором времени играть перед государями. Это виртуоз, каких больше нет. Тогда же будет играть его мать, и нельзя пропустить этого случая. Я обязательно поеду туда с вами.

— Как это ты поедешь? — возразил император, но отговорить её было невозможно.

Пятая принцесса, их дочь, ставшая высочайшей наложницей, сказала:

— Замечательно! Я тоже хочу послушать. Обязательно поеду с вами.

Первая принцесса собиралась в старую усадьбу вместе с матерью

Дзидзюдэн, всеми её семью сыновьями и Второй принцессой. Судзуси рассказывал, как благодаря своей дружбе с Накатада он слушал игру на кото седьмого дня седьмого месяца, и все в столице стремились в назначенный день попасть на проспект Кёгоку, дома не хотел оставаться никто. Желающих послушать музыку было так много, что для их свиты места в усадьбе не нашлось. В главном помещении передние покои с западной стороны были отведены для императрицы-бабки, передние покои с северной стороны — для Масаёри, его супруг и госпожи Дзидзюдэн. Для Фудзицубо особо устроили восемь мест, а рядом с сиденьем для супруги Масаёри — пять мест для их дочерей. Поскольку все в столице стремились попасть в усадьбу, то многим приходилось отказывать: «Генерал сожалеет, но никак невозможно». «Ах, какая незадача! Так нам никогда и не удастся послушать их. И до чего будет обидно, если мы сейчас не услышим этих виртуозов, подобных которым в нашем мире нет», — говорили в столице, и все пытались так или иначе обеспечить себе место на проспекте Кёгоку.

В передних покоях с восточной стороны Накатада предполагал посадить Инумия, свою мать и госпожу Дзидзюдэн.[386] Четверо сыновей Масаёри от первой жены и семеро от второй не оставляли отца в покое, и он ломал голову: «Ах, если бы найти хоть щёлочку!» Он отправился к Накатада, чтобы выпросить места, но тот ответил:

— Как вы сами видите, свободных мест нет, — что же я поделаю?

Услышав о предстоящем концерте, Фудзицубо послала отцу записку: «Я хочу поговорить с тобой с глазу на глаз».

— И она туда же, — сказал Масаёри жене. — Конечно же, она хочет поговорить о концерте. Что я могу сказать? Если будет высочайшая воля, тогда пожалуйста. Но если она хочет отправиться туда тайно, как мне быть? Очень уж это затруднительно. Похоже, у нас будет нелёгкий разговор. Однако придётся идти. Но если даже Фудзицубо и отправится на проспект Кёгоку, тебе туда ехать не надо.

— Я сделаю так, как ты скажешь. Но мне будет очень жаль, если я не услышу музыку, о которой так долго мечтала. Говорят, что сама жена Канэмаса будет играть, и если я пропущу эту возможность, то когда ещё я смогу её услышать? — ответила она.

— И ты о том же! — проворчал Масаёри и отправился во дворец.

Не успел он усесться, как Фудзицубо заговорила:

— Я всегда думала, что мне было бы лучше выйти замуж за Накатада и быть самой обыкновенной женщиной. Но ты отдал меня на службу императору, и мне суждено испытывать одни муки. Остальные свободно отправляются слушать музыку, которую им хочется услышать. Какое

счастье с лёгким сердцем слушать и видеть то, что тебе хочется! В пятнадцатый день Инумия и мать Накатада будут играть на кото, оба отрёкшихся императора поедут туда, это должно быть несравненное исполнение, даже императрица-бабка собирается на Кёгоку. Только я, несчастная, не могу быть там! — Она залилась горькими слезами.

— Странные речи, — ответил Масаёри. — Если ты сможешь услышать это удивительное исполнение, я буду только рад. И императрица-бабка обязательно будет там. Но что делать, если в тот день тебе объявят, что ехать тебе нельзя? Государь даст тебе разрешение?

— Думаю, что он мне не откажет. Вчера вечером я умоляла его об этом, и он не сказал, что, мол, знать ничего не хочет. На этот раз кто бы что ни говорил, я всё равно поеду.

В это время в покои вошёл император, и Масаёри спрятался, чтобы не попадаться ему на глаза. Фудзицубо успела шепнуть ему:

— Завтра вечером обязательно приезжай за мной.

— Хорошо, — ответил Масаёри и покинул её.

Фудзицубо снова принялась настойчиво умолять императора о разрешении отлучиться из дворца, и он наконец сказал:

— Что ж, поезжай! Но если ты поедешь туда, то там и оставайся. Ведь из всех, кто был влюблён в тебя, тебе больше всех нравился Накатада.

— Если бы туда не ехало так много народу, если бы я одна отправилась туда, тогда можно было бы подозревать меня. Но там соберутся все, начиная с императрицы-бабки, — урезонивала Фудзицубо императора.

— Вряд ли ты говоришь правду, — ответил император. — Если бы императрица-бабка возымела такое желание, то как только она сказала бы об этом, все принцессы устремились бы на проспект Кёгоку. Но может быть, это правда — вряд ли найдётся хоть кто-нибудь на свете, кто не хочет услышать, как играет мать Накатада.

*** * ***

Санэтада всё ещё вёл замкнутый образ жизни, но узнав о предстоящем событии, написал Накатада письмо:

«Если состоится этот ночной концерт, мне хотелось бы, не привлекая ничьего внимания, прийти к тебе.

В мире, который
Никак не могу
Я оставить.
Нет ничего, что хотел бы
Больше, чем кото, услышать.

Можно ли мне прийти?»

Накатада, прочитав это письмо, подумал: «Его-то нужно пригласить прежде, чем кого-либо другого» — и с радостью написал другу:

«Получил твоё письмо. Дорогой мой, я давно ничего не имел от тебя и очень обрадовался, когда пришла эта весточка. Поистине,

Сколько б ни жил я,
В мире, с которым
Расстаться не в силах,
Никого не увижу другого
Кто б мне принёс утешенье.

Говоря по правде, мир кажется мне печальным и унылым, и я в течение нескольких месяцев занимался тем, что учил Инумия музыке. Незаметно присутствовать в этот день будет невозможно, но я очень хочу, чтобы ты пришёл к нам. ‹…›»

*** * ***

В столице только и было разговоров, что о концерте пятнадцатого дня, который, как предполагали, станет небывалым событием, поэтому важные особы с семьями всеми силами старались попасть на него. Поговаривали, что отрёкшиеся от престола императоры будут присутствовать там тайно, но что Накатада самым тщательным образом готовится к их приёму; буквально все принцы и сановники собирались в тот день на проспекте Кёгоку, и даже неимущие и незнатные господа думали: «Что-то там будет? Как бы и мне посмотреть?»

Третья принцесса, жена Канэмаса, объявила, что поедет в старую

усадьбу вместе с Насицубо. Императрица-бабка хотела отправиться туда как можно раньше. В четырнадцатый день, к вечеру, высочайшие наложницы отрёкшегося императора Сага и обе супруги Масаёри прибыли на Кёгоку в сопровождении одного взрослого слуги и двух юных служанок. Экипажи прислуживающих дам не могли поставить близко к дому, как того требовал обычай, и их отвели к южной горке. Сыновья и дочери Масаёри, сидя в экипажах, говорили: «Но мы хотим видеть и то место, где будут исполнять музыку. Мы хотим видеть, как Инумия выйдет из башни». Одиннадцать сыновей Масаёри прибыли в одиннадцати позолоченных и украшенных листьями пальмы арека экипажах, их поставили вдоль мостика между восточной и западной башнями. Императрица-бабка прибыла в сопровождении четырнадцати экипажей, украшенных нитками, которые въехали через западные ворота и подъехали к главному строению с юго-западной стороны. Императрица вышла из экипажа. Церемония встречи её была очень торжественна.

На небе забрезжил рассвет. Сыновья Масаёри с большой свитой предстали перед императрицей-бабкой. Прибыли Третья принцесса и Насицубо, их встретили со всеми почестями и проводили в западные покои. Дамы, прислуживающие матери Накатада, в этот день перебрались в часовню и коридоры между строениями, а западную часть дома предоставили свите отрёкшегося императора Сага и императрицы-бабки. В час тигра[387] прибыли два сына Фудзицубо. Накатада этого совсем не ожидал и не знал, куда их посадить. Из четырёх комнат передних покоев с восточной стороны две он предназначал для Первой принцессы, и сейчас в одну из них распорядился поместить Фудзицубо с сыновьями, и, оставив вторую незанятой, в двух последующих устроить места для Первой принцессы и госпожи Дзидзюдэн. Приехало очень много придворных из дворцов царствующего императора и наследника престола. Они прибыли в двенадцати великолепных экипажах, украшенных нитками, и в двух простых колясках. Часть дам, прислуживающих Первой принцессе и Инумия, расположились в павильоне для уженья. Места для дам, прислуживающих Фудзицубо, были устроены в коридорах, а для наследника престола отвели особую комнату. К востоку от лестницы, ведущей в южные передние покои, разложили подушки для принцев, сыновей отрёкшегося императора Судзаку, а в западных передних покоях от самых перил устроили сиденья для девяти сыновей отрёкшегося императора Сага. Было так тесно, что подушки уложили вплотную, без какого-либо промежутка между ними. Главное помещение было разделено на две половины ‹…›. Там расположились генерал и министры.

Придворные расселись на веранде.

Первый министр Тадамаса, узнав, что в усадьбу на Кёгоку прибудут отрёкшиеся от престола императоры, тоже отправился туда.[388]

Императору Судзаку доложили, что император Сага будет на концерте, и он распорядился отложить свой выезд, не зная, может ли он присутствовать на концерте вместе со своим отцом. Всё-таки Накатада велел отвести восточный флигель для императора Судзаку и его окружения.

Становилось светлее, и гости любовались южным двором, прудом, островом в пруду, павильоном для уженья, часовней в юго-западной части, арочными мостиками слева и справа, башнями- и ахали от восхищения. На север от главного строения были видны живописные ручьи, ветвистые деревья, невысокие сосны, там прорыли много канав. С этой стороны не удалось бы увидеть ни восточный, ни западный флигеля. Сад был широк и красив, с поросшими мхом камнями и с клёнами. Глядя на всё это, Фудзицубо думала: «Усадьба отца великолепна, она выстроена с большим вкусом, но до этого великолепия ей далеко». ‹…›

«Что сейчас испытывает Первая принцесса? — думала госпожа Дзидзюдэн. — Её сын не наследник престола, сама она не будет императрицей, и она, наверное, своей судьбой не удовлетворена. Но ведь с Накатада и сам государь не может сравниться ни характером, ни внешностью. Накатада даже чересчур хорош… А посмотришь, каким образом он всё здесь устроил, и убеждаешься, что недаром его так расхваливают».

В час овна[389] прибыл отрёкшийся император Сага. Накатада вышел встречать его. Экипаж императора подъехал к лестнице главного строения, и император вышел из экипажа. Его сопровождали правый министр Канэмаса, трое старших советников министра, пятеро вторых советников и советников сайсё, второй советник Судзуси, принцы — все они были в роскошных нарядах, шествовали неспешно, ослепляя присутствующих своей красотой. Императору Сага было семьдесят два года, но он выглядел прекрасно, и на вид ему можно было дать пятьдесят. У него не было ни одного седого волоса, и только в пояснице он был чуть-чуть согнут. Довольно улыбаясь, он сказал:

— Прекрасное место! Мне давно хотелось вновь его увидеть! Бамбук у павильона для уженья очень разросся. И всё по-прежнему необычайно красиво. Только тех, кто любовался этой усадьбой вместе со мной, теперь уже нет. Из ныне присутствующих бывал здесь со мной тогда лишь Канэми

из Ведомства внутридворцовых дел. Ты помнишь этот дом?

— Всё так и было, — ответил тот. — Только деревья на горе очень выросли.

Главный императорский конюший принёс письмо императору Сага от императора Судзаку:

«Мне доложили, что Вы сегодня посещаете усадьбу Накатада. Правда ли это? Главная распорядительница Отделения дворцовых прислужниц полностью обучила Инумия своему мастерству, и теперь они возвращаются домой. Если бы не это обстоятельство, мы бы не могли услышать их игру на кото. Мне тоже очень хочется отправиться к Накатада, но если Вы уже прибыли туда, это было бы поистине беспримерным случаем, и мне, видимо, следует воздержаться…»

Император Сага на это ответил:

«Письмо твоё получил. И я ещё ничего не знаю,[390] но речь идёт об Инумия, которая принадлежит к нашему правящему роду. Я хочу услышать, чему её научили, и поэтому я прибыл сюда. Мы с тобой давно не виделись, поэтому непременно приезжай к нам. Я думаю, прецеденты отыскать можно…»

Вскоре Накатада вместе с Масаёри, Канэмаса и другими придворными вышел встречать императора Судзаку, который не замедлил пожаловать. Его сопровождал первый министр Тадамаса. С императором было семеро его сыновей, все красивые, в роскошных нарядах. Пятеро из них уже носили головной убор взрослых, двое были ещё подростками и шли сзади.

Оба отрёкшихся императора заняли приготовленные для них места в часовне и начали беседовать друг с другом. Император Судзаку был красив лицом и высок ростом. Оглядев присутствующих, он сказал:

— Все без исключения собрались здесь. Кто же остался нести службу во дворце?

— Главный казначей Минамото, архивариус Буката, который одновременно служит младшим военачальником Личной императорской охраны, и чиновники шестого ранга, — доложил Масаёри.

От восточной стены усадьбы на три-четыре те к западу всё пространство было тесно заставлено экипажами. Низшим чинам, идущим пешком, пробраться сквозь них было невозможно.

В начале часа курицы[391] госпожа и Инумия должны были спуститься с башни. К этому времени все музыканты собрались под шатрами. Отрёкшийся император Судзаку, глядя вокруг, несколько раз говорил Накатада и Масаёри: «Становится поздно. Не пора ли начинать?» Масаёри,

главный архивариус, бывший одновременно вторым военачальником Императорской охраны, начальник Правой дворцовой стражи, архивариус, занимавший одновременно должность младшего военачальника Императорской охраны, повторяли за императором: «Прикажите начинать…»

Получив приказ, участники концерта поднялись, и началось исполнение музыки. С западной стороны из парчового шатра послышались удары в большой барабан и раздались плавные звуки струнных и духовых инструментов. На площадку вышли восемь подростков, четверо из них были одеты павлинами, а другие — бабочками. Они заняли свои места справа и слева и под аккомпанемент духовых и струнных инструментов прекрасно исполнили танец. Принцы заговорили, что музыканты не поспевают за танцовщиками, и сами принялись аккомпанировать им.

Отрёкшийся император Судзаку подозвал к себе Накатада и сказал ему:

— Пусть они поскорее выходят.

Он велел, чтобы его ручные экипажи приблизились к арочному мостику с западной и восточной стороны. Император Судзаку был явно озабочен — Накатада, думал он, несомненно, принял меры, чтобы вся эта толпа сановников не увидела госпожу главную распорядительницу и Инумия, а что будет, если кто-то увидит Фудзицубо? Но убедившись, что вокруг очень тесно, он успокоился.

— Надо поставить ширмы у передних покоев главного строения с восточной стороны и посадить там госпожу и Инумия, — промолвил он.

Накатада с готовностью распорядился ставить ширмы. Зрителям всё казалось необычайным. Масаёри повторял:

— Уже поздно. Пусть они выходят…

Отрёкшийся император Сага произнёс:

— Я думаю, что за матерью Накатада надо послать ручную коляску императрицы-бабки, а за Инумия — экипаж императора Судзаку.

Канэмаса сразу же распорядился, чтобы так и сделали.

— Займитесь коляской для госпожи, — сказал ему Масаёри. — А я помогу посадить в экипаж Инумия. Как бы Накатада ни старался, он не может разделиться надвое.

Накатада поторапливал мать и Инумия, и наконец вышли тридцать взрослых служанок, одетых в платья светло-коричневого цвета со шлейфами, на тёмно-красной подкладке, которые книзу становились темнее. Они держали расписные переносные занавески. С ними было четыре юных служанки в верхних штанах из узорчатого шёлка. Среди

прислужников Инумия некоторые были одеты в фиолетовые платья с вышитыми шлейфами, с лентами так называемого китайского плетения. [392] Тридцать взрослых служанок и юные прислужницы, ростом немного пониже, выстроились на арочном мостике. Всё это было очень красиво. Первой из башни вышла госпожа, внизу её ждал правый министр. Затем спустилась Инумия. Накатада взял её на руки. Впереди всех юные служанки несли подушки для сиденья, курильницу, серебряный и золотой сосуды с благовониями, скамеечку-подлокотник. Служанки были все одного роста, с длинными волосами, которые на один сяку стелились по земле, и с очень красивыми лицами. Затем следовали взрослые прислужницы с переносными занавесками — Друг за другом, так что между ними не было ни малейшего просвета. Они были в роскошных платьях со шлейфами. И вблизи, и издалека эта процессия пленила взор.

В просвет между занавесками Масаёри мельком увидел Инумия и подумал, что она необычайно красива и гораздо лучше и очаровательнее, чем была Фудзицубо в её возрасте. Девочка производила впечатление очень утончённой. Среди внучек Масаёри некоторые принцессы были великолепны, но он вспоминал, какими они были в детстве, и вынужден был признать, что до Инумия им далеко. Она казалась небожителъницей, сошедшей на землю.

Как только показались юные служанки, шествующие впереди, зазвучала музыка. Спокойные звуки струнных и духовых сливались в гармонии. Очарованию не было пределов. Отрёкшийся император Сага веером отбивал такт, а император Судзаку подпевал музыкантам. Такого ещё никто не видел.

Придворные четвёртого и пятого ранга подвезли к госпоже и Инумия ручные экипажи. Император Судзаку отдал второму военачальнику Императорской охраны приказание, чтобы экипажи подвезли к перилам веранды с юго-восточной стороны. Впереди встали левый и правый министры, и шествие двинулось к веранде. Накатада был в числе тех, кто тянул экипаж Инумия. Накатада и Канэмаса, расставив занавески, собрались посадить Инумия в экипаж, но в это время отрёкшийся император заметил, что нужно соблюдать порядок по старшинству, и первой посадили госпожу. Затем приблизился экипаж для Инумия, который тянули Масаёри и другие придворные.

Лучи заходящего солнца пронизывали ленты переносных занавесок, и госпожа в их свете выглядела необычайно красивой. Она была в китайском платье из узорчатого шёлка такого густого красного цвета, что он казался чёрным, в трёхслойных штанах, в платье из голубого узорчатого шёлка, в

китайском ‹…› и нескольких платьях из тонкого шёлка. Шлейф её платья был белым с тёмно-синими узорами, с лентами, окрашенными то бледно, то густо. Кроме того, на ней было платье тёмно-фиолетового цвета так называемой двойной окраски и китайское платье. Инумия была одета в платье из китайского шёлка с узорами в виде китайских гвоздик, в накидку с прорезами из узорчатого шёлка и в трёхслойные штаны.

Когда Инумия вышла из экипажа, госпожа поправила на ней одежду. В просветах переносных занавесок можно было видеть, как госпожа на коленях двигалась к своему месту. Она казалась яркой бабочкой. Инумия тоже, закрыв лицо маленьким веером, на коленях продвигалась к своему сиденью. Императору Судзаку удалось увидеть её в просветах занавесок, и он был восхищён её красотой.

Госпожа была стройной и красивой, выглядела она очень молодой, и можно было подумать, что ей чуть больше двадцати лет. Волосы, стелившиеся по её шлейфу, блестели, они были ни слишком тонкими, ни слишком густыми. Когда она в сопровождении прислуживающих дам продвигалась на коленях к своему месту, её сквозь ленты занавески увидел Масаёри. «Невероятно! Её можно принять за младшую сестру Накатада. Она гораздо красивее, чем моя дочь Дзидзюдэн! Если бы я был молод, я бы такую красавицу не пропустил», — думал он с завистью и горечью.

Четверо внуков Сагано, красивые, белолицые, танцевали превосходно. Все, начиная с отрёкшихся императоров, громко восхищались ими.

— Они ещё малы, но танцуют прекрасно, — сказал император Судзаку. — Их надо поселить у меня во дворце, чтобы они там могли спокойно совершенствоваться в танцах и музыке.

— Эти четверо юношей служат в доме Накатада, — сказал Масаёри.

— Очень хороши, ни в чём не сыщешь изъяна, — продолжал император.

Принцы, министры и остальные сановники смотрели на мальчиков с восхищением. Сидевшие близко от лестницы громко восторгались ими: «Никто из их ровесников так прекрасно не танцует!» Масаёри и Канэмаса сняли со своих плеч накидки и пожаловали их танцовщикам, принцы и другие придворные последовали их примеру. Мальчики застеснялись и убежали, не окончив танцевать, и хотя их звали обратно, они ни в какую перед зрителями не появлялись. Придворные в недоумении спрашивали у генерала: «Чьи это сыновья?» Накатада отвечал, что, мол, это сыновья такого-то и такого-то, они воспитывались в глуши, поэтому и убежали. «Теперь понятно, — заговорили между собой принцы и придворные. — Токимоти был прекрасным человеком. И голос у него был очень

красивый».

Мальчиков звали снова и снова, и наконец они появились.

— Они и на духовых инструментах хорошо играют, — сказал Накатада.

«Невероятно!» — удивились присутствующие и попросили их сыграть что-нибудь.

Все четверо прекрасно исполнили на духовых многие произведения. Мальчики были ещё юны, но манеры их были превосходны и музыкальная одарённость несомненна. Сыновья отрёкшихся императоров захотели взять их к себе на службу, заспорили между собой и сердились друг на друга: никому не хотелось уступать. «Младший брат наследника престола хорошо играет на флейте, но далеко не так, как эти мальчики», — думал Масаёри, который был бы рад хотя бы двух из них приставить к наследнику престола, но поскольку и другие принцы хотели взять их к себе на службу, Масаёри о своём желании не заявил. Однако Фудзицубо во что бы то ни стало вознамерилась, чтобы двое из внуков Сагано служили у наследника престола и его брата. Красивых детей много и кроме них, но эти, несмотря на свой возраст, искусны чрезвычайно и могли быть приближены к принцам. Отрёкшийся император Сага сказал:

— Одного из них я возьму на службу в свой дворец.

Фудзицубо изнывала от зависти. Рядом с ней сидела Первая принцесса, и Фудзицубо попросила её:

— Скажи генералу, что того, кто играл на органчике, я хочу определить к наследнику престола, а того, кто играл на флейте — взять в свой дворец.

Когда генерал подошёл к жене, она передала ему слова Фудзицубо.

— Прекрасно, — ответил Накатада.

Пятый и Шестой сыновья императора Судзаку говорили:

— Мы непременно хотим взять на службу этих мальчиков.

Седьмой же принц произнёс:

— Пусть они говорят, что хотят, у них ничего не выйдет, потому что я возьму их к себе. ‹…›

— Но есть четверо других мальчиков, они тоже великолепны. Я пошлю их к тебе, — пообещал Накатада.

— Нет. Они, наверное, и танцевать не могут, и некрасивые. Я других не хочу.

Принцы, которые с детских лет воспитывались вместе, начали ссориться друг с другом. «Я пожалуюсь отцу», — говорил каждый. Но отрёкшийся император на всех на них смотрел с одинаковой любовью.

Наступил вечер.

Император Судзаку поднялся со своего места и приблизился к переносной занавеске, за которой расположилась мать Накатада.

— Столько времени мы не виделись, и мне уже давно хотелось самому навестить вас. Ныне я уже не мечтаю, как раньше, хоть изредка слушать ваше исполнение. Мне иногда казалось, что вы томитесь скукой,[393] и я посылал за вами экипаж, но вы так и не пожаловали ко мне. Сейчас я наслаждаюсь покоем и иногда втайне мечтаю о встречах с вами. Пусть надо мной будут смеяться, но ничего больше я так не жажду в этом мире. Если даже вы не можете пойти навстречу моим намерениям, то хотя бы поиграйте для меня на кото, звуки которого должны быть так сладостны. Я очень сожалею, что вы так равнодушны ко мне.

— Ни днём, ни ночью я не забывала ваших милостивых слов, — ответила госпожа. — Но всё это время я была так занята воспитанием Инумия и её брата, что даже изредка не могла появляться во дворце. Вы хотите слушать мою игру на кото, но я стала стара и вряд ли могу исполнять музыку, как должно. Как же мне быть?

— Ваши речи всегда были очень благоразумны, — промолвил император Судзаку. — Сядьте за кото и поиграйте то, чему вас учил отец. Из пьес для хосоо-фу сыграйте мне три или четыре, ведь выученного забыть нельзя. Судзуси рассказывал мне, что в ночь встречи звёзд он слышал несказанно прекрасную музыку. Сыграйте же сегодня вечером то, что вы играли в ту ночь, начиная с пьес для рюкаку-фу. Когда ещё нам представится подобный случай! И император Сага прибыл сюда, чтобы послушать вас. Ему осталось так мало жить в нашем мире. Есть ещё одна причина его визита: он часто сожалеет о том зле, которое причинил вашей семье, и надеется сегодня получить ваше прощение. Не надо, чтобы он мучился этим, и было бы прекрасно, если бы вы избавили его от угрызений совести. Тогда он сегодня был бы совершенно счастлив. Я хотел бы ещё сказать, что очень доволен приёмом Накатада, но сейчас меня занимает другое. Что же вы ответите на мои слова?

— Я полностью с вами согласна, — сказала госпожа. — Мне хотелось бы ответить не пустыми словами. Я не думала, что об этом зайдёт разговор.[394] В действительности у нас не так уж много инструментов — рюкаку-фу, хосоо-фу, вот и всё. На них Накатада время от времени играл перед вами, и вы их уже слышали.

Канэмаса с беспокойством поглядывал, как император Судзаку беседует с его женой.

Накатада тоже тревожился: отношение Масаёри к его матери сегодня было каким-то необычным.[395]

— Я хотел бы взглянуть на рюкаку-фу и хосоо-фу, а ещё на записки главы Ведомства гражданского управления Тосикагэ о том, как ему приходилось страдать в западных странах,[396] — сказал император Судзаку.

Принесли кото в очень красивых мешках из корейской парчи, благоухающих необыкновенными ароматами, и поставили перед императором.

— Есть ещё одно кото… — завёл речь император. Но никто не мог ничего сказать ему в ответ.

Госпожа была в нерешительности и не знала, как ей поступить.

Отрёкшийся император Сага приблизился к ней и заговорил очень любезно и почтительно:

— Передал ли вам Накатада мою просьбу? У Тосикагэ были причины сердиться на меня, и мысль об этом меня очень огорчает. Жить мне осталось мало, и я хотел бы, чтобы вы меня простили.

— Ничего, кроме благоговения, я к вам не испытываю, — ответила госпожа.[397]

— Кроме этого рюкаку-фу, есть ещё два инструмента: нан-фу и хаси-фу. Я до сих пор помню, как Накатада и Судзуси играли на кото в покоях Гремящего грома,[398] — продолжал император Сага. — При этом показались удивительные облака, небо нахмурилось, и поэтому игру пришлось прекратить. Я всё время сожалею о том, что больше они уже не играли. Мне так хочется услышать эти кото ещё раз! Что касается хаси-фу, то не только я, но и другие знают о нём лишь по слухам, но никто его не слышал. Все строят о нём различные предположения. Если бы вы сегодня поиграли на этом инструменте, это было бы таким блаженством, что я вспоминал бы о нём не только в этом, но и в других беспредельных мирах. И мне горько думать, что ныне я его не услышу, а другим посчастливится в будущем наслаждаться его звуками.

Приближается крайний предел,
И мечтаю, чтоб вы,
Былую досаду забыв,
Звуками музыки дивной
Мне наполнили душу.

Госпожа ‹…› ответила:

— Малым побегом была та сосна,
Когда я струн впервые коснулась.
Если бы могла я,
Ветви те развязав,
Снова на кото играть.[399]

Произведений для нан-фу не так уж много.

«Император Судзаку настроен ко мне очень дружелюбно, и то, что он говорил, очень разумно. Император Сага уже в преклонном возрасте и внушает трепет и уважение к себе. Он вспомнил прошлое, и отказать ему невозможно. Как же поступить?» — думала госпожа, мучаясь сомнениями. Когда-то отец рассказал ей об этих двух кото, хосоо-фу и хаси-фу,[400] и завещал: «Играй на них, когда ты достигнешь вершины процветания или когда опустишься на дно страданий». Среди диких зверей, среди волков играла она на хосоо-фу, но когда какие-то люди, услышав эти звуки, приходили туда, она играть прекращала. И на хаси-фу госпожа до сих пор перед людьми не играла. Но недавно она удостоилась особых милостей: без особых заслуг Накатада сделали генералом, а её самое — главной распорядительницей Отделения дворцовых прислужниц. Она снова думала о завещании отца. Сегодня два императора, пусть и отрёкшиеся от престола, явились специально послушать эти инструменты. Здесь собралось много блистательных принцев, начиная с Сикибукё, — цвет эпохи, много важных сановников, которые служат императору и наследнику престола. И самая знаменитая среди императриц, супруга императора Сага, пожаловала сюда со своими пятью дочерьми, среди которых была супруга Масаёри. Здесь были три высочайших наложницы — Токадэн, Дзиздзодэн и Фудзицубо. Из людей, не принадлежащих к императорскому роду, прибыли почитаемый за свои заслуги в государственном управлении и за личные достоинства первый министр и оба других министра, все пятнадцать высших сановников, придворные третьего ранга, старшие ревизоры Левой и Правой канцелярий, главный архивариус, люди, о которых она слышала и о которых не слышала никогда, — перечислить всех невозможно ‹…›. В таком собрании можно было сыграть небольшое произведение на хосоо-фу, чтобы показать, какой

это великолепный инструмент ‹…›, но прикоснуться к хаси-фу — она вспоминала о наказе отца, и ей казалось, что сердце её разрывается. Правда, госпожа играла на нём седьмого дня седьмого месяца, но она сделала это в честь звёзд, а кроме того, хотела, чтобы Инумия услышала хаси-фу, и при этом возле них никого не было… Первая дочь императора Судзаку, чрезвычайно почитаемая всем миром, стала её невесткой, а она сама — бабушкой Инумия и женой министра, но разве это вершина блаженства? Несмотря на то, что её просили оба императора, на хаси-фу она играть не могла. Вот о чём думала госпожа в смятении.

Луна пятнадцатой ночи ярко сияла на небе. Всё вокруг было спокойно. «Сил нет ждать», — вздыхали гости, и госпожа, настроив рюкаку-фу в осенний лад, на котором она начинала учить Инумия, громко заиграла на нём. Она играла необыкновенно красиво, ещё лучше, чем во дворце Чистоты и Прохлады. Кото звучало как множество музыкальных инструментов; казалось, что вместе с госпожой кто-то играл на духовых. Оба императора, принцы, придворные восторгались: «Нам и раньше приходилось слышать рюкаку-фу, но такого великолепного звучания — никогда!» Музыка проникала в самое сердце. «Изумительно! Можно ли ещё где-нибудь услышать подобное?» — продолжали восхищаться собравшиеся.

Затем госпожа настроила хосоо-фу в другой лад и заиграла снова. Посыпался частый град, на небе неожиданно показались облака, звёзды пришли в движение. Но присутствующие не испытывали страха и любовались удивительно красивыми облаками. Собравшиеся в передних покоях сидели очень тесно, и было очень душно и влажно, но вдруг повеяло прохладой. На душе у слушающих стало легко, жизнь представилась им бесконечной. Казалось, что в музыке сосредоточилось всё благоденствие, которое могло быть на свете. Госпожа продолжала играть в том же ладу. Чистые звуки поднимались к небу. Сердца слушающих сдавила печаль. В небесах загрохотал гром, земля содрогнулась. Музыку можно было слышать далеко вокруг, в горах и лесах. Звуки стали скорбными, и все, кто внимал им, вдруг осознали, что в мире нет ничего постоянного, и залились горькими слезами. Из тех, кто слушал госпожу, начиная с отрёкшихся императоров, не было никого, кто бы не плакал. Ветер далеко разносил музыку, и её стало слышно в императорском дворце.

Как раз в это время император садился за вечернюю трапезу. Вдруг непонятно откуда ветер принёс печальные, щемящие душу, полные скорби-звуки. Император в изумлении обратился к придворным:

— Слышите ли вы музыку? Откуда она доносится?

«Это очень странно!» — повторяли придворные. Пытаясь понять, откуда слышится музыка, придворные поворачивались в разные стороны, пока не поняли, что она идёт с восточной или юго-восточной стороны.

— Неужели эти прекрасные звуки доносятся сюда из усадьбы генерала на проспекте Кёгоку? Непостижимо! — произнёс архивариус, бывший в то же время младшим военачальником Личной императорской охраны.

Все мужчины и женщины, находившиеся во дворце, почувствовали глубокую печаль и залились слезами. Сам император был охвачен скорбью и думал; «Как это чудесно!»

— Младший военачальник Нобуката! — обратился он к придворному. — Вместе с кем-нибудь из архива и со стражником, что стоит у водопада,[401] возьмите в конюшне лошадей и отправляйтесь в том направлении, откуда доносится музыка. Может быть, вы не увидите, кто это играет, но доложите, что происходит вокруг.

Император был охвачен горестным чувством, ему ясно открылся закон превращения всего сущего, и он проливал горькие слёзы. Не только высшие сановники, но все, кто находился во дворце, — кормилицы, прислужницы, дамы четвёртого и пятого рангов, архивариусы и низшие слуги — плакали и проникались красотой звучания. Император поднялся со своего сиденья, вышел на веранду и устремил глаза вдаль. Свита последовала за ним. Глядя на облака и внимая дивным гармониям, все забывали о своих заботах и ощущали только неизбывную печаль и красоту мира.

Младший военачальник, погоняя коня, двигался на звуки музыки и подъехал к усадьбе на проспекте Кёгоку. Дорога на протяжении двух-трёх те была заполнена тесно стоявшими людьми. В воротах народу толпилось ещё более — ступить было некуда. Нобуката с трудом протиснулся внутрь. Он подошёл поближе и стал слушать; ему казалось, что играли на трёх или четырёх инструментах, и каждый из них был по-своему великолепен. Даже люди необразованные были восхищены. Нобуката, с трудом пробравшись через толпу, приблизился к главному строению и хотел обратиться к отрёкшимся императорам, но они были в таком восторге, что его слов даже не услышали.

— Младший военачальник Личной императорской охраны и архивариус Фудзивара Нобуката прибыл от государя, — прокричал он что было силы.

Госпожа, услышав его, сразу перестала играть. Тогда императоры спросили Нобуката:

— В чём дело?

— Услышав удивительную музыку, государь приказал выяснить, откуда она доносится, и доложить, — ответил тот.

Утерев слёзы и высморкавшись, императоры сказали: «Это действительно чудо». ‹…›

Все, как один, были в изумлении.

— Государь, наверное, беспокоится и ждёт тебя, потому возвращайся поскорее, — сказал император Судзаку. — Мне когда-то посчастливилось слышать, как госпожа играла на кото, и с тех пор я страстно мечтал услышать её вновь. Узнав, что сегодня состоится концерт, я прибыл сюда, и внимая исполнению вблизи, испытал необыкновенное блаженство. Но неужели было слышно даже во дворце?

Начиная с отрёкшихся императоров, всем ‹…› поднесли вино. Немного спустя император Сага сказал:

— Сегодня вечером я был абсолютно счастлив. В своё время во дворце на пирах и праздниках любования цветами мы развлекались сочинением тонких, искусных стихов, беззаботно отдавались приятному времяпрепровождению и приказывали играть на кото. Но после смерти Тосикагэ редко удавалось слышать такое потрясающее мастерство, каким нас порадовали сегодня. Очарованные, мы унеслись душой за облака, и я вдруг подумал: «Не эту ли музыку играют там, в небесах?»

— На хосоо-фу Накатада играл в день рождения Инумия, это было невообразимо прекрасно, — промолвил Судзуси. — А сегодня вечером госпожа — кто из них лучше играет, сказать трудно, — на том же инструменте исполняла произведения в другом ладу, и её исполнение ни с чем не сравнимо. Но кото, звучавшее в ночь встречи звёзд, было ещё замечательнее. Если бы немного поиграли на обоих инструментах, а четверо мальчиков при этом бы танцевали — я уверен, что уже ничего не могло бы подняться выше этого музыкального впечатления.

— Ещё замечательнее, чем этот инструмент? Как же это возможно? — удивился император Сага.

Император же Судзаку ощущал в сердце глубокую печаль. Если игра госпожи может быть ещё проникновеннее и чудеснее, если он услышит музыку, которую ему никогда не приходилось слышать, то он никогда не сможет забыть госпожу. Он испытывал к ней всё более глубокие чувства, которые изумляли его самого.

— Пожалуйста, поиграйте на хаси-фу, — попросил он.

Было уже за полночь, и госпожа под разными предлогами старалась отказаться, но император упрекал её и слушать возражений не хотел.

— Почему же для вас это невозможно?[402] — говорил он, придвигаясь всё ближе к ней. Госпоже было неловко, и она с мукой думала только о том, что ей давно надо оставить мир и жить отшельницей.

— Несмотря на ваше пожелание, я с сожалением могу сказать только то, что никаких особых произведений я больше не знаю. Такие пьесы все уже много раз слышали, хотя бы в день посещения левым министром храма в Касуга. Но если вам угодно, прикажите Накатада принести инструмент.

— Уже давно надо было приказать Накатада, — довольно засмеялся император Судзаку, подозвал генерала и велел ему принести кото. Но тот не двигался с места.

— Государь приказывает тебе. Выполняй же, — забеспокоился Канэмаса.

Госпожа щёлкнула веером, Накатада по этому знаку поднялся и скрылся в башне. Вскоре он появился оттуда с хаси-фу.

Император Сага попросил дать ему взглянуть на него. Инструмент имел необычную форму и был очень красив на вид. Он отличался от тех инструментов, которые привёз Ияюки из Танского государства, и даже от других кото, привезённых Тосикагэ. Император тронул одну струну, и раздался необыкновенный по красоте звук. Очарованный звучанием, он тронул вторую струну, но в ответ не послышалось ничего, даже самого тихого звука, по-прежнему стояла тишина. «Страшный инструмент!» — вздрогнул император. Оба императора были испуганы и велели отнести кото за занавеску дочери Тосикагэ.

Госпожа придвинула его к себе, но слёзы полились из её глаз, и она погрузилась в воспоминания. Кое-как она справилась с собой, успокоилась и приготовилась играть.

Все принцы и сановники со смущённой душой ждали, что будет дальше. Прислуживающие госпоже дамы поспешно вынесли масляные светильники, и вокруг стало светло, как днём.

Посыльный от императора и не думал возвращаться во дворец, он напоминал дровосека, жившего в древности, который, заблудившись в горах, провёл там годы.[403]

Среди всех кото, сделанных в неведомой земле, хаси-фу отличалось самым замечательным звучанием. Именно на этом инструменте семь мастеров с семи гор завещали Тосикагэ исполнять превосходные произведения, которым они его обучили. Госпожа сыграла только то произведение, которому Тосикагэ научился у первого учителя. Инструмент

звучал громче и красивее, чем хосоо-фу.

Загрохотал гром, сверкнула молния, земля заколыхалась, как при землетрясении. Слушатели перепугались, и ужас охватил их. Госпожа заиграла только на одной струне — вдруг вода в пруду и канавах поднялась на два сун и потекла потоками по земле. Слушатели не могли прийти в себя от изумления. Госпожа продолжала играть на одной струне, и люди постепенно успокоились. Она заиграла на двух — всё погрузились в печаль более сильную, чем раньше. Слушая эти звуки, глупые вдруг стали умными, гневные умиротворёнными. Бурный ветер затих. Тяжелобольные неожиданно исцелились. И даже те, кто был прикован к постели, не могли не подняться, слушая эту дивную музыку. Казалось, что неприступные скалы, деревья, грозные духи проливают в ответ слёзы. Судзуси, забыв обо всём на свете, внимал всей душой и чувствовал всё большую печаль. Видя, как из глаз императора Судзаку дождём лились слёзы, Судзуси думал с печалью: «Что же он чувствует?» Среди собравшихся не было ни одного, кто бы не был потрясён и не плакал.

Накатада не мог представить себе, что эту чудесную музыку, которую он до сих пор никогда не слышал, играет его мать. Он чувствовал, как сердце его сдавила непереносимая печаль.

Четверо внуков Сагано начали красиво петь, их тонкие голоса были печальнее, чем стрекотание цикад в осеннем поле. Затем они стали танцевать. Император Сага во власти печального очарования, отбивал такт веером, а император Судзаку проникновенным голосом пропел на мотив исполняемого произведения:

— Звукам дивным внимая,
Которыми раньше
Не мог насладиться,
Не знаю, что делать.
Мука сердце сжимает.

Император Сага продолжил:

— Не напрасны мольбы
Были мои,
И внемлю музыке дивной.

А не то
О чём вспоминал бы?

Все присутствующие были восхищены.

— Поиграйте ещё немного, — попросил император Судзаку.

Но госпожа ответила:

— Я не так хорошо себя чувствую сегодня, я устала… — И больше она не играла.

Император Судзаку, который хотел слушать ещё и ещё, написал ей:

«Игру твою
Не в силах забыть,
Чертог в облаках я покинул.
И ныне свободно
К тебе могу приезжать».[404]

Она на это ответила:

«Могла ли мечтать,
Что в жалкую хижину
Спустится облако?
Какими словами
Выразить радость свою?[405]

Эта радость глубоко проникла мне в душу».

Стихотворение было написано так замечательно, что император Судзаку изумился: «Как она может быть во всём столь совершенна?»

Госпожа хотела, чтобы Инумия поиграла на рюкаку-фу, которое было настроено не в обычный лад. Услышав кото, император Сага удивился:

— Какой-то странный лад. Что это?

— Кото настроено в лад утренней зари, — ответила госпожа, и делая вид, что будет играть сама, посадила за инструмент внучку.

На небе разгоралась заря, всё вокруг было необыкновенно красиво.

Музыканты заиграли на своих инструментах, загремели барабаны, но

через некоторое время им дали знак замолчать, и зазвучало кото. Чистые звуки уносились к небесам. Инумия играла лучше, чем её отец. Только Накатада заметил, что игра немного отличается от манеры госпожи, он слушал, изумляясь и никому не говоря ни слова.

Судзуси сказал:

— Странно, что рюкаку-фу настроено в лад утренней зари, но звучит совершенно необычно. Накатада так никогда не играет.

Он сидел недалеко от императора Судзаку, который, услышав его слова, произнёс:

— И я такого никогда не слышал. Все прочие инструменты замолкли, осталось только кото. Звучание его полно такой прелести ‹…›.

«Музыка всегда соответствует какому-то определённому времени и это произведение можно играть только на рассвете», — объяснили музыканты. В звучании инструмента слышались самые разные голоса. Музыканты принялись аккомпанировать очень тихо. Стало немного светлее, не было ни малейшего дуновения ветра, небо было в лёгкой дымке. В этот прекрасный час кото звучало особенно чарующе.

Госпожа хотела дать знать императору Судзаку, что это играет Инумия, и произнесла:

— Как прекрасно она играет!

Император, услышав это, удивился, чуть-чуть приподнял ленты занавески и в свете лампы увидел, что госпожа сидит неподвижно, а на кото играет Инумия, беленькая и очень красивая. «Неужели она уже так мастерски играет?» — подумал он. Император был потрясён, и слёзы полились у него из глаз.

— Это играет девочка, — промолвил он.

Тут все заволновались: «Неужели такое возможно?» «Вот что значит традиция, сохраняющаяся в этой семье», — говорили одни. «Да, да, это так, — соглашались другие. — Обычный человек может посвятить учению всю жизнь, но никогда не достигнет таких высот. Но эта девочка — правнучка Тосикагэ, поэтому она играет так замечательно».

Канэмаса был доволен и сказал императору Сага:

— От радости не могу сдержать слёз.

Госпожа Дзидзюдэн и Первая принцесса испытывали глубокое удовлетворение.

— Вот и старость не страшна, — промолвил император Сага. — Я наконец смог насладиться древней музыкой, которую страстно хотел услышать с давних пор. И в последние дни[406] нас ждут редкие радостные мгновения.

Он был глубоко взволнован, взял корейскую флейту, которой он владел виртуозно, и начал вторить Инумия, но не мог играть так прекрасно, как она.

— Она стала настоящим мастером, и я не могу сдержать радости… — С этими словами император Сага поднялся со своего места, исполнил несколько танцевальных фигур и произнёс:

— Так прелестно
Принцесса-сосна
На кото играет,
Что забыв о седых волосах,
Корейскую пляску пляшу.[407]

Канэмаса произнёс:

— И ввысь за облака,
И в недра тёмные земли
Те звуки проникают.
И в будущих мирах
Им не угаснуть.

Принц Сикибукё сложил:

— Наш мир ли это?
Иль за облака
Мы унеслись?
Чистые воды
Всю землю покрыли.

Накатада прочитал:

— Такие же зори

Над старой усадьбой
Когда-то вставали.
И громкие звуки услышав,
В прудах вода взволновалась.

Другие тоже слагали стихи, но я их здесь не привожу.

— О чём ты думаешь? — спросил Судзуси у Накатада.

Друг его, глядя в сторону, где сидела Фудзицубо, ответил:

— А ты не думаешь ни о чём? Сердце твоё достойно презрения.

— Ничего-ничего, — засмеялся тот. — Запомним твои слова.[408]

Вышедшая из берегов вода с наступлением утра спала, и земля вокруг высохла.

«Чем же вознаградить главную распорядительницу за сегодняшнюю игру? — думал император Судзаку. — И так же великолепно, как госпожа, играла Инумия, поэтому надо придумать что-то небывалое». За такую игру и десяти тысяч золотых монет было бы недостаточно, и он обратился к императору Сага:

— Поскольку я уже оставил престол, то по-настоящему не могу вознаградить госпожу за сегодняшнюю игру.

— Поистине, положение нелёгкое, — ответил император Сага. — Я-то оставил престол уж давно… Что если Накатада через голову других назначить министром? А здесь, на проспекте Кёгоку, устроить большой пир? Тогда и душа покойного Тосикагэ будет довольна. Главной же распорядительнице надо присвоить второй старший ранг. Так мы прославим её за то, что она сохранила для мира дивное искусство. Я скажу об этом государю.

Он велел записать: «Накатада сделать министром двора, а матери его присвоить второй старший ранг. В доме матери Накатада устроить большой пир, какие устраиваются у императора, наследника престола и министров ‹…›. Подготовку к этому пиршеству император Сага берёт на себя. Что-то можно будет поручить приготовить министрам и другим важным сановникам. Первой принцессе, дочери императора Судзаку, присвоить четвёртый императорский ранг, тот который присваивается принцам. Об этом всём доложить императору». ‹…› Чиновники записали его слова, и приблизившись к императорам, дали им на подпись.

Накатада, узнав о решении императоров, сказал:

— Я беспредельно благодарен вам, но на этот раз вряд ли смогу принять назначение на пост министра. Но если вы будете настаивать, то на

память о посещении этой скромной усадьбы моими государями, мне хотелось бы, чтобы чин присвоили самой усадьбе.[409] — И он повторил это несколько раз.

— Сделаем так, как говорит Накатада, — сказал император Судзаку императору Сага.

И тот, подозвав старшего ревизора Левой канцелярии, велел написать письмо императору:

«Я уже стар и впадаю в детство, но хочу просить Вас вот о чём. Дом главной распорядительницы Отделения дворцовых прислужниц всегда был мне дорог, я часто бывал здесь. И на этот раз я прибыл сюда, послушал, как она играет на кото, и стал свидетелем многих чудес. У покойного главы Ведомства гражданского управления были перед нами заслуги, он по нашему приказу отправился в страну Тан, был застигнут бурей, в течение многих лет скитался. Не видя ни отца, ни матери, он очень скорбел. В конце концов он возвратился домой и вскоре умер в столице. Если бы главная распорядительница была мужчиной, её надо было бы сделать министром; за свою сегодняшнюю игру на кото она этого достойна. Всё прочее выполнить легко, сразу же подготовьте указ».

— Мы хотели сделать Накатада министром, но поскольку он всё время отказывается… — что ж, оставим эту идею. Тосикагэ был чиновником третьего ранга, назначим его посмертно вторым советником министра, — сказал император Сага.

— Узнав, что отрёкшийся император Сага собирается посетить эту усадьбу, я прибыл сюда, чтобы встретиться с ним, — добавил император Судзаку. — Я хочу оказать протекцию молодым людям, которых мы здесь видели. Кажется, в Левой дворцовой страже есть вакантные места, и мне хочется определить их туда.

Старший ревизор Левой канцелярии записал всё, что говорили отрёкшиеся императоры, и отнёс бумагу во дворец. Император подробно расспрашивал его о том, что происходило на проспекте Кёгоку.

— Да, это было чудесное исполнение! Если бы меня не стали укорять за легкомыслие, я бы тоже отправился в усадьбу на Кёгоку и послушал, — сказал император ревизору.

Он ответил императору Сага:

«Благодарю Вас за письмо. Это случай беспрецедентный, но могу ли я Вам отказать?»

Узнав, что Накатада отказался от предложенной должности министра, император улыбнулся: «Осмотрительный человек!» Он присвоил Тосикагэ посмертно чин второго советника и пожаловал ранг усадьбе на Кёгоку.

Просьбу в отношении дочери Тосикагэ он тоже выполнил.

«Если бы меня предупредили заранее и я бы знал о Вашем намерении, я бы тоже отправился послушать это исполнение… Я не знаю, когда в Дворцовой страже будут вакантные места, но всё сделаю, как Вы велели», — написал он императору Судзаку.

Ревизор возвратился на проспект Кёгоку и передал ответ императора. Оба отрёкшихся государя были очень довольны, что просьба их удовлетворена. Они велели громко прочитать письмо императора перед всеми собравшимися. Когда мать Накатада услышала о присвоении её отцу чина второго советника, глубокая печаль охватила её и слёзы полились из глаз. Это известие обрадовало её гораздо больше, чем присвоение ей в своё время чина главной распорядительницы Отделения дворцовых прислужниц. Генерал был очень доволен и за деда исполнил перед императорами благодарственный танец. Глядя на него, император Сага с сожалением подумал: «Он отказался от должности министра, а другой подходящей награды нет».

Принцы и сановники осыпали наградами внуков Сагано за исполнение танцев — платьями из узорчатого и лощёного шёлка различных цветов, то ярких, то бледных. Блестящий шёлк в лучах утреннего солнца выглядел великолепно. «В нашем мире нет никого, с кем бы можно было сравнить эту семью», — говорили между собой собравшиеся.

Слушая, как Инумия играет на кото, мать её думала с печалью: «Давно ли мы ели лепёшки в пятидесятый день её рождения? Это было вчера или сегодня?» А Фудзицубо восклицала в душе: «Ах, если бы у меня была такая дочь!»

Оба отрёкшихся императора, левый и правый министры, принцы, сановники поднялись в башни, чтобы осмотреть их. Отрёкшийся император Сага поднялся на башню с западной стороны. Его сыновья и сановники, разделившись на две группы, шли за ним справа и слева. Башню наполняло какое-то дивное благоухание. Гости с императорами во главе внимательно осматривали убранство, всё было очень красиво и пленяло тонким вкусом, и они рассыпались в похвалах Накатада: «Это удивительные, необыкновенные строения!»

Император Сага, восхищённый роскошью и искусностью работы, сказал:

— Когда я слышу звуки ваших кото и смотрю на башню, я думаю, что попал в сады небожителей.

Император Судзаку осматривал всё с необычайным вниманием и никак не мог насмотреться.

— В таких башнях подобает жить одним красавцам, — сказал он с восхищением.

Важные сановники стояли тесной толпой у высоких перил вокруг башни. С большой горки низвергался водопад, струи, падая на скалу, разлетались в разные стороны, как зонтик, вода бурлила внизу, в водоёме. Брызги падали на маленькие, очень красивые пятиигольчатые сосёнки, клёны и мискант. Очарованный этой картиной, император Судзаку сложил:

— Кто сможет
С этой усадьбой
Расстаться?
Пусть вечно здесь
Потомки твои пребывают.

Он сказал Канэмаса:

— У тебя такой дом, что можно позавидовать.

Канэмаса сразу же ответил:

— Сам не заметил,
Как разрослись
Ветви густые.
И в тенистой прохладе
Я лишь присел отдохнуть.[410]

Сейчас я ещё больше чувствую своё ничтожество.

Отрёкшийся император был восхищён его тонкостью.

Император Сага поднялся на самый верх башни. Сверху вишнёвые деревья казались густой рощей.

— Ах, как грустно смотреть на эти деревья! Давным-давно, когда мне было десять с лишним лет, я приходил сюда каждой весной заниматься изящной словесностью, а когда я уставал читать книги, я спускался во двор и развлекался там. Если бы эти вишни были тогда такими высокими, как сейчас, мог ли бы я достать до их верхушки?

Вершины вишен цветущих
Своим рукавом
Когда-то я задевал.
А ныне под тенью
Рощи густой отдыхаю.

Судзуси, который стоял близко от императора, произнёс:

— Если издавна
С небес облака
К этим вишням спускались,
То что ж удивляться,
Что так они разрослись?[411]

Глава Ведомства внутридворцовых дел Канэми воскликнул:

— Ах, я вспоминаю, что вот эта сосна у скалы когда-то росла на горе, и мой государь, будучи ребёнком, в день крысы велел пересадить её сюда. — Глядя на ветви, которые раскинулись, как зонтик, он произнёс:

— Стала старой сосна,
Что когда-то в день крысы
Пересадили сюда.
Через сколько веков
Мне увидеть её удалось!

Императора Сага это стихотворение очень растрогало, и он обратился к императору Судзаку:

— За это стихотворение ему нужно дать чин главы Налогового ведомства, которого все так добиваются.

И он велел доложить об этом императору.

— Это единственный придворный, который дожил с того времени до сей поры, — сказал император Сага.

— Очаровательное место! Время от времени надо устраивать здесь пиры, просить Суэфуса сочинять стихи и слушать их здесь, — произнёс

император Судзаку.

— Это было бы великолепно! — заговорили сановники.

Оба императора собрались покинуть усадьбу. Император Судзаку хотел увидеть супругу Масаёри.[412]

Мать Накатада обратилась к генералу:

— Как мы отблагодарим государей за их визит сюда?

— Среди небольших книг, привезённых из Танского царства, есть три с картинками и со стихами. Одну из них можно преподнести императору Судзаку, — ответил он. — А что бы преподнести императору Сага?

— Он любит играть на корейской флейте. Давай преподнесём ему флейту, которую танский император вручил отцу за подаренное ему кото, — предложила госпожа.

— Придворным, как обычно, преподнесём платье. Для молодых принцев нет установленных подарков, поэтому надо выбрать что-нибудь изящное, — продолжал Накатада.

— Я приготовила вот что, — стала советоваться с ним госпожа, показывая различные вещи.

Книга, преподнесённая императору Судзаку, была в сорок листов и сделана из цветной китайской бумаги. Она была вложена в футляр из сандалового дерева с золотой окантовкой. Увидев подарок, император Судзаку сказал:

— Это я в благодарность за дивное исполнение должен был бы преподнести вам подарок- пилюлю бессмертия. Я хочу рассмотреть эту книгу повнимательнее.

Мешок с флейтой для императора Сага был из великолепной парчи очень красивой расцветки. Накатада положил его в тонкую коробку из лазурита. Когда он преподнёс коробку императору, вокруг раздались восторженные восклицания. Император Сага любил играть на корейской флейте и был очень доволен.

Принцу Сикибукё и трём министрам вручили коробы для платья с полными женскими нарядами и другие вещи, которые обычно дарят в подобных случаях. Принцам преподнесли серебряных соколов, сидящих в изящных золотых клетках с колокольчиком. Это было необычно и пленяло тонким вкусом.

— Сегодня ночью я не мог вдоволь наслушаться музыки, — сказал император Сага. — Я обязательно хотел бы ещё когда-нибудь вас услышать. Может быть, на следующий год, когда будут цвести вишни?

Император Судзаку приблизился к матери Накатада.

— Мне не хочется расставаться с вами. Когда ещё мы сможем

поговорить? У меня нет слов, чтобы выразить своё удовлетворение тем, как прекрасно вы выучили Инумия. Я был бы рад поручить вашим безграничным заботам и себя самого, ушедшего от мира.

Он был серьёзен и говорил проникновенно. Ответ госпожи был очень сдержан, и император почувствовал себя смущённо.

Канэмаса, сгорая от ревности, желал одного: чтобы император Судзаку поскорее уехал.

Император Сага подарил госпоже небольшой китайский короб, украшенный золотой росписью, с полным женским нарядом, а прислуживающим ей дамам — тридцать женских китайских парадных платьев со шлейфами. Император Судзаку подарил госпоже короб для одежды с зимними и летними платьями из китайского узорчатого шёлка, её дамам — двадцать женских нарядов, а четверым юным служанкам и четверым низшим прислужницам — накидки из узорчатого шёлка и верхние штаны из узорчатого шёлка. Музыкантам, игравшим у двух башен, тоже сделали подарки.

Наконец все стали разъезжаться по домам.

Оба императора повторяли снова и снова: «Сколько такую музыку ни слушай, наслушаться невозможно. Всё время хочется слушать ещё и ещё ‹…›». Им хотелось взглянуть через занавесь на мать Накатада, и они покидали усадьбу с большой неохотой.

Дорогой все рассуждали о том, что уж совсем нельзя встретить в мире такую редкостную душу, как у Накатада, что он почтительный сын и нежный отец.[413]

Средневековые японские меры

Меры длины
Дзё — 3,03 м
Кэн -1,81 м
Ма — то же, что и кэн
Сун — 3,03 см
Сяку — 30,3 см

Меры площади
Те — 0,99 га

Меры для тканей
Тан — 10,6 м

Хики (бики) — 21,2 м

Меры веса
Рё — 37,5 г
Тон — 222 г
Кан — 3,75 кг

Меры ёмкости
Го — 0,18 л
Коку — 180,39 л
Масу — 1,8 л
То — 18 л

---

notes

1

Прим.1 гл. XII:

Действие главы относится к тому же году, что и действие предыдущей, и охватывает промежуток времени приблизительно в два месяца, с шестого по восьмой.

Глава названа по строчке из стихотворения императора. В некоторых списках глава названа: «Белые волны открытого моря», но не ясно по какой причине.

2

Прим.2 гл. XII:
Источник этого выражения не установлен.

3

Прим.3 гл. XII:

Тигомия — восьмая дочь Масаёри. Её имя употреблено ошибочно вместо Содэмия, тринадцатой дочери.

4

Прим.4 гл. XII:
Кэсумия — четырнадцатая дочь Масаёри.

5

Прим.5 гл. XII:

Частным образом — т. е. в отличие от свадеб Накатада и Судзуси эти браки совершались не по указу императора.

6

Прим.6 гл. XII:

Под рощей подразумевается дочь императора, под журавлиной стаей — Накатада.

7

Прим.7 гл. XII:
Под сосёнкой подразумевается Имамия, под журавлём — Судзуси.

8

Прим.8 гл. XII:
Журавль — один из символов долголетия.

9

Прим.9 гл. XII:

Под журавлёнком подразумевается Накатада, под облаками — императорская семья.

10

Прим.10 гл. XII:
Это стихотворение обращено к Судзуси.

11

Прим.11 гл. XII:
Черепаха — один из символов долголетия.

12

Прим.12 гл. XII:
По-видимому, в тексте ошибка: повышение получили десять человек.

13

Прим.13 гл. XII:
Упомянутые в буддийском каноне семь драгоценностей.

14

Прим.14 гл. XII:
Смысл стихотворения неясен.

15

Прим.15 гл. XII:

Тень на вершине Цукуба — цитата из стихотворения из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 1095): «Со всех сторон вершина Цукуба покрыта тенью от деревьев, но нет такой тени, которая была бы гуще, чем твоя». Под этой тенью подразумеваются милости Фудзицубо.

16

Прим.16 гл. XII:

Под горой подразумевается Фудзицубо, под белым облаком — Накатада, под долиной — сама принцесса.

17

Прим.17 гл. XII:
Курэ — южнокитайское царство У.

18

Прим.18 гл. XII:
На какую поговорку это намёк, остаётся неизвестным.

19

Прим.19 гл. XII:

Под другими цветами из того же сада подразумевается сестра Фудзицубо.

20

Прим.20 гл. XII:

Под росой подразумеваются слёзы Санэтада, под веткой — сестра Фудзицубо.

21

Прим.1 гл. XIII:

Действие первого эпизода главы относится к тому же году, что и предыдущей (Накатада — 22 года). Далее описываются события последующего года до двенадцатого месяца, когда выполняется обряд пятидесятого дня с рождения Инумия.

22

Прим.2 гл. XIII:

Это магическое действо устрашения злых духов упоминается и в «Повести о Гэндзи» (глава «Вечерний лик»).

23

Прим.3 гл. XIII:

В древней Японии для роженицы строилось специальное помещение. Предписывалось употреблять предметы белого цвета: занавеси в комнате, одежды самой роженицы и женщин, присутствующих при родах, белую (серебряную) утварь.

24

Прим.4 гл. XIII:
Час тигра — время суток с 3 до 5 часов утра.

25

Прим.5 гл. XIII:

Ответ принца непонятен, так как «Многие лета» — танец китайского происхождения (см. примеч. 80 к гл. I).

26

Прим.6 гл. XIII:
Реплика Канэмаса непонятна.

27

Прим.7 гл. XIII:

Роды относились к числу явлений, которые в синтоистской традиции воспринимались как «скверна».

28

Прим.8 гл. XIII:

Чеснок входил в состав лекарств и, как видно из содержания этой главы, употреблялся при приготовлении пищи для роженицы.

29

Прим.9 гл. XIII:

«Мозг дракона» (*рюно*) — аромат, получаемый из одноимённого растения.

30

Прим.10 гл. XIII:

Во время обрядов, связанных с рождением ребёнка, готовили кашу из риса, собранного в уезде Цуру, название которого ассоциировалось с *цуру* («журавль», который являлся символом долголетия), По этой причине уезд упомянут в стихотворении Фудзицубо, а в нижеследующем стихотворении, отвечая на стихотворение Фудзицубо, принцесса упоминает журавлей.

31

Прим.11 гл. XIII:
В том же гнезде — т. е. в том же помещении, где рожала Фудзицубо.

32

Прим.12 гл. XIII:
Таги — игра, завезённая из Китая, правила которой не сохранились.

33

Прим.13 гл. XIII:
Сумимоно — правила этой игры не сохранились.

34

Прим.14 гл. XIII:
«Обезьяньи пляски» (*саругаку*) — общее название комических плясок.

35

Прим.15 гл. XIII:
Придворных толпа — автор подразумевает будущих женихов Инумия.

36

Прим.16 гл. XIII:

Коно Тама поясняет, что под высокой сосной подразумевается мать Инумия. Текст, вероятно, испорчен, одно слово не расшифровывается. Мията Ваитиро утверждает, что все стихотворение непонятно.

37

Прим.17 гл. XIII:

«Риндай» — танец придворной музыки *гагаку*. *Риндай* (кит. *Луньтай*) — название местности в Восточном Туркестане.

38

Прим.18 гл. XIII:

«Чем тебя угощу?» — цитата из сайбара «Наш дом», где говорится о приёме жениха.

39

Прим.19 гл. XIII:

«Танец черепах» в исторических источниках не упомянут. Вероятно, такого танца не существовало, и архивариус импровизировал, подражая движениям животного.

40

Прим.20 гл. XIII:
«Танец птиц» (*«Тори-маи»*) — танец из репертуара *гагаку*.

41

Прим.21 гл. XIII:
В оригинале это место неясно.

42

Прим.22 гл. XIII:
Кринум японский (яп. *хамаю*) — луковичное декоративное растение.

43

Прим.23 гл. XIII:

Светлый (в тексте — «белый») лазурит — одна из разновидностей лазурита, которых насчитывается около десяти.

44

Прим.24 гл. XIII:

При родах и в обрядах, связанных с рождением ребёнка, пользовались белыми (серебряными) предметами.

45

Прим.25 гл. XIII:

Трава *мурасаки* здесь упоминается как намёк на выражение *мурасаки-но юкари* («пурпурные связи»), употреблявшееся для обозначения любимого или близкого человека.

46

Прим.26 гл. XIII:

Накатада цитирует одну из так называемых «народных песен различных провинций» (*фудзоку*), представляющих собой образцы древнейшей японской поэзии.

47

Прим.27 гл. XIII:

Под черепахой здесь подразумевается письмо Насицубо, под всеми птицами — все прочие поздравления.

48

Прим.28 гл. XIII:

Далее в тексте следует отрывок, который, по мнению комментаторов, представляет собой объяснение к иллюстрации. Он оставлен нами без перевода.

49

Прим.29 гл. XIII:
Смысл стихотворения неясен.

50

Прим.30 гл. XIII:
Под журавлёнком здесь подразумевается Инумия.

51

Прим.31 гл. XIII:

Текст здесь, по-видимому, испорчен. Остаётся непонятным, чему завидует принц и почему смеётся далее Канэмаса.

52

Прим.32 гл. XIII:

Стихотворение построено на омонимах: *суми* — «становиться чистым» и *суми* — «жить».

53

Прим.33 гл. XIII:

Не очень понятное место, основано на песне № 2146 из «Собрания мириад листьев»:

Может, оттого, что я живу
В доме близко возле этих гор,
Я всё время слышу здесь
Оленей стон
И уснуть ночами не могу…

(Перевод А. Е. Глускиной)

54

Прим.34 гл. XIII:
Катано — уезд в провинции Коти.

55

Прим.35 гл. XIII:

Камо — название местности, которая ныне находится в черте города Осака, по-видимому, употреблено здесь по аналогии с уездом Катано из письма Дзидзюдэн, но скрытый смысл остаётся неясным.

56

Прим.36 гл. XIII:

Император, вероятно, упоминает реку Ёдогава потому, что первая часть названия (*ёдо*) означает «заводь». Таким образом, он сравнивает стоячие воды реки и Дзидзюдэн, которая долгое время пребывает в доме Масаери.

57

Прим.37 гл. XIII:

Мията Ваитиро поясняет, что у кормилицы умер собственный ребёнок.

58

Прим.38 гл. XIII:

В переводе этого места мы следуем комментарию Коно Тама. Иначе интерпретирует его Мията Ваитиро: «Но моя любовь к тебе глубока. Мы подходим друг другу».

59

Прим.39 гл. XIII:
Смысл высказывания в оригинале неясен.

60

Прим.40 гл. XIII:

Текст реплики Масаёри, по-видимому, испорчен. Детали рассказа не соответствуют описанию исполнения музыки на пире.

61

Прим.41 гл. XIII:

В 50-й день после рождения ребёнку давали кусочек специально приготовленной: лепёшки.

62

Прим.42 гл. XIII:
Мията Ваитиро предполагает, что текст в этом месте испорчен.

63

Прим.43 гл. XIII:

Стихотворение построено на омонимах: *ика* — «пятидесятый день» и *ика-ика* — подражание детскому плачу.

64

Прим.44 гл. XIII:

Образ неясен. По-видимому имеется в виду не жёлтый цвет, а то, что девочка была полненькая, кругленькая, как мандарин.

65

Прим.45 гл. XIII:

В этом стихотворении слово *туё* (тысяча лет) уподобляется подражанию детскому плачу (*туё-туё*).

66

Прим.46 гл. XIII:
Мията Ваитиро утверждает, что это место непонятно.

67

Прим.47 гл. XIII:

Под сосной в стихотворении подразумевается Инумия, под журавлём — её мать.

68

Прим.48 гл. XIII:

Стихотворение построено на омонимах: *ика* — «пятидесятый день» и *ика-ика* — подражание детскому плачу.

69

Прим.49 гл. XIII:
До повышения Накатада оба друга находились в одном и том же чине.

70

Прим.50 гл. XIII:
Цитата из так называемой народной песни провинции Муцу.

71

Прим.51 гл. XIII:

Мията Ваитиро отмечает, что текст всего нижеследующего диалога непонятен.

72

Прим.1 гл. XIV:

Действие главы относится к двенадцатому месяцу того же года, что и предыдущая глава.

73

Прим.2 гл. XIV:
Час быка — время суток с 1 до 3 часов ночи.

74

Прим.3 гл. XIV:
День обезьяны — см. примеч. 73 к гл. VIII.

75

Прим.4 гл. XIV:
Пятая принцесса — дочь отрёкшегося от престола императора Сага.

76

Прим.5 гл. XIV:
Третья принцесса — жена Канэмаса, мать Насицубо.

77

Прим.6 гл. XIV:
Час змеи — время суток с 9 до 11 часов утра.

78

Прим.7 гл. XIV:
Час лошади — полдень, время суток с 11 утра до 1 часу дня.

79

Прим.8 гл. XIV:

При чтении китайского текста по-японски изменялся порядок слов в соответствии с японским синтаксисом, и в тексте особыми знаками отмечали эти синтаксические изменения (*каэритэн*) и окончания японских слов (*окототэн*), которые необходимо было добавлять.

80

Прим.9 гл. XIV:
По-видимому, здесь цитируется какое-то стихотворение.

81

Прим.10 гл. XIV:
Сукэдзуми был женат на одной из дочерей императора Сага.

82

Прим.11 гл. XIV:

Текст диалога Накатада и Мияхата испорчен. В частности, непонятно, о чьих письмах идёт речь.

83

Прим.12 гл. XIV:

Судзуси намекает на легенду о том, как были найдены китайские классические книги древности. В эпоху Ранней Хань (206 г. до н. э.-8 г. н. э.) луский Гун-ван ломал дом Конфуция и нашёл сочинения самого философа и другие древние книги.

84

Прим.13 гл. XIV:

Сок ремании клейкой (яп. *дзио*) использовался как лекарство, укрепляющее средство.

85

Прим.14 гл. XIV:
Час змеи — время суток с 9 до 11 часов утра.

86

Прим.15 гл. XIV:
Час свиньи — времени суток с 9 до 11 часов вечера.

87

Прим.16 гл. XIV:

Женская азбука — разновидность слоговой азбуки, *хирагана*, которой писали женщины.

88

Прим.17 гл. XIV:

Первая поэтическая антология «Собрание мириад листьев» была записана китайскими иероглифами, которые использовались как идеограммы и как фонетические знаки для передачи японских собственных имён и топонимов. Эта сложная система письма получила название *маньёгана*.

89

Прим.18 гл. XIV:

Мужская азбука — разновидность слоговой азбуки, *катакана*, которой писали мужчины. Древняя форма отличается от современной.

90

Прим.19 гл. XIV:

«Заросли тростника» (более точно «тростниковый почерк», *асидэ*) — название особого написания знаков японской азбуки.

91

Прим.20 гл. XIV:

Император имеет в виду любовную страсть китайского императора Сюаньцзуна (713–755) к наложнице Ян-гуйфэй, под влиянием которой он всё более отстранялся от управления. В результате падения государственной власти в 755 г. Ань Лу-шань поднял мятеж и захватил столицу. Саму Ян-гуйфэй обвиняли в том, что она явилась виновницей мятежа. В 755 г. после поражения императорских войск она была казнена.

92

Прим.21 гл. XIV:

Период Последнего конца закона — последняя стадия существования буддийского учения, после тысячи лет Совершенного закона и второй тысячи лет Подобия закона. В этот последний период распространяются пороки и имеют место раздоры. Император намекает также на свою старость.

93

Прим.22 гл. XIV:
Накатада имеет в виду беременность Насицубо.

94

Прим.23 гл. XIV:

Фудзивара Тадахира (880–949) — регент и верховный канцлер *кампаку*. Посмертное имя — Тэйсинко. Жил в Оно, поэтому его звали также «господин из Оно». Коно Тама считает, что упоминание в «Повести» этого исторического лица может свидетельствовать о том, что данная глава была создана после его кончины (Уцухо моногари, т. 3, с 37–38).

95

Прим.24 гл. XIV:

При посещении «осквернённого» дома предписывалось не садиться и не входил, в непосредственный контакт с его обитателями, чтобы не осквернится в свою очередь.

96

Прим.25 гл. XIV:

Непонятно, о ком идёт речь. Коно Тама предполагает, что имеется в виду Инумия, которую увидел мальчик.

97

Прим.26 гл. XIV:

Одеть мокрую одежду — выражение имеет смысл «клеветать на кого-то».

98

Прим.27 гл. XIV:
Мията Ваитиро считает, что текст здесь испорчен.

99

Прим.28 гл. XIV:

Парадные пояса украшались кроме драгоценных камней пластинками из рогов животных.

100

Прим.29 гл. XIV:
Мията Ваитиро считает, что текст здесь испорчен.

101

Прим.30 гл. XIV:

Накатада намекает на известное стихотворение Ки Цураюки о кленовых листьях, блистающих в темноте ночи как парча (см. примеч. 41 к гл. VIII).

102

Прим.31 гл. XIV: Плоды, как следует из дальнейшего, содержат послания к Канэмаса. Но эпизод этот имеет и второй план, он восходит к биографии знаменитого китайского поэта IV в. Пань Юэ, известного своей красотой. Женщины, восхищённые его талантом и внешностью, бросали в него фруктами.

103

Прим.32 гл. XIV:

Не вполне понятное место. Жена Канэмаса является третьей дочерью императора Сага, но можно предположить, что две первые были от других матерей.

104

Прим.33 гл. XIV:

Далее в оригинале следует отрывок, по мнению Коно Тама, не имеющий отношения к окружающему тексту. Оставлен нами без перевода.

105

Прим.34 гл. XIV:

Тот, кто носит мелодию ветра в сосновых ветвях — т. е. великий музыкант.

106

Прим.1 гл. XV:

Глава является естественным продолжением предыдущей. Она охватывает 12-й месяц уходящего года и первые месяцы следующего. Накатада в новом году исполняется 24 года.

107

Прим.2 гл. XV:
Здесь, по-видимому, текст испорчен.

108

Прим.3 гл. XV:
Этот вопрос неясен, как и ответ Судзуси.

109

Прим.4 гл. XV:
Сумимоно — значение слова неясно.

110

Прим.5 гл. XV:

«Спальня стражника» («Тонэри-но нэя») — юмористическая повесть, до нашего времени не сохранилась.

111

Прим.6 гл. XV:

Мията Ваитиро перефразирует смысл этого стихотворения следующим образом: «Сообщи мне, где сейчас находится Фудзицубо, которую я тайно люблю. Я очень хочу встретиться с ней». Река Натори — символ непостоянства.

112

Прим.7 гл. XV:

По-видимому, здесь ошибочно написано «Масаёри» вместо его супруги.

113

Прим.8 гл. XV:

Краснобрюшка (*харака* или *хараака*) — рыба, похожая на горбушу, которую отправляли с острова Кюсю в императорский дворец к новому году.

114

Прим.9 гл. XV:
Перевод условен. Текст, по-видимому, испорчен.

115

Прим.10 гл. XV:
Непонятно, о ком идёт речь.

116

Прим.11 гл. XV:
Здесь Накатада из скромности умаляет достоинства матери.

117

Прим.12 гл. XV:
Тон — мера веса, равная 222 г.

118

Прим.13 гл. XV:
Эта пословица неизвестна.

119

Прим.14 гл. XV:

Тот, кто облаком стал, т. е. чьё тело во время кремации превратилось в дым — имеется в виду отец дамы.

120

Прим.15 гл. XV:

«Тонкий» — постоянный эпитет к словосочетанию «летняя одежда». В данном случае всю фразу можно понимать следующим образом: «Ты считаешь чувства мои неглубокими (тонкими), но полагаться на меня можно».

121

Прим.16 гл. XV:
По-видимому, имеется в виду Юкидзуми, двенадцатый сын Масаёри.

122

Прим.17 гл. XV:

Нижеследующий отрывок о семейных неурядицах Тадатоси, по-видимому, первоначально находился в другом месте. Коно Тама отмечает, что текст отрывка очень испорчен. Фудзивара Тадатоси женат на седьмой дочери Масаёри.

123

Прим.18 гл. XV:

В оригинале каламбур, основанный на том, что Канэмаса понимает первую часть слова *комагаэри* («помолодеть») из реплики Накатада как *кома* («конь»). Кроме того, он использует название песни «Этот конь».

124

Прим.19 гл. XV:
Непонятно, кто имеется в виду.

125

Прим.20 гл. XV:
Мать имеет в виду беременность дочери.

126

Прим.21 гл. XV:
Десятый принц — сын Дзидзюдэн.

127

Прим.22 гл. XV:

В последний день крысы первого месяца император устраивал пир для придворных во дворце Чистоты и Прохлады.

128

Прим.23 гл. XV:

В 14-й или 15-й день первого месяца устраивалось песенное шествие. Придворные шествовали по императорскому саду и затем по улицам столицы, распевая песни. На следующий день в императорском саду проходило женское песенное шествие, в котором участвовали дворцовые музыкантши.

129

Прим.24 гл. XV:

Далее следует фраза, представляющая собой вставку. Оставлена нами без перевода.

130

Прим.25 гл. XV:

Непонятно, о ком идёт речь. Мията Ваитиро предполагает, что по-прежнему имеется в виду сестра Тикагэ, но Коно Тама считает это толкование ошибочным.

131

Прим.26 гл. XV:
По-видимому, герой цитирует какое-то стихотворение.

132

Прим.27 гл. XV:

Стихотворение построено на омонимах *мацу* — «сосна» и *мацу* (от *мати*) — «ждать». Непонятно, кто имеется в виду под цветущей сливой; может быть, мать Накатада.

133

Прим.28 гл. XV:

Под Сумиёси героиня подразумевает дом Канэмаса на Первом проспекте.

134

Прим.1 гл. XVI:

Действие этой главы относится к году, когда Накатада исполняется 26 лет, а Фудзицубо — 19.

135

Прим.2 гл. XVI:

Эта фраза противоречит началу главы, где сказано, что Накатада поселился в западном флигеле. Коно Тама, чтобы разрешить противоречие, предполагает, что потом западный флигель был предоставлен Дзидзюдэн.

136

Прим.3 гл. XVI:

Вторая часть стихотворения построена на омонимах: *мацу* — «сосна» и *мацу* (от *мати*) — «ждать», и имеет смысл: «Если вы будете меня ждать». Недоброе же (см. следующую реплику) предвещает образ полного исчезновения, выраженный в первых строчках.

137

Прим.4 гл. XVI:

Под сосной принц подразумевает себя самого, под росой — Фудзицубо. Стихотворение содержит упрёк: «Если бы ты (роса) крепко любила меня (превратилась в твёрдый жемчуг), никто не смог бы тебя оторвать (никогда бы не растаяла)».

138

Прим.5 гл. XVI:

Наследник использует образ стихотворения Ки Томонори, одного из тридцати шести гениев японской поэзии, из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 84):

Нежно сияние небес,
Весенний день спокоен.
Почему же, объятые тревогой,
Осыпаются цветы вишни?

139

Прим.6 гл. XVI:

В тексте он обозначен как «Акокими». Вероятно, имеется в виду Тикадзуми или Юкидзуми, детские имена которых были соответственно Иэако и Мияако.

140

Прим.7 гл. XVI:
Это место в оригинале непонятно.

141

Прим.8 гл. XVI:

Тикадзуми — одиннадцатый сын Масаёри, но поскольку он рождён первой женой, то Коно Тама предполагает, что его имя употреблено здесь ошибочно и что вторая жена говорит здесь о своём сыне Сукэдзуми, третьем сыне Масаёри.

142

Прим.9 гл. XVI:

Непонятно, о ком идёт речь. Может быть, имеется в виду Вторая принцесса.

143

Прим.10 гл. XVI:
Мията Ваитиро утверждает, что текст здесь испорчен.

144

Прим.11 гл. XVI:

По мнению Коно Тама, непонятно, о ком идёт речь. Мията Ваитиро считает, что речь идёт о Тикадзуми.

145

Прим.12 гл. XVI:

Смена одежд — церемония проводилась два раза в году: в первый день четвёртого и десятого месяцев. Здесь подразумевается церемония четвёртого месяца.

146

Прим.13 гл. XVI:

Намёк на стихотворение Сакаи Хитодзанэ (ум. в 917 г.) из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 743): «Разве высокое небо о тебе мне на память осталось? Стеная, невольно глаза к нему поднимаю».

147

Прим.14 гл. XVI:

В письме цитируется стихотворение из «Повести из Исэ» (отрывок № 32):

Ах, если б вновь
с пряжей клубок тот
минувшего нам намотать!
Если бы ушедшее
вновь нынешним стало!

(Перевод Н. И. Конрада)

148

Прим.15 гл. XVI:

«Карамори» — название повести, до нашего времени не сохранившейся, и может быть, имя её героя. Поскольку сюжет повести неизвестен, окончание фразы Накатада непонятно.

149

Прим.16 гл. XVI:

Во время траура близкие родственники покойного снимали пол и сидели на земле.

150

Прим.17 гл. XVI:

Стихотворение очень сложно. В первой его части использована игра омонимами *суми* — «жить» и *суми* — «очищаться». Эту часть можно понять следующим образом: «В затворничестве живя, ты очищаешься сердцем, как чистый поток, что скрыт меж деревьев». Далее использованы омонимы: *тати* — «вставать (о волнах)» и *тати* — «кроить». В связи с последним значением упомянут рукав, что в переводе не отражено. В конце говорится о волнах глициний, так как в поэзии гроздья этих цветов, волнуемые ветром, часто сравнивались с волнами на море.

151

Прим.18 гл. XVI:

Санэтада имеет в виду, что в связи со смертью отца он получил от Фудзицубо письмо с соболезнованием.

152

Прим.19 гл. XVI:

Щёлкнуть пальцами — знак презрения.

Далее следует фраза, представляющая собой, по-видимому, вставку. Оставлена нами без перевода.

153

Прим.20 гл. XVI:

«По узкой дороге» — по-видимому, цитата из какого-то стихотворения.

154

Прим.21 гл. XVI:

«Вечное сердце» — по-видимому, цитата из какого-то стихотворения. Смысл остаётся неясным.

155

Прим.22 гл. XVI:
Мията Ваитиро утверждает, что текст здесь испорчен.

Прим.23 гл. XVI:
Жёлтые источники — см. примеч. 34 к гл. III.

157

Прим.24 гл. XVI:

Смысл стихотворения состоит в том, что отец, скорбя о дочери и не имея таким образом возможности полностью отрешиться от нашего мира, не может достичь просветления и стать буддой.

158

Прим.25 гл. XVI:

По-видимому, в послание к Фудзицубо было вложено письмо Сёёдэн к наследнику.

159

Прим.26 гл. XVI:
Эта фраза в оригинале непонятна.

160

Прим.27 гл. XVI:
Перевод условен. В оригинале смысл стихотворения непонятен.

161

Прим.28 гл. XVI:

Почти все слова в этом стихотворении употреблены в двух значениях: *фуси* — «коленце бамбука» и «ложиться спать», *курэ* — первая часть названия *курэтакэ* (или *хатику*, бамбук чёрный) и «вечер», *ёгото* — «промежуток между коленцами бамбука» и «каждая ночь», *оки* — «ложиться (о росе)» и «не спать». Вторые значения слов образуют требуемый смысл: «ни одной ночи я не могу заснуть».

162

Прим.29 гл. XVI:
Под росой подразумеваются слова (стихотворение) принца.

163

Прим.30 гл. XVI:
Смысл этой фразы в оригинале неясен.

164

Прим.31 гл. XVI:
Героиня намекает на своего умершего брата.

165

Прим.32 гл. XVI:
Смысл этой фразы в оригинале неясен.

166

Прим.33 гл. XVI:

«Небо и земля» («Амэцути») — стихотворение, для записи которого использовали все 48 знаков японской слоговой азбуки.

167

Прим.34 гл. XVI:

Коно Тама объясняет это место следующим образом. Под мужским почерком здесь подразумевается уставное написание иероглифов, под женским — скорописное. Под почерком не мужским и не женским нужно, по-видимому, понимать полускоропись. Мията Ваитиро комментирует это место иначе. Под мужским почерком он понимает *манъёгана*, под женским — *хирагана* (см. примеч. 16 и 17 к гл. XIV).

168

Прим.35 гл. XVI:
Перевод условен, так как смысл стихотворения в оригинале неясен.

169

Прим.36 гл. XVI:
Перевод условен, так как смысл стихотворения в оригинале неясен.

170

Прим.37 гл. XVI:

Катакана — разновидность японской слоговой азбуки, существовавшая в эпоху Хэйан. Отличается от современного варианта большей сложностью.

171

Прим.38 гл. XVI:

В стихотворении говорится об упорстве в учении, а также о верности в любви.

172

Прим.39 гл. XVI:

Цитата из стихотворения Ёрука (дочери Фудзивара Такафудзи, жившей во второй половине IX в.), помещённого в «Собрании старых и новых японских песен» (№ 738): «Как я хочу, чтобы идя по дороге, прямой, как копьё из нефрита, ты сбился с пути. Пусть ты направляешься к другой, но не меня ли ты сначала навещал?»

173

Прим.40 гл. XVI:

Перевод условен. Мията Ваитиро указывает, что источник, откуда взята эта цитата, неизвестен. В «Повести о Гэндзи» (глава «Ладья на волнах) есть стихотворение:

Обетом готов
Я себя связать на века,
И как же печально,
Что даже в завтрашний день
Нам не дано проникнуть.

(Перевод Т. Соколовой-Делюсиной)

Может быть, оно восходит к стихотворению, процитированному в данном отрывке.

174

Прим.41 гл. XVI:

Здесь использованы образы стихотворения из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 1095): «На склонах горы Цукуба лежит густая тень от деревьев, но нет тени более густой, чем твоя тень». Под последней тенью здесь подразумеваются милости господина.

175

Прим.42 гл. XVI:
Смысл фразы в оригинале неясен.

176

Прим.43 гл. XVI:

В стихотворении Фудзицубо упрекает принца в том, что он проводит время с другими жёнами.

177

Прим.44 гл. XVI:

Здесь, по-видимому, текст испорчен. Но возможно также, что в оригинале в письме Фудзицубо что-то пропущено.

178

Прим.45 гл. XVI:

Под следами птиц имеются в виду знаки стихотворения, написанные якобы на рукаве и размытые слезами самого адресата.

179

Прим.46 гл. XVI:
Соо — прозвище всех трёх сестёр.

180

Прим.47 гл. XVI:
Возможно, имеется в виду Фудзицубо.

181

Прим.48 гл. XVI:
Возможно, имеется в виду Накатада.

182

Прим.49 гл. XVI:

Это место неясно. В оригинале не указано, кого умоляла Фудзицубо. Мы следуем за Коно Тама, который предполагает, что речь идёт о Масаёри. Мать Накатада, однако, играла не во дворце Чистоты и Прохлады, но во дворце Человеколюбия и Долголетия. Кроме того, Фудзицубо при этом не присутствовала.

183

Прим.50 гл. XVI:

Коно Тама понимает эту фразу следующим образом: «В ночь, когда родилась Инумия», Мията Ваитиро: «Когда он играл во дворце Чистоты и Прохлады».

184

Прим.51 гл. XVI:

Под ветром наследник престола подразумевает себя самого, под водной гладью — Фудзицубо. Стихотворение можно перефразировать таким образом: «Напрасно я жду тебя, но, может быть, ты всё-таки откликнешься на мой зов?»

185

Прим.52 гл. XVI:

Стихотворение содержит явный упрёк. Фудзицубо хочет сказать, что не возвращается во дворец именно из-за принца.

186

Прим.53 гл. XVI:

Стихотворение построено на омонимах: *фуми* — «топтать» и *фуми* — «письмо». Накатада жалуется на то, что от жены нет писем. Под цветами подразумевается принцесса, которую он упрекает в ненадёжности.

187

Прим.54 гл. XVI:

Стихотворение построено на использовании тех же омонимов *фуми* (см. примеч. 53). Под цветами принцесса, как и Накатада, подразумевает себя самоё и отвергает упрёк в ненадёжности.

188

Прим.55 гл. XVI:
Непонятно, кто имеется в виду.

189

Прим.56 гл. XVI:
Непонятно, кто имеется в виду.

Прим.57 гл. XVI:
Сумимоно — см. примеч. 4 к гл. XV.

191

Прим.58 гл. XVI:
Мията Ваитиро отмечает, что это место непонятно.

192

Прим.59 гл. XVI:
Под корейцами подразумевается что-то необычайно редкое.

193

Прим.60 гл. XVI:
Текст здесь, по-видимому, испорчен.

194

Прим.61 гл. XVI:
По-видимому, персонаж повести, до нашего времени не дошедшей.

195

Прим.62 гл. XVI:

Цитата из стихотворения Аривара Нарихира («Повесть об Исэ»; см. примеч. 14).

196

Прим.63 гл. XVI:

Имеется в виду стихотворение неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 944): «Жизнь в горном селенье грустна, но приятнее жить там, чем испытывать горечь суетного мира».

197

Прим.1 гл. XVII:

В главе повествуется о событиях, непосредственно следующих за описанными в XVI главе, от четвёртого месяца до седьмого-восьмого.

198

Прим.2 гл. XVII:
Одежда из грубой пеньки — траурное платье.

199

Прим.3 гл. XVII:
Здесь под сосной подразумевается Суэакира.

200

Прим.4 гл. XVII:

Упоминание светло-серой одежды противоречит вышесказанному о тёмно-сером платье девушки. По-видимому, в описание вкралась ошибка.

201

Прим.5 гл. XVII:
См. примеч. 52 к гл. III.

202

Прим.6 гл. XVII:

Померанцы цветут в четвёртом-пятом месяцах. Наследник престола хочет сказать, что завидует цветам, которые конечно дождутся периода цветения, в то время как он дождаться возвращения Фудзицубо не может.

203

Прим.7 гл. XVII:
Коно Тама предполагает, что здесь имеется в виду Накатада.

204

Прим.8 гл. XVII:

Стихотворение Фудзицубо основано на стихотворении неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 139): «Когда, дождавшись прихода пятого месяца, вдыхаю аромат цветов померанца, вспоминаю аромат одежд той, которую знал когда-то».

205

Прим.9 гл. XVII:
Мията Ваитиро отмечает, что смысл фразы в оригинале неясен.

206

Прим.10 гл. XVII:
Смысл фразы в оригинале неясен.

207

Прим.11 гл. XVII:

Ароматы дзидзю изготовлялись из древесины аквилярии, из гвоздик, мускуса и душистых смол.

208

Прим.12 гл. XVII:

В китайских легендах говорится, что журавли, достигнув тысячелетнего возраста, становятся серыми, а ещё через две тысячи лет — чёрными. Что касается шести журавлей, описанных ниже, Коно Тама недоумевает, как они могли быть выполнены.

209

Прим.13 гл. XVII:
Непонятно, кто имеется в виду.

210

Прим.14 гл. XVII:
Об этом в описании столика ничего не говорилось.

211

Прим.15 гл. XVII:
Под голосом кукушки подразумеваются речи Фудзицубо.

212

Прим.16 гл. XVII:

Далее следуют две строчки, которые, по мнению Коно Тама, представляют собой объяснение к картинке. Оставлены нами без перевода.

213

Прим.17 гл. XVII:
Далее, по-видимому, в тексте пропуск.

214

Прим.18 гл. XVII:
В оригинале смысл фразы неясен.

215

Прим.19 гл. XVII:
Мията Ваитиро отмечает, что смысл стихотворения непонятен.

216

Прим.20 гл. XVII:

Санэмаса имеет в виду, что он должен заставить брата вернуться к жене.

217

Прим.21 гл. XVII:

Листья на нижних ветках (*ситаба*) — имеются в виду осенние травы. Это часто встречающийся образ японской поэзии.

218

Прим.22 гл. XVII:

Смысл фразы в оригинале неясен. По-видимому, Фудзицубо хочет сказать, чтобы Масаёри не спешил с мрачными предчувствиями.

219

Прим.23 гл. XVII:

Наследник престола намекает на метафору неразлучных влюблённых из поэмы Бо Цзюйи «Песня о бесконечной тоске»: две птицы об одном крыле и раздвоенная ветка.

220

Прим.24 гл. XVII:

Смысл стихотворения можно перефразировать следующим образом: «Чувства твои изменились, но сделай по крайней мере вид, что всё обстоит по-прежнему».

221

Прим.25 гл. XVII:

Это место непонятно, принц Тадаясу, по-видимому, ошибочно упомянут вместо Первой принцессы. В оригинале предполагается ошибка и пропуск. В версии «Нихон котэн дээнсю» разговор с самого начала происходит между принцессой и Тадаясу.

222

Прим.26 гл. XVII:
Вероятно, метафора для обозначения чего-то второстепенного.

223

Прим.27 гл. XVII:

Канэмаса, по-видимому, под мышью подразумевает свою дочь, которая не может соперничать с Фудзицубо (колонком). См. примеч. 35 к гл. IX.

224

Прим.28 гл. XVII:

Мията Ваитиро предполагает, что речь идёт о соперничестве Канэмаса и Масаёри.

225

Прим.29 гл. XVII:
Мията Ваитиро предполагает, что текст здесь испорчен.

226

Прим.30 гл. XVII:
Мията Ваитиро относит эту фразу к прямой речи Накатада.

227

Прим.31 гл. XVII:

Здесь, по-видимому, ошибочно упомянута жена Масаёри вместо его сыновей. В тексте «Нихон котэн дзэнсю» говорится только о Масаёри и Накатада.

228

Прим.32 гл. XVII:
Огура — в настоящее время находится в черте города Киото.

229

Прим.33 гл. XVII:

Текст, по-видимому, испорчен. Непонятно, кто сообщил Накатада о беременности принцессы.

230

Прим.34 гл. XVII:

Древо Прозрения — дерево, под которым Будда Шакьямуни обрёл Прозрение.

231

Прим.35 гл. XVII:

Далее следует фраза, не имеющая никакого отношения к отрывку. У Мията Ваитиро она отсутствует и оставлена нами без перевода.

232

Прим.36 гл. XVII:

Мията Ваитиро предполагает, что здесь должно стоять Имамия (сын Насицубо).

233

Прим.37 гл. XVII:
«Железное» дерево — *эноки*, каркас китайский.

234

Прим.38 гл. XVII:

Мията Ваитиро предполагает, что вместо «в тени сакаки» должно быть «в их (т. е. „железных” деревьев) тени».

235

Прим.39 гл. XVII:
См. примеч. 43 к гл. V.

236

Прим.40 гл. XVII:

Стихотворение построено на омонимах: *суми* — «жить» и *суми* — «быть чистым».

237

Прим.41 гл. XVII:

Стихотворение построено на той же игре слов, что и предыдущее, но, по мнению комментаторов, мало подходит к обстановке пира.

238

Прим.42 гл. XVII:
Это стихотворение тоже мало подходит к обстоятельствам.

239

Прим.43 гл. XVII:

Поскольку в японском языке род существительных не выражен, слово *мня* может быть понято как «принцесса» и как «принц».

240

Прим.44 гл. XVII:

Семь отмелей считались особенно подходящими для церемонии очищения.

241

Прим.45 гл. XVII:

Под рыбаком подразумевается дочь Тосикагэ (см. письмо Канэмаса), и стихотворение представляет собой благодарность ей.

242

Прим.46 гл. XVII:
Час свиньи — время суток с 9 до 11 часов вечера.

243

Прим.47 гл. XVII:

Река Ои — одно из мест («семи отмелей»), на которых обычно проводилась церемония очищения.

244

Прим.48 гл. XVII:

По-видимому, этим платьем вытирали тело вместо *нуса* и бросали его в воду. Но может быть, что платье отдали в награду главе Ведомства Тёмного и Светлого начал.

245

Прим.49 гл. XVII:
Непонятно, кто имеется в виду.

Прим.50 гл. XVII:
Здесь, по-видимому, в оригинале какая-то ошибка.

247

Прим.51 гл. XVII:
Непонятно, кто имеется в виду.

248

Прим.52 гл. XVII:

Мыс Карасаки — одно из семи мест для церемонии очищения. Находится в провинции Оми, на западном берегу озера Бива. Там росла знаменитая сосна, выше которой, по верованиям, находился бог Карасаки.

249

Прим.53 гл. XVII:

Этот отрывок первоначально находился, вероятно, в другом месте и попал в эту главу по небрежности переписчика.

250

Прим.54 гл. XVII:

По-видимому, Второй проспект употреблён ошибочно вместо Третьего. Но может быть, что Санэтада поначалу скрывает истину от брата.

251

Прим.55 гл. XVII:
Текст здесь в оригинале не очень понятен.

252

Прим.56 гл. XVII:

Орлиный пик (Гридхракута) — гора, на которой проповедовал Будда Шакьямуни.

253

Прим.57 гл. XVII:
Ответ Санэтада непонятен. Неясно, почему он мог ненавидеть жену.

254

Прим.58 гл. XVII:
Непонятно, кто имеется в виду.

255

Прим.59 гл. XVII:

Под птенцом подразумевается Санэтада. Мията Ваитиро считает, что смысл стихотворения неясен.

256

Прим.60 гл. XVII:

Стихотворение построено на игре слов: *мирумэ* — название водоросли и *мирумэ* — «девушка, которую вижу».

257

Прим.61 гл. XVII:
Смысл фразы в оригинале неясен, перевод условный.

258

Прим.62 гл. XVII:

Стихотворение построено на той же игре слов, что и предыдущее, а также на использовании омонимов: *уки* — «плыть» и *уки* (от *уси)* — «несчастный». Санэтада хочет сказать: «тайно любя Фудзицубо, жену вновь полюбить не могу».

259

Прим.1 гл. XVIII:

Глава является естественным продолжением предыдущей и повествует о событиях с седьмого-восьмого месяца до третьего месяца следующего года.

260

Прим.2 гл. XVIII:
Смысл этой фразы в контексте непонятен.

261

Прим.3 гл. XVIII:

По буддийским представлениям на пути к просветлению необходимо было отказаться от всех привязанностей к земному миру, в том числе от привязанностей к своим ближним.

262

Прим.4 гл. XVIII:
Имеется в виду Масаёри.

263

Прим.5 гл. XVIII:

Императрица приводит примеры отречения императора от своей любви.

264

Прим.6 гл. XVIII:

Синяя муха — метафорическое обозначение клеветника из древнейшей китайской поэтической антологии «Книга Песен» («Ши цзин»).

265

Прим.7 гл. XVIII:
Пурпурные облака — обозначение императорского дворца.

266

Прим.8 гл. XVIII:

Другое дитя — Фудзицубо подразумевает сына Насицубо, который должен стать наследником престола.

267

Прим.9 гл. XVIII:

Праздник Другого берега (Хиган-э) — отмечался дважды в году: во время весеннего и осеннего равноденствия. В ходе различных церемоний этого праздника молились о достижении «другого берега», т. е. мира Просветления.

268

Прим.10 гл. XVIII:

Как видно из нижеследующего, императрица решила женить Тадамаса на своей дочери.

269

Прим.11 гл. XVIII:

Непонятно, о какой принцессе идёт речь. Коно Тама предполагает, что о Второй принцессе.

270

Прим.12 гл. XVIII:
См. примеч. 9 к гл. XI.

271

Прим.13 гл. XVIII:
Мать страны (*кокубо*) — императрица, мать императора.

272

Прим.14 гл. XVIII:
См. гл. I, эпизод поисков Канэмаса.

273

Прим.15 гл. XVIII:
В переводе мы следуем варианту «Нихон котэн дзенсё».

274

Прим.16 гл. XVIII:

Имеются в виду четыре старца, бежавших в горы при циньском Шихуане и вернувшихся в мир после установления порядка при Хань.

275

Прим.17 гл. XVIII:
По-видимому, они были архивариусами.

276

Прим.18 гл. XVIII:
Смысл фразы непонятен.

277

Прим.19 гл. XVIII:
Накаёри имел пятый ранг и поэтому носил алые одежды.

278

Прим.20 гл. XVIII:

Горящий дом — образное обозначение суетного мира. Топоним Мидзуноо означает буквально «водяной хвост», поэтому в стихотворении говорится, что Накаёри живёт у воды.

279

Прим.21 гл. XVIII:
Под пламенем в сердце Накатада подразумевает любовь к Фудзицубо.

280

Прим.22 гл. XVIII:

Платье из мха — обозначение бедной одежды, в данном случае — буддийской рясы.

281

Прим.23 гл. XVIII:
Есть сосновую хвою и одеваться в платье из мха — образ бедности.

282

Прим.24 гл. XVIII:
Имеется в виду сын Насицубо.

283

Прим.25 гл. XVIII:

Мацумуси — мраморный сверчок, упоминание его здесь связано с тем, что первая часть названия созвучна со словом *мацу* (от *мати*) — «ждать».

284

Прим.26 гл. XVIII:

Сосна (*мацу*) — омоним слова «ждать». Накаёри имеет в виду жену, которая по-прежнему ждёт его.

285

Прим.27 гл. XVIII:
Героиня хочет сказать, что она беспокоится не о себе, а о муже.

286

Прим.28 гл. XVIII:
Час курицы — время суток с 5 до 7 часов вечера.

287

Прим.29 гл. XVIII:
Час змеи — время суток с 9 до 11 часов утра.

288

Прим.30 гл. XVIII:
По-видимому, Накатада имеет в виду свою женитьбу.

289

Прим.31 гл. XVIII:

Имеется в виду Первая дочь императора Сага, жена Масаёри, которая может быть недовольна тем, что её мать (императрица-бабка) интригует против сына Фудзицубо.

290

Прим.32 гл. XVIII:
Неясно, кто здесь имеется в виду, возможно, что Пятая принцесса.

291

Прим.33 гл. XVIII:

Смысл стихотворения можно перефразировать следующим образом: «От тебя нет ответа. Все говорят, это оттого, что ты не получила новостей о провозглашении наследника престола».

292

Прим.34 гл. XVIII:

Смысл стихотворения можно перефразировать следующим образом: «Я узнала, что наследником провозглашён не мой сын, поэтому ничего и не отвечала».

293

Прим.35 гл. XVIII:
Под солнцем и луной подразумеваются сыновья Фудзицубо.

294

Прим.36 гл. XVIII:
Накатада намекает на своё назначение главой Двора наследника.

295

Прим.37 гл. XVIII:

Смысл первой половины стихотворения можно перефразировать следующим образом: «Если бы мой сын не был провозглашён наследником…» Под глицинией Фудзицубо подразумевает себя, под сосной (символ стойкости и постоянства) — Накатада.

296

Прим.38 гл. XVIII:

«Наступаю на тень» — цитата из стихотворения Кохатидзё-но миясудокоро из «Последующего собрания японских песен» (Госэн вакасю, 951 г.):

Подходишь к тебе
Ближе, ближе, кажется, миг ещё —
И наступишь на тень…
Но кто же траву «не ходи»
Посадит здесь у входа?

(Перевод Т. Л. Соколовой-Делюсиной)

297

Прим.39 гл. XVIII:

Гора Асадзума находится в провинции Ямато. Здесь же Санэтада намекает на стихотворение из «Собрания мириад листьев» (№ 1817):

Вблизи горы Асадзума,
Что Утренней женой зовётся,
Где ныне утром, уходя,
Все говорят, что завтра вновь вернутся, —
Прозрачной дымкой стелется туман…

(Перевод А. Е. Глускиной)

298

Прим.40 гл. XVIII:
Имеется в виду покойный первый министр, отец Санэтада.

299

Прим.41 гл. XVIII:
Час быка — время суток с 1 до 3 часов ночи.

300

Прим.42 гл. XVIII:

Коно Тама считает, что здесь принц намекает на пословицу или стихотворение, восходящее к песне из «Собрания мириад листьев» (№ 2641):

> Когда я попытался сосчитать
> Вечерние удары барабана, что постоянно отбивали
> Здесь стражи времени.
> Желанные часы свиданья нашего настали,
> И странно, что не встретил я тебя…

(Перевод А. Е. Глускиной)

В более позднем варианте вместо барабана упомянут колокол. Мията Ваитиро утверждает, что источник цитаты неизвестен.

301

Прим.43 гл. XVIII:

Стихотворение построено на серии ассоциаций: *оки* — «ложиться» (об инее) и «вставать» (о человеке); *фури* — «ложиться» (об инее) и «проходить» (о времени). Смысл можно перефразировать следующим образом: «Я грущу, потому что ты встала (ушла)».

302

Прим.44 гл. XVIII:
Заоблачный терем — обозначение покоев императора.

303

Прим.45 гл. XVIII:

Жемчужные лозы — в японской поэзии постоянный эпитет к слову «ползать».

304

Прим.46 гл. XVIII:

Утреннее поздравление — поздравление императора чиновниками всех ведомств в первый день нового года.

305

Прим.47 гл. XVIII:
См. примеч. 19 к гл. II.

306

Прим.48 гл. XVIII:

Весеннее назначение — распределение должностей в провинциях происходило в одиннадцатый, двенадцатый или тринадцатый день первого месяца.

307

Прим.49 гл. XVIII:

Обозначение бедной одежды и простых вещиц. Имеются в виду, по-видимому, подарки, которые Накаёри получал от друзей и отсылал жене.

308

Прим.50 гл. XVIII:

Далее следуют объяснение к иллюстрации и три строчки, не очень понятных, которые Мията Ваитиро относит к тому же объяснению. Оставлены нами без перевода.

309

Прим.51 гл. XVIII:

Покашливанием обычно предупреждают о своём приближении, здесь Масаёри таким образом отпугивает духов.

310

Прим.52 гл. XVIII:
Час тигра — время суток с 3 до 5 часов ночи.

311

Прим.53 гл. XVIII:

«Старик!» — то есть тот, кто доживёт до преклонного возраста (своеобразное пожелание долголетия).

312

Прим.54 гл. XVIII:
Смысл фразы в оригинале непонятен.

313

Прим.55 гл. XVIII:
Час дракона — время суток с 7 до 9 часов утра.

314

Прим.56 гл. XVIII:
Час лошади — время суток с 11 утра до 1 часу дня.

315

Прим.57 гл. XVIII:
Час обезьяны — время суток с 3 до 5 часов дня.

316

Прим.58 гл. XVIII:

Под стволом здесь подразумевается император Сага, под ветвями — его дети и внуки.

317

Прим.59 гл. XVIII:

В первых двух строчках содержится намёк на наследника престола, который, восходя на престол, покидает Весенний (Восточный) дворец.

318

Прим.60 гл. XVIII:
Выпавший на голову снег — поэтическое обозначение седины.

319

Прим.61 гл. XVIII:
Под цветами подразумевается седина.

320

Прим.62 гл. XVIII:
Под цветами подразумеваются сыновья и внуки императора Сага.

321

Прим.63 гл. XVIII:
Под деревом вишни подразумевается Санэтада.

322

Прим.64 гл. XVIII:
Под деревьями подразумеваются Санэтада и Накаёри.

323

Прим.65 гл. XVIII:

Под вишневым деревом подразумевается покойный Суэакира, под веткой — Санэтада.

324

Прим.66 гл. XVIII:

Императрица-бабка имеет в виду праздник по поводу её шестидесятилетия, совпавший с церемонией подношения свежих трав, на котором присутствовала жена Масаёри (см. гл. IX «Праздник хризантем»).

325

Прим.67 гл. XVIII:
То есть Пятая принцесса.

326

Прим.68 гл. XVIII:
Час свиньи — время суток от 9 до 11 часов вечера.

327

Прим.1 гл. XIX:

Между событиями XVIII и XIX глав проходит приблизительно два года. В XIX главе Накатада — 31 год, Инумия — 6 лет.

328

Прим.2 гл. XIX:

Имеется в виду высочайшая наложница императора Судзаку (дочь императора Сага), проживавшая во дворце Одаривания ароматами (Сёкёдэн).

329

Прим.3 гл. XIX:

Текст диалога, по-видимому, испорчен. Комментаторы различно понимают его содержание и даже по-разному распределяют реплики между говорящими.

330

Прим.4 гл. XIX:
Храм Исидзукури находился в провинции Ямасиро.

331

Прим.5 гл. XIX:
Под цветком подразумевается сын госпожи Сайсё.

332

Прим.6 гл. XIX:

Стихотворение построено на игре слов: *токо* («постель») и *токонацу* («гвоздика»), обозначающее сына. Под росой подразумеваются слёзы.

333

Прим.7 гл. XIX:
Непонятно, кто имеется в виду.

334

Прим.8 гл. XIX:
Непонятно, почему здесь речь заходит о Масаёри.

335

Прим.9 гл. XIX:
Смысл фразы в оригинале непонятен.

336

Прим.10 гл. XIX:

Коно Тама предполагает, что под распространёнными обычаями подразумеваются любовные интриги прошлых лет.

337

Прим.11 гл. XIX:

Стрельба из малого лука не носила ритуального характера и была простым развлечением.

338

Прим.12 гл. XIX:

В оригинале сказано «многочисленных детей», неясно, кто имеется в виду.

339

Прим.13 гл. XIX:

Предполагается, что разговор Накатада с женой помещён в данное место по небрежности копииста.

340

Прим.14 гл. XIX:
Непонятно, о ком идёт речь.

341

Прим.15 гл. XIX:

Под горными лилиями (*ямасугэ*) подразумеваются Умэцубо и госпожа Сайсё.

342

Прим.16 гл. XIX:

Непонятно, кто имеется в виду. Текст, по-видимому, сильно испорчен, и, возможно, между репликами Судзуси и Накатада что-то пропущено.

343

Прим.17 гл. XIX:
Мията Ваитиро предполагает, что здесь в оригинале ошибка.

344

Прим.18 гл. XIX:
Смысл фразы непонятен.

345

Прим.19 гл. XIX:

Стихотворение построено на омонимах: *цугэ* — «сообщать» и *цугэ* — «самшит японский».

346

Прим.20 гл. XIX: Обряд надевания штанов совершался в возрасте 3–4 лет независимо от пола ребёнка.

347

Прим.21 гл. XIX:

В нижеследующем отрывке Накатада упоминает традиционные образы японской поэзии, соответствующие определённым временам года. Эти образы зафиксированы уже в «Собрании мириад листьев», например, о весеннем тумане и поющем соловье говорится в № 1812–1821, о пении кукушки летней ночью в № 1932, 1938, 1943,1952.

348

Прим.22 гл. XIX:

Цитируется стихотворение Какиномото Хитомаро («Собрание мириад листьев» № 1068):

Вздымается волна из белых облаков,
Как в дальнем море, средь небесной вышины,
И вижу я:
Скрывается, плывя,
В лесу полночных звёзд ладья луны.

(Перевод А. Е. Глускиной)

349

Прим.23 гл. XIX:

Букварь «Тысяча иероглифов» (кит. «Цяньцзывэнь») — первый школьный учебник (по названию первой книги для чтения, составленной в Китае в VI в. н. э., содержащей 1000 иероглифов).

350

Прим.24 гл. XIX:

Мы следуем толкованию Коно Тама. Мията Ваитиро указывает, что это место непонятно.

351

Прим.25 гл. XIX:

Терпенья трава — см. примеч. 29 к гл. IX. Под каплями росы имеются в виду слёзы.

352

Прим.26 гл. XIX:

Далее следует отрывок, являющийся, без сомнения, позднейшей припиской: «Глава Ведомства гражданского управления Тосигакэ появляется в свитке под названием „Дупло”. Затем он был назначен старшим ревизором и женился на дочери князя Сигэно. Этот дом был построен знаменитым принцем и превосходит самые прекрасные строения нашей эпохи». Это примечание указывает, что первоначально «Дупло» было названием первой главы, ставшим впоследствии названием всего произведения. Последнее предположение Коно Тама включает в основной текст, а Миято Ваитиро считает его относящимся к примечанию. Непонятно, о каком принце идёт речь. Он не может быть принцем Тонэри (родоначальником рода Киёвара), так как столица Киото была отстроена после его смерти.

353

Прим.27 гл. XIX:
Букв.: «с узорами в виде восьмиугольных зеркал».

354

Прим.28 гл. XIX:
Здесь, по-видимому, текст испорчен.

355

Прим.29 гл. XIX:
Князь Сигэно — отец жены Тосикагэ.

356

Прим.30 гл. XIX:

О том, что мать Тосикагэ была сестрой императора Сага, говорится в гл. XIV.

357

Прим.31 гл. XIX:
Смысл фразы в оригинале неясен.

358

Прим.32 гл. XIX:
В гл. I император просил Тосикагэ учить наследника престола.

359

Прим.33 гл. XIX:

Смысл неясен. По-видимому, герой намекает на какое-то стихотворение или пословицу.

360

Прим.34 гл. XIX:
Раньше говорилось, что у Судзуси родился сын.

361

Прим.35 гл. XIX:
Мията Ваитиро считает, что здесь в тексте ошибка.

362

Прим.36 гл. XIX:
Час курицы — время суток с 5 до 7 часов вечера.

363

Прим.37 гл. XIX:
Мията Ваитиро считает, что смысл фразы неясен.

364

Прим.38 гл. XIX:
Имеется в виду вторая жена Масаёри.

365

Прим.39 гл. XIX:

В оригинале серебряные корзинки носят специальное название: *хигэко* (букв.: «клетка с бородой»), которое обыгрывается в нижеследующем письме императора.

366

Прим.40 гл. XIX:

О бабочке говорится потому, что сам архивариус сравнил себя с нею. В стихотворении использована игра слов: *амэ-но аси* («струи дождя») и *аси* («нога»). Но смысл неясен, и Мията Ваитиро отмечает, что стихотворение непонятно.

367

Прим.41 гл. XIX:

Здесь Коно Тама предполагает пропуск и отмечает, что весь заключительный отрывок плохо вяжется с общим смыслом.

368

Прим.1 гл. XX:

Глава непосредственно продолжает предыдущую. Обучение Инумия длится около года.

369

Прим.2 гл. XX:
Мията Ваитиро предполагаем что в конце письма текст испорчен.

370

Прим.3 гл. XX:
Мията Ваитиро предполагает, что текст письма испорчен.

371

Прим.4 гл. XX:
Карамори — герой не сохранившейся до нашего времени повести.

372

Прим.5 гл. XX:
Намёк на семерых небожителей, учителей Тосикагэ.

373

Прим.6 гл. XX:

«Девадатта» — пятая глава «Лотосовой сутры». Девадатта — родственник и ученик Будды Шакьямуни, он трижды нарушил долг и был низвергнут в ад.

374

Прим.7 гл. XX:
Мията Ваитиро предполагает, что здесь в оригинале ошибка.

375

Прим.8 гл. XX:
Под птенцом подразумевается Инумия, под уткой — сам Накатада.

376

Прим. 9 гл. XX:
Смысл этих двух фраз в оригинале непонятен.

377

Прим.10 гл. XX:
Смысл в оригинале непонятен.

378

Прим.11 гл. XX:

Масаёри исполняется 61 год, который считался опасным для мужчин. Опасных годов в жизни мужчин было три — 25,42 и 61.

379

Прим.12 гл. XX:

Во второй день нового года министр по обычаю приглашал сановников к себе.

380

Прим.13 гл. XX:

В первый день крысы первого месяца японцы собирали молодые побеги сосны и свежие травы (см. примеч. 30 к гл. IV). В данной главе речь идёт о втором дне крысы.

381

Прим.14 гл. XX:

Госпожа использует здесь специальный термин — *гоку* (жертвоприношение).

382

Прим.15 гл. XX:
Имеется в виду нашествие восточных варваров (см. гл. I).

383

Прим.16 гл. XX:
Час курицы — время суток с 5 до 7 часов вечера.

384

Прим.17 гл. XX:

Речь идёт о служанке, которая заботилась о дочери Тосикагэ и маленьком Накатада. По имени она названа здесь впервые. Прибывший является, по-видимому, её младшим братом.

385

Прим.18 гл. XX:
Жена Токимоти — вторая дочь Сагано.

386

Прим.19 гл. XX:

Чуть выше говорилось о том, что дня Дзидзюдэн отвели место с северной стороны. Вообще в описании рассаживания гостей есть некоторые неувязки.

387

Прим.20 гл. XX:
Час тигра — время суток с 3 до 5 часов утра.

388

Прим.21 гл. XX:

Так по версии «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Мията Ваитиро понимает это место иначе: «Жена первого министра, узнав, что будет императрица-бабка, сказала, что и она хочет присутствовать».

389

Прим.22 гл. XX:
Час овна — время суток с 1 до 3 часов дня.

390

Прим.23 гл. XX:
Смысл фразы в оригинале неясен.

391

Прим.24 гл. XX:
Час курицы — время суток с 5 до 7 часов вечера.

392

Прим.25 гл. XX:
В этом описании, по-видимому, много ошибок.

393

Прим.26 гл. XX:
Здесь в оригинале какая-то ошибка.

394

Прим.27 гл. XX:
Мията Ваитиро считает, что смысл неясен.

395

Прим.28 гл. XX:

Причина тревога Накатада не совсем ясна. Текст, по-видимому, испорчен, и, возможно, вместо Масаёри следует читать Судзаку.

396

Прим.29 гл. XX:
Мията Ваитиро утверждает, что текст здесь испорчен.

397

Прим.30 гл. XX:
Мията Ваитиро предполагает, что в оригинале здесь пропуск.

398

Прим.31 гл. XX:

Покои Гремящего грома (Каннарицубо), или покои Внезапных ароматов (Сихося) — одно из помещений императорского дворца.

399

Прим.32 гл. XX:

Ветви деревьев связывались в знак клятвы. Об этом обычае говорится в «Собрании мириад листьев» (№ 144). Госпожа имеет в виду обет, данный ею своему отцу.

400

Прим.33 гл. XX:
В гл. I речь шла о кото *нан-фу* и *хаси-фу*.

401

Прим.34 гл. XX:

Водопад находился на северо-востоке от дворца Чистоты и Прохлады. Возле него обычно стоял стражник.

402

Прим.35 гл. XX:

Реплика основана на цитате из стихотворения Минамото Кинтада (889–948) из «Собрания японских песен, не вошедших в прежние антологии» (№ 1207): «Вспоминаю с тоской о том, что мы делали в прошлом вдали от посторонних взоров» в изменённом виде: вместо «сэси вадзавадза» (то, что делали) сказано «сэну вадзавадза» (то, что не делается).

403

Прим.36 гл. XX:
См. примеч. 43 к гл. VI.

404

Прим.37 гл. XX:
Чертог в облаках покинул — другими словами «отрёкся от престола».

405

Прим.38 гл. XX:
Под облаком подразумевается император.

406

Прим.39 гл. XX:

Выражение «последние дни» (*суэ-но ё*) можно понимать в двух смыслах: конец буддийского Закона, третьего (последнего) периода упадка, и конец собственной жизни.

407

Прим.40 гл. XX:

Корейская пляска (*Сираги маи*, букв, «пляска из Силла») упомянута здесь не только в связи с корейской флейтой, но и по созвучию со словом «белый» (*сираки*, в выражении *сираки касира* — «белая голова»).

408

Прим.41 гл. XX:

Смысл фразы в оригинале неясен. Коно Тама считает, что это какая-то вставка.

409

Прим.42 гл. XX:
Мията Ваитиро считает, что смысл фразы непонятен.

410

Прим.43 гл. XX:

Смысл стихотворения в том, что это дом не Канэмаса, а Накатала. Коно Тамма отмечает, однако, что ответ не соответствует обстоятельствам.

411

Прим.44 гл. XX:
Под облаками подразумевается император Сага.

412

Прим.45 гл. XX:
Коно Тама предполагает, что здесь в оригинале ошибка.

413

Прим.46 гл. XX:

Далее следует заключение, представляющее собой позднейшую приписку: «В следующей главе рассказывается о женском пиршестве и заупокойной службе. Кроме того, есть эпизод обучения игре на кото дочери Суэфуса. Но и так книга слишком большая, потому всё это исключили из повествования».